

Жан-Поль Ру
**История
Ирана
и иранцев**
От истоков
до наших дней

е в р а з и я

JEAN-PAUL ROUX

HISTOIRE DE
L'IRAN ET DES
IRANIENS

DES ORIGINES A NOS JOURS

Paris: Fayard

2006

ЖАН-ПОЛЬ РУ

ИСТОРИЯ ИРАНА И ИРАНЦЕВ

ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Санкт-Петербург
2015

ББК 63.3(5Ирн)
УДК 94(55)
Р82

Научный редактор
Юрченко А. Г.

Ру Жан-Поль

Р82 История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней / Пер.
с франц. Некрасов М. Ю. СПб., ЕВРАЗИЯ, 2015. — 432 с.
ISBN 978-5-91852-106-9

Наука об Иране не заняла место, какое бы ей полагалось, и иранский мир мы знаем поверхностно. Как будто на него накинута большая покрывало, сквозь которое просвечивают лишь отдельные огни: Сузы, Персеполь, Самарканд, Герат, Исфахан, Шираз, миниатюры, стихи... Все эти светочи должны были бы сверкать, им бы полагалось быть такими же яркими, как несравненная синева иранского неба, как обширные пустыни Ирана из золотого песка, как его обнаженные горы, как его теология света, как своды его храмов, облицованные лазурными изразцами, как его исфаханские розы, как его поэты с их «неподражаемой простотой». Для нас он расплывается в разнородном скоплении исламских стран, хоть и там проявляет сильную индивидуальность.

Вместе с тем, история Ирана тесно связана со всемирной историей. Знать ее необходимо любому историку, любому образованному человеку. Как можно читать и понимать Библию, не зная о Вавилонском пленении и об освободительном указе Кира, «помазанника Яхве», по словам Второ-Исайи? Как можно изучать историю Греции, игнорируя персидские войны, Геродота, рожденного иранским подданным, Александра и его завоевание мира? Кого оставит равнодушным приход магов, иранских царей-жрецов, к колыбели Христа? Кто посмел бы забыть, сколь фундаментальное значение для Римской империи имела долгая борьба с парфянами и Сасанидами? Как бы мы воспринимали индийцев, если бы не знали, что индийский ислам, как минимум отчасти, возник под влиянием иранского? А разве куртуазная любовь нашего прекрасного средневековья зародилась не в стране катаров, до которой докатились отзвуки того, что происходило в долинах Месопотамии? Подобные вопросы можно множить до бесконечности.

© Librairie Artherne Fayard, 2006
© Некрасов М. Ю., перевод с франц., 2011
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2014
© Оформление, ООО «Издательство
«ЕВРАЗИЯ», 2014

ISBN 978-5-91852-106-9

*Моему верному другу Анри Маршалю
в память о многом, особенно о часах,
проведенных вместе в Иране и Афганистане,
и, конечно, о тех, когда он довез меня,
больного, из Тебриза в Тегеран...*

ВСТУПЛЕНИЕ

Читатель вправе задаться вопросом, почему человек, всю жизнь в науке посвятивший истории тюрков и монголов, сравнительной истории религий и исламскому искусству — а эти темы открывают обширные и, что очевидно, вполне разнообразные возможности для исследования, — на склоне лет пишет книгу об Иране.

Казалось бы, не мое это дело, это дело иранистов. Но ведь у нас такой метод работы, что почти каждый ученый посвящает себя строго определенному географическому пространству или исторической эпохе и часто не желает выходить за их пределы. Изучение Ахеменидов не способствует знакомству с Сефевидами или Каджарами, изучение маздеизма не делает тебя исламоведом. А когда перед иранистом оказываются греки, арабы или тюрко-монголы, он может и оробеть. При нежелании выйти за узкие пределы своей специализации никакого обзора не получится. Чтобы бодро, не скажу — бестревожно, пройти два с половиной тысячелетия и огромные пространства от Инда до Евфрата и от Сырдарьи до Персидского залива, нужно быть странником по образованию и, рискну сказать, по темпераменту. Оказывается, такой странник — это я: и по натуре, и потому, что к этому побуждает моя программа исследований. Такая задача, как изучение доисламской и добуддийской религии тюрков и монголов и ее пережитков, записанная в моей программе сотрудника Национального центра научных исследований (НЦНИ) Франции, вынудила меня заняться историей обоих народов не только в древние эпохи, но и во все времена вплоть до наших дней в поисках периодов, в которых сохранялось что-либо большее, чем основы древних представлений; она потребовала от меня знакомства с разными конфессиями, когда-либо воспринятыми этими народами, чтобы я мог понять, что они взяли из этих конфессий и что сохранили, несмотря на переход в другую веру. Оказалось, исламское искусство, которое волей судеб я несколько десятков лет изучал в Высшей школе Лувра, изобилует документами, непосредственно относящимися к моей теме, потому что некоторые его произведения как минимум отчасти связаны с искусством степей и отражают верования народов, которые там жили и которыми занимаюсь я.

В ходе этого поиска весьма разнообразных документов я очень часто соприкасался с Ираном, а он достаточно притягателен, чтобы я не испытал желания обнаружить его снова. Такова эпоха, когда его народы, индоевропейцы, еще жили в степях, куда вторгались и еще долго будут вторгаться алтайцы, то есть тюрки и монголы, когда иранские народы вели такой же кочевой образ жизни и когда одни и те же условия существования вызывали одну и ту же реакцию, наделяя все эти народы сходным культурным субстратом, от которого кое-что еще сохранилось. Деяния скифов — это и деяния гуннов, и некоторые из них пережили века: когда Жорж Дюмезиль нашел у осетин Кавказа скифские традиции, я отметил в этих традициях тюркские черты. Я обнаруживал Иран, когда речь заходила об иранском языке, вернее одной из его форм (поскольку этот язык не был единым ни во времени, ни в пространстве), который был в VI в. языком общения первых исторических тюрков Монголии, тугу, в XII—XIII вв. использовался сельджуками, в XV в. — Тимуридами, а позже служил для управления и для распространения культуры другим тюркам, а также индийцам. Я обнаруживал Иран в Библии и в своей христианской религии, которая столь многим ему обязана, поскольку божественное Откровение, после Ветхого Завета, происходило прежде всего через посредство маздеизма. Я вступал в Иран с сельджуками, ильханами, туркменами, Тимуридами, когда они его захватывали, и оставался там, чтобы общаться с тюркоязычным или монголоязычным населением иранских территорий. Я посещал Иран, чтобы полюбоваться его искусством, которое, как я уже сказал, иногда, особенно в иконографии, отражает доисламские представления, пришедшие из степей или унаследованные у великих восточных цивилизаций, а также сыграло важнейшую роль в формировании и развитии искусства других стран ислама. Я изучал не Иран, но соприкасался с ним на каждом шагу.

Поэтому я возвращаюсь туда, в некотором роде как паломник, — прежде всего, должен признать, ради самого себя, потому что всякий раз, когда я писал книгу или статью, которую называли «новаторской» и которая, надеюсь, была не поверхностной популяризацией, я это делал, чтобы зафиксировать собственные мысли, лучше понять что-то, дать себе отчет, достаточно ли связаны мои представления и выдерживают ли они перенесение на бумагу; я возвращаюсь туда и ради читателей — о них я думаю постоянно, когда пишу, и только они способны дать мне понять, ясно ли я понял нечто, ведь «кто ясно мыслит, ясно излагает», как сказал Буало; я бы хотел иметь обширную аудиторию —

не из авторского тщеславия, но потому, что тема, которую я разрабатываю, достойна внимания.

История Ирана тесно связана со всемирной историей. Знать ее необходимо любому историку, любому образованному человеку, где бы ни лежала сфера его интересов. Кто мог бы читать и понимать Библию, не зная о Вавилонском пленении и об освободительном указе Кира, «помазанника Яхве», по словам Второ-Исаии? Как можно изучать Грецию, игнорируя персидские войны, Геродота, рожденного иранским подданным, Александра и его завоевание мира? Кого мог бы оставить равнодушным приход магов¹, иранских царей-жрецов, к колыбели Христа? Кто посмел бы забыть, какое значение для Римской империи имела долгая борьба с парфянами и Сасанидами, которая вынуждала Рим перебрасывать легионы, ослабляя охрану границ на Рейне? Как бы мы воспринимали индийцев, если бы не знали, что индийский ислам, как минимум отчасти, возник под влиянием иранского? а разве куртуазная любовь нашего прекрасного средневековья зародилась не в стране катаров, до которой докатился последний отзвук того, что происходило в долинах Месопотамии? Подобные вопросы можно множить до бесконечности.

Наука об Иране не заняла место, какое бы ей полагалось, и иранский мир мы знаем очень поверхностно. Как будто на него накинута большое покрывало, сквозь которое просвечивают лишь отдельные огни: Сузы, Персеполь, Самарканд, Герат, Исфахан, Шираз, миниатюры, стихи... Все эти светочи должны были бы сверкать, им бы полагалось быть таким же яркими, как несравненная синева иранского неба, как его обширные пустыни из золотого песка, его обнаженные горы, его теология света, своды его храмов, облицованные лазурными изразцами, его исфаханские розы, его поэты с их «неподражаемой простотой», по выражению моего друга Шарля-Анри де Фушекура. Иран по-прежнему затянут дымкой. Для нас он теряется между средиземноморским и ближневосточным мирами, в разнородном скоплении исламских стран, хоть и там проявляет свою сильную индивидуальность.

Так было не всегда. Когда-то Иран чрезвычайно интересовал французов. Так было, когда Монтескье задал свой знаменитый вопрос «Как можно быть персом?», когда дядя Жан-Жака Руссо поехал умирать в Исфахан, а наш философ хотел выглядеть персом, одевшись армянином, когда Жан-Батист Тавернье (1605–1689) и Жан Шарден (1643–1713), позже рассказывали о своих путешествиях, когда, изумляясь сам, изумлял нас Пьер Лоти и когда в том же XIX в. Эдвард Фитцджеральд от-

¹ В русской традиции — волхвов (*прим. пер.*).

крывал для нас стихи Омара Хайяма. Иран с давних пор проник в самые глубины нашей души, еще когда персидские ковры, одно из самых характерных его творений, лишали исключительного положения турецкие ковры, став важнейшим элементом нашего интерьера.

По стратегическому положению территория Ирана была транзитным путем, что неизбежно превращало страну в посредника, если не принимать во внимание морской путь, между Индией и Китаем с одной стороны, Ближним Востоком и Европой — с другой. Что только не прошло через Иран за тысячелетия! По этим землям, распространяясь на восток, продвигался буддизм, как и платоновская философия, вскормившая Фараби и Авиценну, как и греческое искусство, ставшее греко-буддийским. Иран долго сохранял почти исключительные права на торговлю шелком; в Самарканде он длительное время сохранял монополию на производство бумаги, секрет которой похитили в Китае; он позаимствовал у индийцев и передал нам цифры, которые мы называем арабскими.

Собственные творения иранцев, удивительно мощные, прославились до самых пределов мира. Иран, если привести лишь один небольшой пример, создал образ владыки, сидящего на престоле, предвосхитив изображения Христа, украшающие тимпаны наших церквей. Иранская религиозная мысль, выраженная сначала в маздеизме, а потом в манихействе, привлекла к себе внимание в Китае и, в частности, в Европе, богомилов, альбигойцев или катаров. Святой Августин был манихеем, прежде чем стать христианином.

Иранцы вместе с греками, китайцами, индийцами и немногими другими народами — такими, как армянский, столь дорожащий своей историей, — относятся к древнейшим народам мира. Им около трех тысячелетий. Две с половиной тысячи лет иранцы заставляли говорить о себе. Несомненно, это чудо, потому что на них очень часто нападали, их земли занимали, завоевывали и подчиняли, иногда на века, другие народы, и не самые ничтожные, — греки, арабы, турки, монголы. Всякий раз при этом иранцы оказывались на грани катастрофы, едва не исчезая с лица земли в результате ассимиляции или открытого истребления. Они выжили. Каждое нашествие знаменовало для них резкий, явный разрыв с прошлым, переделывало их, меняло их судьбу, но становилось плодотворным. Каждое нашествие выявляло их способность к сопротивлению, стойкую приверженность их идентичности, заставляло их возрождаться, конечно, в ином виде, но с сохранением определенных позиций, образа жизни, выражения чувств и, что, возможно, самое важное — образа мысли. У народов-покорителей они, конечно, многое

брали, но многое и давали им сами. Иногда возникал синтез, такой, как греко-иранское искусство, а позже греко-буддийское, о котором, впрочем, говорят намного реже. У арабов иранцы позаимствовали религию, письменность, словарь, но дали им величайших ученых, величайших философов: Абу Машара (Альбумасара, ок. 775–866), Хорезми (Аль-хорезми, умер в 846–847), Бируни (973–1058), Ибн Сину (Авиценну, 980–1037) — иранцев, писавших по-арабски, так же как овернец Григорий Турский или голландец Эразм писали по-латыни. Иногда персы даже ассимилировали тех, кто сам хотел ассимилировать их, как, например, сельджуков или монголов, сделавших персидский язык языком своей культуры, а ислам — своей религией.

То, что они выжили, не значит, что их не потеснили, — где-то они либо исчезли, потому что их изгнали или ассимилировали, либо теперь живут под чужим владычеством. Степи Восточной Европы претерпели тюркизацию, а потом русификацию; степи Западного Туркестана стали тюркскими и отошли к Казахстану. В Согдиане иранцы, подвластные узбекам, живут только в некоторых больших городах, таких, как Самарканд или Бухара. Ирак, который не принадлежит к наследию их предков, но который они в свое время присоединили, стал по преимуществу арабоязычным. Курды восточных земель Анатолии оказались под суверенитетом Турции. Иранцы остались хозяевами только в трех государствах — собственно Иране (1.648 тыс. кв. км), Афганистане (652 тыс. кв. км) и Таджикистане (143 тыс. кв. км), где целые области заселены неиранцами: в первой из этих стран — тюрками-азербайджанцами, во второй — монголами-хазарейцами и в последней — тюрками-узбеками. Но иранцы там еще есть, и тот горец, что идет мне навстречу, по-прежнему носит на голове мидийский колпак.

Иранцы уже не отличаются величием, свойственным им в древности. Можно полагать, что чем этот народ старей, тем слабей. Свое историческое поприще они начали на фоне огненного зарева, озарив древний мир, когда Заратуштра, Кир и Дарий дали человечеству великие уроки, и этой начальной яркости иранцы уже больше не обретали никогда. Но порой они еще достигали вершин, пусть менее высоких: это были Мани и династия Сасанидов, это были ученые, писатели, поэты, тимуридское возрождение. Сегодняшний культурный пейзаж Ирана составляют уже разве что холмы, приятные либо мрачные на вид. Значение иранского мира и интерес к нему с течением веков неизменно падают, и по всей логике при его изучении надо уделить больше места первоначальному периоду, чем последнему. Я не стану следовать самому распространенному у историков правилу, когда количество страниц на исторический

период растет по мере приближения к настоящему времени, то есть строится нечто вроде перевернутой пирамиды.

В книге «Центральная Азия» я уже говорил о восточных иранцах из Сериндии, Согдианы и Афганистана, но обойти их молчанием здесь значило бы дать неполное представление об истории и цивилизациях Ирана. Несомненно, читатель меня поймет, если здесь я не уделю им места, какого они заслуживают, и сосредоточу внимание на западных иранцах, жителях страны, которую мы всё еще называем Ираном.

История любого народа, как и любого человека, представляет собой уникальную и интересную одиссею. Такова и история иранцев, но я надеюсь, что по краткому, неизбежно неполному, а порой и ненадежному рассказу, какой пишу я, будет видно, что ее уникальность выражена ярче и сама она интересней, чем у многих других народов, — конечно, благодаря древности, но еще и благодаря оригинальности, разнообразию, богатству, блеску. Используя затертые слова, можно сказать, что это по-настоящему исключительная и необыкновенная история.

Такой далекий, такой близкий Иран! Иран, изменившийся под внешним давлением, «предавший» индоевропейский мир, к которому принадлежал, чтобы, так сказать, вступить в семитский мир, от которого был так далек! Старый Иран, незыблемый при всех переодеваниях, изменился бы, даже если бы избежал катастроф и переломов, даже если бы его столь часто не покоряли, — ведь было бы странно, если бы за долгую жизнь кто-то не менялся, а его жизнь, как мы сказали, была исключительно долгой. Иран, который трогателен, когда его дети называют мам *Mader* (как мы говорим *Mater, Mother, Mutter, Mère*), а пап — *Pader* (как мы их называем *Pater, Father, Vater, Père*)! Иран, приглашающий в столь прекрасное путешествие!

Можно в завершение этого краткого предисловия привести одно личное воспоминание? Я вернулся из Ирана. Поехал отдыхать в Прованс. Как-то раз, прогуливаясь по Сен-Реми, я заметил на фронтоне «Антиков», которого раньше не видел, две крылатых фигуры, летящих навстречу друг другу. Всего недели две назад я стоял перед скульптурой Так-и Бустана. В моей памяти внезапно всплыли фигуры из Рима, Эфеса, Коньи, монастыря Алахан, из Кызыла в Синьцзяне, с китайской стелы VI в. из Шаньси, хранящейся в цюрихском музее Ритберга, и я задумался о единстве, какое при всех различиях было свойственно древнему миру. Разве не сказал Поль Пеллио: чтобы понять тот или иной текст святого Августина, надо дойти до Турфана?

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИРАНЦЫ И ИРАН

С тех пор как сформировались национальные государства, что произошло не так давно, мы даем народам названия не из этнических и не из лингвистических оснований, а из политических соображений, потому что связываем их с гражданством. Для нас француз — это житель метрополии или заморских территорий, чьи родители — коренные жители или натурализованы, он говорит на французском языке и соблюдает законы Франции, будь он нормандец, бретонец, гваделупец, корсиканец или баск. Нам не придет в голову назвать французом квебекца или брюссельца, равно как австрийца — немцем, даже если он говорит по-немецки и может притязать на германское прошлое. В современном смысле слова, Türgcs¹ — это граждане Турецкой республики, даже если они, как курды, говорят по-ирански, но никоим образом не узбеки, казахи, киргизы или азербайджанцы, хоть они говорят на тюркских языках и тоже тюрки или в большей степени тюрки, чем иные жители Турции. То же относится к иранцам. Сегодня это люди, которые живут в Иране, каким бы ни было их «этническое» происхождение (иранским, тюркским, армянским или арабским), каким бы ни был их язык (иранским, тюркским, армянским или арабским). Афганец, таджик из Самарканда или Бухары, курд из Дийарбакра или Мосула, осетин с Кавказа, которые говорят на языках иранской группы, иранцами не называются.

В историческом плане дело обстоит иначе. Хотя империя, персидское царство Ахеменидов, появилась в Иране очень давно, около двух с половиной тысячелетий назад, и после периодов упадка она возрождалась под другими именами: государство Аршакидов, Сасанидов, Сефевидов, Каджаров, Пахлави, в 1971 г. она торжественно отпразд-

¹ По-французски Türgcs — это и «тюрк», и «турок» (прим. пер.).

новала две с половиной тысячи лет и ей на смену пришла Республика Иран, не только жителей этого государства можно называть в истории иранцами — претендовать на это название имеют полное право и многие другие народы, не всегда жившие на территории империи, такие, как скифы, согдийцы, тохары и другие афганцы, хоть это название они носили не всегда и могли именоваться жителями Селевкидского, арабского, сельджукского или государства Ильханов.

Действительно, более чем половину своей долгой истории территория, образующая современный Иран, находилась под чужим владычеством — ассирийцев, эламитов или урартов в незапамятные времена, греков в древности, арабов во второй половине первого тысячелетия нашей эры, тюрков и монголов в средние века. Бывало, при такой зависимости начиналась денационализация, культура меняла направленность, особенно в эпохи греческого и арабского верховенства, во времена, когда Иран становился эллинистической, омейядской, аббасидской, тюркской, монгольской провинцией. Но бывало и так, что он почти сразу же включал завоевателей в свой состав, иранизировал, и их вожди, тюрки или монголы, начинали говорить на его языке и вести иранскую политику. На обширных территориях Ирана, не обязательно связанных меж собой, независимо от того, находились ли они под иранской властью или нет, часто расцветала культура, создавались произведения искусства, проводилась политика, воплощавшая дух иранизма, способствуя его известности и распространению. Ведь маздеизм зародился не у мидийцев или персов — очень вероятно, что это произошло в практически безвестном Хорезме. Ведь не в Иранской империи появились на свет или трудились некоторые из величайших иранских гениев, а в Газни, то есть в Афганистане, в Ургенче, то есть в том же Хорезме, в Бухаре, то есть в современном Узбекистане, часто при тюркских суверенах. Скифы развивали свое чудесное искусство звериного стиля в степях Причерноморья. Разве в Иране откажутся от величайшего поэта Фирдоуси из-за того, что он творил в Средней Азии? Разве не признают величайшего ученого Бируни, потому что он родился в Кяте, а умер в Газни? Пусть даже непреходящий характер империи, глубокое убеждение современных иранцев, что предки жили на их родине тысячи лет, а они сами наследуют ее колоссальную историю, делают отождествление страны и народа более допустимым, чем в других местах, все равно такое отождествление отсекает слишком многих. Иранец — это не обязательно подданный или гражданин Ирана.

РАСА?

Так можно ли говорить о иранской расе? Иранцы — это арии и, с их точки зрения, именно они прежде всего арии и есть. Их страна — всё еще Ариана, Иран, а Афганистан, существующий под своим новым именем, никогда не упускает случая напомнить, что и он когда-то был Арианой, что он ей остается. Слово «арии» древнее и в древности было широко распространено, как в иранском языке, так и в санскрите, в формах *airiya* и *aria*, что означает «благородный» — целая программа! Любой иранец это знает, остро сознает, для них это повод гордиться. А если «расизм» во многом опирается на представление о мнимом превосходстве арийцев, это тем более не повод отрицать «расу». Но, как и все народы, иранцы в большой степени метисированы. Еще на заре истории они смешивались с палеоазиатами, с доиранскими азианскими народами Иранского нагорья (касситами, гутиями, эламитами), потом, в течение веков, с бесчисленными захватчиками, проходившими через земли, где они жили, или оккупировавшими эти земли. Среди иранцев встречаются почти все человеческие типы Евразии.

В течение долгих периодов, когда иранцы не были хозяевами своей судьбы, когда они добровольно или насильно включались в состав великих цивилизаций, порой совершенно им чуждых и очень притягательных, они, конечно, развивались, но прежде всего выживали, что немало, сохраняя некоторые изначальные черты своего духа. Те, кто живет в наши времена, в большой мере имеют право утверждать, что они — потомки мидийцев или скифов.

Это не значит, что, пройдя тысячелетний путь, иранцы ничего не потеряли. После фантастической экспансии, давшей им во власть почти безграничные территории, они только и делали, что отступали. Многие регионы, которые они населяли, больше им не принадлежат, и население этих мест им не подчиняется. Иранцы уступали место тем или иным пришельцам потому, что бежали от них, а чаще всего потому, что были ассимилированы. Так они утратили евразийские степи и основную часть Средней Азии. И хотя так называемый Иранский Азербайджан на северо-западе современного Ирана остается под их суверенитетом, его население по преимуществу тюркоязычно. В начале XXI в. иранский мир может показаться ничтожно малым по сравнению с тем, каким он был. Далее мы это рассмотрим с большими подробностями.

ПСИХОЛОГИЯ?

Претендовать на описание психологии народа, — очень опрометчиво, и при таком описании легко впасть в грубую приблизительность, если не в ошибки или в шаржирование. Тем не менее некоторые черты иранского характера, не всеобщие, но отмеченные столько раз, что их наличие нельзя отрицать, существуют. Можно ли ошибиться, сказав, что иранцы — прежде всего народ поэтов? Разве мало поэтов на земле, которая породила их столько и таких прекрасных? Разве может их не быть там, где речь пересыпают старинными стихами, где так охотно читают стихи на празднествах и церемониях? Разве может их не быть там, где поэтам возводят внушительные мавзолеи, и их больше, чем мавзолеев царей и князей (только имамы, святые, имеют право на более роскошные гробницы)? Можно ли впасть в заблуждение, сочтя иранцев мечтателями, ведь мечта у них так тесно связана с поэзией, с уходом от реальности? Мы не сомневаемся, что они мечтают, когда, внешне празднуя, часами курят наргиле или пьют чай. Но не просто мечта, а стремление найти незримое, божественное толкает их к мистике, к характерной глубинной религиозности, которую внешние наблюдатели иногда считают если не лицемерием, то как минимум бегством от жестких правил формальной религии. И опять-таки поэзия, мечта, желание уйти от реальности так легко делают их лжецами. «Они не могут говорить правду, даже когда им нет никакой выгоды лгать», — утверждал И.-Л. Рабино, говоря о народах Гиляна, провинции на каспийском побережье, но то же самое несомненно можно сказать о населении других мест. И однако сколько любезности в этой лжи! Иногда это учтивость в чистом виде, желание не противоречить собеседнику, ненадолго обнадеежить его, что он якобы получит то, чего на самом деле заведомо не получит, убедить, что именно в его честь сделано то, что по всей очевидности сделано не ради него! Это еще и признанный, почти официально именуемый «утаиванием» (*такийя*) способ защищаться, уходить от критики, даже от преследования, говоря обратное тому, что думаешь, изображая себя не таким, каков ты есть.

И не поэзия ли побуждает их с давних пор любить сады, тополя, цветы, особенно розы, журчание водных струй, синеву неба, которую они неутомимо воспроизводят в лазурном фаянсе, переливающиеся и предельно изысканные краски их керамики, миниатюр, ковров — самых своеобразных и древнейших произведений их искусства? Или это объясняется женственностью их натуры? Их считают женоненавистниками, потому что они прячут своих женщин под покрывалами, словно

превращая их в рабынь, но они всегда уделяли женскому началу особую роль. Они очень хорошо почувствовали, что, как сказал Иоанн Павел II в «Молитвенных размышлениях», если мужчина — божественное существо, то женщина еще божественней. До какой степени женщина — душа мира, они показали в разных женских образах, от маздеистской *даэны*, которая ведет умершего в загробный мир, до удивительной «Девы Света», обнаруженной Анри Корбенем. Они окружили пылким почитанием Фатиму, дочь Пророка. Могилу другой Фатимы, сестры имама Резы, в Куме они сделали одной из величайших святынь шиитского ислама. А разве их искусство не исполнено нежности, очаровательной женской чувствительности?

И тем не менее иранец претендует на мужественность. Он мужествен. Явное противоречие! Указанные противоречия ничуть его не стесняют, и он смеется, если кто-то рискует ему на них указывать, словно на самом деле ничего в нем не понимая — впрочем, вполне возможно, так оно и есть. Иранец любит пышность, внешний блеск, роскошные ткани, но его не смущает, когда он живет скудно, просто, он может быть богатым и обитать в глинобитном доме, похожем на дом бедняка. Он славит монарха, окружает его особу настоящим культом, но ничуть к нему не привязан и, не моргнув глазом, свергает его или позволяет свергнуть, поддержав другого. Этим объясняются переходы власти от мидийцев к персам, от персов к Александру, от Сасанидов к исламу или современная Исламская революция и падение шаха Мухаммада Ризы, которого как будто уважали. Иранец — патриот до мозга костей, но иногда считает бесполезным защищать родину и, как только ее завоевали, переходит на сторону новых хозяев: разве не шокирует нас ситуация, когда иранцы сотрудничали с греками, арабами, монголами, особенно с последними, оставлявшими за собой руины? Такое сотрудничество кажется позорным, но факты показывают, что оно далеко-видно и прагматично, и иранец, таким образом, спасает страну. Он как будто отрекается от всего, что было для него самым дорогим, и, может быть, это лучше всего и выражает его дух. Он без особых колебаний переходит из маздеизма в ислам, но хранит в сердце немеркнущую память о доисламских героях и неустанно их воспевает. Ведь у него эпический вкус, и он без ума от великих деяний героев идеализированного прошлого. Ведь у него рыцарская душа, и он ищет приключений, красивых поступков, славы. Это пробуждает в нем некоторую гордость в противовес природному смирению, любовь к независимости, заставляющую его выходить за установленные рамки, и тогда его поведение может граничить с анархией.

Он по природе оптимист, воплощение жизнерадостности, это уже видно в маздеистской философии и заметно по живописи из оазисов Средней Азии, где знать, *дехкане* (*dihqan*), элегантно одетые, надменные, с удивительно тонкими запястьями, с нежными и изящными пальцами, столь часто изображены как участники фривольных сцен, пиров, галантных бесед, тех празднеств, какие описывали китайцы, отмечая, насколько иранская знать любила напитки, танец, песню, где как будто даже духовенство наслаждалось всеми радостями жизни в безмятежной атмосфере, пропитанной сдержанной чувственностью. Но тот же иранец публично выражает отчаяние, вспоминая о смерти имамов, бичует себя, вопит, плачет, и постоянный траур придает его шиитской религии облик страдающей церкви. Иранец, нередко отказываясь примыкать к традиционной конфессии и ссылаясь на то, что он ищет единства с Богом мистическим путем — что часто бывает искренним и глубоким желанием, но может служить и отговоркой, скрывающей отъявленный индивидуализм, камуфлировать скептицизм и даже вольнодумство, — всегда хотел привносить в религию организационный порядок. Только у него в исламе есть духовенство, включающее иерархию мулл и аятолл, и так же было, когда он был маздеистом.

Эти черты характера, эти вкусы, эти тенденции существуют. Отрицать их было бы невозможно. Достаточно ли их, чтобы дать иранцу определение? Конечно, нет. Его вселенная слишком разнообразна, чтобы для полного ее постижения хватило одной психологии. Афганец отличается от фарсийца, который в свою очередь непохож на жителя Кашана или прикаспийских провинций. В одном месте можно найти открытость, брутальность, грубость, каких не встретишь в другом. В каждой новой провинции, а то и в каждом новом городе у населения можно обнаружить новые достоинства и недостатки.

ЯЗЫК

Определение может быть только лингвистическим: иранец — это тот, кто говорит на иранском языке или, точнее, кто говорит на нем с рождения, ведь в истории встречались отдельные народы или люди, для которых иранский не был родным языком, но которые усвоили его как инструмент культуры. При всем огромном консерватизме иранского языка, позволяющем лингвисту проследить историю некоторых слов с VI в. до н.э. вплоть до наших дней, этот язык настолько раздробился, что следует говорить не об одном, а о нескольких языках, существующих одновременно или существовавших последовательно, у которых

есть точки соприкосновения, дающие возможность для взаимопонимания, и есть различия, которые делают такое взаимопонимание трудным и даже исключают его для лингвиста. Сегодня иранский — официальный язык Ирана, Афганистана и Таджикистана. А также культурный язык в части индийского мира, язык, на котором говорят крупные или мелкие меньшинства в некоторых азиатских государствах.

Все иранские языки относятся к индоевропейской языковой семье и к ее индоиранской ветви. Их делят на три группы: к северной, исчезнувшей повсюду, кроме Осетии, принадлежал язык скифов и родственных им народов; вторая группа называется западной, третья — восточной. Наиболее распространена сейчас западная ветвь. Ее главный представитель — *фарси*, язык провинции Фарс, персидский, когда-то называвшийся *аджами*. Он рано достиг Средней Азии, области согдийского языка, растворившегося в нем, но не смешавшегося с ним. Там персидский язык называли *дари* — теперь это название в основном вышло из употребления, кроме как в Афганистане, где дари стал официальным языком, и было заменено словом *таджикский*: таджиками первоначально называли арабов, потом мусульман неарабского происхождения, наконец, таджикским стал называться восточный персидский язык, а таджиками — те, кто на нем говорит в Согдиане и соседних регионах, даже граждане Ирана. *Фарси* стал главным с тех пор, как его возвысил гений Фирдоуси (933–1021) в «Книге царей», «Шахнаме», подобно тому как Данте — итальянский. Современный иранец, читая эту великую поэму тысячелетней давности, находит в ней меньше архаизмов, чем нынешний француз у своих поэтов Возрождения. К западной ветви относятся также курдский и белуджский языки, первый из которых действительно распространен на западе, а второй стал восточным в результате средневековых миграций его носителей.

Восточная ветвь включает в себя *ягнобский* язык, остаток согдийского, и прежде всего *пушту* («афганский»), зафиксированный с XVI в., на который сильно повлиял персидский и который в 1936 г. стал одним из официальных языков Афганистана (наряду с *дари*). На нем говорит 16–17 млн человек, тоже живущих на землях от северо-запада Пакистана до юга и юго-востока Афганистана. К ним часто присоединяют осетинский язык Кавказа как единственный язык северной ветви. Что касается *урду*, его создали в XVII в. на основе фарси, официального языка делийского двора, и индийских языков.

Текст на персидском языке записывается арабскими буквами, плохо приспособленными к его фонетике, справа налево и сверху вниз, так что первая страница книги — это та, которая для нас последняя.

В результате обращения иранцев в ислам и долгого арабского владычества этот язык включил в себя массу арабских слов. Таджикский язык отказался от арабского письма ради кириллицы, после чего усвоил латинские буквы.

Древнейшие датированные тексты Ирана — ахеменидские надписи, в первую очередь времен Дария (522–480 до н.э.), но самый старый литературный документ — несомненно *Гаты*, не поддающиеся датировке. Эти надписи составлены на древнеперсидском языке и записаны слева направо клинописью месопотамского происхождения, которая тем не менее была остроумно и оригинально приспособлена для записи тридцати семи знаков. Но официальным языком Ахеменидов был арамейский, древний семитский язык, отмеченный с XIV в. до н.э. и известный по небольшим надписям IX–VII вв. до н.э., письмом, заимствованным из финикийского. Успех ему обеспечили простота записи, для которой требуется всего двадцать два знака, и чрезвычайная распространенность носителей на всем Ближнем Востоке. Таким образом, древнеперсидский уже находился под угрозой, когда завоевания Александра, приход к власти Селевкидов и распространение греческого языка нанесли древнеперсидскому новый удар, после которого казалось, что он уже обречен на исчезновение. Дали ему возможность выжить и вернули почетное положение, бесспорно, парфяне, хотя почти ни одного текста, написанного ими, не сохранилось. Когда при Сасанидах национальный язык снова вышел на первый план, он уже изменился и теперь вполне заслуживал нового названия «среднеперсидский», но его предпочитали называть «пахлави» и «авестийским» — последний термин объясняется тем, что главным литературным произведением того времени была «Авеста», священная книга маздеистов. Этот язык встречается не только в данном религиозном памятнике, но и в комментариях к нему, которые называют «Зенд», в надписях на трех языках, пахлави, «парфянском» и греческом (в Накш-и Рустаме), во фрагментах исторических, поэтических и главным образом эпических текстов, то есть легенд, которые станут источниками для «Шахнаме», записанных взятым из арамейского языка письмом, в котором не предусмотрено знаков для гласных и которое переполнено трудными для чтения арамейскими идеограммами.

Еще раз, и более жестко, подъем персидского языка остановило мусульманское завоевание. Еще яростней, чем при греках, он был атакован чужим языком, даже не индоевропейским, как он, а семитским, полностью противоположным ему по духу, — арабским языком, который был не только языком завоевателей, а еще и языком новой

торжествующей религии, ислама. Очень скоро во всем иранском мире арабский стал как официальным языком, так и языком образованного класса. Он породил богатую поэтическую и особенно научную литературу, написанную коренными иранцами. Своим выживанием пахлавийский язык был обязан простонародью, по-прежнему говорившему на нем в деревнях и в шатрах, а также маздеистам, которые не желали принимать ислам и чью роль в сохранении иранской культуры, как правило, недооценивают; несколько парадоксален тот факт, что основные сохранившиеся маздеистские тексты относятся к эпохе арабской гегемонии.

Окончательное воскресение иранского языка произошло в X в. Иранский «национализм», утвердившийся наряду с арабским, если не в противовес ему, позволил восстановить связь с прошлым, вдохнуть в персидский язык новую жизнь, а вскоре и возвести его в ранг второго официального языка мусульманского мира, в ранг культурного языка, поставив рядом с арабским, сохраняемым как язык богослужения и теологии. Этому можно удивиться, если вспомнить о полной или почти полной арабизации таких колыбелей древних цивилизаций, как Египет, Сирия, Ирак, не говоря уже о Северной Африке и Испании. Иран должен был обладать весьма высокими достоинствами, чтобы остаться Ираном и не стать «арабской страной»!

Если различия между иранскими языками уже грозили сделаться столь же явными, какие существуют, например, между романскими языками (французским, итальянским, испанским, португальским и румынским), то персидский язык Фирдоуси сыграл во втором тысячелетии нашей эры важнейшую роль катализатора, собрав эти языки вместе или по меньшей мере поспособствовав их сближению. Однако и другие языки приобретали очень высокий статус, который как будто должен был позволить им сохраниться. Но они исчезли. Основным из них был согдийский, язык Трансоксании или Согдианы, число носителей которого в первом тысячелетии нашей эры было сопоставимо с числом носителей арамейского, греческого, латыни в то или в более раннее время. На нем говорили не только на территории, которая сегодня называется Узбекистаном, но и во всей Средней Азии, где он был, по крайней мере с VI по IX вв., «лингва-франкой». На нем сохранились многочисленные тексты, написанные как так называемым согдийским, так и манихейским или сиро-христианским письмом. Первые исторические тюрки, которых китайские летописи называют тугу, сделали его своим культурным языком и именно на нем написали в Северной Монголии свой первый текст — Бугутскую надпись (ок. 581 г.). Позже их примеру последовали

другие тюрки, уйгуры (надписи в Кара-Балгасуне, 810–820), а в Бактрии согдийский стал конкурентом кушанского. Кушанский язык был вторым восточноиранским языком, который мог бы соперничать с персидским. Произошедший, вероятно, скорее от одного из древних диалектов региона Бактрии (Балха), чем от языков саков (сака) или юэчжей, в меньшей степени язык международного общения, чем согдийский, кушанский язык стал официальным языком великой империи с тем же названием, основанной юэчжами около 25 г., которая по V в. включала Индию и часть Центральной Азии. Третий язык в ту же эпоху или несколько позже играл в Сериндии скорее местную, однако не ничтожную роль. Его долго именовали тохарским, позже разделили на две ветви, названные тохарскими А и Б, потом для первого предпочли термин «агнейский» (от Агни, бывшего названия современного Карашара), а для второго, особенно богатого, судя по многочисленным текстам на нем в буддийской литературе, — «кучанский» (от названия оазиса «Куча»).

СОВРЕМЕННЫЙ ИРАНСКИЙ МИР

Сегодня иранские народы проживают лишь на некоторых из земель, которые исторически были иранскими. Они еще преобладают в восточных областях Турции в лице курдов, которые живут также на некоторых территориях Западного Ирана и Ирака, в стране, где, как считается, они составляют от 15 до 20% всего населения, и встречаются отдельными островками в Сирии и в Армении. Все степи Украины и России претерпели сначала тюркизацию, потом русификацию. В центре Большого Кавказа сохранился только маленький осетинский народ (около 600 тыс. чел.), который произошел от аланов, некогда вторгшихся в Европу, и разделен на мусульман и христиан. Бывший Китайский Туркестан, ставший «Новой провинцией» (Синьцзян), теперь одновременно целиком тюркизирован при помощи так называемого уйгурского, хотя на самом деле карахандского, языка и китаизирован в результате колонизации ханьцами. На территории Западного, или Русского, Туркестана осталась единственная ираноязычная республика — Таджикистан (143 тыс. кв. км), которую населяет 6 млн чел., из них 65% — таджики, то есть иранцы. Другие таджики живут также в Узбекистане, прежде всего в Бухарской и Самаркандской областях. Их количество неизвестно, официально оно оценивается как 5% от 24 млн чел., но на самом деле, конечно, гораздо больше. В Пакистане живет от 8 до 9 млн пуштунов, или патанов, и около миллиона белуджей. Кроме Таджикистана, по преимуществу иранские государства —

это Иран и Афганистан. В Афганистане существуют значительные неиранские меньшинства (монголы, а именно хазарейцы, и тюрки, а именно узбеки), вместе составляющие, должно быть, четверть от всего населения. В Иране около четверти населения — азербайджанцы, то есть тюркоговорящие (Иранский Азербайджан на северо-западе, столица — Тебриз), есть и другие племена, говорящие на тюркских языках: туркмены на северо-востоке или кашкайцы в Фарсе. Почти два миллиона человек говорит по-арабски.

Иранский язык сегодня следует считать родным для 80–90 млн человек. Это немало, но не соответствует исторической значимости иранского мира.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Когда в течение VII в. до н.э. иранцы начали выходить из мрака предыстории, они, возможно, уже около пятисот лет занимали огромные земли.

Они принадлежали к большой индоевропейской семье народов, которые, продвигаясь с 2300 по 1900 г. до н.э. значительными массами на юг и запад, наводнили Северную Индию, Иранское нагорье, Европу, разоряя всё на пути, уничтожая или вытесняя аборигенов, в том числе и создавших к тому времени блистательные цивилизации, прежде всего Индскую. Иранцы составляли отдельную ветвь этой семьи, которую называют индоиранцами или ариями, но уже не были чистой расой: во время миграций они смешались как минимум с палеоазиатами, то есть в Индии — с дравидами, в Иране — с разными автохтонными народностями. Если первоначально они все говорили на одном языке, имели общие верования — древнюю индоевропейскую религию с верховными богами, одинаковый образ жизни, то постепенно эти народы стали отличаться друг от друга, эволюционировали и сохранили лишь такие черты сходства, какие во всяком роду бывают между троюродными братьями. Они стали индийцами, иранцами, как другие из их родичей стали латинянами, греками, кельтами, германцами.

Ираноязычные кочевники не сразу расселились в степях. Похоже, к концу второго тысячелетия до н.э. киммерийцы и скифы или сначала киммерийцы, а потом скифы заселили большую равнину Евразии, где они пасли овечьи отары и конские табуны, несомненно начали выращивать хлеб или требовать этого от подвластных народов, выплавляли металл. Они жили в шатрах, уже в тех, которые этнографы Нового времени вслед за русскими назовут юртами, а монгольское название этих

шатров — *гэр*, и это же слово в форме *ker* можно встретить в Бретани, куда такое жилище завезли аланы, судя по описанию Геродота. Это круглое жилище в форме колокола, с гибким и подвижным каркасом из связанных жердей, покрытым войлоком, которое может иметь высоту от 1,3 до 1,5 м и занимать площадь 18–20 кв. м. Хотя кочевники проводили всю жизнь в седле, они переезжали или, скорей, перевозили семьи и имущество на повозках, запряженных быками (в *кибитках*). В некоторых захоронениях нашли уменьшенные копии кибиток, в других — остатки, а в Пятом Пазырыкском кургане на Алтае — даже целый экземпляр. Эти свидетельства отличаются довольно большим разнообразием. Копии изображают повозки с крытым верхом, разделенные на два-три отделения, в Пазырыке найден высокий и широкий экипаж с огромными колесами, рассчитанными на то, чтобы не увязать в песке.

Пересекли ли иранцы Волгу и даже Дон в XII в. до н.э. или сделали это только в IX в. до н.э.? На этот вопрос точного ответа нет. Как бы то ни было, эти кочевые племена, скифы и прочие, в период, о котором мы говорим, к 700 г. до н.э., расселились на всех травянистых равнинах от Дуная на западе до Алтайских гор и Таримского бассейна, а может быть, и до Монголии, где тюрки и тем более монголы появятся значительно позже. Иранцы уже давно переправились через гряды гор, ограничивающие степь с юга — Кавказ, Гиндукуш, Тянь-Шань, — или спустились в большую впадину, образующую Каспийское море. К 1200–1100 гг. до н.э., не сразу, а последовательными волнами, они переселились в Сериндию, в высокогорные долины Афганистана, заселили всё Иранское нагорье.

Таким образом, крайне разбросанные, теперь совсем непохожие на индийцев, они образовали многочисленные группы, которые, конечно, были ответвлениями одного ствола, но уже чужими друг другу, и разрыв между ними усугубляли разделявшее их расстояние, необходимость приспособляться к новым климатическим условиям, контакты с аборигенами. Эти группы были более или менее крупными, более или менее едиными, в них входили семьи, кланы, племена и даже федерации, и каждая имела индивидуальный облик.

Народов, живших на территории, которая с тех пор получила возможность называться «Иранским нагорьем», видимо, было огромное множество, но мы замечаем среди них всего два, которые оба были западными и обоих ожидало более высокое предназначение, — мидийцев и персов. Те народы, которые жили восточней, в Хорасане, Маргиане, Бактрии, Согдиане, и позже сыграют столь большую роль, пока были

практически неизвестны. Мы знаем, что некоторые из них вели оседлый образ жизни в речных долинах, в частности, в богатом Хорезме, и начали строить там города. Можно допустить, что они имели очень развитую цивилизацию, удивительно глубокое мышление, коль скоро, судя по многим признакам, в то время там жил Заратустра.

Мидийцы и персы как таковые упоминаются очень рано, в надписи ассирийца Салманасара III (858–837 до н.э.), сына Ашшурнаирпала. Первые, мидийцы, тогда занимали расположенную к югу от озера Урмия территорию царства Манна, основанного в IX в., или земли в непосредственном соседстве с ним. Они делились на шесть племен, в их число входило и племя магов. Название «маги» имеет, конечно, этническую коннотацию, коль скоро ее придавали еще ахеменидские надписи, но, возможно, те, кто так назывался, уже составляли класс жрецов — служителей маздеизма. Вторые, персы, тоже сначала жили в районе озера Урмия, к западу и юго-западу, но приблизительно в 740–700 гг. до н.э. переехали южнее, к северному побережью Персидского залива, чтобы поселиться в Парсумаше, а потом в Аншане.

Для кочевников завоевание редко представляло трудность, если только они не имели дело с сильными державами, такими, как Китай или Ассирия. В остальных случаях не было других препятствий, которые бы их останавливали, кроме городов, потому что осадных орудий у кочевников не было и города приходилось брать измором. В открытом поле государства оседлых народов могли выставить против них только пехоту или колесницы, которые двигались медленно и всегда были хорошо видны противнику. Поскольку сами кочевники были всадниками, они, как правило, отличались подвижностью, появлялись внезапно, исчезали неожиданно, возвращались, когда их уже не ждали, и были неуловимыми. Прирожденные наездники с самого юного возраста до глубокой старости, они располагали несчетным количеством верховых животных, которым умели давать безупречную выучку и которые получали всё более полный комплект сбруи — поводья, удила, седло, а потом, правда, довольно поздно, кочевники изобрели стремяна. Со своими конями они составляли одно целое. Их лошади были выносливы, как и сами всадники, привычные к жизни на открытом воздухе, к нагрузкам, к лишениям. Кочевники были вооружены, как никто другой — надежными луками, стрелы которых летели дальше, чем у оседлых народов, копьями, арканами, при помощи которых они сдергивали из седел вражеских всадников, железными мечами длиной в локоть, которые они умели ковать как хорошие металлосты, притом что их противники бились еще бронзовыми мечами. Как можно было им противостоять?

Тем более к этому были неспособны жители бедной страны, далеко не образующей единой линии сопротивления, раздробленной на мелкие княжества.

Поэтому оккупация иранских нагорий была легкой и быстрой. Иначе дело обстояло с ассимиляцией населения. На нагорье еще не было высокой культуры, сравнимой с теми, какие расцвели в долинах великих рек — Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Окса, — но и совсем некультурным нагорье назвать было нельзя. Городище Сиалк к югу от Кума представляет собой ценнейшее свидетельство существования доисторической цивилизации, а потом укрепленного поселения с дворцом, жилыми кварталами и некрополем, и того, что мы можем о нем узнать, достаточно, чтобы сделать вывод: оба общества, аборигенов и переселенцев, были слишком разными, чтобы быстро смешаться. Потребовались века, чтобы прежние хозяева этих мест иранизировались. Потребовались века, чтобы иранцы, по меньшей мере некоторые, осели в самых плодородных областях, пусть даже другие продолжали кочевать вдоль границы пустынь. Может быть, еще раньше они построили несколько укрепленных городов по образцу городов в оседлых державах Месопотамии и Восточной Анатолии, соседних с ними странами. Впервые о существовании таких городов говорится на ассирийском рельефе VIII в., который изображает мидийскую крепость, окруженную несколькими стенами и ошестинившуюся башнями: таким, видимо, был Хамадан, поднятый через некоторое время в ранг столицы.

Там, где располагались великие державы, ситуация явно была иной. Иранцы в конечном счете прошли бы их из конца в конец, но для этого им понадобилось бы много времени, много усилий и благоприятные обстоятельства. Прежде всего последних им и не хватило. Это их несомненно раздражало: ведь хоть климат и почва Месопотамии не годились для их поселения, эта область чрезвычайно их привлекала неслыханными богатствами, культурой, известностью. И ее могущество гордые завоеватели воспринимали как вызов. Они нападали на нее, как и на соседние области. Они производили на нее сильное впечатление, как и на другие государства Ближнего Востока. Когда Тиглатпаласар III около 745–727 гг. до н.э. отразил их натиск, он не преминул похвалиться, что победил «далеких мидийцев, могучих мидийцев», и в Библии тоже слышны отголоски их вторжений. Возможно, Иоиль говорит о нашествии саранчи на евреев, но в схожих словах китайцы или европейцы в древности и в средние века будут вспоминать и о кочевниках: «Пришел на землю мою народ сильный и бесчисленный [...]. Опустошил он виноградную лозу мою, и смоковницу мою обломал [...]. Опустошено

поле [...]. ...народ многочисленный и сильный, какого не бывало от века [...]. Пред ним пожирает огонь [...]; перед ним земля как сад Едемский, а позади его будет опустошенная степь» (Иоиль. 1 и 2).

ЗЕМЛИ ИРАНА

Земли, относившиеся к иранскому миру, огромны, но подсчитать всю их площадь, не рискуя ошибиться, почти невозможно, потому что их границы для первого тысячелетия до нашей эры точно не известны. Оценив площадь некогда иранизированных европейских степей более чем в миллион квадратных километров, а площадь степей, основная часть которых образует сегодня Казахстан и которые тоже когда-то были иранизированы, — в три миллиона, мы не будем далеко от истины, если скажем о приблизительно девяти миллионах квадратных километров. Сегодня иранский мир — мир, где говорят по преимуществу по-ирански, — не превышает двух-трех миллионов квадратных километров, и это всё еще колоссальная площадь, равная площади Западной Европы, в пять-шесть раз превышающая площадь Франции.

Восточноевропейская степь, имевшая отношение к Ирану только в период до нашей эры и в первые века нашей, занимает все области к северу от Черного моря и Кавказа и тянется до Каспийской низменности. На севере она ограничена Волгой между Самарой и Саратовом, а потом — воображаемой линией до Воронежа на Дону; далее она включает в себя излучины Днепра и Донца южнее Харькова и Киева и в виде более узкой полосы продолжается до устья Дуная. Кавказ образует высокий и длинный барьер, который тянется на 1.250 км, имеет максимальную высоту 5.642 м (гора Эльбрус) и занимает около 440 тыс. кв. км. Каспийское море, площадь которого в течение времени сократилась, расположено на низменности, находящейся на 28 м ниже уровня открытых морей, и даже окружающие земли, на севере — до самого Урала, не поднимаются выше этого уровня.

Восточней Каспия — всё еще степь, но ее пересекают зловещие пустыни из галечника, песка и солончаков. На востоке ее замыкают мощные горные массивы. Территорию этой степи когда-то называли Западным или Русским Туркестаном, а сейчас она принадлежит пяти республикам, недавно советским, а теперь ставших государствами, границы которых не соответствуют никаким этническим, лингвистическим или географическим реалиям: Казахстану, который один только занимает 2.751 тыс. кв. км, Узбекистану, Киргизии, Таджикистану и Туркмении, которые вместе простираются более чем на 1,3 млн кв. км

с тех пор как из сибирских лесов приблизительно в начале нашей эры вышли тюрки, иранцы все время отступали перед ними и теперь живут лишь на отдельных частях прежней территории, но они знали чрезвычайно славные времена. В Хорезме, который был образован дельтой Окса, впадающего в Аральское море, как и в Согдиане, особенно в городах Бухаре и Самарканде, родились некоторые из величайших иранцев и было создано несколько прекраснейших их творений.

Узбекистан представляет собой непрерывный ряд суровых и унылых пустынь (Кызылкум, «Красные пески») и плодородных долин, исполосованных отдельными горными цепями. В центре и на востоке — древняя Согдиана с долиной Зеравшана, очень солнечная и богатая водой; на крайнем востоке — область предгорий, хорошо орошаемая и не менее плодородная. Ферганская долина, котловина длиной 300 км и средней шириной 100 км, изрезана реками, покрыта виноградниками и фруктовыми садами. Это одна из самых привлекательных областей Средней Азии. Хорезм на западе, ныне унылое место из-за хищнического использования вод Окса (Амударьи) и высыхания Аральского моря, раньше был регионом с пышной растительностью и богатыми пастбищами, пригодными для разведения крупного рогатого скота. Окруженный пустынями, он когда-то был связан с городом Мерв в Туркмении непрерывной культурной зоной.

Туркмения — это почти исключительно пустыня, Каракумы («Черные пески»), расположенная в зоне грабена, который постепенно понижается в направлении Арало-Каспийской низменности. Плодородные области — только предгорья и оазисы, появившиеся благодаря рекам. Интенсивное опустынивание, из-за которого теряются полезные земли, похоже, сводит почти на нет результаты современной ирригации.

Таджикистан и Киргизия — маленькие, почти целиком горные республики, где высота над уровнем моря редко опускается ниже двух тысяч метров, а вершины гор образуют цепи высотой от четырех до семи тысяч метров. Это животноводческие страны, где земледелие существует только на склонах гор, в узких речных долинах и в замкнутом бассейне Иссык-Куля.

Огромный Казахстан в восточной части представляет собой унылую степь, вполне заслуживающую своего названия Бетпак-дала («Голодная степь»), и горную область, внутри которой находится большой бассейн озера Балхаш. Почти всё остальное — опять-таки голая степь, низина, более засушливая на юге, чем на севере.

Китайский или Восточный Туркестан сегодня образует обширную республику уйгуров (1.646 тыс. кв. км), которую китайцы, аннексиро-

вав, назвали «Новой провинцией», Синьцзяном. Его можно разделить на две основных области, которые протянулись с востока на запад по обеим сторонам главного хребта Небесных гор, Тянь-Шаня, имеющего длину более 1.600 км. На севере — Джунгария, принадлежащая к великой степи. На юге — Таримский бассейн, огромная котловина с несколькими невысокими вершинами и впадинами с душным климатом, в том числе Турфанской впадиной, находящейся минимум на 170 м ниже уровня моря. Центр Таримского бассейна занимает пустыня Такла-Макан, куда желтоватые воды реки Тарим, теряющейся в болотах Лобнора, озера, которое находится приблизительно на высоте 780 м, не могут принести жизнь. Последняя сосредоточена у подножия обеих горных цепей, северной (Тянь-Шаня) и южной (Алтынтага), где процветают оазисы, и каждый — чудо, хрупкость которого трогает так же, как и стойкость; они знавали прекрасные культурные подъемы. Кашгария на западе упирается в колоссальный горный район, из которого как будто выходят все горные цепи Центральной Азии. Тюрки массово расселились здесь после падения степной Уйгурской империи в 840 г.; они тюркизировали сначала север Таримского бассейна, а потом и всю провинцию, во всяком случае в той мере, в какой им не мешали китайцы, уже присутствовавшие здесь. Как бы то ни было, с тысячного года об иранцах здесь больше не было речи.

Коридор средней высотой 1000 м, длиной 1000 км и шириной 60–70 км, когда-то пустынный, а теперь орошаемый, представляет собой оживленную часть провинции Ганьсу площадью в 530 тыс. кв. км и связывает Туркестан с Китаем как таковым. Когда-то это была страна юэчжей, которых европейцы довольно неправильно называли индоскифами, которые, возможно, были тохарами древности и которые в любом случае вписали важную страницу в историю иранцев. Они покинули эту страну под натиском хунну около 170 г. до н.э.

Афганистан, занимающий 650 тыс. кв. км, созданный по политическим соображениям, находится по обе стороны Гиндукуша, области параллельных горных цепей высотой от пяти до семи тысяч метров, которые отходят на востоке от орографической сети Памира и Каракорума, разделенных высотными пенепленами (4.000 м) Вахана. На востоке Афганистан возвышается над Индией; на севере расположена низкая равнина Афганский Туркестан (высотой 500–800 м), которая тянется до Окса и — поскольку там находились Бактры, знаменитый город, пришедший в крайний упадок, — была сердцем богатой провинции Бактрии; на юго-западе — Систан (Сейстан), низкая, сухая, душная котловина, которую когда-то сделали плодородной за счет ирригации

реки Гильменд, но которую люди ожесточенно разоряли, и, похоже, теперь она мертва. На западе горы становятся ниже, и страна всё больше напоминает Иранское нагорье, которому служит естественным продолжением.

Современный Иран занимает 1.648 тыс. кв. км. По преимуществу это высокое нагорье от 1000 до 1500 м высотой; регион не плоский, он утыкан горами и изрыт впадинами. На севере с запада на восток тянется Эльбурс (высшая точка — Демавенд, 5.605 м), от восточного массива Кавказа и от Арарата до Хорасанских гор, менее высоких (высшая точка — 3.350 м), описывая дугу вокруг Каспия. Его северный склон, где много влаги, покрыт лесами. Вода струится по прибрежной полосе шириной километров двадцать — по местности душной, влажной, весной иногда затопляемой, почти всегда изобилующей прудами и болотами, которая отличается особой атмосферой, какой нет в других местах иранского мира. На западе возвышается Загрос, который замыкает Месопотамскую равнину и тянется приблизительно на 1800 км. Это массив шириной в 250 км, высота которого может достигать до 4.500 м, который перерезан глубокими долинами и, достигая Персидского залива, продолжается на восток до Белуджистана, теперь образуя береговую полосу. Каждая провинция в западных областях имеет индивидуальность и историю. Это Ирак-Аджеми (персидский Ирак) между Загросом и Эльбурсом, почти совпадающий с древней Мидией, на самом северо-западе — Азербайджан, южнее которого находятся Курдистан, Луристан и, наконец, Хузистан, древняя Сузиана, широкая равнина, относящаяся уже к Месопотамии.

Центральную часть страны, сухую и голую, почти целиком образуют возвышенности (высотой около 1000 м), пересеченные горными цепями и изрытые глубокими впадинами (глубиной до 300 м). Деште-Кевир, опускающаяся на глубину до 600 м, и Деште-Лут, отдельные участки которой расположены еще ниже, метров на триста, — две больших пустыни, во многих местах покрытые солончаками. Котловина иранского Систана ничем не отличается от одноименной афганской.

РЕКИ И ИРРИГАЦИЯ

Если по степям к северу от Черного и Каспийского морей протекают большие и полноводные реки — Урал, Волга, Дон, Днепр, Днестр, Дунай, — впадающие в эти моря; если в самых северных областях находятся истоки других исполинских рек — Енисей, Иртыш, — текущих в направлении полюса; если Туркестан еще орошается такими

реками, как Сырдарья (античный Яксарт) и Амударья (античный Окс), как Чу, питающая Иссык-Куль, как Или, изливающаяся в озеро Балхаш, как Тарим в Такла-Макане, как Зеравшан в Согдиане, это не должно порождать иллюзий: в целом этим землям, особенно на Иранском нагорье, воды всегда крайне не хватает. Почти повсюду они прокалены из-за сухости, и растительность может существовать только в речных долинах и в предгорьях. Дожди во многих местах — редкость. В Западном Ганьсу количество осадков не превышает или редко превышает 100 мм в год, в Систане и Синьцзяне — 200 мм, в Иране те же 200 мм выпадают только в предгорьях, где находится большинство городов, а в центральных частях котловин — менее 100 мм. Зато на побережье Каспия, например, в Реште, их количество достигает 1300 мм.

Около 60% полезных земель в Иране зависят от ирригации. С давних времен существуют плотины, но плодородием эти земли обязаны еще и подземным каналам, кяризам, выкопанным в древности. Слово, каким их здесь называют, *канат*, происходит от ассирийского *кану*, и мы склонны полагать, что они появились при месопотамцах; но если иранцы не были их изобретателями, они превосходно их эксплуатировали более двух с половиной тысяч лет и продолжают это делать. Огромная сеть таких каналов покрывает все Иранское нагорье и в меньшей степени земли от Сирии до Афганистана. В наше время она остается столь же эффективной, как в недавние и давние времена. Эту технологию никто не превзошел, и ее заимствовали для сухих зон почти повсюду. Ее встречают до самого Магриба, где такие каналы называются *хоттара* и *фоггара*, и она все еще удивляет современных ученых. Итак, *кяриз* — это подземный канал, который идет от водоносных пластов, расположенных у подножий гор, иногда на глубине до нескольких сот метров, и подает воду до места потребления самотеком, на расстояние, которое может превышать 100 км, причем дебит не уменьшается из-за испарения. Можно только восхититься остроумной конструкцией и познаниями строителей, которые должны были придавать небольшой наклон своему каналу, иногда идущему на глубине 10, 20, 30 м, и пробивать на расстоянии 20–30 м друг от друга вентиляционные колодцы, служащие также для ухода за системой. Иранцы любят говорить, что кяризы — «наследство Фатимы» (дочери Пророка), а до ислама их ассоциировали с великой богиней Ардвисурой Анахитой. Обнаружение таких связей, соединяющих женщину и воду, для историка ментальности и религий безразлично.

ВЕЛИКИЙ ХОРАСАНСКИЙ ПУТЬ

Земли, на которых временно или постоянно селились иранцы, разделяют сибирский, китайский, индийский, месопотамский, средиземноморский миры и в то же время соединяют их. Кроме как по морю, эти земли было никак не обойти, и с древнейших времен по ним прошло множество народов. Можно изумиться, обнаружив родство между среднеенеисейским искусством Сибири и искусством Причерноморья, которые датируются временем более чем за тысячу лет до нашей эры! Тысячелетиями по этим землям двигались не только орды захватчиков, но и караваны, груженные сырьем и готовыми изделиями, огромные караваны, кто-то говорит — по пятьсот верблюдов и четыреста человек, кто-то — по три тысячи верблюдов и пять тысяч человек.

Stepь — это большая дорога, передвигаться по которой в конечном счете сравнительно легко. Здесь нет настоящих препятствий. Нет могучих или слабых государств, которые бы перекрывали границы, драли три шкуры или заставляли дорого платить за право прохода. Нет возделанных земель, где бы запрещалось останавливаться, чтобы отпустить животных пастись, чтобы разбить лагерь. Жители, в большинстве кочевники и часто перевозчики товаров, живут очень далеко друг от друга и редко мешают передвижению. Путнику достаточно выдержать тяжелые климатические условия (а ведь он к ним привычен, он живет в этих условиях) и трудности, пересекая реки, сухие пустыни и особенно горы — но они преграждают его путь лишь в некоторых местах. Почва ровная. Под ногами не проваливается. Ничто не закрывает горизонт, так что можно ориентироваться без риска заблудиться, легко заметить и появление вероятной опасности. Почти повсюду — обильные травы, позволяющие кормиться верблюдам, лошадям, быкам, не слишком редко встречается и вода.

Откуда приходили захватчики? Словно ниоткуда, но происходили они с Севера, с Востока, возможно — из Сибири, или из самого степного мира, неисчерпаемого людского резервуара. Это было словно во сне. Но это было наяву: веками, с незапамятных времен и самое раннее до XIII в., на Запад с Востока без конца низвергались целые массы людей.

Откуда поступали товары? с Запада? Возможно, но о них мы знаем не слишком много, нас больше интересует импорт, чем экспорт. С Севера? Да: мускус, меха, золото и железо с Алтая... Их везли на юго-запад, не встречая никаких препятствий, кроме самого железноносного Алтая. Из Китая? Конечно: шелк, фарфор... Эти товары покидали Срединную

империю тем же путем, который шел из Монголии, и эта дорога соединялась с ним дальше Гоби, то есть шла из Сианя, близкого к богатой долине Хуанхэ; далее дорога сворачивала северней, по длинному Ганьсуйскому коридору, и либо огибала Таримский бассейн тем путем, который один немец назвал Великим шелковым, и это выражение, как ни странно, прижилось (хотя шелк был не единственным товаром, который по нему возили, а размер «караванов», способных здесь пройти, не превышал двух десятков человек и нескольких животных), либо, что более вероятно, из Турфана достигала Джунгарии, где снова выходила в степь. Из Индии? Разумеется: слоновая кость, пряности... с этими товарами надо было пересечь высокие перевалы Гималаев или Гиндукуша, что было трудно, но никуда не денешься.

Все эти пути сходились в провинциях Бактрии, Согдиане, Хорезме и упирались в огромное пространство Каспийского моря, которое предстояло обогнуть. Его можно было обойти с севера, но двигаться по очень низкой местности, пока не дойдешь до Урала и Волги, было тяжело, и такой вариант очень удлинял дорогу. Путники предпочитали идти через Иранское нагорье: этот маршрут был короче, приятней, проходил вблизи земель великой цивилизации Плодородного полумесяца, а последний довольно рано стал одним из экономических, политических и культурных центров мира. Из Хорасана и областей близ современных городов Мерва и Нишапура добирались до Эльбурса и вдоль него шли до Рея, расположенного рядом с современным Тегераном. Оттуда было легко достичь Персидского залива и его портов, Месопотамии и ее рек, несколько трудней, с переходом через Азербайджанские горы, — Армении, Курдистана, Восточной Анатолии, где уже можно было выбирать, направляться ли в Трапезунд на Черном море, или в порты Средиземного моря, или продолжать путь прямо в направлении Эгейского моря, греческих земель, Римской империи, Босфора и Константинополя.

Две тысячи лет, с V в. до н.э., а может быть, с VI или VII в. до н.э., до начала XVI в. н.э., когда в результате великих морских экспедиций была открыта Америка и проложен для европейцев путь вокруг мыса Доброй Надежды, иранцы полностью или частично контролировали межконтинентальную торговлю.

ГЛАВА II

ГЕНЕЗИС СЕДЬМОГО ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Столь важный для истории Ближнего Востока, для истории иранского мира, усилившегося в этот период, и для всемирной истории, потому что тогда рухнули три великих царства — Элам, Урарту и Ассирия, произошли легендарные набеги киммерийцев и скифов, выросло влияние мидийцев, сформировался персидский народ накануне создания первой из великих мировых империй, VII в. до н.э. по-прежнему затянут туманом, и датировка большинства событий, ознаменовавших этот век, за исключением двух последних десятилетий, зависит от того, к каким источникам и историкам обратишься, — с разбросом в двадцать лет и более. Правда, документов, из которых мы о нем знаем, немного, и они часто противоречивы. Наши основные источники — это Геродот, очень многословный, и ассирийские тексты, трудные для уяснения. Археологические данные сравнительно бедны. Что касается Библии, то, хоть отдельные названия и имена там упоминаются, ее авторы писали туманно, точности предпочитали цветистую фразу, датировки в Библии — более чем редкость, а ее комментаторы испытывают немалые трудности с идентификацией «народов от севера», о которых эта книга столь часто говорит: некоторые видят в них месопотамцев, другие — иранцев. Впрочем, надо ли безоговорочно принимать содержащиеся в ней утверждения на веру?

ДЕРЖАВЫ VII В. ДО Н.Э.

В Месопотамии новоассирийское царство, после того как при Ашшурназирпале (883–859 до н.э.) и Салманасаре III (859–824 до н.э.) оно предприняло большие завоевания, навязало свое владычество Сирии, а в 836 г. до н.э. на Иранском нагорье столкнулось с жившими

там иранцами, с 827 по 746 г. до н.э. пережило долгий период кризиса. Его ослабили нескончаемые восстания городов, отстаивавших свои привилегии, и мятежи надменных вельмож, и ему едва удалось сохранить власть над Сирией и сдержать амбиции другой великой державы, Урарту (781–774 до н.э.). Ассирийское царство снова воспрянуло при Тиглатпаласаре III (Тукульти-апиль-Эшарра, 746–727 до н.э.), монархе твердом и беспощадном, который постоянно присоединял к Ассирии протектораты, выселял народы, вытеснил Урарту из сирийского коридора (743 до н.э.), взял Дамаск (732 до н.э.), покорил арамейские города Нижней Месопотамии, а потом (728 до н.э.) сделался царем Вавилона. Несмотря на многие трудности, подъем Ассирии продолжился при Саргоне II (722–705 до н.э.), Синахерибе (705–680 до н.э.) и Асархаддоне (680–669 до н.э.), которые, несколько раз взяв Вавилон (710–709, 703 до н.э.) и, наконец, разрушив его (689 до н.э.), воссоединили под ассирийской властью весь бассейн Двуречья. Они расширили владения Ассирии к западу, где овладели столицей Израильского царства Самарией (721 до н.э.), а также к востоку, где вынудили иранцев, поселившихся в западной части нагорья, платить дань. Наконец, они остановили набеги киммерийцев и скифов (ок. 680–670 до н.э.). Много было пролито крови, много народу попало в рабство, а еще больше выселено. Высылка народов, их расселение по всему царству были делом обычным и производились систематически. Эти жестокие меры были отчасти благотворными, потому что благодаря им возникали контакты между людьми, ранее незнакомыми, расширялся кругозор каждого из них, новую известность получали то или иное мировоззрение, языки, технологии. Так, арамейцам это позволило распространить свой язык и поднять его на международный уровень, иранцам — познакомить мир со своими религиозными взглядами. Кто мог бы измерить влияние, какое на семитский мир, с которым Иран впервые вступил в прямой контакт, были способны оказать 65 тыс. мидийцев, которых Тиглатпаласар поселил в разных местах, а также влияние, какое почти наверняка испытали израильтяне, высылкой которых после взятия Самарии хвалится Саргон? «Я выселил, — говорит он, — 27.290 человек. [...] я переселил их в другие места». Куда? Конечно, в Месопотамию, но еще и к подножию Загроса. Более чем за век до взятия Иерусалима евреи вошли в состав месопотамской цивилизации, которая и раньше накладывала на них сильный отпечаток, и тогда же близко соприкоснулись с другой, еще незнакомой, цивилизацией — иранской, которая тоже повлияет на них. Добавим, поскольку это важно, что Самария получила взамен пеструю массу жителей, согнанных из разных мест. Они при-

несли в Святую землю неведомых идолов и нравы и образовали племя самаритян, ненавистное евреям вплоть до времен Христа.

Ассирия достигла вершины при Ашшурбанипале (669—ок. 627 до н.э.), когда он завоевал Элам — древнее царство, населенное азианским народом, не семитским и не индоевропейским, язык которого, возможно, относился к так называемой кавказской семье, — и разрушил его столицу Сузы (ок. 646 до н.э.), а потом присоединил территории, которыми Элам владел в Загросе, и все земли Плодородного полумесяца. Тогда Ассирия блистала ярче всего. Она властвовала напрямую или через посредство протекторатов над всеми соседями; ассирийцы вторглись в Египет, дельту которого впервые захватили в 671 г. до н.э. — всего на год, потом вернулись, разрушили Фивы и за десять лет (667—657 до н.э.) вынудили фараона покориться. Ассирия во всем утверждала свое могущество и культуру. Ее архитекторы вели строительство повсюду, и в Хорсабаде, дворцовом городе, об их величии свидетельствуют гигантские залы, а также барельефы, занимающие шесть тысяч квадратных метров. В ней было множество ученых и грамотных людей, чьи произведения — тысячи табличек — составляли большую царскую библиотеку. Она несомненно, напрямую или через третьи народы, поддерживала связь со всем миром, известным или неизвестным ей, коль скоро задолго до того, как в результате путешествия Чжан Цяня в 138—126 гг. до н.э. китайцы якобы проложили Великий шелковый путь, эта ценная ткань, шелк, в Ассирии уже появилась. Воздадим должное этой стране! Да, для нее и для мира, брошенные ею семена, ее история была великой эпопеей. Об этом забудут, запомнив лишь безумную гордыню ее владык, их неслыханные жестокости, которыми они хвалились и которые были соразмерны их власти, но, возможно, в конечном счете не были страшней жестокостей их современников, живших при других режимах. Однако ее падение уже близилось. Оно случится внезапно, еще до окончания века, в 612 г. до н.э.

Тогда в Месопотамии полыхнули последние вспышки, из числа тех, слабый отблеск которых доходит до нас и поныне, — Вавилон и Навуходоносор. Старинный гордый город не желал кому-либо подчиняться. Он непрестанно бунтовал. Ассирия сочла хитрым ходом назначение правителем Вавилона брата ниневийского царя. Так она прислала в этот город человека, который ее и погубит. Скорей Набопаласар (626—605 до н.э.), чем мидийцы, нанес Ассирии последний удар.

Хеттское царство, прежде располагавшееся к северо-западу от Месопотамии, в начале XII в. до н.э. исчезло, а его преемники, которых называют неохеттами, большой роли не играли. Земли на западной

окраине Иранского нагорья были разделены между двумя небольшими государствами: Эллипи в области Керманшаха и недавно основанным Маннейским царством к югу от озера Урмия. Они соседствовали с другой великой державой Ближнего Востока, которую мы вслед за ассирийцами называем Урарту («Арагат» — гора Ноева ковчега), но сами жители этой страны называли ее Наири. Это была в основном земледельческая страна на территориях в районе озера Ван в нынешней Восточной Турции. Ее первым известным властителем, а возможно, и вообще первым, потому что это царство было основано в IX в. до н.э., был Арама, с 857 г. до н.э. противник ассирийцев, который пытался поразить их с тыла, либо занимая позиции в районе озера Урмия, либо вступая в союз с царством Манной (781–774 до н.э.). Вторжения иранских кочевников, с которыми столкнулось Урарту, настолько его ослабили, что оно почти не оказало сопротивления Саргону II (722–705 до н.э.), который в 714 г. до н.э. или несколько раньше нанес тяжелое поражение его царю Русе I. Вскоре после этого разгрома государство Урарту погибло. В итоге нескольких кампаний оно оказалось неспособным противостоять противникам и в середине VII в. до н.э. исчезло. Урартские земли стали страной Айкидов, царством Айастан, которых мы вслед за персами называем соответственно армянами и Арменией: к тому времени этот народ и страна были известны всего сотню лет, причем площадь страны составляла около 300 тыс. кв. км, а народ возник в результате смешения местного населения с фрако-фригийцами и говорил на индоевропейском языке, который невозможно связать ни с каким другим. Известно, какая долгая история, часто славная, а еще чаще трагическая, ждала их впереди.

Западней, в Анатолии, главной державой была Лидия, столица которой Сарды уже блистала и засверкала еще ярче, когда могучие фригийцы в начале VII в. были истреблены киммерийцами, а Лидия присоединила к себе их земли. Основателем династии Мермнадов, «рода соколов», правивших ею, около 687 г. до н.э. стал Гигес, человек, имя которого окружено легендой: о том, как он вступил на престол, сменив своего предшественника и повелителя Кандавла, существует не менее четырех разных рассказов — Платона, Плутарха, Николая Дамасского и Геродота, все до одного безнравственные. Рассказывали также, что у Гигеса было кольцо, делавшее его невидимым. Слухи о его огромном состоянии не стихали. Имя его последнего потомка Креза (561–547 до н.э.) и по сей день символизирует для нас богатство. Действительно, лидийцы первыми около 680 г. до н.э. начали чеканить монету, отказавшись от тысячелетней меновой торговли. Лидии удалось навязать

свою власть весьма процветающим городам Ионии, образовавшим Ионический союз: Эфесу, Смирне, Колофону, Приене, Фокее, Милету и шести другим, как раз в эпоху, когда эти города начали широкую колониальную экспансию. Их мореходы, особенно милетские, бороздили Средиземное море и — что больше интересует нас в связи с нашим сюжетом — Черное, именовавшееся тогда Эвксинским Понтом, основывая на его северных или южных побережьях многочисленные фактории и даже города. Встреча этих морских бродяг с такими сухопутными бродягами, как иранские кочевники, в первом тысячелетии до нашей эры представляла собой удивительное, восхитительное и поучительное зрелище. Мы к ней еще вернемся.

КИММЕРИЙСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ

Вторжения киммерийцев, как несколько позже и вторжения скифов, если смотреть на них в глобальной перспективе, представляли собой не более чем продолжение иранских вторжений, происходивших уже несколько веков. Киммерийцы были близкими родственниками скифов или, может быть, отдельной скифской группой. Они обитали на Северном Кавказе, несомненно, с очень давних времен, если Бородинский и Щетковский клады (ок. 1300–1100 до н.э.), найденные между низовьями Дуная и Днестра, бронзовое литье из Николаева на Буге (ок. 1100 до н.э.), курганы в Пятигорске на Тереке (ок. 1200 до н.э.) и в Покровске между Самарой и Саратовом, клад из Подгорцев к югу от Киева (ок. 800 г. до н.э.) действительно принадлежали им. На Ближний Восток они могли проникать по разным причинам. Не исключено, что некоторые из них служили наемниками в ассирийской, урартской и других армиях: всем этим армиям крайне не хватало коней, которые у киммерийцев имелись в изобилии. Многие мелкие иранские княжества Загроса поставляли конницу и колесницы в Ниневию до самых последних дней этого города, а кочевники останутся профессиональными наемниками вплоть до нашего средневековья — они обнаружатся и в мусульманском мире под названиями *мамлюки* или *гулямы*.

Что бы ни происходило раньше, оказывается, в эту эпоху скифы напали на киммерийцев, и те бежали от них. Если некоторые киммерийцы обосновались в Венгрии, другие между 750 и 700 гг. до н. э. пересекли Кавказ. Они попали в страну, которая не была им чужой, ведь иранцы с северо-западной части нагорья, мидийцы, приходились им довольно близкими родственниками и стали, видимо, союзниками. Они говорили почти на одном и том же языке, у них были общие религи-

озные верования и пантеон, самый архаичный из всех, что мы находим у иранцев, — пантеон, в котором, возможно, уже выделилась великая триада, состоявшая из Зервана и его сыновей: Ахурамазды, бога добра, и Ахримана, бога зла, если это она изображена на серебряной пластине VIII–VII вв. до н.э., хранящейся в музее Цинциннати. Вместе с мидийцами или сами ок. 722–714 до н.э. они напали на Урарту и победили его царя Русу I, о чем ассирийские шпионы поспешили донести своему царю. Осмелев от успехов, киммерийцы сочли, что смогут справиться и с Ассирией. Они вторглись в нее в 679 г. до н.э., и Асархаддон (680–669 до н.э.) гордо сообщает об их поражении. Может быть, они переоценили свои силы? в первую очередь они стали жертвами собственной разобщенности, ведь в том же 679 г. до н.э. ассирийцы в своих анналах упоминают киммерийцев, находящихся у них на службе. Барьер, возведенный перед ними Ассирией, вынудил их направить стопы в другие места. Очень вероятно, что часть киммерийцев направилась на юг в Загрос и поселилась в его долинах. Они вошли в историю под названием «луры», а их земля — как Луристан. Другая группа двинулась на запад в сопровождении вчерашнего врага Русы II (680–645 до н.э.), ставшего (с 676 г. до н.э.) другом или помощником, проникла в Анатолию, атаковала и сразу же разбила царя Фригии Мидаса (738–676? до н.э.), вероятно, не того, который «Мидас с ослиными ушами», и царь в отчаянии покончил с собой. После этого она скиталась по полуострову, более или менее активно разоряя его, но не нападая на греческие города, пока не наткнулась на Лидию. Гигес, хоть и призвал на помощь Ниневию, был побежден и убит — спорный вопрос, когда это произошло, но мы уверены, что в 644 г. до н.э.

Геродот рассказывает, что киммерийцы пересекли Кавказ, спасаясь от скифов, которые их преследовали. Мы полагаем, что, скорей, скифы устремились в брешь, которую пробили киммерийцы, и лишь позже вступили с ними в конфликт в Малой Азии и победили (ок. 638 до н.э.?). В конечном счете преемник Гигеса Алиатт (ок. 610–561 до н.э.) в начале VI в. до н.э. изгнал или уничтожил киммерийцев. Невозможно точно сказать, остались ли от них какие-то группы или все-таки те, кого еще называли киммерийцами, были скорей лурами. Их имя еще вызывало трепет, если это их имел в виду Иеремия, говоря о «первом годе Навуходоносора» (Иер. 25: 1), то есть о 605 годе до н.э., когда упоминал Зимврию, больше нигде не упомянутую: возможно, это «гимри» — так клинописью писалось название киммерийского народа. Единственная память о них в ономастике — название Крыма, земли,

где они жили долго. Но луры, если и были их частью, оставили более богатое наследие.

Искусство Луристана постепенно приобрело известность с 1928 г. благодаря находкам в мегалитических захоронениях и в некоторых святилищах Загроса южнее города Керманшаха, и это явно искусство кочевых всадников. Его представляют тысячи бронзовых и железных изделий, одновременно очень символических и отмеченных глубоким религиозным чувством. Символы — это вездесущие изображения животных, а религиозность отражают фигурки молящихся мужчин с руками поднятыми или выставленными вперед, как бы делая приношение, и фигурки женщин, простирающих руки с демонстративным отчаянием, несомненно плакальщиц, которые, должно быть, участвовали в обрядах древней религии иранцев и на которых ополчился маздеизм. По этой продукции, как и по отсутствию следов каких-либо жилищ, видно, что она предназначалась в основном для погребальных целей, то есть особое внимание уделялось загробному миру — что в дальнейшем будет характерно как для скифского искусства, так и для маздеистской религии и, похоже, было очень свойственно ранним иранцам.

СКИФСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ

История скифов на Ближнем Востоке еще более запутана, чем история киммерийцев. Слово «скифы» использовалось в самом общем смысле для обозначения всех кочевых степных народов от Дуная или Дона до Дальнего Востока, хотя могли применяться и другие этнические термины, столь же неконкретные. В строго научном смысле оно относится только к жителям земель между Дунаем и Доном, к народам, которых греки называли «скитос», ассирийцы — «ашкузаи» или «ишканы», а евреи — «ашкенази». Последняя форма особенно интересна, потому что ей удалось выжить и потому что она показывает, что память о скифах сохранили даже в регионах, где скифы пробыли недолго. Известно, что слово «ашкенази», которым евреи раньше называли Германию, потом стало применяться к некоторым из самих евреев — к тем, кто живет в Восточной Европе, в противоположность сефардам, испанским евреям, название которых происходит от названия города Сарды.

Когда скифы пришли в Европу? Возможно, в XII в. до н.э., возможно, только в VIII в. до н.э. Они известны с древних времен, поскольку упоминаются в «Одиссее», где по их стране блуждают аргонавты, и в Книге Бытия, которая делает их детьми Гомера, предка-эпонима киммерийцев, который в свою очередь приходится сыном Иафету, как

и предок мидийцев (Быт. 10: 3). К востоку по соседству с ними, между Доном и Волгой, жили савроматы, очень близкие к ним и с течением веков еще более сближавшиеся под их влиянием (несмотря на сходство названий, их не следует путать с сарматами, которые появятся только в III в. до н.э.), которые представляли собой не более чем авангард массы ираноязычных кочевников, обитавшей до самых китайских границ. Для наименования этих кочевников появилось много названий: будины из Саратовской области, меланхлены из верховой Донца, агрипеи с юга Урала или с Алтая, массагеты («рыбаки») из Согдианы и еще много других: аримаспы («друзья лошадей») с Иртыша, исседоны, алазоны и прочие каллипиды... Что касается саков, они бродили между Доном и Волгой, и у персов этим словом называли всех степных кочевников, как у греков — скифами. Очень далеко на востоке жили юэчжи, несомненно, поселившиеся к тому времени в Джунгарии, в Ганьсу, на юге Алтая и, возможно, даже в Монголии; позже они заставят говорить о себе больше.

Преследовали ли скифы киммерийцев или нет, они вслед за последними в VII в. до н.э. пришли на Ближний Восток, конечно, через кавказские перевалы и, вероятно, также по восточному побережью Каспийского моря, может быть, попутно совершив несколько набегов на Бактрию. В 670-х гг. до н.э. они уже поселились в царстве Манна, к югу от озера Урмия, где оказались соседями мидийцев, говоривших на том же языке и уже живших там.

Несмотря на всё, что сближало оба народа и объединяло их против местных царств — возможной добычи или агрессоров, между ними не обходилось и без конфликтов: скифы были беспокойны, непостоянны, считали нужным пробивать себе пути, грабить ради выживания, находить новые места и могли это делать только в ущерб другим. Как приспособленцы они порой забывали о расовом братстве, об общих интересах и присоединялись к сильнейшему, в данном случае — к ассирийцам, которым они, как уже упоминалось, иногда оказывали услуги, которые пытались примириться с ними и даже подкупить их, с тех пор как время, когда скифский вождь Ишпакай напал на ассирийцев (ок. 678 до н.э.) и не добился успеха, прошло. Неудача этого набега заставила Парта-ту, сына Ишпакай, сохранять мир с ассирийцами и даже служить им, чего бы это ему ни стоило. Возможно, скифы спасли Ассирию, напав с тыла на мидийцев как раз в момент, когда те, казалось, уже побеждали (653 до н.э.). Однако в повседневной жизни они должны были терпеть мидийцев, как и мидийцы — их, потому что царство Манна скифы сделали плацдармом для набегов на Плодородный полумесяц, на Сирию до

самых границ Египта, на Анатолию, где, как мы видели, они истребили киммерийцев. Геродот уверяет, что они господствовали на Ближнем Востоке двадцать восемь лет — срок, который некоторые историки считают слишком долгим. Наконец мидийцы сочли их присутствие слишком тягостным и решили от них избавиться. Они пригласили скифского царя Мадия, сына Партатуа, и его вельмож на праздник и убили их — по крайней мере, такова версия Геродота. Примем ее! Пире на Востоке всегда подозрительны. Они еще часто будут зловещими, как пир Ксеркса, о которых рассказывают тот же Геродот или Книга Есфирь, как пир Валтасара или, гораздо позже, пир Ирода и Иродиады. Допустим, что эта резня случилась в 625 г. до н.э. Возможно, во всяком случае, около 627 г. до н.э. скифы еще были могущественными, коль скоро Иеремия призывает их на помощь против Вавилона наряду с урартами, маннеями и мидийцами (Иер. 51: 27).

После этого побоища скифы отхлынули на Северный Кавказ, в причерноморские степи, хотя некоторые, несомненно, остались (это произошло в последней четверти VII в. до н.э. или в самом начале VI в. до н.э.). Они увезли с собой не только трофеи, как видно по находкам в Келермесском кургане (первая половина VI в. до н.э.), но и целую культуру, которая сыграет решающую роль в создании их великой художественной школы.

Не факт, что захоронение в Хасанлу, городе, который, похоже, был столицей царства Манна и где обнаружили мощную городскую стену и дворец с роскошным портиком, видимо, прообраз дворца Ахеменидов, — именно скифское, а не маннейское. Это было первое захоронение в Иране, где нашли останки лошадей, принесенных в жертву, отчего его можно счесть скифским, но это значило бы, что в VIII в. до н.э. и даже в IX в. до н.э., когда погребли этого покойника, в Северо-Западном Иране уже присутствовали скифы. Однако это можно допустить, поскольку не исключено, что скифы, как и киммерийцы, служили в оседлых государствах наемниками. Зато бесспорно скифским является клад конца VII в. до н.э. из Зивийе, найденный в большом бронзовом сосуде в 1947 г. к югу от озера Урмия. То, что лошади были принесены в жертву, не доказано, но это можно предположить, судя по тому, что под голову покойнику были положены удила. Наряду с тем, что станет обычными находками в скифских мавзолеях VI в. до н.э.: пекторальями, ножнами, панцирями, чашами, — здесь найдены бесспорно женские украшения, а именно четыре золотых булавки, двадцать одна серебряная и пятнадцать бронзовых, и это наводит на мысль, что вместе с мужьями хоронили жен. Стиль изделий, представляющий собой

смесь ассирийских, иранских, анатолийских и прежде всего урартских традиций, — очень религиозный. То есть присутствуют фигурки богинь, двумя руками поддерживающих груди, а в изображениях животных, сделанных в явно скифской манере, заметно противопоставление добра и зла, уже ассоциирующееся с маздеизмом. Особенно интересными кажутся мне две скульптуры. Одна из них — лев с двумя телами и одной головой, первое известное воплощение сюжета, который будет широко распространен даже в нашем западном средневековье. Другая изображает сцену родов — редкий мотив, который тем не менее встретится в XIII в. как в арабской живописи Багдадской школы, так и в сельджукской деревянной скульптуре. Родство между ними почти несомненно, но можно задаться вопросом, каким загадочным путем оно возникло. Тот же вопрос относится к вотивным щитам, какие якобы подвешивали в святилищах прежде всего в Луристане, но также в Урарту. Ассирийцы писали, что во время разграбления храма в Мусасире близ Урмии в 714 г. до н.э. они захватили шесть таких золотых щитов и двенадцать серебряных. Это интересная информация, поскольку позволяет связать урартскую цивилизацию с цивилизацией степных кочевников, вешавших щиты у входа в шатер, и с цивилизацией сельджуков, помещавших на том же месте большие диски, высеченные из камня, которые я всегда считал характерными для сельджуков.

МИДИЙЦЫ

Киммерийцы и скифы только прошли по ближневосточным землям высокоразвитых цивилизаций и, пусть даже оставили о себе память, но ничего там не возвели. Будущее принадлежало древним обитателям этих земель: персам и мидийцам. Оба этих народа, находившиеся в близком родстве, создание своих монархий приписывали более или менее мифическим персонажам, персы — Теиспу (678–640? до н.э.), мидийцы — Дейоку (722–675? до н.э.), и это показывает, что рождение монархий приходится на рубеж семисотого года до нашей эры. Однако вторые опередили первых, проторили им дорогу и заложили основы государства, которое станет первой великой империей в истории, одной из самых могущественных и самых значимых.

Геродот, родившийся около 485 г. до н.э. и умерший около 406 г. до н.э., пересказывает историю мидийцев очень подробно, но ему не стоит слепо доверять. Не то чтобы следовало подвергать сомнению его добросовестность и серьезный подход. Его сведения почти всегда солидны и достоверны, но он писал лет через двести пятьдесят после

самых ранних событий, о которых повествует, и лет через сто после позднейших, то есть смерти Астиага (550 до н.э.), и излагал скорей то, что сочли нужным сообщить и обнародовать иранцы, чем то, что происходило на самом деле. Век или два — это для человеческой памяти много и дает возможность для появления мифов и эпосов. Согласно Геродоту, мидийцы, прежде разрозненные и разделенные на шесть племен, были объединены человеком, которого мы только что упомянули, Дейоком (Дайакку), который царствовал пятьдесят три года, с 721 по 675 г. до н.э. Ему наследовал Фраорт (Фравартиш), которого отождествляют или отождествляли с Каштарити, правил двадцать два года, с 675 по 653 г. до н.э. (дата смерти подтверждена ассирийцами), и был убит во время конфликта с ассирийцами и скифами. Тогда последние якобы и установили свою власть на двадцать восемь лет. Позже или в то же время сорок лет царствовал Киаксар, либо после падения власти скифов, с 625 по 585 г. до н.э., либо он пришел к власти раньше, при их владычестве, то есть в период с 653 по 625 г. до н.э. Наконец, на трон вззошел Астиаг и якобы удерживал его тридцать пять лет, с 585 по 550 г. до н.э. Впрочем, похоже, в эту красивую генеалогию не вписываются многие известные или упомянутые в других местах события. Даже отождествление царя, которого Геродот называет Фраортом, и Каштарити (Хшатриты) других источников «нельзя производить с полной уверенностью» (Labat, 1961).

Возведение Дейока в ранг великого предка позволило приписать ему определенную роль. Вершины власти не может достичь безликий персонаж, даже если его позже наделили добродетелями, каких он не имел, даже если его имя вошло в легенду. Следует принять, что Дейок был побежден Саргоном II (722–705 до н.э.) и выслан в Сирию и что основы своего будущего величия он заложил под ассирийским владычеством. Можно признать талант, позволивший ему превозмочь бедствия, можно допустить, что это он был инициатором объединения мидийских племен, а также, с оговорками, что это он основал Экбатаны (Хамадан), тогда называемые Хангматам, «место собрания», город, расположенный на удивление удачно, на высоте 1800 м над уровнем моря, на главном пути с нагорья в Месопотамию, впоследствии сумевший остановить вторжения или набеги, какие ассирийцы с 782–772 гг. до н.э. устраивали из чистого экспансионизма, и не позволить им перерезать торговый путь, ведущий на Дальний Восток. Но не следует приписывать ему всего, что сделали скорей его преемники, и не стоит забывать, что ассирийские анналы упоминают его не как царя, а как «наместника Мидии». Объединение мидийцев и, несомненно, в то же время других

иранских народов нагорья, в том числе персов, осуществленное отчасти силой, отчасти благодаря тому, что все хотели защититься от могучих соседей из Месопотамии, произошло позже, в царствование Каштарити (Фраорта?), даже при Киаксаре, — возможно, во время всеобщего восстания против Ассирии, разразившегося в 673 г. до н.э., или еще позже, в период с 653 по 633 г. до н.э. Кстати, отметим, что это объединение не помешало племенам и городам сохранить некоторую самостоятельность, ведь еще в последние годы этого века Иеремия писал: «Созовите на него [Вавилон] царства Араратские, Минийские и Аскеназские [...]. Вооружите против него народы, царей Мидии, областеначальников ее и всех градоправителей ее, и всю землю, подвластную ей» (Иер. 51: 27–28).

Исключительно для борьбы с сильными державами иранцы и объединились в некое подобие конфедерации, похожей на те, какие будут так часто встречаться у кочевников и позже станут зачатками степных империй. Впрочем, к ней примкнули далеко не все, коль скоро в том же году, когда произошло восстание против Ниневии, один текст из Нимруда сообщает, что Асархаддон предложил союз мидийскому вождю Раматее. Что касается скифов, далеких от мысли поддержать повстанцев, как мы уже говорили и скажем еще, то они встали на сторону Ассирии и спасли ее (на время), когда явились ей на помощь и помогли победить мидийцев (653 г. до н.э.).

Заслугой Каштарити в основном считается, что он понял: орды неспособны победить большую оседлую страну, имеющую земледелие и города; надо создать регулярную армию из пехотинцев и инженерных войск, организованную по образцу армий больших монархий, и найти для этого средства. Это не помешало некоторым комментаторам задаться вопросом, был ли Хшатрита ассирийских источников (Фраорт, Фравартиш) героем этого восстания или только одним из беспокойных и честолюбивых местных вождей, каких во времена Асархаддона было много. Как не помешало и мидийцам испытать серьезные неудачи в неравной и, казалось, безнадежной борьбе, прежде всего поражение в 653 г. до н.э., о котором упоминают ассирийские тексты и при котором Фраорт якобы и погиб.

Восстание иранцев было только одним из многих возмущений, постоянно сотрясавших Ассирию, вассалы которой не переносили диктатуры. Такие восстания вспыхивали с давних времен, едва ли не непрерывно, но во второй половине VII в. до н.э. они выглядят более многочисленными и лучше организованными. Может быть, только потому, что мы выходим из тумана, что документы становятся ясней,

датировки — наконец-то надежными, а может, потому, что события делаются всё важней и драматичнее. В ту эпоху Иеремия пророчествовал: «Вот, идет народ от севера, и народ великий, и многие цари поднимаются от краев земли; держат в руках лук и копьё [...]; несутся на конях» (Иер. 50: 41–42).

ОСНОВАНИЕ МИДИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Восстание, ставшее решающим, началось в Вавилоне, который, гордясь прошлым, никогда не признавал своего подчиненного положения и часто бывал за это наказан. Сможет ли он восторжествовать на этот раз? Город искал союзников. Они не могли не найтись. Мидийцы некоторое время колебались, выбирая, к какому лагерю примкнуть, поскольку знали, что воевать в Месопотамии опасно, но потом решились. Они поддержали восстание, и их силы оказались настолько значительными, что их хватило для победы. В 616 г. до н.э. они помолвили Амитис, маленькую дочь своего царя, с Навуходоносором, наследным принцем Вавилона, и этим брачным альянсом был скреплен военный союз, как часто бывало в истории. Немедленно началось наступление, которое на сей раз оказалось успешным. В 615 г. до н.э. враги ассирийцев заняли Аррапху (Киркук), в 614 г. до н.э. — Ашшур, в 612 г. до н.э. — Ниневию. Вавилоняне и мидийцы разрушили ее так основательно, что потом двадцать пять веков никто не знал, где она находилась. Через два года были окончательно разгромлены последние ассирийцы, а их царь покончил с собой, бросившись в огонь. Великая страница закрылась. Библейские пророки могли быть довольны. Их проклятия исполнились. Разве не повторяли они в той или иной форме: «Горе городу кровей! весь он полон обмана и убийства [...]. ...и покажу народам наготу твою и царствам срамоту твою» (Наум. 3: 1, 5). Но евреи от этого ничего не выиграют. Вавилон станет для них роковым, тогда как Ассирия довольствовалась только их подчинением.

Открылась другая страница. Началась великая эпоха для древнего города Месопотамии и для так называемой халдейской династии, к которой принадлежал Навуходоносор (604–562 до н.э.). Для славы Вавилона она сделает больше, чем прежние тысячелетия. Она будет краткой, но озарит древнюю цивилизацию Двуречья, уже имевшую столь богатую историю, последней вспышкой. Разве не на закате солнце сияет самым красивым светом?

Победители разделили владения побежденных. Вся долина Тигра и Евфрата досталась Навуходоносору, северные и западные области —

Киаксару: мидийцы стали властителями Элама, Армении — бывшего Урарту, которая с 612 по 549 г. до н.э. будет сатрапией, Восточной Анатолии и, несомненно, уже всего Ирана, который они к тому времени завоевали или вскоре окончательно завоюют; племя магов с давних пор непрерывно поддерживало связи с Согдианой, и маздеизм продолжал распространяться. Зато Сирия избежала власти мидийцев. Там сумел по-хозяйски воцариться Навуходоносор. Финикийцы, ведшие успешную средиземноморскую торговлю, нравились ему, но были и царства, не слишком покорные. К ним принадлежала Иудея. Ее надо было покарать. Ассириец двинулся на Иерусалим. Страшная осада! «Весь народ его вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу, чтобы подкрепить душу. [...] Матерям своим говорят они [дети]: “где хлеб и вино?” умирая, подобно раненым, на улицах городских, изливая души свои в лоно матерей своих. [...] Дети и старцы лежат на земле по улицам [...]. Руки мягкосердых женщин варили детей своих, чтобы они были для них пищею» (Плач. 1: 11; 2: 12, 21; 4: 10). Это был абсолютный ужас, которого лучше было бы не допускать в отношении народа Яхве. Навуходоносор взял город в 597 г. до н.э. и выслал его элиту, царя, великого пророка Захарию. Иеремия предпочел бежать и укрылся в Египте. Потом, поскольку назначенный наместник совершил измену, вавилонянин вернулся. В 587 г. он снова вступил в святой город, разрушил его, снес Храм, совершил новые высылки. Это был еще один великий исторический момент, столь же важный, как и падение Ниневии. История Израиля кончилась. Началась история евреев.

Евреи в изгнании будут плакать, сочиняя великолепные песни: «Если я забуду тебя, Иерусалим...». Мы до сих пор выражаем горе словами, которые нашли они: «*De profundis clamavi ad te, Domine...*» [Из глубины взываю к тебе, Господи (*лат.*)] Стенать будут они не все. Среди них найдутся те, кто сможет извлечь выгоду из бедствия, сумеет раскрыть свои таланты, найти себе место в чужой земле. Позже мы увидим их на высоких постах в Вавилонском царстве, а потом в Персидском царстве. Очевидно, Месопотамия начала оказывать влияние на евреев еще до высылки. Евреи были с ней связаны издавна, подчинялись ей, и ассирийская цивилизация была слишком мощной, чтобы не наложить на них отпечаток. Но жизнь изгнанников рядом с месопотамцами усилила культурное давление последних на евреев, и тогда же возникло давление со стороны Ирана. В библейских текстах, написанных после изгнания, можно усмотреть нечто большее, чем эволюцию мысли.

Мидийцы, поселившиеся в Анатолии, были соседями и, следовательно, врагами Лидийского царства, «великого царства», как его позже

определил дельфийский оракул. После набега киммерийцев и смерти Гигеса это царство было восстановлено и вновь обрело могущество и богатство при преемниках этого царя — Ардисе, Саднатте и Алиатте (ок. 610–561 до н.э.). Против Лидии мидийцы были бессильны. Война продлилась семь лет. 28 мая 585 г. до н.э. ей положило конец солнечное затмение, которое якобы напугало обоих противников, хотя было предсказано Фалесом Милетским. Возможно, это был удачный предлог! Был заключен мир. Поговаривали о посредничестве Вавилона. Граница была зафиксирована по реке Галис, ныне Кызыл-Ирмак. Через недолгое время умер Киаксар. Ему наследовал Астиаг и, говорят, долго и мирно царствовал (585–550 до н.э.). Его царство было огромно. Таких еще никогда не было. Возможности сделать его больше или богаче явно не существовало. В ту эпоху слова «невозможный» для иранцев не существовало.

С мидийцами были тесно связаны персы, как, несомненно, и другие иранцы, — настолько тесно, что греки легко путали мидийцев с персами. «Персидские» войны они будут называть «мидийскими». Как ни странно для такого большого народа, для такого большого царства, но свидетельств культурной, художественной, религиозной деятельности мидийцев очень мало. Конечно, Хамадан не был раскопан, но это не объясняет всего. Существовали и другие города — их названия известны. На одном ассирийском рельефе VIII в. до н.э. изображен город Кишессу, окруженный несколькими рядами стен и ошетилившийся башнями. Сохранилось всего несколько скальных гробниц, не очень красивых, но важных для истории искусства, потому что они стали прообразами ахеменидских гробниц. Они имеют вход, одну-две погребальных камеры, расположенные одна над другой или в ряд и в последнем случае разделенные колоннами, ямы на одно, два или три захоронения, иногда — ниши для приношений. Две таких гробницы есть в Сакавенде, Луристан: утверждают, что там похоронены члены семьи Дейока, и в одной из них есть изображение знатного человека, стоящего перед маленьким алтарем огня, пиреем (VII–VI вв. до н.э.). Дверь в так называемую гробницу Фархада и Ширин между Хамаданом и Керманшахом увенчана солнечным диском. В Кызкапане, в гробнице, приписываемой Дейоку, можно видеть изображение двух людей, одного высокого, другого очень маленького, стоящих перед пиреем и тремя дисками, которые, возможно, символизируют Ахурамазду, Митру и Ардвисуру Анахиту. Еще на нескольких рельефах представлен царь, молящийся перед алтарем огня и вооруженный луком, в то время символом царской власти; позже лук в качестве такового перенял ислам.

В Дуккан-и-Дауде, в нижней части утеса, изображен человек, который держит в руке *барсом*, пучок связанных прутьев, в то время символизовавший растительную природу жертвоприношений-подношений, какие знали еще в киммерийском Луристане и какие при Ахеменидах станут привилегией жрецов. Иногда встречаются и скифские традиции, как в Кызкапане, где фальш-потолок, вырубленный в скале, имитирует покрытие мавзолеев кочевников, но скифской эта гробница быть не может, потому что там есть изображения царя с луком и пирея, а также трех солнечных дисков, упомянутые выше.

Мидийское искусство, возможно, следует искать очень далеко от Мидии, в Центральной Азии, на правом берегу Окса, где нашли клад, зарытый в IV в. до н.э. (спрятанный от Александра?), — должно быть, сокровищницу крупного центра паломничества, святилища Ардвисуры Анахиты, возможно, из Бактр. К этому святилищу приходили издалека, как богатые, так и бедные, потому что с роскошными изделиями, браслетами, торквесами, оружием, статуэтками, пластинами из драгоценного металла там соседствуют изделия очень скромные. Его посещали самое позднее с VII в. до н.э., судя по количеству найденных там предметов, которые теперь хранятся в Британском музее. В этом собрании царит удивительная эклектика. Некоторые из предметов, в которых можно видеть вотивные приношения, явно имеют сирийское происхождение. В древнейших изделиях обнаруживается влияние Урарту и Луристана, некоторые фигурки носят мидийские тиары, всадники одеты в мидийские костюмы, сидят по-мидийски на конях с мидийской сбруей, в руках у некоторых персонажей — *барсом*, длинное копье или чаша. Украшения и ручки сосудов изготовлены в очень характерном зверином стиле, бесспорно, свойственном искусству степей, тогда как статуэтки дарителей и дарительниц имеют лица, выполненные чрезвычайно реалистично, с выраженными этническими чертами, но тела их сделаны грубо и условно, безо всякого реализма. Примечательное изделие, в котором чувствуется определенная архаизация, — изображение конных царей, охотящихся с копьями и луками на львов, в котором удивительно сочетаются элементы мидийского, скифского, ассирийского, урартского и уже даже греческого искусства. Эта поразительная смесь стилей придает Амударьинскому кладу особое очарование: ведь пусть даже из нее не следует, что побережья этой реки в VII в. до н.э. находились под мидийским владычеством, все равно можно сделать выводы о влиянии мидийцев на эту местность, о чрезвычайно активном смешении народов и о существовании связей между Средиземноморьем и Восточной Анатолией с одной стороны и Бактрией с другой.

Астиаг выдал дочь Мандану за одного из своих крупных вассалов, царя Парсумаша и Аншана, перса по имени Камбис. Этот брачный союз придал особый блеск людям, которые уже занимали в Мидийском царстве завидное положение, жили здесь так же давно, как и мидийцы, и не считали себя пустым местом, коль скоро уже один из предшественников Камбиса, Ариарамна (ок. 640–560? до н.э.), провозглашал на табличке, написанной на древнеперсидском языке и найденной в Хамадане: «Эту страну Персию, которой я владею, наделенную красивыми конями и добрыми людьми, дал мне Великий Бог Ахурамазда. Я царь этой страны» — по всей видимости, царь милостью Бога, какими в ту эпоху были все иранские цари. А разве другой перс, его сын Аршама, не называл себя «Великим Царем, Царем царей, царем Парсуа»?

В 550 г. до н.э. сын Камбиса и Манданы Кир сверг Астиага и привел к власти свой род, род Ахеменидов. Мидийская держава просуществовала самое меньшее полтора века, Мидийская империя — с 612 по 550 г. до н.э., немногим более полувека. Это мало. Но она продолжит свое существование в лице Персидского царства.

ГЛАВА III СКИФЫ

Скифам, вернувшимся на равнины Причерноморья после долгого набега на Иранское нагорье, в Анатолию и Сирию, понадобилось много времени, чтобы подчинить племена сородичей, не покидавших эти равнины, и добиться гегемонии, зато они довольно быстро сумели найти здесь свое место и обозначить свое присутствие. Они вернулись к обычному образу жизни, и если им, несомненно, приходилось сталкиваться с соперниками или с соседями-кочевниками, больших завоевательных походов они почти не устраивали. В истории было лишь две больших скифских войны — одна оборонительная, против персидской армии Дария, вторгнувшейся на земли скифов в конце VI в. до н.э., а другая наступательная, в IV в. до н.э., когда политический и экономический подъем побудил скифов напасть на Филиппа II Македонского, отца Александра Великого (в 339 г. до н.э.). Скифы очень быстро завязали постоянные связи с Грецией или, точнее, с факториями и городами на северном побережье Черного моря, которые создавали ионийцы. Кувшины для вина (ойнохойи), найденные в крымских захоронениях, датируются VI в. до н.э., и в ту же эпоху Ольвия, милетская колония, основанная в устье Буга, распространяла греческое влияние. В IV—III вв. до н.э. «варвары» уже претерпели существенную эллинизацию, пусть даже некоторые из них враждебно относились ко всё более явному усвоению чужой культуры, и Геродот не без преувеличений подчеркивает эту враждебность (Геродот, IV, 76). Конечно, в Скифии были филэллинская и ксенофобская, «националистическая», партии. Последняя иногда прибегала к насилию в качестве реакции и доходила до убийства выдающихся личностей. Самой знаменитой из их жертв стал Анахарсис, скифский философ, по слухам — друг Солона, якобы побывавший в Афинах около 589 г. до н.э. (Плутарх, «Солон») и причис-

ленный к Семи мудрецам. Его творчество малоизвестно, но Аристотель приписывает ему знаменитую максиму: «Развлекаться для того, чтобы усердствовать в добропорядочных [делах], — по Анахарсису, это считается правильным» («Никомахова этика», X, 6). Анахарсис представлял собой образец эллинизированного скифа; он был олицетворением естественного человека, не испорченного цивилизацией; он воплощал скифский вклад в греческую мысль, и в отношении этого вклада не приходится сомневаться, что он нам недостаточно ясен — возможно, потому, что еще никто не пытался его выявить. Удивительна эта встреча греческой культуры, какую распространяли морские странники, и культуры народов степей, которую уже можно назвать иранской, хоть она и была в большей мере «степной», носителями которой были странники по сухопутным просторам. Столкнулись два совершенно разных мира, и возник необыкновенный синтез — греко-иранское искусство, предшествовавшее и тому искусству, о котором будут говорить после завоеваний Александра, и греко-буддийскому искусству.

Вернувшись в Северное Причерноморье, скифы не замедлили оказать огромное влияние на тех, кто там оставался, — может быть, потому, что возвратившихся окружили особым почетом, а может быть, потому, что в контакте с Ассирией, Урарту и некоторыми другими они приобрели более высокую культуру по сравнению с сородичами. Не случайно вскоре после их возвращения зародилась великая цивилизация степей, появление которой, конечно, инициировали они. Еще в VII в. до н.э. скифское искусство было очень стильным, мощным, но холодным, как показывают, в частности, бляшка в форме хищной птицы из Мельгуновского клада, найденного в 1763 г., которая хранится в Эрмитаже, и знаменитая пантера из Келермесского захоронения. Однако надо признать за этим искусством немалое изящество и умение выражать сосредоточенность животного, хорошо заметные по фигурке оленя из кургана у станицы Костромской на Кубани (Эрмитаж), возможно, изделия не столь древнему, как полагают. В VI в. до н.э. всё изменилось. С первых десятилетий этого века выявилось настоящее своеобразие скифского искусства, оно получило развитие в последующие десятилетия и в V в. до н.э., достигло апогея в IV в. до н.э. и внезапно исчезло в III в. до н.э., когда пришли сарматы. В течение ста-двухсот лет скифская культура, конечно, была проникнута месопотамскими, сирийскими, анатолийскими традициями, использовала соответствующий bestiарий и иконографические сюжеты, например, композиции с деревом жизни, свойственные ассиро-вавилонскому искусству, как видно по находкам в Келермесе (первая половина VI в. до н.э.), потом эта культура оторва-

лась от своих источников и утвердила свою оригинальность, несмотря на усиление греческого влияния и ахеменидского Ирана.

ПОРТРЕТЫ

Многие авторы описали скифов, какими их видели, — но интересней, что и сами скифы изобразили себя в многочисленных произведениях искусства. Это были крепкие, коренастые, сильные люди с большими усами и густыми бородами, кроме как, возможно, в молодости, с такими длинными волосами, что те часто падали на плечи либо их связывали в пучки (восхитительные портреты из Куль-Оба в Крыму, IV в. до н.э.). Они носили короткие и узкие рубахи и длинные штаны, кожаные сапожки, едва доходившие до икр, или башмаки, подвязанные кожаными ремнями. Островерхие колпаки закрывали им уши, защищая от ветра, в степи нередко очень сильного.

Они вели простую жизнь и любили изображать себя за обычными делами: мужчин — за беседой (Куль-Оба, Частые Курганы), за отдыхом, сидящими с рукой на бедре (Частые Курганы), лечащими ногу раненому или зуб сородичу, женщин — держащими в руке зеркало (Куль-Оба) и часто — танцующими, то в виде рельефного изображения (Куль-Оба), то в виде силуэтов, вырезанных из металла в качестве бляшек (Большая Близница). Скифы — изрядные любители выпить, не довольствовавшиеся перебродившим молоком, которое станет известно у кочевников позднейших времен под названием «кумыс», но покупавшие вино на Хиосе и Тасосе, а потом и во многих других местах, которые мы определяем по греческим амфорам, найденным *in situ*: фирменной «этикеткой» служит форма сосудов. Гораздо позже они пытались разводить виноград. Они имели прочную репутацию завязяных пьяниц. Геродот упоминает об одном человеке, перенявшем у скифов привычку пить, и сообщает, что в Греции, когда хотели сказать, что намерены упиться до крайности, говорили: «Будем пить по-скифски!»

Как будто ничто не указывает, чтобы они были богаты, хотя иногда они обладали огромными богатствами, — словно бы золото их не интересовало и они приберегали его только для покойников. «Они не умеют делать [денежных] запасов и не знают торговли, кроме обмена товара на товар», — пишет Страбон (VII, 45). Они были по преимуществу кочевниками, и стада давали им почти всё необходимое для жизни: молоко, мясо, шерсть, кожу, кости. Они, конечно, были прекрасными воинами и могли бы наживаться за счет грабежа, но, как мы уже говорили, нам почти неизвестно, чтобы они совершали опустошительные набеги. Они

были прекрасными охотниками, метавшими дротики и стрелявшими из лука как никто — я имею в виду, конечно, «никто за пределами степного мира», ведь не их стрела войдет в поговорку у потомков, а парфянская, — и охота помогала им разнообразить питание, добывать меха и шкуры, но никогда не обогащала самих охотников. Откуда же возникало их состояние? Несомненно, благодаря золотым копьям, благодаря мастерским по обработке металла, но, что бы ни говорили наши классические авторы, — конечно же, и благодаря межконтинентальной торговле, которая шла на их землях и которую они иногда вели сами, продавая продукты животного происхождения и зерно. Конечно, они продавали, но и покупали тоже. Греки создавали фактории на скифских побережьях, только чтобы торговать со скифами. Известно, что последние приобретали у них товары, до которых были падкими: одежду, предметы искусства, оливковое масло, вино. О Танаисе, городе в устье Дона, Страбон (XI, 2, 3) пишет: «Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро [Азовское море] с Боспора [Киммерийского], с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода».

Они возделывали свои земли или заставляли это делать других. «Скифы не пахут», — говорит Геродот, однако, как и другие авторы, наряду с царскими скифами и скифами-кочевниками упоминает скифов-земледельцев. Их миф о происхождении, где явственно видны индоевропейские верования и индоевропейская социальная организация, выявляет трехчастное деление общества, и это деление символизируют три предмета или скорей три группы предметов, причем два первых составляют единое целое, которые упали с неба и за которые шел спор: плуг и ярмо, предназначенные для земледельцев, секира для воинов и чаша для жрецов и царей. Ведь богатые равнины Причерноморья и долины Кубани пригодны для выращивания зерна, злаков, которые пользовались большим спросом в греческих городах — они пользовались таким спросом и скифы их поставляли в таком количестве, что земледелие Пелопоннеса не смогло выдержать конкуренции, из-за чего Спарту и Афины потряс тяжелый экономический кризис. Там, где скифы не пахали сами, они заставляли работать своих рабов, которых они, по словам Геродота, ослепляли. Земледелие они считали настолько важным занятием, что класс рабов у них понемногу разросся и государство, по крайней мере к IV в. до н.э., стало типично рабовладельческим.

Длительное время они не знали ни городов, — кроме основанных ионийцами, — ни каких-либо укреплений и, несомненно, даже деревень как архитектурных сооружений. Однако позже, когда сарматы изгнали их с Кубани и отбросили к Днепру, они стали строить поселения. Это были пункты сбора войск, более или менее укрепленные, более или менее отстроенные, зачатки городов, причем некоторые существовали еще в V в. до н.э., как Елизаветовское городище, занимавшее 55 гектаров. Неаполь в Крыму близ Симферополя, окруженный мощной каменной стеной, вырос не ранее III в. до н.э.

Скифы жили в шатрах. Возможно, некоторые и обитали в кибитках, как говорит Геродот, хотя повозки использовались прежде всего для сезонных миграций и даже для торговли, потому что верблюды из Центральной Азии были более чем редкостью. Есть несколько описаний таких гужевых экипажей от древности до наших дней. В захоронениях найдены их уменьшенные терракотовые модели. Они поставлены на шесть колес, а платформа с крытым верхом разделена на два-три отделения. В Елизаветинской, на Дону, раскопали остатки повозки со следами росписи и с колесами, имеющими по двенадцать спиц и диаметр 0,75 м. Совершенно целая повозка, очень хорошо сохранившаяся, из Пазырыка на Алтае, то есть из местонахождения, принадлежавшего не скифам как таковым, а другим иранским кочевникам, несомненно, юэчжам, имеет совсем другие размеры. Ее четыре колеса с большим количеством спиц имеют диаметр 2,15 м. Высота повозки — 5,3 м, а ширина — 3,35 м.

АМАЗОНКИ

Женщины занимали высокое положение и пользовались большой свободой, но, хоть иногда говорят, что они были во всем равны мужчинам и даже верховодили ними — память о былом матриархате или пережиток? — на самом деле они все-таки подчинялись мужчинам. Образ жизни обоих полов ничем, во всяком случае в первые времена, не различался, хотя порой подчеркивают специфику женских работ, так что в этом вопросе существуют заметные противоречия. Женщина ездилa верхом, охотилась, воевала. Она могла командовать армиями. Она несомненно могла быть всемогущей повелительницей. Кое-где упоминаются имена некоторых из этих владычиц. Одна из них, Лисиппа, о которой, впрочем, говорят, что она была амазонкой, прославилась любовью, какую внушила своему сыну Танаису: он тщетно пытался противиться этой любви и был вынужден броситься в реку, которая с тех пор получила его имя (ныне Дон). Некоторые исследователи

усматривают в этом мифе реакцию либо на ритуальное кровосмешение, которое было принято еще у древних иранцев и которое маздеизм лишь унаследовал, либо на сам маздеизм, если этот обряд ввел он.

Существует несколько отдельных женских захоронений, ничем не уступающих мужским, таких, как Павловский курган, сохранившийся до наших дней нетронутым, что бывает редко, — курган IV в. до н.э. высотой 16 м. В Большой Близнице есть самое меньшее три женских погребения, одно из которых явственно свидетельствует о связях покойной с элевсинскими мистериями, опять-таки напоминая нам о Греции.

Такие женщины-воительницы, женщины-убийцы казались грекам худшим из возможных отклонений от нормы, чем-то противоестественным, и они сочинили об этих женщинах миф, которому предстояло пережить века, — миф об амазонках. Он приобретет огромную известность. На рельефе из Британского музея, изваянном около 350 г. до н.э. и происходящем из мавзолея в Галикарнасе, одного из чудес света, изображена битва греков с амазонками — это одно из многих изображений, — которая позже стала излюбленным сюжетом европейских художников: свидетельством этого, опять-таки одним из многих, служит знаменитая картина Рубенса, хранящаяся в Мюнхене.

Конечно, племени амазонок не существовало, и поэтому античные авторы никогда не знали, где их поселить, помещая место их обитания за пределами известного мира, но недалеко, и имели возможность рассказывать на эту тему красивые истории. Последние встречаются в нескольких вариантах, но основной сюжет хорошо изложен Гиппократом (460—ок. 377 до н.э.): «В Европе, — пишет он, — есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды [Азовского моря] и отличающийся от других народов. [...] Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей [...]. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступать в поход. У них нет правой груди, ибо еще в раннем детстве матери их, раскалив приготовленный с этой целью медный инструмент, прикладывают его к правой груди и выжигают, так что она теряет способность расти, и вся сила и изобилие соков переходят в правое плечо и руку» («О воздухе, водах и местностях». 18). Другие авторы уточняют, что амазонки общались с мужчинами лишь затем, чтобы зачать ребенка, и убивали детей мужского пола, оставляя в живых только девочек. Геродот рассказывает, что скифы однажды предложили амазонкам жить с ними, и те ответили: «Мы не можем

жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них [...], к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины [...] выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках [...]. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить» (IV, 114). Очевидное противоречие с тем, что говорится о скифской женщине в других местах!

НРАВЫ И ОБЫЧАИ

Геродот перечисляет двадцать особенностей жизни скифов, иногда не понимая их; эти особенности могут показаться странными, но их можно объяснить, изучив другие кочевые цивилизации, после чего они становятся приемлемыми. Некоторые нравы описаны в мифологической форме. В одном из таких мифов (IV, 10) отражена традиция, сохранявшаяся долгое время, которая требовала, чтобы старшие дети уходили далеко, а в отчем доме оставался самый младший сын, часто называемый «хранителем очага» или «князем огня». Есть жизнеописание, где в качестве исключительного представлен некий факт, который на самом деле был или позже стал обычным. В описании жизни некоего Скила, например, особо подчеркивается, что он женился на жене отца, носившей имя Опия (IV, 78), хотя вдовы по традиции выходили замуж за сыновей или деверей.

Характерным для степных кочевников было умерщвление животных без пролития крови — то, что содержит душу, не должно было разливаться по земле, — и поэтому убивали, как говорит Геродот, путем удушения (IV, 72); встречаются и утверждения, что для этого применялись побивание камнями или сдавливание аорты. Клятва, в силу которой два человека становились «братьями по крови», тоже описана в двух формах: либо каждый делал надрез на руке и прижимал его к соответствующему надрезу на руке партнера, либо, как сказано у Геродота (IV, 70), каждый отпивал немного крови другого, смешанной с вином или без вина. Я никогда не встречал сведений об обычае скифов скальпировать врагов, хорошо известного у американских индейцев, но наличие такого обычая видно по одному скелету из II Пазырыкского кургана, на черепе которого сохранилась длинная насечка от уха до уха и на него надет парик взамен настоящих волос, взятых убийцей. Отрезание головы побежденного для сохранения ее при себе было уже классикой. На чаше из Курджипского кургана IV–III в. до н.э. изображен скифский воин, несущий голову врага; этот обычай отмечен также у тугю в VIII в. и у монголов в XIII в. Еще чаще, как говорит тот же Геродот, отпиливали свод черепа, золотили и делали чашей для питья (IV, 26 и 65). В истории

много таких примеров — у хунну, которые в 201–202 гг. до н.э. сделали чашу из головы вождя юэчжей, у дославянских болгар, так же поступивших с головой византийского императора Никифора (811 г. н.э.), а также у мордвы в XIII в.*

Другие рассказы Геродота, похоже, были продиктованы желанием объяснить обряд или верование, смысла которых он не понял. Может быть, поскольку страна скифов была бедна деревом, они действительно разводили огонь при помощи костей животного, которого убивали с целью его сварить, хотя в реальности топливом чаще всего служил сухой навоз. Может быть, греческий историк исходил из общих и внешне противоречивых обычаев, состоящих либо в том, чтобы тщательно сохранять кости покойника, позволяя последнему воскреснуть и обеспечить ему присутствие на земле, либо в том, чтобы, сжигая их, помешать ему ожить в этом мире и окончательно «отослать» в загробный. В сравнительно поздние времена монголы сожгли тело шаха Хорезма, врага Чингис-хана, чтобы навсегда избавиться от этого противника. Как бы то ни было, ни иранцы, ни кочевники не были равнодушны к скелетам: маздеисты, а также тюркские и монгольские племена либо позволяли диким животным обглодать труп, чтобы кости «очистились», либо помещали его на вершину дерева или на помост, чтобы мясо разложилось до совершения погребального обряда. Как всё, что делается впервые, тем более что пролитие крови — это серьезно, первое убийство влекло за собой совершение многочисленных обрядов, различных в зависимости от эпохи и племени. Нередко бывало, что подросток вступал в общество взрослых, только совершив убийств. Геродот (IV, 64) говорит, что всякий мужчина, убивший первого врага, пьет кровь жертвы; это похоже на правду, потому что инициационных ритуалов такого рода немало. Таким образом, многое, что сообщает историк и что вызывает сомнения, находит свое подтверждение. Это не значит, что всё сказанное им — правда, но «не подтверждено» и «не было» — не синонимы. Я никогда и нигде не встречал ни закона, требующего приносить в жертву каждого сотого пленника (IV, 62), ни кровавых приношений мечу, который Геродот называет мечом Ареса...

* У мордвы не было такого обычая. В послании венгерского епископа Стефана Вацкого парижскому епископу (от 10 апреля 1242 г.) сообщаются сведения, полученные от пленных монгольских лазутчиков. В частности, в письме говорится о том, что на стороне монголов сражаются племена мордвы; последние уничтожают всех людей без разбора, и никто из них не считается полноправным мужчиной, пока не убьет человека (*прим. науч. ред.*).

РЕЛИГИЯ

Религия скифов неизвестна. Конечно, они не были маздеистами, иранские кочевники всегда противились принятию маздеизма, но они контактировали с ним. Богов, упоминаемых Геродотом под греческими именами, идентифицировать трудно. Похоже, единственная великая богиня, которую такая судьба миновала, — Табити, «Жгущая», богиня огня, присутствие которой подчеркивает, что у этих немаздеистских народов существовал культ огня, занимавший центральное положение в маздеизме. Под именем Ойтосира можно обнаружить Митру. Из анализа Амударьинского клада, о котором мы уже говорили, как будто следует, что почти повсеместным в иранском мире был культ Ардвисуры Анахиты. Греческий историк ясно говорит, что «у скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам» — следует понимать: храмы, хоть чуть-чуть напоминающие греческие. На одном ковре из Пазырыка изображены царицы, приносящие жертву перед пиреем.

Существование скифского шаманизма более чем подозрительно. Отнюдь нельзя сказать, что это исключено, ведь скифы пришли с востока, а для народов Сибири и Восточной Азии характерен шаманизм, потому что их колдуны были знахарями, какими бывают шаманы. Зато сегодня не считаются шаманскими практиками гадание на ивовых прутьях (Геродот, IV, 67), известное и у других степных культур, и достижение экстаза под действием наркотика, в данном случае конопли, но это не значит, что они не были шаманскими в прошлом, две с половиной тысячи лет назад. Что касается энареев, мужчин-женщин, и их странных опухолей, о которых говорит Геродот (IV, 75) и на которых несомненно намекает Аристотель («Никомахова этика», VII, 7, 6), они могли быть женщинами-шаманками или скорей феминизированными мужчинами-шаманами, которые, как скажут гораздо позже, «рожали», как женщины.

Вся религия скифов как будто обращена лицом к смерти, то есть к загробному миру. Что от них остается? Могилы. Их богатство? Они зарывают его в землю вместе с мертвыми. Их единственное отечество? Место, где покоятся их предки. Свою землю они могут оставить без боя. Они не рискнут жизнью ради нее. Они станут сражаться только ради защиты могил пращуров. Достаточно выслушать, что ответил один из их вождей Иданфирс Дарию, когда тот пришел их покорить и когда они, неуловимые, не принимая боя, бесконечно ускользали от противника и тревожили его, применяя тактику, которая останется неизменной тысячами: «Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-

либо [...]. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. [...] у нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. [...] у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет» (Геродот, IV, 127).

Этой тактике скифы и следовали. Намек на могилы, похоже, придуман, ведь найти эти могилы было нетрудно, настолько хорошо они заметны. Тут следует отметить, что при всем почтении к могилам их то и дело оскверняли, несомненно с древних времен. Лишь немногие из них сохранились нетронутыми. Вероятно, именно из-за таких осквернений кочевники изменили свои погребальные обычаи, во всяком случае, ко второму тысячелетию нашей эры. В XIII в. отмечалось, что погребение происходит втайне, ничто не указывает на место, где находится могила, а могильщиков сразу после похорон убивают. Характерный пример — похороны Чингис-хана.

ПОГРЕБЕНИЕ

Рассказ о похоронах, который приводит Геродот, довольно правдоподобен. Здесь опять-таки описаны культурные реалии, общие для иранцев и тюрко-монголов: похоронная процессия, везущая покойника от племени к племени; путешествие, которое он совершает до выбранного для погребения места, часто очень удаленного от места смерти; нанесение людьми себе в знак траура ритуальных увечий, которые, конечно, со временем будут варьироваться, но характерные черты которых мы уже можем отметить. Скифы «везут [тело] на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело [...] отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами» (IV, 71). Всё это встречалось во многих местах. Обстригание волос? Во II и III Пазырыкских курганах найдены косы, как и в Ноин-Ула, где было семнадцать кос, завернутых в шелк. Ранение ушей? Один тюркский текст, рассказывающий о похоронах хана, сообщает: «Все люди [пришедшие на погребение] отрезали себе волосы и надрезали уши». Ранения на лице? Китайцы пишут: «Они [тюрки] надрезают себе лицо ножами так, чтобы вместе со слезами текла кровь», а Иордан говорит о «глубоких ранах», которыми «обезобразивали лица» на похоронах Аттилы.

Почти нет необходимости особо подчеркивать, что годовщина смерти отмечалась и что на похоронах причитали — похоже, такие жалобы

присущи человеческой природе и встречаются почти везде. У нас есть некоторые основания верить, что это иногда граничит с истерией, и мы уже говорили, что эти крайности объясняют осуждение плакальщиц в маздеизме. Конечно, производилось частичное бальзамирование трупов. Из тела извлекали внутренности и наполняли его ароматическими веществами. В Пазырыкском кургане череп покойника трепанирован. Отмечено, что тело покрывали воском и помещали в выдолбленный ствол дерева, чтобы не осквернять землю, — маздеизм тоже будет заботиться об этом, еще более драконовскими методами.

Поминальные церемонии в годовщину смерти, насаживание тел лошадей на вбитые наискось колья, принесение в жертву слуг и наложницы (но не жены, как тогда же и еще долго делали на Дальнем Востоке) явно в расчете на службу покойному и удовлетворение его сексуальных потребностей в царстве мертвых, закапывание амфор с оливковым маслом и вином, котлов с мясом, ценных предметов отмечены во многих местах и подтверждаются данными археологии. Через полторы тысячи лет францисканец Гильом де Рубрук, один из первых средневековых «исследователей» Центральной Азии, воскликнет: «Я не понимаю, почему они со своими мертвыми зарывают сокровища» («Путешествие», VIII). Счастливое верование, счастливый обычай, благодаря которым у нас теперь есть столько шедевров!

КУРГАНЫ

Скифские могилы, обычно называемые курганами, старинным словом, означающим, видимо, «холм», по меньшей мере могилы вождей (потому что могилы простонародья скромней, и вместо лошадей, принесенных в жертву, туда помещали несколько костей или детали сбруи), пусть даже некоторые, не слишком понятно почему, едва возвышаются над равниной, — это по преимуществу высокие холмы, которые скифы «старались сделать [...] как можно выше», по словам Геродота (IV, 71), настоящие горы в миниатюре, которые претендовали на звание гор в этой стране равнин и получили его. Они высятся вразнобой в степи, как высокие ориентиры, их высота может достигать до 20 м, а окружность — достигать нескольких сот метров: к примеру, курган Чертомлык на Днепре имеет 19 м в высоту и 330 м в окружности. Их соорудили из века в век, и не только источники классической античности утверждают, что курган напоминает «большой холм», — это выражение принадлежит великому марокканскому путешественнику Ибн Баттуте (XIV в.), а китайцы говорят о могиле Ашина Хэлу, князя тугю VII в., что

она имеет «форму кашгарской горы». В более пересеченных местностях покойника всегда хоронили на возвышенности, чтобы он был ближе к небу, находился на космической оси. Это хорошо заметно на Алтае, в Пазырыке, где могилы выкопаны на высоте 1600 м над уровнем моря, благодаря чему в суровом климате всё быстро замерзло и то, что особенно подвержено разложению, сохранилось лучше: войлок, ковры, кожа и даже татуированные человеческие тела, в том числе тело женщины, здоровье которой было безупречным, не считая следов зубной пиореи. Там не было никакой нужды в высоких холмах: Пазырыкские курганы возвышаются над землей не более чем на 2,80 м.

Курганы часто бывают изолированными или образуют небольшие группы, иногда же составляют огромные некрополи. Некрополь у станицы Елизаветовская, насчитывающий сотни курганов, из которых исследовано 289 и где (к 2001 г.) обнаружено 389 захоронений, тянется на десяток километров. Курганы особенно многочисленны к востоку от Азовского моря, на Кубани, в западной излучине Днепра и на Крымском полуострове, но их немало и в других, относительно северных областях, например, в воронежском Подонье.

О том, чтобы упомянуть все раскопанные курганы и даже те, которые имеют особое значение, не может быть и речи. Однако, думаю, бесполезно назвать некоторые из самых известных, на которые и я ссылаюсь чаще всего. К первой половине VI в. до н.э. или, возможно, по новейшим представлениям, к VII в. до н.э. относятся клад из Мельгуновского кургана (называемого также Литым), курганы у Темир-горы в Крыму и близ Келермеса и Костромской, те и другие на Кубани. Ко второй половине VI в. до н.э. — курган близ станицы Махосhevская на Северном Кавказе, Ульские курганы на той же Кубани. К V в. до н.э. — несомненно, часть комплекса Елизаветовской в Ростовской области, курган Острая Томаковская Могила в Днепропетровской области, курган близ села Кара-Меркит и Золотой курган в Крыму, группа под названием «Семь братьев» на Кубани, в которой три из семи курганов достигают высоты соответственно 13, 15 и 18 м. IV век до н.э. представлен богаче и ярче всех благодаря прекрасным находкам в таких курганах, как Чертомлык на Днепре, восемь примечательных курганов Елизаветовской, называемые «Пять братьев» (ок. 450 до н.э.), Куль-Оба под Керчью в Крыму, как один из наиболее богатых шедеврами курган Солоха высотой 18 м на Днепре, Большая Близница на Кубани, Частые Курганы в воронежском Подонье.

Не все погребения устроены по одному типу, но наиболее часто встречающаяся модель — курган, в центре которого находится погре-

бальная камера с перекрытием, сложенная из бревен и брусьев длиной до шести метров и в количестве до двухсот-трехсот штук в одиннадцать-шестнадцать венцов. Царя хоронили вместе с наложницей, слугами и конями. Около трехсот погребений обнаружено в группе Ульских курганов, двадцать четыре в Первом Келермесском кургане и шестнадцать во Втором, двести — в первом кургане в районе Елизаветинской. На Алтае их меньше: в семи Пазырыкских курганах насчитывается всего от семи до шестнадцати захоронений.

ИСКУССТВО СТЕПЕЙ

Хотя эти курганы часто грабили, из них мы получили тысячи изделий, которые ослепляют, конечно, обилием золота — из-за чего часто говорят о «золоте скифов», как будто ничего, кроме золота, у них не было, — но еще сильнее поражают высоким качеством произведений и их разнообразием.

Искусство степей — хотя во временном и пространственном отношении область применения этого понятия выходит далеко за пределы собственно скифского мира, но именно в этом мире искусство степей достигло высшего совершенства, — похоже, зародилось в Ассирии-Вавилонии, сформировалось на Северном Кавказе в очень отдаленные времена, распространилось на восток, столкнувшись ранее семисотого года до нашей эры с предшествовавшим ему геометрическим искусством, где изображение животного, угадывавшееся среди абстрактных форм, раньше было убогим и грубым и где потом искусство степей породило настоящие шедевры, а в VIII в. до н.э. вместе со скифами вернулось на Запад. Здесь оно как будто снова преобразилось, восстановив контакт со своими древними месопотамскими истоками, к эстетике которых скифы словно бы вернулись, возвратившись домой.

В некоторых изделиях, найденных в курганах, явно чувствуется греческая рука — то ли потому, что их авторы-скифы были обучены в греческих мастерских, то ли, скорей, потому, что сами предметы были куплены у греков, сумевших приспособиться к требованиям и вкусам своих степных заказчиков. Другие, не менее красивые и более оригинальные, — местного производства. По ним видно, что существовала великая художественная цивилизация, полностью заслуживающая названия, которое ей дали: «искусство степей» или «степное искусство звериного стиля». Иногда обе культуры, греческая и скифская, оставались раздельными, иногда тесно смешивались (как в Куль-Оба). В Большой Близнице найдены изображения Деметры, Персефоны,

Геракла (один из эпизодов мифа о котором разворачивается у скифов), Афродиты и Эрота, на колчане из Мелитополя (IV в. до н.э.) — эпизоды из жизни Ахилла. На амфоре из Елизаветовской, основной сюжет которой — сцена кулачного боя, можно видеть Афины. В курганах Большие Близницы обнаружена золотая пластинка с изображением богини Коры, а близ Анновки — статуэтка обнаженной Афродиты (V в. до н.э.). На светильнике из Нимфея изображен обнаженный юноша. Рядом с этими произведениями, проникнутыми классицизмом, возможно, более идеалистическими, более антропоморфными, утверждает свою неповторимость скифское искусство как таковое — очень декоративное, бесспорно талантливо сочетающее реализм и стилизацию.

Здесь изобилуют образы животных, в первую очередь оленей, коней, баранов, пантер, львов, потом кабанов, кроликов или зайцев, птиц, чудовищ, иногда неизвестных в других местах, порожденных воображением авторов, иногда принадлежащих к знакомому кругу, как грифоны. Для некоторых сцен характерны исключительные простота и естественность, как для фигур лошади, трущей задней ногой переднюю, жеребенка, сосущего мать, с пекторали IV в. до н.э. (музей в Киеве), одного из величайших шедевров искусства всех времен, для фигуры оленя, оглядывающегося в прыжке назад, которая служит ручкой бронзового котла из Ульских курганов. Другие сцены, имеющие более интеллектуальный характер, изображают животное как бы сосредоточенным, в момент, предшествующий действию.

Один из мотивов, присутствующих чаще всего, — борьба двух животных, обычно хищника и жертвы, реже нескольких хищников за одну жертву (лев и грифон, сражающие оленя, из кургана Солоха) или двух хищников между собой (два противостоящих друг другу льва-грифона на горите из Солохи, тигр и волк на поясной бляхе VI в. до н.э. неизвестного происхождения, хранящейся в Эрмитаже). Хищная птица в искусстве степей встречается реже, чем в искусстве его преемников, особенно в мусульманском, но не отсутствует. Великолепное изображение хищной птицы, терзающей ягненка, найдено в одном из Семибратних курганов. В списке сюжетов можно найти любое дикое животное: грифона, нападающего на оленя, на браслете из Куль-Оба или на позолоченной серебряной амфоре из Чертомлыка, пантеру, бросающуюся на козла, льва, сражающегося с оленем, из Семибратних курганов, кабана на пекторали из Толстой Могилы в Киеве. Хотя в Келермесских и Пятибратних курганах нашли очень красивые изображения боя льва и быка, царь зверей здесь не главный противник последнего, как настолько часто и повсеместно, с удивительной повто-

ряемостью, было, есть и будет две тысячи лет, от каменного барельефа в Персеполе до антиохийской мозаики VI в., турецкой Большой мечети XII в. в Дийарбакре, каменного парапета лестницы тоже XII в. из Ирана (музей в Берлине) и керамики османской эпохи...

Хотя я всегда настаивал, что этот «бой», которому историки дают такие разные интерпретации, символизирует сексуальное соитие двух «тотемических» предков, — в данном случае, имея дело с иранским миром, который насковзь пропитан дуализмом, я не могу не вспомнить об извечном конфликте добра и зла, конфликте, идея которого неразрывно связана с маздеизмом и позже будет так же связана с манихейством, что, впрочем, не обязательно значит, что я противоречу сам себе. Во всяком случае, религиозный смысл «боя животных» подтверждает находка на берегу Иссык-Куля переносного жертвенника или столика для благовоний, украшенного круглыми скульптурами, которые изображают пантеру, нападающую на яка (V—III вв. до н.э.? Эрмитаж).

Если излюбленным сюжетом бронзолитейщиков и мастеров золотых дел было животное, то и образ человека привлекал их внимание. Человека, как и следовало ожидать, изображали сидящим на коне, охотящимся, ведущим бой. Гребень из Солохи воспроизводит яркую сцену конного сражения, где между собой борются всадник на коне, спешенный всадник и пеший воин. На одной пластинке из позолоченного серебра представлен всадник, который охотится на льва; другой, из Куль-Оба, убивает зайца. В том же кургане найдено изображение двух пеших скифов, стоящих спина к спине и стреляющих из луков, — что, заметим мимоходом, показывает, что кочевники сражались не только верхами. Но, как мы уже говорили, человека, и это бесконечно трогательно, можно видеть и как участника бытовых сцен: за беседой — на сосуде из кургана Гайманова могила второй половины IV в. до н.э., прижавшимся к товарищу, с которым он пьет из одного кубка (Куль-Оба), прилаживающим тетиву к луку (сосуд из Куль-Оба, Эрмитаж), спутывающим коня (Чертомлык) или на другом шедевре, на киевской пекторали, доящим овцу. Достаточно часто он сидит, не скрестив ноги, как будто на маленьком табурете или, скорей, на большой подушке (Частые Курганы).

Все эти жизненные подробности изображены на деталях сбруи, на оружии, украшениях, ритонах, зеркалах, кратерах, чашах, сосудах, наверхиях, наконечниках, аппликациях и поясных бляхах. Последние имеют не только художественный, но и символический интерес, ведь пояс играл особую роль. Мужчина снимал его, чтобы выразить покорность вышестоящему, человеку или богу, а публично застегивал,

демонстрируя независимость или бунтуя. Для женщины пояс был связан с половым актом, который она соглашалась или отказывалась совершить. Геракл получил приказ завладеть поясом Ипполиты, царицы амазонок, чтобы она отдалась ему (Диодор, II, 46, 3; IV, 16, 1). Эти очень разные изделия могли быть бронзовыми, чаще — золотыми, что предполагает использование деревянной матрицы. Для нас искусство скифов — это художественный металл, потому что до нас дошли только металлические изделия. Но мы вправе допустить, что было также изобразительное искусство, художественные ткани и искусство обработки дерева, судя по более восточным захоронениям, таким, как Пазырык, Ноин-Ула в Северной Монголии и другие, менее известные или найденные совсем недавно, как Берельские курганы в Казахстане, захоронения IV в. до н.э., раскопанные в 1997 г. Там меньше золотых изделий, а вместо греческого влияния, едва заметного, отмечено китайское (зеркала), но захоронения похожи на причерноморские, почти идентичны. Они имеют такую же форму — глубокой пещеры, склеп такого же размера, и если холмы пониже, в окружности они такие же (самый большой имеет диаметр 45 м). Хотя местности, где развивалось искусство скифов, географически очень далеки друг от друга, они представляют один и тот же мир, поскольку степное искусство непрестанно циркулировало между Ноин-Ула в Северной Монголии и сердцем Центральной Европы, куда его принесли скорей авары, чем кто-либо другой.

Пять Пазырыкских курганов дали свидетельства существования изобразительного искусства в виде фигуративных татуировок, которые нанесены на хорошо сохранившиеся тела и о присутствии которых у иранских кочевников мы знаем, кроме этого источника, только по бронзовым статуэткам из Луристана, изображающим обнаженных и татуированных мужчин. Подтверждение того, что мастера работали и по дереву, — стрелы, маски в виде голов северных оленей для лошадей или в виде человеческих лиц, созданные в неизвестных целях, накладки, крепившиеся или не крепившиеся на войлочных коврах, с изображением боя животных — фантастической птицы, терзающей лося. Многочисленные фрагменты тканей и особенно ковров показывают, что существовала художественная ткань. В большом местонахождении Ноин-Ула в Северной Монголии, сравнительно недавнем, коль скоро китайские надписи позволяют датировать его I в. н.э., наряду с бронзовыми изделиями найдены куски шерстяной ткани с изображениями грифона, нападающего на лося, фантастической птицы, нападающей на яка, — образами, несомненно позаимствованными из Северного При-

черноморья, по словам Поля Пеллио, выявившего здесь «очень явное» эллинистическое влияние. В Пазырыке С. И. Руденко нашел в 1949 г. два больших ковра. На одном из них, войлочном, размерами 6,5х4,5 м, изображена сцена инвеституры. Второй, шерстяной, искусно связанный (4 тыс. узлов на кв. дм), имеет размеры 2х1,9 м. Он окаймлен бордюрами, изображающими наездников, которые сидят верхом или ведут коней под уздцы, и процессию лосей; в центре — четырнадцать квадратов, украшенных рисунком андреевского креста. Это древнейшее свидетельство существования техники изготовления узелковых ковров, которые начиная со средневековья будут играть столь важную роль в тюрко-иранском мусульманском мире — этого достаточно, чтобы понять его значимость. Были выдвинуты предположения, что этот ковер привезен из Ирана. Я это отвергаю, потому что в других захоронениях были найдены фрагменты ковров, а также вилка, орудие тканья. Тем не менее стиль исполнения, конечно, ахеменидский. Империя Дария наложила на мир кочевников глубокий отпечаток.

ГЛАВА IV АХЕМЕНИДЫ

Вступив благодаря браку с Манданой в мидийскую царскую семью, Камбис I (600–559 до н.э.) мог завязать связи, которые ему послужат в удобный момент. Но нуждался ли он в них? Он мог претендовать на такую же знатность, как и его тесть Астиаг, поскольку происходил от более или менее мифического Ахемена, чье имя с гордостью носили и будут носить он и его потомки — Ахемениды. Он в третьем поколении, после своего деда Теиспа (678–640 до н.э.), дяди Ариарамны (640–590 до н.э.) и кузена Аршамы, был царем Парсуа и во втором поколении, после своего отца Кира I (640–600 до н.э.), — царем Парсумаша и города Аншана (Анзана): местоположение последнего сегодня известно, это Масджид-и Сулейман. Его народ, персы, был родственным народу, с которым породнился он сам, и на Иранское нагорье оба народа пришли почти одновременно; если Камбис I и не основал империю, он уже очень прославился; он был могуществен, особенно с тех пор, как занял Фарс.

Возможно, эти слава и могущество, за которые Камбис, конечно, и был выбран в зятья, беспокоили суверена Мидии, и когда в мифе, созданном по традиционной схеме в расчете на то, чтобы придать происхождению Кира, сына Камбиса и Манданы, нечто сверхъестественное или хотя бы чудесное, мидийского царя обвинили в покушении на детоубийство, в этом, вероятно, есть доля истины. Эту историю подробно рассказывает Геродот (I, 108). Встревоженный предсказанием, что его внук станет царем, Астиаг приказал его убить. Спасла последнего женщина по имени Кино, «Собака». Она только что потеряла своего новорожденного ребенка. Приняв царского младенца, которого ей «подкинули», она его воспитала как своего. Таким образом, он стал «сыном собаки», как Ромул был сыном волчицы, и это придало ему

сакральность, ведь иранцы собаку почитали, и у маздеистов она была нуминозным животным. Когда в возрасте десяти лет его опознали, он вернулся жить в Фарс к настоящим родителям.

ОСНОВАНИЕ ИМПЕРИИ

Став после смерти отца в 556 г. царем Аншана, Кир II (556–530 до н.э.), которого позже назовут Великим, очень скоро вступил в конфликт с дедом по матери. Под предлогом, что Кир не откликнулся на его вызов, Астиаг пошел на него войной, чтобы наказать, одержал две победы, а потом был разбит под будущим Персеполем. Тогда вельможи мидийского царя отступились от него, свергли, взяли в плен — может быть, потому, что были подкуплены персами, а может, потому, что сочли это выгодным, — и выдали Киру, который, впрочем, обошелся с ним чрезвычайно гуманно. Царь Аншана вступил в Экбатаны, столицу Мидии, подчинил ее провинцию, которая, несомненно, занимала все Иранское нагорье или его большую часть, и принял титул царя царей. Персы сменили мидийцев и, сохранив господствующее положение, объединились с ними в тесный союз. То, что пристрастный наблюдатель может назвать завоеванием, скорей было чем-то вроде государственного переворота, просто сменой династии, однако благодаря более прочной связи обоих народов могущество империи возросло.

Такое укрепление иранцев, восточных соседей, похоже, обеспокоило Креза, царя Лидии. Может быть, он хотел отомстить за Астиага, который был женат на лидийской принцессе. Но прежде всего он опасался амбиций молодого человека, великодушие которого покоряло все сердца. И счел, что его нужно сокрушить, пока тот не укрепил свои позиции. Он решил объявить Киру войну. Дельфийский оракул тайно ободрил его, предсказав, что, если он отправится в поход, то разрушит великое царство; Крез не понял, что имелось в виду его царство. Кир не стал его дожидаться. Он перешел в наступление, опрокинул лидийские войска, вступил в Сарды и взял богатого и тщеславного Креза в плен. В 546 г. до н.э. Лидия капитулировала. Красивая легенда рассказывает, что царь-победитель приговорил побежденного к сожжению живьем, что не вяжется с его всегдашним милосердием. Итак, Крез поднялся на костер, и дрова уже начали потрескивать, когда он вдруг вспомнил то, что когда-то сказал ему Солон, — фразу, ставшую знаменитой, хотя в устах грека она была банальной, поскольку в той или иной форме встречается как у греческих трагиков, так и у Аристотеля: «Пока человек не умрет, воздержись называть его счастливым» (I, 32). И он воскликнул трижды:

«Ах, Солон! Солон! Солон!» Кир это услышал, заволновался и захотел узнать, что значат эти возгласы. Вмешались боги; костер погас, и Крез сошел с него. Кир «подумал, что и сам он все-таки только человек, а хочет другого человека [...] живым предать огню» (I, 86). Этот анекдот знаменит, но спорен. Его принимают далеко не все авторы античности (см. Ксенофонт, «Киропедия», VII, 2; Плутарх, «Солон», 27; Ктесий, фрагменты).

Завоевание Лидии сделало персов хозяевами всей Анатолии и дало им в руки огромное богатство. Оно также позволило им вступить в прямой контакт с городами Ионии, которые весь период военных действий вели себя смиренно и представляли собой соблазнительную и легкую добычу. Кир напал на них. Милет сдался без боя. Другие сделали вид, что сопротивляются. После этого их фактории на черноморском побережье попали в большую или меньшую косвенную зависимость от персов. Затем царь царей отправился на восток — несомненно, чтобы вновь укрепить власть, которая после падения Мидии могла пошатнуться. Он прошел через Маргиану, через область Мерва, ключевую для торговли со Средней Азией и странами Дальнего Востока, через Бактрию, через Согдиану, достиг Яксарта (Сырдарьи), пересек его, чтобы отбросить саков, и возвел укрепления для обороны северо-восточной части империи от кочевников. Потом он повернул на юг и занял Сейстан (Систан) и Белуджистан (545–540 до н.э.).

Вернувшись домой, он обнаружил, что Вавилония пришла в полный упадок. После смерти Навуходоносора (562 до н.э.) страна погружалась в хаос, а ее тогдашний суверен Набонид (556–533 до н.э.) был не тем человеком, который смог бы выправить ситуацию. Завоевать Вавилон для персов означало достичь высшей славы, ведь Месопотамия сохраняла свою репутацию и богатства. В 539 г. до н.э. Кир без особых затруднений вступил в огромный город. Он провозгласил себя освободителем угнетенных и объявил, что делает Вавилон одной из своих столиц. Он почтил здешних богов. Он вернул каждому народу сокровища и статуи, которые у них отобрали вавилоняне. Когда Набонид через недолгое время после поражения скончался, Кир объявил всеобщий траур. В 538 г. до н.э. он обнародовал знаменитый указ, который положил конец пленению евреев. Кира славит вавилонский текст: «Мардук [великий бог Вавилона] посетил все земли и увидел того, кого искал, чтобы тот стал его справедливым царем [...]. Он произнес его имя, Кир [...], и назначил его царствовать надо всем». Неплохо! Но Библия заходит еще дальше.

Думаю, ничто не дает лучшего представления о том, какой прием получал Кир повсюду, где действовал, чем смелые формулировки книги Исайи, пророка единого Бога, ревнивого Бога Авраама и Иакова, в которой Яхве называет Кира «пастырем Моим» (Ис. 44: 28), «мужем правды» (Ис. 41: 1) и, наконец, своим мессией: «Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы» (Ис. 45: 1).

Многие евреи немедленно вернулись в Святую землю, где, впрочем, им было трудно найти себе место, поскольку за время их долгого изгнания эта земля оказалась заселенной. Другие, полторы тысячи семей во главе с Ездрой, выступили позже, возможно, около 397 г. до н.э., с позволения Артаксеркса II. Третьи остались — могущественные, богатые, сильные, сумевшие вписаться в иранский мир, как прежде вписались в месопотамский. По-человечески это понятно. Каким патриотом ни будь, как ни люби Иерусалим больше всего на свете, нелегко отказаться от имущества, которое с собой не возьмешь, от земель, от недвижимости, уйти с должностей, часто высоких.

Среди потомков тех, кто не ушел, приблизительно через три четверти века оказались одна женщина, Эсфирь, и ее опекун Мардохей, человек при должности, которые оба скрывали этническое происхождение, приняв имена восточных богов: Эсфирь — это Иштар, великая богиня, Мардохей — Мардук, великий бог Вавилона. Она была красивой, соблазнительной, интриганкой, притворщицей, менее всего — боязливой и смиренной, но патриоткой и пламенно верующей. Когда ее ввели в гарем, она завоевала сердце царя Артаксеркса, почти наверняка — Ксеркса, и стала царицей. Тогда она и узнала, что готовится погром ее племени, народа, законы которого «отличны от законов всех народов». После долгой молитвы она во время одного из больших пиров, какие периодически проводились для демонстрации имперской пышности, разоблачила заговор, открыла, что она — еврейка, обратилась к царю с мольбой спасти ее соплеменников и добилась удовлетворения своей просьбы. Более того, она убедила монарха разрешить евреям отомстить своим врагам. За два дня евреи перебили семьдесят пять тысяч персов! В Книге Эсфирь ощутим местный колорит, но ничто не позволяет верить, что гонения на евреев и избиение персов произошли на самом деле. Однако, прочитав у Геродота (IX, 108–113) рассказ о другом пире, имевшем столь же трагические последствия, можно и задуматься. По-настоящему важно то, что весть о помощи Бога, пришедшая из далекого Ирана, вошла в число преданий Израиля.

Кир объединил под своим скипетром почти весь мир. Ему можно было умирать. Рассказы о его смерти различаются, и нельзя сказать, каким образом она случилась — где-то в восточной части его державы, во время нового похода, который он вел в 530 г. до н.э. Его похоронили в Пасаргадах, которые он сделал своей главной столицей.

КАМБИС

Его преемник Камбис II (530–522 до н.э.), которого Геродот изображает буйным помешанным и который, несомненно, страдал приступами неуравновешенности, если не безумия, назначил своего брата Смердиса (или Бардию) правителем Восточного Ирана. Уходя на завоевание Египта, он вдруг испугался, как бы брат не воспользовался его отсутствием, чтобы занять его место, и велел убить Смердиса. Империи не хватало Египта. Это, конечно, уже не была великая страна древних фараонов, но ее престиж оставался огромным, равным престижу Вавилонии. И в один прекрасный день 525 г. до н.э. Камбис выступил в поход, чтобы ее захватить. Он пересек пустыню, встретил египетскую армию, разбил ее, вступил в Мемфис и, конечно, приказал казнить монарха, но в остальном остался верен традициям предшественника. Он стал чтить здешних богов, нравы, обычаи и даже в некотором роде сделался египтянином. Для персов это была еще одна великая победа. Но царь считал ее лишь первым шагом. Он намеревался покорить Африку, как Кир покорил Азию. Поскольку у него не было флота, чтобы напасть на Карфаген, он повел войско через пустыню.

Считают, что войско было там уничтожено. Тем не менее оно дошло до Барки, до Кирены, и Киренаика, как и Ливия, добровольно выплатили дань. После этого Камбис двинулся на Эфиопию. Он прошел на север по долине Нила до второго водопада, а потом свернул прямо на юг. Достиг ли он Мероэ-Непоти, священного города эфиопов, в который, должно быть, и направлялся? Сомнительно, но иные утверждают, что он был основателем будущей столицы Мероитского царства, которая станет носить имя его жены. Можно ли говорить, как полагают некоторые, о полном провале его африканской политики? Его походы на самом деле были изумительными, а их результат — отнюдь не негативным, ведь вслед за побережьем Северной Африки до самого Туниса верховенство Камбиса признала часть Эфиопии. Это побуждает с большим недоверием воспринимать утверждения о припадках безумия у Камбиса, якобы вызванных его разочарованием в результатах похода, и обо всех бесчинствах, которые он совершил по возвращении в Мемфис: о казни

представителей египетского городского управления, о казни собственных чиновников, о святотатстве в отношении быка Аписа...

Вернувшись в Сирию в 522 г. до н.э., он узнал, что некий маг, мидийский жрец Гаумата, выдав себя за Смердиса, объявил себя царем. Эта весть его убила. Говорят, он выказывал признаки крайнего отчаяния, вспоминал о своем ужасном преступлении, сожалел, что «стал без нужды братоубийцей» (Ктесий, «Персика», 12; Геродот, III, 65), уже не понимал, что делает, и, сядя на коня, ранил себя в бедро, заболел гангреной и через десять дней умер. Похоже, историки склоняются скорей к версии о самоубийстве.

ДАРИЙ ВЕЛИКИЙ

Гаумата царствовал семь месяцев. Может быть, его дерзкое самозванство было попыткой мидийцев вернуть себе власть, или попыткой класса жрецов утвердиться во власти, или же реакцией со стороны маздеизма, который оказался под угрозой из-за слишком широкой терпимости иранских монархов. Как бы то ни было, персы не пожелали, чтобы их оттеснили. Ахеменидские князья собрались, чтобы выбрать преемника Камбиса или, скорей, назначить его по жребию. Всех верховых животных князей собрали в одном месте, и избранником должен был стать тот, чей конь первым заржет. Дарий (в 522 до н.э.) был обязан короной хитрости: конюх подвел кобылу к жеребцу своего господина. Конь немедленно заржал — Дарий стал царем. С именами великих мира сего всегда связано множество легенд.

Итак, Дарий принадлежал к ахеменидской семье, и он никогда не упустит случая напомнить об этом, восславить Бога, провозгласить себя государем Его милостью, особо подчеркнуть величие своей страны, своего народа и придаст своему царствованию особо религиозную окраску. В тексте об основании дворца в Сузах он говорит: «Великий Бог — Ахурамазда, который создал эту землю, который создал человека, который создал благополучие человека, который сделал Дария царем, единственным царем многого, единственным законодателем многого. Я, Дарий, — Великий царь, царь царей, царь народов, царь над этой землей, сын Гистаспа, Ахеменид. И Дарий, царь, провозглашает: “Ахурамазда, величайший из богов, меня создал, сделал меня царем, даровал мне это царство, великое, прекрасное конями и мужами. [...] Потому что Ахурамазда меня сделал царем над этой землей, тогда [именно] Ахурамазда, ибо таков был его замысел, выбрал меня человеком над всей этой землей [...]. То, что я делаю, я делаю всецело

милостью Ахурамазды [...]. Да хранит меня Ахурамазда, как и Гистаспа, моего отца, как и мою страну”». Он повторяет это, в то же время кичась своей славой и напоминая о безмерности своей империи, и в тексте об основании ападаны Персеполя, на золотых и серебряных табличках, закрытых в сундук и закопанных в землю: «Дарий, Великий царь, царь царей, царь стран, сын Виштаспы [Гистаспа], Ахеменид, Дарий-царь говорит: “Это царство, которым я владею, от страны саков, что с другой стороны Согдианы, до Куша [Южного Египта], от Индии до Сард. Вот что предоставил мне Ахурамазда, величайший из богов. Да хранит меня Ахурамазда, как и мой дом”». В одной надписи он утверждает, что он — девятый царствующий из своего рода, что неправда, и хотелось бы знать, какое значение имело для него число девять, ведь в той же надписи он как будто сообщает, что умертвил девятерых заговорщиков и заткнул девять отверстий их тел.

После того как Дария избрали, он должен был прежде всего свергнуть Гаумату, покарать его сторонников, вернуть страну под контроль персов. Это заняло у него около двух лет. Он дал, по его словам, девятнадцать битв и победил девять царей, которых мы упомянули выше. В знаменитой Бехистунской надписи он рассказывает: «Человек по имени Гаумата был магом. Он восстал [...]. Он восстал в 14-й день месяца вякна. Он так лгал народу: “Я Бардия, сын Кира и брат Камбиса”. Тогда весь народ стал противником Камбиса. Персы, мидийцы, другие народы пошли за ним. Он захватил царство в 9-й день месяца гармапида. Вот так он захватил власть. После этого Камбис умер своей смертью [...]. Никто не смел ничего сказать против Гауматы-мага, пока не пришел я. Тогда я взмолился о помощи, обратившись к Ахурамазде. Ахурамазда предоставил мне поддержку. В 10-й день месяца богаядиш я с немногими людьми убил Гаумату Мага, как и главных его последователей [...]. Я отобрал у него царство. Милостью Ахурамазды я стал царем. Ахурамазда даровал мне царство».

Снова взяв всё в свои руки, он предпринял большой восточный поход. Он укрепился в области Кабула, господствующей над Индией, на стратегической позиции, откуда столь часто будут выходить завоеватели Индии, и, тем самым показав им путь, спустился в эту страну. Он занял Гандхару и долину Инда. На берегах этой реки он построил флот, командование которым поручил греку Скилаку из Карианды, своему слуге, поставив перед ним задачу спуститься по течению реки и вернуться морем в Персидский залив или в Египет. Это морское путешествие, не первое из упомянутых историей, поскольку финикийцы к тому времени уже обогнули Африку, но примечательное, заняло

тридцать месяцев. Царь, естественно, не стал дожидаться его результатов. Он вернулся на север, форсировал Яксарт, развернул широкое наступление на саков.

Впервые иранцы с нагорья предприняли настоящий поход в степи, и непохоже, чтобы они это сделали в качестве превентивной меры против возможных набегов кочевников. Всё наводит на мысль, что Дарий вознамерился объединить под своим скипетром все иранские народы, кочевые и оседлые. Казалось, это ему удастся. Саки покорились; они стали служить в его армии; их можно будет увидеть в Греции. Оставалось только вынудить причерноморских скифов последовать их примеру. Вернувшись на Ближний Восток, Дарий организовал против них операцию гигантского масштаба. Говорят, он повел армию в 800 тыс. бойцов, послав перед ней флот, отдельные корабли которого, возможно, достигли Тарента в Италии. Еще один флот вышел в Черное море. Византий покорился. Дарий переправился через Босфор, занял Фракию, заставил Македонию признать его власть, перешел Дунай по мосту, наведенному ионийцами. Но скифы ускользали, не принимая боя. Степь была слишком обширна. Великий царь понял, что так и не сможет навянуть им свое господство, и в 512 г. до н.э. вернулся назад.

Объединить иранцев не удалось. Ну и что! Дарий был владыкой мира. По крайней мере был бы, если бы вне его власти пока не оставались маленькие и гордые греческие полисы, оказавшиеся между его азиатскими владениями и тем, что он только что приобрел в Европе. Он мог только мечтать о том, чтобы их оккупировать. Персы с давних времен вмешивались в их дела, тратя на них золото. Пора было со всем этим покончить. Предлог для вмешательства ему представился.

ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

Пользуясь настоящей автономией, вассальные государства персов не упускали возможности восстать, и в любой момент какая-нибудь провинция, какой-нибудь полис, какой-нибудь вождь по той или иной причине устраивали мятеж против Великого царя. В 499 г. до н.э. восстала Иония, с одобрения греческих городов Европы и даже при их прямой поддержке: в 498 г. до н.э. афиняне приняли участие во взятии Сард. Иного предлога не требовалось. Империя должна была реагировать. Начались греко-персидские войны.

Обычно принято говорить о двух греко-персидских войнах, первая из которых произошла в 490 г. до н.э., вторая — в 480–479 гг. до н.э.,

но на самом деле конфликт между греками и персами длился полвека, с 499 по 449 г. до н.э.

История этой борьбы, в которой самая могущественная империя, какую знал мир, находившаяся на вершине славы и располагавшая максимальными средствами за все время своего существования, противостояла маленьким независимым городам, соперничавшим меж собой, — бесспорно, красивая и назидательная. В ней находят многое: конфликт Европы и Азии, конфликт демократии и монархии, конфликт национализма и универсализма, причем последний, используя анахроничный термин, можно назвать глобализацией, — дополнительное доказательство величия Греции, ее достоинств, противостоявших порокам и ничтожеству Персии. Считать, что причиной поражения персов был не только героизм их противников, не значит преуменьшать заслуги Спарты или Афин. Тут видят также победу цивилизации над варварством и чудо, спасшее эллинскую и тем самым нашу цивилизацию. Счесть персов варварами значило бы отнестись к ним очень несправедливо, ведь в Греции этим словом просто называли всех людей, не говоривших на благозвучном эллинском языке: персы имели высокую культуру, яркую религию, очень возвышенную этику. И очень несправедливым по отношению к Греции было бы полагать, что персидское завоевание уничтожало ее творческий гений. Он был достаточно мощным, чтобы выдерживать политическое подчинение, которое, повторим еще раз, было достаточно мягким, позволявшим культуре греков сохраняться.

На ионийское восстание и афинскую интервенцию персы отреагировали быстро. Сначала они отвоевали анатолийские полисы, что порой удавалось не без труда (Милет держался два года), и уже тогда можно было почувствовать, что это восстание — не прихоть, а выражение глубинного стремления к свободе и что борьба будет упорной. Потом они вывели в море свой флот, по преимуществу финикийский. Он повсюду одерживал победы. Он овладел Хиосом и Лесбосом. После этого Дарий решил высадиться в Европе. Он оснастил невероятное количество кораблей, около шестисот, но близ горы Афон половину из них уничтожил шторм. Тем не менее армия вступила на Пелопоннес и взяла Эретрию, население которой выслали в Сузиану. При Марафоне, в сорока километрах к северо-востоку от своей столицы, афиняне 13 сентября 490 г. до н.э. одержали блестящую победу. Говорят, персы потеряли убитыми 6400 бойцов, греки — 200, при этом учитывались, несомненно, только граждане. Персы вернулись на корабли. Этот день еще долго будет вспоминаться с восторгом; память о нем отмечают и поныне, воспроизводя отчаянный пробег марафонца Филиппида, который проделал путь

в 200 км за двадцать четыре часа и умер от изнеможения, когда достиг своей цели — Спарты.

Дарий хотел еще вернуться, но в 486 г. до н.э. умер. Как Библия воспела Кира, так Дария воспевает Эсхил, и в устах врага это прекрасное свидетельство: «Если в дни, когда на солнце ты глядел, достоин был / Только зависти твой жребий, богоравный персов царь...» («Персы»). Его преемник Ксеркс особой воинственностью не отличался. Войне он предпочитал удовольствия, по душе ему были наслаждения во дворце, в гареме, поскольку он любил женщин (это видно по истории с Эсфирью), но его долг перед народом состоял в том, чтобы взять реванш. Однако с этим пришлось повременить. Как почти всегда после смены монарха, вспыхнули новые восстания, которые он жестоко подавил. В 486 г. до н.э. восстал Египет, в 485 г. до н.э. — Вавилон. Разъярившись, царь разрушил великий город, но довольно скоро отстроил его заново. А потом Ксерксу надо было собрать силы — невиданную прежде армию. Наконец он был готов к походу. «Так Азия вся по зову царя / Взялась за оружие, и с места снялась», — писал Эсхил, а также: «Вооруженная до зубов, / Двинулась Азия на Элладу». Сколько их было, этих людей, которые принадлежали ко всем племенам, а иногда являлись с края света, ведь в рядах этой армии были бактрийцы, саки, индийцы, негры, арабы, сорок шесть народов, говоривших на всех наречиях, не знакомых между собой, которыми командовали двадцать девять полководцев во главе с Мардонием, зятем Дария, родичем и советником Ксеркса? Иногда говорят — миллион; часто говорят — гораздо больше. Геродот (VII, 103) вкладывает в уста Ксеркса такое соображение: «Ведь если у них 5000 воинов, то у нас на каждого спартанца придется свыше 1000», то есть пять миллионов! Ученые сокращают эти сногшибательные цифры до 200–300 тысяч. Они всегда стремятся свести оценки демографических показателей и численности вооруженных сил до чисел, которые кажутся им разумными. И часто ошибаются, потому что картины, написанные древними авторами, выглядят не только очень красочно, но и внушительно. Экспедиционный корпус был так велик, что ему понадобился месяц, чтобы добраться от сборного пункта, Сард, до Аттики, что он потратил семь дней на переход Геллеспонта, то есть Дарданелл, в 481 г. до н.э. по двум понтонным мостам. Ксеркс выступил весной. Прибыл на место он в сентябре. Его поддерживал флот — 1207 боевых кораблей и 3000 финикийских транспортных судов.

Весной 480 г. до н.э. те греки, которые выбрали сопротивление, собрались на Коринфском перешейке и отдали командование над коалицией Спарте, самой сильной греческой державе (Фукидид, I, 18).

Каждого охватил энтузиазм, и Эсхил выразил его в прекрасной песне: «Дети эллинов, / в бой за свободу родины! Детей и жен / Освободите, и родных богов дома, / и прадедов могилы! Бой за все идет!». Такой порыв, такой героизм был необходим. Казалось, лавина варваров затопит всё. Один город падал за другим. Спартанец Леонид и его соратники погибли в Фермопильском ущелье (начало сентября 480 до н.э.). Афины были взяты, разграблены, их население перебито, Акрополь сожжен — есть соблазн сказать «к счастью», ведь этому пожару мы обязаны перестройкой 447–432 гг. до н.э., Парфеноном, Пропилеями... 29 сентября персидский флот, рискнувший войти в узкий Саламинский пролив и слишком многочисленный, чтобы иметь возможность для маневра, был уничтожен. Обескураженный Ксеркс уехал, оставив командование Мардонию, который был побежден и убит при Платеях (479 до н.э.). В тот же день корабли, уцелевшие после катастрофы при Саламине, потерпели новое поражение при Микале близ Самоса. Персы не стали упорствовать. Говорят о их беспорядочном бегстве. Это опять-таки преувеличение: отступление было организованным, ведь персы проделали около 850 км за сорок пять дней, то есть проходили в день менее 20 км.

Хотя Спарта отныне утратила интерес к этой войне, другие греческие полисы хотели развить успех. Их боевые силы высадились в Малой Азии. Иония восстала. В 476 г. до н.э. Аристид возглавил Делосский, или Афинский морской, союз. В 459 г. до н.э. греки попытались завоевать Египет. Их поход, сначала победоносный, в 454 г. до н.э. завершился провалом. Они поняли: отбросить персов они могут, но сокрушить не в состоянии. Дело кончилось в 449 г. до н.э. мирным договором (так называемым Каллиевым), который закрепил независимость полисов Ионии и запретил персидским армиям приближаться к их побережью ближе чем на три дня пути.

ПОСЛЕДНИЕ ВЕЛИКИЕ ЦАРИ

Можно было бы сказать, что персидские войны стали завершением славных времен персидской экспансии. Действительно, персам было больше нечего завоевывать, кроме Греции, не позволившей им этого, а чтобы имперская система работала, подчиненные должны были признавать свое подчиненное положение. Говорят, с тех пор начался упадок. Думаю, те, кто так считает, слишком торопят события, лет на пятьдесят. Когда был подписан Каллиев мир, Ксеркс уже давно был мертв (465 до н.э.), убитый Артабаном, командиром его гвардии,

а царствование его преемников ничем особо важным не ознаменовано. Артаксеркс I (465–444 до н.э.) продолжил борьбу с греками, в ходе которой в 459 г. до н.э. предпринял победоносную интервенцию в Египет. Его сыновья Ксеркс II, который царствовал всего сорок пять дней, пока его тоже не убили, и Согдиан (424–423 до н.э.), который сохранял власть в своих руках лишь несколько месяцев, не сделали ничего. Что касается Дария II (423–404 до н.э.), самого младшего из детей, мужа и брата ужасной Парисатиды, влияние которой в его царствование и даже позже было существенным, которая участвовала во всех заговорах и во всех преступлениях, а часто и сама подстрекала к ним, то он воспользовался Пелопоннесской войной, чтобы напасть на Афины и вернуть города Ионии, но в остальном почти ничем не отличился.

Зато царствование Артаксеркса II (405–359 до н.э.) началось бурно — восстанием его брата Кира, названного Младшим, которое прославили «Анабасис» Ксенофонта и отступление Десяти тысяч. Это было громкое дело — может быть, прежде всего благодаря гению Ксенофонта, который участвовал в нем, был его душой и рассказывает нам о нем. Кир, младший брат Артаксеркса, изображенный Ксенофонтом далеко не как идеальный государь, благодаря заступничеству матери не был убит братом и получил назначение на пост сатрапа Лидии, но затаил на сердце злобу и мечтал царствовать. У него были сторонники, собиравшиеся под его знамена «десятками мириад», и некоторые умели использовать колесницы с серпами — десятка два, — которые можно сравнить с бронетехникой нашего времени. Кроме того, у него на службе имелись греческие наемники, Десять тысяч, которых он набрал на побережье Малой Азии, но которые почти все были выходцами из Пелопоннеса, некоторые — из Беотии, из Афин, из Фессалии, и собрали их в Сардах в 401 г. до н.э. Ими командовал лакедемонянин Клеарх, и неизвестно в каком качестве при них находился молодой человек по имени Ксенофонт, который «не состоял ни стратегом, ни лохагом [командиром лоха, или ста гоплитов], ни солдатом». Никто не знал цели похода. В особом неведении пребывали греки. Они пересекли Фригию, Каппадокию, прошли через Тарс, достигли Евфрата, приблизились к Вавилону. Артаксеркс решил дать битву. Столкновение произошло под Кунаксой. Греки показали, что они сильнее, и несомненно одержали бы победу, если бы Кир не погиб в бою. После этого им было уже не на что надеяться и следовало всего бояться. Они пошли обратно. По пустыням и горам той местности, которая сегодня образует пограничные области Ирана и Турции, они прошли за сто двадцать два дня около трех тысяч километров до самого Трапезунда. Когда с послед-

них высот Понтийских гор они увидели море, они пришли в восторг: «Таласса! Таласса!» («Море!»). Потом они достигли Греции, хотя на этом их приключения не кончились, но это уже другая история... Возможно, Плутарх не ошибся, сказав, что Десять тысяч, которые сумели вернуться на родину из самой глубины империи и которых по пути не остановили, «обнаружили и доказали, что власть персов и их царя — это груды золота, роскошь, да женская прелесть, а в остальном лишь спесь и бахвальство» («Артаксеркс», 20). Во всяком случае, Греция, несомненно, усвоит этот урок, и он придаст ей смелости.

Однако упадок стал уже явным: восстания, вспыхивавшие тут и там, стали почти непрерывными, пусть даже города Ионии удавалось удерживать более или менее прочно. Ведь Египет с 405 г. до н.э. несколько раз отделялся, а в период с 353 по 342 г. до н.э. был независимым. Артаксеркс III (358–338 до н.э.), суровый и жестокий монарх, убивший много народу, включая собственных братьев и сестер, конечно, был не тем человеком, какой требовался в подобной ситуации. Но важнейшее событие в период его царствования произошло за пределами империи: в 338 г. до н.э. Филипп Македонский положил конец независимости греческих полисов. Мог ли ему помешать Ахеменид? Во всяком случае, ему следовало бы сделать всё ради этого. Как и многие предшественники, Артаксеркс был убит собственным слугой, Багоем. Последний, евнух, в 336 г. до н.э. передал трон Дарию III Кодоману, а в 334 г. до н.э. в Малой Азии высадился Александр.

КОНФЕДЕРАЦИЯ НАРОДОВ

Накануне персидских войн империя достигла максимальных размеров, вершины могущества и славы. Ее площадь была безмерной. На севере ее границами служили Черное море, Кавказ, Каспийское море, на западе — берега Средиземного и Эгейского морей, на юге — Персидский залив, на востоке — Яксарт и Инд. Но она повсюду заходила за пределы этих естественных границ, прежде всего потому, что контролировала долину Нила, господствовала на африканском побережье и укрепила свои позиции в восточной зоне Балкан, а также потому, что ей подчинялась как минимум часть народов саков и индийцев. Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» говорит о персах как о народе, «властвовавшем над всей Азией и Европой до Македонии, превосходившем силою и богатством народы прежних времен и совершившем замечательные дела» (III). Вассальные народы служили опорами трона. Об этом тогда любили напоминать. Вот северный вход Стоколонного

зала в Персеполе: фигуры представителей двадцати трех народов с поднятыми руками и раскрытыми ладонями поддерживают плиту перекрытия, на которой стоит трон или седалище царя — стул с высокой спинкой, перед которым расположен маленький табурет для ног. Они его держат и выказывают ему покорность, которая выражается в принесении даров. На восточной лестнице ападаны в Персеполе изображено, как эти люди идут процессией, преподнося в первый день Нового года дары церемониальной столице. Каждый одет по обычаю своей страны, каждый дарит то, что особо характерно для нее. Бородатые сузианцы, вооруженные копьями, в длинных одеяниях, которые преподносят оружие и львов; армяне, ведущие коней и несущие сосуды из драгоценных металлов; вавилоняне с бородами, в колпаках на головах, нагруженные чашами, вышитыми тканями и ведущие буйволов; лидийцы или сирийцы в странных пятиступенчатых остроконечных колпаках или с непокрытыми головами, в пышных облачениях, с металлическими изделиями и конями; ионийцы, несущие в руках сосуды, переполненные золотом, чаши, штуки ткани; фракийцы и македоняне с конями, копьями, щитами; согдийцы, обремененные баранами и тканями; саки, которые преподносят лошадей, украшения, одежду; индийцы с оружием и мулами; бактрийцы, волосы на непокрытых головах которых забраны лентами; эфиопы с жирафом, слоновой костью и серпом; хорасанцы, чьи головные уборы с очень острым верхом закрывают затылок и щеки; ливийцы, парфяне, египтяне, мидийцы, персы...

Власть была сосредоточена в руках Царя царей, всесильного, царствующего по божественному праву. Он набирал войска, командовал армиями, даровал право ловить рыбу и копать оросительные каналы. Он взимал подати, которые представляются тяжелыми, судя по колоссальным ресурсам государства. Его окружали величайшим уважением, и по обычаю, который шокировал греков, в его присутствии следовало падать ниц.

Было несколько столиц: сначала дворец в районе Бахтиарских гор (современное название этого памятника — Масджид-и Сулейман), Экбатаны, которые остались летней резиденцией, Вавилон и, наконец, собственные города персов — Сузы, где двор пребывал чаще всего, не очень удаляясь от побережья, которое давало ему связь с большими владениями в Индии и Африке; Пасаргады, где жрецы проводили церемонию коронации; Персеполь, церемониальная столица, где по меньшей мере на Новый год, Новруз, в начале весны, происходили грандиозные церемонии с участием делегаций от всех провинций, но, как ни странно, похоже, ни один чужеземец до завоеваний Александра не знал о них

или, во всяком случае, их не упоминал. Пышность двора была неслыханной, и монархи довольно скоро стали предаваться излишествам. По восточной традиции они имели огромные гаремы и часто предпочитали оставаться во дворцах, чем разъезжать по дорогам империи. Геродот говорит о величии этого народа, способного завоевать мир, но испорченного развратом, слабостью, жестокостью монархов — мы бы добавили: некоторых.

Империя была разделена на переменное число сатрапий, которых чаще всего было двадцать три. Ими управляли сатрапы, только мидийцы или персы, с помощью советников, назначаемых царем, и военные губернаторы, напрямую подчинявшиеся монарху. Сатрапии делились на округа, если Библия не ошибается, говоря о ста двадцати (Дан. 6: 2) или ста двадцати семи (Есф. 1: 1) провинциях, простирающихся от Индии до Эфиопии (которые Даниил, впрочем, называет сатрапиями). Каждая пользовалась реальной автономией, сохраняла свой язык, религию, костюмы, нравы, художественные традиции. Их богов почитали. Восстановление того, что было разрушено в ходе персидского завоевания или предшествующих войн, поощрялось. Евреям царь вернул имущество, отнятое ассирийцами; он одобрял восстановление Храма и если на время приостановил работы (Ездра, 4: 17), то вскоре разрешил вновь приступить к ним (Неемия, 2; Ездра, 6: 15); они были завершены в 515 г. до н.э.

Единственным, что связывало все эти народы, была принадлежность к империи, признание единого монарха и верховенства персов, культивировавших национализм, какой трудно было бы предположить в столь древние времена, но который существовал и был очень сильным. Поэтому империю превозносили, ввели культ царя, подчеркивали, что каждый должен вносить вклад в создание общего блага. Геродот совершенно справедливо говорит о персе: «Приносящему жертву не дозволяется просить о даровании благ только себе одному: он молится за всех персов и за царя, так как и сам принадлежит к персам» (I, 132). Официальных языков было три — древнеперсидский, эламский и вавилонский, но языком администрации, торговли и взаимоотношений власти с населением был арамейский. Торговля велась активно и находилась по преимуществу в руках неиранцев — армян, вавилонян, греков и других. Вскоре после подчинения лидийцев, в 516 г. до н.э., персы в подражание им начали чеканить золотые монеты — дарики (8,41 г) и серебряные — сикли (10,21 г). Повсюду, и не только в городах, начались большие стройки. Восстановили старинный канал, построенный Сети I около 1300 г. до н.э. для соединения Нила с Красным

морем; множились ирригационные работы. Прокладывались большие дороги, снабженные почтовыми станциями и караван-сараями. Важнейшей была Царская дорога длиной около 2250 км, соединявшая Сузы и Сарды. Во время раскопок в Гордионе, во Фригии, нашли некоторые ее отрезки. Это была дорога шириной 6 м, с мощеной проезжей частью, окаймленная широкими плитами, вдоль которой размещалась сто одна государственная почтовая станция. Согласно Геродоту, чтобы проехать по этой дороге из конца в конец со скоростью 25 км в день, нужно было девяносто дней, но официальные курьеры тратили на это чуть больше недели.

Шло чрезвычайно интенсивное смешение народов как следствие депортаций, без которых персы не обходились: жителей Барки из Ливии переселили в Бактрию, пеонийцев из Фракии — в Азию, милетцев — в Сузиану (Геродот, IV, 204; V, 12; VI, 20)... Его усугубляла иммиграция, как добровольная (наемники, купцы, авантюристы), так и вынужденная (работники на имперских стройках). Народы, недавно изолированные друг от друга, внезапно оказывались в контакте меж собой. Из неиранцев в империи мы лучше всех знаем греков и евреев, но были и другие — так, по-прежнему везде встречались арамейцы. Некоторые занимали высокие посты, в том числе на личной службе Царю царей. Из этой массы, в основном безымянной, выделяются некоторые люди. Среди греков упомянем Скилака, моряка, которого мы уже встречали; Ктесия, историка, который семнадцать лет служил врачом при дворе Артаксеркса; Тимократа Родосского, направленного Персией послом в Спарту; скульптора Телефана, которого упоминает Плиний и который якобы работал при Дарии и Ксерксе; наконец, Фемистокла, который так упорно боролся с персами, который был одним из виновников их поражения при Саламине и который, изгнанный из Афин в 465 г. до н.э., нашел убежище у Артаксеркса I, оказавшегося незлопамятным и осыпавшего его милостями (Плутарх, «Фемистокл», 28). Эллинские переселенцы жили в Сузиане — это милетцы, о которых говорит Геродот; другая колония была близ Термеза на Оксе. Войска Александра будут удивляться — и негодовать, — повсюду наталкиваясь на соплеменников. Последние проторили дорогу для его побед, для эллинизации последних веков до нашей эры. Среди евреев очень хорошо известны Эсфирь и Мардохей; знакомы нам также трогательная Сара, которая жила в Экбатанах и у которой бывал Товия, потом женившийся на ней; Неемия, виночерпий Артаксеркса I, занимавший этот пост с 445 г. до н.э.; Даниил, действовавший еще в Вавилоне, который, как говорили, был одним из трех высших сановников, которым

«давали отчет» сатрапы (Дан. 6: 2), и три его собрата, находившиеся в великой милости при дворе. Через их посредство иранская культура существенно повлияла на библейское мышление. У каждого из них в Библии будет своя книга.

Большая терпимость и сравнительная свобода, какой пользовались провинции, пусть не обходилось и без приступов фанатизма, создают для нас лучезарный образ Персидского царства, особенно в сравнении с тем, какой оставила Ассирия. Достаточно внимательно рассмотреть рельефы: там нет ни одной батальной сцены, ни одного изображения резни, какие так любила Ниневия, напротив, несмотря на заботу о декоруме, во всём видны мягкость, непринужденность, почти что нежность. Скульптуры не лгут. Приятно замечать гуманность монархов, гостеприимство, учтивость, опрятность, умеренность народа; физическое и нравственное воспитание детей здесь единодушно хвалили, от Платона, который говорил об этом со слухов, до Ксенофонта («Киропедия», I, 2) и Геродота (I, 136), которые были очевидцами. Женщины пользовались большой свободой, уважением и имели высокий социальный статус. Некоторые обычаи, разумеется, шокируют, как практика кровосмешения, внедрение которой Геродот приписал Камбису, женатому на двух своих сестрах, но которая, должно быть, возникла раньше и существовала веками, коль скоро ее настоятельно рекомендовал маздеизм. Похоже, внешние наблюдатели не поняли, что эта практика была некоторым образом законной: Плутарх как о курьеze рассказывает о любовной страсти Артаксеркса II к его дочери Атоссе и упоминает о его браке с другой дочерью, Амстридой («Артаксеркс», 23). На этом фоне, столь часто идиллическом, непонятны проявления жестокости, варварства, а ведь они тоже имели место. Сколько насилия было совершено в Египте, хотя бы только в Фивах, и в Финикии, где восставший Сидон был взят Артаксерксом III и сожжен, а его население перебито! Какими ужасными карами хвалится Дарий в Бехистунской надписи! «Фраорт, взятый в плен, был приведен ко мне. Я отрезал ему нос, уши и язык, вырвал глаз. Фраорта привязали к воротам, и все могли его видеть. Потом, в Экбатанах, я велел посадить его на кол [...], и основные его последователи были повешены». Сколько садизма было в душе царицы Парисатиды, если верить Плутарху: «Парисатида приказала палачам пытаться несчастного десять дней подряд, а потом выколоть ему глаза и вливать в глотку расплавленную медь, пока он не испустит дух»; «Она уже передала евнуха палачам, приказавши содрать с него живьем кожу» («Артаксеркс», 14 и 17). Надо заключить, что всё это пустяки по сравнению с тем, что происходило в других местах. Перечтем

пусть даже греческую историю, пусть даже Библию. Нужен пример, один-единственный? Фукидид, описывая избиение, какое совершили керкирцы, пишет: «Смерть здесь царила во всех ее видах. Все ужасы, которыми сопровождаются перевороты, [...] все это происходило тогда на Керкире» (III, 80 и везде).

Эти зверства, несомненно, были спровоцированы восстаниями, но и сами в свою очередь провоцировали их. Огромные расстояния, отделявшие провинции от центра империи, их относительная автономия то и дело побуждали население или наместников пытаться счастья. Страны высокой культуры хуже других выносили подчиненное положение, и поэтому Иония, Вавилон и Египет так часто восставали. Вавилон, хоть и получил привилегированное положение, был столицей, поднялся в октябре 522 г. при Навуходоносоре III, через два месяца был побежден и сурово наказан, но в сентябре 521 г. снова восстал по наущению арамейца Арахи, взятого в плен в ноябре и казненного вместе с сообщниками, и, возможно, еще одно восстание произошло около 479 г. при Ксерксе.

ВОЕННЫЕ СИЛЫ

Когда источники сообщают о таких огромных армиях, таких гигантских флотах, достоверность этих сведений вызывает сомнения, однако они согласуются между собой. Эсхил говорит, что Великий царь «приводил в движение тысячи кораблей, заставлял действовать миллионы рук». В нападении на скифов участвовало приблизительно 800 тыс. бойцов, на Грецию — возможно, миллионы, 1.700 тыс., по словам Геродота (VII, 60 и 184), плюс моряки и те, кто сопровождал армию, всего 5.283 тыс., не считая евнухов и куртизанок (VII, 186). «Весь Геллеспонт целиком покрыт кораблями и все побережье и абидосская равнина кишат людьми» (VII, 45). Численность экспедиционного корпуса, направленного в Египет, достигала 120 тыс. человек. При Кунаксе Кир Младший стоял во главе «огромного варварского войска и без малого тринадцати тысяч греческих наемников», царь имел 90 тыс. воинов (Плутарх, «Артаксеркс», 6 и 7). При Платеях персов было 300 тыс. против 108.200 греков. Каждый народ имел специфическое вооружение. Оружие персов и мидийцев составляли очень длинные копья, луки, глубокие колчаны и очень короткие мечи, которые можно принять за кинжалы. Императорскую гвардию численностью в 10 тыс. бойцов составляли «бессмертные», называемые так потому, что после смерти каждого на его место набирали нового. Только она, похоже, и была по-настоящему

надежным, маневренным подразделением. Многочисленность войск, их разнородность делали их перемещение делом трудным, долгим, требовали огромного обоза, не облегчали передачу приказов, быстрые переходы, причем люди, набранные в армию из мест, удаленных на тысячи километров от мест боевых действий, должно быть, не проявляли в бою чрезмерного рвения. Имели ли они хоть одежду, подходящую для климата местностей, где действовали? Геродот посвящает целые страницы описанию этих разношерстных полчищ, каспиев в шкурах домашних животных, арабов в длинных одеяниях, ливийцев в кожаных одеждах, индийцев — в хлопковых, других — в шкурах (VII, 61–80). Во время отступления Десяти тысяч Ксенофонт советует отступающим грекам делать в первые дни как можно более долгие переходы и очень здраво замечает, что им следует действовать так, «чтобы оторваться от войск царя на возможно большее расстояние. Если только мы удалимся от него на два или три дня пути, то царь уже не будет в состоянии догнать нас, так как он не осмелится преследовать с небольшим количеством войска, а ведя за собой огромное множество людей, он не сможет быстро двигаться вперед» («Анабасис», II, 11). Превосходной и рациональной организации боевых сил, состоявших из частей численностью в 1000 и в 10.000, которыми командовали соответственно хилярхи и мириархи, и более мелких подразделений, по 100 и 10 бойцов, было недостаточно, чтобы компенсировать все эти изъяны.

Столь же внушительным был и флот. Эсхил говорит, что при Саламине у греков было всего 300 кораблей, тогда как Ксеркс имел 1000 триер, 207 парусников и 3000 транспортных судов. Корнелий Непот пишет о 1000 боевых кораблей и 2000 транспортных судов у персов («Фемистокл», 2), Диодор Сицилийский — о 1200 кораблях, из которых 320 имели греческие экипажи, 830 транспортных судах для коней и 3000 гребных судах. В обоих лагерях флот состоял из триер — линейных кораблей длиной около 35 м, которые имели по 170 гребцов, сидевших в три яруса, и делали 20 км в час, и парусников с экипажами приблизительно по 35 человек.

ИСКУССТВО АХЕМЕНИДОВ

Геродота обвиняли, что он заблуждался, когда писал, что у персов нет ни храмов, ни изображений богов. У них не было ничего более или менее похожего на греческие храмы и на скульптуры Зевса, Аполлона, Афины. Большой крылатый диск, из которого выступает туловище человека, древний образ египетской мифологии, а потом бога Ашшу-

ра, — не изображение, а символ Ахурамазды. Это говорили встарь; это повторяют сегодня. Когда я был очень молод, меня резко выбралил в Йезде один священник, потому что я, увидев в этом городе на современном храме символ, недавно виденный в Персеполе и других местах, в дурацком восторге воскликнул: «Ахурамазда!». Что касается этих «храмов», то сегодня, как и две с половиной тысячи лет назад, они наряду с маленькими алтарями на открытом воздухе, обычно двойными, где горит вечный огонь, включают в себя закрытые строения, очень простые, предназначенные для защиты огня, который под открытым небом могли бы погасить ливень или сильный ветер. От ахеменидской эпохи осталось два таких храма — один разрушенный в Пасаргадах, другой в хорошем состоянии в Накш-и Рустаме. Последний, называемый «Каабой Зороастра», — башня квадратного сечения, стоящая напротив гробницы Дария, высотой 11 м и шириной 7 м, с внутренней комнатой размерами 5,3х3,7 м.

Гробницы Ахеменидов не имеют ничего общего со скифскими. Это не курганы, и в них нет никаких сокровищ. Гробница Кира, которую местные жители называют могилой Матери Соломона, — единственная в своем роде. Ее расположили в большом прямоугольном дворе, обнесенном стеной из необожженного кирпича. Погребальную камеру устроили на вершине подобия пирамиды из шести разновысоких ступеней, то есть эта пирамида имеет семь этажей, общую высоту 11 м и сложена из красивого белого известняка. Не вижу, что позволяло бы сравнивать ее с месопотамскими зиккуратами. Все остальные гробницы выбиты высоко в отвесных скалах. Самая древняя — гробница Дария. Ее фасад, имитирующий дворцовый, имеет высоту 22,5 м, форму греческого креста и включает три ряда ниш. По ее образцу сделаны и гробницы его преемников. Это гробницы Артаксеркса II и Артаксеркса III и незавершенная гробница Дария III, устроенные рядом в скале близ Персеполя, а также гробницы Дария, Ксеркса, Артаксеркса I и Дария II в Накше-Рустаме.

Ахеменидское искусство — по преимуществу искусство дворцовое, мощное, грандиозное, но намного более гармоничное, чем месопотамское, и отличающееся крайней тщательностью исполнения: об этом напоминают даже гробницы. Это синтетическое искусство, где колонны — египетские, глазурованный кирпич и барельефы — ассирийские, где прослеживается сотня влияний. Надпись в Сузах ясно указывает происхождение как работников, так и материалов. Кедр, сообщает она, доставлен из Ливана, остальное дерево — из Гандхары, золото — из Сард и Бактрии, лазурит и сердолик — из Согдианы, бирюза — из Хо-

резма, эбеновое дерево — из тропической Африки через Судан, Нубию и Египет, слоновая кость — из Эфиопии и Индии. Забыли уточнить, что розовый гранит получен из Асуана в Верхнем Египте. Каменотесами были ионийцы и сардийцы, золотых дел мастерами — мидийцы и египтяне, столярами — египтяне и сардийцы, обжигальщиками кирпича — вавилоняне...

В Масджид-и Сулеймане, Бехистуне и Пасаргадах развалины малоинтересны, они отличаются обширными террасами, а второе из этих местонахождений — большим и глубоким рельефным изображением Дария, заковывающего в цепи царей-самозванцев. В Сузах нет ничего особенного, кроме великолепных фризов с изображением идущих лучников и животных; ныне эти фризы хранятся в Лувре. Зато в Персеполе находятся одни из самых прекрасных руин архитектурных ансамблей, какие остались от древнего мира. Церемониальный город был построен на большой террасе размерами приблизительно 450x300 м, которая поднимается над окружающей равниной метров на десять. Войти в него можно по единственной лестнице на углу, которая ведет в большие ворота, квадратные в плане. Здесь несколько дворцов, которые все построены по одному образцу, создают впечатление некоторого однообразия, но поражают размерами. Самый красивый зал — ападана со стороной 75 м и шестью рядами по шесть колонн, на капителях которых изображены протомы быков, иногда львов или грифонов, смотрящие в противоположные стороны. Она поднята над большой эспланадой, и на нее можно взойти по лестницам с парапетами, на которых великолепно изваяны фигуры представителей всех народов империи, несущих дары. Позы исполнены благородства и при этом непринужденны, очень естественны, люди держатся за руки или оборачиваются, чтобы поговорить с идущими сзади. Два больших симметричных рельефа изображают льва, напавшего на быка, — такой сюжет мы уже встречали в искусстве степей. Роман Гиршман увидел в этом победу добра над злом, любимый сюжет маздеизма, но трудно представить, чтобы столь почитаемое полорогое было побеждено львом, тем более что быки несут стражу у входа в пропилеи. А если бык ритуально приносится в жертву Митрой, еще трудней представить Митру в виде льва. Перед самым обширным из залов, который называется Стоколонным или тронным, находится эспланада площадью 4000 кв. м. На других рельефах Персеполя изображены царь в виде героя-охотника, побеждающий льва, быка или химеру, сидящий на троне, который поддерживают народы — этот образ уже можно было заметить на фасадах скальных гробниц, — и повсюду или почти повсюду символы Ахурамазды.

РЕЛИГИЯ

То, что Ахемениды были маздеистами, бесспорно, и этого никто не оспаривает. Они неутомимо воспроизводили символическое изображение Ахурамазды; они без конца упоминали этого бога; они сделали его творцом мира и человека; они молили его о защите. Всё это мы поняли, читая их надписи. Кое-кто уверял, что они не были зороастрийцами, потому что ни один текст не упоминает Зороастра, потому что они хоронили своих мертвых. Вот как! Что известно о погребениях простолюдинов? Ничего. Что известно о погребениях царей? Все они, кроме Кира, были похоронены в нишах, которые снабдили дворцовым фасадом, но эти гробницы были выбиты в скале, высоко, в результате чего оказались на космической горе, но не оскверняли ни землю, ни воду, ни огонь, и неизвестно, в каком состоянии было тело, — возможно, от него оставляли только скелет. Обнаружение в Сузах, в эламитском слое, персидского бронзового саркофага свидетельствует в пользу соблюдения персами закона: тело было изолировано от природных стихий при помощи металла. Как это непохоже на скифские захоронения того же времени! Не найдено ни одного ценного изделия, ни останков коней, слуг или женщин. Когда Дарий в Бисутуне (Бехистуне) восхваляет в своей надписи благие мысли, благие слова и благие деяния (§ 51), это очень созвучно зороастрийским гимнам, где эти понятия упоминаются в том же порядке. Ахеменидов отказываются признавать монотеистами, ссылаясь на то, что они называли Ахурамазду величайшим из богов. Важно было бы знать, что они понимали под этой превосходной степенью, каким был статус других божеств. Сын Бога может быть Богом, и святой дух может быть Богом — европейцу, воспитанному в христианской традиции, следовало бы это сознавать. Появление при Артаксерксе II культов Митры, очень древнего индоевропейского божества, и Ардвисуры Анахиты, богини вод, самое большее могло быть реакцией со стороны политеизма и в то же время как будто показывает, что ему предшествовал монотеизм, но, как мне кажется, оно не исключает веры в верховного Бога. Существовал ли когда-либо политеизм без монотеистических черт? Маздеизм, будь он зороастрийским или нет, сыграл важнейшую роль в персидской цивилизации Ахеменидов.

ГЛАВА V МАЗДЕИЗМ

Маздеизм, безусловно, представляет собой крупнейший вклад Ирана в мировую мысль и в мировую цивилизацию. Он получил свое название от Мазды, «Мудрого», — определения, каким всегда характеризуется Бог, Ахурамазда, «Мудрый Господь»: это название позже было искажено и превратилось в «Ормузд». Эта религия произошла от древних индоевропейских верований, либо благодаря внезапному скачку, либо, скорее, благодаря непрерывной эволюции, и кульминационной точки она, несомненно, достигла при Заратуштре, или Зороастре, как его называли греки. Изумительно богатая и новаторская, она, увы, по многим причинам трудна для изучения. Возможно, она вызрела уже три тысячи лет тому назад, и по сей день ее еще исповедуют мелкие общины — гебры в Иране, парсы в Индии. Она знала огромный успех, при Сасанидах была государственной религией, а потом, при мусульманском владычестве, число ее адептов непрерывно снижалось. В течение своей долгой истории она испытала очевидную эволюцию, подверглась разным влияниям, породила ереси и секты. Поскольку большинство текстов, которые с ней знакомят, — как мы увидим, сравнительно поздние и часто запутанные, то архаическое в ней трудно отделить от неизбежных нововведений и даже от синкретизма. с другой стороны, маздеистское мышление — тонкое, сложное. Работы, посвященные маздеизму, часто оказываются противоречивыми, и в нем следовало бы разобраться подробно, но это потребовало бы исследования, выходящего за рамки, в которых мы обязаны оставаться.

ТЕКСТЫ

Священный канон маздеизма, *Авеста*, из которой, как считается, три четверти утрачены, включает разнообразные тексты, относящиеся к самым разным эпохам. Самые древние — это семнадцать *Гат*, «песен», написанных на архаичном языке, близком к языку индийских Вед: не очень длинные гимны, строф по пятнадцать, авторство которых без абсолютной уверенности приписывают Заратуштре. Они были сочинены между X и VI вв. до н.э., некоторые даже в XIV в. до н.э., и входят в состав семидесяти двух глав *Ясны*, сборника гимнов почитания. Все остальные произведения — намного более поздние, относятся к сасанидской эпохе и даже к первым векам арабского владычества. Только *Видевдат*, «закон против демонов» (*дэвов*), где речь идет о ритуальных осквернениях и средствах их компенсации, и *Хадохт*, от которого сохранились лишь две первых главы, датируются первыми веками нашей эры, то есть появились в доисламском Иране. Остальные были написаны на среднеперсидском языке (пахлави) при мусульманском господстве, правда, во многом на основе документов сасанидской эпохи. Если упоминать только самые примечательные, то, помимо пятидесяти шести негатических глав *Ясны*, это *Яшты*, двадцать два литургических псалма, гимны божествам пантеона, составляющим «сущность времени»; *Датистан-и-Диник*, написанный в IX в. н.э. Манушчихром (Мануш читра), главой маздеистов Фарса и Кермана, для ответа на вопросы, задававшие его паствой, и, может быть, для борьбы с нововведениями своего брата Затспрама, автора книги, которая носит его имя; *Бундахишн*, излагающий многие теологические и космогонические предания; *Денкарт*, энциклопедия, составленная, несомненно, в X в., где используются более древние материалы довольно малоизвестного происхождения. К более поздней эпохе, прежде всего с XIII по XVII в., относятся маздеистские тексты на персидском языке, как правило, содержащие много ошибок. Что касается *риваятов*, откровенно «новых» текстов, то это переписка гебров и парсов приблизительно XVIII в.

ЗАРАТУШТРА

Был ли Заратуштра (Зороастр) основателем или реформатором маздеизма? Существовал ли он вообще? Об этом много спорили. Хотя для нас он возникает внезапно как носитель откровения, вполне очевидно: даже если он был не реформатором, а основателем маздеизма, его учение могло появиться только на основе верований, существовавших

долгое время, несомненно, как индоевропейских традиций, с которыми тогда произошел полный разрыв, так и сибирских — последние могли стать источником дуализма, какой он усвоил, поскольку дуализм встречался в Средней Азии, Сибири, Арктике. Некоторые из самых видных исследователей отрицали его историчность, из новейших — Жан Келленс: «Я считаю, что Заратуштра не принадлежит истории» (2001). Однако насколько следует доверять такому заявлению, можно судить по тому, что его автор в этой же связи поставил под сомнение и историчность Иисуса, выразившись так: «В случае, если бы он не был тоже мифическим». Действительно, факт, что до Платона греки не знали о Заратуштре, что с тех пор они ассоциировали его с магией («мудрость магов») и считали полубогом. Другой факт, что ахеменидские надписи ни разу не упоминают его имени. Но отсутствие доказательств — не доказательство обратного, и очень трудно отрицать, что он реально существовал. В текстах, которые ему приписываются, слишком ощутимо присутствие живого человека, пылкого, напряженного, страстного, поглощенного верой и терзаемого тревогами, чтобы их автор был искусственным созданием интеллекта, а не существом из плоти и крови; ссылки на конкретных лиц и конкретные события тоже слишком правдоподобны. Конечно, всё это не позволяет написать биографию, — а биографии, написанные гораздо позже, откровенно легендарны, — но дает ценные сведения, благодаря которым мы можем составить общее представление о человеке.

Анализ текстов позволяет утверждать, что собеседникам Заратуштры были еще неведомы города, тогда как по меньшей мере с середины первого тысячелетия до нашей эры в Восточном Иране и в Средней Азии города уже существовали, и что эти собеседники были оседлыми пастухами, занимавшимися скотоводством и приносящими в жертву домашних животных, прежде всего быков, благодаря чему Заратуштру можно ассоциировать с обществом, где такие люди играли важную роль в экономике, и с территорией, где пастбища были достаточно обильны, чтобы их прокормить, вероятно, с дельтой Окса в Хорезме, единственным регионом иранского мира, где выпадает много осадков; такую локализацию как будто подтверждают и другие данные. Кстати, его называли Погонщиком Быков — не затем, чтобы указать, что он был скотоводом или (вопреки тому, что иногда говорили) что он требовал от последователей защищать скот и заботиться о скоте, а потому, что на Востоке есть обычай сравнивать людей со стадом, а их вождей с пастухами: кому неизвестно, что Иисус был «Добрым пастырем»? Официально признанные даты его жизни (628–551 до н.э.) выведены

из утверждения, что он жил за 258 лет до Александра, которое ни на чем не основано. Сегодня есть тенденция относить его жизнь к намного более древним временам, к точно не определенной эпохе между 1200 и 900 г. до н.э.

Как любую великую личность, жившую в далеком прошлом, его присвоили себе легенда и миф, и поздние биографии пропитаны ими. Но отдельные факты или аллюзии в его гимнах позволяют сделать вывод о некоторых реалиях его жизни. Он принадлежал к коневодческому роду, был жрецом, *заотаром*, жертвоприносителем и певцом. Он был женат и имел минимум двух детей, чьи имена известны. Его состояние было скромным, и он сетовал на этот факт, видя в нем одну из причин своих трудностей (Ясна, 46, 2). Можно допустить, что годам к тридцати он испытал озарение, когда с интонацией, напоминающей «Свят, свят, свят Господь Саваоф!» у Исайи (Ис. 6: 3), воскликнул: «Я признаю тебя святым, Мудрый Господь!». Тогда, приняв свою миссию, он воспроизвел первоначальный выбор Бога, выбор жизни и добра, и призвал свою паству поступить так же. Всё его учение основано на необходимости следовать этому примеру Бога. Человек своими мыслями, словами и делами способствует Его борьбе против сил смерти и зла и пришествию нового мира: «Дай мне, Господи, полное преобразование жизни, чтобы, поклоняясь тебе и восхваляя тебя, я достиг большей радости» (Ясна, 34, 6).

Он немедленно начал проповедовать — не затем, чтобы упразднить религию, а чтобы восстановить ее, и именем Ахурамазды обличать традиционных жрецов — несомненно, за излишества в жертвоприношениях и оргиях. Реакция не замедлила. Гонимый, он был вынужден покинуть свою землю. «Куда бежать? Куда идти? Меня изгоняют из моей семьи, из моего племени. Ни деревня, ни злые вожди не благоволят ко мне» (Ясна, 46, 1). Он укрылся у Виштаспы, царя племени Фрияна, неведомого монарха неизвестно где находящейся страны, который в маздеистской традиции станет образцом посвященного, как он сам — образцом жреца. Там он и остался жить. Виштаспа подружился с ним, слушал его, долго колебался, верить ли ему, наконец, решился на это после того, как произошло нескольких чудес, согласно агиографии, и стал его покровителем. Вместе с ним Заратуштра предпринял борьбу, в том числе вооруженную, с неверными и со своими заклятыми врагами. Он окружил себя группой учеников, которых называл то «бедняки», то «друзья», то «сведущие», и посылал некоторых из них в дальние края, чтобы распространять учение. Страстный проповедник, неутомимо вопрошавший своего Бога, особенно когда был мучим сомнениями, чувствовавший себя близким к Нему, он был убежден, что его

устаи говорит Он, что весть, которую он передает, исходит от Него. «Вот что я спрашиваю у тебя, Господи. Ответь же мне», — неустанно говорит он (Ясна, 44, 1). «Говори со мной, как друг говорит с другом. Окажи мне поддержку, какую друг оказывает другу» (Ясна, 46, 2). Он вполне сознает, как сложна проблема жизни, и не собирается ее решать при помощи нескольких простых формул, так что и в его речах отражена эта сложность. Его жизнь, похоже, стала тогда радостной, рискну сказать — счастливой, и удалась, потому что его учение быстро добилось широкого признания, но тем не менее он будет утверждать, что согласился «страдать среди людей», чтобы способствовать спасению человечества. Это не значит, что он придавал страданию искупительную ценность, хотя эсхатология как будто это делает. Зато его слова лучше разъясняют значение Спасителя, *Саошьянта*, апокалиптического витязя, совершенного и справедливого человека в качестве смысла существования мира, который уже воплощает он и который после него будут воплощать другие, рожденные девами, пока в конце времен не придет последний из них, Живущий. Как считают, можно утверждать, что Заратуштра умер в семьдесят семь лет, убитый в храме огня.

Союз Заратуштры и Виштаспы ставит важную и дискуссионную проблему отношений трона и алтаря. Ясно, что трон защищает алтарь, но обе власти, политическая и жреческая, остаются раздельными. Согласно знаменитому мифу Йима, первый царь, отказался обучать религии, но согласился умножить число сотворенных и управлять ими, введя тем самым различие между религиозной и гражданской властями, какое проводил Иран. Всякая попытка духовенства достичь трона завершалась провалом: в истории это наглядно демонстрируют узурпация мага Гауматы и постигшая его кара. Безуспешными оказались и все попытки монархов приобрести священство: возможно, примером такого монарха был Дарий, который, по словам Жана Келленса (2000), хотел стать «последним по счету преемником Заратуштры». Однако иранского суверена избирал Бог, он обладал властью по Его милости, и его коронация была религиозной церемонией. Поэтому его положение в религиозной системе ценностей оставалось неоднозначным, так как акцент делался то на сакральность его особы, то на ее мирской характер, чем могут объясняться как престиж монархии, так и недостаток преданности монархам, о котором свидетельствуют цареубийства и постоянные смены династий.

В легендарной биографии Заратуштры описано много чудес. Якобы имело место его небесное предсуществование. Он родился в центре мира, в середине истории, в свету — в том свету, каким пронизано

сердце маздеизма. Его мать во время зачатия получила *хварно*, и все ее тело оказалось окружено ярким сиянием. За три дня до его рождения это сияние появилось снова и было таким сильным, что жители деревни приняли его за пожар. Когда он родился, он излучал свет и смеялся. Далее он перенес четыре испытания, инициационный характер которых очевиден.

Хварно (*khwaranah*, *xvaranah*, превратившийся в *xvarr*), которое Анри Корбен толкует как «свет славы», — понятие, которое сложно определить, но оно занимает центральное место в маздеизме и не имеет эквивалентов где-либо еще. Это созданный Богом, исходящий от солнца флюид, скорей огненная, чем световая сила, которая содержится в питающих водах и поднимается в голову человека, излучающую ее в виде ореола — отсюда нимб святых в буддизме и христианстве. Это харизматическое могущество, присущее Богу и в большей или меньшей степени передаваемое любому индивиду, но более всего — представителям некоторых социальных категорий, — уполномочивает их выполнять их функции, наделяя привилегированным и исключительным положением. Оно пронизывает Иран и его царей, в какой-то мере передается из поколения в поколение, обеспечивая иранцам превосходство над остальными. Это прочно закрепилось в их памяти, способствовало, по всей вероятности, формированию у них представления о наследственной передаче этих даров, и, «несомненно, не случайно иранские мусульмане разработали собственное учение об имамах и усвоили острое ощущение, что Мухаммаду наследовали они» (Menasce, 1963).

СОТВОРЕНИЕ

Маздеизм, реформированный или нет, воспринимал жизнь как вечную борьбу двух начал — доброго и злого, представленных двумя Существами — Ахурамаздой, Мудрым Господом, и Ахриманом, духом зла, каждый из которых имеет неисчислимое множество помощников. Именно ради участия в ней был сотворен человек, который должен содействовать победе первого над вторым, как поступил Заратуштра, всю жизнь боровшийся с демонами, нападения которых отразил еще в материнском лоне. Эта борьба завершится окончательной победой добра, спасением всех сотворенных, уничтожением зла.

Сотворение, которому посвящено несколько космогонических мифов, было делом рук Ахурамазды. Согласно классической версии он последовательно, в состоянии *менок*, «духовном», а потом в состоянии

гетик, «телесном», создал небо, воду, землю, растения, первобыка и человека, Гайомарта, «сверкающего как солнце», обоих последних из глины, и оба обладали световым семенем. Ахриман, начавший тогда свое разрушительное дело, убил быка, потом человека, но последний предсказал: несмотря на его смерть, его род продолжится благодаря сперме, которую он пролил на землю. В самом деле, из нее родилось растение, которое вскоре расколосось надвое, и получились два близнеца, мальчик и девочка, Машйа и Машйана. От них произошло все человечество. Иногда довольствуются более коротким рассказом: Бог создал человека *яма*, «близнецов», мужского и женского пола, созданных, чтобы совокупляться, и совокупающихся. Именно в подражание первому браку, ради воспроизведения акта сотворения всем рекомендовали и всех почти обязывали вступать в брак, который, по выражению Клариссы Херреншмидт, недалеко ушел от кровосмешения.

Мир, сотворенный Ахурамаздой, — добрый. Обязанность человека — благодарно и вдохновенно интегрироваться в него, содействовать его процветанию, максимально им пользоваться. Маздеизм — религия действия и добра, которой неведомы аскетизм и монашество, которая призывает к усилию, в том числе и военному (со времен Заратуштры, который был воином), восхваляет успех, где труд похвален, поскольку полезен для божьего творения, где тело ценится высоко как созданное Богом и поэтому о теле надо заботиться, добиваясь, чтобы оно было как можно красивей. Она насквозь оптимистична, ее сущность — поощрение процветания в жизни, прославление света и радости, пользование благами зримого мира, которые суть лишь предвкушение благ вечной жизни, обещание рая, уверенность, что даже наихудшие преступники после страданий в аду будут в конечном счете прощены.

ДУАЛИЗМ

Считают, что в основе маздеизма лежит дуализм, но по меньшей мере Заратуштра и, несомненно, те маздеисты, которые не примкнули к его учению, если такие имелись, были по сути монотеистами. Для них первая истина, без которой не было спасения, заключалась в том, что Создатель — не то же самое, что Разрушитель, что зло имеет иной источник, чем добро, что место пребывания первого — абсолют, а второго — относительное. Существует один-единственный Бог, Ахурамазда, который создал всё посредством собственной мысли, некоторые тексты утверждают — посредством Святого духа, Спента-Майнью, с которым он составляет одно целое и который всемогущ, вечен, «первый и по-

следний» (Ясна, 31, 8). Тогда как его «соперник», дух зла, «злой бог» Ахриман обладает лишь временным, иллюзорным могуществом, даже когда проявляет какую-то созидательную активность, потому что обречен на поражение и уничтожение. У его существования, которое может показаться недопустимым, скандальным, и у его вмешательства в дела мира есть свой смысл. Без Ахримана, без его деятельности, человек не был бы должен выбирать один из двух путей, а значит, не пользовался бы таким важнейшим благом, как свобода, хотя ни одна религия никогда не даровала ее так щедро. Маздеист ни в каком отношении не раб и не слуга Бога, в отличие от иудея или мусульманина. Он полностью свободен в мыслях, словах, действиях. Он может предпочесть, чтобы те и другие были справедливыми и благими, и тем самым снискать спасение. Член сообщества — семьи, племени, народа, — он существует вне этого сообщества, отделен от него, живет сам по себе, для самого себя и ничем не обязан действиям близких или предков, не несет перед ними ответственность, отчего тяготеет к эгоцентризму. Вознаграждение или кара, ждущие его, — не коллективные, не распространяются на детей и внуков до ...надцатого колена, как в Библии, а только на него, он один отвечает за себя. И опять-таки больше ни одна религия не утверждала так настойчиво индивидуальный характер заслуг и виновности.

Вот почему Ахурамазда, с самого начала знавший, что выберет дух-разрушитель, и не воспротивившийся этому, не мешал и позже вторжению зла в мир. Ахриман не только делает человека свободным, но и вынуждает вступить в борьбу с собой, а значит, способствовать своему окончательному поражению или делать последнее возможным. Когда чужеземцы, в частности, греки, считали Ахурамазду и Ахримана равными по силе, они ошибались, как будут ошибаться гностики и манихеи. Дуализм у маздеистов, конечно, имел место, но не радикальный. Если во вселенной всё противостоит друг другу: ночь и день, тепло и холод, верх и низ, мужское и женское, — это лишь видимость, и в абсолюте, в высшем мире всё сводится к единому, Бог отменяет любое противоречие. Вся маздеистская теология — длинный диспут о происхождении двух противоположных сущностей, Ахурамазды и Ахримана, «близнецов», как иногда их называют.

В представлениях школы, которая выглядит самой ортодоксальной, Ахурамазда вечность живет при свете, Ахриман — во мраке, причем вопрос о его происхождении не возникает, проблема появления зла, Ахримана, не ставится; и вечность они борются или же делают это с определенного момента — с тех пор как Ахурамазда создал мир, предполагая, конечно, эту борьбу. Однако целое идейное течение, пер-

вые проявления которого обнаруживаются в Гатах, но которое пахлавийские книги рассматривают как еретическое, как будто наделяет этих антагонистов единым происхождением. Полное развитие это течение нашло в зерванизме.

МОНОТЕИЗМ И ПОЛИТЕИЗМ

Зороастрийские гимны Ахурамазде, очень похожие по акцентам, которые в них сделаны, на изъявления веры в ахеменидских надписях, иногда кажутся близкими к монотеистическим: «Ахурамазда, который установил всё, который дает богатство и *хварно*, ибо он — величайший, лучший, прекраснейший, самый царственный [?], способнейший, тот, кто имеет прекраснейший видимый облик [...]. Это Бог, который создал нас, который придал форму, который напитал нас и который наиболее благодетелен» (Ясна, I, *Journal Asiatique*, 1996). Однако не надо придавать этим превосходным степеням слишком много значения. Несмотря на афишируемый монотеизм, Заратуштра не смог изгнать великих богов, унаследованных от прошлого, в первую очередь Митру, а потом Ардвисуру Анахиту, богиню вод, однако определил их как подчиненных Бога, Его создания, Его детей или Его паредров. Народная любовь и искусность богословов позволили им восстановить свое положение. Практически все остальные боги древнего индоевропейского пантеона либо были исключены из него и обращены в демонов, либо хоть и сохранились, но были понижены в ранге, превратившись в гениев или ангелов-хранителей, в олицетворения добродетелей, сил или аспектов единого божества, в когорту Амеша Спента («блаженных святых»), таких, как Процветание, Благочестие, Бессмертие, Целостность, Порядок, Справедливость, либо играли роль стражей, но новый статус не мешал им оставаться «достойными поклонения», *язатами*.

ЗЕРВАНИЗМ

Зерванизм, эзотерическая, но стойкая теология, сделал и Ахримана, и Ахурамазду сыновьями Зервана, олицетворенного Времени, и тем самым предложил оригинальное решение проблемы зла. В начале, утверждается, существовало только бесконечное время, из которого в конечном счете возникло всё. Этот миф — древний, и Роман Гиршман (Ghirshman, 1963, p. 52) полагает, что опознал изображение Зервана на бронзовой пластине VIII–VII вв. до н.э. из Луристана. Во всяком случае, о нем явно говорится у Евдема Родосского (вторая половина

IV в. до н.э.): «Маги [...] называют все единое и невещественное то странством, то временем; из него появились либо Ормузд и Ахриман, либо Свет и тьма» (цит. по: Eliade, II, 297). Похоже, зерванизм имел большую популярность в начале III в. до н.э. и просуществовал до мусульманской эпохи, но о нем известно только из трудов христианских и исламских апологетов, в Авесте содержатся лишь редкие аллюзии. Зерван представляет собой не только последовательность событий, но и формирование существ, их смерть, их возрождение. В самой полной форме миф о нем пересказывает Езник Кохбацци. Он сообщает, что Зерван жил в абсолютном одиночестве, внезапно захотел иметь сына и тысячу лет приносил жертвы, чтобы тот родился, но тщетно, после чего его, наконец, охватили сомнения. Тогда и появилось на свет два сына: один светозарный и благоуханный — Ахурамазда, родившийся из жертвоприношения, другой темный и зловонный — Ахриман, плод сомнения.

По мнению Мэри Бойс, зерванизм зародился в Юго-Западном Иране благодаря знакомству магов с вавилонскими спекуляциями и прижился в Согдиане, но не у парфян. Для Жака Дюшен-Гийемена это учение узких маздеистских кругов. Можно было бы упомянуть и другие мнения. Ничто не говорит, какую аудиторию мог иметь зерванизм, кроме того факта, что Мани назовет Великого Бога Зерваном.

АРДВИСУРА АНАХИТА

Доиранское божество, вероятно, эламского происхождения, Ардвисура Анахита была, согласно этимологии, «Непорочной» и по преимуществу считалась богиней вод. Она действительно была связана со всем жидким, с *хаомой*, сакральной жидкостью, о которой мы еще будем говорить, с оплодотворяющей водой, как и с семяизвержением, и потому играла двойную роль как покровительница плодovitости. Она занимала, конечно, важное место, но оно остается несколько неясным. Поначалу скромная и второстепенная богиня, она, похоже, попала в милость при Артаксерксе II, который, согласно Плутарху, велел посвятить себя на царство в ее храме в Пасаргадах («Артаксеркс», 3) и, согласно Беросу, воздвиг ее изображения в Вавилоне, Сузах, Экбатанах, Бактрах, Дамаске, Сардах (Климент Александрийский). Судя по всему, после смерти этого Ахеменида ее культ постепенно утратил популярность, но возродился в эллинистическую эпоху, когда ее стали почитать под эллинским именем Анаитиды. Тогда ее облик резко изменился. Она, по меньшей мере с I в., стала богиней-воительницей, как подчеркивает

Плутарх, и Сасаниды, при которых она полностью интегрировалась в общество, посвящали ей головы побежденных врагов.

МИТРА

Яшт X — длинный гимн Митре, созданию Ахурамазды, о котором Мудрый Господь говорит, что он «столь же достоин поклонения и почитания, как я сам». Он занимает такое же место, как ведический Митра, а значит, это древний и важный персонаж. Представляется, что первоначально он был солярным богом, идентичным свету или по меньшей мере проникнутым светом, что у маздеистов могло вызвать только расположение к нему. И, действительно, маздеизм сохранил за ним известное место, сделав из него простого слугу Мудрого Господа, а именно такого, который был обязан вершить суд над душами умерших, свидетельствовать, хранить верность, что, кстати, отражено и в его имени, которое ассоциируется с союзом, основанным на договоре. Хотя его часто определяли как «бога с обширными пастбищами», он не был сельским божеством. Конечно, в качестве бога солнца он способствовал процветанию, но прежде всего это был завоеватель. В обмен на почитание от него ожидали получение земного пространства, где люди и скот найдут воду и безопасность (Benveniste, 1960). «Дай нам милость, о которой мы тебя молим [...] богатство, силу и победу». Он не замедлил стать одновременно свирепым богом и богом, который дает бессмертие.

Точно неизвестно, каким было место Митры в классическом маздеизме, но нет сомнения, что он сохранил приверженцев, которые в большей или меньшей степени были еретиками. Постепенно сформировалась и приобрела известность настоящая самостоятельная религия — митраизм, где он был великим богом. Это была религия спасения, каких в начале нашей эры расцвело много, настоящее тайное общество, адепты которой, в основном военные, давали клятвы держать принадлежность к ней в тайне, объединялись в маленькие группы по сотне верующих, вели аскетическую жизнь с постами и бичеваниями — маздеизму такие практики совершенно чужды, — а главное отправление культа, заклатие быка (тавроболий), происходило в пещере, жилище Солнца, в присутствии этого светила и Луны. Женщины туда категорически не допускались, тогда как в религиях спасения и в мистериях они занимали важное место, и это делает малопривлекательной идею Ренана, согласно которой, если бы какая-то случайность прервала карьеру христианства, «мир обратился бы к культу Митры» (Renan, «Marc Augère», p. 579): религия не может быть недоступной половине человечества!

Это не значит, что митраизм не получил громадного успеха во всей римской Европе, куда его принесли легионы — первое упоминание Митры в средиземноморском бассейне датируется 67 г. до н.э., — и, в меньшей степени, в Северо-Западной Индии в начале III в. н.э. Ни один западноевропейский текст не упоминает о нем, но в Дакии, в Паннонии, в Германии, в Галлии найдено много посвященных ему святилищ. В Риме их якобы было около сотни, что позволяет оценить численность его приверженцев в Вечном городе тысяч в десять, если не учитывать пещеры, куда более многочисленные, где совершались мистерии и по поводу которых негодовали христиане: отголосок этого слышится у Иустина, когда он заявляет, что сектанты, последователи Митры, «наученные дьяволом», утверждают, что совершают свою инициацию в месте, именуемом *speleum* [пещерой] (Roux, 1999, p. 293). На рельефах изображен Митра, приносящий в жертву быка. Выражение его лица — не зверское и не торжествующее, а почти грустное: заклятие — не подвиг, в жертву приносится соучастник в сотворении. В этом, по меньшей мере, он следует маздеизму. В отличие от последнего он отказывает в спасении проклятым, которые в конце времен будут уничтожены вместе с Ахриманом. Кто оценит вклад, который Иран передал Западу в багаже божества, ставшего там настолько популярным?

ЭСХАТОЛОГИЯ

Маздеизм одержим вопросом судьбы людей, воздаяния, которое совершается не на земле — где благополучие и несчастье, как показывает опыт, никак не соотносятся с заслугами и грехами, — а в потустороннем мире, и это, несомненно, одно из крупнейших новшеств, введенных им. Умереть значит выйти из течения времени, предельные цели человека — в сердце теологической системы маздеизма.

Может быть, поскольку смерть воспринималась как зло в высшей степени, труп считался нечистым и не должен был осквернять ни одну из четырех стихий, образующих вселенную: землю, воду, огонь, воздух. Вот почему труп оставляли диким животным, в основном хищным птицам, которые его разрывали. Не без оснований знамениты башни молчания, которые существуют и у современных маздеистов. Кости, освобожденные от мяса, бросали в яму или собирали, как предписывает Видевдат (Gignoux, 1979). Хотя современных маздеистов кости почти не интересуют, встарь они имели существенное значение, поскольку лишь они и давали возможность для воскресения или, точнее, для «костного обновления». Немало говорится о «костных телах» и «костных

душах». То, что маги практиковали выставление трупа на открытый воздух, не подлежит сомнению, но позволительно думать, что чаще, в древние времена, как говорят Геродот (I, 140) и Страбон (XV, III, 20), тела покрывали воском.

Душа умершего, *раван* (*урван*), лишена всякой способности к общению и обречена оставаться неподвижной и бесчувственной рядом с телом трое суток «в опасной ночи» (Kellens, 1995, «L'âme», p. 24). Потом ее будит освежающий или обжигающий ветерок, она приходит в сознание, то есть вновь обретает утраченные способности, — она видит перед собой *даэну* (*даяну*); она заговаривает с ней, та отвечает. И вскоре душа за ней следует. Даэна — это женщина. Если душа праведна, это очаровательная девушка пятнадцати лет, в возрасте цветущей красоты, согласно Авесте, «сияющая, белорукая, крепкая, красивой внешности, стройная, высокая, с упругими грудями, с тонким телом», и душа спрашивает ее: «Кто ты, дева, в каковой я вижу прекраснейшую из дев?». Та отвечает: «Я твоя вера», то есть твоя верующая душа. И добавляет: «Поскольку ты хорошо мыслил, хорошо говорил, хорошо действовал, то, когда я была любима, ты делал меня любимее, когда я была красива, ты делал меня красивее, когда я была восхитительна, ты делал меня еще восхитительней». Если душа неправедна, грешна, это старуха, отвратительная, грязная, или еще более ужасающая молодая особа. Душа задает ей тот же вопрос, и та, после того как представится, сказав: «Я — твои дурные мысли, твои дурные слова, твои дурные дела», заявляет ей: «Поскольку ты дурно мыслил, дурно говорил, дурно действовал, то, когда я была презренной, ты делал меня еще презренней...». Эта женщина, прекрасная или ужасная, — это сам покойник, одна из его душ, возможно, главная, ее женское начало, ее «собственное Я, которое ей предсуществует [...], но которое в то же самое время есть результат религиозной деятельности души в земной жизни» (Eliade, I, 344), моральная ценность жизни, прожитой каждым. Так обе души узнают друг друга, соединяются, и это узнавание, это соединение возвращает покойнику способность двигаться. Из некоторых версий мифа, как будто древних, не лишенных эротизма, в которых девушка немедленно становится женщиной и беременеет (*Journal Asiatique*, 1995, 1996), похоже, можно заключить, что эта встреча подразумевает и кровосмесительный союз двух начал, мужского и женского. Но, на наш взгляд, в высшей степени важно и показательно то, что *даэна* тем или иным образом, в различных рассказах, всегда становится проводником *равана* по дорогам потустороннего мира, влечет его к Богу почти в точности так же, как Беатриче поведет Данте к свету. Она ведет его к мосту Чинват,

«Сортирующему», узкому мосту, перекинутому через бездну, куда падают проклятые. «Она бросает грешную душу во мрак, она переводит через мост душу праведника, которая поднимается за ней дальше. Душа делает три шага, проходит три этапа, достигает сначала сферы благих мыслей, потом сферы благих слов и, наконец, сферы благих дел, потом она делает четвертый шаг и вступает в сферу бесконечного света, где царит вечная радость». Как будто всё сказано. Не абсолютно всё, потому что маздеизм добавляет к этому грандиозному образу загробного мира суд над умершими, который вершат Митра и сам Ахурамазда и который трудно вписать в этот контекст.

Смерть и разложение тела — высшее выражение зла, его мнимый триумф. Но, поскольку зло должно быть уничтожено, будет уничтожена и смерть, и в конце времен покойник воскреснет. Воскресение тел, о котором никогда не говорилось с большей определенностью, чем в Бундахишне, но которое выглядит признанным догматом, — конечно, важная и новая концепция, порывающая с идеей пребывания умерших под землей, в Шеоле и Аиде, где мертвые ведут скрытую и неясную жизнь, концепция, к которой часто обращаются историки, чтобы понять, что поздний иудаизм, христианство и ислам заимствовали в Иране. Маздеисты считают, что это воскресение произойдет в конце времен, и иногда связывают его с приходом *Саошьянта*, Живущего, Спасителя, предсказанным Заратуштрой (яшт 19).

Финальное обновление совершается в основном с помощью вечного огня. Идти в вечный огонь значит идти не на вечную муку, как в христианстве, а к обновлению. Ад и рай служат наградой или наказанием праведникам и грешникам, но их существование преходяще, они есть, только пока человечество борется с силами тьмы, живет в линейном времени, которое однажды закончится. Если праведник спасен с момента кончины и навсегда, если тот, чьи добродетельные и грешные деяния уравновешивают друг друга, ждет в *хаместагане*, подобии чистилища, то и неправедный, создание Ахурамазды, не проклят навеки. Он проклят только на время. Претерпев свою кару, злодѣй вернется в Богу. Мир завершит существование в пожаре, который часто называют «испытанием расплавленным металлом» и который будет для одних «как теплое молоко», для других тремя ужасными сутками страдания — страдания, которое, таким образом, станет искупительным (Gignoux, 1968). После этого ад будет разрушен, Ахриман окончательно побежден, а потом уничтожен, мертвые вернутся к жизни и воссоединятся в раю со всеми людьми, с Ахурамаздой, Амеша Спента и богами.

Рай — в основном обиталище света, и, кстати, «свет» — одно из его названий. Он, как правило, описывается сдержанно: «Светоносный мир, место полного благополучия и довольства, изобилующее благоуханными цветами, всё украшенное, всё цветущее, лучезарное, исполненное славы, источающее всяческую радость и всяческое благо, где никто не испытывает пресыщения», или еще: «Самое возвышенное, самое светозарное, самое благоуханное, самое чистое, самое красивое место» (Дадастан-и-Диник, XXV). Зато ад — «низкий, глубокий, темный, тошнотворный, ужасающий, испорченный, обиталище демонов, смрада, скверны, кары, страдания, скорби, горя, тягости» (Мануш-чхр, 26). Грешник там пребывает в полнейшем одиночестве, даже если в пространстве в двенадцать дюймов находится тысяча человек (Бундахишн).

Кто праведен, кто грешен? Чтобы спастись, следовало быть маздеистом, бороться со злом, — и не забудем, что любой, кто не был маздеистом, принадлежал к миру зла, — перенести инициацию (*нозуд*), представлявшую собой рождение заново и совершавшуюся лет в двенадцать, первоначально только над мальчиками, поскольку девушки инициировались во время вступления в брак, свидетелем которого был огонь; надо было творить благо, под чем подразумевались прежде всего благие мысли, благие слова и благие дела. «Всякая мысль, которую надо было иметь и которой я не имел; всякое слово, которое надо было сказать и которого я не сказал; всякое дело, которое надо было сделать и которого я не сделал [...] во всем этом я раскаиваюсь» (Darmesteter, 1892–1893, III). К традиционной троице «мысли-слова-дела» здесь добавляются упущения, которые и христиане иногда включают в молитву при исповеди. Для женщин к этим условиям добавляют «исполнение религиозного долга, повиновение мужьям, рвение при совершении добра». Прокляты были те, кто совершил плотский грех, к каким относились прелюбодеяние, блуд, педерастия, проституция, кто имел сношение с менструирующей женщиной, кто противился кровнородственному браку, скупцы, лжецы, воры, мошенники, лентяи, клеветники и т.д., а также те, кто позволил своему ребенку плакать от голода или кто мочился стоя, кто ходил, обув только одну ногу.

КУЛЬТ

В классическом маздеизме культ был сведен к минимуму. Он в основном сводился к молитвам и пению гимнов и не предполагал никаких образов, кроме символического крылатого диска, из которого

выходит торс человека, ассоциируемого с Ахурамаздой. Он не допускал никаких храмов, кроме храмов огня, пиреев, очень простых маленьких построек рядом с алтарями на открытом воздухе. Мы видели, что у «еретиков»-сектантов, почитателей Митры и Ардвисуры Анахиты, напротив, были скульптуры и святилища. Жертвоприношения, повторявшие первоначальные и созидательные жертвоприношения Бога или совершавшиеся в их память, конечно, были важны, потому что идея жертвенности — центральная в маздеизме. Это не было принесение жертв божеству, это были действия, имевшие самостоятельную ценность. Именно с помощью жертвоприношения Святой дух создал мир, дал возможность родиться первому человеку Гайомарту, именно так было побеждено зло. В конце времен Спаситель совершит жертвоприношение, алтарем которого будет весь мир. Поэтому совершали заклания животных, прежде всего быков, и преподносили богам, «приносили в жертву», *хаому*.

Хаома, ведический аналог которого — *сома*, этимологически «то, что выжимают», представлял собой растение с богатым содержанием *хварно*, не выясненное и, должно быть, не везде и не всегда одно и то же; из него делали напиток бессмертия, и он тоже первоначально был богом. Его повседневное поглощение («жертвоприношение»), совершаемое после того, как верующие выльют в огонь долю, причитающуюся богам, вызывало экстаз, предвкушение небесных наслаждений, было «благоприятным моментом для отправки души в отпуск»: она на время опьянения покидала свое место, отправлялась в потусторонний мир и предлагала себя божеству (Pirart, 1996). Поначалу аристократический напиток, он понемногу стал обычным в торжественной литургии, а потом его статус значительно снизился. Зороастрийская «реформация» увидела в нем только проявление, благое, «потому что он был создан благим» (Ясна, 9, 2), могущества и мудрости Господа: «Прошу у тебя, о *хаома*, мудрости, крепости, победы в бою, телесной целостности и благополучия, силы и славы, знания» (Ясна, 9, 17). Что касается жертвоприношений животных, против которых энергично выступал Заратуштра, как восставал и против *хаомы*, призывая либо отменить их, либо пресечь крайности в них, то они никогда полностью не прекращались. Они отмечены и во времена, когда маздеизм был государственной религией, при Сасанидах. В «Каабе Зороастра» надпись Шапура предписывает совершать жертвоприношения ради его души, душ его родных и высших сановников. Армяне говорят о жертве, которую ради победы принес Йездигерд... Но жертвоприношения стали гуманней. Впервые при их проведении появилась забота, чтобы животное не страдало. Его

убивали с первого удара, что, среди прочих, видели Езник и Страбон: «При жертвоприношениях не применяют ножа, а пользуются чем-то вроде полена, убивая жертву как бы молотом», — пишет последний (XV, 3, 15). Может быть, во многих случаях жертвоприношения даже сделались символическими? Не исключено, что уже в древней индоевропейской религии жертвоприношение, выражавшее идею «освящения», или по меньшей мере человеческое жертвоприношение происходило без пролития крови, а в Гатах слово «жертвоприношение», *ясна*, эквивалентно понятию «мысль». Когда Зерван приносил жертвы, находясь в одиночестве, он никого не убивал, он «освящал» свою мысль. Маздеисты, несомненно, не убивали корову, они приносили в жертву ее молоко, представлявшее ее душу, как *хаома* представлял душу благочестивого человека. Даже растения обозначались связанными ветками и изображались на алтарях огня — знаменитые *барсомы*, которые можно видеть на ахеменидских рельефах и которые использовались в древнейшем ритуале. Выражение «приносить жертву с прутьями в руке» станет авестийской формулой.

Главным культом был культ огня (*Journal Asiatique*, 1996), «сына Ахурамазды», «радости Ахурамазды», как говорит Ясна (1, 12), но огонь не обожествлялся, хотя некоторые отождествляют его со Святым духом. Огонь был вечен, и за тем, чтобы он никогда не гас, следили. Он представлял свет, абсолютную чистоту, вечность, обновление, спасение. Он был посредником, передавал молитвы и приношения, мясо и жир, которые первоначально преподносили ему, но на которые он больше не имел права. Он был гарантом клятв, изгонял и убивал демонов. Только на его алтарях отправляли культ, над ними читали молитвы. Только жрецы имели к нему доступ — в перчатках и головных покрывалах, чтобы их руки и дыхание не осквернили его, как будто абсолютную чистоту можно осквернить.

Духовенство существовало с давних времен, и мы отметили, что Заратуштра был жрецом. Изображения жрецов усматривают на скальной гробнице в Кызкапане (VII–VI в. до н.э.), где можно видеть двух человек по обе стороны пирея. Но по-настоящему организовали духовенство, привнесли в него иерархию только при Сасанидах, и, возможно, лишь в V в. н.э. его возглавил верховный понтифик, хотя Иеремия еще в VI в. до н.э. упоминает «начальника магов» при Навуходносоре (Иер. 39: 3).

Маги (*магуш* на древнеперсидском, потом *магус*), название которых имеет тот же корень, что и *мага*, «озарение», сначала были одним из мидийских племен, но постепенно стали классом духовенства, как

левиты или брахманы, и присвоили себе право отправления культа. Они толковали сны, пророчествовали, принося в жертву белых копей (Геродот, VII, 113), и совершали песнопения. Они обращались к звездам и, несомненно, занимались чем-то загадочным, научным или псевдонаучным, коль скоро от их названия в конечном счете произошло слово «магия». Неизвестно, какими были их первоначальные отношения с маздеизмом, практиковали ли они его в древние времена или нет, но потом они его пропагандировали или пытались выхолостить и, наконец, стали его служителями. При Ахеменидах они, конечно, уже обладали значительным могуществом, поскольку один из них, Гаумата, попытался захватить власть и, несмотря на провал этой попытки, несмотря на «убийство магов», их влияние продолжало расти. Они появятся у колыбели Христа.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЛИЯНИЯ МАЗДЕИЗМА

Без маздеизма не было бы ни манихейства, ни павликиан, ни богомилов, ни катаров. Но это только видимая часть айсберга. Религия иранцев принесла в мир множество понятий, которые до того были неизвестны или, по меньшей мере, никогда не выражались так ясно. Так, в Вавилоне существовала очень подробно разработанная теория греха и прощения, но ее действие прекращалось на пороге могилы: вознаграждение и кара имели земной характер. И в Израиле ничего подобного не было до появления книги Даниила, провозгласившей, что «многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан. 12: 2). Сами понятия индивидуального существования *post mortem* и воскрешения из мертвых были новыми. Израиль задался вопросом: раз Бог намерен оживить Свой народ, не хочет ли Он вернуть к жизни человека? Текст апокалипсиса от Исайи, похоже, впервые это допускает: «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела!» (Ис. 26: 19). Маздеистское влияние на иудеев уже давно выявили такие ученые, как Альфред Луази или Рене Бертло: «Целый набор иранских практик и представлений [...] появляется у евреев в эпоху Персидской империи». А второй из этих авторов даже приписывает Персии строгий библейский монотеизм: «Прежде всего [от нее] и ведет происхождение иудейский монотеизм» (Berthelot, 1938, 216). Преувеличение? Во всяком случае, с тех пор признано, что особое подчеркивание божественной Мудрости было крупным нововведением: его исток искали в Египте, в александрийском иудаизме, но очень трудно не увидеть его в религии, Бог которой носит имя

Мудрого; девять первых глав книги Притчей Соломоновых, несомненно, датируемых III в. до н.э., претендуют на божественное происхождение их мудрости.

Поразительную рельефность внезапно приобрел и в конечном счете стал вездесущим персонаж, которого ожидало великое поприще и который доселе играл весьма скромную роль, — враг Бога и людей, дух зла, Сатана. Его имя по-древнееврейски означает «противник», «обвинитель». Он вел происки против человека, а не побуждал его совершать зло. В древнейшие времена один Бог стоял у истока всех действий, будь они хорошими или дурными. Змей-искуситель Евы, проклятый за то, что подтолкнул ее к неповиновению, лишь позже стал рассматриваться как демонический дух. Злые силы, если они присутствовали в религии, чаще всего смешивались с ложными богами язычества. В книге Иова, где дьявол впервые стал полноценным персонажем, он еще действовал только с дозволения Бога. Самостоятельность, постоянный конфликт с Богом у него появились лишь в первой книге Паралипоменон (21: 1), в Книге Чисел (22: 22) и в первой книге Самуила (19: 9). Только в книге Исаяи сияющая звезда, Люцифер, назвал себя равным Яхве (14: 12), а сюжет падения ангелов был развит лишь в позднем иудаизме, незадолго до наступления христианской эпохи, когда демонология приобретет почти навязчивый характер. Известно, какое место Сатана и когорта бесов займут в Евангелиях. Конечно, Сатана никогда не будет Ахриманом. Но можно ли считать, что он ничем не обязан последнему? Что касается понятия рая (*paradise*), противопоставленного аду, можно ли отрицать его иранское происхождение, коль скоро греческое слово *парадисос* происходит от персидского *пайридазза*, составленного из *пайри*, «пояс» (греч. *перу*), и *дазза*, «крепостная стена»?

Если агностик может видеть влияние маздеизма на христианство и открыто заявлять о заимствованиях, сделанных вторым у первого, христианин может признавать в общих или схожих фактах только пропедевтику, предварительное обучение христианскому откровению. «Бог говорил через пророков», — утверждает Символ веры, но не только через ветхозаветных пророков, — говорили первые отцы церкви, усматривавшие второй канал Откровения в греческой философии, пронизывавшей в то время римский мир: «Бог — управитель обоих Заветов — дал эллинам их философию, посредством которой они прославляют его могущество», заявляет Климент Александрийский (ок. 150—ок. 215) в «Строматах» (VI, 5). Похоже, никто не думал тогда об иранском канале, хотя вклад последнего неоспорим. Сколько точек соприкосновения у маздеизма и христианства! Несомненно, они по-

разили читателя в кратком очерке, который мы смогли составить. Надо ли напомнить некоторые из них? Трое суток, в течение которых умерший остается безжизненным и которые соответствуют трем суткам, отделившим смерть Иисуса от воскресения. Особый акцент на свете, который будет так ощутим у святого Иоанна: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Иоан. 1: 5); «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. [...] Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через Него» (Иоан. 1: 5, 7). Понятие о Спасителе, рожденном от девы. Отождествление Святого Духа с Богом-Отцом. Вера в бессмертие души, вскоре оказавшееся в центре размышлений платоников, и в воскресение тел. Великая идея, что человек получает награду или наказание не на земле, а на том свете; идея личной ответственности, лишившая силы принцип ответственности коллективной; идея свободы человека в мире, в котором индивидуальная свобода значила немного...

Тем не менее пусть мне не приписывают того, чего я не говорю: различий между обеими религиями больше, чем черт сходства. Христианство, путь которому, возможно, проторил маздеизм, пошло гораздо дальше. Оно создало учение о любви, оно превознесло милосердие, сострадание, оно придало страданию искупительную ценность, оно посредством догмата об общении святых избавило человека от чрезмерного индивидуализма, присущего маздеизму. Оно сделало творения Бога его детьми. При помощи Воплощения и Евхаристии оно соединило божественное и человеческое.

Выявление влияний маздеизма на ислам нас, несомненно, интересует меньше, и, возможно, они не столь непосредственны, потому что отчасти — но только отчасти — осуществлялись через Библию. Конечно, доисламская Аравия была дальше от иранских земель, чем Израиль, но поселились там не иранцы. На ней сильно сказался протекторат, установленный Сасанидами над некоторыми из ее провинций. В конце VI в. Сасаниды в прямой или косвенной форме были властителями Западной и Южной Аравии, и, похоже, на Медину, где отмечались два больших праздника, весенний (Науруз) и зимний, персы наложили глубокий отпечаток, и, кстати, их политику поддерживали там многочисленные евреи. Минимальное внимание, какое маздеизму уделяет Коран, возможно, отражает замешательство, какое эта религия вызывала у людей, не желавших ни нападать на нее, ни казаться близкими к ней. Оно контрастирует с очень значительным местом, которое в течение трех первых веков хиджры маздеизм занимал в *тафсирах* (комментариях к Корану) и исторических трудах, не упускающих возможности подчеркнуть дав-

ние связи Аравии и Ирана, в апологетических сочинениях (840 г., 861 г. и т. д.), опровергающих учение магов, и такой великий писатель, как ал-Джахиз (ум. 869), в своих произведениях посвящает им интересные заметки. Может быть, еще важнее существование такой фигуры, как Салман ал-Фариси («Перс»), который был спутником Мухаммада, сохранил верность его семье и стал патроном всех братств (Massignon, 1963, I, 453). Важна и роль, которую ему приписывали экстремистские исмаилитские движения, видевшие в нем особу, которая дала Пророку возможность запомнить весь Коран и ради выполнения своей божественной миссии скрывалась под условным именем ангела Гавриила.

Очевидно, наиболее глубокое маздеистское влияние испытал персидский, шиитский ислам, как хорошо показал великий иранист Анри Корбен, особо выделив личность и творчество Сухраварди (1155–1191), название главной книги которого, «Метафизика Света и озарения», показательно само по себе. Без особого труда можно было бы продемонстрировать, что организация иранского духовенства, в которой не было ничего мусульманского, была скопирована с организации духовенства сасанидского; что ожидание *махди*, скрытого имама, который обнаружит себя в конце времен, — не что иное, как ожидание зороастрийского *Саошьянта*, и т. д. Существует иранское керамическое изделие 1210 г. (Галерея искусств Фрира, Вашингтон), к которому привлек внимание Фриц Мейер и которое может показаться не слишком важным, но иллюстрирует распространенное, если не всеобщее верование. На нем изображен человек, который, отвернувшись от благ мира сего, созерцает свою душу, символически представленную в виде женщины, погруженной в воду среди рыб. Это значит, что душа живет в божественном, как рыба в воде, а также, что она имеет женский пол, как *даэна*.

Суннитский ислам, менее затронутый древней иранской религией, тоже не избежал ее влияний. Если видеть в гуриях рая правнучек *даэны* (*Journal Asiatique*, 1995) немного затруднительно, то совсем несложно связать мост Чинват, через который должна была пройти душа умершего маздеиста, с мостом Сират, который тоже перекинут через ад и ведет в сад наслаждений, хорошо известный по одному хадису ал-Бухари (XXIV), ставшему очень популярным.

ГЛАВА VI АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ И ГРЕЧЕСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ

ФИЛИПП МАКЕДОНСКИЙ

Во второй половине IV в. до н.э. греческие полисы были на грани социальной катастрофы, несмотря на расцвет их культуры. Они никак не могли избавиться от постоянных войн, которые вели между собой, от социальных конфликтов, от бедности, поразившей безработные низшие группы; они были глубоко унижены необходимостью широко пользоваться персидскими дариками, которая ставила их в положение просителей и долгое время после разгрома Ахеменидов позволяла последним диктовать им свою политику.

В то время как они слабели, как они терзали друг друга, Филипп II, царь Македонии с 356 г. до н.э., сумел использовать значительные ресурсы своей страны, чтобы укрепить свою власть, сделать свое царство централизованной монархией и значительно расширить владычество на Балканах. В 342–340 до н.э. он посмел сделать вассальным государством Фракию, подчиненную, по крайней мере формально, персидскому царю. За двадцать три года царствования он заложил основы грозной державы, без которой его сын Александр при всей его гениальности никогда бы не смог совершить своих подвигов. Жителям греческих полисов он часто казался страшилищем, угрозой для свободы, которой они были так привержены, но и последней надеждой для тех, кто отчаялся, для тех, кто, возможно, был самым прозорливым, для тех, кто, как Исократ, проповедовал необходимость союза или видел, что только царь способен объединить живые силы. Тем не менее враждебное отношение к македонянину в Греции долгое время преобладало и в какой-то

мере будет сохраняться всегда. При Херонее в сентябре 338 г. до н.э. он одержал победу над афинянами. Пришлось подчиниться. Конгресс, собравшийся в Коринфе в конце 338 г. до н.э., основал постоянный союз городов-государств и назначил Филиппа II *гегемоном* в мирное время и стратегом в случае конфликта. Через несколько месяцев, в июне 337 г. до н.э., македонский царь объявил войну Персии, «чтобы отомстить за святотатства, которые варвары совершили в отношении греческих святилищ сто шестьдесят лет тому назад». Чтобы воодушевить народы, им всегда надо предложить простую и грандиозную идею, пусть даже она содержит лишь долю истины. И, конечно, в той эпохее, которая тогда началась, проявилось желание освободить греческие города Ионии, добиться панэллинского единства. Но сказалось и безмерное честолюбие македонянина, предвосхитившее честолюбие его сына. Были и глубинные экономические причины — стремление открыть для греческого рынка новые каналы сбыта, несомненно, в Малую Азию и прежде всего в Египет, который с давних пор заворачивал греков, и желание нейтрализовать финикийский флот, господствовавший в Средиземном море. Ход военных действий станет тому подтверждением. Зато уничтожить Персидскую империю никто пока не собирался. Она предлагала совсем новый, вдохновляющий образец общества, что признавали даже те, кто не хотел к ней присоединиться. Ею восхищались. Ее считали непобедимой. «Мир Царя» нередко высоко оценивали.

Существовало ли единодушие у греков? До него было далеко! Армия вторжения будет состоять прежде всего из уроженцев Македонии и Балкан. Эллыны в узком смысле слова примут в войне лишь незначительное участие. Они по-прежнему будут поставлять персам наемников, и последние сохраняют верность первым, предпочтут Александру Дария даже после битвы при Иссе. Враждебность со стороны Афин, Фив, Спарты не смягчится. Она, как мы говорили, была давней. Еще в 335 г. до н.э., когда распространился слух о гибели Александра, в то время действовавшего на Дунае, Афины и Фивы поспешили вступить в переговоры с Дарием Кодоманом, новым Великим царем Ирана. Наказаны за это были в сентябре 335 г. до н.э. только Фивы, но страшно: там было убито шесть тысяч человек, тридцать тысяч продано в рабство. Это не помешает полисам продолжать борьбу. В сентябре 331 г. до н.э. Антипатру, регенту Македонии, придется подавлять их восстание; после Иссы, в ноябре 330 г., они вновь отправят посольство в Иран для переговоров с Ахеменидами о союзе. Даже после решающих успехов македонянина Демосфен, один из его самых упорных противников, вынужденный присоединиться к нему, делает это с мрачной иронией.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Таким образом, война, которая вскоре разразилась и которую можно считать долгой «военной прогулкой» на восемнадцать тысяч километров за двенадцать лет, но во время которой сражения, и то спорадические, происходили только с мая 334 г. до н.э. по октябрь 326 г. до н.э., меняла цель и облик по мере того, как продолжалась. Ее первая стадия представляла собой освобождение греческих полисов и оккупацию западных и южных областей Анатолии. Она продлилась семь месяцев. Вторая, занявшая более полутора лет, с ноября 333 г. до н.э. по июнь 331 г. до н.э., включала в себя оккупацию Сирии, то есть уничтожение или захват финикийских флотов и баз, и завоевание Египта. Только в ходе третьего периода, с июня 331 г. до н.э. по июнь 330 г. до н.э., то есть в течение двенадцати месяцев, открылись новые, прежде неведомые перспективы, Александр вознамерился стать властителем мира, и в результате развернулась решительная борьба между ним и Ахеменидами. Четвертый и последний период, во время которого македонянин, объявив себя наследником Дария Кодомана, пытался добиться признания своих прав на престол и принять наследство тех, кого только что сверг, был самым долгим, самым трудным, самым неэффективным: он продлился с момента смерти Дария (лето 330 г. до н.э.) до ухода армии захватчиков (октябрь 326 г. до н.э.) и был отмечен упорными и бесплодными боями в Согдиане (три года!) и походом на индийцев (шестнадцать месяцев).

Не восхищаться македонской эпопеей, не считать ее чем-то вроде чуда и отказываться видеть в ее авторе величайшего завоевателя мира вовсе не значит отрицать или преуменьшать гений Александра или его харизматическое могущество. Мы уже говорили, что без подготовительных действий Филиппа завоевание Иранской империи было бы невозможно. Оно было бы также невозможно, если бы почву для него не подготовили персы, объединив в конфедерацию с единой властью самые разные народы, которых мало интересовало, кто ими правит, — из-за того, что Ахеменидов сменили македоняне, по-настоящему ничто не изменилось, как и тогда, когда персы сменили мидийцев. Оно было бы невозможно, если бы повсюду не изобиловали греческие колонии, если бы сатрапы оборонялись, а не переходили так часто на сторону завоевателей, если бы в борьбе приняли участие народы, как это сделали согдийцы, единственный народ, который по-настоящему сражался ради сохранения своих свобод, единственный, который не капитулировал. Победители могли гордиться только тремя сражениями против ахеменидских сил, столь блистательно выигранными, организующей и сози-

дательной волей, упорством Александра, которого так часто ранили, который как минимум дважды тяжело болел, храбростью, одушевлявшей его и бойцов, побуждавшей их продвигаться всё дальше вопреки всему и вся по незнакомым, труднопроходимым территориям, где, как говорит Плутарх, «войско [...] больше всего страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата» («Александр», 58). В конце концов, три больших сражения — это немного: почти столько же понадобилось Киру, чтобы победить Астиага; арабам, чтобы сокрушить Сасанидов, потребуется два сражения. Нет, чуда не было — или, если нужно, чтобы оно было, искать его следует в лагере персов: в плохом сопротивлении империи, в нерешительности, слабости, безразличии царя царей.

В 336 г. до н.э. Парменион, полководец Филиппа, высадился в Малой Азии с десятитысячным авангардом и двинулся вдоль эгейского побережья. Его повелитель должен был вскоре присоединиться к нему с подкреплениями, но в августе того же года был убит. Один из его сыновей, Александр, рожденный Олимпиадой, сумел стать его наследником, устроив кровавую баню, и 10 октября добился, чтобы, как было принято, войска признали его царем. Ему было двадцать лет, и он был красив как бог. Он, конечно, перенял планы отца, но сначала должен был провести кампанию в Европе — кампанию, о которой говорили мало, потому что тогда он еще не создал своей мощной пропагандистской машины, но которая, возможно, была самой блестящей из тех, какие он провел.

ПОХОД В МАЛУЮ АЗИЮ

Весной 334 г. до н.э. Александр переправился через Дарданеллы приблизительно с сорокатысячным войском и с разношерстной массой сотрапезников, авантюристов, ученых, техников, которые сыграют огромную роль, и блудниц. Персы ждали его на берегах небольшой речки Граник. Он без труда их опрокинул и позволил отступить к Милету. Это, конечно, не была великая битва, судя по незначительности потерь обеих армий. Это не была великая победа, но молодой военачальник превосходно сумел ее использовать, и она на время смягчила враждебное отношение к нему со стороны пацифистов. Кроме того, она открыла ему путь в Малую Азию. Он пошел вдоль побережья, освобождая ионийские города, захватил плохо защищенный Милет, встретил сопротивление только в Галикарнасе, Фаселисе, Термессосе, а сатрап Сард внезапно сдал ему свои крепости и сокровища. Он провел зиму, укрепляя тыл. Что делал Дарий Кодоман?

Весной 333 г. до н.э. Александр покинул побережье Средиземного моря и направился в Гордион. Он пошел туда, согласно легенде, чтобы разрубить гордиев узел, так как оракул предсказал, что тот, кто развяжет этот узел, будет владыкой Азии; на самом деле — чтобы отрезать путь царю и соединиться с Парменионом. Он боялся только одного — персидского флота под командованием первоклассного адмирала Мемнона, но боги были на его стороне: Мемнон умер от болезни, не оставив достойного преемника. Не беспокоясь о тылах, Александр решил вернуться на южное побережье, прошел вдоль большого соленого озера, миновал Киликийские Ворота, настолько узкие, что там могли пройти в ряд не более четырех человек, и никто не подумал преградить ему путь. Через пять дней он вступил в Тарс, который сатрап оставил без боя.

Дарий решил вмешаться в ход событий. Он пришел с оружием и обозом, с семьей, с казной. Столкновение произошло на равнине Исса, северней Александреттского залива, в ноябре 333 г. до н.э. Персы имели численное преимущество. Они должны были победить. Кстати, войска полководца Набарзана держались стойко, но Царь царей вдруг растерялся и бежал. За ним бросились в погоню. Захватили его лагерь, мать, жену, сестру, двух дочерей, сына, который был еще совсем ребенком: они станут ценными заложниками для Александра, который — для чего? из гуманности? — обошелся с ними очень заботливо. На сей раз это было настоящее сражение, красивое сражение. Художник Филоксен из Эретрии изобразил сцену из него, которая воспроизведена на знаменитой помпейской мозаике из Неаполитанского музея. Но успех был неполным: Дарий и его армия бежали, отступили на Анатолийское плоскогорье, где беспрепятственно мобилизуют людей, наберут скот, реорганизуют силы.

Александр оказался на перепутье, это был ключевой момент его жизни. Вести из Западной Анатолии были дурными: персы вернули себе Милет, Хиос, Андрос... Вести из Греции — катастрофическими: Фивы, Афины, Спарта послали эмиссаров к Великому царю, чтобы заключить союз против македонянина. Следовало ли ему броситься в погоню за Дарием? Или вернуться в Ионию, чтобы отбить утраченные земли, наказать предателей? Он решил продолжать наступление: если он добьется большого успеха в Сирии в борьбе с финикийцами, персы падут духом, а греки вернут ему доверие. Была зима — сезон, мало подходивший для континентального похода, сезон, когда финикийские флоты не могли выйти в море, чем можно было воспользоваться, чтобы захватить их порты.

ЗАВОЕВАНИЕ ФИНИКИИ И ЕГИПТА

В это время Александр и принял посольство Дария, который предлагал мир, союз, дружбу, выкуп за освобождение своей семьи. Александр высокомерно отверг эти предложения, зная, что после этого Ахеменид будет вынужден продолжить войну, но понимая, насколько тому не хочется этого делать. Однако он двинулся прямо на юг. В январе 332 г. до н.э. Библ и Сидон сразу же ему покорились — может быть, из ненависти к Тиру, их сопернику, который он в феврале осадил. Великий финикийский порт защищался стойко, до августа, и был за это жестоко наказан. Пятая часть населения погибла; две тысячи мужчин были распяты на крестах, пять тысяч женщин и детей проданы в рабство. Но результат стоил трудов: морская мощь финикийцев была уничтожена, греки стали хозяевами Средиземного моря. К тому же все внутренние города изъявили Александру покорность, в том числе Иерусалим, в который, вопреки еврейской легенде, он никогда не направлялся. Тем временем прибыло второе посольство от Дария. Оно использовало более почтительные выражения и сделало более скромные предложения: Дарий предлагал выдать за Александра дочь, которая принесет ему в приданое всю западную Малую Азию. Арриан (II, 25, 2) рассказывает, что Парменион якобы сказал Александру: «Будь я на твоём месте, я бы согласился», на что получил ответ: «И я бы на твоём». Александр пошел дальше. Газа, которой случайно командовал энергичный перс, в октябре 332 г. до н.э. оказала сопротивление. Он ее уничтожил, перебив всех военных и продав в рабство горожан.

Александр оказался у врат Египта. Отворил он их без труда, поскольку сатрап изобразил лишь видимость сопротивления, чтобы спасти честь, и, конечно, по трусости не спас ее. В начале декабря 332 г. до н.э. Александр велел провозгласить себя фараоном. Потом, в феврале 331 г. до н.э., поскольку египетский монарх считался сыном Бога, македонянин направился в храм Аммона в оазисе Сива, приблизительно в 290 км от Мерса-Матрух, где был официально признан таковым — в греческом мире его назовут «сыном Зевса», потому что великое египетское божество Аммон там издавна приравнивали к властителю Олимпа. Это всё? Нет. На северном побережье Египта, в месте, которое он выбрал сам с удивительной прозорливостью, по собственноручно разработанному плану 20 января 331 г. до н.э. он заложил город, получивший его имя, — Александрию. С тех пор он полюбит основывать города, проявляя себя создателем прежде всего в этом, но ни у одного из них не будет подобной судьбы.

Зима кончилась. Уже восемнадцать месяцев как персы не давали сражений. Но что же делал Дарий Кодоман с тех пор, как узнал, что никакой ценой не получит мира?

НАСЛЕДНИК АХЕМЕНИДОВ

Вернувшись в Сирию, 10 июня 331 г. до н.э. Александр отправился в «верхнюю Азию». На сей раз при его армии был тяжелый обоз, и она двигалась черепашьям шагом. Тем не менее она шла пятьдесят один день со средней скоростью 12 км в день, прошла через Бейрут, Дамаск, Хомс, Хаму, Халев и наконец достигла Тигра. Противник, чтобы остановить ее, выставил всего две тысячи греческих наемников и три тысячи персидских всадников, которые спешно отступили. По дороге жена Великого царя, находившаяся в плену у греков, умерла, и Александр не пожалел времени, чтобы организовать ей достойные похороны.

Александр узнал, что Дарий ждет его на большой равнине под Арбелами (Эрбиль в современном Ираке), недалеко от бывшей Ниневии. Пришлось переходить степи и пустыни. Было жарко. Македоняне страдали, но шли вперед и вскоре встретили персов, которые 1 октября 331 г. до н.э. были снова побеждены. Арбелы (или Гавгамелы) обошлись дорого: впервые греки понесли тяжелые потери, и Дарий снова ускользнул, но Александр вошел победителем 6 ноября в Вавилон, а несколько позже (в конце декабря) в Сузы. Пора было завершать поход. Александр поднялся на Иранское нагорье, не встречая сильного сопротивления и безжалостно разрушая деревни, попадавшие по дороге. Когда он приблизился к Персеполю, наместник дал ему знать, что передаст крепости и имперскую казну. Эти богатства должны были добавиться к тем, которые он уже приобрел и под тяжестью которых сгибался. Тем не менее Персеполь был разграблен, и во время оргии, по собственному желанию или по наущению куртизанки Таис, Александр сжег город. Он якобы сказал: «Мой долг перед греками — совершить эту месть». Дарий Кодоман продолжал бегство, Александр — его преследование. Наконец настигнув его 1 июля 330 г. до н.э. в районе Дамгана, македонянин нашел его мертвым — убитым. Он велел похоронить Дария рядом с предшественниками.

Еще в Вавилоне Александр повел себя как властитель Ирана. Он назначил сатрапом этой провинции перса, он подтвердил власть нескольких сатрапов в соседних провинциях. Он окружил себя персидской знатью. После смерти Дария он счел себя его законным наследником. Но в конце того же месяца он узнал, что сатрап Бактрии Бесс объявил

себя царем вместо покойного и получил поддержку всего востока страны. Александр отказался его признавать. Один только он — великий царь Ирана, один только он — наследник Ахеменидов! Войска роптали: они уже были сыты по горло этим бесконечным маршем, ведущим их неведомо куда, но такому вождю не возразишь. Они тронулись в путь. В октябре они достигли Фрады (Фараха) в Дрангиане, несколько позже Арахосии (Кандагара) и Каписы (Кабула). Уже настал декабрь. Стужа была сильной. Соблазнительно было спуститься в Индию, как делали и всегда будут делать те, кто занимал эту ключевую позицию. Индийцы подождут — на зиму был дан отдых.

В самом начале весны 329 г. до н.э. Александр двинулся на север, перешел Гиндукуш, выдержав неслыханные трудности, какие создавали высота, снег, мороз, вышел в долину Окса, переправился через эту реку во время паводка. Бесс был захвачен в плен, подвергнут бичеванию и отправлен в Персию на казнь. Александр остался единственным владыкой. Как в Египте он провозгласил себя фараоном, заставив признать себя сыном Бога, в Иране он провозгласил себя Великим царем, потребовав, чтобы ему воздавали соответствующие почести, а именно чтобы перед ним падали на колени (*греч. проскинеза*); греки, не принимая этого, возмутились. С тех пор он одевался по-ирански, ввел в своем окружении иранский этикет, набирал иранских солдат. Вскоре он влюбился в юную пленную персидскую княжну Роксану, «Сияющую», и зимой 327–326 гг. до н.э. женился на ней в Бактрах — счастливая страсть, внушившая ему великую мысль связать воедино греков и иранцев с помощью браков. В октябре 325 г. до н.э. он организовал свадьбу в Сузах, в ходе которой сотня его высших сановников и тысяч десять воинов женились на туземках. Он сам в тот же день, не отказываясь от Роксаны, женился на дочери Дария Статире и на дочери Артаксеркса III Парисатиде. Он любил праздники. Он их часто устраивал. Не будет праздника прекрасней этого. Он продлился пять дней.

В ВОСТОЧНОМ ИРАНЕ И В ИНДИИ

Тем временем надо было подчинять Согдиану. Александр был повелителем городов, но не сельской местности. Знать и маги возбуждали волнения в стране. Главарь шайки Спитамен поднимал мятежи и уходил от всякого преследования; он погиб непобежденным и бесславно, убитый кочевником. Повстанцы были повсюду. Они атаквали лучшие позиции завоевателя. Мараканда (Самарканд) была осаждена ими, и чтобы она не пала, Александр был вынужден прийти сам, чтобы покарать

повстанцев; он их преследовал до самой пустыни, за Бухару, оставляя долгий кровавый след, каким украшал свой путь, когда бывал в ярости. Македоняне были непривычны к повстанческой войне и поняли, что не доведут дело до конца: если страна не хочет, чтобы ее покорили, ее не покорят. Они довольствовались полуподчинением: когда через двадцать пять месяцев ожесточенных боев Александр покинет Согдиану, под его контролем будет самое большое половина страны.

Кроме того, Александру пришлось вести войну за Яксартом (Сырдарьей) против саков (Sakas или Saces), сохранивших верность Дарию, которые могли устроить вторжение в любой момент. Он их потеснил и вынудил пойти на сделку: договорились, что они будут по-прежнему поставлять золотой песок с Алтая и продукцию дальних оазисов и получать взамен серебряную и бронзовую греческую посуду — реальность такой коммерции подтверждают археологические находки. Царь Хорезма, находившегося восточней, Фарасман, не хотел ни подчиниться, ни воевать. Он нанес завоевателю визит. Хотел ли он завлечь того в степи на верную гибель? Или только заговаривал ему зубы? Эта встреча породила легенду о любовной связи Александра с Фалестрой, царицей амазонок.

В июне 327 г. до н.э. Александр выступил в поход на Индию в сопровождении знатных согдийцев, присоединившихся к нему, и в июле его авангард миновал Хайберский проход. Он оставался на Инде и в Пенджабе до октября 325 г. до н.э., одержал блестящие успехи, совершил множество жестокостей, с удовольствием узнал Диониса в боге Кришне и Геракла, своего предка, — в Шиве. Он взял с собой индийских мудрецов, философов, один из которых, джайн Калан, по неизвестным причинам принес себя в жертву путем самосожжения. В Западный Иран он вернулся в конце февраля 324 г. до н.э. На обратном пути он повсюду наказывал плохих наместников, недобросовестных чиновников, взяточников, мятежников. Годом позже, 10 июня 323 г. до н.э., он умер.

Он уничтожил империю Ахеменидов — увы! Заменял ли он ее Македонской империей? Будем же серьезны! Он не подчинил Согдиану. Он не завоевал Восточную Анатолию, Армению, Азербайджан. Он не установил свою власть в большей части Ирана. Добился ли он слияния иранцев и греков? Многие из тех, кто женился в Сузах, развелись с женами, и это более чем символично. Он добился успеха, если его главной целью была слава, потому что стал величайшим завоевателем мира, прекраснейшим героем эпопеи, каких когда-либо превозносили. Он потерпел неудачу, если его цели вышли за пределы идеального мира и он столкнулся с реальностью.

НАСЛЕДИЕ

Незадолго до смерти Александр Великий якобы сказал: «Вижу, у меня будут прекрасные похороны». Эти слова — конечно, апокриф, как и многие другие исторические фразы, но они вполне соответствуют кровавым распрям, братоубийственной борьбе, анархии, которые начались после его кончины. Едва он закрыл глаза, как соратники забыли о нем, оставили его труп в шатре и стали думать только о себе. Позже они устроили ему похороны и предприняли фантастический труд по возвышению его образа, в результате чего он стал тем героем, каким его знает история, полубогом, но это отдельный разговор. До этого они погубили его семью и его дело, окончательно обратив его грандиозную эпопею в поражение. Александр провозгласил себя преемником Дария, но основать династию ему не удалось. Он собрал в своих руках значительную часть земель, принадлежавших Ахеменидам, и воссоздал великую империю, но она не пережила его. Его ближайшие помощники перегрызлись меж собой. Они сражались друг с другом долго и много. Гигантская империя персов и мидийцев, дольше всех не знавшая войны на своей территории, просуществовала более двух с половиной веков. Империя Александра рухнула в один день. У греков явно не было имперского чувства. Они слишком любили свободу, не рискнули сказать — анархию. Мало того, что они не сумели сохранить политического единства территорий, населенных столь разными народами, которые раньше подчинялись Ахеменидам, и потеряли многие из них, но, объединив те, которые более или менее надолго удержали, в три государства, они продолжали сражаться меж собой: вместо того чтобы хотя бы сделать из этих государств трех союзников, они сделали из них трех противников. Даже внутри каждого из этих государств можно видеть раздоры и неспособность выступать единым фронтом. В Иране, где Александр хотел добиться греко-иранского слияния, где постоянно росло давление из-за рубежа по мере усиления Индии и возвращения кочевников из Центральной Азии — последнее было предварительным условием, а потом следствием образования в Монголии в конце III в. до н.э. первой степной империи, империи хунну, — оба эллинистических царства, образовавшихся там, государство Селевкидов и Греко-Бактрийское царство, чаще были врагами, чем союзниками, что ускорило их падение. И, конечно, Александр умер слишком молодым. Он ничего не предусмотрел насчет своего наследства, и кто посмел бы упрекнуть в такой забывчивости человека в возрасте тридцати двух лет! Но как объяснить все преступления, как оправдать алчность его вель-

мож? Не потому ли, что империя была создана на крови, она должна была и распасться с кровью? Подозревали, что Антипатр, который хоть и пользовался полным доверием Александра, но недавно был освобожден от должности регента Македонии, и два его сына, Иол, царский виночерпий, и Кассандр, которого в 323 г. до н.э. царь ударил во время ссоры, отравили его. Олимпиада, мать Александра, распускала против них, особенно против последнего, всевозможные слухи. В результате она погибла, после того как погубила в 316 г. до н.э. единокровного брата завоевателя — Арридея, эпилептика и слабоумного. Был Кассандр цареубийцей или нет, но преступником оказался. Он убил не только Олимпиаду (в 316 г. до н.э.), но также Александрова сына, родившегося после смерти отца, и мать этого сына, прекрасную Роксану, которая в свою очередь — из ревности, по словам Плутарха, — уже умертвила Статиру, дочь Дария, вышедшую замуж в Сузах, а еще одного сына, которого Александр имел от Барсины, Геракла, принесли в жертву в возрасте четырнадцати лет, в 312 г. до н.э., «в атмосфере всеобщего равнодушия» (Faure, 1985, p. 183).

После смерти Александра царем под именем Филиппа III был объявлен его единокровный брат, а поскольку его недееспособность была известна, его отдали под надзор Кратера, сохраняя все права за ребенком, который должен был родиться у Роксаны. Востоком управлял Пердикка, хранитель царской печати. Запад отошел к Антипатру, советнику Александра в юности, одному из лучших полководцев Филиппа, исполнявшему обязанности регента Македонии с самого начала экспедиции в Азию, хоть на нем и лежали подозрения в цареубийстве. Образовался некий триумvirат, и он, может быть, сохранился бы, если бы в начале 320 г. до н.э. Пердикка не был убит в Египте. После этого было решено разделить империю между диадохами, «преемниками». За Антипатром был подтвержден его пост, но через год, в 319 г. до н.э., он умер, оставив свое наследство сыну Кассандру, который вскоре упрочил свою власть над Грецией. Лисимах, помощник Александра, получил Фракию и сохранил ее до смерти в 281 г. до н.э. Селевку досталась Вавилония; Антигону Одноглазому, сатрапу Великой Фригии, — Малая Азия; Птолемею Сотеру, сыну Лага, однажды спасшему жизнь Александра, — Египет и соседние регионы, в том числе Сирия, которую попытается у него отобрать Деметрий Полиоркет, сын Антигона, однако потерпит поражение в 312 г. до н.э. при Газе.

С 306 г. до н.э. все они сочли себя суверенами, начали носить царские титулы и более чем когда-либо следили друг за другом, завидовали друг другу, опасались амбиций друг друга. Самые предприимчивые

казались самыми опасными. Это были Антигон и Деметрий Полиоркет. Против них сложилась коалиция, в которую вошли Птолемей, Селевк, Кассандр и Лисимах. Они собрали свои силы во Фригии. Антигон и Деметрий двинулись на них и были разбиты в 301 г. до н.э. в «битве царей» при Ипсе, небольшом городке. Антигон в отчаянии покончил с собой. Видимости единой империи не стало. Возникло три больших политических образования, разделивших владения Александра между собой. Европа отошла к Кассандру, сыну Антипатра, который, каким бы преступником ни был, в качестве царя Македонии воспользовался этим, чтобы объявить себя единственным законным наследником Александра. Египет достался Птолемею, основавшему династию Лагидов, которую ждало самое блестящее будущее. Азия была признана владением Селевка I Никатора, Победителя, который один только и относится к нашему сюжету.

Можно ли еще говорить для того периода об Иране? Непохоже. Что стало в течение этих десятилетий с иранцами? Неизвестно. Приходится думать, что они просто присутствовали, пассивно, при беспокойных телодвижениях тех, от кого зависела их судьба.

Три государства, принявшие на себя ответственность за наследие Александра, имели сомнительную легитимность. Власть, доставшаяся из рук Фортуны, зиждилась на престиже монарха, которого всё чаще обожествляли, как и его супругу, на огромных богатствах, которые были накоплены в ходе завоевания и продолжали расти благодаря торговле, но концентрировались в руках вельмож, тогда как общественное неравенство становилось вопиющим; наконец, на армии, которая почти постоянно пребывала в действии, непрестанно совершенствовалась, в которой бронетранспортерами служили азиатские слоны, в которой метательные орудия достигли невиданной прежде эффективности, получив возможность метать снаряды массой 80 кг на 150 м. Однако у этих трех государств был объединяющий фактор, единственный, — греческий язык: он сменил арамейский, на нем говорили повсюду, от Инда до Яксарта (Сырдарьи), от Александрии до Марселя, и он в отсутствие политической империи создал-таки культурную империю, империю эллинизма. Парадоксальным образом последняя будет развиваться как раз тогда, когда политическое могущество этих государств станет снижаться.

С приходом македонского завоевателя старый мир окончательно погиб и родился другой. Исчезли все великие цивилизации древности — месопотамская, египетская, иранская, индская, но на их руинах возникли другие, синтетические, которые цементировал эллинизм.

Преобладание мелких полисов, локального патриотизма уступило место преобладанию больших государств. Повсюду возродился имперский идеал, проводившийся в жизнь Киром и Дарием и перенятый Александром, — в Индии, в Италии и даже в далеком Китае.

Нравы, несомненно, пришли в упадок, но никогда еще не было такого обилия идей, таких встреч народов, традиций, столь многочисленных обменов мнениями и предметами, никогда еще люди не видели перед собой столь широкого горизонта. Нигде это не было заметно лучше, чем в Александрии, гигантском городе, который сверкал самым ярким блеском благодаря своим библиотеке, музею, маяку и где скоро напишут Септуагинту. Но и другие города, как Пергам, имели далеко не бледный вид. Философия и наука совершали переворот в умах. Это была эпоха Платона, Аристотеля, Евклида и его математики, а также эпоха пергамента, заменившего прежний папирус...

СЕЛЕВКИДЫ

Вся история империи Селевкидов, потомков Селевка Никатора, которые унаследовали александровскую Азию, — не более чем долгая агония, непрерывное отступление, распад, даже если отдельные монархи оказывались энергичными и пытались действовать. Она продлилась немногим более века, потому что с тех пор, как Селевкиды стали править только небольшим сирийским царством, ничего имперского в их истории уже не осталось. Было ли в ней что-нибудь полезное? Несомненно, ведь нет такого даже бесплодного дерева, которое бы не давало, за отсутствием плодов, благодетельную тень — но надо быть крайне снисходительным, чтобы признать это! Она породила иллюзию: отсчет лет по селевкидской эре, называемой еще греческой, которую начали с осени 312 г. до н.э., используется до наших дней в мелких сирийских общинах.

Уже тогда возникло явное противостояние западных областей Ирана, оказавшихся в руках иранизированных греков, и восточных, где жили эллинизированные иранцы. Оно породило другое — противостояние города и села, которое непрестанно усугублялось в течение всего III в. до н.э. по мере массового расселения греков в персидских городах. Если города эллинизировались, то с сельской местностью этого не происходило, потому что иммигранты относились к ней с пренебрежением и она представляла собой, как часто будет и позже, заповедник иранизма. Она продолжала говорить по-персидски, жить по-персидски, исповедовать маздеизм, даже если он позволял вновь обрести силу

древним богам — Митре или Ардвисуре Анахите. Хотя иранцы того времени мало что по себе оставили, наличие на отрогах Загроса, в Нурабаде, развалин храма огня III–II в. до н.э., еще довольно похожего на развалины более древних храмов, показывает, что страна хранила традиции.

Если Селевкиды и содействовали развитию эллинизма, хотя гораздо меньше, чем другие, то в Иране при них было огромное пустое пространство: что можно найти на его землях заслуживающего упоминания? Новые дороги, соединявшие Средиземноморье и Азию, которых прокладывалось всё больше; торговлю, по-прежнему активную; национальное богатство, как будто значительное; замечательное местное управление, доставшееся по наследству от Ахеменидов; рост численности греческих колоний, часто устраиваемых на отшибе от местных поселений, но оказывавших влияние на их элиту; основание нескольких городов без особых красот. Греко-иранское искусство было бедным — впрочем, известно оно плохо, и отдельные статуи олимпийских божеств, местного производства или импортные, найденные на местах раскопок, не позволяют составить о нём представление. Обширный разрушенный храм в Кангаваре, между Хамаданом и Керманшахом (ок. 200 до н.э.), немного напоминает храмы Персеполя. Там, как и в других местах, элементы, заимствованные из Греции, как будто приделаны к иранским конструкциям, не образуя с ними единого целого. Казалось, иранский гений навсегда выдохся. Если бы на Востоке не было Греко-Бактрийского царства, а вскоре и эллинизированной Индии, едва ли в актив греческого наследия можно было записать многое.

СЕЛЕВК НИКАТОР

Селевк Никатор был одним из лучших полководцев Александра, сатрапом Вавилонии, довольно иранизированным македонянином, который, как и многие другие, женился на иранской княжне — Апаме. Говорят, она принесла на Запад некоторые восточные вкусы, но по городам, носящим ее имя, в том числе по Апамее Сирийской, сохранившейся лучше всех, этого не видно — правда, великолепные развалины последней относятся по преимуществу к римской эпохе. В 307 г. до н.э. Селевк основал на берегах Тигра Селевкию, чтобы сделать своей столицей, а в 305 г. до н.э. провозгласил там себя царем. Потом, в 300 г. до н.э., он в нескольких километрах от побережья Средиземного моря построил вторую столицу, Антиохию. Та и другая находились в областях, весьма отдаленных от центра, скорее греческих и месопотамских,

чем иранских, и были очень далеки от восточных провинций империи. Однако последние были необходимы для ее процветания, поскольку основные ресурсы она получала за счет торговли, которую они вели с Индией, Китаем и кочевниками. Селевк это сознавал и, как и его преемники, не раз устраивал походы на восток, чтобы усилить или просто сохранить свою власть, — они почти ничего не дали. Суверен пытался как-то компенсировать эти неудачи, укрепляя власть сатрапов и прочих местных вождей, поощряя развитие городов, предоставляя им более или менее широкую автономию и, как мы уже говорили, реорганизуя дорожную сеть.

У Селевка хватало проблем, которые надо было решать. Сохранялась опасность со стороны греков, хотя их большое восстание было подавлено в августе и октябре 331 г. до н.э., а в 322 г. до н.э. Антипатр подчинил Афины. Провозглашали независимость отдельные провинции: Понт, где еще в 362 г. до н.э. Ариобарзан поднял восстание против Артаксеркса, в 281 г. до н.э. снова был превращен в независимое Понтийское царство Митридатом I, сделавшим своей столицей Амасию. Филетер, примкнувший к Селевкидам, чтобы избавиться от власти Лисимаха, покинул их и около 282 г. до н.э. провозгласил себя царем в Пергаме, где основал Пергамское царство, называемое также царством Атталидов. Вскоре пришли галаты. Вся Малая Азия стремилась отложиться от Селевка, и, чтобы сохранить каких-то друзей среди греков, он в 299 г. до н.э. отдал свою дочь Деметрию Полиоркету, что не помешало последнему, когда Кассандр умер и, следовательно, его собственные позиции в Европе укрепились, попытаться завоевать Азию. В 285 г. до н.э. он был побежден и взят в плен — впрочем, обошлись с ним милосердно.

На востоке ситуация была не менее тревожной. Через три года после смерти Александра, в 320 г. до н.э., в Индии появился весьма выдающийся суверен Чандрагупта, основатель династии Маурьев, и она воспользовалась распрями между македонянами, чтобы в 317 г. до н.э. отобрать у них большие провинции Пенджаб и Синд. Селевк был вынужден действовать. В 305–304 г. до н.э. он повел свою армию к Инду, но, сочтя неблагоразумным вступать в войну с противником, которого обоснованно оценивал как слишком сильного, и в то время, когда хотел сохранить свои силы, чтобы участвовать в конфликтах между греками, он предпочел пойти на переговоры — из того, кто должен был стать его врагом, он сделал друга. Он оставил Чандрагупте, помимо того, что тот уже завоевал, восточную часть Афганистана, Гедросию (провинцию, омываемую Индийским океаном между Индом и Ормузским проливом) и Арахосию (всю огромную провинцию Кандагара на юге Афганиста-

на). Это было отступление фантастических масштабов, означавшее отказ от одной из жемчужин империи Ахеменидов. Взамен он получил супругу и стадо в триста-пятьсот слонов — никогда еще женщина и толстокожие не обходились так дорого. Тем не менее это соглашение оказалось выгодным. На восточном фронте стало спокойно. Слоны, которых поселили в Апамее, составили главную силу селевкидских войск, производили сильное впечатление на европейцев и позволили союзникам одержать в 301 г. до н.э. победу при Ипсе, о которой мы уже упоминали. Расширялся дипломатический, торговый и интеллектуальный обмен. Среди тех, кто курсировал между Индом и Средиземным морем, надо упомянуть как минимум Мегасфена, историка и географа, который несколько раз был послом Селевка у Чандрагупты с 302 по 297 г. до н.э. и оставил описание столицы Маурьев, но не следовало бы забывать и многих других: Клеарха из Сол, учившего в Ай-Хануме, Аристея из Проконнеса...

ОТСТУПЛЕНИЕ И КРАХ

При преемнике Селевка, Антиохе I (280–261 до н.э.), ситуация в ближнем и дальнем Иране была из числа самых запутанных, и нет никаких бесспорных доказательств, что суверен даровал Персиде более или менее широкую автономию. Зато мы достаточно хорошо осведомлены о борьбе, которую он вел с ватагами кельтов, «галлов» или галатов, которые пришли из Европы и рассыпались по Малой Азии. Если ему не удалось их уничтожить, он смог оттеснить их к центру нагорья, но с тех пор практически утратил всякий контроль над ними.

Распад империи начался при Антиохе II (260–246 до н.э.), когда от Селевкидов отделился весь Восток. Прежде всего это были Бактрия и Согдиана, ставшие независимыми, когда Диодот I в 250 г. до н.э. основал Греко-Бактрийское царство. В то же время или чуть позже это были Парфиена (в современном Хорасане) и Маргиана, столицей которой был Мерв — город, который после опустошительного набега кочевников Антиох I отстроил с использованием прямоугольной сетки улиц, разработанной Гипподамом из Милета, — где парфянские орды, пришедшие от Аральского моря, создали царство, имевшее прекрасное будущее: царство Аршакидов.

Если Бактрийское царство Селевкиды признали, признавать Парфянское они отказались, понимая, насколько оно может быть опасным. Поэтому Селевк II (246–226 до н.э.) попытался оттеснить кочевников, и ему, может быть, это удалось бы, если бы не пришлось возвращаться

на Запад из-за восстания в Антиохии. Парфяне беспрепятственно расселились в Гиркании, к юго-востоку от Каспийского моря, между Маргианой и Мидией. Это была еще одна тяжелая потеря для греков.

Антиох III, которого называют «Мегас», Великий (223–187 до н.э.), сумел выправить ситуацию, хотя ему постоянно приходилось иметь дело с многочисленными внутренними трудностями — восстаниями сатрапов Мидии и Персиды, Молона в Сузах (221 до н.э.), Ахея в Малой Азии (216–215 до н.э.). Он основывал или обогащал города, такие, как Лаодикейя, ныне Нехавенд, которая опознана по одному из его указов, датированному 193 г. до н.э. Сначала побежденный египетским Лагидом — Птолемеем IV при Рафии в 217 г. до н.э., он взял реванш около 200 г. до н.э., разгромив его при истоках Иордана. Он отобрал у Птолемея Сирию и Палестину, властителем которых останется даже после тяжелых неудач. Восемь лет он сражался на востоке. Он занял Армению, которую сделал союзницей, женившись на сестре ее суверена. Войдя в Бактрию, где царь Евтидем, недавно (в 225 г. до н.э.) возведенный на трон, изобразил видимость сопротивления, он заключил союз с Евтидемом, выдав дочь за его сына Деметрия. Он даже перешел Гиндукуш и восстановил тесные дипломатические отношения с Маурьями. В 205 г. до н.э. он принял титул Великого царя. Как будто всё ему удавалось, пока не появился новый игрок — Рим.

Гнев римлян навлек Филипп V Македонский (221–179 до н.э.), неблагоприятно вступив в союз с Ганнибалом. Европейские греки, неспособные справиться с италийцами, призвали на помощь Антиоха. Тот переправился в Европу, был побежден в 191 г. до н.э. при Фермопилах и отплыл обратно. Римские легионы последовали за ним в Анатолию и разгромили его в 189 г. до н.э. при Магнезии. По Апамейскому миру 188 г. до н.э. он был вынужден покинуть земли по ту сторону Тавра, то есть отказаться от всяких притязаний на Малую Азию, и выплатить победителю тяжелую дань. Что касается Македонии, то через сорок лет, в 148 г. до н.э., она была включена в состав Римской империи. Армения воспользовалась этими неудачами Антиоха, чтобы сбросить его иго, и селевкидский сатрап, назначенный несколькими годами раньше, Артаксий или Арташес I (ок. 189–159 до н.э.), объявил себя независимым, основал столицу — Арташат и династию Арташесидов. Новое государство достигло высшего могущества при Тигране Великом (96–54 до н.э.) и выглядело великой державой в масштабе всего Ближнего Востока, где контролировало земли до самой Сирии, пока Помпей не сделал его вассалом Рима.

Империя рухнула при Антиохе IV Епифане (175–164 до н.э.), считавшем себя другом Рима — разве он не отослал в Рим в 175 г. до н.э. Деметрия I Сотера (162–150 до н.э.) в качестве заложника? Питая эту иллюзию, Антиох счел, что может свободно удовлетворять свои египетские амбиции, и прибыл в долину Нила. В 168 г. до н.э. он готовился вступить в Александрию, когда римский «друг» отдал ему приказ сворачивать лагерь. Это знаменитый анекдот. «Позволь мне подумать», — сказал Антиох посланцу Сената, Попилию Лене. Тот очертил круг вокруг собеседника и сказал: «Думай здесь!». Селевкид подчинился. Если верить Библии, ярость побудила его на обратном пути разграбить Иерусалим. «Взял и серебро, и золото, и драгоценные сосуды [...] и, взяв всё это, отправился в землю свою [...]. Посему был великий плач в Израиле» (1 Мак. 1: 23–25). Вскоре плач будет еще больше.

Антиох осознал свою слабость и опасности, грозившие ему: парфяне на востоке, Рим на западе. Он не видел иного выхода, кроме как разжечь греческий национализм, укрепить единство страны. Он запретил все иноземные культы и потребовал, чтобы повсюду, в каждом храме царства, отправляли культ бога, воплощенного в его особе: «А если кто не сделает по слову царя, да будет предан смерти» (1 Мак. 1: 50). Разве он не носил прозвище Епифан, «явленный бог»? Злая игра слов превратила его титул в «Епиман», «рехнувшийся». Рехнулся ли он? Скорей, он добивался невозможного, обманывался, но это не мешало ненавидевшим его иудеям изображать его буйным помешанным, опьяненным кровью и святотатствами (2 Мак. 5: 6–21). На самом деле для политеистов его обожествление трагедией не было. Оно было трагедией, конечно, для маздеистов, хотя об этом мы ничего не знаем, кроме обвинений, произнесенных в сасанидскую эпоху, и позднейших обвинений историка Мирхонда (1470), согласно которым «Александр» убивал магов и сжигал книги Зороастра. Обожествление было трагедией и для иудеев, хотя многие из них эллинизировались, были филэллинами. Когда как «мерзость запустения» в декабре 167 г. до н.э. в иерусалимском Храме воздвигли статую Зевса, когда под страхом смерти запретили обрезание, когда обязали есть свинину, короче говоря, когда вознамерились истребить всякий след иудаизма, верующие, побуждаемые первосвященником Маттафией и его пятью сыновьями Маккавеями, ушли в горы, подняли восстание в стране, начали войну. Несомненно, это было не первым религиозным преследованием в истории, но первым, которое история зафиксировала. Иудейское сопротивление было настолько сильным, что через два года, в 164 г. до н.э., Антиох был вынужден поменять методы и дать Израилю свободу вероисповедания.

Вскоре он умер, мучимый угрызениями совести за свои преступления, как говорит Библия. Однако борьба продолжалась до 142 г. до н.э., когда Деметрий II признал независимость Иудейского царства.

Парфяне, медленно, но неуклонно продвигавшиеся вперед, в конечном счете заняли Иранское нагорье, давно оставленное на произвол судьбы. Несмотря на победу Антиоха III над Артабаном I (214–196 до н.э.), они оккупировали Мазандеран, тогда называвшийся Табаристаном, а через несколько десятков лет Митридат I (ок. 171–ок. 138) аннексировал Мидию, Персиду, Элам (160 до н.э.). Греческое доминирование в Иране кончилось. После смерти Антиоха (164 до н.э.) парфяне обосновались в Месопотамии и возвели напротив Селевкии новую столицу — Ктесифон. С тех пор Селевкиды владели только маленьким царством в Сирии, которое исчезнет при Антиохе XIII (69–64 до н.э.) и будет превращено Помпеем в обычную римскую провинцию.

ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

Царство, которое Диодот (250–ок. 225 до н.э.) основал в Бактрии к 250 г. до н.э., опираясь как на греческое население, давно иммигрировавшее на Восток, так и на колонии, заведенные Александром, было не долговечным первым плодом македонского завоевания. Хоть и эфемерное, оно смогло просуществовать век, взяв за основу греческую цивилизацию и оказывая политическое и культурное сопротивление натиску с двух сторон, как индийцев, так и иранских кочевников. Его первые шаги были трудными, потому что произошли в тот самый момент, когда зародилась империя Аршакидов, которой предстояло завоевать Иран. Чтобы избежать столкновения, Диодот объединился с ней против Селевкидов. Медленное и трудное продвижение парфян на нагорье позволило греко-бактрийцам пользоваться относительным спокойствием. К немногим трудностям, какие испытали последние, относятся только государственный переворот, свергший Диодота II и возведший на престол Евтидема (225–190 до н.э.), и нападение Селевкидов, с которыми они быстро договорились, установив братские отношения.

Евтидем и его сын Деметрий (ок. 189–167 до н.э.) могли продолжить политику экспансии, в небольшом масштабе начавшуюся еще до них, и придать ей особый размах. К 170 г. до н.э. Бактрийское царство включало в себя большую часть Средней Азии, Арию (провинцию Герат в Хорасане), Арахосию (область Кандагара), Согдиану, Систан, Гандхару и долину Инда; весь Восточный Иран оказался объединен под одной короной. Эта корона была греческой, и тот, кто ее носил, принял титул

басилевса. Греческая цивилизация, не укоренившаяся в Западном Иране, крепко укоренилась в Восточном и в сочетании с местной культурой создала греко-иранскую цивилизацию, которая, возможно, предвещала греко-буддийскую. Мы не сомневаемся, что это ей обязаны столь прочным сохранением памяти об Александре Великом, хорошо заметным не только в мусульманской литературе, но по сей день и в народной среде. Мы не сомневаемся, что тесный контакт двух территорий с великой культурой, долин Окса (Амударьи) и Зеравшана, с одной стороны, и долины Инда с другой, конечно, возникший раньше, но укрепившийся и навсегда оставивший память о себе, был одним из главных факторов, которые обусловили расцвет последующих веков.

Деметрий, обосновавшись в Индии, хотел ее завоевать. Он послал два экспедиционных корпуса, один — под командованием своего брата Аполлодота, который захватил Катхиявар, Гуджарат, Малву и Уддияну, другой — под командованием Менандра, занявший Матхуру и осадивший древнюю столицу Маурьев Паталипутру на Ганге. Деметрий принял титул *rex Indorum* [царя индийцев (*лат.*)]. Интересно отметить, что в его государствах того времени нельзя найти и следа буддизма.

Смерть Деметрия в 167 г. до н.э. вызвала в Бактрийском царстве тяжелый кризис. Антиох IV Епифан счел этот момент удобным, чтобы его захватить. Этот монарх хотел вернуть Селевкидам былое величие, а то и поднять их на высоту, на которой они никогда не стояли. Он уже потерпел неудачу в Египте. Теперь он потерпел неудачу на Востоке. Греко-бактрийцам удалось выстоять. Селевкидский полководец Евкратид объявил себя царем Бактрии (164–158 до н.э.), сохранил за собой весь Восточный Иран от Согдианы до Индийского океана, но потерял индийские территории. Царство, которое сотрясали и, возможно, разрушали набеги саков, отобравших, по словам Страбона, у греческих царей Бактрию между 140 и 130 гг. до н.э., погибло под ударами Митридата Великого (129–86 до н.э.).

Тем временем Менандр, Милинда на языке пали (163–150 до н.э.), окруженный ореолом славы, провозгласил себя царем восточных греков, то есть индийцев, и избрал столицей Сагалу, современный Сиялкот. К сожалению, он не оставил достойного потомства, и при его сыне Стратоне его творение развалилось. Однако этот Менандр, метис, сын грека и индианки, был удивительным человеком. В отличие от других греков, он проявил сильную тягу к буддизму. Его диалоги с буддийским монахом — «Милинда-паньха», «Вопросы Менандра» — стали классической книгой буддизма, переводы которой вышли во всем мире. Несомненно, это в его время индийская религия, распространявшаяся очень

медленно, проникла через Хайберские проходы в Восточный Иран. Она укрепилась в Бамиане со II в. до н.э., но реальную роль в иранском мире сыграет лишь позже, в первые века нашей эры.

У нас мало археологических артефактов, напоминающих о владычестве греков в Восточном Иране, а город Бактры, который мог бы дать их больше, был полностью разрушен в результате просачивания вод Амударьи. О присутствии греков свидетельствует лишь одно большое городище — Ай-Ханум, расположенное в месте слияния Окса и маленькой речки Кокчи на севере современного Афганистана. Город, несомненно, был основан в конце IV в. до н.э. и процветал до конца II в. до н.э. и даже до начала I в. до н.э. Как любой греческий полис, он включал в себя акрополь и нижний город с прямоугольной сеткой улиц. Многие его памятники — специфически греческие: палестра, гимнасий, театр аттического типа, дома и галечные мозаики, украшавшие их, гробницы со статуями эллинистического характера, — но каменные здесь только колонны, тогда как стены — кирпичные, по иранской традиции. Здесь найдена керамика, довольно близкая к эллинистическим образцам, и надписи, в том числе дельфийские максимы, записанные философом Клеархом из Сол, который учил в этом городе. Дворец и храмы сильно отличаются от греческих аналогов. Дворец, основанный в древности и перестроенный около 150 г. до н.э., имел большой внутренний двор, который напоминал бы Фивы или Афины, если бы выполнял функции агоры и служил местом собраний, но это настоящий клуатр, рассчитанный на закрытость и уединение. Оба маленьких храма выделяются из всего ансамбля: в них нет ничего греческого и ничего буддийского. Неизвестно, какие боги должны были в них обитать. Очень интересно, что Ай-Ханум показывает: греческое искусство в Азии развивалось не под влиянием грецизированной и эллинизированной Индии.

Ниса, руины которой находятся в Туркмении в 18 км от Ашхабада, хоть и перестроенная парфянами, которые сделали ее своей первой столицей, сохранила небезынтересный образец искусства III–II вв. до н.э. — царский дворец. Но капитально важное значение для истории архитектуры имеет Квадратный дом. В самом деле, в нем мы впервые видим крестовидный план, считающийся хорасанским, с четырьмя *айванами*, выходящими на центральный двор, — в мусульманской цивилизации такие планы появятся на рубеже тысячного года. Вполне очевидно, что этот план — чисто местная разработка.

Хотя Иран еще долго считал себя филэллинским, с тех пор он окончательно отверг греческое искусство, и искать последнее следует уже

в индийском буддизме. Зато он испытает сильное влияние греческой мысли. Она возродится в X в. н.э. В учениях философов-платоников и аристотеликов, таких, как Фараби и Авиценна.

ГЛАВА VII ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ

С III в. до н.э. кочевники, давно не покидавшие родных степей, снова вышли на первый план политической сцены. Несмотря на поход Александра на север за Яксарт и строительство стены для защиты оседлых стран от их нашествий, распад империи Ахеменидов привел Восточный Иран в такое расстройство, что орды смогли возобновить движение на запад. В то же самое время в далекой Монголии те, кого китайцы называли «северными варварами», ху, заволновались и шли к тому, чтобы создать первую степную империю — империю хунну, полностью сформировавшуюся к 210 г. до н.э. и вызвавшую такие цепные реакции, что их последствия ощущались веками.

САРМАТЫ И АЛАНЫ

Те, кого история называет сарматами и кто, несомненно, представлял собой конгломерат разных племен, живших на Южном Урале, под натиском более восточных народов переправились через Дон, вторглись на территории Северного Причерноморья, истребили скифов, как Диодор Сицилийский (II, 43), вероятно, имел основание говорить, однако не превратили большую часть их страны в пустыню, как он, должно быть, ошибочно добавил, поскольку там вскоре возникла сарматская культура — несомненно, не столь блестящая, как культура скифов, но плодovitая. Что касается несчастных аборигенов, избежавших резни, они были оттеснены в Крым, не создали более ничего значительного и, наконец, исчезли в I в. н.э.

Хотя сарматы поддерживали постоянные отношения с греческими полисами, были приобщены к культуре, а в более поздний период своей истории частично урбанизированы, они не утрачивали агрессивности.

В I в. н.э. они нападали на римлян в Мёзии. Во II–III вв. устраивали набеги на Дакию и в долину Дуная. Римский император Марк Аврелий в 175 г. устроил против племени языгов то, что назвали *Bellum Sarmaticum* [Сарматской войной (лат.)]. С III в. они начали слабеть, отчасти в результате прихода готов, которых император Аврелиан после многих испытаний в 270 г. поселил на левом берегу Дуная, а потом оказались неспособны противостоять гуннам, напавшим на них в 375 г., уничтожившим и вынудившим многих из них броситься в тот мощный поток, который называют Великим переселением народов.

Еще до их переселения, в IV в. до н.э., в прохоровской культуре на Южном Урале появились особенности, сохранявшиеся и усиливавшиеся в дальнейшем. Нельзя сказать, чтобы сарматские захоронения, возможно, и не менее богатые, чем скифские, содержали столь же красивые изделия. Парадная посуда (пос. Высочино в Ростовской обл., I в. н.э.) и украшения — конечно, роскошны, но их декор примитивнее, грубее, изображенные фигуры нескладны или карикатурны, как будто их рисовали дети. Искусство звериного стиля, еще практиковавшееся сарматами, удаляется от натуры, становясь чисто декоративным и непонятым (поясные накладки из кургана 3 под с. Чалтырь в Ростовской обл.), и после того, что уже известно, оно разочаровывает. Только изделия, инкрустированные бирюзой — кинжалы, поясные пряжки и т.д. — сохраняют огромную привлекательность (тайник в кургане Дачи близ г. Азова, I в.). Зато поражает разнообразное происхождение изделий, по которому видно, сколь необыкновенно широкой была сеть торговых связей: рядом находятся кельтский шлем (захоронение под Бойкопунурой в Краснодарском крае, II в. до н.э.), египетский фаянс (Сладковский могильник в Ростовской обл.), китайские зеркала (Кобяково, Виноградный в Ростовской обл., конец I — начало II в.). Самое богатое не ограбленное сарматское захоронение — могила «кобяковской царицы» (конец I — начало II в. н.э.) обнаруженная в 1987 г. в курганном некрополе на окраине г. Ростова-на-Дону. В нем была погребена молодая женщина-воительница, раненная (стрелой?) в плечо. На гривне из этого захоронения изображен мужчина, сидящий по-турецки, со скрещенными ногами, и держащий в руке кубок, — возможно, древнейший прообраз стереотипных изображений «государя во славе» (Музей Чернуски, Париж).

Сарматы были разделены на племена роксоланов, языгов, сираков, аланов, и последние стали самыми знаменитыми и значительными из всех. Сначала аланы были известны под названием «асы», долго жили по соседству с юэчжами в восточной части Центральной Азии. По сви-

детельству Иосифа Флавия, в середине I в. н.э. они проживают уже «вокруг Танаиса и Меотийского озера» («Иудейская война», VII, 7), и, похоже, это они были похоронены в некоторых самых богатых сарматских могилах Нижнего Дона и Поволжья I — первой половины II в. н.э. Иосиф Флавий рассказал также о набеге, который они совершили в 72 г. н.э., в царствование Тиридата, на Мидию и Армению, ограбив эти страны и привезя из них огромную добычу. Для последующих времен об аланах известно немного. Около 375 г. на них напали гунны, и они в большинстве бежали на Запад, зимой 406–407 гг. переправились через Рейн, с 409 г. перебрались в Испанию или расселились в Галлии. В битве при Каталаунских полях в 451 г. они входили в состав армии Аэция. Таким образом, на Западе они встретились с соплеменниками, которых туда привели римские легионы, например, с пятью тысячами сарматов из вспомогательных войск, которых император Адриан расселил в Британии (Dumézil, 1978, p. 121). Аммиан Марцеллин («Римская история», XXXI, 2, 21) описывает их как людей «высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен»; они предпочитают погибнуть насильственной и героической смертью, чем состариться, и поэтому презирают стариков. К концу V в. вместе с другими сарматами, неизвестными нам, но которые обязательно должны были их сопровождать, они смешались с местным населением и тем самым приняли участие в формировании французского народа. Другие аланы, не бежавшие от гуннского нашествия, в XIII в. направились в Венгрию, где через два века всё еще говорили на своем языке. Третьи нашли прибежище на Кавказе, где, смешавшись с местным населением, стали предками современных осетин.

Вторжение гуннов на равнины Восточной Европы не только положило конец тысячелетнему доминированию иранцев в этих краях, но практически привезло к исчезновению там последних. Оно подготовило грядущую тюркизацию этих мест, которую совершили дославянские булгары, впервые упомянутые здесь в 480 г., потом тугю, первые исторические тюрки, осуществлявшие здесь в VI в. протекторат, который отмечен минимум дважды — в 569 и в 576 гг., и, наконец, хазары.

ПАРФЯНЕ

Парфяне, властвовавшие над частью Ирана или над всем Ираном почти пять веков, то есть дольше, чем кто-либо другой, построившие огромную империю, простиравшуюся от Евфрата до Инда и от Каспий-

ского моря до Персидского залива, которая, по крайней мере некоторое время, была великой мировой державой, странным образом остаются неведомы историкам. Молчание, окружающее их, конечно, отчасти объясняется незначительностью археологических находок, связанных с ними, малочисленностью письменных текстов, из которых практически ни один не составлен ими самими, но оно объясняется и тем, что по окончании бурной и блистательной эпохи экспансии на Иранское нагорье их действия вызывают мало интереса. Их бесчисленные войны с Римской империей включали, конечно, драматические эпизоды, но были словно обречены бесконечно повторяться с унылой монотонностью, — окончательная победа так и не была достигнута. Их внутренние распри, иногда разжигаемые внешними врагами, а чаще связанные с беспокойным характером их собственных вельмож и просто амбициями монархов, были не менее постоянны и настолько однообразны, что перечислять их становится скучно. Кроме мощного расцвета торговли, единственное, что можно записать им в актив, — глубокую иранизацию Ирана, постепенное и неяркое воссоздание национального государства после селевкидского владычества.

Упомянуть ли восстания провинций? Они почти не имели других последствий, кроме ослабления парфян, будь то, например, восстание в Вавилоне в 123 г. до н.э., во время похода на саков, или в Гиркании в 60 г. н.э. при Вологезе I, и они только показывают, что население более или менее часто выступало против парфянской власти. Вспоминать ли убийства, отцеубийства? Они были почти правилом и еще больше, чем мятежи вассалов, дискредитировали династию, способствовали упадку империи. Так, Фраат III (70–57 до н.э.) был убит своими сыновьями Митридатом III и Ородом. Сам Митридат III (ок. 57–54 до н.э.) был смещен своей знатью и бежал в Вавилон, где его убили. Фраат V (2 до н.э. — 4 н.э.) был свергнут по обвинению в чрезмерной жестокости, вернулся к власти и был убит. Орода III ок. 7 г. н.э. убили сыновья, Вонона I в 10 или 12 г. — Артабан III (10–44) в Сирии. Это далеко не полный список.

Во всей истории парфян доминирует стремление выступить наследниками Ахеменидов, на происхождение от которых они претендовали, которым — не обладая их гением — пытались подражать, по стопам которых желали идти, например, высекая изображения в Бехистуне около 100 г. до н.э., и явно не случайно один из их больших рельефов расположен под рельефом Дария. Это они делали как потому, что претендовали на наследство в полном объеме, так и потому, что для них было бы полезно выйти к Средиземному морю и что они неутомимо

пытались отвоевать территории в Сирии и Анатолии. Им это не удалось. Им было трудней сделать это, чем Дарию, — и потому, что они не обладали его достоинствами, и потому, что против них были не маленькие греческие полисы, а могущественная Римская империя.

Когда-то парфяне принадлежали к племенному союзу дахов, образовавшемуся в III в. до н.э. к востоку от Аральского моря, и сначала назывались парнами, но около 250 г. до н.э. отделились от этого союза, вторглись в Гиркано-Парфянскую сатрапию государства Селевкидов и расселились между Оксом и Каспийским морем. Они, как и все степняки, были смелыми наездниками и грозными лучниками, выпускавшими стрелы — «парфянские стрелы», столь же знаменитые, как и скифские, — в момент контакта с противником, когда круто разворачивались назад на конях, что делало их почти неуловимыми. Очень скоро они захватили Парфию, или Парфиену, Хорасан (255 до н.э.), потом Гирканию, местность к западу от Каспийского моря (235 до н.э.), либо уже став независимыми от селевкидской империи, либо войдя в ее состав. Они заняли несколько городов, в том числе Нису в нынешней Туркмении, немедленно возведя этот город в ранг столицы, позже Дура-Европос (Калат) и Гекатомпил (Дамган), которым предстояло прийти ей на смену, и это показывает, что они стремились создать оседлое государство. Они сделали своего вождя Аршака царем, основателем династии Аршакидов, и он, несомненно, уже претендовал на божественное происхождение, коль скоро на своих монетах помещал изображение обожествленного отца.

Поскольку Греко-Бактрийское царство, возникшее почти одновременно с аршакидской династией, и остатки державы Селевкидов, ненадолго воспрянувшей, как мы видели, при Антиохе III (223–182 до н.э.), поначалу сдерживали амбиции Аршакидов, тем удавалось навязывать свою гегемонию лишь постепенно: чтобы завоевать Иранское нагорье, им потребовалось более ста лет. Долгое сопротивление, которое им пришлось преодолеть, было обычной реакцией оседлого населения на набеги кочевников и не свидетельствует о его привязанности к Селевкидам. Несмотря на противодействие Антиоха, Артабан I (214–196 до н.э.) захватил Мазандеран, тогда называемый Табаристаном, и заложил основы будущего могущества рода. Через некоторое время Митридат I (ок. 171–138 до н.э.) смог добиться решающих успехов, став сначала, в 160 г. до н.э., повелителем Мидии, Элама, Персиды (Фарса), потом, в 141–140 гг. до н.э., Вавилона и Месопотамии. В то же время в 149 г. до н.э. он взял под опеку Армению, назначив ее правителем своего брата Вагаршака, основателя династии армянских Аршакидов.

Он воздержался от того, чтобы отбирать у Селевкидов Селевкию, но основал напротив нее на Тигре новый город — Ктесифон, который при Ороде I (57–39 до н.э.) станет столицей. Тем самым он показал, что новая империя не намерена делать избранной землей Иранское нагорье, но хочет решительно развернуться к западу. Таким образом, граница Парфии прошла по Евфрату и фактически останется там, несмотря на все усилия Аршакидов сдвинуть ее до средиземноморского побережья: победоносный, но не получивший развития поход Митридата I в Сирию, в ходе которого он победил и взял в плен в 138 г. до н.э. Деметрия Никатора, послужил примером, которому будут без конца следовать его преемники. Пока что Митридат, покрытый славой и как будто всемогущий, вполне оправдывал принятый им титул Великого царя. Его прозвали Филэллином, «Другом эллинов», потому что, говорят, греки очень хвалили его управление; но скорей это произошло потому, что грекам льстил интерес этого суверена к греческой культуре, от которой парфяне отвернулись, и окончательно, только в период резкой националистической реакции при Вологезе I (51–77). Митридату II Великому (ок. 128–88 до н.э.) оставалось консолидировать империю, которую сотрясали многочисленные восстания и восточные границы которой подвергались нападениям, и сместить ее границы около 123 г. до н.э. к Оксу.

ВОЙНЫ ПАРФЯН

Полностью занятые завоеванием Ирана, а потом борьбой с Римской империей, парфяне вступали в схватку с восточными соседями, такими же кочевниками, как и они, и так же мигрировавшими, лишь когда те их вынуждали. Когда на Иран обрушились саки, Фраат II и его дядя и наследник Артабан II выступили против них, потерпели поражение и погибли (Фраат в 129 г. до н.э.), и только Митридат II остановил их, отбил у них Мерв и Герат, изгнал их из Восточного Ирана и вынудил откочевать дальше на юг, где они расселились в провинции, которая получит их имя — Систан. Невозможно сказать, признали ли саки тогда верховенство парфян и как — по собственной инициативе, по поручению последних или с их разрешения — напали на Индию. Неизвестно также, имеют или не имеют отношение к сакам связи, которые в 115 г. до н.э. Митридат установил с Китаем — то ли он искал потенциального союзника против саков, то ли просто хотел стимулировать международную торговлю.

Почти ничего нельзя сказать об отношениях между Кушанской и аршакидской империями, должно быть, по преимуществу мирных, поскольку парфяне не могли себе позволить открыть второй фронт на Востоке. Однако буддийское предание утверждает, что между Канишкой и Вологезом III (148–191) случилась война, чего не могло быть, если Канишка царствовал с 78 г., как полагают многие специалисты, а не предположительно с 144 по 172 г., согласно ненадежным официальным данным. Как бы ни обстояло дело с возможными конфликтами, Аршакиды смирились с тем, что этим новым пришельцам отошел весь Восточный Иран, и признали границу с ними, приблизительно соответствующую современной границе между Ираном и Афганистаном.

Связи между аршакидской и Римской империями возникли в 92 г. до н.э., когда Митридат II Великий (ок. 128–88 до н.э.) вошел в контакт с Суллой на Евфрате. Через недолгое время отношения испортились. Ситуация на Ближнем Востоке начала усложняться. Митридат VI Евпатор, царь Понта (111–63 до н.э.), столкнулся с Римом, в 85 г. до н.э. потерпел первые поражения, в 74 г. до н.э. сумел дать отпор Мурене и Лукуллу, потом, в 66 г. до н.э., был разбит Помпеем, а в 66–62 гг. до н.э. был также властителем Сирии и Палестины. Тигран II, царь Армении (ок. 96–ок. 54 до н.э.), монарх из рода Аршакидов, расширил свои завоевания в Месопотамии и Сирии, что встревожило римлян. Лукулл в 69–68 гг. до н.э. вынудил его умерить аппетиты. Все это не могло оставлять равнодушными парфянских суверенов, которые тем не менее предпочитали договариваться с Римом, не реагировали на призывы понтийского царя и даже не воспользовались трудностями римлян, чтобы вмешаться в ход событий.

Однако война между обеими империями все равно разразилась — они были соседями и не могли не стать врагами. Она продолжалась долго — шесть веков, конечно, не без перемирий и не без катастроф как для одной, так и для другой стороны. Ее унаследуют, с одной стороны, византийцы, с другой — Сасаниды, а выгоду из нее в свое время извлекут арабы. Военные действия по-настоящему начались, когда Красс, наместник Сирии, захотел захватить иранские богатства, и начало войны вызвало много шума. В 53 г. до н.э. римлянин был разбит при Каррах, в Северной Сирии; его убили, его голову отослали в качестве трофея Великому царю; римские легионы были уничтожены, орлы захвачены. Рим был ошеломлен. Парфяне тоже, по-своему. Победа того, кто командовал их армией, — Сурены, едва ли не главаря шайки, в лучшем случае подданого, — была настолько громкой, что монарх, Ород I (ок. 57–39 до н.э.), ужаснулся. Он испугался, как бы тот не стал слишком

могущественным, слишком популярным, и велел его убить. Этот поступок был странной наградой за один из самых блестящих успехов, какие когда-либо одерживали парфяне, он сделал очевидным могущество вассалов в их стране и выявил низость режима, предвещая его неизбежные поражения в будущем. Тем временем победители совершили опустошительные набеги на Малую Азию и оккупировали Сирию, изгнав из Иерусалима Ирода, римского ставленника. *Urbs* [город (*лат.*), т.е. Рим], конечно, решил отомстить. Впрочем, ему надо было также отстоять свои границы, поддержать верных сторонников, защитить свою Восточную империю. Задача сделать это выпала Антонию. Он оккупировал Киликию, вернул Ирода на престол, разбил в 38 г. до н.э. парфян при Гиндаре, но в 34 г. до н.э. несколько опрометчиво углубился на территорию Мидии и Армении, опередив свой обоз. Аршакиды пропустили врага вперед и нанесли дерзкий удар по обозу. Антоний был вынужден спешно отступить.

Эти повторявшиеся неудачи показывали только, что ни одна из сторон не может одержать полной победы и война будет долгой. Август пожелал заключить мир. Фраат IV (ок. 32 до н.э. — 2 н.э.) не возражал. Заключив мир, стороны обменялись жемчугами доброй воли. Иранец вернул орлов, взятых при Каррах, отправил в Рим четырех сыновей. Римлянин послал в подарок суверену Ирана (37 г.) красивую рабыню Музу, которая стала фавориткой царя, сыграла немаловажную политическую роль, возможно, была замешана в его убийстве, а после его смерти вышла за его сына. Как говорят, благодаря ей, но на самом деле по причинам гораздо более общего характера римское влияние в Парфии стало господствующим; на высшем уровне в государстве Аршакидов образовалась романофильская партия, на которую иногда смотрели косо. По крайней мере, о некоторых случаях более или менее скрытого вмешательства римлян в парфянскую политику можно догадываться. Как могло быть иначе, если принцы жили в окружении Августа и возвращались, вступая на трон, настоящими латинянами — какой-нибудь Фраат IV, свергнутый в результате дворцового переворота, какой-нибудь Вонон, убитый Артабаном III, мидийцем по матери? История этого Артабана, коронованного в 10 г. н.э., свергнутого, а потом восстановленного на престоле римлянами (36–44), демонстрирует эффективность действий последних, как и история Тиридата II, эфемерного Царя царей, которого то изгоняли, то возвращали и который в конечном счете в 32 г. до н.э. укрылся в Риме. Армянские аристократы, отреагировав на усиление римского влияния, выбрали себе сувереном в 54 г. парфянина Тиридата I (54–58; не путать с Царем царей, носившим то же имя),

брата Вологеза I (51–77), которые открыто высказывали антизападные взгляды, и Рим счел, что не может этого потерпеть. Он послал армию под командованием Домиция Корбулона, который в 58–59 гг. изгнал Тиридата и оккупировал его царство. Однако улажено тем самым ничего не было. В слишком соблазнительной и несчастной Армении, которую всю ее долгую историю ждала судьба земли, за которую спорят соседи, никогда ничего не будет улажено. Потребовались все дипломатические способности Нерона (54–68), чтобы в 66 г. прийти к компромиссу: царей Армении должны были назначать Аршакиды, но вводить в царское достоинство их полагалось в Риме. Тиридат вернул себе трон и царствовал с 66 по 78 г. Эта ситуация долго не продлится.

Армения осталась яблоком раздора, но не единственным. Нехватки в предложениях для вступления в войну никогда не ощущалось, и никакой возможности прекратить конфликт не было, потому что ни одно из двух государств не желало терпеть существования второго, а уничтожить его было неспособно. После победоносного похода Траяна в Месопотамию и Армению в 114–116 гг., когда впервые пал Ктесифон, после эвакуации Адрианом завоеванных территорий, после соглашения, заключенного в 123 г. с Хосроем (106–130), после кампаний Луция Вера в 161 г. против Вологеза III (148–191), который укрепил свои позиции в Армении и вступил в Сирию, после второй оккупации Ктесифона Марком Аврелием, пожара царского дворца и поспешного отступления римлян, пораженных эпидемией чумы, которая в дальнейшем распространилась до Рейна, мир 166 г., казалось, разрешил Восточный вопрос, долгое время остававшийся одной из главных римских забот. Но передышка заняла всего несколько лет. При Вологезе IV (191–209) парфяне оказались под стенами Антиохии, а Септимий Север в 197 г. — под стенами Ктесифона. Римляне снова появились в Мидии, когда туда пришел Каракалла (211–217) и был там убит. Артабан V (ок. 213–227) одержал две победы над Макрином, когда их больше не считали возможными, накануне падения династии. А когда власть в Иране захватят Сасаниды, конфликт вспыхнет вновь с небывалой прежде яростью.

ПАРФЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Не имея ни традиций управления, ни квалифицированного персонала, парфяне оставили в неприкосновенности то, что нашли на завоеванных землях, сохранили деление империи на сатрапии и призвали к себе на службу местные эллинизированные кадры. Поскольку те стали необходимыми, незаменимыми, то могущество и самостоятельность

сатрапов, мелких аристократов, чиновников неизменно росли, тем более что центральная власть была слабой, царскую семью раздирали распри, а суверена, хоть он и был обожествлен, уважали мало. Из огня бросались в полымя, и ситуация неизменно ухудшалась. Каждое восстание, каждый акт неподчинения облегчали следующие, усугубляли раздробленность провинций. Со II в. до н.э. прежние сатрапии оказались разделены. В провинциях, крупных городах, подчиненных империи, были свои цари, — мы уже встречались с царями Армении. Цари Хатры, арабы, заставили немало говорить о себе, когда в I в. Санатрук, занимавший в то время престол, дал смелый отпор римлянам. Имперская власть мирилась с поведением этой знати, часто беспокойной, хотя иногда и извлеклась от отдельных ее представителей, например, от Сурены, победителя при Каррах, когда они внушали ей слишком сильные опасения. Монархи заботились прежде всего о своих удовольствиях, о том, как бы поскорей воспользоваться тем, что они могли со дня на день потерять, и их положение было предельно непрочно. На немногих великих царей, которые правили долго и, кстати, одни только и совершали деяния, сколько приходится таких, кто находился на престоле несколько лет, а то и несколько месяцев! Их уже начали именовать шахами, тогда как при Селевкидах князья носили титул *фратадара*, «хранителей огня». Двор, очень пышный, состоял из «друзей», в которых можно видеть наследников греческих гетайров, и включал огромные гаремы, в которых жили дочери знатнейших семейств. Долгое время, по крайней мере до середины I в. до н.э., там использовался греческий язык, как и во всей империи, потом он встретил конкуренцию со стороны арамейского и наконец уступил место двум иранским языкам: на нагорье — пахлавийскому, на востоке — согдийскому. Это усвоение национального языка вернуло Ирану, а возможно, и дало ему единство, которого его лишила греческая колонизация или которого он никогда не знал, если доарийское население еще полностью не ассимилировалось, — несмотря на автономистские поползновения провинций. Горожане и крестьяне сближались между собой, колонисты больше не чувствовали себя чужими. Несмотря на наличие городов, Иран выглядел большой аграрной страной, где хорошая ирригация делала земли плодородными. Его процветанию широко способствовала и торговля, о которой мы знаем, в частности, по надписям из большого оазиса в Пальмире — месте встречи иранского и греко-римского миров.

Религиозная терпимость парфян кажется бесспорной. Это показывают покровительство, которое они оказывали иудеям, — в Израиле, когда они стали его властителями, в Вавилоне, где иудеи создали одну

из своих крупнейших школ, менее выдающуюся, конечно, чем александрийская, — и сохранение древних вавилонских культов, следы которых встречались еще долго и, может быть, встречаются по сей день. Парфянам, имевшим кочевое происхождение, маздеизм, как и всем остальным кочевникам, был незнаком, но многие из них приняли его, и не исключено, как считают некоторые, что Авеста была написана при их власти (в царствование Вологеза I?). Маздеизм не мог бы стать при Сасанидах государственной религией, если бы до этого преследовался, впал в немилость. Ахурамазда остался великим богом, но значительное место вновь заняли Митра и Ардвисура Анахита. В Армении найдено несколько храмов той эпохи, посвященных им. Предполагают, что в Шизе (Тахт-и Сулейман), крупном религиозном центре на территории иранского Азербайджана, культ огня был связан с богиней вод. Что касается митраизма, о его подъеме свидетельствуют его внедрение в римский мир и приверженность к нему по меньшей мере тех суверенов, аршакидских и прочих, которые носили имя Митридат, «Вдохновленный Митрой». О христианстве и буддизме в Парфянской империи известно мало. Если учесть успехи, какие первое получило на рубеже трехсотого года в Армении благодаря святому Григорию Просветителю (ок. 240—ок. 325), и невероятное миссионерское рвение учеников Иисуса, мы вправе полагать, что в начале нашей эры оно проникло в Иран, но его следов мы там не находим. А если в отношении второго очевидно, что он уже начал просачиваться в восточную часть иранского мира, это отнюдь не значит, что он попал на Иранское нагорье или в Согдиану. В лучшем случае он едва укрепился на восточных границах Парфянской империи.

Города, возрожденные или заново основанные парфянами, — Мерв, Ктесифон, Хатра, Шиз (Тахт-и Сулейман), Фирузабад, — были круглыми в плане, в чем некоторые усмотрят проекцию неба, но на самом деле они воспроизводили кочевой лагерь, который был окружен кольцом повозок, служивших внешним укреплением, — ему принесли известность Аттила при Каталаунских полях, а также «ринг» аваров. Такое расположение, совсем новое, в дальнейшем получит громадный успех — настолько большой, что еще в VIII в. будет воспроизведено в аббасидском Багдаде. Архитектура этих городов, возводившихся в основном в периферийных областях империи, в истории особо не запомнилась, и немногие ее памятники достойны возбуждать интерес. Дома построены из кирпича, но некоторые, в подражание римским, сложены из песчаника или из тесаного камня. Одна только Хатра с ее дворцами I—II вв., имеющими эллинистический облик, представляет собой выдающийся археологический памятник. Намного интересней

отделка, потому что в ней сочетаются шtuk и живопись. Авторы шtukового декора, прежде неизвестного в Иране, предпочитали свастики, мерлоны, переплетающиеся круги (Кух-и Хваджа, I в.), и их работы в некоторой степени предвосхищают искусство ислама. Что касается фресок, то, оценивая то, что сохранилось и чем нельзя пренебречь в Кух-и Хвадже или в Дура-Европос («Знатный всадник, охотящийся на кулана» из музея Лувр), в них обычно усматривают западное влияние, но знакомство с более поздними художественными школами Средней Азии позволяет предположить, что это влияние было восточным. Ахеменидские традиции проявляются в мелких металлических изделиях, в изысканности, какую древние историки отмечали и у парфянской аристократии, и в скальных рельефах, пусть даже последним далеко до своих прообразов. Эти рельефы часто наивны, неумелы или грубы, как композиции в Танг-и Сарвак в Юго-Западном Иране (Хузистан), созданные около 200 г. н.э. и изображающие всадника с копьем, интронизацию монарха, лежащего князя с кольцом в руке, или как три рельефа из Бехистуна. Надписи сопровождают их очень редко, как будто парфяне не умели писать (надпись Хвасака, сатрапа Суз при Артабане V). Круглая скульптура, довольно малочисленная на Иранском нагорье, но хорошо представленная в других местах, — внушительна, но тяжеловесна, что относится как к каменной, так и к бронзовой; самая знаменитая — бронзовая статуя выше человеческого роста II в. до н.э. из храма в Шами (Тегеранский музей), изображающая парфянского князя. Пристрастие к колоссальному, проявившееся здесь, обнаруживается также, возможно, в самом прекрасном произведении парфянского искусства, конечно, еще очень эллинистического, маргинального, — в гробнице греческого князя, претендовавшего на происхождение от Ахеменидов, Антиоха Коммагенского (69–34 до н.э.), которая устроена на вершине горы Немрут-Даг в Восточной Анатолии. Другие, возможно, предпочтут искать это пристрастие в Пальмире.

ХУННУ И ЮЭЧЖИ

Около 210 г. до н.э. в Монголии народы, которых китайцы называли «ху» и которых возглавляли энергичный вождь и его сын, чьи имена известны нам в китайской транскрипции — Тоумань и Маодунь [Модэ] (ок. 210–174 до н.э.), объединились в нечто вроде широкой конфедерации, союз хунну, и создали первую степную империю. Это случилось как раз тогда, когда в Китае пришла к власти династия Хань (209 до н.э. — 230 н.э.), и поскольку она еще не набралась сил, она была неспо-

собна отразить набеги варварских орд. Подвергнувшись жестокому нашествию, Китай предпочел пойти на переговоры, отдал за вождя хунну имперскую принцессу и позволил им поселиться в Ордосе, в излучине Желтой реки. С этого превосходного плацдарма они начали совершать набеги во всех направлениях и в 177 или 176 г. до н.э. впервые напали на юэчжей в Ганьсу.

Юэчжи были народом довольно загадочным; европейцы позже их весьма неточно именовали индо-скифами; неизвестно, они ли назывались в классической древности тохарами или нет, но очень вероятно, что нам следует видеть в них самых восточных иранцев. Первую атаку хунну, которая, возможно, была просто разведкой, они вынесли без видимых последствий, но в 170 г. до н.э. те нагрянули снова с гораздо большими силами, на сей раз во главе с наследником Маодуня Лаошаном. Должно быть, это было ужасно. Юэчжи были не просто побеждены, а дезорганизованы и перебиты; их царя убили, и хунну по обычаю кочевников сделали из его черепа чашу для питья. Охваченные паникой, юэчжи думали только о бегстве. Одни направились к Наньшаню, где их позже ассимилировали тибетцы; другие мигрировали на запад путем, который исследован плохо. Предполагают, что они хлынули в Таримский бассейн, на территорию нынешнего Синьцзяна, далее прошли по проходу севернее Турфана, пересекли Джунгарию и вышли в бассейн реки Или к югу от озера Балхаш. Там они встретили усуней — о которых известно еще меньше и описываемых как люди с голубыми глазами и рыжими бородами, — не смогли поселиться у них и продолжили путь до Бетпак-Дала, «Голодной степи», и долины Чу, областей, принадлежавших сакам, восточным «скифам». Когда саки покинули эти места, точно определить не удастся: то ли сразу после прибытия юэчжей, в 160 г. до н.э., то ли позже, между 140 и 130 г. до н.э., точнее, в 138 г. до н.э., согласно некоторым документам. Невозможно и выяснить, когда юэчжи, возобновив движение, проникли в Согдиану. Они, конечно, там уже были в 138 г. до н.э., когда китайский император отправил к ним Чжан Цяня, желая вовлечь их в свою борьбу с хунну — они отказались, — и когда Чжан Цянь, по преданию, открыл то, что позже назвали Великим шелковым путем. Они там достигли процветания. Что касается китайцев, они вскоре начали проводить колониальную политику, закрепляясь не без труда, но с восхитительным упорством в Таримском бассейне, в местности, которая должна была стать для них «Новой провинцией», Синьцзяном, и которая на самом деле станет таковой только в 1757 г. после долгого упадка, начавшегося в VIII в.

САКИ

Саки представляют собой очень древнюю группу кочевых племен, живших к северу от Сырдарьи, творения которых — особо примечательные образцы степного искусства, если представители этих племен действительно были авторами золотых пекторалей и поясных застежек VII—VI вв. до н.э. в форме стилизованных хищных зверей или сцен «борьбы животных», в частности, тигра и волка, не очень обычного сюжета, и изделий из [Сибирской] коллекции Петра Великого, датируемых IV—III вв. до н.э., которые хранятся в музее Эрмитаж. Саки были подчинены Ахеменидами в 539 г. до н.э., доставляли, как и все подданные, в Персеполь свои дары (коней, украшения, одежды) и сражались в имперских войсках — их можно было видеть в Европе в ходе греко-персидских войн. В 330 г. до н.э. на них напал Александр и, если поработить их не сумел, то заставил войти в свою клиентелу. Земли оседлых народов Ирана были для них не чужими. Поэтому они пришли туда в течение десятилетия после 140 г. до н.э., отчасти потому, что бежали от юэчжей, отчасти потому, что их увлекла туда экспансия парфян, которые, кстати, могли пригласить их и, во всяком случае, видели в них опасных соперников. Как мы уже сказали, они сначала, в 129 г. до н.э., победили Фраата II, а потом потерпели поражение от Митридата. Они прошли вниз по течению Гильменда и укрылись на юге Афганистана, в местности Дрангиана, где так успешно акклиматизировались, что эта земля отныне стала известна как земля саков, Сакастан, — мы превратили это название в «Систан». Вынужденные оставить Иранское нагорье парфянам, саки ничуть не утратили ни силы, ни агрессивности. К 110 г. до н.э. они были хозяевами Арахосии (область Кандагара) и Синда. Несколько позже один из их суверенов, Мауэс (90—53 до н.э.), захватил Пенджаб, Гандхару и, вероятно, Капису, область Кабула; другой, Аз (30—10 до н.э.), достиг большого города Матхуры между Дели и Агрой. В начале нашей эры при Гондофаре, монархе достаточно эллинизированном, чтобы получить прозвище Сотера, «Спасителя» (19—45 н.э.), и, возможно, имевшем парфянское происхождение, они сумели поставить себя на равных с Аршакидами, посмеив дать своему суверену титул Великого царя царей, какой до тех пор носил только повелитель Ирана. Будучи индийскими князьями, они решительно встали на службу иранской культуре, впрочем, очень эллинизированной, судя по их монетам с изображениями греческих божеств, и поддерживали постоянные связи с Ктесифоном и западным миром. Предание утверждает, что при дворе Гондофара жил святой [апостол] Фома и обратил его

в христианство. Точно не известно, когда исчезли саки, но это случилось во второй половине I в. н.э., и их государство погибло под ударами тех же, кто, возможно, вынудил их переселиться, — юэчжей, отныне известных под названием кушан.

КУШАНЫ

После ухода саков юэчжи остались одни хозяевами степей к северу от Яксарта (Сырдарьи) и начали расселяться по Согдиане, а потом и по Бактрии. Благодаря тому, что они долгое время поддерживали связь с Китаем, когда жили на его окраинах, в Ганьсу и других местах, они приобщились к культуре и были готовы к тому, чтобы воспринять влияние великих цивилизаций, с которыми теперь вступили в контакт, — цивилизаций Согдианы, Бактрии и, следовательно, также Ирана и Греции. Если военными успехами они были обязаны своим традициям кочевых воинов, то административными и культурными талантами их бесспорно одарила греко-бактрийская цивилизация. После более чем вековой постепенной подготовки, около 25 г. н.э., пять племен или групп племен юэчжей объединились в союз во главе с одним из них, племенем кушан (кусан), и его вождь Куджула Кадфиз первым принял императорский титул. Пользуясь абсолютной властью и располагая значительными силами, Куджула перешел Гиндукуш и приступил к завоеваниям.

О кушанах известно мало, даже об их самых блистательных временах, потому что у индийцев никогда не было ни чувства истории, ни интереса к ней, и все исторические факты они преобразовывали в эпос или мифы. Невозможно даже приблизительно датировать этапы их экспансии или периоды царствования суверенов, в том числе и самого знаменитого, и это тем досадней, что их владычество приходится на одну из самых великолепных и важных эпох. Известно только, что кушаны начали завоевания в первой половине I в. н.э., что к 50 г. они обосновались в Каписе, у входа в Хайберские проходы, контролируя дорогу в Индию, что к 60 г. они заняли Пенджаб и его столицу Таксилу близ современного Равалпинди. Далее они стали продвигаться на запад и северо-запад субконтинента, отбирая у саков все их владения вплоть до Матхуры. Тогда-то и взошел на престол великий Канишка — человек, который принадлежит истории в такой же степени, как и легенде, а также буддийской агиографии. Как будто допускают, но это отнюдь не факт, что он пришел к власти в 78 г., в году, с которого начинается так называемая эра Сака. Признано, что он, как и его предшественники

и преемники, был чрезвычайно терпим: он почитал маздеизм, индуизм, джайнизм, адепты которого его восхваляют, и выказал особую благосклонность к буддизму, который воспользовался этим, чтобы распространиться через Центральную Азию в направлениях иранского мира и Китая. Отмечено, что его государство, в которое входили территории современных Северной Индии, Пакистана, Афганистана, Узбекистана и Таджикистана, достигло стабильности и немалого процветания, продолжившихся и при первых его преемниках, для которых мы знаем имена и якобы даты царствования, — Васишке, Хувишке, Васудеве (царствовавших со 102 по 176 г.?). Небезызвестно также, что в конце II в. начался период упадка и как раз тогда самые восточные индийские провинции отпали от кушанского государства, а потом, в III в., Сасаниды стали отбирать у кушан то, чем те владели в Иране, и подчинять себе. У последних остались только мелкие княжества на территории Гандхары.

Принимавшие с энтузиазмом все культуры, которые они встречали и удивительный синтез которых создали, суверены (носившие тройной титул: индийский — махараджи, иранский — Царя царей и, возможно, китайский — Сына Неба, хотя вера в божественное происхождение власти суверена, характерная для всех степняков, индоевропейских или алтайских, не была специфически китайской) были тем не менее привержены своим «варварским» традициям. Чеканя золотые или медные монеты со своими изображениями, как и делая свои статуи, они не хотели, чтобы им льстили: они представлены в традиционных костюмах, в сапогах для верховой езды, так мало приспособленных к индийскому климату, но наглядно демонстрирующих их власть завоевателей, с всклокоченными волосами и бородами, с остроконечными головными уборами и квадратными подбородками, приземистыми и тяжеловесными, притом что греческие, иранские и индийские боже-ства — в том числе, впервые, образ Будды, — на реверсе монет были утонченными и отличались безупречным изяществом. Очень скоро кушаны отказались от степного искусства, хотя прежде были носителями его, как показывает некрополь Тилля-Тепе («Золотой холм») I в. до н.э. в Бактрии, который «изобилием золота и варварской роскоши» (Пьер Камбон) напоминает великие курганы восточноевропейских равнин. Через несколько десятков лет, к I в. н.э., судя по находкам в Баграме близ Кабула, они уже создали греко-буддийское искусство, которое называют гандхарским, либо переняли его. В то же время они разработали на основе греческого алфавита новое письмо — *кхароштли*, чтобы писать на своем языке, который, несомненно, произошел скорей

от одного древнего бактрийского диалекта, чем от сакского языка, как недавно полагали; ему не удалось отбить первенство у согдийского, но он стал официальным языком империи.

Кушаны, сохранившие кочевую традицию сезонных миграций, должны были иметь две столицы: летнюю — Баграм в 60 км от Кабула и зимнюю, на выходе из Хайберского прохода, — Пешавар, город, который они, несомненно, основали сами. В первом, где французы ведут раскопки с 1936 г., построенном по ортогональному плану Гипподама Милетского и, возможно, при Ахеменидах, нашлось сокровище II в., которое было обнаружено в двух замурованных комнатах и содержало самые разные предметы — эллинистические бронзовые изделия, наряду с конными кочевниками изображавшие великих богов пантеона; стеклянные изделия, впервые украшенные росписью или резьбой, в том числе флаконы в форме рыб, наследие египетского искусства; гипсовые скульптуры из греко-римского мира, слепки с золотых изделий александрийского происхождения I в. н.э.; сирийские алебастры, китайские лаки и, главное — потому что она отличается исключительной красотой и принадлежит к древнейшим из нам известных, — индийская резная слоновая кость в виде горельефов или пластинок, служивших накладками на ножки или спинки кресел. Изображения на этой слоновой кости, нанесенные уверенной рукой, подкрашенные яркой черной или красной краской, чрезвычайно разнообразны: это чудовища, декоративные растения и обнаженные женщины, на которых из одежды имеются только украшения, — женщины с тяжелыми грудями и чувственно отставленной ногой.

Далее к северу Афганистана, на дороге в Бактрию, большой храм I или II в. Сурхкоталь, «Красный перевал», выстроенный из сырцового кирпича и украшенный каменной скульптурой, здание длиной 35 м с тремя дверями, служил династическим святилищем явно для отправления культа обожествленного царя, в данном случае Канишки, представленного статуей и большой надписью. По Сурхкоталю, архитектура и декор которого отмечены глубоким влиянием греческих традиций, в равной степени видно, что эти традиции древней буддийских, так как от буддизма в этом храме ничего нет, и что они пришли сюда не из Индии, а из Греко-Бактрийского царства, хотя это не может нас удивить. Наличие алтаря огня, соединенного с храмом, служит подтверждением как присутствия маздеизма, так и его северного происхождения.

Вызывает удивление, что в Баграме и в Сурхкотале не обнаруживается и следа буддизма, притом что в других местах — с I в. н.э., несомненно при Канишке, в области Пешавара, в Гандхаре и других

местностях Индии, потом, во II в., в Шотораке близ Баграма, в Хадде у выхода из Хайберского прохода, а также в Гульдаре и в Шеваки к югу от Кабула, — он утвердился очень прочно. Шоторак — главным образом монастырь, постройки которого обрамляют обширный прямоугольный двор, окруженный галереей с колоннами и содержащий одну большую *ступу* и четыре маленьких. Статуи Будды из зеленоватого сланца, изваянные в греко-буддийском стиле и прекрасные, как все произведения греко-буддийского искусства, с аполлоновскими чертами лиц, соседствуют с классическими буддийскими сценами. В Гульдаре остался разрушенный монастырь и две *ступы*, похожие на те, какие можно видеть и в Шеваки. Хадда, в то время, должно быть, обширный город и важный центр паломничества, была самым богатым, самым многообразным, населенным самыми изобретательными людьми культурным очагом этих регионов в первые века нашей эры. В ней найдено около 15 тыс. штукowych и глиняных статуэток — ремесленной продукции, в большинстве изготовленных с помощью литейных форм, образцы которых найдены, и очень красивых; около 1300 статуй, в том числе очень большие, и многофигурные барельефы, из которых лишь древнейшие восходят ко II в., а остальные были сделаны в III и IV вв., и где все сюжеты сводятся к главному и лишь напряженное выражение лиц выдает динамизм действия. Там как будто присутствуют все типы людей, все создания: конечно, будды в большом количестве, бодхисатвы, духи, демоны, аскеты, музыканты, воины, дети (притом что в пластическом искусстве они встречались редко) и даже одна невероятная голова, которую, похоже, надо считать (с большей вероятностью, чем другие) головой галла (музей Гиме, III в.).

Вероятно, именно кушаны научили буддистов изображать персонажей и прежде всего Будду, который первоначально и по самый II в. изображался только в виде символов. Это в Хадде при их власти *ушниша*, выпуклость на голове Будды, из вьющихся волос вокруг пробора постепенно превратился в пучок. Может быть, потому, что они копировали свои прежние курганы или траурные юрты, они так широко использовали *ступы* — главные памятники буддизма, нечто вроде колоколов, сложенных из камня и лишенных входа, в которых хранились реликвии; *ступы* придумали до них (*ступы* в Санчи, II–I в. до н.э.), возможно, саки или другие неизвестные кочевые орды. На всю Индию их влияние распространялось из Матхуры, из которой они сделали крупный религиозный центр и центр искусства и где поощряли внедрение элементов иранской культуры. Конечно, это они и указали путь буддистам, проникавшим с III по VII в., несмотря на растущее противодействие Саса-

нидов, в Афганистан (Бамиан, Фундукистан, Дильберджин в Бактрии), оттуда — в Сериндию, в Согдиану, где родился великий миссионер Кан Сэн-хуэй, высадившийся в 247 г. [у автора 274] в Нанкине, чтобы принести индийскую религию на Дальний Восток.

В век Канишки международный обмен был самым интенсивным, судя по найденным во всех областях монетам разного происхождения, по римским инталиям времен Августа и Клавдия, обнаруженным в области Пондишери и в дельте Ганга, или изображению Александрийского маяка на одном изделии из Баграма; воскрес санскрит, мертвый язык; в Индии составили первые великие *сутры* Махаяны, «Большой колесницы»; были записаны тексты «Махабхараты» и «Рамаяны», обеих великих индийских эпопей. Еще бы — Канишка жил в эпоху фантастической креативности, интеллектуального бурления, синкретизма и, возможно, был скорей продуктом своего времени, чем вдохновителем событий, происходивших при нем, но можно понять подобие культа, каким буддисты окружили его образ, память, какую сохранила о нем история, озлобление Сасанидов против его преемников: Сасаниды хотели предать забвению, что кушаны вопреки всему служили иранизму, потому что иранская династия желала быть единственной, кто это делает.

ГЛАВА VIII САСАНИДЫ

ВОЦАРЕНИЕ САСАНИДОВ

Положение одного из многочисленных царьков, деливших меж собой провинцию Фарс при династии Аршакидов, было одновременно завидным и трудным. Тот, кто правил Стахром, или Истахром, столицей Персиды, выигрывал от славы этого города, в котором находился крупнейший храм Ардвисуры Анахиты и который, находясь недалеко от Персеполя, всегда напоминал о былом блеске Ахеменидов, какого не могли вновь обрести парфяне. На этого царька оказывали влияние жрецы храма, наследственные, как и он, и вызывавшие больше интереса, чем он. Светская власть принадлежала роду Базрангидов, которых на рубеже II–III вв. представлял Гочихр. Духовная власть находилась в руках главы округа Хир — некоего Папака, сына Сасана: последний станет эпонимом династии Сасанидов. Папак, конечно, был не магом, а, возможно, *эратом* и, несмотря на жреческий сан, славился как охотник и воин. Главы обеих властей породнились — Сасан в свое время женился на девушке из рода Базрангидов. Пользуясь родственными связями, Папак добился для младшего из своих сыновей Ардашира титула *арганата*, который позже будет равнозначен маршальскому, но в то время означал просто коменданта крепости. Ардашир командовал крепостью Дарабгирд. Папак убил Гочихра и занял его место, когда — вопрос спорный, но с оговорками можно предположить, что в 208 г. Умирая, он оставил престол Стахра сыну Шапуру.

Ардашир, сначала воевавший с ближайшими соседями, постепенно расширил географию походов на более отдаленные области, отказался признавать верховенство брата и, когда тот довольно загадочно ис-

чез, короновался вместо него. Вскоре он стал властителем Сузианы, Исфахана, Кермана. Из царька он превращался в царя. Аршакидского императора Артабана это обеспокоило. Он решил пресечь усиление власти вассала. В 224 г. он собрал армию, двинулся против Ардашира, был разбит и пал от его руки. Через два года Ардашир вступил в Ктесифон и велел провозгласить себя Царем царей. Его божественную инвеституру славят два больших рельефа. Это была смена династии, но не режима. На смену иранцам из внешнего мира пришли иранцы из внутренних областей, из старинной страны персов, не считавшие себя революционерами, сумевшие продлить существование империи, сохранить в ней то, что казалось им хорошим, но желавшие образовать национальное государство, где бы они исповедовали национальную религию и выражали себя с помощью национальной культуры.

Сасанидская монархия просуществует четыре века и будет насчитывать десятка три суверенов, одни из которых окажутся незначительными и эфемерными, настолько эфемерными, что некоторые продержатся у власти всего по несколько месяцев, другие — блистательными и будут царствовать долго, порой до двадцати пяти-тридцати лет, а один из них займет престол даже почти на семьдесят лет. Все или почти все проведут часть жизни в борьбе с соседями — римлянами, кушанами и армянами; с самого воцарения Ардашира соседи создали против него коалицию, быстро распавшуюся. Война с Кушанской империей будет возобновляться и длиться до полной победы Сасанидов; война с Римской империей, вскоре названной Византийской, — до истощения обоих противников; главным результатом более sporadicеской войны с Арменией станет распад последней и ее раздел между могущественными соседями.

Сын Ардашира Шапур I (241–272), который, возможно, был соправителем отца при жизни последнего, для начала расширил свою империю на восток. Он захватил Пешавар, столицу кушан, вторгся в долину Инда, потом перешел Гиндукуш в северном направлении, занял Бактрию, Согдиану, форсировал Сырдарью и дошел до Ташкента, откуда после контролировал кочевников. На западе он предпринял наступление на Антиохию, столкнулся с Гордианом [III], в 244 г. — с Филиппом Арабом, отпраздновал сомнительные победы над ними, а потом, в 260 г., одержал под Эдессой громкую победу над Валерианом: цезарь побежден! Цезарь взят в плен вместе с семьюдесятью тысячами легионеров! Цезарь умирает в тюрьме! Такого еще не случалось со времен основания Рима. Шапур казался всемогущим. Он считал себя всемогущим. И он, несомненно, был бы всемогущим, не будь маленького

оазиса в пустыне — Пальмиры, с которым он хотел вступить в союз при Зенобии (266–272) и который пять лет успешно защищался и даже наносил ему поражение за поражением, вынудив отступить к Евфрату. Это ничуть не умаляет его славы воина, к которой добавляется слава организатора, просвещеннейшего человека, пылкого интеллектуала: по видимости убежденный маздеист, старавшийся дать своей религии прочную организацию, он не желал замыкаться в рамках одной культуры. Он заказывал переводы греческих и индийских книг, интересовался всеми идеями, в частности, идеями Мани, из которых без него, несомненно, никогда бы не родилось манихейство — великое создание времен его царствования.

МАНИХЕЙСТВО

В атмосфере необыкновенного духовного брожения, в какой иранский мир жил в III в., почти неизбежно должен был появиться кто-нибудь вроде Мани. Не то чтобы это был выдающийся гений. Мани, или Манес, родился болезненным, несомненно хромым, 14 апреля 216 г. в поселении близ Селевкии-Ктесифона у родителей-персов из знатного рода, которые жили в гностической среде, точнее, входили в христианскую секту крещеных, находившуюся под влиянием гностицизма, и его юность была глубоко пропитана последним. Когда ему было двенадцать лет, в апреле 228 г., первое откровение, ниспосланное Царем светлого рая, якобы предвестило ему будущую миссию, а второе в апреле 240 г. предписало приступить к ее выполнению. Тогда он якобы отправился странствовать, совершил путешествие в Индию (241 / 242–242 / 243), явился к Шапуру I, который его благосклонно принял, возможно, согласился с его учением и, во всяком случае, оказал ему покровительство. Начало его проповедей официально датируется 9 апреля 243 г., и с этого или с другого дня он показал себя пламенным, убедительным, неутомимым, осторожным апостолом; чтобы избежать ересей и споров, он сам написал семь трактатов манихейского канона, первый на среднеперсидском языке, остальные на сирийском (восточноарамейском). К сожалению, от них сохранились лишь фрагменты, и, пока в Сериндии и в Фаюме, в Египте, не обнаружили манихейские тексты, эта религия была известна только по отзывам противников. Мало того, что сам Мани не прекращал странствия по империи, проповедуя и обращая людей в свою веру, но он также посылал миссионеров в соседние с Ираном страны и тщательно организовал свою церковь, «рассчитанную на распространение во всех городах, чтобы его евангелие достигло всех наро-

дов»; эти миссионеры поразительно быстро добились огромного успеха. С III в. упоминаются манихейские общины в Палестине, Египте, Риме, столь мощные, что в 297 г. Диоклетиан развязал против них гонения, а менее чем через сто лет после этого, в 389 г., Феодосий Великий грозил их членам смертью. Тем временем они приобрели весомое пополнение в лице святого Августина, который с 375 по 382 г. был манихеем, и не меньшими были их успехи в Центральной Азии, в Индии, в Китае, куда манихеи, согласно Полю Пеллио, проникли в VI в. и где в 671 г. построили первый храм. Столь быстро достигнутые результаты так по существу и не объяснены.

Смерть Шапура в апреле 272 г. стала завершением счастливого периода в жизни пророка. Если Мани не страдал от враждебности властей в краткое царствование Ормизда I (Хормизда, 272–273), то по восшествии на престол Бахрама I (273–276) глава магов (*магупат*) Картир выдвинул против него обвинение. Абсолютный дуализм манихейства сначала мог казаться инакомыслием в маздеизме, и поэтому последний терпел его. Но очень скоро поняли, что в манихействе не только нет ничего от маздеизма, но оно усвоило диаметрально противоположную точку зрения: один восхваляет жизнь во всех ее проявлениях, другое ее осуждает; один верит во всеобщее спасение и в уничтожение зла, другое — в непреходящий характер зла и в гибель проклятых навеки. Маздеизм осознал, что находится под непосредственной угрозой. Мани предстал перед сувереном, был арестован, закован в цепи и умер после двадцати шести дней мучений, несомненно 26 февраля 277 г., в царствование Бахрама II (276–293). Это назовут его «распятием», из чего не следует, что его распяли на кресте. С его учениками страшно расправились. В 292 г. его преемник Сисинний был тоже замучен, как и он, и сколько других впоследствии! Его учение выжило, распространялось далее, возрождалось, когда его считали уже уничтоженным, под разными названиями — учений павликиан, богомилов, альбигойцев или катаров, — и его по-прежнему преследовали, а тех, кто его исповедовал, всегда и повсюду обрекали на трагическую гибель.

Мани, «Апостол Света», «Просветитель», в котором воплотились Святой Дух и всеведение, называл себя потомком Заратуштры, Будды, Иисуса, не забывая напоминать, что Христос обещал приход Параклета, который научит всему, и выдавая себя за него. Все эти пророки несли спасительную весть, главное в которой он якобы воспринял от всех и объединил, как и все уроки мудрости. «Как одна река сливается с другой, образуя могучий поток, так в написанном мною соединяются старинные книги и образуют великую мудрость, какой не было

в предыдущих поколениях». И действительно в его доктринах наряду с трансформированным маздеистским дуализмом можно найти буддийский догмат о реинкарнации, а также идею ожидания Спасителя и возвращения Иисуса в конце времен. Однако это не заурядный синкретизм. Это мощный и оригинальный синтез. Манихейство претендует на то, что оно основано на разуме, на объяснении реальности с помощью цепочки причин и следствий, на единственном знании, позволяющем увидеть истину и быть спасенным, но прежде всего оно до крайности пессимистично. За власть над миром, — говорит оно, — спорят два начала, доброе и злое, Свет и Тьма, некогда разделенные, соединившиеся с тех пор, как случилось Сотворение, и обреченные на новое и окончательное разделение. Мир, то есть материя, был создан из демонической субстанции, в преступлениях и мерзости. Следовательно, он — пространство зла. Человек в нем страдает, и его душа так поработана телом, что уже не сознает своего божественного происхождения. Он должен всеми силами пытаться отделить себя от земного существования, не совершать никаких материальных действий, способных только усилить власть материи над ним: не зачинать детей, не сеять, не жать, не строить. Когда, в конце времен, материя будет наконец побеждена, в центре вселенной состоится Страшный суд под председательством Христа, а потом, после недолгого царствования, Иисус и избранные покинут мир. Землю охватит пожар, и она будет уничтожена. Материя и те, кто останется связан с ней, проклятые, будут затворены в огромный шар, *bolos*, навсегда запечатанный. Тем временем светлые души мертвых непрерывно втягиваются в Колонну Света, которая их возвращает к их истоку, изымая из тьмы, что способствует ослаблению материи.

Учение, которое проповедует радикальный аскетизм, в частности, воздержание от всяких половых связей, если бы ему строго следовали, неминуемо привело бы к угасанию человеческого рода, и мы полагаем, что столько гонений навлекла на манихейство прежде всего эта угроза. На практике этот принцип соблюдали лишь те, кого называли «чистыми», или «избранными». Следовательно, масса верующих, представляющих собой «слушателей», не могла надеяться на немедленное спасение и должна была пройти через цикл реинкарнаций, пока однажды, может быть, «слушатель» не воплотится в теле «чистого».

ПОЯВЛЕНИЕ ЭФТАЛИТОВ

В течение ста семидесяти лет после смерти Мани до середины V в. в стране, естественно, произошло многое, но ни одного события капитальной важности не случилось. Царствование нескольких суверенов было вполне заурядным. Бахрам II (276–293) пережил опасное нападение императора Кара, который, к счастью для первого, умер в 283 г. под стенами Ктесифона. Его сын Бахрам III царствовал всего четыре месяца. Нарсах (Нарсе, 293–302), после того как потерпел поражение от Галерия и его жена была захвачена римлянами, в 298 г. подписал с последними мир на сорок лет. Ормизд II (Хормизд, 303–310), которого предание изображает государем справедливым и кротким, не сумел организовать наследование престола, и после периода смут на трон вступил ребенок. Под именем Шапура II (309–379) он стал одним из величайших монархов династии, чему способствовало и его долголетие. Он окончательно присоединил территории кушан и поставил управлять ими князя из своего рода. В войне с Римом, возобновившейся в 359 г., он едва избежал катастрофы, когда Юлиан Отступник, доведший войска до Евфрата, был в 363 г. убит под Ктесифоном, что заставило Иовиана отступить. Умирая, Шапур оставил Иран в достаточно прочном положении, так что стране не нанесли вреда три очень слабых монарха, сменявшие друг друга в течение двадцати лет (379–399), как будто страна устала от слишком долгого царствования, и те, кто царствовал позже, могли собирать плоды с дерева, которое посадил он: Йездигерд I (399–420), мудрый, гуманный, уважающий религиозные меньшинства, который в 410 г. созвал собор, чтобы признать свободы христиан и дать им организацию, и Бахрам V Гур, «Онагр» (421–438). Последний, обаянный прозвищем пылкому характеру, если не любви к охоте, не был, конечно, величайшим царем династии, но был одним из самых популярных и самых гуманных — поэт, музыкант, внимательный к нуждам и радостям низших классов, он оставил по себе самую долгую память. Его сын Йездигерд II (438–457), казалось, пошел по его стопам, заявил, что будет жить в мире ради занятий государственными делами, в 442 г. подписал новый мирный договор с Византией, потом около 446 г. внезапно переменялся, стал свирепым, убил свою дочь-супругу, начал преследовать христиан и иудеев, развязал войну в Армении...

Тогда-то и появились эфталиты, *э-да* для китайцев, белые гунны для византийцев, народ, принадлежавший, вероятно, к алтайской (тюрко-монгольской) языковой семье. В IV в. они представляли собой всего лишь маленькое горное племя; в V в. они стали могущественными,

завладели степями до самых берегов Сырдарьи и еще до 440 г. заняли Согдиану и Бактрию. Новый сасанидский царь Пероз I (457–484), чья страна только что, в 466 г., пережила страшный голод и донельзя ослабла, был вынужден давать им отпор. Он выступил в поход, потерпел поражение и попал в плен. Чтобы вернуть себе свободу, он должен был заплатить огромный выкуп и оставить сына заложником. Возобновив борьбу, он нашел смерть в 484 г. в последнем бою. Эфталиты заняли Кабул — где еще недавно можно было видеть остатки возведенной ими внушительной стены (а может быть, они существуют и до сих пор), — Газни, Кандагар и по меньшей мере часть Хорасана с Мервом и Гератом. Они, правда, не попытались продвинуться глубже на территорию Ирана, предпочтя около 455 г. напасть на Индию, где царствовала могущественная династия Гуптов, но с тех пор лет на пятьдесят гордые Сасаниды стали в большей или меньшей мере подданными варваров, во всяком случае, должны были платить им дань и позволять вмешиваться во все внутренние дела. В 497 г. эфталиты, как мы увидим, приняли к себе низложенного суверена Кавада, дали ему супругу и войско, благодаря которому он в 499 г. вернул себе трон; в другой раз они представили советника Хосрову Ануширвану.

МАЗДАКИЗМ

Беда не приходит одна, как говорит пословица. Когда после незначительного царствования Балаша (484–488) к власти пришел Кавад (488–497 и 499–531), империю охватил сильнейший кризис. Еще в конце III в. некий Бундос, без особого успеха, пытался разработать менее пессимистичную версию манихейства. Лет через двести его сумбурные идеи перенял Маздак, придав им куда больше определенности. Чтобы изложить их Каваду, Маздак добился у него аудиенции (как Мани у Шапура) и, вопреки всякой вероятности, сумел убедить его. Каким образом суверен, гарант порядка, огромное состояние которого было не чем иным, как государственной казной, мог принять тезисы настолько революционные, каких никогда не выдвигалось прежде? Дело в том, что он начал борьбу со знатными семействами, высокомерие которых стало невыносимым, которые практически подчинили его, и рассчитывал на поддержку простонародья. В самом деле, Маздак учил, что дурная материя может быть преобразована, что зло можно победить не только при помощи сурового аскетизма, какой проповедовал Мани, но и при помощи полного реформирования общества, в том числе отмены частной собственности, обобществления всего, в том числе жен и детей.

Некоторые исследователи сочли, что разрешенная сексуальная свобода противоречила принципу целомудрия, какой отстаивал маздакизм, но это была лишь мера в поддержку самых бедных, неспособных оплатить приданое, которое бы позволило им вступить в брак. Огромная масса иранского народа, жившего в крайней нищете, с восторгом поддержала доктрину, сводившуюся для него к лапидарной фразе: «Брать у богатых, чтобы давать бедным». Царская поддержка сделала возможной социальную революцию. Убивали, грабили, насиловали. На эту растущую анархию незамедлительно отреагировали знать, сильные, богатые, маздеистское духовенство и даже средний класс. Вскоре развернулась настоящая гражданская война, поставившая под угрозу само существование империи. Царь был захвачен вихрем и свергнут как соучастник революции или подстрекатель к ней. Его бросили в тюрьму. Ему удалось бежать, но когда на престол в 497 г. возвели его брата Замаспа, Кавад был вынужден укрыться у эфталитов. Как мы уже говорили, последние помогли ему в 499 г. отвоевать трон. Он усвоил урок и отошел от Маздака. В конце его царствования или в начале царствования его наследника Хосрова I, около 531 г., Маздак и его ближайшие соратники были убиты. Несмотря на все эти проблемы, Кавад нашел время обуздать вельмож и в 502 г. устроить набег на римские владения при поддержке арабского княжества Хиры. Как бы в ответ на годы беспорядка Иран усвоил почти диктаторский режим и позволил маздеистскому духовенству укрепить свою власть. Страна пережила один из тяжелейших кризисов в своей истории и чрезвычайно ослабла.

ХОСРОВ I И ПОЯВЛЕНИЕ ТЮРКОВ

Вопреки всем ожиданиям, в царствование Хосрова I (531–578), получившего прозвище Ануширван, «С бессмертной душой», положение выправилось, и это царствование считается самым блистательным в истории Сасанидов. Хосров был добр, справедлив, беспристрастен. Об этом твердят постоянно. Не будем возражать. Это не мешало ему организовывать убийства братьев, племянников, дяди — таковы были нравы эпохи! Он, конечно, вел войну с Римом пять лет, с 540 по 545 г., заставил Юстиниана очень дорого заплатить за пятилетнее перемирие, которое продлевали в 551 и 557 гг., но исключил из этого перемирия Кавказ, где борьба и далее шла почти непрерывно и, как обычно, из-за пустяков. Он истребил эфталитов, но сделал это с помощью людей, которые станут очень неудобными для Ирана и которые уже были таковыми, — первых исторических тюрксов, тугю (туцзюэ).

Империя тугю, основанная в 552 г. на Алтае в результате их восстания против кочевой протомонгольской империи жуужан, или авар, очень быстро расширилась на окружающие степи, не встречая сильного сопротивления, и приблизилась к иранским землям. Эфталиты хотели поставить этому заслон. Тюрки немедленно вступили в переговоры с Сасанидами. Их суверен Истеми отдал за Хосрова дочь. Зять и тесть договорились о совместном походе на эфталитов, и в неизвестный год между 562 и 568 гг. их объединенные силы одержали победу. В оценке выгод, которые извлек каждый из союзников из раздела империи эфталитов, источники расходятся. Что выглядит почти определенным, так это тот факт, что тюрки, вероятно, не занимая Согдиану, начали туда просачиваться, их вожди окружили себя согдийцами, с давних времен поставлявшими им кадры, а последние попросили воздействовать на Иран, чтобы облегчить им торговлю шелком, из которой они извлекали большую часть доходов. Поэтому Истеми отправил в 564 или 565 г. послом к Хосрову некоего Маниаха, согдийца. Тот нашел царя несговорчивым. Поскольку Истеми нуждался в согдийцах, а согдийцы были заинтересованы в продаже шелка, ему пришла мысль обратиться к византийцам. Это была полная перемена союзнических отношений. Он отправил в Константинополь того же Маниаха, которого там очень хорошо приняли, который пробыл там год и в 568 г. вернулся с греческим послом Земархом. С тех пор дипломатические отношения между степными кочевниками и империей уже не прекращались, во всяком случае до 600 г. Один из послов, Валентин, в 575 г. сделал подробное описание жизни тюрков.

Одна из целей тугю состояла в том, чтобы вовлечь византийцев в войну с иранцами, что было не очень трудно, и это они отчасти были поджигателями той войны, которая длилась с 571 по 591 г., хотя ее предлогом были события в Армении. Сасаниды оказались меж двух держав, как во времена кушан и эфталитов. Они от этого не выиграли, поскольку тюрки были гораздо агрессивней прочих, но устояли. Это показывает, какую силу они уже приобрели, что стало очевидным, когда Ормизд IV (578–590), сын Хосрова и тюрчанки, в 588–589 гг. сумел противостоять огромной армии кочевников силой, как говорят, в 300 тыс. человек, и отбросил ее, нанеся тяжелые потери. И это в то время, когда он сражался еще на два фронта, с византийцами и с хазарами — тюрками, которые приняли иудаизм и создали империю в восточноевропейских степях, — нападшими на земли к югу от Каспийского моря.

САМОУБИЙСТВЕННАЯ ВОЙНА

Могущество иранцев ослепило их. Они поверили, что могут всё. Они уверовали в это еще прочней, когда тугю, разделившись в 581 г. на две соперничающих группы, начали между собой войну. Хосров II (590–628), который во время восстания некоего Бахрама Чубина был вынужден бежать и укрыться в Византии, в 591 г. вернулся в Иран с помощью императора Маврикия и из признательности воздержался от войны с ним. Убийство Маврикия в 602 г. дало ему повод для возобновления враждебных действий: он заявил, что намерен мстить. Мечтал ли он дать империи Сасанидов размеры, какие имела империя Ахеменидов? Собирался ли наконец покончить с конфликтом, который длился пятьсот лет? Он верил, что имеет для этого возможности. Он не добился успеха. Я имею в виду, что он его добился на очень короткое время, но этот крайне недолгий успех по сути не стоил затраченных усилий, потому что его ценой стало окончательное уничтожение Ирана, гибель той цивилизации, начало которой когда-то положили мидийцы и персы.

В 612 г. Хосров развернул широкое наступление на Малую Азию, занял Каппадокию, разбил греков при Антиохии, потом повернул на Сирию, в 613 г. взял Дамаск, в 614 г. Иерусалим — где среди прочей добычи захватил крест, на котором страдал и умер Христос, — прошел через область Газы, вступил в Египет, добился падения «Вавилона», поднялся по долине Нила и в 619 г. подчинил Эфиопию. В то же время в 615 г. его войска достигли Халкидона на побережье Босфора. Он стал новым Дарием, новым Киром и новым Камбисом одновременно.

Византийский император Ираклий, пав духом, хотел бежать и укрыться в Карфагене, где раньше был экзархом. Вмешался патриарх, пристыдил его и вселил в него силы. Император решил продолжить борьбу, пусть безнадежную. С 619 по 622 г. он к этому подготовился, не без труда. Хосров неосторожно оголил границы, а усилие, совершённое им, было слишком большим. Ираклий с великолепной смелостью отказался от мысли освободить захваченные земли. Он решил нанести удар прямо в сердце Персидской империи. В 622 г. он вытеснил иранские силы из Малой Азии, вступил в Мидию, в 623 г. в Армению, но, обремененный пятьюдесятью тысячами пленников, счел нужным отступить на зимовку. Когда в 624–625 гг. он возобновил поход, то натолкнулся на неожиданное сопротивление и не смог прорваться в Иран. Тогда он нашел союзников в лице грузин и тюрков-хазар, предоставивших ему сорок тысяч бойцов. Он как раз собирался

перейти в наступление, когда авары, воспользовавшись его уже давним отсутствием в Константинополе, в июне 626 г. осадили столицу. В то же время персы во второй раз укрепились напротив города, на азиатском берегу, в Халкидоне. Казалось, Константинополь обречен. Спасти его могло только чудо. Чудо произошло. Авары, утомленные слишком долгой осадой, удалились. Православная церковь до сих пор ежегодно празднует это освобождение. Ираклий не поддался панике и не стал отвлекаться от своей цели, чтобы защитить столицу. Он отослал туда лишь небольшие подкрепления. Когда осада была снята, он летом 627 г. начал наступление. Он одерживал победу за победой, подошел к Ктесифону и, казалось, вот-вот его захватит. Внезапно он отказался от этого намерения — то ли потому, что был «склонен к бурным подъемам и внезапным упадкам» (Шарль Диль), то ли потому, что чувствовал угрозу своим тылам со стороны персов. Он приказал отступить. Он находился уже далеко на обратном пути, когда в марте 628 г. узнал о смерти Хосрова, убитого сыном от христианской принцессы Марии, которую тот привез из византийского изгнания. Преемник Хосрова поспешил заключить мир.

После этого в Персидской империи воцарился разнузданный хаос. Цари — и царицы — так быстро сменяли друг друга на троне, что с 628 по 632 г. их было восемь! Йездигерд III (632–651) едва успел прийти к власти, как в 634 г. при Кадисии его разгромили арабы — не арабы из Хиры, которых Сасаниды знали уже давно, и не арабы-гасаниды, традиционные союзники Византии, а арабы из глубины пустынь, исповедующие новую религию — ислам. Царь царей бежал. Он умер не очень известно как и не очень известно когда, в 651 или в 652 году. Иран вошел в мусульманский мир. И едва не утонул в этом мире. Он вынырнул чудом, благодаря силе своего гения, но больше никогда не будет прежним.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Всесильный сасанидский суверен не обожествлялся, хотя ему и даровали титул *bog*, «бог», — не более чем метафора из наследия Аршакидов, — но он держал власть от Бога, получал от Него инвеституру, как показывают символические сцены коронации, где изображен Ахурамазда, иногда вместе с Ардвисурой Анахитой, передающий ему корону. Он был царем, подобно тому что царями были все князья из его семейства и царями Иран кишел, но он был Царем царей, а это было престижно. Его восхождение на престол отмечалось церемонией или,

скорей, двумя последовательными церемониями по образцу, который создал Ардашир; их можно было бы назвать посвящениями в царский сан, поскольку они выглядят священнодействиями. Первая происходила в месте провозглашения, вторая и главная — перед священным огнем, по преимуществу в Ктесифоне, возможно, в первые времена в Истахре, иногда в Шизе, где находился знаменитый храм огня Азаргушнасп и куда, если верить Масуди и другим мусульманским авторам, всегда, раньше или позже, происходило паломничество. Не исключено, как полагает С. Х. Таги-заде, что двойная коронация соответствовала двойному посвящению: первому — в качестве царя Ирана, ираншаха, второму — в качестве царя Ирана и не-Ирана, Анирана. Это было великое торжество, в котором участвовали или которым руководили маги, а позже, по крайней мере при Бахраме V Гуре, для которого этот факт отмечен, — верховный глава маздеистской религии, *мобедан мобед*. Сам ритуал неизвестен и мог изменяться со временем, но, должно быть, он сохранял элементы, которые анонимный армянский автор отмечал у Аршакидов и которые наглядно показывают, что «посвящение» состояло не только в возложении короны на голову царя, но также в облачении его в мантию и тунику и в усаживании на трон...

Суверена окружал всё более многочисленный двор из высших сановников, или высокопоставленных служащих, должности которых были наследственными. Их выбирали из представителей знатных семейств, например, из рода Зих, который был при должностях еще во времена Папака, или из рода Сурен — к нему принадлежал победитель Красса при Каррах: привилегии родственников этого аристократа не пострадали от того, что его самого убили. При дворе царил строгий этикет, и, приближаясь к суверену, следовало падать на колени и оказывать всевозможные знаки почтения. Богатство империи было огромно, дворец был роскошно отделан, а праздники — грандиозны. Когда монарх не воевал и не охотился, он пировал, слушал музыкантов и смотрел на танцовщиц. Охота, во всяком случае на крупную дичь, по преимуществу на льва, была строго его привилегией, как почти во всех традиционных обществах, и его охотничьи подвиги славились. Большим ежегодным праздником был Новый год, Новруз, который в Иране сохранился до наших дней. Ибн ал-Мукаффа в VIII в. якобы слышал, как персидские мудрецы передавали царские слова: «Вот новый день нового года, нового периода. Пусть то, что поглотило недавно прошедшее время, будет восстановлено». Царь на этом празднике устраивал прием, раздавал подарки и почетные одеяния и произносил первую речь. Вслед за ним

говорили высшие сановники и пользовались этим случаем, чтобы прояснить свои взгляды на государство.

Монархи бывали преступниками, низкими людьми. Бывали и беспечными, занятыми только своими удовольствиями. Но, похоже, в основном они глубоко сознавали свою ответственность: Ардашир в заветании, дошедшем до нас только в виде недатированного арабского перевода, составленного в VII в. пахлавийского текста, признает, что трудно избежать «опьянения властью», но тем не менее пишет: «Тот из вас, кто будет царем, должен уважать Бога, подданных и самого себя [...]. Среди подданных есть те, кто приносит людям беду: это те, кто толкает царей на жестокие поступки». В другом месте он говорит: «Достоинства царя как такового отличаются от достоинств подданных: это могущество, уверенность, радость, способность властвовать над естественными склонностями к презрению, безрассудству, заносчивости и легкомыслию». И добавляет: «Нет для государя иного средства добиться, чтобы его почитали, кроме справедливого правления». Цареубийства и отцеубийства были у Сасанидов таким же бичом, как и у парфян, «царь и наследный принц люто враждовали меж собой», а братья, которые все притязали на власть, в любой момент могли вступить в вооруженную борьбу за нее. Чтобы предотвратить эту угрозу, суверен должен был в тексте, скрепленном печатью, назначить того, кому хотел передать трон.

Существование гаремов, где содержалось много жен под надзором евнухов, было правилом, но Ардашир видел в нем недостатки: «Когда женщины знают, что они заперты, они желают выйти и ищут всё новые возможности для этого». Надо ли их освободить? Монарх демонстрирует бесспорную заботу о них, когда пишет: «Женщины должны соглашаться на плотский акт, когда это нужно мужчине, хоть бы и без любви. Средство добиться этого заключается в том, что ему должны предшествовать созерцание, обоняние и осязание [...], [кстати,] как учит медицина, способствующие оплодотворению, каковое составляет цель соития полов, и в то же время делающие этот акт приятнее для активной и пассивной сторон». Женщинами нужно руководить, внушать им страх перед наказанием, в любом случае «меньший в самой глубине их души, чем страх перед грехом». Насколько можно судить, они имели довольно высокий социальный статус. Они могли занимать места на пиру (прекрасное изображение жены, пьющей вместе с супругом, есть на чаше из Балтиморского музея, VI–VII в.), вступать на трон или исполнять регентские функции, принимая титул Царицы цариц. Денак, мать Пероза и Ормизда III, около 458 г. царствовала. Буран, дочь Хосро-

ва II, была царицей шестнадцать месяцев, а после нее недолгое время — ее сестра Азармидухт. Разве без минимальной свободы и авторитета могла бы супруга Маздака продолжить дело мужа настолько успешно, чтобы великий министр Низам ал-мулк, посвятивший при сельджуках этому еретику одну из самых больших глав своей книги «Сиасет-наме», сохранил память о ней (гл. 46)?

В состав армии входили тяжелая конница, облаченная в броню и состоявшая из представителей высшей знати; легкая конница, которую образовала средняя знать; орда мало пригодных к бою крестьян; воины, которых набирали в странах, платящих дань, — кушаны, эфталиты и армяне, похоже, очень ценимые; наконец, наемники. В VI в. впервые отмечена данность, которая в дальнейшем стала правилом: среди последних появились тюрки. Их кочевые орды с давних времен устраивали набеги, и монархи поняли, что лучшее средство обезопасить себя от их грабежей — «предоставить им что-нибудь», «допустить их в нашу армию, чтобы им было на что жить». Впрочем, они отдавали должное силе и смелости тюрков и признавали, что опасаются: если последним не найти применения в Иране, они наймутся к византийцам, «которые в прошлом брали их на службу и посылали сражаться с нами». В конечном счете тюрки заняли видные места в армии и в дипломатическом корпусе. Союза с ними стали искать и ради этого шли даже на браки, казавшиеся не очень почетными. Мы видели, что Хосров Ануширван женился на дочери одного из великих основателей империи тугю Истеми, и сын от этого брака стал царем по имени Ормизд IV (578–590) и по прозвищу Тюркзаде, «Дитя тюрчанки».

Если обычаи старого режима, а именно очень древнее деление на сатрапии, сохранились, то сама природа государства изменилась: царьков обуздали, и на смену феодализму пришел централизованный режим, который обслуживала эффективная администрация, организованная так замечательно, что в дальнейшем она послужила образцом арабам. С иностранными державами установились постоянные дипломатические отношения. Упомянутся посольства тугю, хазар, эфталитов, китайцев, готов и, разумеется, римлян — с некоторыми из них мы уже встретились.

Общество делилось на четыре класса: класс рыцарей; класс жрецов, аскетов, хранителей храмов огня; класс писцов, астрологов и врачей; класс слуг, купцов и земледельцев, и никто не имел «надежды сменить класс». Стремление к радостям жизни, столь маздеистское, которое предполагало борьбу с нуждой и горем при помощи питания и радости, умеряло тенденции к аскезе. Средний класс был, похоже,

слабо развит. Огромная масса подданных представляла собой бедное крестьянство, в немалой части обнищавшее. Оно должно было мириться со своим положением, ведь «упадок государства начинается, когда подданным позволяют заниматься чем-то другим, кроме традиционных занятий и знакомых им видов деятельности». Однако царь заботился о нем и в назначенные дни давал приемы, чтобы воздать за злоупотребления властей и за насилия, какие совершали вельможи.

Упоминание астрологов и врачей подчеркивает значимость, какую придавали их наукам, перенятым в Месопотамии, Греции, Индии, но, видимо, математика или философия тоже должны были занимать большое место, судя по их удивительному и внезапному подъему в мусульманскую эпоху, который предполагает долгую подготовку. Прямых свидетельств существования истории и литературы почти не осталось, кроме отдельных редких поэм, фрагментов популярных эпико-исторических сочинений, «трактата об игре в шахматы» и прежде всего Авесты, но мы можем оценить их значимость по переводам на арабский язык, по массе преданий, собранных великим поэтом XI в. Фирдоуси и другими авторами, такими, как Низам ал-мулк, пересказавший многочисленные анекдоты о Бахраме Гуре и Ануширване. Всё исчезло довольно загадочным образом и несомненно не случайно.

РЕЛИГИИ В САСАНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Появление манихейства вызвало резкую реакцию со стороны маздеизма, для которого оно было прямой угрозой, и подавление первого одновременно привело к преобразованию древней иранской религии, к ее официальному признанию, к ее расцвету и к общему гонению на все религии, осаждавшие в то время Иран. Похоже, с приходом династии Сасанидов положение маздеистского духовенства поначалу почти не изменилось, и жрецы, чье желание увеличить свою власть пресекалось, сохранили тот же статус, что и при Аршакидах. Маги, *магуш*, *могмарты* или *мобеды*, как и *эпматы* (*херпматы*), простые чтецы и толкователи священных текстов, низшие служители с плохо определенными функциями, еще не имели ни статуса, ни организации, ни иерархии и занимали в обществе скромное место, намного более низкое, чем аристократия. Всё изменилось при Шапуре I, в большой мере под влиянием выдающегося человека — Картира (Кирдера), который в ходе исключительно долгой карьеры, начавшейся, вероятно, в конце царствования Ардашира, около 240 г., и завершившейся в последние годы века, начав с простого *эпмата* и постепенно пройдя по всем ступе-

ням, возможно, им же и созданным, в конечном счете стал *магупатом*, судьей всей империи и хранителем храма Ардвисуры Анахиты в Стахре. Маздеизм был провозглашен государственной религией. Маги получили официальный статус, образовали общественный класс, *маг-истан*, «страну магов» (как страна афганцев будет названа Афган-истаном), то есть корпорацию магов, и разделились по иерархии. «Учителя магов», *магупаты*, пользовались царской милостью и постоянно приумножали свои богатства, могущество, повышали свою роль в государстве. Наконец, в начале V в. или немного раньше над ними встал верховный глава, *мобедан мобед*, «маг магов» — этот титул был создан в подражание титулу Царя царей. Завешание Ардашира формулирует, может быть, идеальные отношения, какие существуют или должны существовать между духовной и политической властями, но каких несомненно никогда не будет ни в какой монархии: «Знайте, — говорит он, — что царская власть и религия суть близнецы, ни один из которых не может существовать без другого, ибо религия — это фундамент царской власти, а царская власть — хранитель религии. Царской власти абсолютно необходим фундамент, как религии абсолютно необходим защитник, ибо то, что не защищено, гибнет, а то, что не имеет фундамента, рушится». Однако конфликт между религиозными и политическими лидерами остается возможным и даже неизбежным: «[Никогда не бывает,] чтобы глава духовенства не оспаривал у властителя царства власть, какой тот обладает». Поэтому следует, «чтобы царь признавал за жрецами и людьми благочестивыми верховенство только религиозное».

При всей маздеистской ортодоксальности, на которую претендовала эта династия, чей родоначальник был жрецом храма Ардвисуры Анахиты в Истахре (Стахре), она вернула великой богине место, которое та утратила, и почти приравняла ее к Ахурамазде. Как и он, эта богиня символически коронует царей на рельефах с изображением инвестиций. Особо почитал ее монарх Нарсе. Тиридат Армянский до обращения в христианство упрекал святого Григория за то, что тот оскорбляет «истинных создателей, великую Анахиту, благодаря которой живет Армения», а после обращения громил ее храмы. Назначение верховным жрецом царского по преимуществу святилища — храма Ардвисуры Анахиты в Стахре стало высшей наградой для Картира, и, получив эту должность, он прославился.

Бывает, за преследованиями манихеев теряют из виду происходившие тогда же гонения на приверженцев других религий, которых в Иране несомненно было больше, чем иногда мы пытаемся себя убедить, и к ним привлекает внимание сам Картир в одной из четырех

сохранившихся его надписей, выполненных на среднеперсидском, а не на двух или трех языках, что свидетельствует о его национализме. Эта надпись, самая интересная, насчитывающая девятнадцать строк и выбитая на «Каабе Зороастра», под текстом Шапура, датируемая 276–280 гг., особо отмечает могущество и славу автора и, что еще интересней, славит его действия в пользу маздеизма: «Учения Ахримана и демонов были изгнаны из империи и уничтожены в ней: иудеи, *шраманы* [буддисты], брахманы, назареи, христиане, мактики [неизвестно, кто это], зандики [манихеи?] были повержены [...] много огней [...] основано, много кровнородственных браков заключено, многие неверующие стали верующими».

Можно удивиться, что Картир первыми называет иудеев, и допустимо предположить, что он завершил свое перечисление религиями, которые считал самыми значимыми, самыми опасными, а именно — христианством и манихейством, если под термином «зандики», судя по всему, следует понимать манихеев; не исключено также, что именно малочисленные иудеи стали очень влиятельными и казались самыми грозными.

Об иудеях мы знаем мало, и разрозненные сведения о них позволяют в лучшем случае догадываться, какое место они издавна занимали в Иране. Еще при Аршакидах один из них, Багарат, имел привилегию короновать царя. Йездигерд I (399–420) женился на иудейке. У иудеев были школы в разных городах — в Вавилоне, в Сузах, в Пумбедите. Они оказали финансовую поддержку восстанию Бахрама VI (590) против Ормизда IV и Хосрова II. Одни сообщения дают понять, что власть им благоприятствовала, другие, напротив, говорят о их трудностях. Йездигерд II в 454–455 гг. запретил им праздновать шаббат; убив как-то двух магов, они подверглись репрессиям; за поддержку, оказанную Бахраму VI, они заплатились закрытием двух школ. Согласия между ними и христианами не было, если это правда, что после взятия Иерусалима Хосровом II в 618 г. они попросили персов разрушить Гроб Господень и были наказаны за это распятием.

Немногим лучше известно положение христианства. Судя по всему, в Иране оно быстро распространилось и добилось существенных успехов. В IV в. святой Иоанн Златоуст утверждал, что его доктрина изложена на языке персов; в V в. Феодорит Кирский отмечал, что персам известно Евангелие (*Migne, Patrologie grecque, LIX и LXXXIII*); присутствие христиан засвидетельствовано в Бактрии и Согдиане. Говорят о восьмидесяти епископствах в Иране. Не подлежит сомнению, что очень рано, вероятно, со времен царствования Шапура I, священ-

ные тексты действительно переводились на персидский язык, что отвечало как потребностям христиан, желавших обращаться маздеистов, так и потребностям маздеистов, которые были намерены полемизировать с христианами. Обращение Армении в христианство, объявленное в 301 г. государственной религией, обращение, которое в большой мере было заслугой святого Григория Просветителя, позволило этой стране обрести единство, но сформировало его в борьбе с Сасанидами и персидским маздеизмом, отчего христиане стали выглядеть врагами Ирана. Такое впечатление дополнительно усилил Миланский эдикт 313 г., предоставивший христианам Римской империи свободу вероисповедания, поскольку с тех пор Сасаниды сочли, что Римская империя стала христианской, что было правдой, и что христиане как византийцы — их естественные враги, что было неправдой. Понадобились создание отдельной иранской церкви в Селевкии-Ктесифоне, выступление собора, состоявшегося в том же городе в 410 г., за несторианство, назначение католикоса, пяти митрополитов и тридцати епископов, чтобы это мнение изменилось. Надо еще отметить, что базилиевс по-прежнему считался главой христиан, коль скоро в 590 г. тюркских воинов-христиан мятежного Бахрама Чубина отослали в Константинополь, поскольку персы полагали, что те ему подчинены.

Политика Сасанидов по отношению к христианству все время колебалась между благоволением, терпимостью и преследованиями — эти гонения были вполне реальны, но их размах и последствия, должно быть, преувеличены. Арнольд Тойнби (Тоунбее, 1963, р. 248) справедливо подчеркивает, что в IV в. византийские несториане находили в Иране убежище — конечно, потому, что их преследовала власть, но ведь они были христианами. Разве святой Евгений не исцелил сына Шапура II? Разве Хосров II (590–628) не женился на христианках, на византийской принцессе Марии и на прекрасной Ширин, «Сладкой», ее сопернице, героине романа, который приведет в восторг мусульманский мир? Разве его не подозревали в том, что жена обратила его, пусть он даже избивал христиан, когда в его земли вторгся Ираклий? Разве христиан наряду с маздеистами и маздакитами не пригласили в 529 г. на собрание, которое осудило последних? Разве католикос Ишоаб не осведомлял Хосрова II о действиях византийцев? Разве Сасаниды не вернули, несомненно под нажимом, 14 сентября 629 г. Ираклию крест Христа, похищенный в Иерусалиме, — и это событие церковь всё еще ежегодно поминает во время праздника Воздвижения Креста Господня?

Степень жестокости и эффективность антихристианских мер, мученичеств, при Шапуре II в 350 г., при Бахрам Гуре (421–438), при

Хосрове I (531–579) оценить невозможно... Должности некоторых из жертв, например, великого евнуха при Шапуре, показывают, что христиане просочились в правящий класс; должности некоторых гонителей, например, *мобедан мобеда* Михр-Шапура, еще при Йездигерде I тщательно подготовившего избиение времен Бахрам Гура, свидетельствуют, что преследования совершались не только по политическим причинам, но также из фанатизма. На отношении Сасанидов к христианам, то благоприятное, то неприязненное, влияли отношения с соседями — друзьями, а чаще врагами, но сохранялись и старинные принципы терпимости, иногда дававшие о себе знать. Можно допустить, что Кавад I в 529 г. дал убежище семи ученым эллинской философии только в пику Юстиниану, закрывшему Афинскую академию, но ведь не по той же причине Хосров через несколько десятков лет включил в мирный договор с Византией статью, предусматривающую, чтобы эти ученые, страдающие в изгнании, могли вернуться домой...

Сильный расцвет буддизма с III по VII в. в Восточном Иране, современном Афганистане, начавшийся при кушанах, говорит о терпимости Сасанидов. Они в прямой или косвенной форме были властителями Бамиана, когда там были высечены в скале две больших статуи Будды (IV и V–VI вв.), уничтоженные режимом *талибов*, и когда в подражание рельефам Так-и Бустана был написан лунный бог властителями Фулады и Навак [Какрака?], когда там устраивали пещерные монастыри (V–VI вв.), когда украшали фресками монастыри Фундукистана (VI–VII вв.) и Дильберджина (V–VII вв.)... и не надо забывать, что именно при их власти Хадда произвела на свет свои прекраснейшие шедевры. В сасанидском стиле, свидетельствующем, что брак Ирана и буддизма был счастливым, в Духтар-и Нуширване изображен словно скопированный с «кубка Хосрова» князь-наместник Бактрии, в Кераке — «Царь-охотник» с развевающимися лентами. Пока Сасаниды царствовали, буддизм процветал. И он не замедлил исчезнуть с приходом ислама.

Трудно понять причину, побудившую Картира упомянуть индуистов (под именем брахманов), потому что их присутствие в Иранской империи было как минимум малозаметно. Естественно, там были индийцы, не принадлежавшие к буддистам, но они не создавали общин и не пытались распространять свою веру. Даже в искусстве их влияние было минимальным, и его можно заметить разве что в Согдиане или в Сериндии (Хотане), в изображениях бога Шивы.

САСАНИДСКОЕ ИСКУССТВО

Единственный впечатляющий памятник, сохранившийся от сасанидской эпохи, — дворец Шапура в Ктесифоне, который в конце XIX в. был еще почти невредим, а сегодня полуразрушен. Его внушительный фасад образует громадная голая стена, которая украшена четырьмя ярусами глухих ниш, фланкированных выступающими колоннами, и прорезана по центру большим *айваном*, огромным сводом высотой 37 м, шириной 24 м и глубиной 43 м. От нескольких мостов-плотин в Хузистане, иногда ассоциирующихся с римлянами, которые, возможно, работали на их строительстве, остаются красивые развалины. Что касается городов, основанных при владычестве Сасанидов, в том числе «Красавицы Шапура», Бишапура, построенного по гипподамовскому плану, а не по круглому плану времен Аршакидов, где сохранился храм огня и красивые ниши III в., отделанные штукатуркой, то они почти разрушены. Один из самых знаменитых ансамблей — укрепленный замок близ Фирузабада, Калайе-Духтар.

Каменная скульптура сохранилась намного лучше. Не считая колоссальной статуи Шапура высотой более 7 м, установленной высоко в нише внутри грота, послужившего, должно быть, гробницей этому суверену, она, как и скульптура времен Ахеменидов, представлена скальными рельефами, но ей неведома отделка стен, столь мастерски выполненная в Персеполе, и к тому же она холодна и условна. Аммиан Марцеллин (XXIV, 6, 3) дал ей неплохое определение: «Вообще у персов живопись и скульптура имеют только один сюжет — убийство и война». Действительно, ей далеко до гуманности персепольских композиций. Набор иконографических сюжетов, в скульптуре еще в большей мере, чем в изделиях прикладного искусства, крайне ограничен. Изображали — но неустанно — одни только инвеституры, царские триумфы, царя, который сидит на троне, охотится, сражается. Божества, Ахурамазда и реже Ардвисура Анахита или Митра, — антропоморфны и отличаются от людей только головными уборами, последний — солнцем вокруг головы. Корону, символ царской власти, суверену передает бог, и монарх будет носить ее на голове всегда, даже не в самых подходящих ситуациях.

Древнейший и в то же время крупнейший рельеф был выполнен в Фирузабаде для изображения победы Ардашира I над Артабаном. При его создании были, довольно грубо, установлены нормы, которые в дальнейшем неуклонно соблюдались. Монарху полагались длинные волосы, ниспадающие волнами на плечи, развевающиеся ленты,

остроконечная борода, жемчужные ожерелья. Самые красивые сцены инвеституры — это инвеституры Ардашира I, пешая — в Фирузабаде, конная — в Накш-и Рустаме; Шапура I, вместе с изображением триумфа этого царя; Бахрама II в Бишапуре, все III в., и инвеститура Ардашира II, в которой появляется Митра на лотосе, держащий в руке *барсом*, пучок веток (IV в.). В каждой сцене Ахурамазда находится напротив суверена и, протягивая руку, передает ему корону... Еще две, инвеституры Нарсе в Накш-и Рустаме (III в.) и Пероза в Так-и Бустане (V в.), с последней из которых соседствует конная статуя царя, имеют ту очень интересную особенность, что в церемонии наряду с Ахурамаздой принимает участие Ардвисура Анахита, и оба передают корону. Прекраснейшие сцены триумфов изображают триумф Шапура I над Гордианом (Бишапур), над Валерианом и Филиппом Арабом, где *басилевс*, на сей раз патетически, бросается к ногам победителя (Накш-и Рустам), и Шапура II (Бишапур), где поверженного на землю врага топчут конями. Прекрасно изображен Ормизд II на коне во время сражения, выбивающий противника из седла, на рельефе начала IV в. (Накш-и Рустам). Ни одно изображение, в том числе Бахрама II, убивающего львов, в Сар-и Мешхеде, не может сравниться с большой сценой охоты на кабанов, украшающей стены в Так-и Бустане, очень многообразной, очень живой, где иранское анималистическое искусство вновь обрело весь свой гений, особенно в изображениях слонов (V в.), — гений, проявивший себя и в штуковых рельефах: кабан из Дамгана (Тегеранский музей, VI в.), павлин из Ктесифона (Берлинский музей, VI в.). Некоторые композиции, совершенно мирные, как Бахрам II на троне в окружении четырех сановников или членов семьи (Накш-и Рустам, III в.), уже упомянутый портрет Пероза и портрет Бахрама II, служат опровержением слов Аммиана Марцеллина.

Сасанидская живопись известна почти исключительно по фрескам со сценами охоты (IV в.), найденным в Сузах. Мозаика — по прекрасным композициям, покрывающим пол *айвана* в Бишапуре (III в.). Она, конечно, имеет не местное, не иранское происхождение и испытала влияние Рима или сирийских школ. В ее сюжетах большое место занимают женщины (сидящая женщина, играющая на арфе, напоминая о важности музыки у Сасанидов, плетущая венки). Здесь открыто появилась обнаженная натура, до тех пор неизвестная иранскому искусству. Ее изображения встречаются на предметах роскоши, на вазах и чашах, особенно на последних, столь часто принадлежавшим царям, и должны были ассоциироваться с опьянением и блаженством. Раздетые танцовщицы соседствуют здесь с музыкантшами, со сценами охоты или пиров

(графин из Тегеранского музея, чаша из Балтиморского музея, VI в.). Этих изделий до нас дошло немного, и одно из них считается шедевром: оно известно как Чаша Соломона, а на самом деле это «чаша» Хосрова I, VI в., из золота и горного хрусталя, отделанная рубинами и стеклом, собственность Французской Национальной библиотеки. Ткани, возможно, в позднее время, стали основной продукцией сасанидского Ирана. Они быстро и надолго завоевали Запад, где базилики и монастыри собирали коллекции этих изделий.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЛИЯНИЯ САСАНИДОВ

Митра в Риме или на Рейне, Мани в Карфагене и в Сиане. Этого достаточно, чтобы можно было говорить об исключительно широком распространении влияния Ирана. Оно осуществлялось издревле. Мы видели, какое мощное влияние оказывал маздеизм. В мирских сферах такое влияние начало ощущаться при Ахеменидах, но его мы замечаем слабо. Зато при Сасанидах оно стало бросаться в глаза. Оно скажется на исламе. Мы увидим это, и нас это не очень удивит. Оно скажется на Риме, на христианском Западе, на всей Центральной Азии, Индии, Китае, Японии. Это может вызвать у нас растерянность, но отрицать этого мы не можем. Выявляется это влияние в искусстве. Чтобы оценить его масштаб, следовало бы осмотреть сотни памятников, скульптур, изделий. Где-то обнаруживается иранская специфика, как в Китае в игре в поло, к которой пристрастились всадники эпохи Тан (VIII в.). Где-то — простая деталь: вытянутый вперед палец сжатой кисти, выражающий почтение Ардашира к Ахурамазде и вельмож к Шапуру, какой в XII в. обнаруживается на витраже в Сен-Дени или на кресте из аббатства Сен-Бертен в Сент-Омере, как и на согдийских росписях Пенджикента. А вот целый набор, вопиющий о своем родстве: росписи Аджанты (V–VI вв.) в Индии; сокровища Сёсоина (ок. 756) в Японии; клад из Надьсентмиклоша (IX в.) в Венгрии; романское искусство в целом во Франции — кто бы мог не увидеть очевидной связи между ним и армянским искусством, а армянское искусство — это иранское искусство (собор в Эчмиадзине, VII в.; церковь на Ахтамаре, 915–921; церкви в Ани, X–XIII вв.)? Возьмите хотя бы «Чашу Соломона» и посмотрите на Христа на престоле, изображенного на тимпанах наших церквей. Нет! Посмотрите всего на одного-единственного, в Муассаке: он кажется копией царя Хосрова, сидящего на троне. Этого довольно. Этим всё сказано.

ГЛАВА IX ВОСТОЧНЫЙ ИРАНСКИЙ МИР

Нужно ли быть могущественным, нужно ли «лить человеческую кровь по прихоти тирана иль Божьих тех бичей, что мы зовем великими людьми»¹, словом, нужно ли сделать много шума, чтобы занять место в истории? Великие империи привлекают гораздо больше внимания, чем мелкие княжества, завоеватели — чем завоеванные. Мидийцы и персы, Селевкиды, Аршакиды, Сасаниды, которые занимали нас до сих пор, располагали центр своих империй в западной части иранских земель — в Экбатанах, Сузах, Персеполе или Ктесифоне. Занимаясь ими, мы по преимуществу не покидали Запада. Даже искусство степей, искусство скифов и сарматов, если и давало возможность обратить внимание на Алтай, когда речь заходила о Пазырыкских курганах, или на Бактрию — в разговоре об Амударьинском кладе, в основном не выпускало нас из степей Восточной Европы. Сам по себе восток иранского мира мы почти не замечали, кроме разве что Афганистана, куда нас привели прежде всего кушаны. В лучшем случае мы посещали его в поисках колыбели парфян, саков, юэчжей, всех кочевников, постоянно сменявших друг друга, посещали, следя за походами Кира, Дария, Александра, упоминая эфталитов и тугю; и если мы там ненадолго задержались, то единственно в связи с описанием Греко-Бактрийского царства. А этот восток заслуживает большего, чем краткие экскурсии.

¹ Цитата из стихотворения А. Ламартина «Милли, или Родная земля» (*прим. пер.*).

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗЕМЛИ. НЕДООЦЕНЕННЫЕ ЗЕМЛИ

Он заслуживает большего, потому что Бактрия, Хорезм, Согдиана, Таримский бассейн были родиной высокоразвитых цивилизаций и дали миру столько же и даже больше, чем любые другие земли. Если именно здесь родился Заратуштра, если он здесь жил, то как можно предположить, чтобы столь великий ум вышел из некультурной среды? Разве женился бы Александр Великий — конечно, по любви, но также и из дипломатических соображений, — на девушке из варваров? Военачальник Спитамен, который столь энергично вел повстанческую войну с македонянами, демонстрирует патриотизм согдийцев, а тот факт, что их язык использовали тугю в 581 г. (Бугутская надпись) и уйгуры в 762 г. (Сэврэйская надпись) для создания текстов, ставших основополагающими для их империй, показывает, как далеко распространилось согдийское влияние. Не имея великого культурного прошлого, Восточный Иран не дал бы в IX—XI вв. нескольких из величайших учителей мусульманской цивилизации. Всё это и еще многое другое свидетельствует, что за безвестностью, в какую погружена древняя история Восточного Ирана, крылась активная жизнь. До нас ее отголоски почти не дошли.

Мало того, что земли, которые в свое время назовут Западным Туркестаном и Восточным Туркестаном, не породили великих империй, но, даже когда эти земли не были порабощены, им не удавалось создать политического единства, о котором стоило бы говорить. Жители мелких княжеств, возникавших здесь и часто ограниченных пределами города и его ближайших окрестностей, чаще всего предпочитали радоваться жизни, обогащаться, торговать, размышлять или молиться, чем завоевывать мир. Не то чтобы там не доставало воинов, причем воинов, любящих сражаться! Но их воинственность вполне утоляли схватки с соседями. Впрочем, и земли, где они жили, не годились для образования великих держав. Оазисы Тарима образовали мелкие общины, замкнутые и отделенные друг от друга пустынями, крайне враждебными человеку. Города Бактрии и Согдианы, не столь-изолированные, были окружены бескрайними степями, где жили всегда опасные кочевники. То ли из природной склонности к эгоцентризму, то ли вследствие соперничества, этнических или культурных различий эти сообщества никогда не могли выступить единым фронтом против врага, даже в эпохи величайших угроз, когда спасти их мог только союз, что они вполне сознавали. Это проявилось, когда население оазисов Таримского бассейна, устав от китайской интервенции, в 75–76 гг. н.э. восстало — все оазисы, но каждый сам по себе. Это видно и по более позднему примеру,

когда начались арабские набеги на Согдиану и князья стали ежегодно встречаться, давая клятву объединиться против арабов — которую так и не исполнили, о чем вполне свидетельствует ежегодное возобновление обязательств.

Не только отсутствие больших политических проектов объясняет ту безвестность, масштабы которой мы только что упоминали. Центральная Азия долгое время была малодоступной и всё еще остается *terra incognita*. Не так уж давно ею заинтересовались историки и археологи, чьи работы приподнимают покрывало тайны и позволяют предсказать всё, что они откроют завтра. Она особо пострадала от действий великих разрушителей вроде Чингис-хана или Тамерлана и еще многих других, как и от особо враждебных, жестоких явлений природы, защититься от которых ей было трудно. Ее памятники архитектуры, сложенные по преимуществу из сырцового кирпича, покоятся в бесформенном виде под толстым слоем песка.

СЧАСТЛИВЫЕ НАРОДЫ

Счастливые народы не имеют истории. Согдийцы, бактрийцы, хотанцы и прочие кучарцы ее имели, и часто драматическую. Мы догадывались об этом, упоминая тех, кто их завоевывал, мы это увидим совершенно отчетливо, когда встретимся с другими. И однако они бесспорно были счастливы. В этом сходятся все наблюдатели. Это видно по тому, что там создано. Счастье, которое излучает их искусство, — первое, что поражает, когда обращаешься к нему. Люди оазисов любили жизнь во всех ее проявлениях и умели ею пользоваться, как мало кто. Создается впечатление, будто они только и делали, что пировали, пили, праздновали, вели любезные беседы, флиртывали, охотились, сражались на турнирах, играли, слушали музыку, пели, танцевали, присутствовали при боях животных. В «Тан шу» говорится о жителях Карашара: «Для населения важны удовольствия и развлечения». Там же отмечается, что в Куче «в начале года семь дней проводят состязания баранов, копей, верблюдов». Подчеркивается учтивость, «почтительные манеры» жителей и особо уточняется, что в Хотане, «встречаясь, обязательно преклоняют колени». Люди тщательно одевались, носили красивые ткани, заботились о прическах. В одних местах, особенно в Таримском бассейне, голову брили; в других, по преимуществу в Согдиане, отпускали длинные волосы, падавшие на плечи, и подрезали бороду так, чтобы она была заостренной. Жилища были украшены фресками, как царские дворцы в других местах. Элегантность этих людей,

чуть манерная, как и их поведение, была тем не менее естественна, потому что они были аристократичны. Их осанка была благородной, запястья — тонкими, пальцы — изящными, кстати, очень похожими на пальцы статуэток из Фундукистана в Афганистане. Если они пили, то избегали унижительного опьянения и всегда заботились о том, чтобы держаться достойно. Тем не менее они посещали закрытые дома, которые государство облагало налогом. Танцовщицы и музыкантши из Кучи славились до самого Китая. Известно, что согдийские послы, направлявшиеся в Срединную империю, привозили их в дар, равно как страусиные яйца и львов. Немало согдийских музыкантов жило при императорском дворе и у мандаринов. Остается добавить, что это они принесли в Китай семь нот гаммы. Живописные изображения знакомят с их инструментами: лютней, арфой, поперечной и продольной флейтами, рогом, кастаньетами, барабаном, тарелками. Фрески, как и тексты, дают понять, какие игры были популярны: триктрак (фреска в Пенджикенте, VIII в.), шахматы, поло, борьба. Они неустанно воспроизводят сцены галантных встреч, на одной из которых изображена группа обнаженных пухленьких детей во время танца (Куча, VI–VII в.). Все эти мирские сцены, авторы которых принадлежали к художественным школам, глубоко проникнутым религией, мирно уживаются с благочестивыми сюжетами, и часто кажется, что сами буддийские монахи не чурались этих удовольствий. Фрески VI–VII вв. в Балалык-тепе к северу от Термеза изображают донаторов — мужчин и женщин рядом с очень элегантными пирующими, которые поднимают кубки, словно произнося тосты.

ВОИНЫ

До войны здесь далеко. Однако она постоянно присутствует. Наряду с купцами и работниками, образующими два первых класса общества, в его состав у восточных иранцев входила и знать, *дехкане*, то есть третий класс, — по преимуществу воины, хотя знать не представляла собой замкнутый мир: доступ в ее ряды был открыт всем богачам, тем, кого в других местах назвали бы буржуа, коммерсантам или землевладельцам. В городке Пенджикент *дехкане* составляли 15% населения. Как и наши средневековые рыцари, с которыми у них немало общих черт, они любили турниры, и победитель получал похвалы, каких заслуживала его доблесть. Не менее отважными они были на поле боя. Мы видели, как согдийцы дали отпор Александру. Мы увидим, как кучарцы бились до последнего с китайцами. Их военная репутация

переживет века и будет отмечена еще в исламскую эпоху, например, в X в. в географическом трактате «Худуд ал-алам» анонимного арабского автора. Дело в том, что их отличали любовь к свободе, чувство чести, страсть к авантюрам и подвигам и они безумно жаждали славы. Это не могло не наделить их некоторой надменностью и сделало также большими любителями эпических и исторических или псевдоисторических рассказов. Иллюстрациями к этим рассказам, впрочем, как и к народным легендам, служили большие фрески. Некоторые из героев, которых позже воспевает Фирдоуси, почти неизбежно уже были их персонажами. Чтобы подчеркнуть величие воина, его изображали великаном: на одной фреске во всю стену в Пенджикенте он имеет рост 2,5 м. Любопытен один из сюжетов: копейщик, который направляет копье на лучника и сам поражен в сердце стрелой, выпущенной последним. Он встречается как на фреске (Пенджикент), так и на изделиях прикладного искусства (серебряный кубок: Belenitsky et Marshak, 1971).

Можно было бы подумать, что Фирдоуси, описывая женщин-воительниц в доисламском Иране, проявил слишком пылкое воображение или откликнулся на легенды кочевников, но он остался верен истине: этих воительниц можно видеть на фресках Пенджикента, где они изображены в групповой сцене, напоминающей бой амазонок, или поодиночке, как на портрете девушки с мечом.

Восточные иранцы основывали царства и иногда пытались применить свои воинские доблести, чтобы создать империю. Последнее им никогда не удавалось. Царства? Царств, история которых нам известна, хватает с избытком. Вот один пример — царство Лоулань на крайнем востоке Таримской впадины, у ворот Ганьсу, на берегу Лобнора, столицей которого по 77 г. до н.э. был Миран. Оно процветало два-три века, хотя в 108 г. его подчинил Китай и там стояли китайские гарнизоны, а потом разрушилось из-за того, что климат внезапно переменялся, превратив озеро в пустынную местность. Великие государства? Часто делались примечательные попытки их создать, например, такое едва не сформировал Деваштич, царь Пенджикента, который в начале VIII в. стал достаточно могущественным, чтобы претендовать на власть над всей Согдианой.

БОГАТЫЕ СТРАНЫ

Деньги не приносят счастья, но деньги, какими обладал Восточный Иран, по крайней мере позволяли его населению утолить жажду удовольствий и удовлетворить пристрастие к роскоши. Я бы охотно пове-

рил, что уж Хорезм-то, обильно орошаемый дельтой Окса, наслаждался благосостоянием с незапамятных времен, — и в этом мнении меня укрепляют как Геродот, так и Гекатей Милетский, утверждавшие, что эта страна была цветущей конфедерацией еще до начала эпохи Ахеменидов, — но сейчас почти единодушно признано, что богатство Согдианы и Тарима образовалось в течение нескольких веков до и после начала христианской эры, а это значит, что оно возникло не за счет местного производства, а благодаря торговле, особо активной в тот период. Однако в сериндийских оазисах, как и в бассейнах больших рек, земля была плодородной, немало давали и рудники: соль Карашара, золото Кучи, бирюзу Ташкента и нефрит, столь вожеленный для китайцев...

У каждой земли была своя специализация, но все были склонны к поликультуре. Различную продукцию Согдианы отличали редко, но ее почву в целом хвалили за плодородие. Зато особо выделяли фрукты из Бухары и крупных лошадей из Ферганы, которых так любили китайцы и обладание которыми потребует от них стольких жертв. В китайских текстах того времени можно прочесть, что Карашар поставляет просо и виноградную лозу, Куча — коноплю, зерно, рис и виноград, что в Турфане, где депрессионная впадина имела много солнечных дней и обильно орошалась подземными водами, собирают в год по два урожая зерновых, злаков и хлопка. Это ценное текстильное сырье начало широко распространяться с тех пор, как в начале нашей эры из Западной Азии сюда ввезли хлопчатник, тем более что китайцы охотно покупали хлопчатобумажные ткани, успешно заменяя ими свою коноплю. Хотан довольно рано добавил к своему традиционному производству, сходному с производством остальных оазисов, разведение тутовых деревьев и изготовление шелка. Хотя Китай ревниво старался сохранять монополию на производство этой ценной ткани, было очевидно, что рано или поздно он ее потеряет. Эту технологию похитила у него Византия. Таким же образом ее приобрел и Хотан. В самом деле, одна китайская принцесса, выехавшая в этот оазис, тайком вывезла семена тутовника и яйца шелкопряда, спрятав в тюрбане. Этот случай, как можно догадаться, наделал много шума. О нем рассказывает красивый рисунок из Дандан-Уйлыка, датируемый VI в. Город не замедлил приступить к изготовлению шелковых тканей, а поскольку его жители умели талантливо изобретать новые технологии ткачества и разрабатывать еще неизвестные и привлекательные декоративные мотивы, его изделия скоро получили первенство на рынке. Они стали стать экспорта наряду с избыточными пищевыми продуктами, остававшимися после насыщения местных нужд, и продавались кочевникам, китайцам и жи-

телям Иранского нагорья. Как в VIII, так и в IX в. было отмечено, что голодный мор, поразивший тогда Иран, стал результатом прекращения импорта из Согдианы.

ВЕЗДЕСУЩИЕ СОГДИЙЦЫ

Всегда существовала тенденция считать согдийцев караванщиками, но, возможно, она была ошибочной. Не исключено, как показал Эрик Тромбер, что товары перевозились прежде всего китайскими обозами, и в таком случае согдийцы играли, скорей, роль банкиров и маклеров. Как бы то ни было, о масштабе их торговой сети свидетельствуют находки монет и фрагментов текстов почти повсюду, часто очень далеко от Согдианы.

Согдийцы были вездесущи. Китайцы писали: «Как только мужчине исполняется двадцать лет, он направляется в соседние страны». Они могли бы добавить: «И дальние». Они отмечали, что те были искусны в коммерции и любили наживу. Согдийцы поставляли административные кадры в крупные центры, такие, как Дуньхуан, где двое из них контролировали рынок, и к кочевникам. Их колонии отмечены на Лобноре, где сохраняли активность еще в VI–VII вв., несмотря на пересыхание озера, на Иссык-Куле, в долинах Чу и Сырдарьи. Одна из версий появления в Византии шелкоткачества приписывает заслугу в этом одному персу, который, выехав из страны Серес, «привез спрятанные в посохе зародыши шелковичных червей». Мы встречали Маниаха как посла от тюрков к Сасанидам и византийцам. Поскольку согдийцы поставляли административные кадры для великой кочевой империи тугю, должно быть, они попадались до самой Северной Монголии. Китайцы сетовали на их чрезмерную эффективность для этой империи. Один высший сановник около 610 г. сказал императору: «Сами по себе тюрки просты и бесхитростны, и между ними можно посеять рознь [китайцы не преминут это сделать]. К сожалению, среди них живет много согдийцев, а это люди бывалые и ловкачи, которые влияют на них и их направляют». Были они и в Китае, образуя настоящие колонии. Большая фреска в северной части этой страны, написанная в VI в. и изображающая согдийский праздник Новруз, Новый год — она появилась раньше больших композиций, созданных в самой Согдиане, и в этом отношении интересна, — явно выполнена китайскими художниками по заказу прочно обосновавшейся и значительной согдийской общины за пределами родины. Дальше мы увидим, как согдийцы пытались захватить власть в Срединной империи.

ГОРОДА

С чего начать? Плотность населения все-таки была высокой, а городские центры — многочисленными. По данным китайцев, Самаркандское царство насчитывало сорок больших городов и триста малых крепостей, Бухарское — сорок крепостей и тысячу сторожевых постов, Турфанское — двадцать один город. Во всей Кушанской империи можно было насчитать двадцать пять центров городского типа. По данным арабов, в Фергане и Ташкентской провинции было пятьсот городов, обнесенных стенами. Все были густо населены и насчитывали в среднем по 50 тыс. жителей — такая цифра указана, например, для Карашара. Монашеские общины часто были значительными, как отмечает Сюаньцзан, китайский паломник, странствовавший по Согдиане в 603 и 643 гг.; обреченные на целибат, они по меньшей мере с VI в. влияли на демографический рост.

Хотя постройки были в основном глинобитными и поэтому крайне непрочными, в некоторых городах найдены ценные остатки строений, другие же оказались безнадежно утраченными, как Бактры, которые хоть и были когда-то очень знамениты, но культурный слой там был уничтожен высокими подземными водами, или как Мерв, который еще только начали раскапывать. В древней Бухаре, Варахше, были широкие мощеные улицы, базар идолов, работавший еще в IX в., и, возможно, крупнейший маздеистский центр жертвоприношений — ныне исчезнувшая могила Сиявуша. Здесь отпевали покойников, что называли «плачем магов». Старый Самарканд, Афрасиаб, несколько удаленный от современного города, был выстроен вокруг древнего святилища, присвоенного и высоко чтимого мусульманами, для которых оно стало гробницей сподвижника Пророка — Кусамы ибн Аббаса, павшего во время осады города. Здесь найдены прекрасные фрески.

Мертвые города в целом намного более интересны. С.П. Толстов и его группа открыли более трехсот археологических памятников в одном только Хорезме, к югу от Аральского моря. Широкую известность приобрел лишь один — Топрак-кала. Это роскошная царская резиденция длиной 583 м и шириной 420 м, где самое примечательное сооружение — как и полагается, дворец. Возведенный в III в., он дал великолепный археологический материал, в котором С.П. Толстов не обнаружил ничего, что бы могло быть иранским или греческим. Дворец был обильно украшен резным и раскрашенным шtukом, а также фресками, то есть удивительной галереей дам и вельмож, изображения которых помещались в нишах. Здесь представлено превосходное

анималистическое искусство, имеющее поразительную особенность: живописные изображения животных меньше натуральной величины, а скульптурные — больше.

В Западном Туркестане немало других археологических памятников: Тахти-Сангин, «Каменная терраса», птолемеевская Оксиана на Оксе, — город-святилище, ориентированный по оси храма, который, возможно, был посвящен богу Оксу, единственный кушанский памятник, где не найти и следа буддизма; Термез, который тоже стоит на Оксе, со своими гротами и ступами, с росписями в Балалык-тепе и в Кампыр-тепе — памятниках, расположенных ниже по течению; Дальверзин-тепе, раскапываемый с 1960 г., с жилыми домами и храмами, где стойки и стены сделаны из кирпича или дерева, где сохранились базы колонн, коринфские капители, росписи, статуи, разные предметы, в том числе шахматные фигуры, одни из самых древних, какие нам известны; Аджина-тепе в Таджикистане с лежащим Буддой длиной 12 м (VII в.). Однако два самых впечатляющих памятника — это, конечно, Ай-Ханум, большой город в Западной Бактрии, который мы уже посещали одновременно с Нисой, соседкой Мерва, и Пенджикент (IV–VIII вв.), обширный жилой, культовый и погребальный комплекс с двумя храмами и царским дворцом, занимающий около 13,5 га, где, вероятно, обитало 10 тыс. жителей мужского пола. Стены его примыкавших друг к другу домов высотой в два-три этажа, порой построенных из камня — что редкость в этой стране, — были почти целиком покрыты деревянной резьбой и росписью.

Небольшие оазисы вдоль обеих дорог через Таримский бассейн, северной и южной, как и в Лобнорской впадине, содержат мало архитектурных памятников, но в них нашлось множество выдающихся произведений прикладного искусства, принадлежащих, правда, по большей части к периоду, который нас здесь не интересует, — к периоду владычества тюрков-уйгуров, но есть и изделия тех времен, когда эти земли были иранскими.

В Миране, где территория размерами 320 на 380 м, на которой находилось несколько глинобитных строений, была окружена земляным валом, обнаружен целый ряд рукописей III в., авторами которых были китайские оккупанты, — административных текстов и личных писем колонистов. Здесь усердно исповедовали буддизм. Найдены остатки ступ, резьба по дереву с изображениями Будды и странных божеств с трезубцем, большой храм с колоннами, имеющими деревянные персеполитанские капители, два круглых строения, окруженные ступами.

которые покрыты древнейшими росписями, какие только известны в Тариме.

Искусство Хотана за немногими исключениями — обнаженная фигура, похожая на изображения в Аджанте, бородатый бодхисатва, святилища, ассоциирующиеся с искусством Гуптов, которые выдают индийское влияние, — остается иранским, несомненно потому, что город был сильно проникнут маздеизмом. В Куче за высокой наружной стеной длиной 2300 м и высотой 15–20 м находились святилища и мавзолеи. Что касается Турфана, обширного оазиса с многочисленными памятниками, он представляет собой зрелище, разнообразное до бесконечности: большие кладбища, как в Астане, святилища под открытым небом, пещеры — например, Безеклика или гор в долине Муртука.

КИТАЙСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Восточный иранский мир пережил, как мы видели, вторжения великих иранских империй — кушан и эфталитов, в нем зародились саки и парфяне. Были и другие иноземные нашествия, о которых мы еще не говорили ничего, — хунну, тугю, уйгуров и прежде всего китайцев.

Определить, в какой степени степные империи повлияли на этот мир, очень трудно. Несомненно было «чудом», говорит Рене Груссе, что «этот последний арийский цветок [...] распустился там, куда любая орда могла дойти за несколько конных переходов». Но это чудо объяснимо, поскольку орды ничего бы не выиграли от уничтожения этих маленьких поселений, с которыми они торговали, на землях, где они все равно не могли бы поселиться. Факт, что эфталиты, хунну или тюрки не нанесли оазисам вреда, как намного позже не нанесут и монголы, которых эти оазисы сразу поддержат.

Совсем иначе дело обстояло с китайским вторжением.

В том самом году, когда Чжан Цянь вернулся из своего долгого и опасного путешествия в страны Запада, когда, как считается, он открыл «Великий шелковый путь», в 126 г. до н.э., китайцы захватили Ганьсу и оказались в непосредственной близости от Тарима, который в дальнейшем не замедлили занять. Совершая эту масштабную колониальную операцию так далеко от своей страны, они, видимо, преследовали три цели: получить доступ к прекрасным и крупным коням Ферганы, взять под контроль международную торговлю и ослабить хунну, извлекавших выгоду из контактов с Таримом. Полководец Бань Чао так и заявил: «Захватить тридцать шесть царств [Тарима] значит отсечь хунну правую руку». Эта операция два века была для них важ-

ным зарубежным предприятием и еще несколько раз станет таковым в дальнейшем. Ее с огромным упорством проводили военные, которым принадлежит вся заслуга и которые выдвинули из своей среды нескольких крупнейших военачальников во всей истории Китая, и первым из них следует назвать полководца конца I в. н.э. Бань Чао, тогда как интеллектуалы часто выступали против экспансии под тем предлогом, что она поглощает много денег и людей. Конечно, она стоила дорого, хотя, возможно, дешевле, чем утверждали в верхах, но она приносила и выгоду, как не преминули отметить воины. Бань Чао объясняет: «В Яркенде, в Кашгаре земли плодородны и обширны. Солдаты, которых там расквартировывают, не будут стоить империи ничего». И потом, волонтеров набирали и на местах, как будут делать колониальные державы в новое время. Китайцы пользовались самым незначительным восстанием как предлогом, чтобы захватывать имущество повстанцев, чтобы продавать их в рабство. В 94 г. н.э., после восстания в Карашаре, было захвачено 300 тыс. голов скота и 15 тыс. человек сделаны рабами.

В 102 г. до н.э., когда Фергана внезапно отказалась продолжать продажу коней в Китай, тот двинул через Тарим войско в 60 тыс. человек. Оно потеряло половину личного состава и смогло привести из Ферганы только три тысячи жеребцов. Тогда китайцы решили оккупировать оазисы, усеивавшие окраины больших пустынь. Это происходило с 70 по 60 г. до н.э. В 67 г. до н.э. древнее Турфанское царство было уничтожено и разделено на семь наместничеств, шесть из которых находилось северней Тянь-Шаня, в Джунгарии, а поскольку город Турфан был не только богат, но и превосходно расположен — в месте, где от главной дороги, ведущей на север, отходила второстепенная дорога на запад, — он стал главной китайской базой в Тариме. Впрочем, надо ли говорить о колонизации, оккупации или это был просто протекторат с более или менее неопределенными условиями? Как бы то ни было, туземцам быстро наскучило иностранное присутствие, и вся вторая половина I в. н.э. изобилует восстаниями и карательными походами, история которых крайне запутана. Так, в 75 г. восстали и были наказаны Кашгар и Куча, в 78 г. — Аксу и Турфан, где, говорят, было перебито 3800 человек, в 88 г. — Яркенд, царь которого был одним из организаторов восстания и пытался возглавить его и где казнили пять тысяч человек... На Лобноре в 74 г. «были убиты все варвары». Бань Чао, прибывший в 73 г., попытался, используя весь свой гений и отвагу, выправить ситуацию, а для этого прежде всего устранить угрозу иностранного вмешательства, в 90 г. в первую очередь со стороны кушан, к которым повстанцы активно обращались за помощью. Он знал

и страшные часы, как в 75 г., когда его осадили в Кашгаре, а у одного из его коллег, запертого в другой крепости, люди были вынуждены есть кожу своего воинского снаряжения. Он покинул эти края в 102 г. измотанным, чтобы в 103 г. умереть дома. Почти сразу же китайцы пали духом и в 107 г. отвели войска. Но они быстро пришли в себя. Сын бывшего генералиссимуса Бань Юн продолжил его дело, сумел снова занять эту страну, и Китай мог более мирно владеть ею долгие десятилетия вплоть до падения династии Хань в 180 г., которое, возможно, не положило конец колониальной политике, но отодвинуло ее на второй план, и до самого 220 г. Китай постепенно утрачивал к ней интерес. Тем не менее в III в. на Лобноре стоял сильный китайский гарнизон.

С 220 по 650 г. Тарим был независимым и не испытывал никакого китайского влияния. Это позволило мирно проникнуть сюда эфталитам. Поселившись, как мы видели, в Согдиане и в Бактрии до 440 г., они, прежде чем в 565 г. их уничтожила коалиция тюркских и персидских противников, имели достаточно времени, чтобы установить в нескольких царствах свою власть. Судя по всему, их там приняли хорошо. Во всяком случае, на этих землях не слышалось стонов и криков ненависти, какие их вторжения в Индию исторгали у индусов. Во всяком случае, их присутствие не помешало большому культурному подъему VI века.

ВТОРАЯ КИТАЙСКАЯ ОККУПАЦИЯ

Китайская колониальная политика возродилась при династии Тан (618–930). Суверены Тарима, испытывавшие всё более сильный нажим со стороны тугю, которые в первые годы VII в. в большей или меньшей степени контролировали все их города, обратили взоры к Срединной империи, в лице которой надеялись найти спасительницу. В 609 г. царь Турфана, а в 618 г. — царь Кучи направили к китайскому двору посольства. Это было совсем незадолго до того, как китайцы в Монголии одержали в 630 г. великую победу над тугю, которая дала им основание снова поверить в себя и демобилизовать войска, до тех пор занятые защитой территории. В 631 г. о протекторате попросила Согдиана, но ее предложения были отвергнуты. Китайцы как раз собирались возобновить колониальную политику, но хотели сделать это там, где было ближе и проще, — в Тариме. После этого царьки поняли: хоть они и избавятся от тюрков, но получат новых господ. Они решили, если потребуется, сражаться за независимость. В 640 г. китайцы были в Турфане, в 647 г. — в Карашаре... Оказала сопротивление только Куча. Она была согласна на подданство, но не на рабство. Ее цари были блистательными

суверенами и не считали себя ничтожествами. Отец того, кто царствовал в то время, звался «Золотым Цветком» (до 618–624); тот, кто сидел на троне в то время (624–647) и столь радушно принял в 630 г. великого паломника Сюаньцзана, — «Золотым Богом» (на санскрите Суварнадева). Куча боролась на удивление энергично, нередко в одиночестве. В 647 г. ряды ее рыцарства поредели: одиннадцать тысяч ее защитников было обезглавлено, пять городов снесено, а их население истреблено. Город так никогда и не воспрянул. «Золотой Бог» бежал в Аксу. Он был пойман и убит.

Китайскую Центральную Азию разделили на четыре провинции: Кашгар, Кучу, Хотан и Токмак. Западные тугю потерпели поражение между 652 и 657 гг., что позволило Китаю более или менее косвенно взять под контроль Ташкент, Самарканд, Шахрисабз (Кеш), Бухару, Фергану, Кундуз, по меньшей мере часть Западного Афганистана и даже Северо-Восточную Индию. Китай никогда не казался таким могущественным. И никогда не был. Однако на его противников это могущество не производило впечатления. В 670 г. он пережил вторжение тибетцев и был вынужден позволить им оккупировать Тарим. К 680–681 гг. он в числе противников обнаружил тугю, чья империя была восстановлена, в 706 г. потерпел от них поражение в Ганьсу и уже не мог мешать им устраивать набеги на Согдиану (в 700 г. и более робкие — в 707, 711 и 713 гг.). Однако его могущество не было иллюзорным. Тибетцы недолго держались против него — всего до 692 г., и он отобрал у них весь Таримский бассейн, захватил долину реки Или, бассейн Иссык-Куля, верховья реки Чу и стал осуществлять полупротекторат над Ферганой и Согдианой. Он не был, конечно, хозяином этих областей, но собирався их контролировать. Это притязание его погубит. Китай окажется вовлечен, почти против воли, в конфликт с арабами. Они нанесут ему такое поражение, что он потратит почти век на то, чтобы прийти в себя.

ИРАНЦЫ В КИТАЕ

Пока китайцы пытались отобрать восточный иранский мир у тюрков и тибетцев и взять его под свой контроль, иранцы ездили в Среднюю империю и, как мы увидим далее, вместе со множеством других товаров привнесли туда великие мировые религии или способствовали этому — прежде всего и в особенности буддизм, но также манихейство, несторианство и, несомненно, хотя это малозаметно, — маздеизм. Это делали, конечно, в первую очередь согдийцы, которых мы уже встречали, но

и персы тоже, причем не только послы, какими обменивались сасанидский и китайский дворы, но и организованные колонии. С V по VII в. некоторые иранцы служили на высоких должностях; иные, чьи имена нам известны, занимали блестящее положение — некий Ань Тун (ум. 429), некий Ань Юань (ум. 435), некий Ань Сингуй (нач. VII в.). Отдельные представители высшей сасанидской знати поселились у Сына Неба после того, как были изгнаны арабами. Один из них прибыл около 660 г. и основал в 677 г. «персидский монастырь», Пероз, в конце 673 или в начале 674 г. После того как он умер, рядом со статуей императора Гао-цзуна воздвигли его статую, которую можно видеть и сегодня, и статую одного из его соотечественников. Поскольку Китай был близко знаком последним Сасанидам, они искали там убежища, их там хорошо принимали, китайцы создали для них подобие Иранского царства и оказывали помощь тем, кто пытался отвоевать страну предков.

Менее чем через сто лет, в 755–763 гг., иранцы даже попытались захватить власть в стране, ставшей для них второй родиной. Не так давно я полагал, что Ань Лушань, кондотьер, мятежник, был «согдианизированным» тюрком, но теперь я охотно поддерживаю версию, что он был согдийцем, потомком древнего согдийского рода. Он едва не добился успеха, взяв Лоян, Чанъань (Сиань) и вынудив танского суверена в 756 г. укрыться в Сычуани. Он потерпел неудачу, потому что сын низложенного императора Су-цзун (756–762) принял отчаянное решение: обратился к уйгурам — тюркам, недавно основавшим новую степную империю (744–840). Ань Лушань был разгромлен. В 758 г. уйгуры ушли, но вернулись в 761 г., когда другой согдиец, соратник Ань Лушаня, собрался отомстить за него. Они снова вышли победителями, но с 763 г. уже не захотели уходить. Они предали грабежу. Китай, посмею сказать, привык к этому. Тем не менее они его покинули. Главным следствием их вторжения стало то, что их каган Моюн-чур встретился в Лояне с манихейскими священнослужителями, они его обратили, и он взял их с собой в Монголию. На обратном пути, в Сэврэе, он велел в честь своего обращения возвести стелу с надписью на двух языках — тюркском и согдийском.

Пострадало ли положение иранцев Китая в результате этой гражданской войны, в результате того, что узурпатор оставил по себе ужасную память? Это как будто очевидно, хотя утверждают, что большинство из них не принимало участия в восстании. Их влияние по-прежнему проявлялось вплоть до середины IX в. и прекратилось практически лишь в 842–845 гг., когда Китай запретил все иностранные религии и начал их преследовать.

ЭКСПАНСИЯ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

Ничтожная роль, какую сыграл маздеизм в Средней Азии и в Китае, куда он мог попасть в начале VI в., а может быть, в V или даже в IV в. и где о его присутствии свидетельствуют недавно найденные надписи в Лояне, Чанъани и Кайфэне, не может не смущать, особенно если допустить, что Заратуштра родился в Хорезме, и учесть, какое отчаянное сопротивление маздеисты Согдианы оказали исламу. Тем не менее факт, что обилие буддийских, манихейских и христианских текстов в Согдиане контрастирует с полным отсутствием маздеистских и что согдийская иконография знакомит с множеством местных божеств, возможно, отчасти перенятых в Месопотамии, если столько раз изображалась действительно богиня Нана, а также, вероятно, в Индии, как четверорукие женщины с символами луны и солнца в руках — в них явно ощутимо индийское влияние, но они не имеют никаких прямых индийских прообразов. Правда, в маздеизме не было сильных иконографических традиций, и, соперничая с образами, какие предлагали другие религии, он мог себя выразить, только заимствуя те же образы. Тем не менее довольно маловероятно, чтобы под персонажем, очень похожим на индусского Шиву, подразумевался Ахурамазда. Немало и изображений «национальных» божеств, неизвестных в других местах, как терракотовые статуэтки человека на троне, имеющем форму верблюда, — «Суй шу» называет это божество «бухарским богом», а также семейных божеств, какие в окружении коленопреклоненных и стоящих донаторов можно видеть в нишах или на алтарях многих домов Пенджикента.

Несмотря на присутствие и живучесть других религий, «Сериндию» можно было назвать «землей Будды» — до такой степени ее заполнил буддизм, и известно, какой успех он имел в Китае. Бесспорно, что какую-то роль в его распространении сыграли индийцы, и их влияние, на признаки которого в якобы маздеистских реалиях мы только указали, часто было значительным. Его выдают в Пенджикенте VIII в. изображения сцен из «Махабхараты». Путешественник Фа Сянь, проезжавший через Миран в период между 399 и 412 гг., утверждал, что население там говорит на индийском языке; тамошние росписи испытали сильное влияние Гандхары. Но и иранцы сыграли в этих землях почти столь же важную роль, как индийцы.

Крупнейшей фигурой зарождавшегося китайского буддизма был Ань Шигао, парфянин, в котором некоторые видят скорей согдийца из Бухары, прибывшего в 148 г. в Лоян, столицу Китая, в обществе

соплеменника, известного прежде всего по своему прозвищу — «Аршакид, сведущий в тайнах». Через сто лет, в 247 г., в Нанкине высадился потомок древнего согдийского рода, долго живший в Индии, а потом переселившийся в Тонкин: развив колоссальную активность, он стал главным проводником буддизма в Южном Китае. Почти в ту же эпоху юэчж по имени Да-Фу, семья которого осталась в Ганьсу, в свою очередь показал себя неутомимым и талантливым переводчиком текстов. Конечно, история сохранила или забыла имена не только этих людей. Хотан очень рано стал важным центром распространения буддизма — об этом свидетельствуют и обилие переводов индийских текстов с V по VII в., и большое число путешественников, направлявшихся туда как в паломничество к истокам. Именно так поступили один человек из Хэнаня около 260 г. или миссия, отправленная императрицей У в 695 г., чтобы нанять знаменитого переводчика.

Мы ничего не знаем о иудейских общинах, несомненно, селившихся в Центральной Азии с начала христианской эры, и об их присутствии свидетельствуют всего две рукописи — письмо VIII в. на еврейско-персидском языке из Дандан-Уйлыка (Хотан) и молитва IX в. на древнееврейском языке из Дуньхуана.

Несторианское христианство проникло в Систан, Бактрию, Арию и Маргиану в V в. В него частично обратились в 498 г. эфталиты и в 549 г. попросили католика о создании епископства. Тем не менее его главным центром остался город Мерв, и именно оттуда оно распространилось в Согдиану, где в VIII в. в любом случае имелось епископство, в Хорезм, где в конце IX в. стало преобладающей религией, и к тюркским кочевникам долины Чу. О его положении в оазисах Тарима в ранние эпохи почти ничего не известно, и только во времена уйгуров появились свидетельства его процветания в виде текстов или произведений искусства, таких, как фреска «Вербное воскресенье» (IX в., Берлинский музей) из Ходжо, но миссионеры, пытавшиеся нести Евангелие в Китай, выезжали из Тарима. Зато появление христианства в Китае хорошо известно по знаменитой стеле в Сиане, датируемой 781 г. Вслед за кратким изложением догмы на ней описана история несторианства с момента, когда его принес в Китай в 635 г. Алобэнь (Авраам) и когда в 638 г. была заложена первая церковь, до самой даты составления надписи: оно просуществовало пару веков и исчезло в ходе преследований IX в. Надпись на стеле сделал некий Адам, по-китайски Цзин-цзин, принадлежавший, видимо, к числу самых активных миссионеров, коль скоро «Гимн Святой Троице», найденный в Дуньхуане,

перевод с сирийского на китайский (VIII–IX вв.), завершается перечнем пятидесяти пяти его работ (если только это не работы его тезки).

Восточное манихейство имеет намного более запутанную историю. Очень рано укоренившееся в Согдиане, оно достигло Тарима, а от туда — Китая. Предание утверждает, что в Китай его принес в 719 г. посол, прибывший в Чаньань, но один турфанский фрагмент текста позволяет предположить, что оно попало туда в 675 г., а в 694 г. отмечен приезд еще одного миссионера. В 731 г. по императорскому повелению один манихейский епископ составил «Краткое изложение основ религии Будды света», текст которого найден в Дуньхуане. Это нечто вроде компендия, который должен был познакомить власти с этой очень подозрительной религией, и, ловко смешав иранские и китайские традиции, сумел представить ее с лучшей стороны, в результате чего в 739 г. манихейство получило грамоту, предоставившую ему относительную свободу. После этого оно добилось успеха, какого не ожидали, — несомненно потому, что использовало очень простой язык, обходившийся без всякого философского и научного жаргона, который был тогда принят в персидских текстах. Действительно, в ходе этого активного вторжения, о котором мы говорили, миссионеры познакомили с манихейством уйгуров, убедили их и добились, чтобы те приняли эту веру. С тех пор ее судьба оказалась связана с судьбой этого народа, который стал ее поборником и провозглашал своих суверенов «эманациями Мани» (поздняя рукопись из Турфана). Вероятно, чтобы приблизиться к истокам манихейства, уйгуры и основали первые колонии в Тариме и в Джунгарии, в Турфане, Карашаре, в других местах, — этот факт был чреват последствиями, поскольку, когда уйгуры в 840 г. потеряли степную империю, они массами направились колонизовать Таримский бассейн, и благодаря им там еще долго процветало манихейство.

ИСКУССТВО ОАЗИСОВ

Судя по художественной продукции, цивилизация оазисов достигла вершины в VIII в. Скажем так: мы лучше всего способны воспринимать искусство того периода. Как в Западном, так и в Восточном Туркестане к нему относились в первую очередь восхитительная живопись, а после нее скульптура, но при всей их славе мы не должны забывать о произведениях прикладного искусства: мелких позолоченных бронзах, прекрасных деревянных ларцах-реликвариях, которые могли быть украшены листками золота (Куча, Кызыл), кувшинах и вазах (Хотан, Тумшук), а также о многочисленных погребальных урнах.

В Согдиане живопись найдена на нескольких памятниках, главные из которых — Варахша, древняя Бухара VI–VII вв., Афрасиаб (Самарканд) и прежде всего Пенджикент, городок, основанный в V в., который опустошили и разрушили арабы, где меньшая часть произведений искусства датируется VI в., а большая — VII–VIII вв.

В Пенджикенте наряду с царским дворцом и храмами обнаружили дома, почти все из которых — настоящие музеи. Фрески, помимо религиозных сцен, содержат много светских сюжетов, написанных красной и железной охрой, а также черной краской на лазурном фоне или на пурпурно-красном, редкостно изысканном. У персонажей длинные шеи, красивый разрез глаз, тяжелые веки, скользкий взгляд. Изображения животных полны жизни, свежести, непосредственности. Часто это иллюстрации к индийским басням, сюжеты которых переняли Эзоп и Европа: «Ворона и лисица», «Курица (гусыня), которая несла золотые яйца»... Царский дворец в Бухаре дал несколько жалких работ, найденных в городе, в том числе большую композицию, изображающую двух львов, которые нападают на слона. На великолепных фресках, обнаруженных в Самарканде, с которыми сочетаются согдийские и кушанские надписи, — люди двух типов, отличающиеся цветом кожи, которая имеет то красный, то белый оттенок. На одной из самых красивых картин — белые гуси или лебеди, в изображении которых автор постарался поточней воссоздать натуру. Этот сюжет входит в цикл легенд или мифов о «Лебедином озере», циркулировавший по всей Евразии до самых времен Чайковского.

Восточный Туркестан предоставляет в этом плане намного более богатый и разнообразный материал, чем Согдиана. Археологические памятники здесь многочисленны и в целом хорошо известны: это гроты в скалах, нависающих над рекой, как столь знаменитые гроты Дуньхуана в Ганьсу, а также строения под открытым небом и кладбища. Специалисты выделяют здесь несколько школ, довольно разных, но непосвященный почти не заметит их различий, увидев прежде всего несколько назойливое присутствие буддизма. Каких только влияний здесь не обнаруживается: влияние Индии, неизменное, хотя оно может быть выражено сильнее или слабей; влияние сасанидского Ирана и, в большей или меньшей мере через его посредство, влияние эллинизма, особенно осязаемое в первые века нашей эры; влияние Рима, подчеркнутое тем, что в Миране работал художник по имени Тит — римлянин или римский метис; влияние Китая, поначалу скромное, но постоянно возрасставшее после прихода династии Тан к власти и после китайской оккупации.

На кладбище в Астане, в области Турфана, относительно позднем (VII–IX вв.), пусть даже отдельные могилы датируются IV в., найден исключительный набор сокровищ: привозные изделия из разных стран, живопись на шелке и рисунки на бумаге, ткани, статуэтки и несколько произведений круглой скульптуры — кони с очень маленькими головами и массивными телами, характерные для мусульманской иранской миниатюры.

Куча с ее двумя большими памятниками, Кызылом и Кумтурой (где особо чувствуется китайское влияние), и еще несколькими менее значительными доминировала во всем таримском искусстве и воздействовала на него — в Шорчуке, например, и в Карашаре искусство имело кучанские черты, хотя статуэтки статичней, а живопись испытала влияние китайской.

Пещеры Кызыла, с V в. и приблизительно до 750 г. обитаемые, впечатляют гармоничным сочетанием форм и красок, разве что в последние десятилетия слегка испорченным из-за китайского влияния, столкнувшегося с местными традициями и не сумевшего заменить их новыми. Присутствие сасанидского искусства здесь можно опознать по тысяче признаков, хотя бы по изображениям развевающихся лент. Явно ощутим вкус к повествовательности: художник с удовольствием воспроизводил эпизоды из жизни Будды и иллюстрировал *джатаки*. Моделировка здесь отчетливая, колорит сдержанный, использование рассеянного света и моделирующих теней придает очень изящным персонажам успокаивающую безмятежность и скрытую чувственность. Здесь изображены как религиозные, так и светские сцены, сражения, донаторы — мужчины и женщины, и эти сцены больше говорят о жизни двора, чем о жизни монастырей. Многочисленные женщины затянуты в короткие жакеты, а их груди совершенно бесстыдно открыты. Танец царицы Чандрапрабхи опять же напоминает изображения обнаженных женщин в Аджанте, выявляя в этих произведениях, столь иранских по духу, присутствие мощного индийского течения.

Произведения искусства из Тумшука, трудно поддающиеся датировке, относятся, видимо, к IV–VI вв. От всех строений, которые, надо полагать, были колоссальными, в мрачной гряде земли сохранилась только многочисленная круглая скульптура — статуи, довольно маленькие, но, возможно, самые прекрасные во всей Центральной Азии, и несколько фрагментов фресок.

Было бы нелепо утверждать, что без цивилизации восточного иранского мира не существовало бы ни исламского искусства, ни исламской цивилизации. Зато отнюдь не нелепо предполагать, что они были бы

совсем другими. Об этом свидетельствует всё. Что я говорю? Всё об этом буквально вопиет. Достаточно лишь сравнить фрески из оазисов и живопись багдадской, так называемой арабской школы (XIII в.), чтобы в этом убедиться. Достаточно лишь прочесть Фирдоуси...

Несомненно, придется еще очень долго ждать, чтобы мир воздал древнему Ирану должное за всё, чем ему обязан.

ГЛАВА X

ИРАН ПОД АРАБСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

Ни одна религия, которой предстояло стать мировой, ни христианство, ни буддизм, ни другие не добивались признания с такой скоростью, как ислам. Ни один язык не получил международного признания так быстро, как арабский. Ни одна цивилизация не сформировалась за такое короткое время, как исламская. Немногим более чем через сто лет после хиджры (622 г.), года переселения пророка Мухаммада в Медину, года, от которого отсчитывается мусульманская эра, арабы, вышедшие из своих пустынь, были уже в сердце Западной Европы — в Пуатье, где их в 732 г. остановил Карл Мартелл, и в сердце Центральной Азии — на реке Талас, где в 751 г. разгромили китайцев. Немногим более чем через двести лет после той же исходной даты мусульманскую цивилизацию можно было считать полностью сформировавшейся, и она сверкала полным блеском. Конечно, к тому времени не все покоренные народы уже обратились в ислам, и понадобится еще многое, чтобы они это сделали, и всегда будут оставаться отдельные группы, упорно придерживающиеся веры предков. Конечно, язык завоевателей усвоили не повсюду, например, его не переняли в Берберии, и он только на время будет признан в Иране, который в конечном счете откажется от него. Конечно, их культура еще будет развиваться и менять направление. Но главное уже произошло. Этот поразительный успех в какой-то степени может быть объяснен пороками или ошибками тех, кто мог бы ему помешать, в первую очередь византийцев и Сасанидов. Те и другие, как мы видели, истощили себя в нескончаемых сражениях. Те и другие установили деспотическую власть, душили подданных налогами, почти не предоставляли им свободы вероисповедания, и армии, во многом состоявшие из наемников, служили им плохо... Однако прежде всего этот успех — заслуга самих арабов, издавна привычных биться меж собой

и отныне объединившихся, вдохновляемых уверенностью, что война, которую им предстоит вести, не только фантастически обогатит их, но будет еще и священной, станет лучшим делом, какое они могли бы совершить, а если они погибнут, отворит им врата рая. Этот успех связан с тем, что арабы повсюду выступали как освободители, как «защитники» прежде всего христиан и иудеев, потом маздеистов, а может быть, и с тем, что религиозное, политическое и социальное они воспринимали как нерасторжимое целое, создавая монолитную цивилизацию. Наконец, он связан с восхищением, какое вызывал столь великолепный инструмент, как арабский язык, побудивший великого Бируни, вообще-то приверженного иранским традициям и часто сурового к завоевателям, сказать: «Я бы предпочел, чтобы меня порицали на арабском языке, чем хвалили на персидском».

Это гигантское строение было не лишено парадоксов. Зарождавшаяся цивилизация была мощной и оригинальной, непохожей на все известные и по-настоящему арабской, но в тоже время она во многом складывалась из заимствованных элементов и созидалась людьми, которые не были арабами. Если поначалу свой вклад вносили прежде всего сиро-византийцы, то очень скоро их сменили иранцы. Иран даст арабам науку — свою и науку Греции, Месопотамии, Индии; классическую философию; свою административную организацию; свой церемониал, свою утонченность, часто свой образ мыслей. Он станет создателем их литературы, как прозаической, так и поэтической. Он будет вмешиваться во всё, что могло бы казаться сферой, закрытой для посторонних, например, в религиозные дела, собирая и публикуя предания, связанные с Пророком, навязывая культ святых, безудержно предаваясь мистике, влияя на некоторые представления шиизма. Разумеется, это далеко не всё.

Происходило два одновременных и внешне противоположных процесса: иранизации арабов или, если угодно, ислама противостояла арабизация Ирана, заговорившего по-арабски и усвоившего религию арабов, столь далекую от его тысячелетнего маздеизма. Нужно еще напомнить, что после долгого упадка возродился иранский язык, чтобы произвести на свет такие шедевры, на какие он не был способен в древности или какие до нас не дошли, и что этот феномен уникален: повсюду, где господствовали арабы, даже на землях самых древних и самых блистательных цивилизаций (опять-таки за исключением Берберии), национальные языки утратились — Сирия, Египет, Тунис, Ирак стали не просто арабоязычными, но «арабскими» странами. Иран, исламизировавшийся несомненно быстрее и полней, чем любая другая страна,

остался или, скорей, снова стал ираноязычным. Иран всегда был и поныне остается Ираном.

АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Когда восстания, вспыхнувшие после смерти Пророка в 632 г., были подавлены, Абу Бакр, его преемник в качестве главы мусульманской общины (*уммы*) — халифа, послал арабские племена за пределы Аравии. Сначала они добились успеха на юго-западе Ирака, населенном арабами, которые переселились туда в III в. и основали под сасанидским сюзеренитетом государство Лахмидов, — в 633 г. его столица Хира изъявила покорность. Потом они столкнулись с иранскими войсками. Омар, второй халиф, сначала потерпев поражение, быстро выправил ситуацию (битва при ал-Бувайбе, 635) и разгромил в 636 г. двадцатитысячную сасанидскую армию при Қадисии, на рукаве Евфрата, близ Наджафа, что позволило ему в 637 г. вступить в Ктесифон. Падение столицы Ирана, соперницы Константинополя, всего через шестнадцать лет после рождения ислама казалось победителям чудом и опьяняло их. Кстати, оно передало в их руки Месопотамию и позволило занять Ахваз. Далее арабы двинулись на Хамадан и еще раз победили персов при Нехавенде в 642 г., одержав то, что они назовут «Победой побед», *Фатх ал-Футух*. Царь царей Йездигерд бежал. Он отступил за горы Загрос, в Исфахан, в Истахр близ Персеполя, потом в Хорасан, где в 651–652 г. был убит одним сатрапом: казалось, вновь происходит авантюра Александра! Пероз, наследник Йездигерда, в 674 г. укрылся в Китае. Арабам осталось только оккупировать страну. Они делали это медленно, завоевывая крепость за крепостью.

В 651 г. они вступили в Герат, в 652 г. — в Бактры. Они появились на берегах Окса. Они достигли Инда. Остановятся ли они? Но сопротивление тех, на кого они нападали, усиливалось. Боевой дух наступавших снижался. Ведь арабы боролись и на других направлениях — против Византии, в Египте, в Магрибе, а вскоре, с 711 г., и в Испании. К тому же они уже не были едины и не замедлили передрасться. Старое племенное соперничество возродилось в то же время, когда и извечная вражда между северянами и йеменитами. И на всё это наложился еще один конфликт, еще худший, который был порожден, возможно, тем же самым озлоблением, но приобрел политический, идеологический, религиозный характер и раскол мусульман, разведя их по непримиримым лагерям.

Четыре первых халифа были избраны. Абу Бакра (632–634) сменили Омар (634–644), убитый персом-рабом, потом Осман (644–656), убитый на сей раз соплеменником, и, наконец, Али (656–661), кузен и зять Пророка, отец всех его внуков. По мнению многих, Али был трижды обойден при наследовании, которое по всей справедливости полагалось ему. И вот теперь, когда он наконец был избран, Муавия, наместник Дамаска и представитель могущественного семейства Омейядов, не признал его, провозгласил халифом себя и дал ему сражение. Бой произошел в 657 г. на равнине при Сиффине. Али был уже недалек от победы, когда участники боя с некоторым запозданием сообразили, что такая братоубийственная борьба возмутительна и что надо сложить оружие и обсудить конфликт. Приступили к переговорам. Муавия одержал верх. Некоторые этого не признали. Они отделились. Это были первые схизматики в истории ислама. Их назвали хариджитами — «теми, кто ушел». Они станут врагами всем, включая Али, слугами которого они себя называли и который был вынужден сражаться с ними, в 658 г. победил их и был убит в 661 г. по их наущению. Тогда, на заре ислама, убивали много. Убийство трех из четырех первых халифов дает об этом недостаточно представления — были и другие убийства.

Все, кто отказался поддержать назначенного халифа и его династию, образовали политическую партию — *шиит*, партию Али, *шиит Али*, которую мы назовем шиитской; она всегда будет утверждать, что руководство мусульманской общиной, *уммой*, должно принадлежать только потомкам Мухаммада, его внукам Хасану и Хусейну, а потом тем, кто родится от них. Только их она будет признавать вождями. Она назовет их предводителями — *имамами*. *Шиит Али*, шиизм, из политической партии очень скоро превратился в религиозную доктрину.

ОМЕЙЯДЫ

Итак, Муавия, став единственным халифом, основал в Дамаске наследственную династию Омейядов. Шииты некоторое время выжидали, потом перешли к действиям. Хасан умер. Оставался Хусейн. В 680 г. под Кербелой Хусейн был убит в бою с войсками халифа Язида. Надо должным образом оценить, что представляла собой эта трагедия, до какой степени она могла потрясти сердца. Как можно было представить себе, чтобы преемник Мухаммада, даже случайно, против воли, погубил внука Мухаммада? Шииты до сих пор ежегодно поминают это событие в день великого траура, называемый *ашура*. Больше ничто и никогда не сможет примирить обе соперничающие фракции: тех, кто принимает

историю такой, какая она есть, кто придерживается традиции, — суннитов и тех, кто ее отвергает, — шиитов.

Омейядская власть очень скоро стала выглядеть полной противоположностью власти выборных халифов, и режим вполне обоснованно обвиняли в том, что он становится монархией. Наследный суверен начал отгораживаться от подданных стенами дворца и окружать себя настоящим придворным церемониалом. Халифы, поначалу использовавшие греческий язык и прежний административный персонал и полвека ничего не менявшие, наконец, пожелали арабизировать свою администрацию. Абд ал-Валид (692–705) и Валид II (705–715) решили, что книги записей и официальная переписка отныне должны вестись по-арабски. Чтобы получить официальную должность или просто-напросто сохранить ее, стало необходимо выучить этот язык. Чиновники с этим смирились, и правящие классы не замедлили арабизироваться.

Омар оставил земли прежним владельцам, и только те земли, которые по какой-либо причине оказались покинуты, были перераспределены между солдатами и теми, кто ему служил. Но всех немусульман обложили тяжелыми налогами. В качестве «людей Книги», то есть тех, кто может похвастаться полученным божественным откровением, они, конечно, пользовались статусом *зиммиев*, «покровительствуемых», но платили за это согласием занимать приниженное положение и были обязаны выплачивать подушную подать (*джизью*) и поземельный налог (*харадж*). Они могли выйти из этого положения, только обратившись в ислам и став *мауля*, «клиентами» мусульман, то есть арабов, что в принципе, но не всегда на практике давало им полное равенство с последними. Для этого они должны были войти в состав бедуинского племени, ведь у арабов сохранялась родоплеменная система, даже в городах. Поскольку одно компенсировало другое, исламизация шла в быстром темпе. Но исламизировалось население или нет, в любом случае оно слишком часто было беззащитным против произвола и деспотизма наместников, тем более алчных, что они боялись — надолго им свои посты не сохранить. В частности, от этой ситуации очень страдал иранский мир, поскольку те, кто представлял там центральную власть, слишком часто оказывались негодьями. Иран был разделен на четыре больших провинции, причем Фарс и Хузистан с одной стороны, Мидия — с другой подчинялись двум большим городам-лагерям, основанным арабами в Ираке, — Басре и Куфе. Только территории на побережье Каспийского моря, заслоняемые горной цепью Эльбурс, во многом избежали оккупации, сохранили частичную самостоятель-

ность, и немало гонимых находило там убежище. Там возникнут очаги шиизма.

АББАСИДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Омейяды сумели восстановить против себя почти всех — не только хариджитов и шиитов, но и всю близкую или дальнюю родню Пророка, особенно потомков Аббаса, его дяди по отцу, а также всех арабов, по-прежнему склонных к простой и без излишеств жизни предков, всех, кто был недоволен созданием монархии, эллинизацией общества, всех новообращенных, которые, став «клиентами», должны были бы пользоваться равными правами со всеми мусульманами, а на самом деле воспринимались как слуги, как низшие, и, конечно, всех побежденных, не смирившихся с поражением. Общим недовольством умело пользовались потомки Аббаса — Аббасиды. Они повсюду заявляли, что спасение невозможно без родственников Мухаммада, каковыми они считали себя, тогда как шииты полагали, что речь должна идти о потомках Мухаммада и мученически убитом Хусейне. Аббасиды посылали эмиссаров во все концы империи и прежде всего в Хорасан — провинцию, достаточно удаленную от столицы, чтобы не слишком испытывать ее влияние, и населенную всевозможными противниками властей: йеменитами, шиитами, маздеистами, манихеями, христианами и просто националистами. В 738 г. один христианин из Хиры по имени Хидаш был обвинен как аббасидский агент, арестован и казнен.

С другой стороны, арабские войска в Трансоксании [Мавераннахре] не могли добиться успехов, к каким привыкли. Несомненно, они очень рано начали набеги за Окс, стали осаждать укрепления или города. Во время осады Самарканда под стенами этого города пал кузен Пророка — Кусам ибн Аббас, мавзолеем которого все еще почитается; рядом с этим мавзолеем возведен чудесный некрополь Живого Царя (Шахи-Зинда). Независимо от того, брали крепости приступом или же их население соглашалось платить дань, через недолгое время эти города опять вели себя как независимые, отбивали новые нападения, призывали на помощь тюрков, молили о вмешательстве китайцев. Назначение в 705 г. Кутайбы ибн Муслима на пост верховного наместника Хорасана, казалось, гарантировало арабам победу. Вся Согдиана была оккупирована, Сырдарья форсирована, в 714 г. взяты Ташкент и, возможно, Кашгар (в отношении последнего вопрос спорный). Кутайба был человеком незаурядным, но при этом грубым, жестоким, кровожадным, он совершал или допускал всевозможные бесчинства, память о которых на века сохра-

нилась в народных или ученых рассказах. Великий Бируни сообщает, что арабский наместник велел перебить всех хорезмийцев, знакомых с национальной письменностью и их историческими текстами, чтобы истребить память об их культуре. Разумеется, Кутайбу ненавидели. В 715 г. он был убит. Его кончина погрузила Среднюю Азию в некое подобие хаоса. Фергана и бассейн Сырдарьи освободились от арабской власти; почти повсюду начали убивать арабов или изгонять их, когда те не поддавались на угрозы и не хотели уходить сами. Вероятно, все эти беспорядки и имеют в виду мусульманские источники, говоря о великом поражении 715–720 гг., которое невозможно истолковать иначе.

В последующие десятилетия ситуация в Восточном Иране ухудшилась еще больше. Тюрки, тугю, устроили набег на Согдиану в 730 или 731 г., а потом еще раз в 733 г. Начался голод. Йемениты, особо многочисленные в Маргиане, вступали в вооруженные конфликты с северными арабами. И в 734 г. согдиец Харис ибн Суреидж поднял восстание. Наср, наместник Хорасана и Трансоксании, не нашел иного решения, кроме как предложить должность этому мятежнику, который, похоже, как минимум имел крепкую хватку. Харис надменно отказался: тем, что хотели преподнести ему в дар, он желал был обязанным только себе. Он пошел на Мерв, вынудил Насра бежать, погнался за ним в направлении Нишапура, но по дороге умер. Наср вернулся в свою столицу. Однако порядок отнюдь не восстановился.

А тем временем, 9 июня 747 г., появился Абу Муслим под черными знаменами рода Аббаса и стал лагерем под Мервом. Его встретили восторженно. Хотя он был еще совсем молод, он уже пользовался доброй славой. О нем шла молва. Он имел дар направлять всякое недовольство в нужном направлении. Он смотрел на вещи широко и никому не закрывал доступ в свою клиентелу. Он заявлял, что принадлежность к той или иной религии имеет мало значения, потому что «важно лишь одно — благородство человека». И поэтому он получил поддержку со стороны шиитов, хариджитов, маздеистов, маздакитов — как ни странно, оказывается, они были еще очень активны, — христиан и иудеев, причем последние были состоятельными, влиятельными и явно сыграли в революции важную роль, судя по памяти, какую оставил по себе один из них, Махияр, всецело преданный ему.

Абу Муслим, которого превознесла легенда, был фигурой странной, и до конца понять эту личность трудно. Он родился в Исфакане в 718 или 719 г., его родители были хорасанцами родом из Махана, незначительного городка близ Мерва, городка, который тем самым был прославлен настолько, что на происхождение оттуда порой будут претендовать

великие сельджукские и османские монархи. Видимо, его семья была маздеистской, причем ее маздеизм был смешан с манихейством и исламом, либо недавно обращенной.

Семь месяцев Абу Муслим оставался в лагере и, казалось, бездействовал. Но к нему валили толпы, из него делали кумира. Внезапно в январе 748 г., как говорят, со ста тысячами человек, он пошел на Мерв, вступил в него, вынудил Насра бежать, отправился за ним в погоню, взял приступом Нишапур, проник в самое сердце Ирана, опрокинул армию, которую против него выслали Омейяды, и вторгся в Ирак. Халиф укрылся в Египте и был там убит вместе со всеми членами его рода, за исключением одного, который со временем основал в Испании омейядский Кордовский халифат. Смерть халифа в 750 г. положила конец правлению династии дамасских Омейядов.

МЯТЕЖНЫЙ ИРАН

К власти пришел новый царствующий дом — дом Аббасидов. Они, конечно, принадлежали к роду Пророка, потому что были потомками одного из дядьев Мухаммада, но они не были потомками последнего, и шииты испытали разочарование. Кроме того, победа Аббасидов понравилась далеко не всем повстанцам, ждавшим чего-то другого, чем простой смены режима, а гарантий, какие победители дали Ирану, было недостаточно, чтобы их успокоить. Поэтому, когда Абу Муслим, которого в признательность назначили верховным наместником Хорасана, вернулся в Мерв, он нашел провинцию совершенно взбудораженной. Вспыхивали восстания, приобретая всё новый масштаб. Одно произошло уже раньше, когда Абу Муслим еще не мог его сдержать, будучи всего лишь хозяином Мерва. Некий Бих Афарид (Бихафарид) проповедовал реформированный маздеизм и взбунтовал Нишапур. Он добился лишь того, что вызвал гнев ортодоксальных маздеистов, которые выдали его наместнику, и он в конечном итоге был казнен (748–749). Другое восстание произошло в год падения Омейядов, 750-й. Один шиит, Шарик ибн Шейх ал-Махри, поднял население Бухары, и Абу Муслим бросил против него все силы, взял мятежный город штурмом, предал его огню и мечу, а повстанцев, взятых с оружием в руках, повесил на городской стене. Вознегодовали ли на него из-за этих жестокостей? Ничуть. Его буквально обожали, а победа, которую вскоре одержал над китайцами его полководец Зияд ибн Салих, прибавила ему популярности.

Китайцы долго не решались ввязываться в войну с арабами. Однако их побуждали к этому иранское население и собственные успехи

в Центральной Азии, всемогущество, которым они как будто обладали. В 692 г. они отвоевали у тибетцев весь Таримский бассейн. Они сдержали натиск тугю (тюрков) и тем самым обеспечили себе с 655 г. доминирование на Иссык-Куле, в бассейне реки Или и в верховьях реки Чу. Они без конца получали призывы о помощи со стороны городов Согдианы, Бактрии, со стороны Ташкента. Они часто вмешивались в дела этих городов. После смерти Кутайбы в 715 г. они вернули на трон царя Ферганы, а Тахшада, царь Бухары, хоть и признанный арабами, принял покровительство китайцев. Главнокомандующий их войсками Гао Сяньчжи в прошлом не раз показал свой талант, но был лжив и алчен. Он считал, что достаточно устранить царя Ташкента, которого китайцы прежде осыпали почестями, чтобы унаследовать его трон. Ему не повезло в том отношении, что сын жертвы позвал на помощь, и что на его призыв откликнулись, и что те, кто откликнулся, были не самыми ничтожными: с севера — тюрки-карлуки, а с юга — арабы. В июле 751 г. китайская армия, взятая в клещи союзниками, была уничтожена при Атлахе, близ реки Талас. Битва продолжалась пять дней, и «почти все [китайские] воины погибли или пропали». Число потерь обнародовано. Оно было значительным, настолько высоким, что его было трудно принять, и, конечно, спорным. Каким бы оно ни было, Китай потерпел одно из самых страшных поражений в своей истории. Он, в прошлом властвовавший над всей Центральной Азией, был изгнан из нее на тысячу лет. Давние планы династий Хань и Тан рухнули. И надежды на реванш не было: вскоре китайцы потерпели другое поражение в Юньнани, в 754 г. там же третье, а через некоторое время погрязли в гражданской войне, вызванной в 755 г. восстанием согдийского кондотьера Ань Лушаня. Больше не могло быть и речи о вмешательстве в дела Центральной Азии. Китайцы оставили арабов и тюрков один на один.

Зияд ибн Салих, одержавший такую победу над китайцами, считал себя хозяином страны. Абу Муслим не потерпел этого. Он двинулся против него и победил его. Он был всемогущ. Аббасидским халифам, вступлению которых на престол он так способствовал, он казался слишком могущественным, и они поспешили заманить его в столицу, убить его 13 февраля 755 г. и бросить его тело в Тигр. Ему тогда было тридцать четыре года.

К любви, какую питали в народе к Абу Муслиму, добавился ореол, каким наделили его трагическая смерть, неблагодарность Аббасидов. Из героя, которым он был, он превратился в персонажа легенды — у иранцев и, что любопытно, еще в большей мере у тюрков. По всему иранскому Востоку вспыхнули так называемые «восстания из мести».

Возможно, они произошли бы в любом случае. Мечь за Абу Муслима стала предлогом. Его имя было поднято на щит. Что бы порой о них ни говорили, они стали проявлением враждебности именно к исламу — в них отразилось последнее и отчаянное сопротивление древней цивилизации, существование которой оказалось под угрозой. Небезынтересно отметить, что тогда же рождались или выросли братья тех, кто в это время погибал в борьбе с исламом, — люди, которые сделаются неотъемлемой частью исламского мира, будут преданно ему служить и сделают больше, чем просто поспособствуют обогащению исламских земель.

Едва Абу Муслим погиб, как маг Сунбад из Нишапура, его бывший министр финансов, собрался отомстить за него. Вместо того чтобы попытаться «освободить» Хорасан и сделать его самостоятельным государством, он безрассудно ринулся в Северный Иран, дошел за семьдесят дней до Хамадана, где бесславно погиб (апрель-июнь 755). Его сменил Исхак, которого прозвали Тюрком, потому что он одно время укрывался у тюрков. Он провозгласил себя наследником Заратуштры, объединил вокруг себя маздеистов, хариджитов, шиитов, но потерпел столь же плачевное поражение (755–757). Потом был Устад Сис, тоже маздеист, который собрал триста тысяч человек, захватил к 767 г. большинство городов, казалось, уже мог объединить страну, но был разбит, захвачен в плен и отправлен в Багдад, где его замучили до смерти. Далее — ал-Муканна, «скрытый под покрывалом», самый опасный из всех (776–783), человек, глубоко проникнутый иранской культурой. Он говорил, что дух Бога воплощался во всех пророках, а в конечном счете — в Абу Муслиме и в нем самом. Он заявлял, что грабежи и убийства, если это грабежи и убийства мусульман, допустимы. За два года он достиг головокружительного успеха, а потом, преследуемый, загнанный в угол, укрылся в горах близ Шахрисабза, где, чтобы не сдаваться, предпочел вместе с соратниками броситься в пылающий костер. Говорят, с его гибелью закончились великие мятежи «сподвижников Абу Муслима». Возможно, но восстания продолжались... Были и другие, намного позже: мятеж внука Насра, бывшего наместника Хорасана, который захватил Самарканд и потерпел поражение в 806 г.; восстание Бабека, который называл себя потомком Абу Муслима и четверть века в Азербайджане держался против халифов ал-Мамуна и ал-Мутасима, вступил в союз с византийцами и, наконец, в 838 г. был казнен. В 861–883 г. на юге Ирака произошло также знаменитое восстание «черных рабов», зинджей, неимущих работников на солончаках, которое возглавил перс Али ибн Мухаммад. Они тоже потерпели поражение, как и прочие.

Эти поражения могут удивить. Возможно, они были неизбежны, потому что повстанцев ничто не объединяло, потому что каждый из них преследовал свои цели.

АББАСИДЫ

Поскольку Сирия в целом сохраняла верность Омейядам, поскольку победой новые суверены во многом были обязаны иранцам, Аббасиды не пожелали оставлять своей столицей Дамаск. Сначала они поселились в Куфе, потом в Анбаре на севере Ирака, и, наконец, ал-Мансур (754–775), второй халиф, решил основать новый город недалеко от Ктесифона, недалеко от Вавилона, на берегах Тигра в том месте, где эта река ближе всего подходит к Евфрату, и основал Багдад. Это был не просто город, занимавший хорошее стратегическое положение. Это был настоящий символ — символ непреходящего характера или возрождения Персидской империи, и чтобы сделать это наглядней, халифы сразу же поставили во главе своей администрации персидский род — Бармакидов и окружили себя многочисленным иранским персоналом. Разве не прав был ал-Джахиз, называя империю Омейядов «арабской», а империю Аббасидов — «персидской» (*аджеми*) или «хорасанской»?

Багдад халифа ал-Мансура, город, который не сохранился, был построен за четыре года (758–762) по архаическому круглому плану, какой был знаком еще парфянскому Ирану. Кольцом, имеющим диаметр 2300 м, его окружала двойная стена с четырьмя воротами, увенчанными купольными башнями. В центре города располагалась мечеть, квадратная в плане, к которой примыкал дворец с монументальным портиком, называемым Золотыми воротами, с *айваном* и купольным залом, созданный, возможно, по образцу тоже исчезнувшего дворца (Дар ал-Имара), который Абу Муслим построил в Мерве, и основную часть дворца составляло главное здание с куполом высотой 25 м и четырьмя большими *айванами*, выходящими на четыре квадратных двора.

Ас-Саффах, первый халиф (750–754), наследником ал-Мансура назначил своего кузена Ису ибн Мусу, сделав его наместником Хорасана. Однако позже выбор пал на ал-Махди (775–785). Иса отказался от своих прав, потерял пост наместника и, если принять версию К. А. К. Крессвелла, поселился в большом орошаемом поместье приблизительно в 80 км к востоку от Куфы — в замке Ухайдир, единственном «пустынном» аббасидском дворце, отчасти похожем на дворцы Омейядов в Сирии. Это здание размерами 173 на 169 м, обнесенное мощной стеной с цилиндрическими контрфорсами, обрамляющими две больших

глухих ниши, здание, где выход из залов ведет в *айван*, — один из прекрасных и редких памятников аббасидской архитектуры.

Империя достигла вершины славы при Харуне ар-Рашиде, который родился в Рее в 766 г., взошел на трон в 786 г. и умер в Тусе в 809 г. во время одной кампании на востоке. Его слава, возможно, отчасти преувеличенная, скорее объяснима тем, что он стал героем феерии «Тысяча и одна ночь», его отношениями с Карлом Великим и процветанием царства в то время, чем его собственными заслугами. Он оставил двух сыновей, начавших меж собой войну, — ал-Мамуна и ал-Амина. Ал-Мамун был наместником Хорасана и назначил преемником ар-Ризу, седьмого имама шиитов, несомненно ради того, чтобы покончить со скандальным расколом мусульман. При поддержке иранцев, то есть при помощи сильной армии, которой располагал Тахир в городе Рей, он после десяти лет трудной борьбы одержал верх над братом. Ал-Амин был убит, как, несомненно, и имам ар-Риза в 818 г., хотя уверяли, что последний скончался от того, что объелся виноградом. Ар-Риза был похоронен рядом с Харун ар-Рашидом, а позже его мавзолеей стал «местом мученической гибели», великим святилищем — Мешхедом. Через два года его сестра Фатима, ехавшая навестить могилу, слегла от болезни в Сафе, велела перевезти себя в Кум — город, основанный около 750 г., один из редких шиитских центров Ирана, — и там умерла. Ее почитают почти так же, как ар-Ризу. Убийство ар-Ризы вслед за убийствами Али и Хусейна предвещало новые убийства, и для шиитских имамов стало зловещим правилом принимать «мученическую» смерть: девятого имама убила в 835 г. жена, дочь ал-Мамуна, десятый погиб в 868 г. в Самарре, одиннадцатый был убит в 874 г. по указанию халифа.

Ал-Мамун вступил в Багдад в 819 г. Поскольку он был многим обязан Тахиру, то сделал его в 820 г. наместником Хорасана, а когда тот через год умер, назначил на этот же пост его сына. К власти пришла первая иранская династия, формально находившаяся в вассальной зависимости, фактически же пользовавшаяся широкой автономией. Она послужит примером для многих других. Ее приход предвещал пробуждение Ирана.

Ал-Мамун поддержал мутазилизм — сложную доктрину, учившую, что Коран — вовсе не вечное слово Бога, а творение рук человеческих. Багдаду доктрина не понравилась. Еще хуже Багдад отнесся к присутствию тюркских наемников, все более многочисленных. Ал-Мутасим (833–842), брат и преемник ал-Мамуна, понял, какую выгоду может извлечь, располагая гвардией, которая будет зависеть только от него, и купил четыре тысячи мамлюков, «белых рабов». Вскоре их

стало семьдесят тысяч. Еретическое учение и огромное чужеземное войско — для багдадцев это было чересчур. Халифу пришлось покинуть столицу. В 836 г. он основал новую, Самарру, которая оставалась таковой до 892 г., когда халифы вернулись в Багдад. Погребенные под песками, в Самарре сохранились главные из известных нам памятников аббасидского искусства, скажем так — мусульманского иранского искусства IX в.: высокий спиральный минарет Мальвия, подражание месопотамским зиккуратам; руины роскошных дворцов, стены которых были выложены штукатуркой, покрытым великолепной «наклонной резьбой» с крупным рисунком; почти полностью уничтоженные войнами XX в. стенные фрески, отзвук которых можно усмотреть в изображениях на потолке Палатинской капеллы (середина XII в.) в Палермо; мавзолей Куббат ас-Сулайбия халифа ал-Мунтасира, умершего в 862 г., возведенный то ли по воле его матери-христианки, то ли по желанию высших тюркских военачальников, привыкших к траурным юртам. Его архитектор, не мудрствуя лукаво, воспользовался планом иерусалимского Купола Скалы 691 г., и он стал первым мавзолеем мусульманского мира, а следовательно, предшественником всех прекрасных мавзолеев, какие построят позже.

Начало упадка Аббасидов обычно относят к царствованию ал-Мутаваккила (847–861), и тем не менее оно было блестящим, отмеченным насыщенной интеллектуальной и художественной жизнью. Правда, тогда дал о себе знать некоторый фанатизм, проявившийся не столько в разрыве с мутазилизмом, в суровых указах о сегрегации христиан и иудеев, сколько в гонениях на шиитов — в 851 г. был даже разрушен мавзолей Хусейна в Кербеле. Но причиной непоправимого ослабления халифской власти было то обстоятельство, что всё более важное место стали занимать тюркские мамлюки, которые вскоре начали позволять себе многое. Когда они убили своего повелителя, чтобы посадить на трон одного из его сыновей, страна впала в анархию. Ал-Мутамид, один из сыновей покойного, в 892 г. вернулся в Багдад. В 945 г. город не замедлило захватить иранское шиитское семейство Буидов. Оно сохранило халифат, но халиф уже не имел власти. Якобы для ее восстановления сельджуки век спустя провозгласят себя его «клиентами» и в свою очередь вступят в Багдад.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИМПЕРИИ

Воцарение Аббасидов лишь укрепило то, что зародилось при Омейядах, — строго монархическую систему с двором, где образ жизни определяли строгий этикет, роскошь царствующей фамилии, демонстративная пышность, поиски удовольствия, обилие слуг и наложниц. Число обитательниц гарема непрерывно росло. Утверждают, что у Харуна ар-Рашида (786–809) было двести жен, а у ал-Мутаваккила (847–861) — двенадцать тысяч. Но то, что некогда было подражанием Византии, стало подражанием Ирану. Возникло движение, оформившее иранскую реакцию на арабскую культуру — *шуубия*, названное Клодом Каэном «движением благородных». Оно достигло высшей точки при Харуне ар-Рашиде. Утонченные, иранизированные арабы, отвернувшиеся от собственной бедуинской культуры, противопоставили себя другим арабам, часто тоже принадлежавшим к социальной элите, что сохраняла приверженность традициям. Великий писатель ал-Джахиз (ум. 868) выступал как сторонник последних, а также за то, «чтобы сохранить связи Персии с традиционными структурами арабского общества и арабского менталитета» (Андре Микель). Его позиция имела лишь ограниченный успех. Иранцы хранили память о своем прошлом и гордились им: «Мы приходим от народа, который превосходил все остальные», — заявил поэт Исмаил ибн Ясар омейядскому халифу Хишаму (724–743); опрометчивость поэта стала для него роковой. Итак, новая династия хотела представить себя наследницей Сасанидов, в которых видела безупречный образец монархов, и стала систематически копировать их придворные обычаи, демонстрируя, что она не менее роскошна. Она была ослепительна. Следовало ожидать панегириков, восторженных описаний хозяев дворца и его гостей. Каких только выражений не использовал, например, великий арабский поэт Абу Нувас для описания драгоценной посуды в сасанидском стиле, которую он видел на царских столах! На должности высших служащих, равно как и на самые скромные, предпочитали назначать персов. Мы уже сказали: как только Аббасиды пришли к власти, они обратились к роду Бармакидов. Он происходил из Бактр, где до обращения в ислам, состоявшегося между 730 и 750 г., его представители занимали высокие должности в буддийской церкви и в городе. Он поддержал аббасидскую революцию и получил первые посты при дворе ал-Махди около 775 г., потом выходец из него стал визирем. Несколько пятилетий этот род пользовался значительной властью, пока однажды в 803 г. все его представители не были внезапно перебиты по причинам, о которых спорят, — возмож-

но, все дело было в сексуальной ревности Харуна ар-Рашида. Вместе с Бармакидами пришли все те «канцеляристы» и писцы, *куттаб*, почти исключительно иранцы, нередко маздеисты, манихеи или христиане, которые немало способствовали подъему науки, поощряя ее, а также ускоряли иранизацию двора и арабских правителей.

Арабы заимствовали в Иране не только этикет, стиль управления, роскошь, но также образ мыслей, предрассудки, социальные и экономические традиции. Они отмечали большие иранские праздники, такие, как Новруз (Нируз) — день начала года, приходившийся на весну, день зимнего солнцестояния (Михрипан), и в конечном счете допустили существование маздеистов. Хотя положение последних нередко было трудным, они получили право исповедовать свою религию, сохранили своих священнослужителей, и со времен царствования ал-Мамуна (818–833) один высший сановник представлял их при дворе. Конечно, их численность постоянно снижалась, и при Саффаридах (869–902) отмечено, что они составляли меньшинство по отношению к мусульманам. Однако в IX–X вв. они были еще достаточно многочисленны, чтобы при надобности восставать в защиту своих прав, как в 979 г. в Ширазе. Их интеллектуальная активность была настолько высока, что тогда могли говорить о «пахлавийском возрождении». Именно тогда появились негативские версии *ясн*, появились *яшты*, «Бундахишн», а Манушчхр, глава зороастрийцев Фарса и Кермана, в IX в. издал свою знаменитую книгу «Датистан-и-Диник».

Арабы, люди пустыни, создали великую городскую цивилизацию. Багдад стал величайшим городом мира. Своим богатством и огромными размерами он, конечно, был обязан захвату большой добычи, но также развитию сельского хозяйства, ремесла и торговли. Арабы основали два больших порта — Басру в Ираке и Сираф на юге Ирана, ставший плацдармом китайского флота, — и сами сделали мореплавателями. Из своих дальних путешествий они привезли первые описания Индии и Китая. Морем перевозились те же товары, что и в древности: шелка, пряности и всё больше китайского фарфора, высоко ценившегося.

Три четверти века мусульмане не строили религиозных памятников, довольствуясь молитвой под открытым небом либо использованием тех же мест отправления культа, какие использовали христиане или маздеисты. Только в 691 г. они возвели в Иерусалиме Куббат ас-Сахр. Купол Скалы, а в 705 г. начали строительство своей первой мечети, мечети Омейядов в Дамаске, которая в подражание христианским или языческим базиликам получила три параллельных нефа и только была развернута на 90°, чтобы соответствовать требованиям культа; тем са-

мым был создан образцовый план, перенятый прежде всего в Иране, где мы находим его в единственной сохранившейся мечети того периода, Дамганской (750–786). Зато Аббасиды приступили к интенсивному строительству. Таким образом, если архитектура ислама и зародилась под сиро-византийским влиянием, она не имела сильных традиций, оставалась податливой и претерпела глубокую трансформацию в результате вклада иранцев.

ШИИЗМ

Хотя сегодня Иран — главный оплот шиизма, который является государственной религией, и хотя шиизм распространился там очень рано, не надо упускать из виду, что это арабское творение, что в Иран он был принесен арабами и, следовательно, не является проявлением мятежного духа иранцев. Но именно потому, что он, как и хариджизм, был силой, враждебной к власти, к нему примкнули и ему служили так много иранцев. Впрочем, они находили в нем черты, неведомые суннизму, но соответствовавшие их менталитету, и доктрина утаивания (*такийя*), которое он допускал и даже поощрял ради того, чтобы спасти своих сторонников от преследования, позволяла им тайно хранить древние традиции, маздеистские или другие. После смерти одиннадцатого имама в 873–874 гг. уход двенадцатого еще в детском возрасте оставил общину без главы, и шиитов настиг тяжелый духовный кризис. Тогда они разработали теорию сокрытия имама, ставшую одновременно выражением непризнания реальности и грандиозным символом веры: Бог не мог покинуть Свою общину. Ребенок не умер. Он скрылся. Он по-прежнему незримо руководит своими сторонниками. Однажды он вернется в качестве *махди*, спасителя, чтобы восстановить справедливость. Трудно сказать, повлияли ли на эту веру в скрытого имама, который должен появиться вновь в конце времен, маздеистские верования в Спасителя, или же она была принята с таким энтузиазмом именно потому, что соответствовала им. Зато не подлежит сомнению, что иранцы пытались иранизировать шиизм, в некотором роде присвоить его. Именно на землях, оставшихся иранскими, или в Месопотамии, которая была иранской прежде, находятся его главные святилища — Кербела и Наджаф в Ираке, Кум и Мешхед в Иране. Среди первых двенадцати великих вероучителей немало иранцев. Благочестивая легенда, в отношении которой неизвестно, имеет ли она отношение к реальности, которая не предрешила шиитского характера Ирана, но позволила привить шиизм к иранской

традиции, утверждает, что внук Пророка женился на дочери Йездигерда III: это якобы предложил ему Али, чтобы ее не продали тому, кто даст наибольшую цену.

НАУЧНЫЙ ПОДЪЕМ

По заказу Сасанидов была проделана огромная работа по переводу как греческих, так и индийских текстов. Произведения Гиппократы, Платона, Аристотеля, Евклида, Галена, Диоскорида и многих других были в свою очередь переведены на арабский, в основном учеными Гундишапурской школы. Так за несколько десятилетий произошла одна из самых умелых и самых удивительных передач суммы знаний в истории. Благодаря этой литературе и усвоению «технической лексики [...], разработанной иранцами» (Massignon. Valeur culturelle. 1963. P. 544), арабский язык, уже к тому времени очень богатый, сделался важнейшим научным языком в мире, а «Иран — одним из главных центров исламской цивилизации, сыгравшим центральную роль в ее создании» (Наср).

Гундаисабур, город близ Ахваза, стал культурным центром в 489 г., когда здесь поселились несториане после закрытия Эдесской школы, и научная жизнь в нем стала еще интенсивней, когда Юстиниан в 529 г. закрыл в свою очередь Афинскую школу и здесь нашли прибежище неоплатоники. Видимо, благодаря близости Хиры, столицы арабского царства Лахмидов, местное население уже познакомилось с арабским языком, довольно близким к сирийскому, на котором тогда говорили очень многие. Арабский изучали с энтузиазмом. Знать его хотели все, в первую очередь те, кто обратился в ислам и стремился усвоить Коран. Первые грамматики арабского языка писали не арабы, а иранцы, начиная с Сибавайха (ум. около 800). При Аббасидах в Гундаисабуре собралась группа ученых разного происхождения — персидского, греческого, индийского, — позже образовавших ядро научного сообщества, сложившегося в Багдаде из приглашенных туда ученых, когда ал-Мамун основал там около 830 г. Байт ал-хикма, Дом Мудрости. Христиане, многочисленные там, приобрели авторитет и престиж; в частности, при патриархе Тимофее I (780–823) несторианская церковь получила наибольшее распространение. Несториан принимали при дворе; мы, в частности, располагаем свидетельствами о богословских беседах между патриархом и халифом ал-Махди. Несторианская община поставляла самых видных переводчиков, таких, как Хунайн ибн Исхак (ум. 873) и два члена его семьи — сын и племянник. Она прославилась своими

учеными. К ней принадлежали великие наставники: сам ал-Фараби был учеником несторианина, Юханны бен Хайлана.

Бумага, секрет которой был похищен у китайцев во время Таласской битвы в 751 г., производство которой сначала было монополией Самарканда, а потом, в 794–795 г., его технологию Бармакид Джафар привез в Багдад, пришлось как нельзя более кстати, став чудесным средством для распространения знаний. С ее помощью было бесконечно проще размножить и хранить рукописи, чем с помощью папируса или пергамента.

В Гундайсабуре, а потом в Багдаде не довольствовались переводами, собиранием сводов знаний. Там дискутировали с древними, проверяли их сведения, приобретали новые. В 800 г. отмечено первое астрономическое наблюдение за солнцем, которое произвел Ахмад ан-Нахаванди. Медицина, традиционно знакомая сирийцам, оставалась одним из главных занятий ученых. В ней прославились, в частности, семейство Бахтишу, один из членов которого, Джибраил, был медиком Харуна ар-Рашида, а также христианин Ибн Масавайх (вторая половина VIII в.), написавший первые медицинские трактаты на арабском языке. Но свое место занимали и все остальные науки. В Байт ал-хикма по приглашению монарха и его министров, великих меценатов, приезжали работать люди разного происхождения, как ранее в Гундайсабур, и все изъяснялись по-арабски. Иранцев было намного больше других, и в основном это были выходцы из Хорасана и Согдианы. Многие приезжали из Рея, из Нишапура, из Мерва. Из плеяды, которую они образовали в IX в., надо упомянуть по меньшей мере ферганских астрономов Абу Машара (Альбумасара, ок. 775–866), главную книгу которого будут изучать в Германии еще в XVI в., и ал-Фаргани (ум. после 861), нашего Альфрагануса, которого перевел на латынь Герард Кремонский и упоминал Данте; великого математика ал-Хорезми (ум. ок. 847), чье искаженное имя стало нашим словом «алгоритм», которому мы обязаны термином «алгебра», взятым из заглавия одной из его книг, и который одним из первых, если не первым, позаимствовал индийские цифры, которые мы называем арабскими. Несколько позже, на рубеже девятого века, по-арабски писали также несомненно величайший астроном ал-Баттани (до 858–929), наш Альбатегний; историк Табари (839–923), труд которого впоследствии был переведен на персидский; первый мусульманский философ, сын иранизированного тюркского вождя — ал-Фараби (870–950), аристотелик, комментатор Платона, учитель Авиценны; ар-Рази из Рея (865–ок. 925), которого Запад называл Разесом, — несомненно величайший мусульманский врач, многочисленные работы

которого способствовали основанию позднейшей научной медицины, особенно потому, что он провел немало клинических обследований... Единственным заметным арабом в этом букете иранцев был тот, кого мы называем ал-Кинди, — отец перипатетической философии, умерший около 873 г., который жил в Ираке, но можно задаться вопросом, в какой мере его недопустимо считать порождением иранской или сирийской науки, — ведь трудно представить, что еще могло его вдохновлять и где еще он мог черпать свои знания.

В конце VIII или в начале IX в. в мусульманском мире появился и обширный свод герметико-алхимических знаний, приписываемый Джабиру ибн Хайяну — человеку, о котором мало что известно, кроме того, что он родился в Тусе около 721 г., в 800 г. жил в Куфе и умер в немилости в 815 г. и что он определенно не был автором тех трех тысяч трудов, какие ему приписывают. Его присвоило западное средневековье, и там он под именем Гебера занял еще более важное место, чем у мусульман; на Западе, несомненно, слишком поспешили забыть то, чем обязана ему химия (к примеру, открытием серной и азотной кислот), ради того, чем ему не обязана алхимия, и он послужил витриной для целой школы, оказавшей глубокое влияние на великую алхимическую традицию средневекового христианского мира.

В IX в. были составлены большие сборники хадисов — преданий, связанных с образом Пророка, которые сохранили его сподвижники и которые передавались из уст в уста. Каждому изречению и каждому событию, собранным в них, предшествовала цепь передатчиков: «Такой-то узнал от такого-то, который знал это от такого-то... что...». Польза от них была очевидна: в самом деле, хоть Коран и рассматривает всевозможные сюжеты, он не говорит обо всем, не отвечает на все вопросы, какие ставит жизнь сложно устроенного общества и безмерной империи. Поскольку хадисы в той же мере, как и Коран, составляют самую основу мусульманской религии, представляется особо интересным подчеркнуть, что эту гигантскую собирательскую работу (в ходе которой ал-Бухари, говорят, рассмотрел шестьсот тысяч преданий) совершили по преимуществу восточные иранцы: Тирмизи из Термеза на Оксе, ал-Бухари (810–870), в конечном счете выбравший 7397 преданий, Муслим из Нишапура (ок. 817–875), причем полностью достойными доверия признаны только два последних.

ТВОРЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Если научные переводы сыграли существенную роль в передаче знаний, если они связали культуры, до тех пор полностью отдельные, если они позволили мусульманским ученым, переводчикам или тем, кто изучал переводы, исходить при работе из полученных данных и значительно продвинуть вперед науку, то не меньшую роль, может быть, сыграли переводы сказок и басен. Индийские басни Бидпаи, озаглавленные «Калила и Димна» по именам двух шакалов — главных героев, переведенные персом-маздеистом Ибн ал-Мукаффой (ум. 759), получили мгновенный и долгий успех. Их сюжеты можно найти даже у Лафонтена. Их чудесно иллюстрировали художники Багдадской школы в XIII в. (рукопись в Национальной библиотеке в Париже, ок. 1200–1220) и еще позже (Бодлианская библиотека, Оксфорд, 1354), и можно считать, что их перевод породил арабскую прозу, которой до него не существовало. Точно так же, хотя в доисламской Аравии была блистательная поэзия, создателем поэтического языка арабов-мусульман стал перс — Башшар (ум. 783), протеже халифа ал-Махди, человек, никогда не скрывавший маздеистских симпатий и убитый после кончины своего покровителя. Не меньший успех имели сказки. «Тысяча и одна ночь», обширное собрание чудесных коротких рассказов, (получившее известность в Европе в начале XVIII в., благодаря Антуану Галлану, издавшему французский адаптированный перевод), непрерывно обогащалось новыми сюжетами, но старейшие тексты, должно быть, переведены на арабский во второй половине VIII в. Здесь всё окутано плащом ислама, но основа — по преимуществу иранская, как показывают имена главных героев — царя Шахрияра, царевен Шехерезады (Шахразады) и Дуньязады (Динарзады) — и как признано в аннотированном каталоге арабской литературы 987 г., цитируемом ал-Масуди: «Первыми, кто сочинял сказки, кто посвящал им книги [...], были персы [...]. Этот жанр широко распространился и имел большой успех при сасанидских царях, а арабы переложили эту литературу на свой язык» (Elisséeff, 1949, p. 21). Как заметил, несколько преувеличивая, Бертольд Шпулер, «так называемая арабская литература во многом была создана персами».

СУФИЗМ

Можно полагать, что суфизм зародился из мощного аскетического движения, которое было порождено негодованием верующих при виде роскоши, праздности, безудержного поиска удовольствий при омейядском и еще более при аббасидском дворах, стремлений, усвоенных всеми, кто завоевал богатство и власть, мало согласующихся с простотой жизни первых мусульман. Придя в ужас от разложения нравов, эти верующие не нашли иного решения, кроме как полностью порвать с образом жизни, который они считали недостойным, с обществом, которое казалось им прогнившим. Многие по примеру христиан удалялись в пустыню, чтобы жить там отшельниками. Теперь допускают, что, поскольку эти люди носили одежду из шерсти — *суф*, их называли суфиями, и мы из этого слова сделали термин «суфизм» как перевод арабского слова *тасаввуф*, которое впервые использовал Абу Хашим из Куфы (ум. 758), но которое вошло в широкое употребление только в середине IX в. Постепенно и очень скоро их первоначальный аскетизм трансформировался в мистицизм. К умерщвлению плоти они добавили медитацию, старания очистить душу, поиск чистой любви к Богу (*мухаббат*), который одной из первых провозгласила Рабия, умершая не то в 752, не то в 801, не то в 807 г., а зачатки которого можно найти уже у Хасана ал-Басри (641–729), как говорили, сына служанки одной из жен Мухаммада, но в полной мере этот поиск проявил себя только в IX в. Если тогда или позже мусульманская ортодоксия часто осуждала мистику, а тех, кто ей предавался, казнили как неверных, это еще не значит, что мистика противопоказана или чужда исламу, внутри которого она составила очень мощное течение: ведь все мистики ссылались на Коран и на Мухаммада. Скорей это нарост, привитый на тело ислама, но тем не менее составляющий с ним одно целое. Она противостоит ему только постольку, поскольку проповедует любовь, ставит ее выше закона, делает Бога последней реальностью и ищет соединения человека с Ним, что немислимо для ортодоксии.

Суфизм расцвел в Куфе (благодаря Абу Хашиму) и в Басре (благодаря прежде всего ал-Мухасибу, 781–837), и можно говорить о двух его школах, хотя у него еще не было ни союзов, ни обитателей. Суфизм распространился по всему мусульманскому миру — в Египте, где ему принес известность великий Зун-Нун (ум. 860), позже в Магрибе и в Испании, но прежде всего в Иране и особенно в его восточных областях: Хорасане, Бактрии, Согдиане. Все влияния, которые выявляют в нем, возможно, имели место, но трактовать их надо с осторожностью.

Если взять какого-нибудь Зун-Нуна или Абу Сулеймана ад-Дарани, то первый был египтянином, рожденным от коптских или нубийских родителей, второй — арабом из Васита, оба были обучены греческой науке и могли принадлежать к платоновской школе. Один из первых иранских мистиков Шакик из Бактр [Шакик ал-Балхи], умерший в 810 г., признался, чем обязан Индии, когда рассказывал о своем посещении буддийского монаха-тюрка: «Замечание этого тюрка дало мне толчок, побудивший отречься от мира». Притом почти невозможно отрицать, что намного важнее остальных был иранский импульс, судя хотя бы по численности и уровню иранских суфиев.

Мусульманская мистика, которая позже, может быть, произведет на свет своих величайших святых, таких, как Руми, Араби, выглядит лучезарной уже в первых проявлениях. Из вороха чудес, сверхъестественных явлений, иные сказали бы — сумасбродств возникает очень возвышенное и по-настоящему прекрасное послание. Баязид Бистами не мог высказаться проще, чем приписав Богу такие слова: «Всякий, кто отрекается от самого себя, приходит ко мне» (Attar, 1976, p. 177). Он не мог выразиться глубже, чем заявив: «Тридцать лет я блуждал в поисках Бога, и когда по истечении этого времени открыл глаза, то увидел, что это Он идет ко мне» (ibid., p. 163).

Подсчитать суфиев невозможно, но можно допустить, что в период с 700 по 950 г. великих из них было человек тридцать-тридцать пять, причем почти половина — иранцы, в большинстве из Хорасана, а некоторые из всё еще иранизированного Ирака. Первыми мистиками из Восточного Ирана были Ибрахим ибн Адхам, князь из Бактр (ум. 777), и его ученик Шакик из Бактр (ум. 810), Хатим ал-Асам (ум. 832), Абдаллах ибн ал-Мубарак из Мерва (ум. 797) и «босоногий» Бишр (767–841), признававшийся, что начал жизнь «шалопаем и разбойником». Должно быть, Бишр, пока находился вне закона, испытывал резко враждебное отношение к организованному обществу, он остался холостяком вопреки требованиям ислама вступать в брак, но не он один восставал против установленного порядка — в этом отношении ему не уступал другой хорасанец, долго живший в Куфе, ал-Фудейль (ум. 803). В IX в. доминировали две великих фигуры — Мансур ал-Халладж и Баязид Бистами, но это не значит, что могут быть забыты Абу Закария Яхья ар-Рази из Рея, живший в Нишапуре и в Бактрах (ум. 871), Хаким Термизи (ум. 893), Абу-л Хасан ан-Нури, багдадец родом из деревни в Согдиане (ум. 907). Баязид Бистами (Абу Язид ал-Бистами), родившийся около 800 г. в маздеистской семье (где отец обратился в ислам), и скончавшийся в 875 г., первым заговорил о *фана*, уничтожении «я»,

и стал, если можно так выразиться, чем-то вроде героя суфизма. Мансур ал-Халладж, уроженец Фарса, родился в середине века, проповедовал среди язычников Хорасана, жил и умер в Багдаде, где его замучили до смерти в 922 г. за то, что он отстаивал полное отождествление человека с его Богом, произнес знаменитую фразу: «Ана-л-Хакк», «Я есмь Истина», что надо понимать как «Я есмь Бог».

ГЛАВА XI ПРОБУЖДЕНИЕ ИРАНА

В начале арабского владычества иранский мир, конечно, не находился в упадке, но, с одной стороны, был истощен тщетной борьбой за сохранение независимости, а с другой — поставил свой гений на службу завоевателям. На IX и X вв. пришлось двойное возрождение Ирана: одно политическое, блистательное, но эфемерное, другое — культурное, еще более блистательное и долговечное. Оба стали возможны как потому, что народ сохранил свой язык в качестве живой памяти о прошлом, так и потому, что мусульманская империя распалась, пав жертвой собственной огромности. Едва придя к власти, Аббасиды потеряли Испанию, где в 756 г. воцарились уцелевшие Омейяды, через недолгое время — Северную Африку, попавшую в руки местных князей: Марокко — Идрисидов в 788 г., Тунис — Аглабидов в 800 г., позже — Египет и Сирию, ставших фактически независимыми с приходом Тулунидов (868–905), фактически и юридически — после оккупации, совершённой Фатимидами, шиитами из Туниса, которые в 969 г. создали третий халифат, соперничающий с халифатом Аббасидов. У последних остались только Ирак и Иран, доходивший до Инда и Сырдарьи. В географическом плане аббасидская империя стала иранской, а в культурном Иран был ее центральной частью.

АББАСИДСКИЙ ХАЛИФАТ

Халиф был арабом и потомком арабов по мужской линии, если не по женской, как бывает во всех династиях, но его уже мало что связывало с предками, поскольку он жил в тюркско-иранском мире. Уже его изображение «во славе» достаточно ясно показывает, насколько изменилось представление о халифе: в эпоху Омейядов и в начале

эпохи Аббасидов он восседал на кресле, тогда как с X в. (монета ал-Муктадира, 908–932; церковь на о. Ахтамар, около 915) он сидит как портной, «по-турецки», или как Будда, держа в правой руке, поднятой на уровень груди, кубок или чашу, в левой, лежащей на колене, — платок или салфетку, и этот образ оказался настолько популярным, что распространился по всему исламскому миру, включая Сицилию и Испанию. Он явно происходит из степного искусства, где многократно отмечен с эпохи тугю, VI–VII вв.

Аббасидское общество теперь полностью сформировалось. На его вершине находился халиф, теоретически всемогущий, который часто оставлял власть своему министру — визирю, а вскоре и военачальникам, главный из которых, как правило, был иранцем, остальные — тюрками. Окружали его уже не арабы, а *мавали*, новообращенные, в большинстве иранского происхождения. В правительство (*диван*) входили ведомства или министерства, которым подчинялись войска, почта, канцелярия, финансы, причем последними ведал *амиль*, чиновник почти столь же могущественный, как визирь. Армия, первоначально набиравшаяся по преимуществу из тех самых хорасанцев, которые привели Аббасидов к власти, все больше состояла из наемников, называемых «белыми рабами», по-арабски *мамлюками*, по-персидски *гулямами*, в огромном большинстве тюрками, и те, кто командовал ими, тоже тюрки, не только руководили военными операциями и управляли провинциями, но еще и занимали первые места во дворце, а вскоре уже назначали и низлагали монархов.

Поскольку ресурсы, каких требовали огромные расходы государства, больше не приобретались за счет завоеваний, то теперь их пополняли налоги, которые распределялись несправедливо, обременяли самых бедных и часто не позволяли удовлетворять всех потребностей, хотя страна переживала период удивительного благосостояния. Сельское хозяйство, в основе которого лежали выращивание риса, пшеницы, ячменя, оливок и фиников, процветало. Не меньше процветало и ремесло — производство металлов, месторождения руд которых имелись в изобилии, производство тканей, шелковых и хлопчатобумажных, производство кирпича, потому что строили много. Шла интенсивная торговля с Индией и Дальним Востоком, поставлявшими пряности, специи, драгоценную древесину, предметы роскоши, фарфор, с Византией и Европой вплоть до Балтики и Руси, откуда шли меха, кожи, янтарь, с Африкой — источником золота и черных рабов. Но богатство всё больше концентрировалось в руках малочисленного привилегированного класса крупных землевладельцев, богатых промышленников,

влиятельных купцов. На полях использовалась рабская рабочая сила, в некоторых областях там трудились по преимуществу чернокожие, купленные в Восточной Африке. Мелкое крестьянство, мелкие ремесленники страдали от этого, многие впадали в нищету, и пролетаризация масс росла. Коммерсанты пользовались поддержкой банков, главные конторы которых находились в Багдаде, а филиалы — в большинстве крупных городов. Они имели счета в банках и расплачивались с помощью чеков либо аккредитивов, а также монет разного происхождения, так что важную роль играли и менялы. Поскольку ислам запретил ростовщические займы, банкирами были в основном христиане, а еще чаще — иудеи.

С тех пор как аббасидский халиф поселился в Самарре, он в некотором роде стал пленником собственной тюркской гвардии, чувствовал, что находится полностью в ее власти, и жил в постоянном страхе убийства или дворцового переворота. С убийства ал-Мутаваккила в 861 г. в присутствии наследного принца начался длинный ряд низложений и цареубийств. Ал-Мунтасир, которого мучили угрызения совести из-за соучастия, как минимум пассивного, в убийстве отца, царствовал всего пять месяцев. Его преемник ал-Мустанин (862–866) ощутил угрозу и попытался избежать своей судьбы, бежав в Багдад. Там его настигли и убили. Ал-Мутааз (866–869) поспешил отречься; его бросили в тюрьму, где он умер жалкой смертью. От ал-Мухтади (869–870) потребовали отказаться от власти; когда он не согласился, его закололи кинжалом. Потом наступила передышка. Ал-Мутамид сумел процарствовать двадцать два года (870–892), ал-Мутаид — десять лет (892–902), еще шесть лет — ал-Муктафи (902–908). После его кончины халифская власть попала в руки тринадцатилетнего ребенка, ал-Муктадира, от которого, как полагали, будет легко избавиться. Мальчик был спасен благодаря вмешательству тюрка-евнуха Муниса и счел себя обязанным в благодарность ввести для последнего новый титул (и должность, по сути военную), — эмира эмиров, *амира ал-умара*. Этот титул превратил обладателя, как впоследствии всех, кто его носил, в настоящего властителя. «Он совершенно не допускает повелителя к делам [...], позволяет ему все наслаждения, чтобы отвратить от забот управления», — писал в связи с этим великий историк Ибн Халдун. Эти «наслаждения» подорвали нравственное и физическое здоровье ал-Муктадира; когда в 932 г. казна опустела, его убили. С тех пор еще почитали халифат, но не халифа. Остатки уважения к фигуре халифа исчезли, и она стала игрушкой в руках военных. Если халиф пытался протестовать, его хватали, бросали в заключение, выкалывали

глаза (мусульманский закон запрещал слепым царствовать.) Так случилось с ал-Кахиром (932–934) и со многими другими. Господство Буидов в халифате, начавшееся в 945 г., мало что изменило.

Аббасидская империя, территория которой уже значительно сократилась, в конечном счете распалась. Повсюду вспыхивали восстания. В Фарсе с начала IX в. до воцарения ал-Мутадида (892–902) правило мелкое княжеское семейство, и в ту же эпоху Табаристан попал в руки зейдитов. Мы уже упоминали о восстании черных рабов, зинджей, бушевавшем с 861 по 883 г. Намного опасней стало восстание карматов — движение, вдохновленное Хамданом Карматом, земледельцем из Васитской области, которое опиралось на семиричный (исмаилитский) шиизм. Движение приобрело социальную окраску и, возможно, включало реминисценции маздакизма, поскольку его участники, похоже, призывали к обобществлению жен и имущества. С первых лет X в. оно охватило Ирак, Сирию, Йемен, а позже Бахрейн, где нашло надежную базу. После 924 г. карматы не останавливались ни перед каким насилием, ни перед какими бесчинствами, и дерзость сектантов дошла до того, что в 930 г. они ограбили Каабу в Мекке и похитили оттуда Черный камень. После этого святотатства их поддержка сократилась, и позже, в 951 г., они вернули священный предмет по настоянию египетских Фатимидов, с которыми у них были одинаковые религиозные убеждения и которые в определенной мере были их сообщниками. В 905 г. Абу-л Хайджа из рода Хамданидов, которого назначили наместником Мосула, управлял почти самостоятельно, но осторожно и умеренно. Через несколько десятков лет, в 944 г., один из его сыновей, носивший прозвище Сайф ад-Даула, «Сабля империи», оказался более дерзким. Он отобрал Халев у Ихшидидов, правивших в то время Египтом, и основал династию — единственную арабскую династию! Она станет блистательной: ее правители сумеют привлечь к себе на службу таких великих людей, как поэт ал-Мутанабби (905–965) и философ ал-Фараби, хотя последний не испытывал недостатка в приглашениях.

ИРАНСКИЕ КНЯЖЕСТВА.

ТАХИРИДЫ, САФФАРИДЫ, БУИДЫ

Когда в середине X в. Хамданиды, став фактически самостоятельными, окончательно отобрали арабский мир у халифата, на востоке последний уже давно распался. Иран вновь обрел независимость. Иранский полководец Тахир, во многом способствовавший победе ал-Мамуна над братом ал-Амином и его приходу к власти в халифате, в благодарность

за верную службу был в 820 г. назначен наместником Хорасана с резиденцией в Мерве. Когда через год он умер, возможно, естественной смертью, — в конце концов, если кто-то умер не в преклонном возрасте, это не обязательно значит, что с ним расправились, — ему наследовали сыновья, по преимуществу с согласия халифа или обходясь без этого, если он не давал согласия. Так произошло, когда умер Абдаллах, второй сын Тахира. Назначенный преемник не был Тахиридом. Его не приняли, и Багдад был вынужден отказаться от его назначения. Наследственное право одержало верх над имперским. Родилось наследственное правление. Конечно, эти правители признавали себя вассалами, но фактически были независимы, и если они верно служили державе, то потому, что так хотели. Создается впечатление, что эта верность, эта почтительная покорность повредила им в памяти иранцев, охотно осуждающих их, хотя те правили мудро и, главное, хотя это была первая царствующая династия, возникшая в Иране с тех пор, как арабы победили Сасанидов. Из Нишапура, куда Абдаллах перенес столицу, Тахириды распространили свою власть на Северный Иран до Рея (современного Тегерана), на Керман и на территории у западных границ Индии, но их династия оказалась недолговечной. Они начали терять владения при Мухаммаде, сыне Тахира II, и их государство исчезло в одночасье, не выдержав ударов Саффаридов. В 873 г. те вступили в Нишапур и взяли царя в плен.

Саффаридов, которые уничтожили Тахиридов, иранцы с большей охотой воспринимают как восстановителей своей независимости, и некоторые видят в их родоначальнике национального героя. Это были ремесленники-медники (*саффар*), возглавившие ремесленные союзы в провинции Систан с целью противостоять проiscaм хариджитов, многочисленных и очень активных в тех местах. Поскольку их действия оказались эффективными, наместник официально поручил им командование. Они воспользовались этими полномочиями как трамплином, чтобы удовлетворить свои амбиции. К 860–863 г. Якубу ибн Лайсу удалось стать хозяином этого края, потом он пошел на Герат, захватил город и догадался отослать часть добычи халифу. Он счел, что ему дозволено продолжать завоевания. Взяв Шираз, он потребовал, чтобы его признали наместником Фарса. Ему отказали, но согласились взамен сделать его наместником Тохаристана, то есть Бактрии и верховий Амударьи. Обосновавшись там, Якуб пожелал владеть всем Хорасаном. Он напал на Тахиридов, победил их и, как мы только что видели, в 873 г. присвоил их территории. Ему оставалось довершить объединение Ирана. Но тут дело повернулось иначе. Халиф вовсе не хотел, чтобы Якуб или его брат и наследник Амр ибн Лайс расширяли свои владения на запад

и юго-запад, и если отнюдь не возражал против того, чтобы те завоевали Согдиану, царство Саманидов, своих современников, с которыми мы еще не знакомы, то оно совсем не было легкой добычей. Саффариды сломали об него зубы. В 902 г. Амр потерпел поражение, попал в плен и был отправлен в Багдад, где от него предпочли избавиться, умертвив. Великая авантюра детей медника наделала много шума, но продлилась лишь ограниченное время. Тем не менее они не исчезли, но утратили независимость и были выдворены в Систан, где при Саманидах продолжали пользоваться некоторой властью.

Не замедлил показать себя в свою очередь и третий иранский род. Прикаспийские области, которые завоеватели никогда плотно не контролировали, служили прибежищем для многих гонимых, особенно для шиитов, которые, не проявляя видимого фанатизма, сосуществовали здесь с разнообразными людьми, столь же не любившими как арабов вообще, так и халифат в частности. Один из этих шиитов, Буйех (или Бувайх, как говорят арабы), и три его сына, жившие в горной области Дайлам, в Гиляне, поступили на службу к полумятежному или полунезависимому наместнику провинции, некоему Мардавиджу (928–935) из рода Зияридов, потом очень скоро рассорились с ним и начали вести войну от собственного имени. Они добились молниеносного и эффектного успеха. Один из сыновей захватил Исфакан и Шираз и стал властителем Фарса, второй занял Мидию, третий, Ахмед, в 945 г. вступил в Багдад. Вопреки всем ожиданиям, Ахмед отнесся к халифу почтительно, вступил с ним в соглашение и добился пожалования престижного поста *амира ал-умара* — иначе говоря, достиг высшей власти. Несомненно, когда шиит поступил на службу, хотя бы по видимости, к суннитскому халифу, которого мог бы свергнуть, эта ситуация казалась довольно странной. Но дети Буйеха, Буиды, знали, что население в огромном большинстве состоит из суннитов, и нуждались хотя бы в минимальной поддержке со стороны народа; они также знали, что халиф сохраняет свой престиж, и никоим образом не желали, чтобы он укрылся где-то в другом месте, откуда мог бы им вредить, тогда как в Багдаде они подчинили его и могли использовать в своих интересах. Их сосуществование не обходилось без трений, ведь повседневная жизнь не становилась легче — ни в провинциях, ни особенно в столице. Между верующими обеих общин что ни день вспыхивали конфликты, которых по-настоящему уладить не мог никто — кроме тех, кто располагал настоящей вооруженной силой, тюрков, которые этой силой пользовались. В этих более чем сложных условиях Буиды не так плохо держались на плаву и, возможно, прекрасно удержались

бы, поскольку администраторами они были хорошими, если бы сумели сохранить единство. Им это удалось только раз — в царствование Адуда ад-даула (976–983), и аббасидский халифат, следовало бы сказать — иранская Багдадская империя, на несколько лет стал великой державой. Когда Адуд умер, три его сына вступили в борьбу за власть, а в следующем поколении, в 1012 г., то же сделали четыре его внука. Нескончаемые внутренние конфликты тянулись до самого появления сельджуков в 1055 г.

САМАНИДЫ

Люди, остановившие экспансию Саффаридов, когда те хотели захватить Согдиану, претендовали на славное происхождение, без колебаний утверждая, что в их жилах течет кровь Сасанидов. Они произошли от князя городка Саман в Бактрии, из-за чего взяли название Саманиды. Родоначальник династии Саман-худат был маздеистом, обращенным в ислам, и некоторые его потомки занимали официальные должности. В начале IX в., около 820 г., четыре сына того, кто считался тогда главой рода, — некоего Асада, «Льва», — были назначены наместниками: первый, Ахмед, — Ферганы, второй, Нух, — Самарканда, третий, Яхья, — Шаша (Ташкента), последний, Ильяс, — Герата. Все, кроме Ильяса, умершего около 856 г., продолжили род, и их потомки по-прежнему служили монарху, хотя пользовались ослаблением Тахиридов, чтобы начать освобождаться от всякой зависимости, но нам приходится сказать, что о них мы знаем мало.

Этот род вышел из неизвестности только в 875 г., когда Наср, сын Ахмеда, был назначен верховным наместником Трансоксании и поселился в Бухаре. Немедленно сочтя себя независимым, хоть и сохранив верность халифу, которому регулярно выплачивал дань, он создал одно из самых прекрасных царств, какие только знал ислам, окружавшее столицу — город, в котором вскоре будет жить около полумиллиона человек, который в X в. еще в большей степени, чем Багдад, станет великим очагом культуры, приобретет богатое убранство из замечательных памятников, увы, почти полностью уничтоженных людьми, почти не проявлявшими к нему милосердия, а также подземными толчками. Впервые в истории Согдиана, которая всегда находилась во власти беспокойной знати, любившей независимость и склонной к анархии, образовала единое государство. Это было первое настоящее царство иранцев-мусульман, которое имело больше прав так называться, чем

царства Саффаридов, Буидов или Тахиридов. Оно будет и последним в Средней Азии.

Исмаил ибн Ахмед (892–907), преемник Насра, принял наследие Саффаридов и одновременно Тахиридов. Он победил Саффаридов при Бактрах и присоединил их владения, что позволило ему в 902 г. обеспечить себе полную независимость. Через два года он властвовал уже над всем Северным Ираном вплоть до Рея и Казвина, города, который, впрочем, не сможет удержать. Таким образом, он сформировал обширное государство и, несомненно, распространил бы свою власть на весь Иран, воссоединив его, если бы не Буиды или, скорее, если бы не халиф, чьим слугой он называл себя как добрый суннит. Политика Саманидов в отношении степных народов, по-прежнему опасных, в основном была оборонительной, но включала и отдельные превентивные рейды под видом священных войн, где были победители — *гази* и мученики — *шахиды*, рейды, позволившие им присоединить Ташкент и земли до самого Таласа. Зато они не смогли помешать усилению Караханидов, сформировавших в середине X в. свою конфедерацию или империю. Поскольку как раз тогда последние обратились в ислам, *улемы* отказались объявлять священную войну этим новоиспеченным мусульманам. Что касается мамлюков, они отнюдь не горели желанием сражаться с соплеменниками.

Саманидское государство было богатым. Его экономика более чем процветала и приносила пользу всем. Страна много производила и много вывозила — фрукты, овощи, бумагу, шелковые и хлопчатобумажные ткани, которые умелые ремесленники ткали из качественного сырья, керамику, производство которой стимулировал китайский импорт. Власть была сильной, авторитарной и не признавала никаких ограничений, кроме мусульманского закона, обычаев и прочных структур, унаследованных от прошлого. Она опиралась на тайную полицию и на бюрократию, подчиненную десяти ведомствам с многочисленным персоналом. Всё проходило через руки государства, и наместники провинций находились под жестким контролем. Они, например, не имели права пользоваться замечательной почтовой службой, и верховная власть следила, чтобы они не становились притеснителями. Суверен желал опираться на простой народ, с которым был хорошо знаком, коль скоро его семейство жило здесь издавна, и который его любил — в самом деле, тот принес ему мир, желанный для всех после столь долгих войн, следил за народным просвещением, стремясь, чтобы образование давалось повсюду и было доступно не только богатым, но и бедным, пекся о земледелии, издав для него свод законов, остававшийся в силе

еще минимум два века. Все эти меры, вне всякого сомнения, выражали подлинную заботу о неимущих, но были также порождены желанием искоренить тысячелетнюю власть беспокойной знати, *дехкан*. Желая, чтобы вооруженные силы больше не зависели от них, монарх, по примеру всех монархов тогдашнего мусульманского Востока, набирал воинов среди тюркских народов, и это было тем проще, что географически до них было недалеко. Они погубят Саманидов, но при этом чрезвычайно поспособствуют триумфу иранизма. Благодаря развитию начального образования дети тюрков обучались в школах и, несомненно сохраняя некоторое осознание своей личности, интегрировались в иранский мир, усваивали его культуру. У всего есть обратная сторона. К недовольству *дехкан*, вызванному сокращением их власти, и притязаниям наемников, ставших слишком могущественными, добавлялась враждебность, какую откровенно исламистская политика правительства порождала в немусульманских средах. Этим, вероятно, объясняется, почему история Саманидов была столь бурной.

В том же году, когда Наср, проживавший в Самарканде, велел произносить при чтении *хутбы* (пятничной проповеди, начинавшейся с упоминания признанной власти, по преимуществу халифа) свое имя, он отправил своего брата Исмаила в Бухару, чтобы тот представлял там его. Последний, обладая сильным характером, не намеревался ни с кем делить власть. Он вступил с братом в борьбу и жестко подчинил себе Самарканд. Его преемник Ахмед (907–914), святоша, был свергнут и убит своей тюркской гвардией, посадившей на его место его сына Насра II (914–943). Тот тоже был очень благочестив и в конце своего долгого царствования отрекся от престола, чтобы уйти в отшельники, а согласно другим источникам, с ним расправились. Как бы то ни было, с тех пор реальная власть, похоже, принадлежала мамлюкам, а монархи, как Нух (943–954) или Абд ал-Малик (954–961), были марионетками. Саманиды достаточно созрели, чтобы упасть как плод с дерева, которое посадили. Они исчезли в 999 г.

Глубокий национализм Саманидов, выражавшийся в возрождении иранского языка и культуры, сопровождался антиарабской политикой, столь ярко выраженной, что — неслыханное дело — в мечетях можно было слышать чтение Корана на местном наречии. Но это отнюдь не вело к антиисламу, совсем наоборот. Религиозность таких монархов, как Ахмед, Нух и другие, передалась всем их слугам. Духовенство, дервиши или простые служители в мечетях получили непомерные привилегии и пользовались почти всеобщим уважением. Поэтому исламизация Согдианы прогрессировала настолько явно, что некоторые

источники могли утверждать: якобы тогда она и завершилась. Это преувеличение. Сохранялись маздеистские общины, освобожденные от налогов (почему?), но зато обязанные поддерживать в рабочем состоянии плотины; манихейские общины, о существовании которых свидетельствует выдающийся монастырь в Самарканде и которые оказывали влияние на суфизм; буддийские общины, возможно, игравшие важную роль в организации образования; христианские общины, более чем деятельные.

С одной стороны, режим проявлял себя довольно нетерпимым. Он определенно превращал церкви в мечети. Не знаю, когда это произошло с той, которую я изучал в Бухаре (Магоки-Аттари), имеющей карахидский фасад, но тексты указывают точную дату — 893 г., — когда Исмаил передал для отправления мусульманского культа другую, в Таласе. В «Фихристе» сообщается, что в начале X в. власти вознамерились перебить манихеев, которые прибыли из Хорасана в Самарканд, скрываясь от преследований, и их якобы спасло только то, что «царь Китая», то есть какой-то монарх из Таримского бассейна, пригрозил подвергнуть репрессиям мусульман, многочисленных у него в стране. С другой стороны, Саманиды не только усваивали вышеперечисленные и прочие влияния, но и позволяли христианству существовать и развиваться. Несторианская церковь, подчинявшаяся католикусу в Багдаде, имела в Средней Азии несколько епископств, и одним из самых деятельных было Мервское, которое вело чрезвычайно активную миссионерскую работу среди степных народов — плоды эта работа принесет в XI в. В 1009 г. Абдишо, епископ Мервский, сделал католикусу Иоанну VI запрос в связи с обращением большого тюркского народа керейтов, кочевавшего на севере Монголии. Почти тогда же обратились и другие могущественные тюркоязычные и, возможно, монгольязычные конфедерации — такое обращение могло быть поверхностным, как у найманов, живших между Иртышом и Хангаем, или глубоким, как у онгутов, которые стояли лагерем вдоль Великой китайской стены и сыграют большую роль в истории Чингизидов.

Среди вассалов Саманидов были шахи Хорезма, возглавлявшие древнюю монархию, которая, несомненно, возникла намного раньше прихода арабов, долго оказывала им сопротивление, в конечном счете подчинилась, но сохранила частичную самостоятельность, а вместе с ней и надолго как маздеизм предков, так и христианство, в которое обратилась довольно большая часть ее населения. В неведомую эпоху и по неизвестным причинам это царство, первоначально единое, раскололось надвое, и отношения между соперничающими столицами, Кятом на

юге и Гурганджем, или Ургенчем, на севере, оставались напряженными. Только в 995 г. Ануш-Тегин, шах Севера, воссоединил страну, которая после этого ярко сверкала несколько десятков лет: ее прославили столь знаменитые имена, как Ибн Сина — Авиценна, ал-Арсати — математик, ал-Саалиби — философ из Нишапура и многие другие. Ее ждали головокружительные, но непрочные военные успехи.

В падении Саманидов виновны тюркские наемники, поскольку всё наводит на мысль, что они смогли бы дать отпор большому государству тюрков-мусульман, которое образовалось в степях и называлось государством Караханидов, «черных ханов», то есть северных. Так как документы противоречат друг другу, невозможно сказать, ни когда точно в X в. исламизировались племена, из которых оно сложилось, ни когда они объединились, чтобы сформировать это государство, двумя центрами которого были Кашгар в современном Синьцзяне и Баласагун на севере Чуйской долины — город, расположение которого указать нельзя, потому что он не найден. Государство Караханидов соседствовало на востоке с землями уйгуров Таримского бассейна, на юго-востоке — с землями Саманидов и очень скоро напало на тех и на других. В Согдиане Караханиды добились быстрых и решающих успехов. В 992 г. царь Баласагуна предпринял первое наступление на нее, а через семь лет, в 999 г., сделался ее властителем. Это принципиально важная дата. Она важна для Согдианы, потому что тогда началось длительное владычество тюрков и тюркизация этих земель, впрочем, медленная, коль скоро она не завершилась и до сих пор; она важна для иранизма, потому что знаменует его откат, так как Караханиды упорно не желали поддаваться его чарам, намереваясь хранить верность собственной культуре.

ГАЗНЕВИДЫ И ГУРИДЫ

Сигнал тревоги для Саманидов прозвучал несколькими десятилетиями ранее. В 961 г. бывший командир их тюркской гвардии Алп-Тегин, которого ранее назначили наместником Хорасана, отказался покинуть свою должность и укрылся в Бактрах (Балхе), потом перешел через Гиндукуш и в 962 г. поселился в Газне, городке, «расположенном в неприятной местности», как скажет Бабур-шах. Саманиды не стали его преследовать и заключили с ним соглашение. Так Алп-Тегин стал в Афганистане царем и заложил там основы государства, какого еще никогда не создавал тюркский вождь. Строили это государство его преемники — сначала Себук-Тегин (977–999), раб, купленный на нишапурском рынке, потом Махмуд (999–1030), сын последнего, и даже внук Масуд

(1030–1040). Себук-Тегин взял Кабул, Бактры, Кундуз, Кандагар, вступил в Хорасан и в Трансоксанию по приглашению Саманида Нуха. Что касается Махмуда, основную часть своей военной жизни он посвятил завоеванию Индии. В 1001 г. он впервые спустился туда в набег, потом возвращался еще семнадцать раз и сумел обеспечить себе владычество над всеми ее провинциями севернее гор Виндхья. Свою мирную жизнь он, конечно, посвятил развлечениям, но прежде всего заботам о том, чтобы сделать из Газны великий город, обогатить ее за счет добычи, которую он привозил из походов, отстроить ее, привлечь в нее элиты. Он добился, чтобы она стала счастливой соперницей Багдада. Он был тюрком и, так же как его предшественники и преемники, принадлежит к истории тюрков. Но поскольку он был полностью иранизирован, поскольку, как и Саманиды, но с лучшими средствами, на более высоком уровне, развивал иранскую культуру, он принадлежит также и к истории Ирана. Как можно ему в этом отказать, если известно, что при его дворе жил ал-Бируни (973–1048), величайший мусульманский ученый, и что Фирдоуси посвятил ему свою поэму «Шахнаме»?

Индия была для Махмуда не единственным театром военных действий и даже не первым. Он еще не бывал в Хайберских проходах, не поглядывал на Индо-Гангскую равнину, когда в мае 999 г., едва вступив на престол, напал на Саманидов под предлогом, что они плохие мусульмане, не подчинились аббасидскому халифу, и сразу же сделался властителем Хорасана и всех степей к югу от Окса. Ему оставалось форсировать реку. Бухара и Самарканд были совсем недалеко. Попытаются ли он их захватить? Его опередили Караханиды. В октябре того же года, как мы видели, они сами форсировали Сырдарью, победили Саманидов и заняли их место. Через несколько лет, в 1017 г., Махмуд присоединил Хорезм и назначил шахом одного из своих военачальников, Алтунташа. В руках тюрков оказался весь Восточный Иран. Они уже метили дальше. Они зарились на Западный Иран. Махмуд присоединил к своим владениям Рей и Исфахан. Казалось, он вот-вот возьмет Багдад.

Караханидская и газневидская империи, оказавшиеся лицом к лицу и разделенные только Оксом (Амударьей), не могли не вступить в войну между собой. Они это делали несколько раз, в частности, в 1025 и в 1032 гг., но решающего успеха никто не добился. Правда, Караханиды признали себя вассалами Газневидов, но фактически пользовались полной независимостью.

За этим конфликтом наблюдали тюркские племена, не принадлежавшие ни к одному из двух лагерей и пытавшиеся урвать свое. Большое будущее было у одного из них — племени кынык, образовав-

шегося из двадцати двух-двадцати четырех племен огузов. Возглавляемое неким Сельджуком («Речкой») или Сальджуком («Лодочкой»), от которого получило название «сельджуки», оно, несомненно, вошло в Согдиану в 950 г. с разрешения Саманидов и обосновалось в низовьях Сырдарьи (Яксарта), где попеременно служило обоим противникам, иногда успешно, иногда неудачно. В конечном счете Махмуд поселил людей Арслана Исраила, одного из сыновей Сельджука, в Хорасане. Оттуда ему предложили идти воевать в Азербайджан. Он согласился и выступил в поход. Поскольку он больше не занимал территорию, которую Сельджукиды уже считали родовым наделом, его племянники Тогрул-бек и Чагры-бек попросили у Масуда Газневи, преемника Махмуда, разрешения поселиться в этом месте. Масуд отказал. Тогрул и Чагры решили взять сами то, чего им не хотели давать. Им подчинялись кочевые орды, организованные чрезвычайно хорошо. В 1028–1029 гг. они захватили Мерв и Нишапур. Масуд двинулся на них без малейшей опаски, исполненный презрения к этим голодранцам. Армия, уже завоевавшая Индию, должна была одержать легкую победу. 22 мая 1040 г. при Данданакане близ Мерва она была разгромлена. Поражение оказалось настолько полным, что побежденные были вынуждены оставить весь Хорасан. С тех пор сельджуки прочно обосновались в Иране. Всего через пятнадцать лет они придут в Багдад.

Газневиды просуществовали еще век как малозаметные суверены. Они падут под ударами иранских горцев, которые в рассматриваемый период были всего несколько лет как исламизированы — возможно, Махмудом Газневи, покорившим их, — и жили на отшибе от всякой цивилизации в горах Гур, к востоку от Герата в современном Афганистане, отчего их впоследствии называли Гуридами. Может быть, они болезненней других воспринимали подчиненное положение? Во всяком случае, при первой возможности они сорвались с цепи. Это были варвары в чистом виде и вели себя соответственно. В 1148 г. один из их принцев был казнен по монаршему повелению, а родственники, пожелавшие за него отомстить, все перебиты, за исключением одного. Уцелевший, Ала ад-Дин Хусейн, в 1150 г. бросил свои вооруженные орды на Газну, взял город, разрушил его до основания, а потом отправился разорять другие места, провозглашая: «Я — сжигатель мира». Мир он не сжег, но уничтожил то, что было одной из прекраснейших жемчужин мира в то время. За ним в истории осталось имя, которое он принял, — Джахан-Суз.

Газневидский суверен Бахрам-шах (1118–1152) бежал в Индию. Гуриды, сделав передышку, отправились вслед за ним и с 1186 по 1203 г.

стали хозяевами всех индийских владений его преемников. На смену иранизированной тюркской династии, принесшей ислам на субконтинент, пришла иранская. Культура от этого не пострадала, поскольку варвары цивилизовались на удивление быстро. Они покажут это в Индии. Они уже показали это в Афганистане, воздвигнув Джамский минарет, который стал также башней, построенной в честь победы, и, несомненно, указывает место, где находилась их первая столица.

ВОЗВРАТ К ПЕРСИДСКОМУ ЯЗЫКУ

Многие иранцы из Фарса или Мидии бежали от арабских нашествий и укрылись на землях древних цивилизаций Хорасана и Согдианы, куда принесли свои традиции и свой дух. Тем не менее из-за величия и притягательности аббасидского халифата необыкновенный подъем этих стран долгое время оставался в тени. Упадок халифата позволил им не только выйти на свет, но и расшириться. Какой бы вклад в культуру ни внесли Буиды или Саффариды, возрождение иранизма произошло именно в Восточном Иране, при Саманидах и Газневидах. Именно в Бухаре, в Газне и других великих городах персидский язык стал языком культуры и сделался наряду с арабским — сохраненным для нужд религии и науки — вторым классическим языком ислама. Именно в Бухару и в Газну приезжали жить просвещенные и ученые люди, там создавались великие произведения архитектуры, скульптуры и живописи, там более всего процветало ремесло. Всё это происходило, конечно, в первую очередь по воле монархов, но и по воле народа, который, как я уже говорил и повторю, сумел сохранить в неприкосновенности свою память, свои традиции, любовь к своему прошлому.

Создателем персидской поэзии был Рудаки, родившийся в деревне под Самаркандом в 859 г. и умерший в 940 г., придворный поэт при Саманиде Насре II (913–943). Создателем персидской прозы — Абу-л Фазл Балами (ум. 974), министр Саманида Мансура I (961–976), которому поручили сделать персидскую адаптацию «Истории», написанной его соотечественником Табари по-арабски, «потому что больше не было людей, способных читать на этом языке». Саманидскому правительству принадлежит заслуга, по меньшей мере косвенная, в появлении одного из шедевров мировой литературы — «Шахнаме» Фирдоуси: в самом деле, оно заказало поэту Дакики (935–980) переложить персидскими стихами древнюю «Книгу царей», которая в беспорядочном состоянии сохранилась в пахлавийских рукописях сасанидской эпохи и, возможно,

уже переводилась на персидский в 957 г.; тот начал работать, но его труд прервала смерть, и его дело продолжил Фирдоуси.

Фирдоуси — вероятно, величайший поэт Ирана, хотя любая классификация произвольна и ему можно предпочесть Саади или Хафиза, и он бесспорно имел наибольшее значение для литературной и национальной истории. В литературной истории его превосходство состоит в том, что он зафиксировал персидский язык в классической форме, в форме, которую можно назвать едва ли не окончательной, потому что она практически не изменилась по сей день, в том, что он сыграл для этой истории роль, сравнимую с ролью, какую Данте сыграл в итальянской, и выказал не меньший гений. В национальной истории его величие простекает из того, что в Иране остались живы легенды и традиции, что, когда страна была унижена поражениями и вассальным подчинением, Фирдоуси рассказал ей о великих деяниях из ее прошлого, которое любил, не слишком подробно зная, напомнил ей о древней славе, вернул ей чувство величия и ответил на ее чаяния.

Родившийся в 932 или 933 г. в Фирдоусе, городке близ Туса в Хорасане, Фирдоуси провел большую часть жизни в Газне, при дворе Махмуда, где писал свою «Шахнаме», «Книгу царей», большую эпическую поэму приблизительно из шестидесяти тысяч двустиший, над которой он, говорят, работал тридцать пять лет, в которой по меньшей мере филологи различают три последовательных редакции и которая приобрела окончательную форму на рубеже тысячного года. Он посвятил ее Махмуду и не был достойно вознагражден (это неоспоримо, пусть даже это подчеркивают с излишним нажимом): дни он кончил в 1020 г. в явной бедности. Монаршая неблагодарность объяснима. Хотя Махмуд принадлежал к иранской культуре и меценатствовал, он был тюрком, ощущал себя тюрком и не мог выказать особого восторга гениальному поэту, воспевшему тысячелетнюю борьбу Ирана с Тураном, как называли страну тюрков, Туркестан. Великолепно написанная, «Шахнаме» — одновременно грандиозная эпическая поэма и пронзительное размышление о человеческой судьбе, и интерес к нему не в последнюю очередь связан с тем, что героический пафос оно сочетает с чувством подлинного сострадания к человеку. В поэме можно выделить две части: одна посвящена легендарным временам, другая — историческим. Первая повествует, как мы уже сказали, о борьбе Ирана с Тураном, оседлых людей с кочевниками, цивилизованных — с варварами и выглядит как набор небольших рассказов о подвигах героев, обладающих почти сверхчеловеческими способностями, государей-заступников, которые борются со злодеями и силами зла. Заканчивается она по-

явлением пророка света — Заратуштры. Вторая часть — поэтическая история Александра и Сасанидов до арабского завоевания. Здесь нет ничего не заслуживающего внимания или посредственного, но отдельные фигуры, отдельные эпизоды приобрели особую известность. Упомянем, несколько наугад, чтобы не слишком затягивать рассказ, героическую песнь о Рустаме и его сыне Фарамарзе; героическую песнь о Гоштаспе и его сыне Исфандияре, ослепленном отцовской стрелой; фигуру Александра, который выглядит государем-философом, хранителем мудрости и которого пророк Хызр ведет сквозь тьму к источнику жизни; сражение Бахрам Гура с драконом; историю любви Хосрова к Ширин; историю любви Бахрам Гура к Азаде, деве великой красоты, музыкантше-чародейке, которой он пытается угодить, совершая всё новые охотничьи подвиги, но в конечном счете, устав от ее капризов, топчет ее своим конем. Книга имела значительный успех и вызвала немало подражаний, сделанных после смерти автора, — неким Асади из Туса (ум. 1071), позже неким Ираншахом и рядом других. Отдельные ее эпизоды были развиты, иногда через века, различными писателями, и не из худших. Она была излюбленным источником сюжетов для миниатюристов в течение веков.

Больше ни один поэт из Газны не годится Фирдоуси и в подметки, но некоторые, говорят, были не лишены таланта (я их не читал): некий Унсури, штатный придворный поэт, восхвалявший монарха, автор трех эпических романов, а также любовных поэм, некий Фаррухи и прежде всего некий Манучехри, одновременно панегирист и вакхический поэт.

ДВА ВЕЛИКИХ УЧЕНЫХ XI ВЕКА

Зато наука была достойна Фирдоуси и сверкала полным блеском в Газне, куда волей-неволей приезжали работать почти все интеллектуалы — за примечательным исключением Авиценны. Над всей эпохой доминируют две фигуры — ал-Бируни и тот же Авиценна (латинизированная форма от имени Абу Али Ибн Сина). В их лице мусульманская культура достигла одной из высочайших вершин. Ал-Бируни, родившийся в 973 г. в Кяте, в Хорезме, был величайшим энциклопедистом мусульманского мира. Дипломат на службе шаха, он много путешествовал, в 1017 г. пошел на службу к Махмуду Газневи и сопровождал его в Индию, в которой выучил санскрит и создал подробное описание страны. Однако его шедевр — знаменитая хронология древних народов («Памятники минувших поколений»), где он больше старался описы-

вать менталитет, обычаи и религии, чем факты, где он выявил значение языков, частично объясняющее, по его мнению, менталитет и нормы поведения. Тем не менее ал-Бируни был еще и математиком и именно математике обязан всемирной славой, а также астрологом, физиком, минералогом, географом и внес существенный вклад в каждую из этих наук. Он умер в 1058 г. в возрасте восьмидесяти пяти лет. Второй ученый, Авиценна, родился в 980 г. в Афшане близ Бухары, в шиитской семье, отказался служить такому тирану, как Махмуд, и предпочел провести жизнь в странствиях по Ирану, где и умер в Хамадане в 1037 г. Энциклопедист, он интересовался как логикой и метафизикой, так и физикой, ботаникой или зоологией. Однако именно медицина — в которой он был прирожденным гением, коль скоро в семнадцать лет излечил царя Бухары от тяжелой болезни, — и философия принесли ему мировую славу и сделали «учителем *par excellence*», отчасти благодаря клинически точному описанию многих болезней, таких, как менингит и плеврит. Два его важнейших труда — это «Канон врачебной науки», изучавшийся в Европе по XVIII в., и «Книга указаний и наставлений», где он более отчетливо, чем где-либо еще, обнаруживает склонность к тому аристотелизму, часто неоплатонического характера, каким проникнуто все его творчество.

МИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Суфизм, сыгравший в первые века ислама, как мы подчеркивали, столь важную роль, не исчез, даже если больше не порождал столь выдающихся личностей, как в недавнем прошлом и как в будущем — в самом ближайшем будущем, потому что в 1142 г. родится Аттар, а в 1207 г. Руми, — но он социально структурировался. По всей видимости, с X в. в Восточном Иране некоторые сообщества верующих, чтобы жить совместно в своей вере, начали поселяться в общих домах, названных словом *ханака* (общежитий для дервишей). Во всяком случае, тогда это слово впервые появилось в текстах применительно к строениям, возведенным в восточных регионах империи, возможно, в подражание манихейским монастырям Самарканда, как дает понять анонимный автор «Худуд ал-алам». В самом начале XI в. Абу Саид (967–1049), хорасанец из Мейханы, первый мистик, писавший по-персидски, упомянул некоторые *ханака* и ввел старейшие из известных правил для членов этих орденов. Вскоре по иранскому образцу на всех исламских землях стали возникать религиозные объединения, а также строения, где они селились.

Вероятно, в ту же эпоху и в тех же регионах в результате заботы Саманидов о распространении образования появились медресе, «места учения», хотя некоторые историки искусства, как Александр Пападопуло или Катарина Отто-Дорн, относят их появление самое раннее к XI в. Правда, старейшее из них, которое можно датировать, находящееся в Самарканде, было построено не раньше 1060 г., но тексты сообщают о медресе, которые как в Хорасане, так и в Трансоксании действовали в IX в. Я склонен думать, что они были созданы в подражание буддийским учебным центрам, многочисленным и хорошо организованным. Им предстояло завоевать исламский мир еще быстрее и полней, чем *ханакам*.

ВЫСОКИЕ ИСКУССТВА

Эпоха Саффаридов, Саманидов и Буидов оставила немногим больше архитектурных свидетельств, чем предыдущая. Конечно, в некоторых памятниках, восстановленных позже, сохранились старинные элементы, но часто их трудно выделить в общем контексте, а датировка их — более чем произвольна. Базиликальный план с многочисленными нефами, по какому построен *харам* — молитвенный зал Большой мечети Исфохана, он, видимо, приобрел в X или даже в IX в., и в этом зале находят фрагменты первоначальной кладки. В старой мечети Хивы среди леса позднейших деревянных колонн есть пять-шесть архаичных, как сегодня, так и в прошлом они поддерживали крышу напрямую, без посредства арок, как это было в ападанах, гипостильных залах Ахеменидов, несомненно воспроизведенных еще в Куфе при строительстве одной из первых мечетей, ныне исчезнувшей. Более ясные свидетельства, пренебречь которыми никак нельзя, — Большая мечеть в Нейризе (973), творение Адуа ад-Даулы, построенная в сасанидских традициях, и мечеть в Наине, буидская, с великолепным декором, возведенная на рубеже тысячного года. Намного более интересная религиозная постройка — маленькая мечеть IX в., сравнительно недавно обнаруженная в Балхе (Бактрах). Квадратная в плане, вероятно, не имевшая ограды, кроме как со стороны *киблы*, она разделена на девять квадратов столбами, от которых отходят четыре арки, поддерживавших ныне провалившиеся купола. Этот план, в прежние времена неизвестный на Востоке, весьма странным образом обнаруживается в Испании, в мечети Баб Мардум в Толедо (X в.). Восхитительный скульптурный декор очень близок к декору в мечети Самарры, и, разумеется, его сочли подражанием. Но если вдуматься в то, какое влияние Восточный Иран

оказал на Аббасидов, сколь вездесущими иранцы были в их столицах, то можно с уверенностью утверждать, что, напротив, бактрийское искусство повлияло на самарское.

Единственный памятник, оставшийся от саманидской Бухары, — мавзолей, построенный в 892 г., который называют мавзолеем Исмаила Самани. Он так красив, что мы можем только сокрушаться при мысли обо всех остальных, которые потеряли. Это увенчанный куполом небольшой куб, в четырех гранях которого проделано четыре больших арочных входа, что побудило некоторых увидеть в нем, на мой взгляд — безо всякого основания, подражание маздеистским храмам огня. Уравновешенности масс, искусности, с какой купол соединен с опорами, уже было бы достаточно, чтобы вызвать восхищение, но полный восторг вызывает декор — настоящее художественное плетение из кирпичей, уложенных как горизонтально, так и вертикально. Мавзолей Араб-ата в с. Тим, в Узбекистане, намного более поздний (977–978), при всех своих достоинствах во многом уступает мавзолею Исмаила. Это прямоугольное в плане кирпичное строение, украшенное терракотовой резьбой, войти в которое можно через неглубокий *айван* в большом портале (*пейшаке*), первом из известных нам. XI век, когда стало появляться всё больше надгробных памятников, начался с возведения двух гробниц неравной ценности. Одна из них — так называемый мавзолей Арслана Джазиба в Сангбасте, который построен в 1030 г. и не вызывал бы особого интереса, если бы не красивый купол и не соседствующий с ним цилиндрический минарет того же времени, при постройке которого, как иногда считается, впервые отказались от квадратного плана, свойственного Сирии и мусульманскому Западу, что еще требуется доказать. Другая — великое произведение с точки зрения и качества работы, и использованных новшеств, и вызываемого интереса. Возведенный в 1006 г. Гунбад-и Кабус — башня высотой 51 м (углубленная в грунт на 10 м) и диаметром 17 м в основании. С его постройкой в Иране возникла мода на башенные гробницы, продлившаяся долго. Нет никакой возможности понять, почему было решено возвести столь неожиданное здание. Рассказ, в соответствии с которым тело покойного подвешивали на цепях под потолком, возможно, позволяет связать эту постройку с погребальными обычаями, требовавшими оставлять труп на открытом воздухе и характерными либо для маздеистов, которые укладывали тело на «башне молчания», либо для тюрков Центральной Азии, которые его помещали на верхушке дерева, одни для того, чтобы не осквернять землю, другие — чтобы удалить с костей мясо, но эта гипотеза остается сомнительной.

Чтобы найти высшее проявление иранского искусства начала второго тысячелетия, следует отправиться в Афганистан, к Газневидам. Однако и там от роскошных строений, описанных в текстах, осталось немного: в Бусте — арка и впечатляющие стены дворца в Лашкари-Базаре, сложенные из сырцового кирпича и отделанные обожженным кирпичом, которые тянутся метров на пятьсот; в Газне — гробница Махмуда и основы двух минаретов 1114 г., звездообразных в сечении и великолепно отделанных. Раскопки, произведенные итальянцами в Газне и французами в Лашкари-Базаре, второстепенной резиденции Газневидов, дали возможность познакомиться с искусством последних. И там, и там дворцы были построены крестообразными в плане, с четырьмя *айванами*, расположенными попарно друг напротив друга по сторонам двора, — этот план, несомненно, использовался в домах Хорасана издавна, и мы находим его в Нисе в постройках последних веков до нашей эры. Тем не менее это неопровержимое доказательство, что крестообразный план с четырьмя *айванами*, который станет классическим в Иране и повсюду, куда распространится иранское влияние, не был заимствован мусульманами для строительства медресе и что в последних, как и в мечетях, он появился намного позже, чем во дворцах.

Не менее важные находки были сделаны и при археологических раскопках тех же памятников. Это, если упомянуть только основное, целый ряд живописных и скульптурных изображений людей и животных, который еще лучше, чем произведения, найденные в других местах, показывает, что мусульмане всегда создавали фигуративное искусство, по крайней мере в светской архитектуре. Историки искусства, отвергая сообщения в текстах, долгое время не признавали этого факта и утверждали, что фигуры характерны только для первых веков мусульманской цивилизации как результат античного влияния и для последних как результат влияния Европы. Но теперь невозможно дальше отстаивать этот тезис.

На некоторых плитах из Газны изображены в виде барельефов, но с моделированием, тюркские наемники под сводами, сцена охоты на льва, танцовщицы, слон, хищные звери и фантастические животные. В Лашкари-Базаре обнаружен ряд изображений тех же наемников, которые окружены птицами и носят пояса с свисающими концами, уже бросавшиеся в глаза в Самарре. Прототипы всех этих произведений незачем искать очень далеко. Они вполне явно происходят от изображений, выполненных в оазисах Таримского бассейна.

ДОСТИЖЕНИЯ РЕМЕСЛА

В восточном иранском мире родились и расцвели крупные центры высокоразвитого ремесла, прежде всего производства металлических изделий, тканей и керамики. Было бы преувеличением и неосторожностью утверждать, что металлургия мусульманского мира зародилась в Хорасане, тем более что у нас слишком мало изделий, изготовленных в других местах, чтобы можно было сравнивать, но специалисты единодушно признают неоспоримое превосходство этого региона самое меньшее по XI в., да несомненно и позже (курильница для благовоний в форме льва, XI в., Лувр).

Ткачество в Восточном Иране, вероятно, не занимало первое место, потому что уже процветало в разных странах, унаследовавших это занятие с древности, например, в Египте, но было интенсивным, великолепно развитым и для многих служило образцом. Сасанидские традиции здесь были очевидны и сохранялись долгое время, пусть даже отчасти сказался вклад народов Индии и степных народов, пусть даже рисунок со временем усложнился и стал более плотным. Они проявляются в выстраивании рядами почти соприкасающихся колес, окаймленных жемчужными нитями или полосами из сердечек, в пристрастии к изображениям животных — с повязками на шее или обращенных друг к другу, часто с двух сторон древа жизни (плащаница святого Йодока, 961, Лувр), в использовании мифологических или героических сюжетов (так называемая «ткань с повелителем животных», Лувр).

Если в Сузах гончары исламской эпохи преемственно наследовали от гончаров древности большое разнообразие форм и приемов (саффаридская тарелка, украшенная синей пальмой на фоне, имеющем цвет слоновой кости, в Иран-Бастане, Тегеран), если изделия *габри*, которые изготавливались в Зенджане еще в маздеистских семьях, также сохраняли сасанидские традиции — которые выражались в фигурах сказочных животных, изображаемых очень выпуклыми на фоне больших пальметт, и в иератических персонажах с эмблемами, представляющими собой, возможно, отдаленные прообразы гербов, — то Восточный Иран прославился крайне разнообразными произведениями, главными центрами производства которых, похоже, были Рей, Самарканд и Нишапур. С 750 по 1225 и особенно с 935 по 1030 г. Рей, видимо, был крупным ремесленным центром Ирана. Там собирали китайский фарфор, импортируемый с эпохи Сасанидов, и он оказывал огромное влияние. Его чары были столь сильны, что, говорят, Харун ар-Рашид заказал около двухсот изделий несравненногс качества и около двух

тысяч более заурядных. Бируни, изучавший ситуацию, признает, что мусульмане пытались воспроизвести фарфор, но оказались к этому неспособны; впрочем, несмотря на все старания, у них это никогда и не получится. Изделия из Самарканда (Афрасиаба) и Нишапура иногда слишком похожи, чтобы можно было с уверенностью опознать, происходят ли они из того или из другого города. Наряду с многоцветными работами, в том числе имеющими калейдоскопическую отделку (пиала из Севрского музея), существуют и другие — белого или кремового цвета, украшенные простой кольцевой лентой с черными или коричневыми куфическими надписями, чрезвычайно элегантные.

Все эти литературные, научные и художественные произведения показывают, что в XI в. иранский мир использовал свои возможности в полной мере. Настолько, что он не только выдержит удар, какой нанесут четыре века вторжений, но и ассимилирует своих захватчиков, будь то тюрки или монголы. Прекрасной иллюстрацией этого послужит история сельджуков.

ГЛАВА XII

ИРАН ПОД ТЮРКСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

СЕЛЬДЖУКСКАЯ ОККУПАЦИЯ

Победа, одержанная сыновьями Сельджука, Тогрул-беком и Чагры-беком, над Газневидами при Данданакане в 1040 г., открыла им свободный доступ на Иранское нагорье. Чагры-бек остался в Хорасане, чтобы контролировать страну, не допускать возвращения Газневидов и дать отпор Караханидам в случае, если они двинутся сюда из Трансоксании, а когда он в 1058 г. умер, ему наследовал сын Алп-Арслан, «Лев-Герой». Один из сыновей Чагры, Кавурд Кара-Арслан (1041–1075), основал в Кермане маленькое независимое княжество, которое просуществовало до конца XII в. Тогрул-бек двинулся на завоевание Ирана. За четыре года он оккупировал весь север и северо-запад страны, включая Рей и Хамадан — город, который, как известно, служит ключом к Ираку. Он поддерживал постоянный контакт с суннитским халифом и его шиитским «покровителем», буидским сувереном. Ему надо было выбрать политику. Он — естественно, язычник, шаманист и тотемист, коль скоро называл себя «Князь-Сокол», как его брат именовался «Князь-Ястреб», он, в лучшем случае слегка затронутый христианством и необразованный, — на удивление прозорливо понял, что шиизм, несмотря на видимый триумф в Багдаде и в Каире, где царствовали шииты Фатимиды, не отвечает глубинным чаяниям народов и что Аббасиды, пусть совершенно бессильные, сохраняют огромный престиж. Его выбор стал быстрым и недвусмысленным. Он объявил себя мусульманином, «клиентом», то есть защитником, халифа. Он сделал выбор в пользу иранизма, окружив себя иранцами, которым доверил управление своим государством, назначив персидский официальный язык, а чтобы

лучше показать приверженность исламу и его принципам, начал священную войну с неверными. В 1048 г. он послал в византийские земли своего кузена Ибрахима ибн Инала, а в следующем году выступил в поход сам. Эти военные операции были ему выгодны не только потому, что давали престиж *муджахид*а, практикующего джихад, но прежде всего потому, что позволяли отогнать от границ Ирана орды тюркских кочевников — туркменов, которые, с тех пор как сельджуки распахнули ворота, столь долго закрытые, хлынули в эту страну, нанося ей большой ущерб. Не забудем, что тюрки веками топтались на пороге мусульманского мира, куда могли попасть, разве что оказавшись в рабском положении, в качестве рабов-наемников, мамлюков. Политика Тогрул-бека оправдала себя. В 1055 г. халиф принял его в Багдаде — что позволило ему изгнать Буидов, — назначил султаном, царем Востока и Запада, что следует понимать — политическим главой мусульманского мира, и он в семьдесят лет женился на дочери Аббасида. Теперь клялись только его именем. За восемь лет, которые ему ещё оставалось жить, он укрепил свои позиции в Иране, а именно взял в 1059 г. после долгой осады Исфахан, который его преемники сделают столицей.

Алп-Арслан (1063–1073), сын Чагры-бека, наследовавший отцу в Хорасане, наследовал и дяде Тогрул-беку как главе Иранской империи (1063–1073), отныне называемой империей Великих Сельджукидов. Он стал ее настоящим организатором, можно сказать, почти создателем. Если административные и культурные достижения в его царствование и в царствование его преемника связаны прежде всего с именем министра Низам ал-мулка (1018–1092), человека исключительных дарований, родившегося в Радкане под Тусом, сподвижника Алп-Арслана в Хорасане с 1059 по 1063 г., а потом визиря, когда тот в 1063 г. стал султаном, с чьими идеями мы имеем счастливую возможность познакомиться по его «Трактату о правлении» (или «Книге о политике», *Сиасет-наме*), то военные успехи страны — заслуга султанов, и они не менее примечательны. В 1071 г., поскольку сельджуки уничтожили Армянское царство, взяв в 1048 г. Эрзурум, а потом, в 1064 г., его столицу Ани, поскольку набеги туркменов на территорию Малой Азии продолжались и последние иногда уходили очень далеко от своих кочевий, добираясь до Малатьи и Сиваса, византийский император Роман Диоген наконец решил выступить в поход. Алп-Арслан пропустил его до земель к северу от озера Ван и там 19 августа дал ему сражение при Манцикерте (Малазгирте), в верховьях Евфрата. Боевой дух огромного византийского войска был подорван долгим маршем по совершенно разоренной местности. Оно было уничтожено, и император

попал в руки победителей. Впервые «римский» суверен стал пленником мусульманина. Исламский Иран оказался под стать маздеистскому. Казалось, вернулись времена Шапура и Валериана!

Победа была настолько полной, что не может быть сомнений: Алп-Арслан мог бы занять всю Анатолию. Он этого не пожелал. Император был освобожден за выкуп, его территории оставлены. Многие греческие и тюркские принцы стали друзьями. Малая Азия делается тюркской лишь несколько позже и по инициативе самих византийцев, после того как они используют для защиты своих границ старый прием римлян и китайцев, заключающийся в том, чтобы селить «варваров» на приграничных землях в качестве федератов. В 1081 г. новый базилиевс Алексей Комнин на удивление смело прибегнул к нему. Он отдал в лен своему «верному другу», Сельджукиду Сулейману ибн Кутулмышу, город Никею (Изник) у самых ворот Константинополя. Сельджукиды Рума (римской земли) воспользовались этим, чтобы выкроить себе большое царство, когда в 1084 г. захватили Иконий, сделав из него свою столицу под названием Конья. Они не смогли создать империю, поскольку их попытки экспансии на восток и юго-восток были пресечены Великими Сельджукидами, экспансии на запад — византийцами и им пришлось ограничиться Анатолийским плоскогорьем. Они сделают из своего государства Турцию.

После великой победы в Анатолии Алп-Арслан отправился на Восток, чтобы завоевать Согдиану. Он хотел добиться этого любой ценой и бросил против нее армию численностью в двести тысяч бойцов. Там он нашел смерть. Победа была у него в руках, когда он был убит самым обычным военнопленным, которого допрашивал. Ему наследовал сын Малик-шах (1073–1092). Вразрез с обычаем тюркских князей, которые носили имена животных, взятые из ономастической сокровищницы степных народов, он взял в качестве имени двойной титул: арабский — *малик*, «царь», и персидский — *шах*, «император», чего было достаточно для демонстрации, насколько он хотел интегрироваться как в мусульманский, так и в иранский мир. Он подтвердил это намерение, оставив на посту отцовского великого визиря Низам ал-мулка, занимавшего эту должность, пока его не убили в 1092 г., и немедленно продолжив наступление на Караханидов. Для него не оставалось никаких сомнений: иранский мир должен быть объединен. Он брал города Согдианы один за другим, несмотря на активное сопротивление, которое часто встречал. В 1074 г. хан капитулировал, но — вероятно, потому, что был популярен в стране, а Сельджукиды нуждались в поддержке народа, — сохранил функции монарха и только должен был признать себя

вассалом. Тем временем Малик-шах, продолжая борьбу с шиизмом, уничтожил царство карматов со столицей в ал-Ахсе (Бахрейн), и халиф возложил на него защиту священных городов Аравии. Все его цели были достигнуты. Все его амбиции были удовлетворены, кроме одной: нанести поражение египетским Фатимидам, представлявшим тех самых шиитов, которых Сельджукиды с самого начала царствования избрали противниками, и легитимировавшим шиитские действия.

КАРАХАНИДЫ

Подчиненное положение Караханидов никоим образом не сказывалось на их могуществе и на деятельности в сфере культуры. Они дожили до золотого века при возведенном на трон султаном Баркияр-руком (1094–1104) Арслан-хане (1102–1130), с царствования которого начался период мира и процветания, особенно для его столицы Бухары, хотя его последние годы были омрачены болезнью. С восторженными описаниями, какие современники посвящали караханидскому искусству, вполне можно согласиться при виде единственного памятника, созданного руками тогдашних мастеров и избежавшего разрушения, — гигантского минарета Калян 1127 г., который, хоть и углублен в землю, еще поднимается над ней на полсотни метров в виде цилиндра с кирпичным декором, несколько сужаясь от основания к вершине, а потом расширяясь и образуя фонарь. Его эпиграфика, ширина которой тем меньше, чем выше расположена надпись, конечно, не рассчитана на чтение, но создает иллюзию еще большей высоты. Его отделка *мукарнами* (сталактитами или пчелиными сотами) — один из старейших примеров использования этого элемента, который ждало столь большое будущее.

Хотя Караханиды и испытывали иранское влияние, они желали оставаться тюрками. В этом состоит их своеобразие, тем более что жили они на одной из древнейших земель иранской культуры. Это они начали тюркизацию Согдианы, это они в большей мере, чем уйгуры, поселившиеся в восточной части Таримского бассейна, предприняли или ускорили тюркизацию области, которая станет Синьцзяном: язык, на котором там всё еще говорят, — отнюдь не уйгурский язык, как утверждается, а кашгарский говор караханидского языка. Именно на тюркском языке написаны популярные, очень простые, очень непосредственные, без конца переписывавшиеся в разные времена и оказывающие огромное влияние по сей день произведения поэта-мистика Ахмеда Ясави, родившегося в начале XII в. в Ясах (Туркестане), учени-

ка Юсуфа Хамадани (ум. 1140) из Бухары. Именно на тюркском языке составлено «Кутадгу билиг», «Благодатное знание» (1067–1070), книга особо интересная, потому что представляется первой в своем жанре, а если «Словарь тюркских наречий» Махмуда ал-Кашгари и написан около 1075 г. по-арабски, то он приводит столько пословиц и стихов на средневековом восточнотюркском языке, что остается очень важным документом для тюркологов.

СИРИЯ

Туркменские орды не довольствовались тем, что разорили Малую Азию и Армению. Они наводнили Сирию и Палестину, где многие земли принадлежали египетским Фатимидам, явно смотревшим на кочевников косо и пытавшимся от них избавиться. Ощувив, что и их грабительские набеги, и сама их жизнь оказались под угрозой, туркмены в 1076 г. обратились за помощью к Великим Сельджукидам. Те не замедлили ее оказать. Малик-шах отрядил для этого своего брата Тутуша (ум. 1095), который больше ставил на этих землях своих людей, чем поддерживал грабителей, кстати, расправляясь с теми из них, кто был ему особенно неудобен. Так на арабском Ближнем Востоке появились новые царствующие династии, очень часто враждующие меж собой, но иногда и блестящие. Самым выдающимся из этих удельных князей был в Халебе Ак-Сункур, «Белый Кречет», отец Зенги, дед Нур ад-Дина, нашего Нуреддина, того, который завоюет Египет руками Ширкуха и Саладина. Взятие тюрками городов, столь дорогих сердцам христиан, как Иерусалим (1071, потом 1077 г.) и Антиохия (1086 г.), усилило ужас, который уже вызвали битва при Манцикерте и поражение византийцев, даром что последних ненавидели, и послужило главным предлогом для крестовых походов. Действительно, есть основания думать, что основной причиной этих походов было победоносное наступление ислама на константинопольскую империю, его продвижение на запад в то время, когда Европа была занята Реконкистой. Но возбудить массы было проще, призвав их освободить Гроб Господень! Великая эпопея франков затронет Иран довольно слабо, когда в борьбу с первыми втянутся курды Верхней Месопотамии и хорасанские ополченцы, входившие в состав ближневосточных армий.

ИРАНСКОЕ ЦАРСТВО В ЕГИПТЕ: САЛАДИН И АЙЮБИДЫ

Об одном курде нам и следует поговорить. Тот, кого мы называем Саладином, на самом деле именовался Салах ад-Дин Юсуф. Он родился в 1138 г. в Тикрите (Месопотамия), когда там находился его отец Айюб, офицер на службе Зенги (1127–1147), ставшим первым мусульманским князем Ближнего Востока после того, как взял Халеб. Он был еще подростком, когда в 1152 г. его дядя Ширкух пригласил его ко двору сына Зенги, Нур ад-Дина (1147–1174). Там он понравился. Он быстро поднялся по первым ступеням карьеры. Когда Ширкух был отправлен Нур ад-Дином завоевывать Египет, он его сопровождал (1164–1169). Здесь следует отметить, что через пять лет его, хоть он и был суннитом, назначили визирем фатимидского халифа. Это было парадоксальным, но такой парадокс мы уже встречали, когда шииты Буиды обладали властью в суннитском халифате Аббасидов. Впрочем, этот парадокс продлился недолго, потому что в 1171 г. Саладин велел произносить в *хутбе* имя багдадского халифа. Египет не выразил протеста. Он всего лишь терпел еретическую династию, показавшую себя крайне толерантной, и Фатимиды исчезли при общем равнодушии прежних подданных. Визирь стал настоящим властителем долины Нила, пусть даже управлял от имени Нур ад-Дина. Смерть последнего в 1174 г. освободила его от обязанности подчиняться кому-либо и позволила претендовать на наследие покойного князя Халеба. Для этого у него на руках было достаточно козырей. С 1174 по 1185 г. он сумел убеждением и силой объединить под своей властью почти всю Сирию. Она еще никогда не выступала единым фронтом против франков, обосновавшихся в Святой земле и в Антиохии. Она наконец это сделала, и результат не заставил себя ждать: в 1187 г. Саладин отобрал Иерусалим у крестоносцев. Разумеется, это вызвало много шума. Когда через несколько лет, в 1193 г., Саладин умер, он окончательно стал героем. Он им остался вплоть до наших дней — конечно, на Востоке, но каким-то непонятным образом и на христианском Западе. Его украсили рыцарскими достоинствами, которые он мог иметь, а мог и не иметь, поскольку не факт, что они вязались с его фанатизмом и как минимум приступами нетерпимости (например, когда он обязал *зиммиев* носить отличительные знаки). Как бы то ни было, за ним охотно признают высокие добродетели, и можно полагать, что ни один иранец, за исключением некоторых Ахеменидов, не знаменит на Западе больше, чем он. Но известно ли, что он был иранцем? Несомненно, нет. Однако он им был, хоть и очень тюркизированным, потому что был курдом, как и его окружение. Он со-

брал вокруг себя многих соплеменников, прежде всего родственников, и именно им обязан основными успехами. Надо ли напоминать, что это его брат Туран-шах завоевал для него в 1174 г. Нубию и Йемен, что это один из его племянников, Таки-ад-дин, в 1173 г. передал ему в руки Киренаику и Триполитанию? Он основал за пределами Ирана иранскую династию — сыновей Айюба, Айюбидов. Она оказалась недолговечной, поскольку в 1250 г. была свергнута своими наемниками, мамлюками, которыми и будет известен Египет еще двести пятьдесят лет, но оставила по себе красивые памятники. Разве не один из них, исключительно прекрасный, мы видим в Каире, смотря с площади Саладина на цитадель?

КОНЕЦ СЕЛЬДЖУКИДОВ

Смерть Малик-шаха в 1092 г. привела сельджуков к быстрому упадку. Его наследие оспаривали четыре сына — Махмуд (1092–1094), Баркиярुक (1094–1104), Мухаммад (1105–1118) и Санджар (1118–1157). В провинциях удельные князья и те, на кого было возложено их воспитание, *атабеки*, наставники, по-прежнему обладавшие для своих учеников большим авторитетом, а иногда через их посредство и властью, настраивали их друг против друга. С 1180 по 1225 г. Багдадский халифат при ан-Насире вернул себе полную независимость. Секта исмаилитов, с которой мы еще встретимся, демонстрировала опасную эффективность, а ее логова были неприступны для правительственных сил. Не хватало денег. Всё шло плохо.

Однако при Мухаммаде ситуация начала выправляться, а при Санджаре, казалось, всё вот-вот по-настоящему наладится, когда на Востоке появилась новая сила. Кидани, завоевавшие когда-то, в 936 г., Китай и основавшие там династию Ляо, в 1123 г. были оттуда изгнаны и после долгого скитания по степям создали на границе караханидских владений, вокруг нескольких городов, Кашгара и Баласагуна, империю каракитаев (черных или северных киданей). Они были сильно китаизированы в результате почти двухвекового пребывания в Китае и принесли с собой новое усиление китайского влияния. Они были буддистами. Буддийской была и их империя. Таким образом, земли, которые были колыбелью Караханидов, которые ислам завоевал совсем недавно, были у него отторгнуты. Впервые мусульмане в Азии были вынуждены отступить.

Когда в 1137 г. каракитаи напали на Фергану, Санджар больше не сомневался, что обязан вмешаться. Он был покровителем Караханидов.

Он был первым мусульманским монархом Азии. Он выступил в поход. Дальнейшее было ужасным. 9 сентября 1141 г. в сражении в Катванской степи под Самаркандом сельджуки бежали как зайцы, оставив на поле боя около тридцати тысяч убитыми и ранеными. В руки буддистов попали все земли между Сырдарьей и Амударьей. Это событие получило огромный резонанс. Отступление воспринимали как трагедию. Ведь ислам терял не только бесплодные земли, но и территории, где процветала его самая высокоразвитая культура. Было отчего потерять голову, тем более что как раз тогда на Ближнем Востоке ислам испытывал натиск крестоносцев, а в Западной Европе утратил почти столь же богатые провинции в Испании (взятие Толедо в 1085 г.) и на Сицилии (норманнское завоевание с 1061 по 1072 г.). У христиан возникло ощущение нового рассвета, надежда на то, что на Дальнем Востоке появился союзник, способный ударить на мусульман с тыла. Отсюда родился миф о пресвитере Иоанне, восточном владыке, преданном христианству. В Согдиане много говорили об антимусульманской реакции. Ее преувеличивали, и, похоже, ранее 1200 г. никаких принудительных мер не принималось, но милостей, оказываемых христианам и буддистам, было уже достаточно, чтобы вызвать раздражение у мусульман. Ситуация изменилась только в начале XIII в., когда в результате прихотливого сочетания брачных союзов на трон поднялся найман-христианин Кучлук, велевший казнить первого имама Хотана. Однако нет сомнений, что несторианство укрепило свои позиции, что в Бухару стекались иудеи и надолго там поселились, коль скоро еще в XIX в. имели там семь больших синагог, и что вновь усилился буддизм: если нельзя утверждать, что монастыри последователей Будды, процветавшие в XIV в. в Афганистане, появились скорей во времена Караханидов, чем монголов, то монастыри Каялыка, отмеченные около 1150 г., вероятнее всего, могли быть основаны только при последних.

Огромное множество племен, которые, возможно, бежали от каракитаев или втягивались в вакуум, образовавшийся после поражения сельджуков, вновь хлынуло в Восточный Иран. Санджар, хотя у него хватало и других проблем, окончательно истощил свои силы в попытках сдержать эти племена. Удавалось ему это плохо, и в конечном счете он даже попал к ним в руки на три года, с 1153 по 1156 г. Он сумел бежать лишь с тем, чтобы в 1157 г. умереть. Ему воздвигли в Мерве роскошный мавзолей, первый погребальный дворец, несомненно, размещенный внутри ансамбля из четырех садов (*чахар-баг*). Великие Сельджукиды пережили его на несколько лет, до поражения при Рее от хорезмшахов

и гибели своего последнего монарха Тогрула III в 1194 г., но эпитета «великие» они больше не заслуживали.

ХОРЕЗМШАХИ

Хорезмшахи, победившие сельджуков, с давних пор возглавляли прекрасное царство, которое им никак не удавалось вывести из подчиненного положения. Когда они восставали, что случалось довольно часто, то всегда лишь теряли выгоды, приобретенные ранее благодаря подчиненному положению: реальное благосостояние и полунезависимость. Если сначала Хорезм тяготел к Газневидам и жил под властью одного из их *гулямов* — Алтунташа (с 1018), то потом он попал под протекторат Сельджукидов, возведших на престол одного из своих людей, Кутб ад-дина Мухаммада (с 1077), а потом его сына Атсыза (1127–1156). Последний, долгое время храня им верность, попытался взбунтоваться, был за это наказан и поспешил спасти свое положение, сразу же признав себя вассалом. Когда Санджара в 1141 г. победили каракитаи, Атсыз присоединился к победителям, что означало для него всего лишь очередную смену господина, зато позволило повысить статус. Настолько, что своему наследнику Иль-Арслану (1156–1172) он оставил страну в достаточно цветущем положении, чтобы тот выглядел внушительной политической фигурой. Отныне хорезмшахи так упрочили свою власть, что умели преодолевать кризисы наследования — бич тюркских монархий. Это стало очевидно после смерти Иль-Арслана, повлекшей за собой яростное соперничество претендентов на престол, которое продолжалось два года. Тот, кто в конечном счете вышел из него победителем, Текеш (1174–1220), еще более окреп благодаря испытаниям и мог питать далеко идущие амбиции. Мы видели, что Иран после смерти Санджара впал в полную анархию. Сельджукидская корона непрочно сидела на головах ее носителей. Разве Текеш не мог с минимальными усилиями сбросить ее и взять себе? Он двинулся на запад, настиг в 1194 г. армию султана Тогрула III близ Рея и одержал легкую победу. Корона упала. Текеш ее подобрал. Великие Сельджукиды покинули историю. И в нее торжественно вступили хорезмшахи — они стали господами Ирана. Когда Текеш умер, его сыну Ала ад-дину Мухаммаду понадобилось не более двух десятков лет, чтобы вознести новую империю на вершину могущества и потом обречь ее на гибель. Для начала Ала ад-дин Мухаммад напал на Гуридов. Он побеждал их с 1204 г., однако только в 1215 г. захватил Герат, а в 1219 г. отнял у них Газну. Формально он действовал совместно с каракитаями и в большей

или меньшей мере от их имени. Это была только видимость. Победители сельджуков не зависели уже ни от кого. Они продемонстрировали это в 1207 г., захватив Согдиану и разгромив мнимых сюзеренов, которые исчезли, не оставив следов. Что касается Караханидов, которые надеялись в этой связи вернуть себе независимость или хотя бы некоторую автономию, то в 1208 г. они тоже были низложены. За два десятилетия хорезмшахи повергли Сельджукидов, Гуридов, каракитаев и Караханидов. Они запросто могли в 1212–1219 гг. завершить завоевание всего Ирана. Было совершенно очевидно, что им принадлежит будущее. «Нет, сир, никто над будущим не властен! Хозяин будущего — Бог!» (Виктор Гюго). Через два года появится Чингис-хан.

ИРАН ПОД СЕЛЬДЖУКСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

Массовое вторжение тюркоязычных кочевников в иранский мир внесло глубокие изменения в этническую и лингвистическую ситуацию в нем, как и в образ жизни его жителей. Пока невозможно оценить, не рискуя ошибиться, численность тюрков, переселившихся в XI–XIII вв. на персидский, арабский и византийский Ближний Восток, и почти не подлежит сомнению, что нашествия монголов, увлекавших за собой или гнавших впереди другие орды, ускорили процесс, уже начатый сельджуками. Отдельные группы расселились в разных провинциях — в Маргиане, которая позже станет Туркменией, в Хорасане, теперь отчасти населенном туркменами, в Фарсе, куда еще часто наведывались кашгаи. Другие группы, намного более многочисленные, заселили северо-запад Ирана и Малую Азию — некие подопытия тупиков, а не проходных дорог, поскольку первый упирался в Кавказские горы, впрочем, достаточно проходимые, а выход из второй пока запирала Византия, и эти местности позже станут называться соответственно Азербайджаном и Турцией.

Хотя суверен и его администрация афишировали заботу о местном населении, не приходится сомневаться, что вторжение кочевников способствовало опустыниванию, поскольку они уничтожали культуры и истребляли леса. Следствиями этого были, с одной стороны, возврат некоторых ираноговорящих элементов, давно ставших оседлыми, к кочевому образу жизни, с другой стороны — частичный отказ власти от контроля за свободолюбивыми родами, которые сельджуки не смогли интегрировать в свое государство. Теперь Иран разделили на провинции, каждой из которых должен был управлять принц из правящего дома, так называемый «царь» (*малик*), чья армия содержалась за счет

держателей пожизненных ленов (*икта*), ненаследственных. Зато политика правительства была направлена на то, чтобы отстранить от власти традиционную иранскую знать, *дежкан*, и для этого оно стало опираться на бюрократию, набираемую из числа мелких земельных собственников, что полностью перевернуло социальную ситуацию и позволило подняться новому классу. Наконец, хоть и ненадолго, сельджуки отчасти восстановили единство мусульманского мира — на землях от Сирии до Средней Азии и некоторым образом воссоздали великую Иранскую империю, сравнимую с империями древнего мира. Это факт первостепенной значимости для иранской истории. Хотя династия, властвовавшая там, была тюркской, хотя служившая ей армия наряду с хорасанцами по преимуществу состояла из тюрков (и это началось не вчера), речь на самом деле идет именно об иранской империи, об империи, язык которой был персидским, административные кадры которой были персидскими, и, главное, великая культура которой, несмотря на все многочисленные степные, буддийские или китайские влияния, была иранской культурой.

Не менее сложными, и крайне запутанными, были отношения между тюрками и иранцами. Они складывались из влечения и отторжения, из восхищения и презрения. Однако тюрки, проникшие в иранский мир, относились к своим подданным высокомерно, считая их слабыми и созданными для покорности. Например, была такая пословица: «Если тюрк взойдет на живот таджичке [иранке], живот треснет», а намного позже, в 1349 г., когда персидский *малик* Герата сделался султаном, это повергло тюрков в изумление: «Как таджик может претендовать на султанский сан?». Иранцы безоговорочно признавали военное превосходство тюрков, но не забывали, что те первоначально стали им известны как рабы, *гулямы*, — конечно, сильные, но бесправные по закону. Относясь к ним так же, как в свое время относились к арабам, они в глубине души сознавали, что цивилизация их предков была более высокоразвитой. Это не лишало их восприимчивости к красоте тюрчанок, «исполненных грации и живости», имеющих «маленькие, но обольстительные глаза», как сказал медик Ибн Бутлан, умерший в 1063 г. Поэты неустанно воспевали миндалевидный разрез глаз, черные косы, круглые лица, подобные полной луне, и графические изображения ясно показывают, что монголоидные черты лица стали идеалом красоты. Впрочем, завоевателей и вассалов разделяло слишком много различных, а иногда диаметрально противоположных традиций, чтобы в отношениях между ними царила гармония. Законы и мораль ислама, отныне пронизавшие Иран, порой были несовместимы с тюркскими

традициями — такими, как широкая свобода женщин, не допускавшая заточения в гареме и ношения покрывала; запрет осквернять воду экскрементами, противоречивший обычаю обязательных ритуальных омовений; заклятие животных без пролития единой капли крови, тогда как *шариат* требовал, чтобы вся кровь была выпущена. Ислам усвоил некоторые тюркские нововведения, иногда уже раньше привнесенные наемниками или соответствовавшие народному идеалу: культ святых, погребальное искусство, скульптурные или живописные изображения. Тюрки уступали по некоторым пунктам или сохраняли свои обычаи, скрывая их, а мусульмане очень часто делали вид, что ничего не замечают. Но достаточно прочесть яростные обличения прекрасного пола, сделанные Низам ал-мулком, чтобы понять ширину пропасти, разделявшей обе культуры: «Если что скажут женщины, надо делать вопреки, чтобы вышло целесообразно» (XLIII), и это не единственное проявление его женоненавистничества, которое укреплял образ жизни тюрчанок.

В эпоху, которую называют сельджукской и которая вполне достойна так называться, возник удивительный феномен, который, как мне кажется, привлекает слишком мало внимания. После того как не меньше века во всей Западной Азии тотально доминировали тюрки в лице сельджуков, Газневидов, Караханидов, в XII в. вновь усилились иранцы. В самом деле, тогда были созданы три великих империи, достигших высшего могущества на рубеже тысяча двухсотого года и занимавших в то время важнейшее место: две в Иране — империи Гуридов и хорезмшахов и третья за пределами Ирана — империя египетских и сирийских Айюбидов. Я отнюдь не игнорирую оговорки, которыми надо сопроводить такое утверждение, имеющее общий характер и, возможно, недостаточно учитывающее нюансы. Только Гуриды были в полной мере иранцами по происхождению, по составу армии, по территории, над которой властвовали. Хорезм был иранской империей, и в его войске служили иранцы (впрочем, тюркизированные), но управлялся он тюрками; Айюбиды были курдами, но повелевали арабской страной. Тем не менее воскрешение произошло, и нас оно удивляет. А если идти дальше, нельзя ли сказать, что империя Сельджукидов была иранской? Спросим об этом Низам ал-мулка.

ТРИУМФ СУННИЗМА

Сельджукские султаны, принявшие ислам из политических соображений, включились в игру и стали добрыми мусульманами-суннитами, иногда доходя до крайних пределов фанатизма. Они объявили себя

врагами шиитов и не оказались клятвопреступниками. Они сделали шиитов главной мишенью. Зато их люди, особенно жившие в племенах, оставались такими же, как прежде, долго хранили древние верования и были мусульманами немногим более чем по названию. От этой привязанности к традициям и поныне остались далеко не только жалкие следы, о чем я могу авторитетно свидетельствовать, посвятив часть жизни их изучению. О степени исламизации тюрков в XIII в. можно судить по тому, что Шейад Хамза, ученый поэт, не народный, начинает свой текст с классического воззвания «Бисмилляхи ар-Рахман ар-Рахим» (Во имя Бога, милостивого, милосердного) и сразу же переводит на тюркский эти арабские слова, которым бы следовало быть привычными для мало-мальски образованного мусульманина.

Удивительное заявление Низам ал-мулка, которого невозможно обвинить в агностическом уклоне, проясняет религиозную политику Сельджукидов: «Царство держится при неверии и не держится при притеснении и насилии» (II). Однако, если для борьбы с дедовскими верованиями тюрков не принималось никаких серьезных мер, если к представителям других религий, за некоторыми исключениями, проявлялась терпимость, то с шиитами вообще и с самым экстремистским их крылом, исмаилитами, в особенности, сельджукское правительство вело яростную борьбу.

Исмаилизм представляет собой одну из ветвей шиизма. Он увидел свет в VIII в., после того как в 765 г. умер пятый из преемников Али, то есть шестой имам, «предводитель», Джафар ас-Садик, личность выдающаяся, законодатель, алхимик, поддерживавший тесные связи с представителями разных религий империи и разных направлений мысли своего времени, наделенный очень широким взглядом на вещи. Такая же открытость обнаруживается у большинства членов его секты, и что примечательно — даже по сей день у последних ее представителей, «неоисмаилитов», которых возглавляет Ага-хан. Шиизм предписывал, чтобы передача полномочий его предводителей, имамов, происходила по наследству по праву первородства либо по назначению отца, выбирающего одного из сыновей. Джафар выбрал наследником своего сына Исмаила, но тот умер раньше отца. В то время как большинство верующих признало право стать имамом за младшим сыном, рожденным от рабыни, меньшинство отказалось верить в смерть Исмаила, седьмого имама, и заявило, что он по-прежнему жив, скрылся, находится в тайном месте, откуда продолжает руководить общиной, и однажды вернется как *махди*, «спаситель», накануне Судного дня. Те, кто придерживался этой точки зрения, получили название «исмаилиты», пото-

му что тяготели к Исмаилу, или «семиричники», потому что признавали семь имамов. Те, кто поддержал младшего сына и его потомков, были названы имамами, или двенадцатниками, потому что признавали двенадцать имамов.

Хотя исмаилиты были активны, они долго вели скрытую жизнь, о которой мы всё еще почти ничего не знаем, пока в 909 г. один из них не объявил себя потомком Али и Фатимы, дочери Пророка, имамом, который покинул тайное убежище. Ему удалось захватить власть в Ифрикии (Тунисе), завоевать Египет и основать халифат Фатимидов. Всё шло хорошо до 1094 г., пока смерть одного из его потомков, халифа ал-Мустансира, не спровоцировала глубокий кризис. Сторонники старшего сына покойного, Низара, не допущенного к наследованию, откололись от исмаилитов и вновь стали скрываться. Через некоторое время иранец Хасан ас-Саббах, родившийся в Куме в середине XI в. и обратившийся в «низаризм» во время поездки в Египет, сумел собрать значительную группу сектантов, сначала в Иране, потом в Сирии, и вдохнул в исмаилизм новую жизнь. Его сторонников незамедлительно атаковала сельджукская власть, и им пришлось искать убежища в горах. В 1090 г. они захватили цитадель Аламут к северо-западу от современного Тегерана, а потом несколько других. В 1092 г. сельджуки штурмовали эти неприступные укрепления, так и не взяв их, но пребывание тех, кто там укрылся, они сделали нелегким. Преследуемые, затравленные, исмаилиты не нашли иного способа защитить себя, спасти себе жизнь, кроме как создать корпус *фидаи* («тех, кто жертвует собой») и посылать их, одурманенных гашишем (отсюда *хашишин*, «ас-сасин», как результат сомнительной игры слов), покушаться на жизнь врагов. Они убили многих из самых великих (халифов), из самых могущественных, начиная, может быть, с визиря Низам ал-мулка в 1092 г. Они приобрели огромную известность даже в Европе, со средних веков вплоть до наших дней, и их образы вдохновляли авторов многих сказок и романов.

Я далек от мысли оправдывать их преступления! Но надо понимать причину, по какой они их совершали — это было отчаяние, — и, прежде всего, не надо судить об исмаилизме только по ним. Идеология секты была из самых возвышенных и, как хорошо сказал Анри Корбен, «представляла собой по преимуществу гнозис в исламе». Она проповедовала, как, впрочем, и весь шиизм, искупительную ценность страдания (это христианское, а не мусульманское положение), вечное присутствие божественного света, который передается из поколения в поколение, чтобы направлять людей и давать им откровение (а это очень

иранская идея), пришествие чистого духовного ислама. Она дошла даже до отмены *шариата*, правда, ненадолго (1164–1210), и в ходе торжественного празднования, состоявшегося в 1164 г. в Аламуте, назвала это событие «Великим Воскресением».

Тем не менее исмаилиты действовали длительное время. Хасану ас-Саббаху, умершему в 1124 г., наследовал Бузург Умид (1124–1138), а потом другие, менее известные лидеры вплоть до Рукна ад-Дина, который понял, что не сможет дать отпор монголам, и в 1256 г. отдал своим последователям приказ капитулировать. Некоторые послушались; другие, обитатели Аламута и Ламасара, предпочли биться насмерть, и их цитадели были снесены. Исмаилиты, как я уже говорил, распространили влияние на Сирию, где появились в качестве последних поборников своей веры после того, как Саладин в 1171 г. сверг власть Фатимидов. Саладин, даром что был ярым, нетерпимым суннитом и, кстати, дважды избежал покушений на убийство, в конечном счете вступил в соглашение с местным их главой, неким Синаном, возможно, тем человеком, благодаря которому стал популярным титул «Старец Горы», хотя иногда этот титул приписывают самому Хасану ас-Саббаху. Безусловно, по крайней мере в Иране с 1090 по 1256 г. исмаилиты образовали государство в государстве и поддерживали постоянное ощущение небезопасности.

МИСТИКА

Сельджуков часто обвиняют в преследовании суфиев, и некоторые из последних были действительно казнены по обвинению в отступничестве — как Абу-л Фустах из Гиляна, приговоренный к смерти в 1194 г. за пантеистские аллегории, и прежде всего как великий и лучезарный Сухраварди, который, конечно, заслуживает большего, чем простого упоминания, и о котором мы еще поговорим. Но пусть гибель этих мучеников была вполне реальным и возмутительным фактом — не стоит забывать, что в сельджукскую эпоху, как и в предыдущую, жили люди, наделенные подлинной духовностью, как Санаи (ок. 1080–ок. 1131), чей «Сад истин» был написан под влиянием Халладжа, как Рузбихан Бакли из Шираза (ум. 1203), который разработал тонкую и изящную теорию любви и видел в том, что возникает между мужчиной и женщиной, пропедевтику божественной любви, не говоря уже об ал-Газали, который был мистиком и философом, о Низами, великом поэте, ставшем певцом благочестия и бедности, и об Аттаре.

Аттар, родившийся приблизительно в 1142 г. близ Нишапура и, несомненно, погибший в результате монгольских нашествий в 1230 г., хотя тогда был уже очень стар, — один из иранских мистиков, наиболее известных в Европе, где переведены почти все его произведения. Аптекарь, живший в окружении лекарств, он описал долгий путь, ведущий от множественности к единству, этапы, которые следует пройти, воспел в нескольких сотнях тысяч стихотворных строк (все ли принадлежат ему?) простым языком свою любовь к Богу, и отдельные приступы вдохновения позволили ему создать чистейшие жемчужины. Его шедевры — «Язык птиц» (Мантык ат-тайр) и «Книга испытания» (Мусибат-наме), которым уступают «Жизнеописания святых» (Тазкират ал-авлия), набор биографических заметок о семидесяти двух «Друзьях Бога», где агиографическое начало несколько подавляет духовное.

Аттар превосходит Сухраварди как поэт, но не равен ему как мыслитель, как визионер, и оказал намного меньше влияния. Шихаб ад-дин ас-Сухраварди, которому дали прозвища Шейх ал-Мактуль («убиенный»), а последователи — Шейх Шахид («мученик»), родился в 1153 г. в древней Мидии и умер еще совсем молодым во время поездки в Халеб в 1191 г., став жертвой суннитских властей, которые в конечном счете добились от Саладина вынесения ему смертного приговора по обвинению в неверии, что Мухаммад был Печатью Пророков. Он действительно учил, что *мирадж*, ночное вознесение на небо основателя ислама, был прообразом духовного опыта, который каждый мистик призван испытать заново. Человек светлый, вдохновляемый высокими духовными представлениями, он был укоренен в иранском прошлом, которое никоим образом не считал несовместимым с исламом; в свою систему он включил много зороастрийских терминов и концепций. «Мое учение, — писал он, — это учение Мудрецов древней Персии о Свете и Тьме, которое я хочу воскресить в своей работе, и в этом замысле у меня не было предшественников» (пер. Анри Корбен). Его влияние, которое больше осуществлялось через посредство молвы о нем, чем его трудов, написанных по-арабски и по-персидски, было значительным и остается значительным по сей день, хотя, несомненно, несколько скрытым. Он выглядит одной из самых привлекательных фигур мусульманского Ирана.

На эпоху сельджукского владычества пришлось и основание первых больших религиозных орденов, которым предстояло приобрести международный характер и которые существуют поныне, и в этом отношении Иран опять же впереди всего остального мусульманского мира, поскольку единственное сообщество в другом месте — магрибинская

шазилия, основанная Шазили (1196–1258), кстати, несколько позже. Руководимые *шейхом* или *пиром*, тяготеющие к тому, что мы называем «монастырем» (*ханака*) — «этот термин далеко не позволяет понять всей сложности института» (Ж. Шабри), — мусульманские религиозные ордены лишь отдаленно похожи на христианские монашеские ордены, прежде всего потому, что не требуют celibата и не навязывают общинной жизни: их члены могут обходиться периодическими уходами в монастырь или участием в собраниях, организуемых братством (*тарикатом*), вечером после работы или в нерабочие дни.

Старейший из них — орден Кадирия, основанный Абд ал-Кадиром ал-Джилани (1078–1166), где главной обителью, созданной в Багдаде, впоследствии руководили его сыновья. Терпимый, вдохновляемый духом смирения и филантропии, он еще и сегодня выглядит одним из самых открытых внешнему миру и, если можно так выразиться, самых «современных». В этом он отличается от другого ордена, хоть и отпочковавшегося от него и созданного племянником Кадира, Ахмедом ар-Рифаи (ум. 1183), ордена Рифаи: тот более закрыт, и его члены активно практикуют упражнения, рассчитанные на демонстрацию чудес и на эффект, как заклинание змей или глотание огня. Второй по дате возникновения большой орден — Сухравардия, который был основан однофамильцем великого шейха-мученика, жившим с 1144 по 1234 г., и наибольших успехов достиг в Индии. Почти одновременно с ним образовался орден Кубравия, создателем которого был Наджм ад-дин Кубра (1145–1220), хорезмиец с арабской культурой, придавший мистицизму новую окраску за счет углубления умозрительной мистики.

Благодаря суфизму и особенно братствам повысилась значимость инструментальной музыки, ранее считавшейся мирским и немного нечестивым развлечением, неспособным соперничать с пением и речитативным чтением Корана, которое мастерски освоил почти каждый, и тем не менее проникшей в самую глубину мусульманской культуры, может быть, поскольку та наследовала согдийской культуре, и играющей в исламе роль намного более важную, чем на Западе. В духовном концерте (*сема*), где исполнитель — скорее творец, чем интерпретатор, музыка облагораживается, становится песнью души, звучащей в унисон с песнью природы, которую так хорошо воспроизводит тростинка, флейта (*ней*), песнью самого Бога. Это и имел в виду Рузбихан Бакли, сформированный музыкой как личность, паривший в ней, когда в конце жизни отказался от нее со словами: «Теперь сам Бог дает мне свой концерт». Хотя она использует такие четвертые и восьмые доли, к которым ухо европейца непривычно, но в которых ясно выражается

тонкость художественного чувства жителей Востока, некоторые места в ней могут тронуть сердце любого. Кто мог бы остаться равнодушным к звучанию прелюдии в *семе мевлеви*?

ТВОРЧЕСТВО В СЕЛЬДЖУКСКУЮ ЭПОХУ

Сухраварди, Аттара, ал-Джилани, Наджм ад-дина Кубра, а также минарета Калян в Бухаре было бы достаточно, чтобы показать творческий подъем в сельджукскую эпоху, но это лишь выдающиеся вершины горной цепи, в которой много и других. Исключительно высокие пики — это два великих поэта, Омар Хайям и Низами Гянджеви, однако пусть они не заслоняют своих коллег, которые были бы заметны лучше, будь горный рельеф победнее: Низами Арузи (конец XI—начало XII в.), главным произведением которого часто считают «Четыре беседы», Анвари (ум. около 1187), автора элегий и панегириков (*касыд*), который, как и его собрат Муиззи (ум. 1147), жил при дворе Санджара, а потом в Балхе, Хагани (1126–1199), тоже панегириста при царях Ширвана, может быть, несколько излишне манерного, но умевшего находить прекрасные интонации, рассказывая, например, о славе древних Сасанидов, Фаррухи из Систана (ум. 1036), Катрана из Азербайджана (ум. 1072) и, главное, Насира Хосрова из Бактр (1004—около 1075), величайшего певца исмаилизма, которому мы также обязаны интересной книгой о путешествиях. Финансовый чиновник при сельджуках в Мерве с 1040 по 1045 г., Насир Хосров потом отправился в Каир и провел там шесть лет, завершая образование в качестве исмаилитского миссионера (*даи*), а потом вернулся к себе в страну проповедовать. Там он был принят плохо и вынужден укрыться в одном селении в Бадахшане, где следы его затерялись. Его стихи и догматические трактаты, особенно «Книга, соединяющая две мудрости» с подзаголовком «Гармония греческой философии и исмаилитской теософии», стали важной вехой в истории персидской мысли.

Омар Хайям, родившийся в Нишапуре (1050–1123), по просьбе соотечественника Низам ал-мулка, приступил к реформе календаря. Вскоре он сделал научную карьеру, став руководителем Исфаханской обсерватории, и современники знали его прежде всего как ученого. В наших глазах и вообще в глазах потомков славу ему создал поэтический гений. Его творческое наследие, переведенное на английский или скорей адаптированное в 1859 г. Эдвардом Фицджеральдом, сразу же получило ошеломляющий успех, после чего и началось настоящее изучение персидской поэзии. Конечно, Омару Хайяму принадлежит лишь

часть текстов из тех, что приписываются ему, поскольку у него было много подражателей. Это четверостишия, *рубайяты* (ед. ч. *рубайи*), выдающие в авторе вольнодумца, скептика, неизлечимого пессимиста.

Низами, родившийся и умерший в Азербайджане (ок. 1149–1205), не был изобретателем жанра роман в стихах — заслуга в этом принадлежит Гургани (ум. ок. 1055), автору романа «Вис и Рамин», посвященного Тогрул-беку, — но разрабатывал его с несравненным талантом. Из пяти больших поэм («Хамсе»), насчитывающих в целом 28 тысяч стихов, две являются шедеврами: поэма, где повествуется о любви Сасанида Хосрова и христианки Ширин, ставшей у него принцессой, была написана, когда автору исполнилось почти сорок лет, и отличается величайшей психологической тонкостью и юношеской свежестью; другая, восходящая к старинной истории любви Меджнуна и Лейлы, во многом напоминает «Ромео и Джульетту». Меджнун («Безумец») и его кузина Лейла выросли вместе и полюбили друг друга, но родители девушки запрещают ей встречаться с молодым человеком. Тот в отчаянии бежит в пустыню; там он узнает, что его возлюбленная умерла от горя. Тогда он отправляется на поиски ее могилы, находит ее, испускает крик и отдает богу душу. Обоих влюбленных хоронят вместе. Другие произведения Низами могут показаться более бледными. Так ли это? Во всяком случае, все они содержат немало прекрасного: медитации мудреца о жизни в «Сокровищнице тайн», о любви в «Семи красавицах», глубокие размышления о завоевателе в «Книге об Александре» [Искандер-наме].

Ал-Газали (Альгазель западноевропейцев, 1058–1111) — которого считают философом, потому что он рассуждал в рамках философии, но который был самым заклятым противником *фаласафа*, греческой философии, и, следовательно, какого-нибудь Фараби или Авиценны, — был не менее гениален, чем Низами и Хайям, а оказанное им влияние несравненно более значительно. Получив приглашение, в точности как Омар Хайям, от Низам ал-мулка в 1085 г. и став ректором исфаханской школы Низамийе, он был так потрясен убийством везира в 1092 г., что ушел из публичной жизни, девять лет странствовал по Сирии, а потом заточил себя в обители в родном городе Тусе, чтобы вести жизнь суфия; о его обращении рассказывает его «Книга, избавляющая от заблуждений». Мощь его мысли и его стиля, как в «Воскрешении наук о вере», так и в «Самоопровержении философов» (переведенном на латынь в 1145 г.), была столь велика, что философия исчезла из мусульманской цивилизации навсегда, несмотря на старания Аверроэса из Кордовы

(1126–1198) ее спасти. Отныне рассуждали только в рамках теологии (*калам*).

Проза, за исключением ал-Газали, не дала столь же великих имен, как поэзия. Два ее главнейших произведения — видимо, «Сиасет-наме» Низам ал-мулка и «История Газневидов» Бейхаки (ок. 995–1077), отчасти утраченная и предвещавшая уже скорое появление большой исторической школы. Наибольший резонанс произвел персидский перевод «Калилы и Димны», произведения, которое со времен появления своей древней арабской версии всегда приводило читателей в восторг, а теперь обрело вторую молодость.

В сельджукскую эпоху случился необыкновенный подъем фигуративного искусства, почти вездесущего, кроме как в мечетях, и прикладных искусств, прежде всего керамики, особенно в таких крупных центрах, как Рей, Сава и Кашан — последний город специализировался, скорей, на производстве облицовочной плитки, получившей его название: *кашин*. Иранская керамика по формам, технологии, декору приобрела в то время столь высокое качество, что к этому уровню больше не приблизится уже никогда. Это огромное производство, в котором часто ощутимо китайское влияние, делилось на несколько видов: *лакаби*, расписная керамика; «рисовое зерно», техника, создающая игру света, который проходит сквозь полупрозрачную глазурь; *минаи*, эмаль, при покрытии которой изделия обжигались на слабом огне, в которой использовались семь цветов (*хафт ранг*) — синий, пурпурный, зеленый, красный, черный, белый и коричневый, — и изделия из которой представляли собой настоящую книгу с картинками, иллюстрирующую жизнь эпохи и ее поэтические представления: птицы и львы, часто парами, сфинксы, грифоны, сидящие князья, сцены охоты и пирушек, знаки планет и Зодиака.

Эти же изображения встречаются и на металле. Инкрустация, известная уже в доисламском Иране, развилась с XIII в. прежде всего в Хорасане (знаменитый гератский котелок 1163 г. в Эрмитаже, Санкт-Петербург), потом в Мосуле, в Северном Ираке, где достигла высшего уровня исполнения.

Стены частных резиденций или дворцов покрывали не только фаянсовой плиткой, часто имевшей форму восьмиконечных звезд, соединенных крестами, которая позже экспортировалась в Анатолию — о количестве таких плиток дают представление результаты раскопок в Кубадабаде, на озере Бейшехир, — но и большими штукowymi панно, где есть и эпиграфика, но опять же преобладают фигуры. До нас дошло несколько таких панно, есть они и в Лувре (с фризом, изображающим

процессию животных). Крупнейшее, сделанное по заказу Тогрула II или III (высотой 2,13 м и длиной 6,71 м) и вывезенное из Рея, хранится в музее Пенсильвании. С другой стороны, важную роль, должно быть, играла скульптура, судя по количеству круглых статуй, которые часто бывают довольно маленькими, но порой достигают по высоте метра и более, и отбитых голов высотой около 20 см. Предпочитая работу по штуку, Иран все-таки сохранял школу вааяния по камню, существование которой подтверждается целым рядом лестничных парапетов XII, XIII и XIV вв., в том числе хамаданских, и впечатляющими рельефами, которым сельджуки, нередко со времен пришествия, отводили видное место — в городах, отобранных ими у Армении, в Верхней Месопотамии и Восточной Турции (дракон в Ани, 1064 г.; горельеф с изображением крупных хищных птиц на двух бастионах Диярбакыра, 1086–1091 гг.; восхитительная композиция на портике Большой мечети того же города, 1179 г.). Вааяние по камню имело значительный успех в Анатолии (где *in situ* еще можно увидеть сотни фигуративных рельефов) и, может быть, особенно в Дагестане. В этой кавказской провинции, завоеванной Великими Сельджукидами в XII в., для так называемой кубачинской скульптуры характерны произведения в технике высокого рельефа и с моделировкой, которые грубоваты, но прекрасно вписаны в рамку и сочетаются с образующими ее кривыми.

Делать рисунки в рукописях начали до прихода сельджуков, возможно, в Египте, равно как в Сирии, Месопотамии или Иране, судя по двум старейшим иллюстрированным произведениям — «Книге созвездий» (1009–1010), якобы арабской, но на самом деле иранской, и «Трактату о неподвижных звездах» Абд ар-Рахмана ас-Суфи из Рея, жившего с 903 по 986 г. (рукопись из Бодлианской библиотеки в Оксфорде, 1009). Однако подъем этого искусства начался только с 1170 г., а лучшие его произведения появились в начале XIII в., в эпоху монгольских нашествий. Эту продукцию причисляют к багдадской школе или к арабской живописи, и оба названия способны ввести в заблуждение: действительно, с одной стороны, многие из них были написаны не в Багдаде, а в Сирии или в Мосуле, с другой — в них можно найти два влияния, иранское и византийское, последнее из которых проявляется в золотом фоне, моделировании и тенях. Одна из старейших ненаучных рукописей, какими мы располагаем, — роман в стихах Айюки (XI в.), довольно слабое произведение, озаглавленное «Варка и Гульшах», которое было переписано и иллюстрировано на рубеже тысяча двухсотого года семьюдесятью одним рисунком горизонтального формата, показывающего, что графика в рукописях происходит от стенной фрески.

Как хорошо сказал А. С. Меликян-Ширвани, такая иллюстрация представляет собой «позднее проявление искусства, правила и условности которого были созданы давно», но нам они остаются неизвестными. Рукописей багдадской школы насчитывается десятки, и Франции посчастливилось обладать некоторыми из самых прекрасных, в том числе проиллюстрированных величайшим мастером эпохи — ал-Васити. Излюбленные сюжеты — это «Калила и Димна» Ибн ал-Мукаффы (парижская рукопись, 1200–1220), «Макамы» («Беседы») Харири (1054–1122), одного из самых популярных арабских писателей («Харири» ал-Васити, Багдад, 1237, библиотека Шефера, Париж; «Харири», 1225–1230, Санкт-Петербург, и т. д.), «О лекарственных веществах» Диоскорида (стамбульская рукопись, 1224, Багдад; болонская рукопись, 1221, лейденская, 1083), «Книга песен» (Китаб ал-Агани), огромное сочинение в двадцати томах, написанное по-арабски персидским иудеем Абу-л Фараджем ал-Исфахани (Каир, 1217; Копенгаген, 1219; Стамбул, 1218).

До нас дошло поистине ничтожное количество архитектурных произведений сельджукской эпохи, прежде всего мавзолеи — архитектура некоторых происходит от башенной гробницы Гунбад-и Кабус, даже если они по преимуществу гораздо ниже, другие могут воспроизводить траурные юрты тюркских кочевников. Цилиндрические, многогранные, даже кубические, эти мавзолеи покрыты крышей, которая снаружи выглядит пирамидальной или конической, а внутри — как купол. Самые знаменитые: в Дамгане — Пир-и Аламдар (ок. 1026), строго конический; в Харракане, между Казвином и Хамаданом, — две башенных гробницы 1033 и 1067–1068 гг. под двойным куполом; в Абаркухе — Гунбад-и Али (1056), каменный, а не кирпичный мавзолей, представляющий собой примечательное исключение; в Рее — гробница Тогрула (1139–1140), звездообразная в плане, как минареты Газни и Гунбад-и Кабус; в Нахичевани — мавзолей Момине-хатун (1186), внутри цилиндрический, а снаружи двенадцатигранный, высотой 25 м, с красивым бирюзовым декором; в Мераге — Гунбад-и Сурх («Красная башня»), квадратный в плане, возведенный в 1147–1148 гг. и отделанный глазурованными кирпичами, и Гунбад-и Кабуд (1196–1197), построенный на склепе и восьмиугольный в плане. Это распространение мавзолеев, видимо, отвечало глубинным чаяниям народа, ведь другого объяснения ему не находится, если не прибегать к сомнительным гипотезам. Полагать, что они избежали разрушительной ярости завоевателей, которые якобы довольствовались тем, что крушили мечети, медресе, дворцы и караван-сарай, означало бы допустить те же интересы у завоевателей, при

этом отказывая в них тем, кто строил мавзолеи. Лучше признать, что погребальное искусство при владычестве выходцев из Средней Азии сделалось высшим выражением архитектуры. Кстати, разве не стал одним из прекраснейших и самых впечатляющих памятников эпохи первый большой погребальный дворец, который мы уже упоминали, — гробница Санджара в Мерве? Он был построен из кирпича вскоре после 1157 г., квадратным в плане, — это куб со стороной около 39 м, с одной дверью на востоке и одним окном на западе, а зал его покрыт куполом диаметром 17 м; раньше его окружала ограда периметром 550 м, в которой было проделано четверо ворот, а к ним вело четыре аллеи, видимо, разделявшие четыре сада.

Сохранилось несколько более или менее разрушенных караван-сараяв, в том числе два значительных: Рабат-и Малик на дороге из Бухары в Самарканд (1078–1079), построенный при Караханиде Насре, квадратное здание со стороной 86 м и с двумя этажами, двери комнат которых выходят на центральный двор; Рабат-и Шараф между Нишапуром и Мервом (1114–1115, но частично перестроенный в 1154), который состоит из двух ансамблей, выходящих на два двора, похож на газневидские дворцы в Лашкари-Базаре, а входили в него через монументальный портик (*нештак*), один из первых образцов таких портиков, позже распространившихся в Иране.

Можно найти отдельные элементы сельджукских мечетей, встроенные в более поздние архитектурные сооружения, — квадратный зал с куполом (1105–1118) в Большой мечети Гольпайгана каджарской эпохи, роскошный *михраб* в медресе Хейдерие в Казвине и несколько минаретов, высоких и стройных, возведенных с 1058 г. в Дамгане; в них усматривают первые цилиндрические минареты исламского мира, с чем я едва ли соглашусь. Единственное сооружение, дошедшее до нас, — мечеть в Заваре (1135–1136), первая, построенная в крестообразном плане, с четырьмя *айванами*, со временем ставшим классическим. Правда, подобные четыре *айвана* можно увидеть и в Большой мечети Исфахана, но там они появились как результат бесчисленных переделок и не поддаются точной датировке, хотя, безусловно, были созданы в начале XII в. Пятничная мечеть Исфахана, над которой работали более тысячи лет и которая представляет собой антологию архитектурного и декоративного гения Ирана, включает в себя два из прекраснейших куполов мира. Первый из них (диаметром 15 м) был возведен Низам ал-мулком между 1072 и 1075 г. над серединой старого гипостильного зала, перед *михрабом*. Другой министр, Тадж ал-мулк, и правительница Турхан-хатун построили зал со вторым куполом, называемым

Гунбад-и Хаки, несколько меньшим (диаметром 11 м) и несколько более поздним (1088–1089), за пределами храма (с которым он теперь соединен позднейшими постройками), но на оси *михраба*, — возможно, в качестве молельни для женщин, но скорее как зал ожидания для суверена. Искусность, необходимая при строительстве таких сооружений, которую ничто не предвещало, которая не давала знать о себе раньше, и высочайший эстетический уровень потрясают. Может быть, я скажу глупость, поскольку ни эпоха, ни стиль тут не близки, но при виде двух этих куполов я испытываю такое же чувство, как при виде купола Брунеллески во Флорентийском соборе.

ГЛАВА XIII ОПУСТОШИТЕЛЬНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ

Менее чем за два века иранский мир был трижды опустошен столь яростно, как редко бывает в истории: два первых разгрома, один за другим, совершили монголы, а третий — Тамерлан, появившийся менее чем через сто двадцать лет, и это случилось после блистательного периода восстановления, длившегося семьдесят пять лет, и следующего, который можно назвать периодом анархии.

ЧИНГИС-ХАН

Ответственность за это несут хорезмшахи, достигшие высшего могущества. На севере Монголии почти неизвестный малочисленный народ, монголы, которых к их великой ярости позже назовут тартарами (татарами), избрал своим вождем Тэмуджина, а в 1206 г. признал его всеобщим ханом, Чингис-каганом, и от этого наименования произошло наше «Чингис-хан». Почти сразу он начал завоевание Северного Китая и в 1215 г. взял Пекин. Хорезмшах Ала ад-дин Мухаммад, решив выяснить, что это за новая растущая сила, отправил к нему посольство. Оно было хорошо принято. В ответ Чингис-хан в 1218 г. прислал свое. Через их посредство оба монарха заключили соглашение. Ала ад-дин должен был стать властителем Запада, Чингис-хан — Востока; между ними воцарялся вечный мир, и купцы могли свободно разъезжать по Евразии, чтобы, как писал сирийский историк Бар-Эбрей, хорошо передававший монгольское мышление, «богатые и бедные могли жить в мире и молиться Богу». Но в том же 1218 г., едва соглашение было заключено, на границе владений Хорезма, в Отраре, был остановлен огромный караван из Монголии, а люди, шедшие с ним, перебиты. Чингис-хан отправил трех послов, требуя возмещения убытков. Одного

из них умертвили, двух других отослали обратно, сбрив усы и бороды. Я глубоко убежден, что Чингис-хан не желал войны на западе, но не мог стерпеть ни такого вызова, ни такого унижения. Он должен был наказать клятвопреступника. Амбиции были только у Ала ад-дина. Война это сразу же показала. В завоевание она превратилась позже.

Чингис-хан собрал огромную армию, оцениваемую мусульманскими источниками в 600–700 тыс. всадников, хотя В. Бартольд сокращает это число до 150–220 тыс., и напал, несомненно, в сентябре 1219 г., на Отрар, город на Сырдарье, где ранее произошло преступление. Ала ад-дин располагал превосходящими силами, но они были распылены, прикрывая всю Согдиану. Он не мог ничего сделать; может быть, он не хотел ничего делать. Отрар держался. Чингис-хан оставил под его стенами двух сыновей, Чагатая и Угедая, отправил вверх и вниз по течению реки отряды, которые достигли Хорезма и осадили Гургандж, а сам пошел на Бухару и Самарканд, взяв их в феврале и марте 1220 г. Ала ад-дин, почти ничего не предпринявший с начала нападения, впал в панику и бежал на запад. Чингис-хан отправил в погоню за ним корпус в двадцать тысяч бойцов под командованием Джебе и Субэдея. Этот эскадрон немногим менее чем за сорок месяцев совершил самый фантастический рейд из каких-либо известных, пройдя около двадцати тысяч километров по неведомым и враждебным местностям, потеснив и победив великие и доблестные народы: сначала иранцев, грузин, находившихся тогда на вершине могущества, тюрков-кипчаков, занимавших великую причерноморскую степь, русских, волжских булгар. Оба полководца шли по следам хорезмшаха, когда узнали, что он умер от изнурения и отчаяния на островке в Каспийском море. Они не взяли его в плен, и преследование потеряло смысл. Они оказались на западных границах Ирана, у подножия Кавказа. Им надо было возвращаться. Они решили перейти через горы, обогнуть Каспийское море с севера и присоединиться к основным силам чингисхановского войска в Средней Азии. Из всех побед, какие они одержали по пути, самой значительной была победа на реке Калке 31 мая 1222 г., где были разгромлены русские. Хотя прямых последствий она не повлекла, в памяти побежденных она осталась как предвестие *татарщины*, татарского порабощения, которое продлится около двух с половиной веков.

Пока шла эта безумная погоня, Чингис-хан постарался обеспечить свой контроль над Хорасаном, узловым пунктом его коммуникаций, и подавить сопротивление сына покойного суверена, Джелал ад-дина — паладина, удержавшего Афганистан, реорганизовавшего там свою армию и зимой 1221 г. даже победившего монгольский отряд при Парване.

Первая из этих задач была возложена на младшего сына хана — Тулуя, и тот взял, в числе прочих городов, Мерв, Нишапур и Герат. Сам же Чингис-хан форсировал Окс, взял Бактры, перевалил через Гиндукуш и настиг хорезмшаха на Инде. Он победил последнего в ноябре 1221 г., вынудив пересечь реку и укрыться в Индии. У него хватило мудрости не преследовать его и принять решение возвращаться в Монголию. Осенью 1222 г. он был в Бухаре, перезимовал в Самарканде и в 1225 г. прибыл в Монголию. Вскоре, в 1227 г., он умер во время карательного похода против тангутов Ганьсу, не выполнявших взятых на себя союзных обязательств.

Иранская война продлилась немногим более двух лет, но принесла столько разрушений, сколько не случится больше никогда, и погубила столько людей, как ни одна война прежде и, возможно, ни одна война позже. Не всегда можно сказать, когда именно был разрушен тот или иной город (во время завоевания или в результате последующих восстаний), насколько они были разрушены, сколько людей было там истреблено. Бойня могла повторяться. Джувеини отмечает, что «каждый город и каждая деревня неоднократно подвергались грабежу и избиению». Все цифры, которые называют наши информаторы, к какой бы стороне ни принадлежали последние, требуют проверки и, кстати, расходятся в зависимости от источника, часто вплоть до того, что один может называть вдвое большую цифру, чем другой. Враги завоевателя могли набавлять их из ненависти или от ужаса. Сами монголы могли преувеличивать их, чтобы верней сеять страх, чтобы убедить непокорившиеся города: лучше сдаться, чем обороняться. Известно, что их собственные агенты часто распространяли чудовищную клевету, чтобы сильнее воздействовать на умы. Ибн ал-Асир насчитывает в Мерве 700 тыс. жертв, Джувеини — полтора миллиона; в Герате число потерь Сайфи оценивает в 1,6 млн, Джузджани — в 2,5 млн, но надо учитывать также эпидемии и голод. Не враг монголов, а один из чиновников у них на службе — Ата Малик Джувеини утверждает, что погибло девять десятых населения Восточного Ирана. Уточняется — и это важно, так как это объясняет, почему произведения искусства продолжали создаваться, — что здесь и в других местах пощадили ремесленников или некоторое количество ремесленников, и, похоже, очень часто не трогали также духовенство. Конечно, Мерв или Герат были огромными городами, и при оценке количества жертв, несомненно, учитывались деревни, зависевшие от них. Конечно, Хорасан был богатой и густонаселенной территорией. Тем не менее цифры выглядят маловероятными, а поскольку никаких логических объяснений этим

побоищам нет, соблазнительно объявить их плодами горячечного во-
ображения, и однако нам следует их признать. Как можно отвергнуть
согласующиеся друг с другом утверждения, что в Нишапуре было истре-
блено всё живое, включая собак и кошек? А утверждения Джувейни
и Чан-чуня, сходных между собой, что Балх был полностью разрушен?
а сообщения армянского дипломата Смба́та, который видел в Согдиане
более ста тысяч куч человеческих костей и сделал из этого вывод:
«Если бы тартары не убили столько язычников [мусульман], те были бы
в состоянии завоевать весь мир»? Как можно отрицать свидетельства
земель, раны которых заметны и поныне, восемь веков спустя, селения
которых исчезли, которые стали степью или пустыней? Свидетельства
сохранившихся руин, призрачных высоких силуэтов Шахр-и Зохака
и Шахр-и Гулгулы, «Города Вздохов», под Бамианом, который ран-
нее был крупнейшим центром иранского буддизма? Как иначе можно
объяснить исчезновение всей блистательной архитектуры в Бухаре
или в Балхе? и как забыть ужасный замысел одного монгольского
полководца, предложившего перебить в Ганьсу все население, около
десяти миллионов человек, чтобы отдать земли кочевникам, — из-
биения не произошло только благодаря вмешательству Елюй Чуцай,
киданьского министра, которого завоеватель взял на службу в Китае
и который доказал, что обложить земледельцев податью будет вы-
годней, чем уничтожать их? Некоторые города исчезли навсегда, как
Нишапур, на прежней территории которого пашут землю, или Рей, на
смену которому пришел Вара́мин, ныне просто городок в предместье
современной столицы Ирана — Тегерана. Другие были отстроены на
некотором отдалении от прежнего места, — как, например, Термез,
или Гургандж, который был затоплен в результате намеренного или
случайного разрушения плотины на Оксе и, восстановленный позже,
стал Ургенчем, а возможно, и как Самарканд, находящийся недалеко
от древнего Афрасиаба. Некоторые, правда, возродились из пепла, ино-
гда стремительно, как Герат, воссозданный в 1228 г. и снова ставший
важным очагом культуры при Тимуридах.

Признаем, что приписывать всё это монголам было бы несправедли-
во. То, что не было разрушено ими, в свою очередь разрушит Тамерлан.
И все-таки!

Монголы крушили, а потом восстанавливали либо старались это
сделать. Одно из удивительных свойств этой войны заключается в том,
что мере ее развертывания Чингис-хан пытался реорганизовать то, что
ранее уничтожил сам. Перерезав четыре пятых населения, для управле-
ния выжившими он назначал гражданского наместника. В 1220–1221 г.

он поручил трем мастерам проделать дороги в горных массивах Гура и Хорасана. В том же году он создал на местах ведомства во главе с *даругачи*, гражданскими чиновниками немонгольского происхождения, где секретари должны были вести книги записей на персидском и уйгурском языках, облагать жителей чиншем, взимать налоги, набирать людей на службу, создавать почтовую связь, передавать сведения. В 1221 г., по словам даоса Чан-чуня, которого Чингис-хан пригласил к себе из далекого Китая, эта система функционировала хорошо. Управлять Восточным Ираном назначали выдающихся людей, иноземцев или местных. Иноземцы — это кто? Уйгур Куркуз (Георгий), с которым позже расправилась регентша Туракина (1241–1246), вдова Угедая, желавшая устранить всех сподвижников мужа, сколь бы высокие посты они ни занимали, в том числе и Чинкая, несторианина и канцлера империи; ойрат Аргун-ака (1243–1255), который сменил Куркуза. Местные — это кто? Махмуд Ялавач, занимавший свой пост до 1254 г., когда был сделан наместником Пекина, и его сын и наследник Масуд Ялавач (1254–1289), которым было поручено управлять Бухарой, Самаркандом, Ургенчем, Хотаном и Кашгаром; через несколько десятков лет — оба брата Джувеини, Ата Малик (1226–1283), наместник Багдада (*малик* — «царь»), и Шамс ад-дин, первый министр при Хулагу; врач-иудей Сад ад-дауда (1288–1291) и, несомненно, его единоведец Рашид ад-дин из Хамадана (1247–1318). Почему и как эти люди поступили на службу к тем, кто принес их соотечественникам столько страданий? Мы обычно расцениваем сотрудничество с врагом как позор или трусость. Однако они спасли страну. То, что они совершили, достойно восхищения: они сохранили культуру, навязали своим властителям иранскую цивилизацию, спасли то, что можно было спасти, позволили если не возродиться, то хотя бы выжить и Хорасану, и Согдиане, и всему Ирану.

ЗАВОЕВАНИЕ ИРАНА -

Джелал ад-дин после поражения на Инде укрылся в Индии. Он вернулся в Иран, как только ушел Чингис-хан, и в 1224 г. без труда вернул себе империю отца. Но, по-видимому, он не извлек никаких уроков. Вместо того чтобы посвятить себя восстановлению страны, он стал устраивать бесконечные походы на Ближний Восток, восстановив против себя всех — халифа, грузин, анатолийских сельджуков — до такой степени, что они объединились в коалицию против него, и в 1230 г.

потерпел от нее поражение при Арзинджане. Тогда-то и вернулись монголы.

Зимой 1230–1231 гг. преемник Чингис-хана, его сын Угедей, послал армию для завоевания Ирана. Это были отнюдь не огромные орды, нагрянувшие десять лет назад, — армия насчитывала тридцать тысяч бойцов. Ведь монголы возобновили или готовились возобновить войну на всех направлениях. Они напали на Китай (капитуляция династии Цзинь и начало войны против династии Сун в 1234 г.), на Корею (1232–1236), на Индию (Лахор, 1241). Они собирались в ближайшее время начать широкое наступление на Европу, в ходе которого они в 1236 г. поработят Русь, приведут орды в Польшу, Венгрию, на Балканы, на Адриатику и в 1241 г. победят немецкую армию при Легнице. Джелал ад-Дин мог бы вступить в борьбу. Но, как и его отец, как весь его народ, он потерял голову. Он бежал в Диярбакыр, где 15 августа 1231 г. был убит. Монгольским армиям не противостоял никто, и в последнюю очередь население. Людей объял такой ужас, что они даже не собирались бороться, часто отказывались от мысли бежать, шли буквально на самоубийство, позволяя резать себя как баранов. Их ужас, их пассивность отражены в двадцати анекдотах, поистине невероятных. Вот один из них: согласно Ибн ал-Асиру, однажды «татарский всадник один вошел в деревню и принялся убивать жителей одного за другим, причем никто и не подумал защищаться». Отпор дали всего несколько городов, и уж они вкладывали в это дело энергию отчаяния. Монгольский наместник Чормаган (1231–1241), а потом его преемник, найман Байджу (1241–1256), захватили весь Иран. Они делали это методично и медленно: Исфахан, как полагают, пал только в 1245 г., хотя английский востоковед Дж. Э. Бойл относит его падение к 1237 г., Ани, столица Армении, — в 1241 г. В 1243 г., монголы сразу же напали на румских сельджуков и победили их при Кёсе-даге, близ Арзинджана. Последние, зная по опыту Ирана о судьбе, уготованной тем, кто не покорялся, предпочли капитулировать на месте и признать себя вассалами. Их примеру последовали Мануил I, суверен Трапезунда, и Бадр-ад-дин Лулу, князь Мосула.

В 1259 г. вслед за Угедеем (1229–1241), Гуюком (1246–1248), Мунке (1251–1259) и после нескольких регентов к верховной власти пришел Хубилай. Он перенес столицу Монгольской империи в Ханбалык, «Город хана», Пекин. Это повлекло за собой фактическое, если не юридическое, разделение Монгольской империи на четыре улуса: китайскую империю (династия Юань), центральноазиатский (Чагатайский улус), русский (Золотая Орда, или Кипчак) и иранский (иль-

ханы). При фиктивном единстве и под номинальной властью Пекина эти разные государства не могли найти общего языка и часто вступали между собой в войну за пограничные области. Их раздоры обошлись им дорого, и мы охотно подпишемся под заявлением Берке (1256–1266), хана Золотой орды: «Если бы мы оставались едины, мы бы завоевали всю землю».

В 1253 г. великий хан Мунке предназначил своему брату Хулагу земли Ирана, но к осуществлению своих полномочий тот приступил только в 1256 г. Хулагу сохранял властные полномочия до своей смерти в 1265 г., он оказался превосходным сувереном и основал династию ильханов, правивших Ираном три четверти века. Хулагу обосновался в Мараге, в северо-западной иранской провинции, где впоследствии находились столицы царства — «Тавриз» (Тебриз) и Султаня, основанная в 1305 г. Первым делом, Хулагу в 1256 г. уничтожил «ассасинов», исмаилитов Аламута, с которыми сельджуки не могли ничего поделать. После этого он напал на Ирак. Уничтожить халифат монголы намеревались давно — Гильом де Рубрук слышал в Монголии такие разговоры в 1254 г. Нападение произошло в 1258 г. Багдад был взят, халиф ал-Мустасим (1242–1258) казнен без пролития крови (задушен?), при помощи ритуала, какой монголы использовали для убийства вельмож и жертвенных животных. Так прекратила существование династия Аббасидов, один из последних представителей которой отправился искать убежища в Каир, где эта династия будет играть чисто символическую роль вплоть до османского завоевания в XVI в. В христианском мире падение династии халифов вызвало взрыв радости, и не в последнюю очередь радовались армяне, принявшие участие в штурме столицы и совершившие там жестокие насилия: «Уже пятьсот пятнадцать лет [на самом деле четыреста семьдесят шесть] как этот город [...], подобный ненасытной пивке, пожирал весь мир. Он был наказан за кровь, которую пролил, за зло, которое совершил», — писал армянский историк Киракос. Потом Хулагу захватил Сирию, взял Халеб, Дамаск в 1260 г. и, поскольку монгольская конница не могла долго оставаться на землях, где катастрофически не хватало пастбищ, удалился, оставив небольшой гарнизон под командованием полководца-христианина Китбуги.

Отношения завоевателей и крестоносцев на Ближнем Востоке были хорошими, однако случилось невероятное, невыразимое. Китбуга провел там всего несколько месяцев, когда франки Акры пропустили египтян через свою территорию, дали им провизию и позволили ударить в тыл монгольской армии. 3 сентября 1260 г. при Айн-Джалуте она была уничтожена. Это было первое большое поражение, какое по-

терпели завоеватели. Первый раз им пришлось оставить завоеванную территорию. Они десять раз пытались ее отбить, но так и не смогли. Последствия этого станут видны позже.

ИЛЬХАНЫ

В роду Чингизидов престол был наследственным, но точных правил наследования не было, и суверена из членов рода выбирала знать. Преемником Хулагу стал его седьмой сын Абага (1265–1282), которому пришлось иметь дело с восстанием сельджуков в Малой Азии и с вторжением мамлюка Байбарса, который пришел на их призыв, но, разочарованный тем, что не нашел ожидаемой поддержки со стороны местного населения, не стал упорствовать. Текудеру (1282–1284), брату и преемнику Абаки, пришла мысль обратиться в ислам, и он принял имя Ахмед. Монголы сочли, что он их предал, приняв закон, *шариат*, враждебный их закону — *ясе* Чингисхана, и в августе 1284 г. свергли его. На его место они выбрали Аргуна (1284–1291), сына Абаги, в то время наместника Хорасана. Новый монарх сделал то, чего от него ожидали: резко покончил с политикой реисламизации и доверил администрацию христианам, а финансы — иудеям (человек исключительных способностей, Сад ад-даула, был министром финансов с 1288 по 1291 г., когда его убили после смерти повелителя). В бесцветное царствование Гайхату (1291–1295), брата Аргуна, произошло всего два события, на которые стоит обратить внимание. Первым было введение в 1294 г. бумажных денег, которыми в Китае пользовались издавна, но которые здесь встретили отпор и от которых вскоре отказались — это можно понять по тому, как изумлялись европейцы и мусульмане, обнаруживая такие деньги на Дальнем Востоке. Вторым — попытка суверена ограничить чрезмерную власть монгольских эмиров, которая, естественно, усилив их враждебность, привела к его убийству. Байду, еще один внук Хулагу, обвиненный в излишних симпатиях к христианству и даже в том, что он сам христианин, процарствовал в 1295 г. всего несколько месяцев. Газану (1295–1304), который был мусульманином, повезло больше: его приняли, и это говорит о глубокой эволюции общества за десять лет после царствования Ахмеда Текудера. Сын Аргуна отличался широкими взглядами, был полиглотом, обладал высокой культурой и, несмотря на принадлежность к исламу, сохранял многие традиционные монгольские качества, в том числе веротерпимость. Тем не менее ему пришлось демонстрировать единоверцам религиозное рвение, и начало его царствования было ознаменовано разгулом насилия.

Потом, когда он глубоко проникся ощущением власти, почувствовал, что она достаточно прочно укрепилась, он изгнал самых непримиримых фанатиков из своего окружения и вернулся к традиционной политике уважения к другим религиям. Однако ислам уже быстро распространялся, в том числе среди монголов, которые, переходя в ислам, начинали утрачивать прежние добродетели и вели государство по пути упадка. Царствование Олджайту (1304–1316), младшего брата Газана, христианина от рождения, при всем своем блеске только усугубило обе тенденции. Царствование Абу Саида (1316–1336), севшего на трон в тринадцать лет, началось под руководством энергичного Чобана. В течение десяти лет (1317–1327), пока последний находился у власти, он делал что мог для спасения режима, но когда он оставил власть, неуклонно стала возрастать анархия и каждый министр, каждый полководец, каждый наместник провинции посчитал себя господином, и стал действовать по своему усмотрению. В конечном счете Абу Саид был в 1336 г. убит своим визирем, и империя распалась.

БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЕ ЭТНИЧЕСКОЕ СМЕШЕНИЕ

Война была лютой, но неслыханное дело: вскоре о ней забыли. Отцы погибли, но дети жили счастливо, в империях процветающих, рискнем сказать — чрезвычайно богатых, умиротворенных, справедливых, терпимых, без должностных злоупотреблений, без поблажек в обход закона, без взяток, где в лучшие моменты каждый мог думать что хотел, поклоняться чему хотел, направляться куда хотел в полной безопасности, где конфликты между разными *улусами* лишь слабо влияли на жизнь народа, где могла процветать цивилизация, где персидский вновь стал языком культуры и его понимали, говорят, до самого Китая. Все наблюдатели единодушно восхищались достижениями империи, большими городами, не только в «Катае», на сказочном Дальнем Востоке, но и в Иране: «Тавриз [Тебриз], — писал Марко Поло, — лучший город в мире для торговли [...]. Он обходится его императору дороже, чем королю Франции всё его королевство». Это был мир, очень неожиданный *рэх Mongolorum*, который безудержно расхваливали, который оставил по себе столь же немеркнущую память, как *рэх Romana*, и превратил ханов и основателя их династии в героев. Иранцы уподобляли своих иноземных правителей ахеменидским Великим царям, воспевали Олджайту как нового Александра. От них не отставала Европа. Она испытывала восхищение: «Он умер, — писал Марко Поло о Чингисхане, — и это весьма прискорбно, ведь он был человеком достойным

и мудрым» (LXVIII); ему вторит Жуанвиль: «Его установления должны были держать народ в мире» (§ 478).

Война и мир — и это было не самым ничтожным из последствий создания Монгольской империи — привели к необыкновенному смешению народов и сделали возможными путешествия с одного края Евразии на другой.

Как это делала война? Отдельные люди, как поэт Саади, бежали, если имели возможность, чтобы избежать резни и нищеты; бежали и семьи, как семья великого поэта и мистика Джалал-ад-дина Руми, родившегося в Балхе и укрывшегося в Конье, и целые племена, в том числе и то, которое станет османами. Многих переселяли: прежде всего ремесленников, чьи дарования хотели использовать, а также целые группы людей, например, тех немцев, которых поселили в Таласе, в Средней Азии, и с которыми встретился Андре из Лонжюмо. В Каракоруме, столице Монголии, жили Гильом Буше, золотых дел мастер из Парижа, и Пакетта, девушка из Меца, о которых рассказал Гильом де Рубрук. В Западную Европу произошел массовый наплыв русских, польских, венгерских беженцев. В Юньнани, еще не китаизированной, жили бухарцы, прибывшие вместе с Саидом Аджали (которого назначили наместником провинции, потом министром финансов при Хубилае) и, возможно, ставшие предками китайских мусульман (дунган), — во всяком случае, так считают последние, как однажды сказал мне один из них, хотя они могут быть и потомками ста тысяч ремесленников, переселенных из Гурганджа. В Пекине жило тридцать тысяч аланов, которых привел Мунке и которые служили в императорской гвардии...

Как это делал мир? Полководцев, министров, наместников любого происхождения монголы отправляли за тысячи километров от родных стран. В Китае оказался сирийский христианин Иса, занимавший при дворе высокие должности, в том числе главы астрономического бюро и посла. На Ближнем Востоке — христиане-онгуты, родившиеся недалеко от Пекина, из которых один, Раббан Саума, стал послом в Европе, а другой, Мар Ябалаха III, в 1281 г. достиг поста несторианского патриарха. Авантюры было без числа, и в текстах иногда всплывают имена некоторых их участников или хотя бы упоминания о них: татарина, который фигурирует в счетах Филиппа Красивого как поставщик шлемов; Баргатена из Меца, восемь лет служившего телохранителем великого хана; Давида из Эшби, который выехал в Иран в качестве посла и оставался там с 1260 по 1274 г.; Пьонно Перричоло Бофети, доверенного лица трех суверенов Ирана подряд; франкских арбалетчиков, воевавших в Герате, которых упоминает Симон Сен-Кантенский.

Конечно, это лишь отдельные примеры из перечня, который мог бы занять целые страницы. Значительное место в нем занимают купцы, странствовавшие по Азии либо открывавшие тут и там фактории, причем иные стали знаменитыми, как семья Поло, один из членов которой, Марко, невероятно прославился, когда рассказал о своем путешествии в Китай и пребывании там (1275–1291), другие остались неизвестными. Упоминаются, опять-таки если привести всего несколько примеров, за 1326 г. — маленькая генуэзская колония в Зайтуне (Цюаньчжоу), за 1264 г. — еще одна, итальянская, в Тебризе, за 1365 г. — восстановление синагоги в Кайфэне и настоящее заселение «арабами» Кинся (Ханчжоу), хотя известно, что последние с давних пор были повсюду.

Ездили послы и католические миссионеры — впрочем, часто это были одни и те же люди. В 1245 г. папство, желая получить сведения о монголах, отправило три или четыре (точно неизвестно) миссии францисканцев и доминиканцев, которые со времен основания своих орденов служили папам агентами и успешно внедрились на Ближнем Востоке. Та, которую возглавлял Андре из Лонжюмо, в первый раз достигла Тебриза, во второй, в 1249–1250 гг. — сердца Азии и, возможно, доехала даже до Монголии; миссия Асцелина Кремонского, историком которой был Симон Сен-Кантенский, несомненно, добралась только до Кавказа. Иоанн де Плано Карпини проник в самое сердце Монголии, и ему посчастливилось присутствовать при восшествии на престол великого хана Гуюка (24 августа 1246 г.). Он написал ценную «Историю монголов». Однако величайшим из этих послов был Гильом де Рубрук, отправленный Людовиком Святым с более или менее официальной миссией, человек яркий, чей рассказ о путешествии (1253–1255) стал одним из великих литературных произведений средневековья. Позже ездили и другие, и большинство из них составляли далеко не латиняне. Иоанн де Плано Карпини видел при дворе Гуюка около четырех тысяч послов. На все дипломатические миссии Азия отправляла ответные. Если в этих группах и имелись монголы, если одну из них, посетившую Константинополь, Геную, Рим, Париж, Аквитанию (для встречи с английским королем), возглавлял онгут Раббан Саума, то все-таки в христианские державы она предпочитала посылать восточных христиан, таких, как Айбег и Сергис, которые были в Лионе в 1248 г., как Давид и Марк, побывавшие на Кипре у Людовика IX в 1248–1249 г., и даже западных христиан, поступивших к монголам на службу, как Иоанн и Иаков Васили, присутствовавшие на Лионском соборе (1277). Так, одним из самых активных дипломатов был генуэзец Бускарель, неоднократно ездивший в посольства с 1274 по 1302 г., иногда в обществе монголов, например,

в 1281 г. — Чагана и Курджи. Отправлялись и переводились письма, персидский текст (письмо Гуюка папе, 1246, Ватиканские архивы) или латинский перевод (письмо Аргуна Гонорию IV, 1285, Ватиканские архивы) которых сохранился. Переписка длилась десятилетиями, как минимум до 1305 г. (письмо Олджайту Филиппу Красивому, Национальные архивы). Самые ранние из этих посланий были высокомерными, требовали, чтобы латиняне покорились монголам или хотя бы признали их притязания на мировое господство. Позже они стали более скромными, дружескими, просительными. Ведь татарам пришлось признать свои поражения в Сирии, и теперь они рассчитывали овладеть ею только за счет совместных действий с франками.

Самыми многочисленными из путешественников были миссионеры. Более всех на Ближнем Востоке прославился Рикольдо де Монтекроче, присутствие которого в Тебризе отмечено еще в 1288 г., человек излишне резкий и сумевший спасти себе жизнь только благодаря паническому и немного постыдному бегству. Наиболее преданными, наиболее постоянными, возможно, были архиепископы Султании и их викарные епископы: Франкон Перузский, который первым получил сан архиепископа столицы ильханов, введенный в 1318 г., оставался на этом посту до 1322 г. и был сменен Иоанном из Кора или Кори (1322–1332), и даже Фома Манказоль, для которого папа создал в 1329 г. епископство в Самарканде, который приступил к своим обязанностям только в 1333 г. и, непонятно почему, в 1342 г. вернулся. Другие направлялись в Золотую Орду, в Чагатайское ханство, где в 1339 г. во время вспышки насилия в Алмалыке погибло шесть монахов и несколько мирян, и в Китай, где находилась резиденция великого хана, от которого постоянно ждали обращения в христианство — часто даже говорили, что оно неминуемо, что оно уже произошло. Кого только не видели на Дальнем Востоке, на который так рассчитывали! Здесь были Иоанн из Монтекорвино, один из выдающихся людей своего века, прибывший в 1292 или 1294 г., архиепископ Пекинский в 1311 г., умерший здесь около 1330 г.; Андрей Перузский, Джерардо Альбуини и Перегрино из Кастелло, все прибывшие в 1311 г.; Джованни Мариньоли, архиепископ Пекинский с 1342 по 1346 г.; блаженный Одорик из Порденоне, пробывший в Китае три года, с 1325 по 1328 г., первый европеец, посетивший Лхасу, пересекший Иран из конца в конец, от Султании до Персидского залива.

Грамотные или неграмотные, просвещенные или невежественные, простые или могущественные, все эти люди, побывавшие в Азии, значительно способствовали знакомству с ней, даже если присочинили столько же *mirabilia* [чудес (*лат.*)], сколько пересказали реальных

фактов. Они учили мечтать. Они стали вдохновителями великих путешествий последующих веков, в которых мореплаватели открыли Америку и обогнули мыс Доброй Надежды. И это не самое маловажное следствие создания Монгольской империи. Ее стремление установить всеобщий мир путем гигантской резни потерпело крах. Зато ей удалось установить связь между разными цивилизациями мира — и во многом благодаря Ирану!

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ

Притом что происходили экономические и культурные обмены, что открылись границы, с давних времен изолировавшие древний мир, главное достижение Монгольской империи все-таки надо искать в религиозной и моральной сфере. Оно стало следствием абсолютной свободы мысли и вероисповедания, встречи всех великих религий — ислама, буддизма, даосизма, шаманизма, христианства, иудаизма — и их гармоничного сосуществования, а также исключительной интеллектуальной честности монголов. Пойдя на некоторое упрощение, можно сказать, что во всей истории иранских монголов, ильханов, доминируют духовные заботы. Как очень хорошо выразился великий хан Мунке в разговоре с Гильомом де Рубруком, сделав заявление характерное, но не уникальное, потому что почти те же слова обнаруживаются в одном китайском тексте: «Мы [...] верим, что существует только единый Бог [...]». Но как Бог дал руке различные пальцы, так Он дал людям различные пути» («Путешествие в восточные страны», XLVI). К этим различным путям монголы проявляли живейший интерес. Они хотели знать эти пути, понимать, чем они отличаются, судить об их ценности. Именно ради этого они проводили многочисленные диспуты — богословские дискуссии, где каждый излагал свое учение. Уже Чингис-хан задавал мусульманам вопросы об их вере. Позже многие из его потомков приглашали к себе авторитетных представителей разных конфессий, чтобы расспрашивать их. Принимали гостей всегда хорошо, заведомо доброжелательно, просили их молиться за собеседников — что, отметим мимоходом, создавало у каждого из них впечатление, что его община пользуется особой милостью, что суверены благосклонны к ней. Эта же ментальность объясняет, почему монголы верили, что любой священнослужитель, любой дервиш, любой бонза поддерживает связь с божеством, почему они избавляли «духовенство» от поборов и налогов при единственном условии, чтобы оно молилось «за долголетие императора», либо в убеждении, что оно это делает. Прообраз того,

что называют «эдиктами терпимости», — указ от 11 апреля 1220 г., изданный Чингис-ханом ради даоса Чан-чуня: «Во всех религиозных обителях и домах [даосов] находятся люди, которые проводят свой день, обращаясь к Небу, люди, просящие для императора долгой жизни [...]. Вот почему я запрещаю обременять их какими-либо изъятиями и подавлять». Вслед за даосами те же привилегии получили буддисты, а потом все остальные религии.

В первые десятилетия ислам, несомненно, был наименее благоприятствуемой религией, в основном потому, что не признавал других религий или по меньшей мере требовал, чтобы его не ставили с ними на одну доску, потому, что противопоставлял закону Чингис-хана, *ясе*, которой монголы хранили верность, собственный закон, *шариат*, столь же нерушимый. Это не мешало мусульманам занимать высокие посты, и не только на земле ислама, но даже в Китае.

К христианству, может быть, отнеслись бы не лучше, чем к исламу, если бы с самого начала карьеры Чингис-хана христиане не поддерживали тесных отношений с монгольской властью. Большое тюркоговорящее племя онгутов, глубоко христианизированное, которое кочевало вдоль Великой стены, сослужило основателю империи крайне полезную службу, а потом присоединилось к нему и завязало с его семьей матримонимальные связи, которые стали традиционными. Позже многие ханы женились на христианках, имели детей-христиан, создавали впечатление, что вот-вот примут религию матери, супруги, сделают христианство властвующим. Этого не произошло. Почему? Как минимум крещение будущего Олджайту, получившего имя Николай, даром что как раз тогда повсюду торжествовал ислам, могло бы к этому привести. Сознал ли это папа римский? Он довольствовался поздравлениями и призывами к верности. Намного раньше, в царствование Хулагу и его супруги-несторианки Докуз-хатун, христианство пользовалось в Иране исключительной милостью, хотя, как полагают, сам ильхан был склонен скорей к буддизму. «[Хулагу] оказывал тем людям [христианам] покровительство и благоволение до того, — сетует Рашид ад-дин, — что во всех владениях построил церкви». Когда хан и хатун умерли, их оплакивали, как мало кого из христианских государей. «Это были новый Константин и новая Елена», — писал сириец Бар-Эбрей. «Это были два великих светоча христианской веры», — вторил ему армянин Киракос. О других суверенах они такого не говорили, и тем не менее! Тем не менее Абага чеканил монеты с такой надписью: «Во имя Отца, Сына, Святого Духа, единого Бога». Тем не менее советником великого хана Гуюка был несторианин Чинкай, которому помогал единоведец

Кадак, а еще один несторианин, Булгай, был советником при Мунке, сыне несторианки Соркуктани. Всё это, а также убедительные письма, посылавшиеся в Европу, все обещания, дававшиеся франкам, в том числе бесконечно повторявшийся посул вернуть им Иерусалим, могли бы создать впечатление, что христианство вот-вот восторжествует.

После падения Багдада и завоевания Сирии казалось, что ислам обречен. На Востоке оставалась единственная мусульманская держава — египетских мамлюков, и она не могла восприниматься как серьезная соперница завоевателям мира. Но, чтобы завоевать Египет, последние должны были стать бедуинами, как стали китайцами, чтобы сделаться властителями Китая. Это значило много к чему приспособиться, и все приспособления требовали огромных усилий. Однако они могли бы это сделать, и то, что ислам был спасен, — едва ли не чудо. В большой мере за это несут ответственность христиане. Некоторые из них вполне поняли, сколь важно то, что стоит на кону, и присоединились к монголам: арабские и иранские христиане, поддержавшие их, аланы, которых мы встречали в Пекине, грузины, вступавшие в их армию, союзные им армяне показали себя неколебимо верующими, но их фанатизм, склонность к религиозному насилию, ненависть к исламу не делали евангельскую весть привлекательной. Однако высшие политические и моральные авторитеты Запада так и не решились поддержать монголов всеми силами. Они давали благосклонные ответы на призывы последних к сотрудничеству. Они много обещали. Они так и не предприняли нового крестового похода. Они написали несколько писем, отправили горстку легатов и миссионеров, тогда как монголы ждали десятков тысяч людей. Христиане совершили особо подчеркнутое клятвопреступление, предательство, настоящее безумство, когда Акра пропустила на свою территорию египетскую армию, снабдила ее провизией, сделала возможным уничтожение монгольских сил в Сирии, хотя последними командовал христианин. Мало того, что монголы больше не верили слову франков, но так и не простили их, считая ответственными за свое первое отступление. У христиан, которые предпочли мусульман монголам, были свои резоны. Первые они знали, вторые были им незнакомы. Западная Европа слишком перепугалась, когда азиатские орды подступили к воротам Вены; слишком сильный ужас внушало ей это племя, «извергнутое Тартаром», по словам Людовика Святого. Разве она не читала в посланиях ханов, что должна покориться, что они притязают на верховное владение всем миром?

Монголы, жившие в мусульманской стране, испытывали влияние ислама через посредство иранской культуры, восхищались ею,

усваивали ее, но все-таки возник настоящий вопрос: могут ли немусульмане управлять мусульманской страной. В идеологическом плане, с точки зрения ислама, это было немыслимо. В практическом, для самой власти, это оказалось сложно. Могло бы случиться, что восторжествовало бы христианство. У него были шансы, но слабые. Оно утратило их, и в конечном счете свершилось то, что было наиболее вероятным: иранские монголы, так же как их собратья из Золотой Орды и Чагатайского ханства, стали мусульманами.

ТОРЖЕСТВО ИСЛАМА

Ислам выиграл первый тур с обращением Ахмеда Текудера в 1282 г. Он проиграл второй, когда монголы не приняли суверена-мусульманина, восстали против него и свергли в 1295 г. С восшествием на престол в 1295 г. Газана он выиграл решающую партию. Хотя последний обратился в ислам, хотя он пришел к власти благодаря мусульманской партии, этот человек, как мы сказали, был еще проникнут традициями своего племени и, конечно, не желал вспышек насилия. Они случились, ведь в первое время царствования он был пленником своих сторонников, он должен был доказывать им свое правоверие. Глава его правительства, Ноуруз, был ограниченным фанатиком. От него страдали все — маздеисты, иудеи, буддисты и особенно христиане, самое активное из меньшинств. Много церквей было сожжено, много верующих убито. Даже патриарха Мар Ябалаха, который был онгутом, то есть монголом на взгляд иранцев, арестовали, пытали, и спасло ему жизнь только заступничество царя Армении — достаточно важного и традиционного союзника, чтобы не посчитаться с его мнением. Газан не замедлил перехватить власть. Патриарха в 1296 г. реабилитировали, Ноуруза в 1297 г. казнили. Самые вопиющие расправы прекратились. Но совсем избежать насилия не удалось. Одна из таких безобразных историй случилась, когда курды в 1297 г. напали на христианскую твердыню Эрбиль, а в 1304 г. захватили ее.

Религиозные меньшинства империи никогда не вернут себе прежних позиций. Мар Ябалаха, к которому двор прежде так благоволил, умер почти в одиночестве, в полуопале. Новый министр Рашид ад-дин, человек довольно мерзкий, но великий администратор и гениальный историк, в руках которого с 1297 г. и до смерти находилась неограниченная власть, обратился в ислам и наглядно дал это понять, предприняв отвратительные гонения на бывших единоверцев — иудеев. Кончил он плохо: в 1318 г. его разрубили надвое. Христианство выжило, но

было обречено на прозябание. Когда Монгольская империя рухнула, а вместе с ней и ее политика терпимости, даже когда крестоносцы в 1291 г. покинули Святую землю, потомки мусульман, живших со времен зарождения ислама в довольно хороших отношениях с христианами, не простили последним ни поддержки монголов, ни самоуверенности, ни бесчинств, которым те иногда предавались, ни агрессии «франков».

Однако благодаря продолжению дипломатических отношений с Западом сохранилось множество миссий и даже было создано архиепископство Султании, возглавить которое, как мы видели, было в 1318 г. поручено Франкону Перузскому, а потом Иоанну из Кора; прибыло шесть новых епископов и в течение всего XIV в. основывались новые епископства, например, в 1356 г. в Нахичевани, в 1374 г. в Мараге; процветало около десятка францисканских и доминиканских монастырей в главных городах Иранской империи — в Тебризе, Султании, Мараге, Тифлисе, Эрзуруме. Так что, описывая ситуацию, в которой оказалось христианство, нам не следует слишком сгущать краски. Как отмечает Жан Ришар, *libellus* Иоанна Султанийского за 1404 г. не рисует по-настоящему пессимистичную картину положения церкви, хотя к тому времени по этим землям уже прошел Тамерлан.

Мусульманская реакция, последовавшая за обращением Газана и победой ислама, выразилась не только в вспышках насилия, массовых убийствах, закрытии и разрушении церквей, храмов, пагод, но и в настоящем религиозном и, лучше сказать, духовном возрождении, о котором дает понять создание в Согдиане ордена Накшбандии, основанного Баха ад-дином Накшбанди (1317–1389) и вооруженного персидской культурой, литературной и теологической, в трех отношениях. Его доктрину можно было бы свести к фразе: *шариат*, весь *шариат*, ничего кроме *шариата*. В то же время, благодаря отчасти меценатству ильханов, отчасти — видных иранских семейств, пробудилось к жизни религиозное зодчество.

В первые десятилетия монгольского завоевания было построено очень немного памятников, но довольно скоро начали возводить первые мавзолеи. Они стали одними из самых примечательных строений эпохи ильханов, и среди них есть один шедевр — гробница султана Олджайту в Султании. С 1260 г. в Варамине находится прекрасная гробница имама Яхьи, а позже в том же городе появился Гунбад Ала ад-дина, башня высотой 25 м, очень строгая; в XIV в. в Исфакане построили мавзолей Джафара (1335), небольшую восьмигранную башню, ныне плохо отреставрированную, и мавзолей Баба-Касима (1340), в Ар-

дебиле — мавзолеей великого шейха Сефи ад-Дина, предка Сефевидов (1334), в Ургенче — мавзолеей Турабек-хатун (ок. 1320–1330). Мавзолеей Олджайту, к сожалению, сильно поврежденный (но его реставрируют), — одно из самых примечательных произведений мусульманской архитектуры. Он представляет собой массивное восьмигранное строение из кирпича со слегка наклонными стенами толщиной 7 м, окружающими зал 26 м в диаметре, который накрыт куполом, поднимающимся на 52 м. В его фасаде, строгом и подчеркнуто ритмизованном, проделано четыре монументальных двери, и над ним возвышалось несколько стройных минаретов, от которых сохранились только основания. Все архитектурные и декоративные элементы из штука и глазурированного кирпича, видимо, когда-то роскошные, встречаются и в других местах. Однако постройка выглядит очень новой, и смелость, мощь, устремленность вверх вызывают здесь ассоциации с готическим искусством.

Расцвет строительства Великих мечетей произошел не раньше XIV в. Одна из старейших — в Тебризе (1310), которая ныне почти исчезла, имевшая всего один большой *айван* длиной 65 м, шириной 30 м и высотой 25 м, а перед ним находился огромный двор, окруженный пристройками, в котором видят один из первых *кюллие*, архитектурных комплексов. Мечеть в Натанзе появилась несколько позже. Возведенная между 1304 и 1325 гг., она тоже входила в состав комплекса, от которого осталось немного, кроме портика *ханаки*, украшенного керамикой. Своеобразие мечети в Варамине (1326–1332), сильно пострадавшей, состоит в абсолютной симметрии. От пятничной мечети в Йезде (1325) сохранился только зал под куполом, отделанный фаянсом и штукаом. Одно из самых привлекательных художественных творений эпохи относится еще к временам Олджайту. Это *михраб* пристройки к Большой мечети Исфахана, где эпитафический и цветочный штукковый декор отличается предельной изысканностью и исключительной сложностью (1310). Небезынтересно сравнить его с современным ему строением — цитаделью (Арк) Тебриза со стенами высотой 40 м, тяжелой, мощной, несколько вульгарной.

Позже будут говорить о «тимуридском возрождении». О «монгольском возрождении» не говорят, как, впрочем, и о монгольской культуре, потому что все интеллектуальные или художественные творения четко вписываются в сельджукскую традицию, и это показывает, насколько она была сильна. Она проявилась в памятниках, только что перечисленных, и еще более в творчестве трех поэтов, принадлежащих к шести-семи величайшим поэтам Ирана, в творчестве историков, двое из которых стали корифеями, в работах Тебризской школы живописи,

в научном подъеме, о котором свидетельствуют обсерватория в Мераге, основанная в 1259 г. и послужившая образцом для других, построенных позже, деятельность великого астронома Насира ад-дина Туси (1201–1274) и «Ильханские таблицы» 1272 года.

Великие поэты монгольской эпохи жили на окраинах империи. Джалал-ад-дин Руми (1207–1273) родился в Балхе, но отец, бежавший от нашествия орд Чингис-хана, увез его в Конью, столицу анатолийских сельджуков. Руми основал там самый знаменитый мистический орден ислама — орден кружащихся дервишей, или мевлеви, дал решающий импульс развитию сакральной музыки и танца и сочинил «Маснави», один из самых прекрасных текстов на иранском языке. Саади, родившийся и умерший в Ширазе (1213–1292), тоже покинул родной город, чтобы скрыться от захватчиков, но очень скоро, в 1256 г., вернулся. Он создал разнообразные произведения, отмеченные в равной мере лиризмом, юмором и морализмом. Что касается Амира Хосрова (1253–1325), то он попал в руки к монголам, бежал от них и укрылся в Индии, где показал себя как превосходный ученик Низами и сильно способствовал развитию персидской культуры на субконтиненте.

В исторической науке прославились Ата Малик Джувейни (1226–1281), высокопоставленный сановник при ильханах, автор «Истории миропокорителя», написанной очень живо, и прежде всего великий корифей Рашид ад-дин (1247–1318), которому мы обязаны «Всемирной историей» [Сборником летописей] — первым в мире произведением, имеющим право называться историческим в современном смысле слова. Более скромное место рядом с ним занимает Вассаф (ум. 1317), часто впадавший в пафос.

Тебризская школа миниатюры была рождена Багдадской школой, о которой всегда говорят, что монголы ее уничтожили, и которая тем не менее была известна при Джалаиридах, особенно ей покровительствовали Увайс (1358–1374) и Ахмед (1382–1410). Ей мы обязаны прежде всего такими рукописями, как багдадская «Калила и Димна», иллюстрированная 74 миниатюрами, которые датированы 1392 г. (Французская Национальная библиотека), и «Маснави» Хаджи Кермани за 1396 г. (Британская библиотека, Лондон). Правда, многие художники из аббасидской столицы отправились искать убежище в Сирии и в Египте, где вдохнули новую жизнь в старинную школу, о которой мы почти ничего не знаем, а другие, еще более многочисленные, были переселены в столицу ильханов. Там они определенно встретились с китайскими художниками, оказавшими на них фундаментальное влияние, побудившими «арабский» стиль эволюционировать, привнесшими

в него новые мотивы, такие, как пион, узловатые стволы деревьев, несущиеся облака, и сделавшими из этой живописи то, что позже стало классической иранской миниатюрой («Маджму'а-и Рашидийя», ок. 1310, Париж, Национальная библиотека; «Джами ат-Таварих», 1314, Лондон и Эдинбург; «Шахнаме», 1320–1336, Вашингтон).

Такое же китайское влияние с теми же мотивами сказалось и на керамике, роскошной, но в то же время нежной, тонкой, изысканной, производство которой тогда достигло одной из высших вершин.

ИРАН ПОСЛЕ ИЛЬХАНОВ

Падение ильханов привело к отделению Малой Азии от Ирана и к распаду последнего, в результате чего возникло множество независимых государств, иногда находившихся под номинальной властью ханов чингизидской крови. Монголы сохранили власть только, с одной стороны, в Ираке и в Западном Иране в лице потомков Джалаира, сначала обосновавшихся в Багдаде, потом, с 1358 г., овладевших Тебризом, единственным мало-мальски примечательным представителем которых был Увайс, царствовавший с 1358 по 1374 г.; с другой стороны — в Мазандаране (Бистам, Дамган, Семнан), где основали Астарабадский эмират. Но соседями Джалаиридов были две туркменские конфедерации, пришедшие с сельджуками или с монголами, о которых начали говорить еще на рубеже 1340 г. и которые различались цветом шерсти стад либо тотемов — черных и белых: «чернобаранные», Кара-Коюнлу, которые сделались хозяевами Мосула, Синджара, а в 1388 г. и Тебриза, и «белобаранные», Ак-Коюнлу, кочевавшие в Верхней Месопотамии. На западе и юго-западе страны в Ширазе, Йезде, Исфахане, Кермане властвовала сильно иранизированная арабская династия Музаффаридов. Персы смогли вернуться к власти только в восточных областях. Они сделали это в Сабзаваре, создав исламскую шиитскую республику сербедаров, и в Герате в лице Куртов, или Кертов, господствовавших в Афганистане. Курты были старинным родом, из которого выходили наместники (*малики*, «цари»), служившие и монголам, которые признали в 1253 г. за ними их должности, и Курты чрезвычайно ловко сумели пройти сквозь все кризисы. Когда через четыре года после смерти Абу Саида, в 1340 г., их князь Муизз ад-дин Пир Хусейн (1332–1370) посмел провозгласить себя султаном, это вызвало негодование и резкую реакцию Чагатаидов (таджик — султан!), и Пир Хусейн был вынужден признать их верховенство.

Раздробленность Ирана, продлившаяся недолго — каких-нибудь двадцать пять лет, — привела к упадку экономики и культуры и способствовала интервенции Тамерлана. Во время этого междуцарствия в степях и разразилась Великая чума 1348 г., опустошившая старый мир вплоть до Западной Европы, но, похоже, Иран она поразила не так сильно, как другие регионы мира.

ЧАГАТАЙСКОЕ ХАНСТВО

Из всех чингизидских ханств Чагатайское в наибольшей мере сохранило верность *ясе*, но оно состояло из двух частей, слишком разных, чтобы сохранять единство. На севере оно было страной степей, кочевников и шаманизма, на юге, в Согдиане, — страной крестьян и горожан, глубоко исламизированных, где повсюду ожили города, хотя они были разорены завоеванием и порой еще подвергались набегам ильханов (например, Абага в 1279 г. совершил набег на Бухару). Марко Поло, проехавший через Бухару, увидел в ней «лучший город всей Персии»,^{*} а Джувеини даже заявил, что ей нет равных в мире. В Чагатайском ханстве, как везде и, может быть, более чем где-либо, кочевники презирали оседлых и воспринимали их как легкую добычу. Последние могли стать жертвами агрессии даже в Иране, если за них не вступались власти. Известно заявление Газана, обращенное к главам монгольских племен: «Вы хотите, чтобы я разрешил вам грабить таджиков. Но что вы будете делать после того, как убьете быков и уничтожите посевы? Если вы придете ко мне с вопросом, на что вам жить, я вас строго накажу». В Чагатайском ханстве такая решительность встречалась редко, и орды порой нападали на города. Кебек (1320–1326) пожелал, чтобы эта практика прекратилась. Он решил, оставаясь в душе кочевником, стать горожанином, объявив при этом, что каждый год будет посещать племена. Это было мудро. Его преемник Тармаширин (1326–1333) захотел пойти дальше и стал мусульманином. Его орды не потерпели этого. Они восстали, выбрали антихана Чангши (1334–1338), и в результате ханство расколосось, а власть рухнула. На севере кланы вновь обрели независимость, на юге таджики сочли, что вправе больше не считаться с «монголами», фактически тюрками. Это продолжалось до появления сильных лидеров: в степях — Тоглук-Тимура (провозглашен ханом в 1347), в Согдиане — эмира Казгана

^{*} Марко Поло через Бухару не проезжал (*прим. науч. ред.*)

(1346–1357). Первый намеревался восстановить единство государства. Он принял ислам, воспользовался кончиной второго, чтобы в 1360 г. напасть на его страну, привлек нескольких эмиров на свою сторону, обратил других в бегство, вернулся в степи и в 1363 г. умер. Через два года его сын был вынужден склониться перед одним из князей, которые прежде примкнули к отцу, перед человеком, говорившим по-тюркски, претендовавшим на происхождение от монголов и отдаленное родство с Чингис-ханом, — перед неким Тимуром, который, по рассказам, с тех пор как стал хромым, *ленг*, гордо выставлял напоказ это увечье, так что его уже называли не иначе, чем Тимур Ленг, откуда наше «Тамерлан». В 1370 г. этот человек, проживший авантюрную и скандальную молодость, добился, чтобы в Балхе его провозгласили Великим эмиром.

ТАМЕРЛАН

Хотя оба были великими завоевателями и ответственны за массовые убийства, Чингис-хана и Тимура сравнивать нельзя. В них всё противоположно, и если фигура первого с трудом поддается анализу, у второго остается непонятной психология, настолько непоследовательно он себя вел. Упомянем здесь лишь одно из различий. Идеалом первого был мир во всем мире, он хотел объединить последний и построил империю. Второй утверждал, что сражается за ислам, и создал не что иное, как царство — тимуридский Иран, поскольку нельзя сказать, чтобы все страны, через которые он просто прошел, вошли в состав одного государства.

Тимур называл себя убежденным мусульманином и, несомненно, был им, хотя не очень ортодоксальным и хотя много раз поступал как язычник. Он был фанатиком, но жег мечети и позволял своим солдатам-христианам ставить иконы у входа в палатки, что видел посол Кастилии дон Руи Гонсалес де Клавихо, нанесший ему визит в Самарканд в 1404 г. Он напивался допьяна, устраивал приемы в обществе жен, играл в азартные игры, любил живопись, возможно, эротического характера. С его уст не сходило слово «джихад», но боролся он только против мусульман, уничтожив все великие исламские империи своего времени — империю Золотой орды, которая господствовала над Русью и уже не оправится после его ударов, Делийскую империю и империю османов, которые немедленно воспрянут после этого. Надо очень усердно искать, чтобы найти среди его жертв тех, кого можно причислить к неверным: это грузины, армяне, это индусы, которых он без нужды

избивал, а также великая христианская крепость Смирна (Измир, декабрь 1402 г.), о которой говорят чрезмерно много.

Родился он близ Кеша (Шахрисабз) 8 апреля 1336 г. в семье тюркизованных монголов, то есть ему было добрых сорок пять лет, он уже немало повоевал, прежде всего с Хорезмом, который оккупировал с 1371 по 1388 г., когда он заинтересовался Ираном. Рассказывают, что некий паломник, вернувшийся в 1378 г. из Мекки, обратил его внимание, что в этой стране царит анархия и что захватить ее было бы нетрудно. Он начал войну с Ираном в 1381 г., взяв Герат, что сделало его хозяином всех земель, зависевших от этого города, включая Систан, который он окончательно разорил позже, в 1383 г. Сербедары его поддержали. Потом он двинулся на запад. Он шел туда, пока не дошел до Средиземного моря и накануне смерти не решил завоевать Китай. Чтобы сделать это, он выступил в поход большим, зимой, и умер в Отраре 19 января 1405 г.

Нет ничего скучней, чем рассказывать о военных походах Тимура, состоявших из сотен операций, которые как будто повторялись, столь часто не были решающими и которые он неутомимо начинал заново. Увлекательны только его долгие экспедиции против Золотой орды в 1381, 1391 и 1395 г., его молниеносный рейд на Дели в 1398 г., и великое сражение, данное османской армии под стенами Анкары в 1402 г. — прекраснейшее и величайшее в истории, где, возможно, сражался между собой миллион воинов. Поэтому, говоря об Иране, удовлетворимся главными этапами войны.

Иранская война, начатая в 1381 г., продлилась самое меньшее до 1393 г., а по существу до 1399 г., если учесть поход против его сына Мираншаха, наместника Ирана, который стал полубезумным и которого надо было обуздать, если не образумить, периодические восстания (Хорасан поднимался в 1381 и 1382 гг., Герат — в 1383 г., Йезд — в 1396 г.) и походы на Багдад, оккупированный в 1393 г., потерянный в 1394 г. и возвращенный в 1403 г. Он выигрывал битвы, часто только благодаря физической смелости (великая победа при Ширазе над Музаффаридом шахом Мансуром в 1393 г.), брал города, но был неспособен управлять ими, упрочить свою власть, и ему приходилось выигрывать новые сражения и захватывать города заново. В Грузию, где сопротивление оказалось исключительно активным, ему пришлось ходить походами несколько раз с 1386 по 1400 г. и, в частности, воевать там всю зиму 1394–1395 гг. Тем не менее в конечном счете кое-где удалось достичь солидных результатов, особенно с 1385 по 1387 г., когда он занял Султанию, Хамадан, Тебриз, Исфахан.

Иногда Великий эмир бывал милосердным — в случаях, когда испытывал радость, получив счастливое известие. Мардин, население которого он в 1394 г. намеревался истребить, был спасен потому, что ему сообщили о рождении одного из внуков, будущего Улугбека. Но чаще происходили ужасные боины, в которых уничтожалось, конечно, не все население, но гибли десятки, а то и сотни тысяч людей, из черепов которых складывали башни, «минареты». В Исфахане историк Хафиз-и Абру насчитал только в одном городском районе, по которому прошел, сорок пять таких башен, на каждую из которых пошло от тысячи до двух тысяч голов. Городов-мучеников не перечить: Isfarayin, пострадавший одним из первых в 1381 г., Герат, Зарандж, Астарабад, Исфахан, Тус, Радкан, Сари, Амоль, если упомянуть только некоторые и исключительно в Иране. Иногда Тамерлан пытался оправдываться: «Я не хотел этого», — якобы сказал он после побоища в Дели. Он не выносил, когда при нем рассказывали об ужасах войны. Он очень болезненно переживал кончину близких. Узнав о смерти любимого внука, он бросился наземь и стал рвать на себе одежды. Можно предположить, что, совершая массовые убийства, он только следовал призыву одного из самых суровых стихов Корана: «Убивайте их [многобожников], где бы вы их ни обнаружили» (II, 187) [V, 9].

Я не Марко Поло, но я бы сказал: «Он умер, и это не слишком при-
скорбно, ведь он не был ни достойным, ни мудрым».

ГЛАВА XIV ТИМУРИДСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В НАПРАВЛЕНИИ НОВОГО МИРА

В XV веке или, скорее, во второй его половине мир, получив импульс от Европы, изменился так радикально, как не менялся с ранней античности, и Азия в целом, как и Иран в частности, ощутили последствия этого. С 1453 г., когда турки взяли Константинополь, года, который часто выбирают условной датой завершения Средних веков и начала Нового времени, и в течение пяти последующих десятилетий события развивались стремительно. Самыми яркими из них были, конечно, открытие Америки Христофором Колумбом в 1492 г., повлекшее последствия, которые сказались через определенное время и с тех пор сказывались всё больше, и плавание вокруг Африки Васко да Гамы, обогнувшего в 1498 г. мыс Доброй Надежды, плавание, результаты которого стали ошеломительными, так как традиционный для мировой торговли путь через Ближний Восток и Средиземное море, где доминировали итальянские мореплаватели, перестал быть неизбежным, так как теперь европейцы, закупая товары в Индии и Китае, могли обходиться без посредников, что лишило транзитные страны одного из источников богатств и привело в порты Индии и Китая иностранцев из дальних и неведомых стран, людей алчных и агрессивных. Около 1505 г. пряности стоили в Лиссабоне в пять раз дешевле, чем в Венеции, образовались Португальская и Испанская империи. От этой новой ситуации Иран пострадал особо, ведь он не смог отреагировать так, как это сделали османы, завоевавшие Сирию и Египет, и оказался под угрозой удушения. Другие факты, как будто касавшиеся Азии не столь непосредственно, имели для Ирана, возможно, не меньшее значе-

ние, поскольку дали Европе средства для будущей гегемонии: развитие печати благодаря Гутенбергу, знаменитая Библия которого появилась в 1450–1455 г., дало возможность для необыкновенно широкого распространения знаний; решительное усовершенствование огнестрельного оружия постепенно лишило кочевников превосходства, какое давали им подвижность коней и эффективность стрельбы из луков, превратило высокие стены городов в театральную декорацию.

Вследствие ли великих открытий или нет, но Европа за эти полвека претерпела эволюцию решающей важности, отвернулась от своего прошлого и пережила интеллектуальное, художественное, политическое и экономическое брожение, толкнувшее ее вперед. С наступлением Кватроченто кончилось то, что еще оставалось от средневековья, и началось Возрождение, когда не только вернулись к греко-латинским истокам, но и открыли возможность по-новому чувствовать, мыслить и жить. Именно тогда расцвела полифоническая музыка, появились на свет Рафаэль, Микеланджело, Тициан, именно тогда Леонардо да Винчи написал в Милане «Тайную вечерю», в 1473 г. родился Коперник, в 1483 г. — Лютер, которые поставят под вопрос самые укоренившиеся убеждения. Время княжеств кончилось, во Франции — с исчезновением герцогства Бургундского и браками Анны Бретонской с представителями королевской семьи, в Испании — с объединением Кастилии и Арагона в 1469 г. и завершением Реконкисты (взятием Гранады в 1492 г.), в Германии — с воцарением Фридриха III (1440–1493) и Максимилиана (1493–1519), царствование которых предвещало гегемонию Австрийского дома, на Руси — с воцарением Ивана III (1462–1515), «собирателя земли русской», который основал Московское государство. Всё показывало, что баланс сил в мире меняется, что Восток теряет тысячелетнее превосходство над Западом, которым он, несмотря на существование Римской империи, всегда обладал. В Азии XVI и XVII вв. еще, конечно, будут великие эпохи, в Китае — при Канси (1662–1722), в Индии — при Акбаре (1556–1605) и Шах-Джахане (1605–1627), в Турции — при Сулеймане Великолепном (1520–1566), в Иране — возможно, при шахе Аббасе I Великом (1588–1625), но на этот континент уже проникла болезнь, которая его подточит.

Тем временем, словно всё это возбуждение их стимулировало, на землях, которые занимают нас, землях иранского или, если угодно, ирано-тюркского мира на рубеже тысяча пятисотого года появилось три монарха исключительного масштаба: Бабур (1483–1530) — Тимурид, Шейбани-хан (1468–1510) — узбек, шах Исмаил (1501–1524) — Сефевид и, может быть, четвертый, если забыть о его недостатках как

политика и учитывать только его роль в культуре: Хусейн Байкара (1469–1506).

НАСЛЕДОВАНИЕ В РОДУ ТИМУРИДОВ

Тимур, конечно, был фигурой, о которой судить трудно, но личности его потомков говорят в его пользу: не то чтобы среди них не нашлось бездарных и даже дураков и сумасшедших, как Халиль или Мираншах, но многие были в том или ином отношении великими людьми, как Шахрух, Улугбек, Байсонкур-мирза, Хусейн Байкара, Бабур. В его пользу говорит и расцвет того, что называли Тимуридским возрождением.

В противоположность детям Чингис-хана дети эмира Тимура отнюдь не были военными гениями, и ни один не продолжил его дело — совсем напротив, они позволили ему потерпеть крах, и только через сто лет последний отпрыск его рода, завоевав Индию, восстановил на чужой земле империю Тимуридов. Великий эмир умер в начале 1405 г. Менее чем через десять лет всё или почти всё, что он разрушил, было восстановлено. В 1405 г. мамлюки вернули себе Сирию, Ахмед Джалаир снова обосновался в Багдаде, а кара-коюнлу Кара Юсуф (1389–1420), скрывавшийся в Анатолии, а потом в Египте, возвратился в Тебриз. В 1413 г. полностью воссоздали свою империю османы, так что в 1453 г. они смогут взять Константинополь. В 1414 г. афганец Хизр-хан, которого Тамерлан оставил наместником Индии и который тогда управлял только Пенджабом, вновь взял Дели, основал династию Сайидов — названную так потому, что ее основатель претендовал на происхождение от Пророка, — и восстановил мусульманский султанат, вновь подняв факел Туглаков, которых Тамерлан когда-то сокрушил собственными руками. Даже Золотая Орда, казалось, появилась снова, коль скоро в 1408 г. она могла потребовать от русских выплаты дани. На самом деле ее воскресение было иллюзией. У нее началась агония. Около 1430 г. Крым, огромная территория на севере полуострова, который носит это название сегодня, объявил независимость (но в 1475 г. ему придется признать османский протекторат), а вскоре, в 1445 г., его примеру последовала и Казань. Что осталось детям великого завоевателя? Согдиана и Иран, причем последний уже потерял целостность, утратив Азербайджан, и по большей части вскоре сам уйдет из их рук. Более тотального поражения еще никто никогда не видел. И ведь это было только начало.

Мы видели, что Тамерлан не умел возводить прочные постройки. С его империей дело обстояло так же, как с его архитектурой. Она

была впечатляющей, блистательной, колоссальной, но не рассчитанной на долгое существование. Рассказывают, что в самаркандской мечети Биби-ханым кирпичи начали падать на верующих, едва она была открыта. В его империи на головы его детей рухнул весь свод имперского здания.

Судьба его наследия была трудной. Наследником своей державы он назначил внука Пир Мухаммада. На престол вступил другой внук — Халиль. Он был молод, красив, обворожителен, но влюбился в женщину по имени Шад-Мулк и оставил ей всю власть, чем она не применула воспользоваться. Шад-Мулк опустошила казну, назначала на высшие посты своих бывших слуг и даже раздала жен покойного эмира вельможам. Это вызвало скандал. Шахрух, младший сын Тимура, не любивший ни войны, ни власти, ни политики, но честный и справедливый, счел, что должен вмешаться. Он покинул Герат, где жил в религиозном ордене, в атмосфере благочестия, низложил племянника и короновался вместо него (1404–1447). Он перенес столицу в город, откуда пришел и который, кстати, был менее удален от центра, чем Самарканд, а последний оставил своему сыну Улугбеку, будущему астроному, которому тогда было девятнадцать лет. Шахрух занялся восстановлением финансов и вновь установил порядок в своем окружении, но не мог выправить ситуацию на западе.

Эти события сделали ее еще хуже. Брат Шахруха Мираншах и его сын, правившие в Западном Иране, тщетно пытались дать отпор туркменам. Они добились лишь того, что в 1408 г. их убили. Это позволило кара-коюнлу избавиться от Ахмеда Джалаира и аннексировать в 1410 г. весь Ирак, а в 1419 г. Султаню и Казвин... Скажем сразу, что Улугбек (1447–1449), сын и преемник Шахруха, был еще менее способен вести войну, чем отец. Он жил в звездах. Кстати, он царствовал очень недолго и в конечном итоге был убит собственным сыном. Последовало три года анархии, ничего не исправившей, а потом на престол вступил сильный человек — Абу Саид (1452–1469). Но он пришел слишком поздно и в слишком сложный период.

ТУРКМЭНЫ, УЗБЕКИ, АФГАНЦЫ

Джаханшах (1439–1467), пришедший к власти в государстве кара-коюнлу через девятнадцать лет после смерти Кара Юсуфа, во всех отношениях был великим государем — просвещенным монархом, хорошим поэтом, писавшим по-тюркски и по-персидски, любителем искусства, покровительствовавшим Тебризской школе живописи. В своем городе

он оставил по себе бессмертную память в виде Голубой мечети (завершенной в 1465 г.). Хотя реставрации несколько лишили ее красоты или, скорей, силы эмоционального воздействия, она сохранила за собой важное место в исламском искусстве благодаря декору из поливной керамики, одному из прекраснейших в Иране, на удивление близкому к декору тимуридских памятников в Согдиане и Хорасане. Джаханшах был не только меценатом, но и честолюбцем. Он не раз осуществлял широкое наступление на Иран, завоевав Шираз, Исфахан, Керман. Он даже вступил победителем в Герат, и Абу Саид был вынужден подписать тяжкий мир, лишивший его западной части царства. Границу между обоими государствами на севере провели через Семнан, на полпути между Реем и Дамганом.

Если тимуридский суверен пошел на этот мир, то потому, что ему приходилось считаться с другой угрозой, со стороны новой силы, возникшей в степях еще до того, как он взошел на трон. Она сформировалась в уделе, который Чингис-хан когда-то отдал одному из внуков — Шибану, сыну своего старшего сына Джучи, а именно на землях к востоку и юго-востоку от Урала, на территории, границы которой были нечеткими и где кочевали племена, подвергшиеся тюркизации. В середине XIV в. они приняли название узбеки («Истинный господин»), которое со временем трансформировалось в «узбеки», и здесь мы будем пользоваться этим термином, хоть он и анахроничен. Через сто лет, в основном благодаря распаду Золотой Орды, эти племена под властью Абу-л Хайра (1428–1468) усилили свое могущество и прочно утвердились до самых берегов Сырдарьи, оказывая нажим на Тимуридов. Последние имели все основания тревожиться в связи с их присутствием и активностью, но в 1465 г. из-за раскола между узбеками часть их племен отделилась — сепаратистов назвали «беглецами», «казахами», а русские превратят это слово в «казаки». После этого ослабевшие узбеки потерпели поражение от монгольского народа, который чингисхановская эпопея задела лишь стороной, — от ойратов, или калмыков. Ничто не предвещало, что узбеки когда-либо воспрянут. Тот, кому они будут обязаны воскресением, Мухаммад Шейбани, родившийся в 1451 г., был в то время молодым человеком, который после драматического детства учился в Бухаре и Самарканде — и учился превосходно. Абу Саид вполне мог больше не беспокоиться за свои северные границы и принять решение воспользоваться спокойствием на них ради вторжения в Западный Иран. Такая интервенция казалась тем более уместной и даже необходимой, что сами туркмены только что пережили очень бурный период. На кара-коюнлу Джаханшаха напали его соседи

ак-коюнлу, которых возглавлял тогда Узун-Хасан (Хасан Длинный, 1453–1478), победили его и убили 11 ноября 1467 г., и все его владения достались победителям. С тех пор последние стали величайшей державой мусульманской Азии и вышли на международную арену, то есть установили отношения с Европой, в первую очередь с Венецией и папством, желая вступить с ними в союз против османов.

Была ли уместной интервенция Абу Саида, как он считал? Можно предположить, что он был плохо осведомлен или переоценил собственные силы. Была ли она необходима? Возможно, в самом деле был смысл сыграть на опережение, сдержать зарождающуюся империю, которая вполне могла позже заявить претензии на весь Иран. Тимурид перешел в наступление. В 1469 г. он проиграл сражение и погиб. Почти не приходится сомневаться, что после такого триумфа Узун-Хасан мог бы захватить все земли Ирана. Но он воздержался от этого, вероятно, опасаясь удара с тыла со стороны османов. Преемник Абу Саида, Хусейн Байкара (он же Султан Хусейн-мирза, 1469–1506), был назван «императором», падишахом, потому что падишах был нужен и потому что он был правителем Герата, но империи уже не было, не было даже царства, а лишь множество мелких княжеств, которые признавали его сан, но не его власть и ссорились меж собой. В их число входило и почти ничтожное, но занимавшее самые плодородные земли Средней Азии — Фергану и Андижан — княжество Омара Шейха Мирзы (1456–1494), отца того самого Бабура, который позже возродит тимуридское величие, завоевав Индию.

Итак, Иран еще раз принадлежал тюркам: западная часть — кочевым, которые при всех достоинствах не были благословением для страны, потому что кочевники, как мы уже неоднократно повторили, всегда в большей или меньшей мере были грабителями; Восток — оседлым, имевшим высокую культуру и создавшим одно из прекраснейших воплощений мусульманской цивилизации. Некий парадокс заключался в том, что как раз иранцы тогда властвовали в Индии, от Инда до дельты Ганга, и усиливали влияние, которое иранизм прежде осуществлял на эту страну. В Делийском султанате, который был основан в 1206 г. Ильтутмышем, тюркским мамлюком Гуридов, и где, примечательный факт, четыре года (1236–1240) царствовала женщина — Разия, власть последовательно перешла сначала к Хильджи (1290–1320), полностью иранизированным тюркам, потом к другим тюркам, Туглакам (1320–1398), и, наконец, к Саидам (1414–1444), которых мы уже встречали и которых сменят другие афганцы, Лоди (1444–1526): они потеряют часть земель, принадлежавших предшественникам, и станут просто

коалицией семи афганских князей. Значит, настолько сильна была здесь хватка Ирана. Тем не менее турки, верховенства которых Индия более чем на век избежала, считали ее частью своего достояния. Это мнение станет одним из аргументов Бабура в пользу ее завоевания.

ТИМУРИДСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Не надо поддаваться гипнозу слов. «Возрождение» в тимуридском Иране значило вовсе не то же самое, что в Европе. Что понимают под ним на Западе, известно. В Иране оно означало не что иное, как оживление культурной активности после опустошительных войн Тамерлана, хотя это слово не следовало бы применять, потому что полностью эта активность никогда не прекращалась. Если Самарканд с его грандиозными постройками конца XIV в. недостаточно служит доказательством этого тезиса, таковым мог бы стать Шираз, для которого XIV в. был золотым веком. Именно тогда его художники создали иранскую школу классической живописи, придали ей яркую самобытность, приобрели совершенное техническое мастерство в рисунке и колорите, открыли перспективу, располагая персонажей на разных уровнях, наложенных один на другой («Шахнаме», 1370, Стамбул, и 1397, Британский музей). Именно тогда его литературная школа породила одного из величайших поэтов Ирана, Хафиза (ум. около 1390), мастера *газели* — короткого стихотворения, в которых он достиг совершенства.

Что могло бы способствовать сближению обоих Возрождений, так это аналогии, какие можно провести между некоторыми фигурами, прославившими то и другое и как будто принадлежавшими к одной семье. Кстати, я уже отмечал (в своем «Бабуре») некоторые сходные черты в портретах будущего императора Индии и, например, Лоренцо Медичи.

Рассматривая миниатюры, керамику, ткани, мы охотно делаем вывод, что общество, для которого производили эти вещи, воплощало саму изысканность, тонкость, изящество. И, конечно, в нем было это, но были и вульгарность, скотство, грубость, ведь там было всё одновременно, ведь оно во всё доходило до предела. Оно страстно предавалось всем порокам. Оно принимало наркотики. Оно упивалось до смерти, в буквальном смысле слова, знаменитым ширазским вином и винами других марок. Оно играло в кости, оно заключало пари по любому поводу, хотя ислам это запрещает, и делало это с такой страстью, что игроки и спорщики порой разорялись. Оно было педерастическим: мужчины настолько любили мальчиков, что дети горожан уже не решались вы-

ходить на улицу из страха, что их похитят. Оно охотно практиковало свободную любовь — адюльтер так мало его пугал, что, когда некто пожаловался, что у него забрали жену, ему ответили: «Она с тобой уже столько лет, пусть побудет несколько дней со мной».

В то же время оно могло быть предельно набожным. После царствования Улугбека почти у всех суверенов были духовные наставники. Дервиши, каландары, попадались повсюду. Наиболее ценимыми науками, имевшими больше всего очагов, были богословие, юриспруденция и арабеведение. И по мере того как со временем власть ислама укреплялась, сокращались свобода мысли и свобода женщин, но, как ни странно, не свобода нравов.

Женщины! Они занимали много места в сердцах мужчин, как бы те ни любили мальчиков. Это был век любви — не только той, какую воспевают, как всегда делали мусульмане, но и той, какую испытывают. Халиль отдал всего себя Шад-Мулк, которая, кстати, его не пережила. Дядя Бабур-шаха так влюбился в одну из своих жен, что отказался от всяких сексуальных отношений с остальными. Хусейн Байкара, имевший обширный гарем, безумно полюбил одну из своих наложниц, женился на ней и отдал ей почти всю полноту власти. Такая экзальтация любовного чувства сохранится и в Индии Великих Моголов — ей мы обязаны Таж-Махалом. Женщины пользовались такой свободой, какую ислам предоставлял им редко — или никогда? Уже Руи Гонсалес де Клавихо описал праздники Тамерлана, в которых участвовали знатные дамы в великолепных одеждах и с непокрытыми волосами, падающими на плечи. Еще Бабур будет наносить визиты дамам из своего семейства, как и из семейств своих сподвижников. Некоторые из этих женщин были весьма образованны. В Герате много говорили об одной знаменитой поэтессе; одна из дочерей Бабура, Гульбадан, станет талантливой мемуаристкой.

Любили развлечения. Много играли, и не только в кости, но и в триктрак, в шашки и особенно в шахматы. Занимались спортом — популярны были игра в поло, конные скачки, прыжки, стрельба из лука, борьба и та игра, которой дал известность Афганистан: *бузкаши*, тогда называемая *оғлак*, где две команды всадников борются за тушу козла. Разумеется, охотились — с собаками, с соколом, с гепардом, в засаде. Смотрели на выступления спортсменов, равно как на бои животных — петухов, куропаток, баранов — или на выступления борцов, акробатов, канатоходцев, жонглеров, фокусников. Слушали музыку и сами исполняли ее: не владеть музыкальным инструментом, не иметь слуха или не узнавать произведений прославленного композитора означало быть

весьма дурно воспитанным. Всё становилось поводом для празднеств, и они часто были великолепными — прохождения солдат или ремесленных корпораций, поставленные с большим искусством, пиры, на которых сотрапезников веселили танцовщицы и шуты и которые опьянение нередко обращало в самый дикий разгул, побуждая участников к самым грубым поступкам.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА

Много времени проводили, читая или слушая стихи — классическую иранскую литературу или стихи современников. Самым ценным из последних был Джами (1414–1492), человек, который преуспел в жизни, но на котором, увы, закончилась великая поэтическая школа Ирана. Его «Семь сокровищ» [Семь корон] — сборник из семи историй, самой удачной из которых стала история Юсуфа и Зулейхи, исламизированная и романизованная версия злоключений библейского Иосифа по вине жены египтянина. Больше ни один писатель эпохи не достиг уровня Джами, но иранисты насчитывают около восьмидесяти заметных литераторов и с десятков обладавших настоящим талантом. Два историка тимуридской эпохи, дед и внук, Мирхонд (1432–1498) и Хондемир (1475–1536), сильно уступают историкам монгольской эпохи, но интересуют нас из-за влияния, какое оказывали, а также потому, что входили в число первых иранских историков, которых стали изучать в Европе. Если персидский язык безраздельно властвовал, настолько, что даже те, кто писал по-тюркски, считали себя обязанными иногда его использовать, то Тимуриды мечтали вновь ввести в обращение тюркский язык, и Мир Алишер Навои (1414–1492), министр Хусейна Байкара, сам поэт и автор «Дивана», отнюдь не бездарного, даже написал нечто вроде «защиты и прославления»¹ этого языка. Тем не менее этот высокопоставленный сановник и меценат, творчество которого во многом вдохновляли произведения Низами, Амира Хосрова и Джами, считался одновременно одним из величайших поэтов мира и блестящим подражателем классическим персидским авторам. Как бы то ни было, в современном Узбекистане его репутация полностью сохранилась. На мой взгляд, его неоспоримо превосходит Бабур со своим личным дневником, «Бабур-наме», произведением капитальным и, не считая первых страниц, посвященных генеалогии, — увлекательным.

¹ Аналогия с трактатом Жоашена дю Белле «Защита и прославление французского языка» (1549) (прим. пер.).

Любовь к текстам, забота о том, чтобы их красиво писать, породила великую школу каллиграфов, самым знаменитым представителем которых был Султан-Али из Мешхеда, а забота о том, чтобы иллюстрировать их миниатюрами, привела к созданию книжных мастерских, одна из которых была основана Улугбеком в Самарканде, другая — Шахрухом и его сыном Байсонкуром (ум. 1433) в Герате. Обе, особенно гератская, оказали широкое влияние. В Герате расцвела великая школа тимуридской живописи, которую, полагаю, вправе назвать самой прекрасной в Иране. Из нее вышли тысячи миниатюр, разошедшиеся по коллекциям всего мира, в частности, по коллекциям Стамбула, где Тимуриды укрылись со своими сокровищами, когда их изгнали узбеки. Эти миниатюры украшают произведения Низами, Саади, Джами и прежде всего «Шахнаме» Фирдоуси, которое всегда было в моде и несколько иллюстрированных экземпляров которого дошли до нас, причем самые чудесные — так называемое «Шахнаме» Байсонкура, иллюстрации к которому были сделаны в 1430 г. (Тегеран), и то, которое было изготовлено около 1440 г. для другого сына эмира (Лондон, Королевское азиатское общество). Для всех характерны изысканный колорит, какого не найти в других местах, чувство композиции и умение передавать движение, бесподобное изящество в изображении стройных тел с маленькими, но очень выразительными головками, иногда слегка склоненными к плечу. В первой половине века большое место в живописи занимал пейзаж, например, сад в цветах, и это значит, что китайское влияние оказалось немаловажным. Разве один из величайших художников Гияс ад-дин, которому мы обязаны «Встречей Хумая и Хумаюн в китайском саду», написанной в 1430–1440 г. и многократно воспроизведенной (Париж, Музей декоративных искусств), не сопровождал посольство Шахруха к Сыну Неба в 1419–1421 гг.? В ту же эпоху Иран посмел взять в качестве сюжета ночное вознесение Мухаммада («Мирадж-наме») и изобразить Пророка с закрытым лицом в превосходных, кстати, сценах, где Рене Груссе нашел глубокую религиозность, заставляющую вспомнить Фра Анджелико (рукопись 1436 г., Париж, Национальная библиотека). Появление в Герате в 1470 г. — где он останется до 1506 г., прежде чем завершить поприще в Тебризе, — Бехзада (ок. 1450–1520), величайшего художника ислама, внесло глубокие изменения в искусство: этот автор придал композициям больше свободы, вывел его за рамки аристократической среды и побудил заинтересоваться миром простолюдинов («Строительство замка Хаварнак», 1494, Британский музей), добивался большего реализма и стал одним из первых, кто писал портреты («Портрет художника», конец XV в., Вашингтон).

В Самарканде Академия книги сотрудничала с учеными, чьи тексты публиковала и иллюстрировала («Трактат об астрологии» Абд ар-Рахмана ас-Суфи, ученого X в., 1447–1449, Париж, Национальная библиотека). Улугбек, страстно влюбленный в науку вообще и в астрономию в особенности, которой он в конечном счете посвятил жизнь, основал обсерваторию, которую открыл в 1422 г. и развалины которой были обнаружены в 1908 г. на холме Афрасиаб — прежде всего гигантский секстант с делениями, имеющий длину более 60 м и ориентированный точно по меридиану. Проводившиеся здесь работы были рассчитаны надолго: ведь здесь изучали полный цикл обращения Сатурна, занимающий тридцать лет. Под руководством Улугбека здесь работал коллектив выдающихся ученых, в том числе астроном Кази-заде ар-Руми, судя по имени — осман, который после смерти в 1437 г. удостоился неслыханной привилегии — мавзолея в царском некрополе Шахи-Зинда. «Астрономические таблицы» [Зидж] этого монарха, вывезенные в Константинополь одним из его близких сотрудников ал-Кушчи, были там опубликованы Мехмедом II. Они будут переведены на латынь в 1665 г., и на них будут ссылаться в Европе еще в XIX в. Обсерваторию посещали и представители других наук, как математик ал-Каши, который открыл или заново открыл десятичные дроби, сконструировал первый арифмометр и решил так называемый бином Ньютона.

Тонкость, изящество, переливы и гармоничные сочетания красок, характерные для миниатюр, можно увидеть и в облицовочной керамике, которая занимала всё больше места в тимуридских памятниках. Использовались все ресурсы керамографии, и рядом можно было видеть плитку, кирпич, глазурированный по краю, мозаику, резной, ажурный, литой, гравированный фаянс, и игра цвета на этом всё отличалась сказочным многообразием, которое отнюдь не вредило единству целого, а, напротив, способствовало ему. Эта изысканность контрастирует с гигантоманией, которая обнаруживается в самих памятниках и которую часто можно встретить в ремесленных изделиях, таких, как бронзовый котел, так называемый котел Тамерлана, окружность которого составляет почти 2,5 м и который весит две тонны (Эрмитаж, сейчас в г. Туркестан, Казахстан).

Многочисленные постройки времен основателя династии показывают, что тимуридское Возрождение началось при нем. Он привозил в Самарканд ремесленников со всего мира, но прежде всего персов, и их искусство продолжает иранскую традицию в самом чистом виде, без особых новшеств, кроме стремления к чрезмерной величине, которое мы отметили, кроме смелости в исполнении арок и куполов, хоть

и кирпичных. *Айван* шириной 16, 18 или 22 м, стена или купол более 50 м в высоту архитекторов не пугали. Уже отмечено, и я сам говорил, что эти памятники строились слишком быстро, чтобы быть прочными. Не ошибался ли я? Да, возводили быстро, коль скоро для строительства гигантской мечети-медресе Биби-ханым, для которой со скрупулезной заботливостью изготовили самое меньшее два миллиона плиток и глазурированных кирпичей, понадобилось четыре года! Но фундаменты были мощными и глубокими, и в конечном счете удивительно, что в этих странах, подверженным сильным землетрясениям (из-за землетрясения 1897 г. упала целая стена Биби-ханым, недавнее землетрясение в Баме разрушило колоссальную цитадель), в этих странах, столь отсталых в XIX в., некоторые образцы этой архитектуры сохранились. По сравнению с количеством, какое упоминает история, они немногочисленны. Тем не менее они существуют.

Самарканд пользовался таким престижем, даже если был не так богат, как соседняя Бухара, что нам следует для начала поговорить о нем, тем более что он был столицей Тамерлана. Гур-Эмир, памятник, где покоится сам Тамерлан, здание, строительство которого началось в 1403 г. и неизвестно когда кончилось, тщательно отреставрированный, не без преувеличения считается одним из главных произведений исламской архитектуры. Эта оценка относится прежде всего к его рифленому куполу на очень высоком барабане и к декору погребального зала с глубокими нишами, мраморным цоколем и желтоватым кирпичом с синими пятнами. Мечеть-медресе Биби-ханым (1399—1404), огромная, так как занимает площадь 167 на 109 м, еще недавно была величественными и волнующими развалинами. От нее оставались треть купола, половина портика с *айваном* шириной 18 м и высотой 25 м, главный корпус молельного зала, основания нескольких из 480 каменных колонн высотой 3,2 м и огромный каменный пюпитр Улугбека в центре двора, занимавший место, обычно предназначенное для фонтана или бассейна. Ее полностью реконструировали. На восхитительной площади Регистан размерам 70 на 60 м, представляющей собой традиционный центр города, сохранился только один оригинальный памятник — медресе Улугбека 1437 г. В 1646 и 1660 гг. обитель и караван-сарай, служившие границами площади по двум другим ее сторонам, узбеки заменили двумя новыми медресе, рабски скопировав первое. Шедевр городской архитектуры — некрополь Живого Царя, Шахи-Зинда, тоже полностью отстроенный. Ощущению совершенной красоты, какое он создает, способствует всё: обрывистый склон, крутой подъем на холм по узкой аллее, крохотность мавзолеев, полных прелести, изящества, утонченно-

сти, изысканной женственности — разве мало здесь гробниц женщин, сестер или жен Тамерлана (мавзолеи Кутлуг-Туркан-ака, около 1386, Ширин-бики-ака, около 1385, и Туман-ака, 1405, самый красивый)? Самый старый — 1360 г., то есть старше гробницы Тамерлана; самый новый — 1437 г., почти современный воротам, завершающим ансамбль (1434–1435).

От императорского дворца в Самарканде, много раз описанного современниками, не осталось ничего, но представление о нем можно составить по тому немногому, что сохранилось от дворца Аксарай в Кеше (Шахрисабзе), родном городе Тимура. Его фасад, лишенный верхней части, еще возвышается метров на пятьдесят, и он был фланкирован башнями, которые, если не ошибаюсь, впервые в иранском искусстве поднимались от земли (а не от рамы ворот, *пештака*), что позже станет правилом. В Кеше находятся также мавзолеи отца Тимура и двух его сыновей. За пределами Самарканда самое значительное строение XIV в. — мавзолеем популярного тюркского мистика Ахмеда Ясави в Ясах (Туркестане), датируемый 1394–1397 гг., несомненно, недостроенный, имеющий высоту 44 м и включающий в себя порядка трехсот помещений, в том числе мраморный мавзолеем, где покоится прах дочери Улугбека.

Немногим больше осталось от построек преемников Тамерлана, а если учесть, в какие времена им приходилось их возводить, можно сделать вывод, что сохранилась даже меньшая их часть. Самое красивое здание времен Шахруха (1407–1447), монарха, при котором завершили многие памятники, начатые при отце, — мечеть, которую его супруга Гаухар-шад встретила в надгробный ансамбль имама Резы в Мешхеде в 1405–1414 г., вход куда для «неверных», к сожалению, закрыт. Построенная архитектором Кавам ад-дином из Ширази (ум. 1438), она имеет классический план с четырьмя *айванами*, выходящими на центральный двор со стороной около пятидесяти метров. Ее декор с сочетанием матовых и глазурованных кирпичей, на фоне которых выложены мозаичные арабески из многоцветного фаянса, контрастирующего с голубизной купола, может считаться одним из самых выдающихся достижений исламского искусства. Той же первой половиной века датируются Большая мечеть Харгирда (1441–1445), которую спроектировал и начал строить Кавам ад-дин, и мавзолеем Ансари в Газаргахе близ Герата, восстановленный в 1425 г., по существу могильная ограда, где еще недавно в ногах святого лежала собака. Оно было не очень красивым, это животное, но его уничтожение талибами лишило нас символической вести, которую оно передавало.

Улугбек был основателем обоих медресе, носивших его имя — одного в Самарканде, уже упомянутого (1437), и другого в Бухаре, меньшего и более раннего (1417), — и мавзолея Кази-заде ар-Руми в Шахи-Зинда. Очень красивый и довольно обветшавший памятник в Бактрах (Балхе), который называется мечетью Абу Насра Парсы, не датированный, но построенный позже смерти в 1460 г. человека, чье имя он носит, — не мечеть, хотя бы потому, что имеет четыре портика, а скорей гробница или обитель. Его ребристый купол на высоком барабане и некоторые другие архитектурные элементы выявляют влияние Гур-Эмира. В Газни мавзолеем Улугбека Мираншаха, брата Бабура, и его сына Абд ар-Раззака, возведенный в начале XVI в., — последний тимуридский памятник, и во многих отношениях, несмотря на маленький размер (сторона около 25 м), он предвещает искусство индийских Великих Моголов (строгая радиальная симметрия, большие многоугольные граненые ниши и т. д.). Его зачастую считают некрасивым, потому что его кладка из темно-коричневого обожженного кирпича открыта и лишена всяких следов декора, но он куда менее некрасив, чем утверждают, потому что безупречно гармоничен. Интересен он и тем, что резко контрастирует со всеми памятниками, которые я только что перечислил, противопоставляя их величественности свою скромность, всем их сверкающим покровам — свою обнаженность.

ПОБЕДА УЗБЕКОВ

Мухаммаду Шейбани, чаще называемому Шейбани-хан, внуку Абу-л Хайра, было семнадцать лет, когда почти одновременная гибель его деда, убитого в 1468 г. в бою с казаками, которых тот хотел снова подчинить, и отца Шах-Будага, которого захватил врасплох и обезглавил монгольский хан Юнус, сделала его главой узбеков. Он сумел добиться признания с их стороны благодаря харизме, основательной культуре, добавившейся к природным дарованиям, и многие племена, верные его семейству, мало-помалу присоединились к нему. Вместе с ними он воевал на стороне Султан-Ахмед-мирзы (1451–1491), тимуридского суверена Самарканда, предал его, перешел на службу к Махмуд-хану, монголу, владевшему Ташкентом, и в 1488 г. получил от него в благодарность город Ясы (Туркестан). Этот надел увеличил его силы и укрепил репутацию.

После того как Султан-Ахмед-мирза умер, на престоле за шесть лет сменилось четыре монарха. Реальная власть попала в руки знати. Население утратило доверие к суверенам, и на город притязало много

тимуридских князей, в том числе Бабур, наследовавший Андижан в Фергане. В 1497 г. Бабур и его бухарский кузен Султан-Али-мирза осадили Самарканд. Город держался, и союзникам, понимавшим, что наступает зима, пришла самоубийственная мысль обратиться к Мухаммаду Шейбани. Тот откликнулся на приглашение, пришел со своей армией, но не скомандовал ей вынуть сабли из ножен. Хотел ли он только продемонстрировать свою мощь? Считал ли, что его время еще не пришло? Прощупывал ли почву? Самарканд сдался Бабуру. Тот остался там всего на сто дней. У него не было возможности удержать город, тем более что он серьезно заболел, как столь часто с ним бывало, и что Фергана тем временем перешла во владение его младшего брата.

Шейбани-хан не замедлил вернуться, на сей раз как завоеватель. Тимуридские князья были неспособны объединиться, чтобы дать ему отпор, и он мог атаковать их одного за другим. Он захватил Бухару, потом Самарканд, который, по словам Бабура, был сдан матерью суверена, «невежественной и глупой [...] снедаемой похотью», и пошел на другие крепости, оставив в старинной столице Тамерлана лишь ничтожный гарнизон. Чрезмерная уверенность в себе всегда была его слабым местом. Бабур ухватился за возможность, как будто представившуюся ему, отбил Самарканд, был немедленно осажден там Шейбани-ханом, сделал вылазку, чтобы дать ему сражение при Сар-и Пуле (в конце апреля или начале мая 1501 г.), был разбит, заперся в стенах города и в сентябре капитулировал. Он смог свободно уйти, но был вынужден отдать Шейбани в жены свою сестру Ханзаде-бегим. Воистину странный союз между сестрой, которую он любил больше других, и человеком, которого он должен был ненавидеть, которого он уже ненавидел больше всех, единственным, по отношению к кому в «Бабур-наме» он проявил несправедливость и выказал отвращение! Бабур смирился с тем, что будет только царем Кабула — города, который входил в тимуридское наследие, но тогда находился в руках узурпатора. Он обосновался там в начале декабря 1504 г. и сделал его плацдармом для завоевания Индии.

Теперь вся Согдиана принадлежала узбекам. Она останется в их владении и станет Узбекистаном. Тимуриды не отстояли ее. Сам падишах, Хусейн Байкара, не попытался ничего сделать, чтобы ее спасти. Он очнулся, когда узбеки перешли через Окс и двинулись на Балх, и позвал на помощь. Бабур откликнулся. Он покинул Кабул и пошел к Герату. Придя туда в 1506 г., он нашел Хусейна Байкара мертвым. Все Тимуриды, все их слуги рассыпались, как колос на гумне, и 27 мая 1507 г. Шейбани-хан вступил в их столицу. Бабур был единствен-

ным принцем крови, имевшим право претендовать на наследование империи, и принял титул падишаха. Зачем было становиться «императором», не имея надежды? Но он еще надеялся, он и дальше будет надеяться. События 1510 г. какое-то время, казалось, давали для этого основания. Он ринулся в гущу этих событий очертя голову, а скорей — рискуя погубить душу. Он унизился, он отступился от суннизма и на время принял шиизм. Чтобы забыть о своей трусости, он пристрастился к наркотикам и вину. Это позволило ему в третий раз вступить в Самарканд в 1511 г., но не остаться там.

В 1510 г. непобедимый Шейбани-хан встретил того, кто был сильнее его, — непобедимого шаха Исмаила, только что провозгласившего себя шахом Ирана и объявившего шиизм государственной религией. Конфликт выглядел неизбежным. Они были соседями; один был суннитом, другой шиитом; оба только что завоевали престижные земли, и каждый считал, что ему предначертано владеть миром. На земле может быть только один повелитель, как на небе есть только один Бог, — турки это повторяли как лейтмотив, а ведь оба были тюрками. Исмаил внезапно напал на Шейбани под Мервом 1 или 2 декабря 1510 г. и разгромил. Узбек был ранен и умер в одиночестве на заброшенном хутуре. Это событие получило огромный резонанс и дало повод для интерпретации как минимум преувеличенной: Иран победил Туран, оседлый — кочевника! Это была мечта Фирдоуси. Это был реванш за пятьсот лет унижений! Позже пришлось разочароваться: узбеки были побеждены, но не уничтожены. Они не замедлили взять свой реванш в декабре 1512 г. и шах Исмаил больше не вернулся. Он в свою очередь был разбит османами в 1517 г. Граница между обеими империями прошла по Амударье (Оксу). Еще и поныне эта река служит южной границей Узбекистана.

РОЖДЕНИЕ СЕФЕВИДОВ

Шах Исмаил родился в Ардебиле, в Азербайджане, и его семья принадлежала к основанному шейхом Сафи ад-дином (1253–1334) религиозному ордену Сафавийа, или Сефевидов, издавна пользовавшемуся широкой известностью, которая выходила далеко за границы провинции. Суннитский по происхождению, этот орден в XV в. принял шиизм довольно экстремистского толка; его члены верили, что их наследственные шейхи происходят от седьмого имама Мусы, а значит, от Али, зятя Пророка, и от дочери последнего сасанидского суверена Йездигерда III, и в связи с этим орден не стал ограничиваться религиозной деятельностью, а притязал и на политическую власть. Шейх Джунайд

(1447–1460) и его окружение поняли: чтобы добиться своих целей, им нужна вооруженная сила, и начали активную пропаганду среди тюркоязычных племен Азербайджана, Армении и Восточной Анатолии. Те вполне охотно к ним прислушивались. Они жили замкнуто, почти не контролировались официальными религиозными властями и сохраняли многие из своих традиционных верований, к которым шиизм относился лучше, чем суннизм. Они ожесточенно сопротивлялись суннитам, которые их презирали и постоянно беспокоили. Еще большее неприятие у них вызывало Османское государство, которому они никогда не прощали завоевания Анатолии, упразднения бейликов и лишения независимости племен, что и показали в 1402 г. в Ангорской битве, перейдя на сторону Тимура; они сетовали на то, что платят подати, естественно, очень тяжелые. Немногим лучше они относились по тем же причинам и к туркменам кара-коюнлу и ак-коюнлу. Некоторые из представителей этих племен заверили Сефевидов в своей поддержке и начали к ним присоединяться. Новые союзники получили название «кызылбаши», «красные шапки», потому что носили красные колпаки. Это слово мало-помалу приобрело более широкий смысл и наконец стало обозначать всех тюркоязычных еретиков в Малой Азии. В XIX в. в Турции его вернули в лексикон как довольно уничижительное, и оно остается в ходу по сей день.

Происки шейха Джунайда не понравились Джаханшаху, и в 1449 г. последний изгнал его из Ардебиля. Некоторое время пространствовал, шейх нашел убежище у человека, который еще не был очень могущественным, но усиливался, — у ак-коюнлу Узун-Хасана. Тот его хорошо принял и отдал ему в жены сестру. Казалось, Сефевиды нашли надежную опору; но когда Узун-Хасан в 1467 г. победил Джаханшаха, сын его зятя и новый шейх ордена Хайдар (1460–1488) показался ему столь же опасным, каким был Джунайд в глазах кара-коюнлу. Правда, кызылбаши и к новым господам стали относиться с такой же злобой, какую питали к их предшественникам. По вине Узун-Хасана Хайдар погиб. Уверяют, что сыновья последнего поклялись отомстить за него. Старший, Султан-Али, прожил недолго, до 1494 г., и преемником в качестве главы ордена, который выглядел очень непрочным, назначил младшего брата Исмаила (1486–1524) семи лет. Ребенок укрылся в Гиляне, на Каспийском море. Он провел там шесть лет, и его приверженцы начали активную пропаганду среди кызылбашей. В августе 1499 г. подросток, которому было всего тринадцать лет, решил попытать счастья и покинул свое убежище.

Может быть, ему придал смелости упадок ак-коюнлу? После смерти Якуба (1478–1490) их конфедерация так и не нашла себе вождя. С 1490 по 1498 г. на власть там претендовало как минимум шесть князей, отчего эта власть и страна вместе с ней погрузилась в хаос. Выступивший с небольшим отрядом, оцениваемым приблизительно в полторы тысячи человек, Исмаил прибыл в Эрзинджан (ныне в Восточной Турции) летом 1500 г. с силами, которых стало в пять-шесть раз больше. Он немедленно начал действовать. В 1501 г. он захватил Баку, победил ак-коюнлу Алванда (1498–1504) при Нахичевани, что отдало под его власть весь Азербайджан, а потом вступил в Тебриз, где, короновавшись в 1502 г. в качестве шаха, основал династию Сефевидов. Даже если своим успехом он был во многом обязан окружению, невозможно отрицать, что новый монарх был вундеркиндом. В следующем году, в июне, он одержал большую победу над другим ак-коюнлу Мурадом (1497–1508), сделавшую его хозяином Фарса и Ирака, и заставил Ормуз, один из первых торговых городов Востока, платить ему дань — это был важный источник богатств, но его скоро осушил португалец Албукерки, который в 1515 г. перед самой смертью захватил этот город. После этого Исмаилу было нетрудно завоевать всё нагорье. Как раз тогда, в 1510 г., он столкнулся с Мухаммадом Шейбани и победил его. Родилась иранская нация.

ГЛАВА XV ОТ СЕФЕВИДОВ ДО КАДЖАРОВ

Родилась иранская нация; скажем так: появилось единое независимое царство, куда входила — за исключением Хорезма и Согдианы — большая часть земель, которые в последнюю тысячу лет или раньше были иранскими. Это царство, конечно, уменьшится в последующие века, в частности, в результате отпадения Афганистана, но тем не менее современный Иран вправе считать себя его наследником. Но оно не было — хотя очень долго утверждали обратное — национальным государством, объединявшим людей одного племени, одного языка, которые желали жить вместе. Основали его и правили им не иранцы, а турки, и они еще долго будут его властителями. Даже если вдруг — как некоторые говорят сегодня, не приводя убедительных аргументов, — шах Исмаил родился курдом, он был достаточно тюркизирован, чтобы выглядеть турком. Многие черты его характера, многие его действия были свойственны выходцам из центральноазиатских степей. Именно на тюркском — хотя он умел говорить и писать по-арабски и по-персидски — он сочинил свои основные литературные произведения, кстати, отнюдь не бездарные, которые сделали его, под псевдонимом Хатаи, великим поэтом. Он жил в среде тюркоязычных кызылбашей, он писал стихи, как и многие пропагандистские послания, в расчете на тех из них, кто был географически далек от него, и только семь зависимых от него племен, названия, а иногда отчасти и история которых известны, в основном поставляли воинов в его вооруженные силы. Намного позже те, кого называли шахсевенами, «любящими Царя», то есть Али, всё еще сохраняли свое место на пиру. Дон Хуан Персидский в конце XVI в. приведет список тридцати двух племен или семейств, представители которых в то время будут по преимуществу занимать гражданские и военные должности. При таком положении дел понятно,

почему В. Ф. Минорский мог видеть в царствовании Сефевидов третью фазу туркменского господства в Персии.

При всей власти, приобретенной тюрками, которую, впрочем, попытаются ограничить, тем не менее понемногу формировалась нация или нечто довольно похожее на нее, и основатель династии, а также его преемники гениально сумели, несмотря на неизбежные кризисы, приучить к совместной жизни в одном государстве людей, которые раньше чаще всего подчинялись разным властям, сражались меж собой, говорили на разных диалектах или на разных языках, не все поначалу исповедовали одну и ту же религию, находились на разных стадиях развития и вели совершенно разный образ жизни в зависимости от того, были ли они горожанами, крестьянами или кочевниками.

ШИИЗМ ОБЪЕДИНЯЕТ ИРАН

Плотно скрепить составные части иранского пазла позволили личность шаха Исмаила и горячая преданность его приверженцев, самые пылкие из которых в конечном счете усмотрели в нем реинкарнацию Али. Когда на смену блестящим победам очень скоро пришло роковое военное поражение от османов при Чалдыране в 1514 г., престиж шаха померк в глазах самых умеренных его сторонников, но возникли новые чувства, заменив прежнюю спайку, утратившую силу, на другую, намного более прочную. Кызылбаши, страдавшие, как и прежде, от действий суннитов и османского правительства, были уязвлены тем, что последние их победили. Иранцы нагорья в большинстве были убежденными шиитами-двунадесятниками, а значит, врагами суннизма, и тоже пострадали от долгого господства последнего, когда его навязывали сельджуки. Шах Исмаил и его окружение поняли: чтобы сделать их такими же фанатиками, как кызылбаши, надо разжечь их религиозные чувства. Кроме того, они увидели, что только шиизм, какой все больше исповедовали в Иране с XV в., способен объединить страну. Они сами были не двунадесятниками, а семиричниками — насколько по-настоящему исповедовали ислам. Но из политических соображений они стали двунадесятниками. Они провозгласили шиизм государственной религией и силой навязали его тем, кто его не исповедовал, а таких оставалось еще много. Они перебили много суннитов, где могли, в частности, в Тебризе, в Исфахане и, возможно, еще больше в Герате, который, похоже, был крупным очагом суннизма в Хорасане. Зато, похоже, они тогда не оказали никакого нажима на Восточный и Южный Афганистан либо не добились там успехов. Их нетерпимость

и насилия, особенно когда их жертвами становились суфии или прежние единоверцы, были не только эффективны, но и демонстрировали искренность и глубину их убеждений, в каких-то, разумеется, можно было сильно сомневаться.

Так Иран добился единства благодаря шиизму, став единственной мусульманской страной, которая его исповедовала. Этот факт стал для него предметом гордости. Он исполнился презрения ко всем соседям, не разделявшим его веру. В нем он находил силы, чтобы противостоять их нападениям, каковые очевидным образом становились атаками злого начала. Абсолютная необходимость защищаться сплотила его. Только позже вмешательство европейских держав, которые унижали иранцев и в конечном счете привили им комплекс неполноценности, способствовало осознанию последними национальной идентичности. Этнические, лингвистические, даже религиозные различия отступали перед необходимостью давать отпор, тем более что двору удавалось оттеснять турков от дел, пусть даже опираясь на некоторые ираноязычные популяции, на грузин и армян, активно давая им возможность создавать ополчения и формировать одну из главных сил в армии.

Религиозные преследования, предпринятые с тем, чтобы заложить основы современного Ирана, и действительно заложившие их, происходили только некоторое время. Особенно они свирепствовали при шахе Исмаиле, а после него возникали лишь спорадически — в короткое царствование Исмаила II (1576–1577), очень лютого монарха, и при шахе Султане Хусейне (1694–1722), когда стали причиной восстания афганских суннитов и повлекли за собой падение династии и бедственные нашествия. Зато пропаганда шиизма неизменно оставалась активной, и внутри империи, и особенно в османской Анатолии, где она будоражила племена. Это она в большой мере несет ответственность за войны, заливавшие кровью Ближний Восток около двухсот лет, которые были религиозными задолго до того, как стали национальными, и, как все войны в мире, ведущиеся во имя идеологии, сопровождалась неслыханными зверствами. Если османский султан Селим I получил прозвище Явуз, «Грозный», за свои жестокости, за «людей, разрубленных на куски, за головы детей, насаженные на копья» (Алтан Гёкальп), то шах Исмаил в равной мере заслуживает этого прозвища.

СЕФЕВИДЫ

Из одиннадцати сефевидских суверенов, царствовавших в Иране с 1501 по 1736 г., только два своей личностью и деяниями возвышались над общим уровнем — шах Исмаил (1501–1524) и шах Аббас I Великий (1588–1629), и, как сказал Жан Шарден, когда последний «перестал жить, Персия перестала процветать». Таким образом, своей громкой репутацией и бесспорным блеском, какой она придала Ирану, династия обязана им, но когда порой доходят до утверждения, что страна никогда не была столь великой, как при ней, — это уже преувеличение. А как же Ахемениды? А как же Сасаниды? Где в XVI–XVII вв. великие люди и великие дела, какими прославились эпохи арабского владычества, Саманидов, сельджуков, ильханов и Тимуридов? Исфahan сиял, но Масджид-и Шах (Масджид-и Имам, как говорят теперь) не имеет никакого отношения к творчеству. Миниатюры очаровывают, но Резе Аббаси далеко до Гияса ад-дина и Бехзада. Ковры чудесны, но тех, которые были вытканы раньше, не сохранилось, так что сравнивать не с чем. Керамика искрится, покрывая сверкающим слоем все памятники, но за редким исключением это не мозаика, а готовые изразцы. Не было ни одного настоящего поэта, ведь нельзя же к ним отнести Хатифи (племянника Джами), Ахли, Орфи и даже Мухташама из Кашана в XVI в. и Саиби в XVII в. Не было ни одного талантливого историка. Не было ни одного ученого. Где тогдашние Фирдоуси, Низами, Хафизы? Где тогдашние Джувейни и Рашид-ад-дины? Где тогдашние ал-Бируни, Авиценны, ал-Каши? Иран блистал, но не всё то золото, что блестит. Клонясь к упадку, Иран блистал последним, бесконечно привлекательным блеском.

Времена были сложными. Положение Ирана — еще сложнее. Внутри страны недоставало интеллектуальных элит, отчасти потому, что многие бежали от гонений, укрылись в Турции или в Индии, где усиливали иранское влияние и где в числе эмигрантов обнаружилось отдельные таланты, как Файзи, который перевел персидскими стихами «Махабхарату». Стремление сплотить страну, сделав ее чисто шиитским государством, привело к чрезмерному развитию теологических исследований (на арабском языке) и литургических (на персидском) и создало теократический режим — мы имеем в виду такой режим, при котором государство служит религии, а не такой, как в османской Турции, где религия служила государству. Власть мулл непрерывно росла, а значит, и их численность, ведь духовная карьера оказывалась самой престижной и выгодной. Во внешнем мире с Ираном соседство-

вали две больших державы — Османская на западе и Великих Моголов на востоке, а также не самое слабое царство узбеков на северо-востоке, и как раз тогда здесь появились европейцы и их колониальные империи — сначала Португалия, потом Голландия и, наконец, Англия, которые прибрали к рукам торговлю, строили все больше факторий и баз, контролировали мореплавание в Индийском океане и в Персидском заливе. Состояние войны было почти непрерывным. У Ирана остался выход только в северные степи, куда скоро пришли русские (взятие Астрахани на Каспийском море в 1555 г.).

ВОЙНЫ XVI ВЕКА

Сефевиды, захватившие власть в Иране благодаря поддержке анатолийского населения, сохраняли с ним тесные связи. Шах Исмаил непрестанно посылал к ним эмиссаров, агитаторов. Османский султан Баязид II оказался перед выбором: объявить ему войну, рискуя вызвать восстание своего азиатского населения, или дать зеленую улицу шиитской пропаганде, только усугублявшей ситуацию. Официально царили мир и сердечное согласие. Иранцы отправляли в Константинополь посольства, рассыпались в учтивостях, но подрывную деятельность не прекращали. В 1511–1512 гг. в Анатолии вспыхнули крупные восстания. Баязид, нерешительность которого, возможно, объясняемая возрастом, подвергалась резкой критике со стороны высших сановников, был вынужден 24 апреля 1512 г. отречься в пользу своего сына Селима. Последний жестоко восстановил порядок в провинциях и решил покончить с иранскими шиитами. Для начала он велел высшему религиозному авторитету суннитов, *шейх-уль-исламу*, отлучить шаха Исмаила от ислама, что делало допустимым убийство последнего, уничтожение его сторонников и обращение в рабство их жен и детей, а потом, весной 1514 г., выступил в поход. Так начался конфликт, который в открытой или скрытой форме продлится до XVIII в. и в результате которого будут разорены и опустошены области, образующие сегодня Восточную Турцию и Западную Персию, а также станет почти невыносимым положение армян, чьи земли слишком часто будут служить полем битвы, что побудит их начать исход в Константинополь, Исфахан и другие места. Это была великая религиозная война ислама, война суннизма с шиизмом — а не война, повторим еще раз, тюрков с иранцами, ведь обеими империями управляли турки, но одни хотели быть европейцами и оседлыми, другие — азиатами и кочевниками.

Османская артиллерия была тогда первой в мире, и армия Селима имела на вооружении аркебузы и пушки. Это оружие, почти неизвестное в Иране, произвело на шаха Исмаила сильное впечатление. Он немедленно осознал его значение и по окончании войны будет безуспешно пытаться его приобрести. Таким образом, османские силы явно превосходили силы шаха Исмаила, и, хоть пройти от Балкан до Ирана с тяжелым оснащением им было нелегко, они прибыли туда более свежими, чем войска Сефевидов, изнуренные завоеванием Ирана и войной 1510 г. с Шейбани-ханом. 25 августа 1514 г. при Чалдыране, к северо-востоку от озера Ван, Селим одержал легкую и полную победу и велел умертвить всех пленников, которых взял. Кызылбаши отступили, уничтожая всё на пути, чтобы османы, если пойдут вперед, не нашли провизии. Последние действительно страдали от голода, жажды, трудных географических и климатических условий. Они, правда, дошли до Тебриза, но моральный дух армии чрезвычайно упал. Идти дальше? Зимовать на месте? Ни того, ни другого войска не желал. Они хотели восстановить свои силы. Султан счел более мудрым отступить. Это действительно было проявлением мудрости, и он бы ошибся, не прислушавшись к своим людям. Здесь, в завоеванном Азербайджане, его могли отрезать от тылов, в лучшем случае напасть на него с фланга. Сефевиды были хозяевами Месопотамии с тех пор, как в 1505 г. взяли Багдад. Сирию занимали мамлюки, и не было никаких гарантий, что они сохранят нейтралитет.

Мало того. Иран, Турция, Египет, весь восточный мусульманский мир остолбенело смотрел, как рушатся вековые устои после появления здесь португальцев. Чтобы это полностью осознать, им не понадобилось много времени, и они были вынуждены констатировать: мало того, что они лишились монополии на торговлю между Индией и Дальним Востоком, с одной стороны, и Европой — с другой, но с каждым годом они теряли еще небольшой сектор рынка. За двадцатью кораблями дальнего плавания, которые в 1502 г. привел в Индийский океан Васко да Гама и которые начали изгонять все мелкие арабские, персидские или китайские суденышки, ранее обеспечивавшие перевозку товаров, последовали другие флотилии, которые ежегодно на Пасху отчаливали от побережий христианской Европы и месяцев через шесть подходили к индийским берегам. Пришельцы повсюду захватывали для себя базы. Албукерки в 1507 г. занял Маскат, в 1508 г. — Сокотру, заперев вход в Красное море. Египетский флот, попытавшийся вмешаться, в 1509 г. был уничтожен, и стало ясно, что любой другой, если у кого-то он есть, постигнет та же участь. Ни одно судно, построенное на Востоке, не

было способно соперничать в океане — разве что в Средиземном море, где условия мореплавания были иными, — с каравеллами, появившимися в 1439–1440 г. Поэтому Албукерки в 1513 г. вошел в Арабо-Персидский залив, а в 1515 г., сразу после поражения при Чалдыране, перед самой смертью оккупировал большой порт Ормуз — окно, через которое в Иран поступал воздух с открытого моря. Шах Исмаил позволил ему закрыть это окно. Некоторых это удивляет. Но в 1515 г. он был побежден и совершенно деморализован, потому что прежде считал себя непобедимым. Вперед, в бой? А мог ли он без кораблей, способных потягаться с вражескими, пойти на конфликт с Португалией? Персидский залив был у него единственным торговым путем, дававшим возможность для столь выгодного экспорта шелка, с тех пор как Селим в 1505 г. объявил блокаду Ирана, а в 1516 г. усилил ее или сделал эффективной. Поэтому он смирился, надеясь спасти то, что можно было спасти. Он заблуждался. Ничего спасти было нельзя. Португалия не выказывала готовности ни к сотрудничеству, ни к примирению и накладывала руку на всё. Иранская торговля рухнула. Именно этого и хотел Селим. Но тот же удар пришелся и по османскому султану, потому что на его земли больше не поступали никакие товары, ни по земле, ни по морю, и он оказался отрезан от одного из своих главных клиентов. В обеих империях иностранные товары стали редкостью, цены росли, предприятия разорялись.

Османы должны были крайне спешно открывать морские пути заново. Они считали, что способны на это. Что они смогут направить в Индийский океан суда, подобные европейским, что они смогут победить португальцев, короче говоря, совершить то, чего не в состоянии были сделать персы и египтяне. Прежде чем сокрушить Иран, они должны были открыть себе доступ в Персидский залив и Красное море, то есть победить одновременно Сефевидов в Ираке и мамлюков в Сирии и Египте. Тем самым они избавлялись от угрозы нападения с тыла, какая сохранялась бы, если бы они остались в Азербайджане, и в то же время получали шанс осуществить блестящие завоевания.

Селим покинул Тебриз, ринулся в Верхнюю Месопотамию, землю курдов и Сефевидов, где создал провинцию Диярбакыр, а потом напал на мамлюков. Он победил их при Халебе 24 августа 1516 г. и вступил в Каир в январе 1517 г. Столица, выглядевшая тогда жемчужиной мусульманской цивилизации, империя, которую считали самой могущественной в Леванте, резиденция аббасидских халифов, жалких наследников багдадских, но все-таки халифов, попали под его власть. Это был ослепительный успех. Что Иран мог прстивопоставить подобному

завоевателю? Разумеется, ничего. И в мае 1518 г. султан уже был на берегах Евфрата, готовый перейти в наступление. Увы — его армия снова отказалась следовать за ним. Она была на грани бунта. После того, как она только что покрыла себя славой, он не хотел ее принуждать. Он отложил завоевание Ирана на будущее и вернулся в Стамбул. Он так его и не совершил, потому что умер у себя в столице в 1520 г. Его преемник Сулейман I Великолепный (1520–1566) тоже этого не сделал — как союзник Франциска I против Австрии он был слишком занят в Европе. Нападая на Иран (трижды), он никогда как следует не готовился к походам, не извлекал никаких уроков из неудач и в конечном счете потерпел поражение.

После его восшествия на престол Иран во всех отношениях получил передышку. Сулейман отменил блокаду, введенную отцом, и это, несмотря на присутствие португальцев, позволило международной торговле несколько оживиться. Обменялись посольствами. Начали переговоры. Но смерть шаха Исмаила и юный возраст его преемника шаха Тахмаспа (1524–1576) — десять лет! — казалось, давали османам особо благоприятную возможность напасть на персов, тем более что молодой наследник был занят на восточных границах: при Кучкунджи (1510–1530), преемнике Мухаммада Шейбани, узбеки вновь перешли в наступление и захватили Хорасан (Астарабад и Мешхед); правда, в 1528 г. они были разбиты под Турбет-и-Шейх Джамом, но оставались опасными. Османам не следовало бы ждать, но большой поход не готовят за несколько месяцев, и они потеряли драгоценное время. Когда, наконец, в 1533 г. великий визирь Ибрахим-паша вторгся в Азербайджан, он завяз там, не имея возможности вступить в бой с противником и оказавшись на опустошенных землях, поскольку иранцы уже прибегли к тактике выжженной земли. Он попросил подкреплений. Подоспел лично Сулейман, перешел в наступление в Ираке, вступил в 1534 г. в Багдад, потом перешел Загрос и взял Тебриз, из которого Сефевид бежал. Дальше султан не продвинулся, удовлетворившись достигнутым, хотя этот результат не был соразмерен усилиям, каких потребовали два года упорных боев, — ведь он не завоевал и не сокрушил Иран, захватив только Ирак, Эрзурум и Ван. Зато Иран воспринял это событие как катастрофу: в самом деле, он считал Месопотамию частью своего достояния и потерял большие священные города Кербелу и Наджаф.

После этого османов до 1547 г. целиком поглотили европейские конфликты, уже давно принявшие огромный размах (осада Вены турками в 1529 г.), потом, в 1548–1549 и 1553–1554 гг., произошло еще две коротких войны, ход которых странным образом напоминал ход

кампании 1533–1534 гг. Они завершились миром в Амасье, заключенным 29 мая 1555 г. и закрепившим статус-кво. Странно, что при таком количестве боев, таком накале ненависти могли сохраняться дипломатические отношения, внешне дружеские, и однако иранские посольства ездили в Константинополь (1523, 1567, 1576 и т.д.). Эта «дружба» была только видимостью, и ситуация оставалась напряженной, потому что Сефевиды не прекращали активную пропаганду в среде племен, потому что масса иранцев в Месопотамии и Анатолии — курдов — была подвластной османам. Можно отметить, что в мирные периоды, когда османы были полностью заняты европейскими делами, персам не приходило в голову объявить им войну, открыть против них второй фронт. Почему?

Большая османская война не избавляла Сефевидов от восточных проблем. С Индией Великих Моголов отношения были скорей хорошими, с тех пор как Хумаюн, сын Бабура, после десяти лет царствования (1530–1540) был изгнан узурпатором Шер-шахом Суром, попросил убежища при дворе Тахмаспа, был очень хорошо принят и смог при поддержке шаха в 1556 г. отвоевать свой трон. Здесь сказалась не этническая солидарность, ведь Иран помог тюрку против иранца. Афганцы и персы недолюбливали друг друга, а тюркские власти Ирана в большей или меньшей степени чувствовали солидарность с тюркскими властителями Индии. В самом деле, ведь Шер-шах был афганцем. Он принадлежал к той плеяде афганских князей, имевших уделы в Индии, которые оказались оттеснены от власти и не забывали, что некоторые из них прежде были делийскими султанами. Он смог удержать престол для себя и сына всего на пятнадцать лет (1540–1555), чего ему хватило, чтобы оставить немеркнущую память о своем царствовании — свою усыпальницу в Сасараме, воспроизведшую в большем масштабе мавзолеи династии Лоди. Хумаюн и его преемники так же хорошо служили делу иранизма, как служило бы семейство Сур, если бы сохранило трон. Изгнанник вернулся пропитанным персидской культурой и привез с собой из Ирана двух очень талантливых художников, заложивших основы прекрасной школы индийской миниатюры.

Отношения с узбеками были более напряженными, и нередко случались войны, пусть во многих случаях они сводились к пограничным стычкам. Одна война разразилась в 1576 г. вследствие смерти Тахмаспа и внутренних неурядиц, переживаемых Ираном. Узбеки перешли Амударью, оккупировали в 1582 г. Балх, осадили Мешхед. Над Сефевидами снова сгустились тучи, ведь османы воспользовались как кризисом наследования, так и узбекской агрессией и достигли значительных

успехов. По Константинопольскому договору 1590 г. они добились, чтобы Иран уступил им Грузию и Азербайджан, и получили разрешение строить флот на Каспийском море. Ситуация резко переменялась с приходом к власти великого монарха — шаха Аббаса (1588–1629).

ШАХ АББАС ВЕЛИКИЙ

Восшествие на престол шаха Аббаса спасло Иран от нападения двух заклятых врагов. В 1597 г. новый суверен отбросил узбеков за Окс. В 1603–1604 гг. он изгнал османов из их владений и восстановил границы 1576 года. Сложней было решить проблемы, какие создавал Кандагар. Со времен Бабура и Хумаюна этот город, перекресток торговых путей Центральной Азии и важнейший стратегический узел, был предметом спора между Сефевидами и Великими Моголами. В 1595 г. его захватил Акбар; в 1607 г. шах Аббас тщетно пытался его вернуть; в 1620 г. ему это удалось благодаря походу императора Джахангира в Декан; с 1638 по 1649 г. Кандагар снова был индийским. Подобное ожесточение с обеих сторон повлекло последствия, и давние отношения между обеими империями, прежде дружеские, испортились настолько, что обе делали вид, что знать не знают друг о друге, до самого пришествия Аурангзеба в 1658 г.

Сложные отношения шаха Аббаса со Стамбулом, Бухарой и Дели не заставляли его забыть о тягостном присутствии португальцев, слишком задержавшихся в Персидском заливе и на персидских побережьях. Но что он мог сделать? Тогда здесь появились англичане, и он возложил надежду на них, даже не подозревая, по всей видимости, что терпеть их будет несравненно тяжелей, чем португальцев, и что в свое время они приберут к рукам весь Иран. С 1598 г. он завязал с ними торговые и политические отношения. Разумеется, англичане помогали ему в борьбе с османами, реорганизуя и модернизируя его армию. Это было поручено двум британским офицерам. Всё шло хорошо, так что в 1620 г. было заключено второе соглашение, которое укрепляло связи между обоими государствами и предусматривало, что англичане отберут Ормуз у португальцев (что и произойдет в 1622 г.), вернут его Персии и получат в качестве компенсации право устроить военно-морскую базу в Бендер-Аббасе, чтобы защищать персов. Так укреплялось европейское влияние, так рождалось представление, что Иран слишком слаб, чтобы защищаться самому, что он нуждается в покровителе, пусть даже из неверных. И это произошло в царствование великого суверена. Что же будет при заурядных монархах?

Через двадцать лет после победы шаха Аббаса над османами, в 1624 г., война возобновилась. Иранцы захватили Багдад и воспользовались случаем, чтобы перебить там многих суннитов — может быть, в убеждении, что Месопотамия с древности принадлежит к иранскому миру и, следовательно, должна разделять его веру; с тех пор укоренилось убеждение, что в Ираке и в его столице суннизм неприемлем. Османское контрнаступление не заставило долго себя ждать. Мурад IV вернул себе Северную Месопотамию, а потом осадил Багдад. Город держался. Он не желал сдаваться, словно бы зная, что навсегда войдет в османский мир. В конечном счете он капитулировал в 1638 г.

В память об этом событии в стамбульском дворце Топкапы немедленно возвели изящное строение — Багдадский павильон. Новый сефевидский император, шах Сафи I (1629–1642), был не чета шаху Аббасу. Он не замедлил попросить о мире. Мир был подписан 17 мая 1639 г. в Касри-Ширине. По условиям договора Иран соглашался уступить османам всю Месопотамию, но сохранял Восточную Армению и Азербайджан.

Шах Аббас, вне всякого сомнения, был великим сувереном, даже если Англия уже отбросила на него тень. Итог его внешней политики и войн оказался бесспорно положительным. Еще с большим правом это можно сказать об итоге его внутренней политики и культурной деятельности. Он прокладывал дороги, строил караван-сарай, обеспечивал безопасность тех и других, проводил всё новые ирригационные работы и заботился о распределении питьевой воды, он основывал ковродельческие мануфактуры и контролировал качество их продукции, которая с XVI в. завоевала Европу, он следил за содержанием, за украшением и даже за реконструкцией старинных памятников, он организовал паломничество в Мешхед и во многом способствовал превращению святыни ишама Резы в крупный религиозный центр, он влюбился в китайскую керамику, ввозил ее, и его мастерские с тех пор во множестве выпускали изделия, имитировавшие работы эпохи Мин, он привлекал всевозможных художников, которые почти все приезжали жить в его столицу, тогда как после взятия Герата узбеками в 1510 г. они поначалу укрывались в Бухаре и Тебризе, и это при нем выделился крупнейший сефевидский миниатюрист Реза Аббаси (ок. 1565–1635), наконец, он основал новую столицу — Исфахан.

Тебриз, по всей видимости, был уязвим для османов, сделавших Азербайджан излюбленной мишенью своих нападений, и к тому же располагался в сильно туркизированной провинции. В 1598 г. шах Аббас решил обосноваться в бывшей столице Сельджукидов, тогда

пребывавшей в сильном упадке. Он сделал из Исфахана прекраснейший город Ирана, по мнению Андре Годара — прекраснейший город мира в ту эпоху, имевший население около 600 тыс. человек. В 1603 г. он депортировал туда армянское население Джульфы на Араксе, около тридцати тысяч человек, оценив их достоинства — трудолюбие, деловые способности, широкий взгляд на вещи, и поселил их к югу от реки, в предместье, которое получило название «Новая Джульфа» или просто Джульфа. Перемещение не прошло безболезненно: говорят, его проводили крайне жестоко, ценой многочисленных человеческих жертв, и называют голгофой. Но, поселившись на новом месте, армяне получили императорское покровительство и многочисленные льготы. Они, естественно, пользовались свободой вероисповедания и имели право строить столько церквей, сколько хотели. Они немедленно обзавелись многочисленными храмами, в число которых входил и собор — Ванк, освященный в 1606 г. и расширенный в 1655 г. Они приобрели административную автономию и экономические привилегии, так что пошла молва о их процветании, привлекавшая многих других армян, которые приезжали сюда уже добровольно, и за несколько десятилетий население Новой Джульфы удвоилось. Это у них в XVII и особенно в XVIII в. останавливались многие европейцы, миссия португальских монахов, в 1653 г. — иезуиты, знаменитые и безымянные миряне, поляки, искавшие союзника против османов и увлекшиеся персидскими коврами, прозванный «латинским Улиссом» римлянин — Пьетро делла Валле (в Исфахане в 1617–1621), некий Жан-Батист Тавернье (1605–1689), некий Жан Шарден (1643–1713) и двоюродный дед Жан-Жака Руссо (ум. 1753), чей надгробный камень на христианском кладбище города сообщает, что он был женевцем, часовщиком и прожил в Исфахане срок восемь лет. Словно бы в ответ на эти визиты европейцев некоторые иранцы уезжали на Запад, и в их числе дипломат-курд Орудж-бек, позже получивший известность под именем Дона Хуана Персидского.

ИСФАХАН

Исфахан — конечно, не первый исламский город, который был построен на основе особого плана, но единственный, где, несмотря на досадные позднейшие перестройки, этот план еще очень явно просматривается. Новый город был возведен к югу от старого, располагавшегося вокруг Большой мечети и базара, далеко от реки Зайендеруд, на территориях, несомненно, занятых садами. Его центром служила старинная площадь размерами 521 на 160 м, может быть, получившая эти

размеры, чтобы на ней можно было играть в поло, с тех пор известная под названием Майдане-Шах, «площадь Царя» (ныне переименована в Майдане-Имам, «площадь Имама»). Она окружена длинными рядами строений, возведенных в два яруса и имеющих маленькие залы в форме айванов, занятых лавками (ныне грязных), и на каждой из ее сторон есть более или менее внушительный фасад общественного здания. На севере — монументальные ворота, украшенные большой композицией с изображением Стрельца и ведущие на базар — обширный лабиринт крытых улочек, который тянется до самой Большой мечети и где можно найти много интересных строений (мечеть Хакима, перестроенная в 1654 г.). Напротив базара, на юге, находится Масджид-и Шах, мечеть Царя, ставшая, конечно, мечетью Имама (1611–1629), шедевр времен шаха Аббаса; в нее входят через коленчатый вестибюль, ставший необходимым, чтобы святилище было ориентировано на Мекку. Ее декор — буйство прекраснейшего фаянса. В ее архитектуре не было ничего нового, но гармоничность и размеры здания впечатляют (портик высотой 27 м, купол, поднимающийся на 52 м), и есть основания сказать, что здесь в последний раз были приложены все усилия, на какие было способно иранское исламское искусство. На востоке свое место занимает маленькое чудо — мечеть шейха Лотфоллы (1602–1619), лишенная двора и минаретов и имеющая достаточно скромные размеры, чтобы ее можно было счесть частной молельней суверена. Никогда краски на стенах не были столь красивыми, но цвета купола, который бы не выдержал веса фаянсовых изразцов и поэтому облицован узкими поливными кирпичами, еще более прекрасны. На четвертой стороне площади, то есть на западе, на высоту 48 м поднимается портик царского дворца — Али-Капу (Высокие ворота, Возвышенная Порта, как сказали бы у османов), на самом деле не просто входная постройка, а сам по себе настоящий дворец, где большая лоджия с колоннами служила бельведером, откуда двор смотрел на действия, совершавшиеся на площади, на игры, парады, смертные казни; здесь были зал для аудиенций и комнаты для частных празднеств, как, например, очаровательный зал на шестом этаже, предназначенный для концертов.

Царский дворец, расположенный позади Али-Капу, представлял собой ансамбль легких и хрупких павильонов, поставленных в садах и окруженных бассейнами. Из них теперь осталось всего два: дворец «Сорока колонн» (хотя там их всего двадцать), Чехель-Сотун, отстроенный после пожара 1706 г. и состоящий в основном из большого зала размерами 24 на 11 м, и дворец Восьми раев, Хашт-Бехешт, построенный в 1669–1670 гг. и обновленный в XVIII в., о котором Жан Шарден,

которого он «столь умилил», сказал, что оттуда «выходишь всегда нехотя». Оба, как и Али-Капу, — настоящие картинные галереи, где можно видеть очаровательные композиции из растений, цветов и животных, выполненные еще в традиционном духе и близкие к миниатюрам, а также изображения обольстительных женщин, персонажей, одетых по европейской моде, во многих случаях это и есть европейцы, и большие исторические полотна (битва при Чалдыране, прием Хумаюна, сражения шаха Аббаса с узбеками и Надир-шаха с Великим Моголом), причем те и другие по преимуществу относятся к XVIII в. и отмечены сильным западным влиянием. Там-то и происходили праздники, которые начинались с восьми утра и затягивались до поздней ночи, иногда длившиеся целую неделю.

Ткани, ковры, миниатюры и керамика, часто как будто вышедшая из рук миниатюристов, позволяют создать представление об утонченности и пышности двора и, следовательно, высшего общества. Прежде всего особого внимания заслуживают ткани, изысканные и нежные по колориту, который контрастирует с очень яркой расцветкой ковров, расписанные цветами и дальневосточными садами, где прохаживаются очень женственные персонажи, тем более что некоторые ткачи считались видными художниками, и к ним относились как к таковым.

На самом востоке шахская резиденция выходила на большой триумфальный проспект длиной около 3 км и шириной 33 м — Чахар-Баг («Четыре сада»), полого спускавшийся к Зайендеруду, куда по широкому каналу, проходящему по оси проспекта, обсаженному тополями и образуящему ряд небольших водопадов, текла вода. Проспект пересекал реку по восхитительному мосту Аллаверди-хана, называемому также Мостом тридцати трех арок, и продолжался за Джульфу до парка, разбитого около 1650 г. Теперь этот проспект — не более чем тень прежнего.

Оба больших моста, Мост тридцати трех арок (около 1600), имеющий длину 295 м и ширину 13,75 м, и служивший также плотиной мост Хаджу (Поле-Хаджу, 1650) с двадцатью четырьмя арками и длиной 132 м, имеющие каменные быки и кирпичные пролетные строения, относят к самым выдающимся памятникам Исфахана, прежде всего за смелость решения и красоту, а далее и прежде всего — потому что эти мосты демонстрируют довольно редкую заботу о населении. Там было сделано всё для отдыха и развлечения пешеходов: многочисленные переходы на разные уровни, беседки на этих переходах, ступени, позволявшие сесть у самой воды, и даже непристойные картинки, которые в конце XIX в. были стерты.

Сефевидская архитектура всем обязана шаху Аббасу, как в Исфахане, так и в других местах, и родилась с его приходом к власти. Мы видели, что он поощрял и все прочие искусства, но они существовали и до него, и если вспомнить только важнейшее из них (наряду с коврами), миниатюру, то надо отметить, что она славилась и при шахе Тахмаспе («Хамсе», 1529, Нью-Йорк; «Зафар-наме», 1529, Тегеран), и даже раньше («Хамсе» Низами, 1522, Британский музей) и что она во многом следовала гератским традициям, доходя даже до некоторой слащавости, до чрезмерной красоты, которая потом резко исчезла под влиянием европейской живописи.

АФГАНСКОЕ ВОССТАНИЕ И НАДИР-ШАХ

При несколько поверхностном взгляде на политический пейзаж могло бы показаться, что после смерти шаха Аббаса в 1629 г. каждый следующий суверен сефевидской династии оказывался хуже предыдущего. Что можно вспомнить о шахе Сафи (1629–1642) и об Аббасе II (1642–1667), кроме их пышных празднеств, визита европейцев, возведения нескольких памятников, порой примечательных, как мост-плотина Хаджу, если он действительно был построен при Аббасе II, и дворца Сорока колонн (Чехель-Сотун) в Исфахане? Сулейман-шах (1667–1694) запомнился прежде всего пьянством и оргиями, но все-таки Иран ему обязан восхитительным дворцом Восьми раев (Хашт-Бехешт). Грандиозное медресе Матери Шаха (Мадаре-Шах, 1706–1714), воспетое Пьером Лоти и многими путешественниками после него, которое было построено при шахе Султане Хусейне (1694–1722), не может изгладить из памяти религиозный фанатизм последнего и особенно фанатизм его мулл, которым он дал полную свободу действий, чтобы компенсировать, как говорили злые языки, все беспутства собственной жизни. Их преследования суннитов и вызвали афганское восстание, которое одержало победу тем легче, что к тому времени шах слишком отдалил от трона кызылбашей и те нетерпеливо ждали дня, который неизбежно должен был настать, когда они смогут вновь себя проявить.

Афганцы оставались правоверными суннитами и сохранили свои воинские доблести, которые веками демонстрировали в походах на Индию. Шиитский деспотизм Сефевидов стал для них невыносим, и они не видели причин, по каким им следовало бы его терпеть дальше. Тогда-то некий Мир Вайс, вождь племени гильзаев, решил перейти к действию. Пожаловавшись исфаханскому двору на некомпетентность наместника Кандагара — Гургена, русского, обратившегося в ислам, — и на не-

доверие, которое тот вызывает, но ничего не добившись, он в 1707 г. устроил убийство наместника и объявил себя независимым. Имперское правительство никак не отреагировало. Казалось, для суннитов настал час взять реванш у шиитов. Мир Вайс рано умер, и на борьбу афганцев поднял его племянник Махмуд-хан. Сефевидская армия потерпела поражение, Исфахан в 1722 г. был взят и разграблен, и Махмуд провозгласил себя шахом (1722–1725). Наконец Иран был под политическим контролем иранцев, даже если их считали иноземцами, но потерял единство и вновь подпал под иго суннитов.

Империя оказалась в отчаянном положении. Афганцы многое дезорганизовали, многое уничтожили, многих убили — около миллиона человек, говорят персидские историки: кого-то случайно, но в основном сознательно выбирая жертв, прежде всего шиитов и верных сторонников режима, в том числе много армян. Пробудились все враги, а вместе с ними старые демоны независимости провинций и племен. Османы в 1723 г. заняли Тифлис и Керманшах, в 1724 г. Эривань и Хамадан, в 1725 г. Тебриз; русские — все области к югу от Каспийского моря, Баку, Гилян, Мазандеран, Горган (1723). Многие провинции отказались признавать афганца и его преемника Ашраф-шаха (1725–1732). Нужен был сильный человек. И вскоре найдется тот, кто своим мечом начертит в восточном небе ослепительный круг, откуда упадет отнюдь не несколько капель крови.

Имам-кули Надир, который станет Надир-шахом, остается загадочной фигурой для историков, хотя его авантюры, его личность, его головокружительная военная эпопея, последняя в азиатской истории, казалось бы, должны были побудить направить на него все прожектора. Его биография полна подвигов, колоритных, забавных, а чаще жестоких историй, словесных острот, надменных отповедей. Разве не была хлесткой реплика, которую он бросил в ответ тем, кто заметил, что он имеет недостаточно знатное происхождение, чтобы жениться на дочери Великого Могола, руки которой он пожелал: «Да, но я сын своей сабли»?

Он принадлежал к тюркскому племени афшаров, во время стычки попал в плен к узбекам, восемь лет оставался их «рабом» и хотел взять у жизни реванш. Сумев бежать, он поступил на службу к одному хану, убил его, похитил его дочь, потом, в 1728 г., совершил второе убийство, очень похожее на первое, память о котором история, может быть, и не сохранила бы, если бы оно не повлекло тяжелых последствий. Человек, которого он убил на этот раз, был вождем тюркского племени каджаров. Оно было могущественным. Оно пожелало отомстить

и добилось лишь того, что потерпело поражение. Чтобы верней его контролировать, Надир взял в заложники сына своей жертвы, юного Ага Мухаммада, и велел оскопить его. Евнух этого не забудет. С ним мы еще встретимся.

Чтобы избавить страну от афганцев, Надир вступил в соглашение с Тахмаспом, номинальным шахом-Сефевидом. Он не нуждался в последнем и исключительно сам, но некоторым образом с санкции шаха предпринял завоевание Ирана в атмосфере народного энтузиазма и под неизменные возгласы одобрения. Он вступил в Исфахан, освободил Тахмаспа и сделал вид, что посадил его на трон (1730–1731). Через пять лет он сместил его преемника Аббаса III (1732–1736) и добился от собрания именитых лиц, прибывших со всей страны, чтобы шахом провозгласили его. Захватив Иран и утвердив свою власть, он заодно изгнал захватчиков: с одной стороны — османов, у которых в 1732 г. отобрал Месопотамию и которых вынудил в 1736 г. подписать мир, восстанавливавший границы 1639 г., с другой стороны — русских, которых в 1738 г. вытеснил из Армении и Азербайджана. Более того, он совершил молниеносные рейды на Согдиану и Хорезм, где подчинил оба ханства — Бухарское и Хивинское, в 1739 г. ходил на Индию и дошел до самого Дели, откуда привез несметную добычу, в числе которой всегда упоминают знаменитый «Павлиний трон» (Тегеран, Сокровищница). Говорят, он был безумцем. Если его солдаты после таких побед могли в 1747 г. его убить, значит, так оно и было и его безумие стало невыносимым даже для людей, привычных ко всему.

ПРИШЕСТВИЕ КАДЖАРОВ И РОЖДЕНИЕ АФГАНИСТАНА

Смерть Надир-шаха вновь погрузила страну в анархию, которая словно бы притягивала ее и к которой она возвращалась при первом же проявлении слабости центральной власти. Афганистан откололся, Хорасан сохранил верность семейству покойного суверена, тюркские ханы более не признавали другой власти, кроме своей, а иранские князья в Фарсе и в Луристане следовали их примеру. Один из последних, Карим-хан Зенд (1750–1779), наместник Шираза, восстановил единство Ирана от Каспийского моря до Персидского залива. Он мог бы стать шахом. Однако он довольствовался постом регента, вакиля, и не стал подыскивать имперский город, чтобы сделать своей столицей, а остался жить в Ширазе. Он всячески заботился о городе роз. Последний обязан ему прекрасной мечетью, известной под названием мечети Вакиля, со

столь интересным молитвенным залом, зодчий которого отказался от четырехайванного плана, принятого со времен сельджуков, вернулся, что трудно объяснить, к так называемому «арабскому» плану гипостильной мечети, и теперь ее сорок восемь витых колонн придают ей великолепный вид.

Карим-хану служил и Ага Мухаммад, каджар, когда-то кастрированный афшаром Надир-шахом. Он воспользовался смертью своего господина и восшествием на престол его преемника Мухаммада Джафара (1779–1787), чтобы ускользнуть. Он вернулся к своим, в Астарабад, добился, чтобы они признали его вождем, и утолил жажду мести. Он устроил убийство вождя племени афшаров и, как почти всегда бывало у кочевников, привлек его людей на свою сторону, а потом предпринял завоевание Ирана. Это дело было долгим. Оно заняло лет двадцать. В 1794 г. он победил Зендов, в 1796 г. взял Исфahan и Шираз, завоевал Хорасан, но шахом он провозгласил себя в Тегеране уже в 1787 г. Разве я не говорил, что туркмены, снедаемые нетерпением, неминуемо должны были вернуться к власти? Династия Каджаров, которую он тогда основал, сохранит эту власть до 1925 г. При ней история Ирана будет не счастливой и не славной — напротив, страна пойдет по пути медленного и неуклонного упадка. Впрочем, началось всё в атмосфере жестокости и ужаса, потому что кызылбаши хотели показать, что они всё еще существуют, потому что персов, своих подданных, они ни во что не ставили, потому что евнух, возглавлявший их, не приобрел пассивности вола. Когда Ага Мухаммад в 1792 г. взял Керман, он отдал двадцать тысяч женщин и детей своей солдатне и велел выколоть глаза почти всему мужскому населению, численность которого оценивают приблизительно в тридцать тысяч. Эти зверства приносили ему успех лишь некоторое время, пока он мог терроризировать собственных подданных, неспособных позвать на помощь. И стали для него роковыми, когда он захотел так же обойтись с грузинами. Те могли обратиться к русским. Они так и сделали. Ага Мухаммад покарал их, устроив в 1795 г. в Тифлисе грандиозную резню. Русские пришли слишком поздно, в 1797 г., но взяли Грузию и Ширван под свое покровительство, а в конечном счете в 1801 г. аннексировали их. Что касается Ага Мухаммада, то в 1797 г. он был убит. Это был конец величия Ирана.

Тем временем Афганистан взял собственную судьбу в свои руки. Афганский военачальник, вождь племени дуррани Ахмад-хан, который владел Газни, Кабулом, Кашмиром и частью Пенджаба, провозгласил себя в Кандагаре царем. Как и все его соотечественники, он не сводил глаз с Индии и считал себя индийцем. Обладая там некоторыми терри-

ториями, он хотел приобрести больше и с 1747 по 1756 г. совершил не менее четырех походов. Больших успехов он не добился, хотя устроил набег на Дели. И ему пришлось остаться афганцем. Он станет основателем Афганистана.

Афганистан в середине XVIII в. уже не представлял собой ничего особенного. Можно было бы сказать, что он ничего собой не представлял. Это были дикие земли, почти все заброшенные, где бродили кочевые племена, где возвышались отдельные глинобитные укрепления, более или менее разрушенные, где прозябали жалкие деревни, настолько слившиеся с окружающим пейзажем, что издали их было трудно заметить. Отдельные города еще хранили воспоминания о былом блеске — Балх, Герат, Газни; отдельные места еще не полностью потеряли свое значение — Мазари-Шариф, где Санджарам якобы была чудесно явлена могила Али (1136, а потом еще раз около 1480 г.), и особенно Кандагар. Здесь говорили на многих языках: на монгольском у хазарейцев Гиндукуша, независимого народа, который сохранил независимость до 1885 г.; на тюркском на севере, у туркмен и узбеков; на таджикском, особо распространенном на западе и представляющем собой персидский язык с некоторыми архаизмами; на пушту, который использовали афганцы в строгом смысле слова, иранском наречии, которого не понимали персы. Здесь исповедовали все религии, даже если подавляющее большинство составляли сунниты: здесь были шииты, хазарейцы, «язычники» — знаменитые обитатели Кафиристана, «Страны Неверных», расположенной на северо-западе, которые «поклонялись» большим и великолепным идолам из дерева, были насильно обращены в ислам в 1888–1890 гг. и чьи земли стали Нуристаном, «Страной Света»; в небольшом числе были армяне, иудеи и даже индуисты. Ахмад-хан основал Афганистан! Понадобится еще много времени, чтобы последний образовал государство, стал нацией. Можно задаться вопросом: если однажды это случилось, не случится ли когда-нибудь снова?

ГЛАВА XVI УПАДОК НОВОГО ВРЕМЕНИ

Крах одной из древнейших и самых блистательных цивилизаций — грустное зрелище, и рассказ об этом упадке после рассказа о столь грандиозной военной, политической и культурной эпопее, какую представляла собой история Ирана в течение двух тысячелетий, будет заведомо тоскливым. С начала XIX в. и до середины XX в. иранский мир уже не писал свою историю, а позволял ее писать другим. В его составе еще оставалось два суверенных государства: Иран в узком смысле слова, тогда называемый Персией, и Афганистан, основанный Ахмад-ханом Дуррани, и общим для обоих государств было только то, что они избежали колонизации в то время, когда всё больше афро-азиатских стран стало и становилось колониями (конечно, потому, что одно из них боролось за независимость, но прежде всего потому, что русские и англичане заключили молчаливое соглашение не колонизировать их), и то, что оба, целиком или по большей части, были изолированы от внешнего мира. В остальном обе страны были полной противоположностью друг другу. Одна была шиитской, другая — суннитской. Одна подпала под экономическое господство европейцев, но благодаря этому развилась и открылась современному миру, другая этого господства избежала и не просто не развилась, а деградировала и замкнулась, храня то, в чем менее всего можно было усмотреть творческое начало, и даже знать не желая, что происходит за ее границами. Одну периодически ненадолго оккупировали, не встречая сопротивления, другая никогда не терпела присутствия иностранных сил и энергично боролась с ними. Одна очень давно объединилась, даже если ее единство всегда было и остается хрупким, другая еще никогда не была государством и по-прежнему пытается стать им.

О мозаике из разных народов, какую представляет собой такое искусственное образование, как Афганистан, мы уже говорили. Иран в эпоху, которая интересует нас, — тоже мозаика, но менее сложного состава. Его население состоит из разных ираноязычных групп, и большинство в нем составляют персы или таджики (51%), а меньшинство — курды (около 7% всего населения), при наличии небольшого арабского меньшинства (3–4%) и значительной тюркоязычной группы, в которую входят азербайджанцы (25%), туркмены (1,5–2%) и представители некоторых больших кочевых племен, например, кашкайцы, живущие в Фарсе. Все эти тюркоязычные группы играют важную роль — благодаря численности, благодаря своему духу, благодаря тому, что это потомки людей, очень долго господствовавших в Иране, тому, что они не забыли этого и пытаются занять командные посты, тому, что иногда проявляют солидарность с братьями, живущими за границей: туркменами из Туркменской республики, азербайджанцами из республики Азербайджан. Точно так же курды следят за жизнью соплеменников, живущих в Турции, в Ираке и в других местах. Как те, так и другие минимум по разу отделялись и еще не раз угрожали это сделать. Как все провинциальные ханы или эмиры, они с трудом решались признать центральную власть. Добавим еще, что судьба таджиков Афганистана, особенно Герата, и таджиков в современных государствах СНГ не может оставлять Иран равнодушным.

КАДЖАРЫ

Преемник Ага Мухаммада, его племянник Фатх Али-шах (1797–1833), суверен с длинной и остроконечной черной бородой, ниспадающей до пояса, судя по портретам (Музей Виктории и Альберта, Лондон), которые очень характерны для искусства каджарской эпохи — несколько выродившегося, но способного привлечь зрителя интересным смешением иранских традиций и европейских влияний, — так вот, Фатх Али-шах, желая быть ближе к России, к чему он стремился прежде всего, перенес столицу в окрестности старинного и славного города Рея, в городок Тегеран, и стал превращать последний в огромный город, каким мы его знаем сегодня, строя там мечети и дворцы и разбивая сады (большая Мечеть шаха — ныне Мечеть имама — завершена в 1820 г.). Восхитившись успехами Наполеона, врага его врагов, он установил с последним отношения и поощрял его восточные мечты о походе на Индию через Иран и Афганистан (миссия Гарданна, 1807). Но Тильзитский договор (июль 1807) охладил его энтузиазм, и он предпочел при-

слушаться к англичанам. Те в 1809 г. закрыли его страну для французов и в благодарность за перемену союзнических отношений гарантировали ей территориальную целостность. Это обещание не помогло Ирану, когда сразу же после губительного отступления [французов] из России он был вынужден уступить царю Грузию, Мингрелию, Дагестан и Ширван (Гюлистанский договор, 1813). Через пятнадцать лет он попытался вернуть потерянные провинции, но добился лишь того, что русские в 1826 г. вошли в Тебриз и что пришлось оставить им всю Армению с Нахичеванью и Эриванью (Туркманчайский договор, 1828). В 1839 г., в том самом году, когда британцы заняли Кабул и потерпели одно из самых тяжелых поражений в своей колониальной истории, англичане вступили и в Калат, столицу Белуджистана, древней Гедросии, когда-то подвластного шахам, но ставшего независимым при одном хане в середине XVIII в. Аннексировав в 1843 г. Синд и всё более ужесточая с 1871 по 1887 г. контроль над Калатом, они в конечном счете сделали Белуджистан придатком Индийской империи. Эта «индианизация» белуджей, западных иранцев, которых превратности истории привели в регион между устьем Инда и Аравийским морем, означала новое осязаемое сокращение иранского мира. Тегеран не шелохнулся. Он не мог позволить себе ни малейшего проявления враждебности к англичанам.

Фатх Али-шах надеялся, чтобы компенсировать эти тяжелые неудачи, хотя бы частично воссоздать великий Иран, завоевав Месопотамию и Герат. Слабость Османской империи, находившейся в полном упадке, казалось, должна была облегчить первый шаг — слишком поспешно сделанный еще Зендами в 1775 г., которые сумели занять всего один город, Басру, и очень скоро снова его потеряли. Но в начале XIX в. русские благосклонно смотрели на амбиции Фатх Али, и иранцы устраивали всё новые пограничные инциденты, совершали всё новые набеги, пока османскому султану Махмуду II в 1820 г. не пришлось объявить им войну. Вопреки всем ожиданиям иранская армия добилась блестящих успехов, но не смогла их развить из-за потрепанной ее эпидемии холеры. В июле 1823 г. в Эрзуруме был подписан мир. Больше вплоть до первой мировой войны турок иранцы не увидят. Что касается Герата, население которого говорило по-персидски, который входил в состав исторического Ирана и был одним из главных мест действия иранской истории, то им правил независимый хан, старавшийся не допустить нападений афганцев. Фатх Али в 1833 г. послал своего сына, будущего Мухаммад-шаха, осадить Герат. Город должен был пасть. Он был готов пасть. Но нет. Суверен умер. Мухаммад отступил и решил вернуться к завоеванию позже, когда как следует утвердится на троне.

До этого было далеко. На трон претендовали его дядья. И, конечно, раздором из-за наследования престола заинтересовались русские и англичане. Поскольку они взаимно подозревали друг друга в готовности к интервенции и знали, что она могла бы вызвать конфликт между ними, они предпочли вступить в переговоры о нейтралитете. Те и другие обязались по договору не вмешиваться во внутренние дела Ирана, уважать его независимость и требовать этого уважения от других. Это соглашение 1834 г. надолго определило их политику в этом регионе и сделало старинную империю буферным государством.

Наконец в 1837 г. Мухаммад-шах сумел взойти на престол и немедленно еще раз двинулся на Герат. Но ситуация уже полностью изменилась. Англия уже не собиралась позволять кому бы то ни было вторгаться в Афганистан, из которого сделала охраняемое охотничье угодье; она дала об знать Тегерану и, поскольку город оборонял в числе прочих и один англичанин (Поттинджер, простой лейтенант: этим всё сказано!), сочла, что иранцы напали на нее саму. В Персидский залив вошел британский флот и высадил роту индийских сипаев, что вызвало серьезные волнения в Фарсе. Шах был вынужден пойти на попятный. Однако персы не отказались от мысли вернуть Герат. Мухаммад-шах еще раз подступал к нему в 1845 г., а Насир ад-дин-шах (1847–1896) в 1852 и 1856 гг.: первые два раза персы приходили на призыв о помощи со стороны города, которому угрожали афганцы, а в 1856 г. — по наущению России. В тот год возникновение всеобщего пожара казалось неизбежным. 1 ноября правительство Индии объявило Ирану войну и высадило войска в Бушире. Русские приготовились к интервенции. Свое посредничество предложил Наполеон III. Русские не шевельнули пальцем. Англичане в основном вывели вооруженные силы из Персидского залива. Насир ад-дин отказался от всяких притязаний на Герат. Наконец, в 1863 г. последний попал в руки афганцев и вошел в состав царства, к которому не имел никакого отношения.

Вполне очевидно, что Насир ад-дин был слишком слаб и имел слишком плохо вооруженную армию, чтобы вести войну с великими державами. Он мог только пассивно наблюдать, как британцы обосновались в Бахрейне, усиливали контроль над Персидским заливом с 1870 по 1888 г., как русские завоевали Бухарское ханство в 1868 г. и Хивинское в 1873 г., и по договору, подписанному в 1882 г., согласился на спрямление своих северо-восточных границ, окончательно отказываясь от любых претензий на Мерв и его провинцию. Он понял, что Европа может всё и что она — это всё, что Иран не может ничего и он — это ничто и что для выживания последний нуждается в вестер-

низации. Так не состоял ли его долг в том, чтобы познакомиться с теми, кто диктует закон, и в том, чтобы попытаться их понять? Если только им не двигало чистое любопытство! В 1873 г. он отправился в Европу; он возвращался туда в 1878 г., в 1879 г. и тем самым ввел моду на присутствие шахов на Всемирных выставках, которой его преемники будут следовать даже слишком усердно. Он был вынужден констатировать плачевное состояние своей страны, которому Абдул-Баха, сын основателя бахаизма, дал суровое, но объективное описание, даром что оно вышло из-под пера жертвы режима: «Бахаулла явился в то время, когда Персидская империя была погружена в пучины мракобесия и невежества и обуреваема всеослепляющим фанатизмом. [...] Персия пала так низко, что все иностранные путешественники выказывали сожаление о том, что страна, прежде столь славная и высокоцивилизованная, оказалась в таком упадке, разрушении и хаосе и что ее население утеряло былое достоинство» («Ответы на некоторые вопросы», IX).

Мы видели, что иранская торговля издавна, со времен Васко да Гамы и Албукерке, в большей или меньшей степени зависела от европейцев. Их господство укрепилось в 1801 г., когда англичане получили право вести свободную торговлю на иранском побережье, а во второй половине XIX в. стало почти тотальным. Тогда англичане покинули берега, проникли вглубь страны, приобретая всё новые концессии. В 1863 г. они провели здесь телеграф и получили монополию на связь. В 1872 г. один из их финансистов, барон Рейтер, добился подписания исключительного контракта, который передал бы под его власть всю иранскую экономику, если бы резко не отреагировали русские, если бы его поддержало собственное правительство и если бы он располагал необходимыми денежными средствами, чтобы оплатить этот проект. Тем не менее англичане контролировали экономику страны с помощью своих банков, которые были вездесущи и с 1859 г. имели здесь полную власть над финансами. Это было чересчур. У шахского правительства не было возможности реагировать на это, но вместо него это делало население. Оно роптало. Оно волновалось. Финансистов, предпринимателей, политиков это не беспокоило, потому что они не видели непосредственной угрозы своим интересам. Однако они не были неуязвимы. Это показал один инцидент в 1892 г. Когда персидское правительство предоставило англичанам табачную монополию, население дружно, в едином порыве, смелость которого по достоинству оценит курильщик, бросило курить. Расплатился за это шах: он аннулировал концессию, но был обязан выплатить британцам солидную компенсацию. Тем не менее воля народа вынудила одну из первых держав мира отступить.

Англия отступила, но незамедлительно продолжила движение вперед и в 1909 г. получила для «Англо-Айрейниан ойл компани» концессию на нефть, сделавшую Иран первым производителем нефти в мире: в 1912 г. было добыто и продано 43 тыс. т, а в 1973 г. — 300 млн т нефти. Сам Иран не извлекал из этого сверхвысокой прибыли, ведь отчисления-роялти, которые выплачивались ему, составляли меньше половины сумм, которые компания платила в британскую казну в качестве налогов со своего дохода.

Не то чтобы это полное господство иностранцев в экономике Ирана имело для него только негативные последствия: оно позволило ему развиваться, приобрести современную инфраструктуру, выйти на мировой рынок, сформировать средний и высший руководящий персонал (прежде всего благодаря созданию школ и университетов). То есть оно помешало ему остаться недоразвитым, каким в ту же эпоху был Афганистан, но ценой этого стали глубокое унижение и тотальное порабощение. Зародились чувство смутной и стойкой ненависти ко всему иностранному, крайний национализм, склонность к разного рода экстремизму и фанатизму, опасный комплекс неполноценности.

БАБИЗМ И БАХАИЗМ

В этих-то крайне сложных условиях и возникло мощное и выдающееся религиозное и интеллектуальное движение, появление которого при такой культурной деградации, несомненно, никто бы не счел возможным, — бабизм. В 1844 г. человек, родившийся в Ширазе в 1819 г. и, значит, еще очень молодой, двадцати пяти лет, совершивший несколько паломничеств и, по преданию, не особенно образованный, но обучавшийся в Кербеле в одной еретической шиитской секте, начал проповедовать не просто религиозную реформу, а новую религию. Его звали Саид Али Мухаммад, но больше он известен под титулом, который принял: Баб, «Врата», приведшие его к познанию божественной реальности. Рожденный мусульманином, он очень скоро отдалился от ислама, изучил иудаизм, христианство, может быть, также восточные религии и греческую философию и признал за каждой религией, за каждым течением мысли свою долю истины, придя к убеждению, что все они были угодны Богу, отразили последовательные этапы Откровения и могут привести к Нему, если только очистить их от шлака, следовать их духу, а не букве. Поэтому он и проповедовал не столько религиозный синкретизм, сколько терпимость, открытость по отношению к другим и к миру, братство всех людей, учтивость в социальных

отношениях, признание равного достоинства за всеми, в том числе за мужчинами и женщинами. Как говорил один из его преемников, «Баб потряс основы религии и морали, подверг изменению традиции, устои и обычаи Персии, установил новые правила, новые законы, новую религию» («Ответы...», VIII). Обращаясь прежде всего к мусульманам, он порицал мулл, обвиняя их в злоупотреблениях властью и развращенности, осуждал исламские институты, ритуалы, положения законов, требовал отказа от чадры, от полигамии, поскольку стремился к очищенной и чисто духовной религии. Его учение невероятно быстро получило огромный успех и обрушилось на Иран подобно штормовой волне. Может быть, он зря добился от шаха, который проявил к нему интерес, чтобы тот в 1847 г. принял одного из восемнадцати его апостолов, потому что, сделав это, скомпрометировал власть, официальную покровительницу ислама, и создал впечатление, что хочет привлечь ее на свою сторону. Из-за этого или просто-напросто потому, что движение приобрело слишком большой размах и ислам почувствовал угрозу для себя, муллы бросили против него все силы, вступив в непримиримую конфронтацию, а за ними последовали и власти. На бабидов начались гонения. Словесные схватки сменились вооруженными. Когда в 1847 г. на трон вступил Насир ад-дин, напряжение достигло такого накала, что можно было опасаться гражданской войны. Бабидов стали бросать в тюрьмы. Их убивали (побоище в Шейх-Табарси в 1849 г.). В Зенджане, населенном пункте близ Казвина, произошли уличные бои. В конечном счете Баб был схвачен, приговорен к смерти и расстрелян в Тебризе 9 июля 1850 г. Его преемник Мирза Яхья Нури, которому претило любое насилие, удалился в Багдад, где османы под давлением шаха арестовали его и интернировали на Кипр.

Движение активизировалось под влиянием Мирзы Хусейна Али Нури (Тегеран, 1817–Акра, 1892) по прозвищу Бахаулла, «Божье сияние», в 1852 г. высланного в Багдад. Подавляющее большинство бабидов признало его преемником Баба, и он создал новую версию бабизма — бахаизм (провозглашен в 1863 г.). Посаженный в том же году султаном в крепость в Акре, он писал оттуда письма главам ведущих правительств мира, призывая примкнуть к его делу, а также сочинил там главные произведения («Книга несомненности», «Храм Бога», «Послание сыну волка»). Умер он 29 мая 1892 г., передав заботу об общине своему сыну Абдул-Бахе. Последний, после того как революция младотурков в 1908 г. освободила его, мог направиться в Египет, путешествовал по Европе и Америке, проповедуя повсюду, где хотел, чтобы его слышали, — как в синагогах и церквях, так и в универси-

тетах и культурных центрах. Некоторые из его поистине пророческих видений нас всё еще удивляют: разве явно задолго до появления ООН, до появления Лиги наций он не настаивал на «взаимозависимости народов, срочной потребности в сильном мировом парламенте наций с судебным трибуналом, чтобы установить и сохранить мир» (Лаура Клиффорд Барни)?

Его кончина, случившаяся в Хайфе в 1921 г., несомненно, замедлила подъем бахаизма, но не остановила его, и эта религия по сей день всё еще жива на всех континентах. Любопытно, что в Иране, где бахаизм имеет корни и которому остается верен, он запрещен. Некоторые из речей Абдул-Бахи были собраны Лаурой Клиффорд Барни в прекрасную книгу, переведенную с персидского [на французский] в 1907 г. и изданную под заглавием «Наставления из Акры» (*Abdul Baha. Les leçons de Saint-Jean-d'Acrc. Recueillies par Laura Clifford Barney; traduit du persan par Hippolyte Dreyfus. Paris: Leroux, 1908.*)

КОНЕЦ КАДЖАРОВ

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в царствование Музаффар ад-дин-шаха (1896–1906) и Мухаммад-Али-шаха (1906–1909), темпы ухудшения ситуации в Иране ускорились. Активизировались русские, которых британцы до сих пор значительно опережали, и стали добиваться тех благ, право пользования которыми еще не было признано за англичанами (каспийские рыбные промыслы, бирюзовые рудники, леса Мазандарана, строительство дорог), либо по истечении договоров, подписанных с Англией, пытались занять ее место или разделить с ней пирог (телеграфные концессии на севере страны). Кроме того, появились немцы, раньше редкие гости. Новые и многочисленные пришельцы, они не были отягощены, как англичане и русские, бременем долгого присутствия и накопившейся неприязни и не преминут этим воспользоваться, когда вспыхнет война.

Несмотря на события 1892 г., которые мы упоминали, такой фактор, как мнение улицы, его проявления, его возможное влияние, для Азии в общем и целом был совсем новым. С тех пор он уже не прекращал играть в политике существенную роль. Впервые его воздействие в полной мере стало ощутимым в первые годы XX в., когда всю начались забастовки, шествия, закрылись витрины магазинов. Надеясь успокоить разгоряченные головы, шах решил 5 августа 1906 г. даровать первую конституцию и организовать выборы в будущий парламент. После этого он умер, оставив Мухаммаду-Али страну, положение которой новые

правила игры еще далеко не стабилизировали, а новые иностранные инициативы сделали взрывоопасным. Новый шах не просидел на троне и года, когда 30 августа 1907 г. было подписано англо-русское соглашение, разделившее Иран на три зоны влияния: северную — русско-го, южную — английского и третью, центр и запад, — нейтральную. Депутаты говорили, спорили. Такова была их роль. Делали ли они что-нибудь? Они были слишком счастливы, что могут высказываться. Страна протестовала, волнения усиливались; положение всё больше обострялось. И шах возложил ответственность за это на парламент. 23 июня 1908 г. он совершил государственный переворот, распустив собрание. Взрыв общественного негодования был подобен взрыву бомбы. По провинциям понеслись банды. Восстали племена, племя бахтиаров захватило Кашан и Кум. Повсюду произошли столкновения. Запылали пожары. Начались грабежи. В Персидский залив вошел английский флот, русские казаки оккупировали Тебриз, даже османы перешли границу. Шах отрекся в пользу своего сына Султана Ахмад-шаха, ребенка одиннадцати лет (1909–1925), разумеется, неспособного в своем возрасте успокоить умы, остановить иностранную экономическую экспансию, так раздражавшую националистов.

Когда началась война, ситуация всё еще оставалась крайне запутанной. Немцы обхаживали персов, пытаясь привлечь на свою сторону. Османский халиф из своего дворца в Константинополе провозгласил джихад. Кто к нему прислушался? Никто, тем более не Иран, который был шиитским и не забыл долгих конфликтов с западными соседями. Впрочем, что он мог бы сделать? Он безучастно наблюдал, как накатывались и откатывались волны иностранцев: как пришли турки, которые в апреле 1916 г. заняли Хамадан, Керманшах, Казвин, как пришли русские, которые в конце 1916 г. оккупировали Тегеран и Кум, изгнав в 1917 г. османов, как пришли англичане, которые создали национальную жандармерию под английским командованием и захватили Йезд, Шираз, Исфахан. Во время советской революции эта жандармерия вытеснила русских с севера страны и в результате к концу войны заняла все ее территорию, от Персидского залива до Каспийского моря. 9 августа 1919 г. Великобритания всё-таки признала полную независимость Ирана и начала выводить войска. Она оставила его в состоянии полного распада.

РИЗА-ШАХ ПАХЛАВИ

После этого полковник иранских казаков, родившийся в Мазандаране в 1878 г., пошел на столицу, 22 февраля 1921 г. вступил в нее, 25 апреля 1921 г. сумел стать военным министром, потом, 28 октября 1923 г., премьер-министром, а 31 октября 1925 г. добился от парламента низложения шаха. Собирался ли он установить республику? Судя по всему, да, потому что пребывал под сильным влиянием того, что сделал в Турции Мустафа Кемаль Ататюрк, чьему примеру он следовал и чьим реформам, хоть и более робко, подражал. Но общество привыкло к монархии, идея республики его пугала. И он стал королем. Об этом он объявил 17 сентября 1925 г., а 25 апреля 1926 г. короновался под именем Риза-шаха Пахлави. Риза — это было его имя. Шах — титул. Пахлави — старинный термин, который он откопал в далеком доисламском прошлом, чтобы назвать этим красивым словом создаваемую династию, что показывает, что он хотел восстановить связи с этой древностью, перекинуть мостик через все века ислама, и это соответствовало чаяниям той части нации, которая хотела модернизации, но заронило в сердца мулл зернышко, которое через сорок лет разрастется в большой столетник, чьи корни расколют фарфоровый горшок монархии. Позже монархи Пахлави еще не раз проявят свои трансисторические устремления: в 1935 г., когда в качестве названия страны откажутся от «Персии» ради «Ирана», и в 1971 г., когда устроят грандиозные празднества в Персеполе в честь две тысячи пятисотлетней годовщины империи. Тогда об этом говорили много; туда съехались главы государств, и в тот день весь мир был у ног шаха; менее через восемь лет весь мир, за исключением Египта (к его чести), с редкостной трусостью отступится от последнего.

Можно было бы полагать, что это обращение к прошлому выражало только личную волю или прихоть монарха. Но я только что сказал, что оно в то же время соответствовало глубинным чаяниям части нации — студентов, интеллектуалов, которых объединяло общее стремление возвеличить это прошлое, чтобы забыть об упадке, какой страна переживала в настоящем. Мы уже несколько раз, говоря о разных веках, обнаруживали эту приверженность иранцев к великим деяниям древней истории. Время не охладило эти чувства. Они проявлялись уже при Каджарах, когда Насир ад-дин (1847–1896) велел высечь рельефы в скалах в подражание древним Ахеменидам и Сасанидам (рельефы в Рее, изображающие царя, который охотится с соколом, и царя, сидящего на троне в окружении двора).

И если в сегодняшнем исламистском Иране нам трудно представить себе подобные чувства, мы уверяем, что в ХХ в. они были еще живы и соперничали с приверженностью к исламу, будучи тоже реакционными, но с другой направленностью. Сколько раз в молодости я слышал дифирамбы Дарию, Хосрову, маздеизму! Сколько было нападков на арабов и даже на ислам, которых обвиняли во всех бедах, на которых сваливали всю вину за упадок Ирана! Презрение к племени завоевателей было — и остается? — очевидным. Выражение «я по рождению араб», с помощью которого извиняются, если чего-то не поняли, хорошо известно, и Венсан Монтей, напомнивший о нем, также приводит заявление видного перса, сказанное одному из его британских гостей: «Ислам — для нас это только средство, чтобы прогнать вас».

Риза-шах Пахлави, которого иногда изображают грубым невеждой, на самом деле был великим государем в духе Ататюрка, но не имевшим шансов на успех. Надо полагать, он по крайней мере сделал всё, что мог. Он, как и турецкий диктатор, мечтал модернизировать свою страну, вестернизировать ее, вырвать из того мракобесия, о котором говорил Абдул-Баха, и в самом деле провел большие реформы как в социальном, так и в экономическом плане. Но Иран был намного сильнее поработен иностранными державами, чем Турция, они намного плотнее его контролировали, и ему также не посчастливилось в том смысле, что он стал жертвой второй мировой войны.

Первая задача короля состояла в том, чтобы восстановить порядок, пресечь разбой, который правил бал как в деревне, так и в городе, и заставить всех уважать центральную власть. Добившись этого, он создал современную армию, отправил студентов за границу и основал школы, которым, увы, не хватало квалифицированных учителей, и поэтому школьное образование осталось на довольно низком уровне. Наконец, он хотел реформировать ислам, отобрать у него власть, какую тот имел над обществом, приспособить его к условиям современной жизни. Наряду с судами кадиев он ввел гражданские суды, точно так же как наряду с медресе открыл светские школы и университеты. Он отменил полигамию. Он заставил в 1934 г. мужчин, а в 1936 г. и женщин одеваться по-европейски. Чадра не была строго запрещена, но те, кто ее носил, лишались права входить как в общественные здания, так и в общественный транспорт. За несколько лет положение женщин изменилось настолько коренным образом, что казалось невозможным, чтобы когда-либо случился возврат к прошлому. Наконец, король начал создавать промышленную инфраструктуру и прокладывал пути сообщения, сети автомобильных и железных дорог. Трансиранская железная

дорога, которую задумывали как национальную стройку, то есть которую строили, конечно, иностранные инженеры, но на иранские деньги (что было ново и объясняет медленность строительства: начали ее на берегу Каспийского моря в 1935 г., а закончили на берегу Персидского залива только в 1941 г.), оказалась большим техническим успехом — и социальным тоже, потому что наконец пробудила гордость иранцев и вызвала у них энтузиазм.

Вторая мировая война коснулась Ирана только в июне 1941 г., когда Германия разорвала договор с СССР и напала на последний. Конечно, Иран слишком пострадал от конфликта 1914 г., чтобы желать ввязываться в новый, и объявил войну Германии, символически, лишь когда уже казалось, что всё решено, — в сентябре 1943 г. Но подобный мировой пожар не мог оставить его безразличным, и его население обрабатывали самые разные агенты — английские, нацистские, коммунистические. На всякий случай и чтобы иметь возможность снабжать Советский Союз, который нес в то время основное бремя войны, англичане и русские с 25 августа 1941 г., почти не встретив сопротивления, оккупировали Иран, что повлекло 15 сентября отречение шаха в пользу сына, Мухаммада Ризы, родившегося в 1919 г. Суверен был выслан в Южную Африку, где в 1944 г. умер. В январе 1942 г. был подписан мир между Ираном, Великобританией и СССР, а в июне того же года по соглашению, к которому присоединились Соединенные Штаты, Иран предоставил в распоряжение союзников свою территорию и ресурсы в обмен на торжественное обещание, что его территориальная целостность будет сохранена и по окончании военных действий все оккупационные силы будут выведены. Несмотря на всё сделанное Риза-шахом, ничего не изменилось: Иран остался игрушкой в руках иностранцев и не имел никакой свободы действий. Вскоре, с 28 ноября по 1 декабря 1943 г., в Тегеране состоялась конференция Черчилля, Рузвельта и Сталина, которые отдельно обсудили судьбу Ирана и обещали свою помощь в его восстановлении. Когда война закончилась, страна оказалась в плачевной экономической ситуации, и, более того, возникла угроза ее распада. 13 ноября 1945 г. Азербайджан объявил себя демократической республикой, а курды создали республику в Мехабаде. Та и другая, после того как СССР бросил их, просуществовали всего год, до декабря 1946 г., но сигнал, который они подали, был мощным. Иранская и иракская армии при поддержке Великобритании вступили на отколовшиеся территории и провели репрессии, которые, похоже, были очень жестокими.

КУРДЫ

Разгром эфемерной Мехабадской демократической республики далеко не сломил стремления курдов к самостоятельности, а, похоже, даже усилил его. Это стремление существовало с давних времен и не прерывало себя ни в период упадка Османской империи, а еще более явно — в первой половине XX в. Создание великого Курдистана предусматривалось Севрским договором 1920 г., но потом от этой идеи отказались вследствие как революции Кемаля Ататюрка, так и выдачи Великобританией мандата на управление Ираком, где обильные нефтяные скважины на севере находились на курдской земле. Географически создание курдского государства не создало бы больших проблем, ведь огромное большинство курдского населения жило на соседних территориях, разделенных только искусственными границами, — в основном в Турции, Ираке и Иране, отчасти в Сирии и на Кавказе. Хотя вследствие депортаций и добровольного исхода курды уже начали рассеиваться, но феномен миграции тогда еще не приобрел такого масштаба, как сегодня (когда, возможно, 40% турецких курдов живет на западе Анатолии и в Стамбуле). В культурном отношении — несмотря на различия в диалектах, традициях и конфессиях, которые официально все мусульманские, но иногда очень своеобразны, — между разными племенами и разными группами было достаточно общих идентификационных признаков, чтобы допустить возможность объединения. Другое дело — политический план, ведь три государства оказались под угрозой распада.

Оценить общую численность курдов на Ближнем Востоке невозможно, потому что родной язык не учитывает никакая статистика, и одни эту численность завышают, другие занижают. Скажем так: их от десяти до двадцати пяти миллионов, причем, несомненно, ближе к среднему арифметическому, и курды Турции составляют далеко не половину от общей численности. Многие тут и там вполне интегрированы в общество тех стран, где живут, иногда занимают там видные посты и никаких перемен не желают. Другие, вероятно, более многочисленные, из идеализма или амбициозности, напротив, не желают интегрироваться и притязают если не на полную независимость, то хотя бы на широкую внутреннюю автономию и на свободное выражение своей культуры. Они легко находят поддержку со стороны простонародья, часто очень бедного, отсталого, необразованного. Как раз из среды этих идеалистов и этого субпролетариата выходили и выходят все участники вооруженной борьбы.

Можно сказать, что гражданская война или по меньшей мере подпольная сепаратистская деятельность у курдов никогда не прекращались, хотя бывали и короткие перемирия и хотя средства массовой информации часто замалчивали эту деятельность. У них были свои политические партии — КДП (Курдская демократическая партия) в Ираке, РПК (Рабочая партия Курдистана) в Турции, были и те, кого одни называли героями, другие страшными террористами — Барзани в Ираке, Оджалан в Турции, которого в 1999 г. приговорили к смерти, но заменили казнь на пожизненное заключение. Сейчас курдизм в конечном счете более или менее признан. Однако, похоже, полностью пока ничто не улажено, и, видимо, существует реальная опасность, что чаяния курдов в тот или иной момент снова создадут серьезные проблемы.

МУХАММАД РИЗА-ШАХ ПАХЛАВИ

Деколонизация второй половины XX в. убедила народы третьего мира, что они могут вновь обрести полную политическую и экономическую независимость. В воздухе времени исчезла вера, что Европе, Соединенным Штатам, великим державам дозволено править миром и эксплуатировать его. Иран был не колонией, но вассалом, протекторатом, хоть и не носил этого названия. Он мечтал вернуть себе полную самостоятельность и, почему бы нет, хотя бы долю былого величия. Он обладал значительными природными ресурсами, в первую очередь нефтью. Они должны были принадлежать ему. 25 апреля 1951 г., сразу после убийства премьер-министра генерала Размары, всеобщее негодование привело к власти «доктора» Мосаддыка, и 30 апреля тот национализировал нефтяные месторождения. Это вызвало двойной кризис — внутренний и международный. 13 августа 1953 г. шах сместил Мосаддыка. Народ восстал. Мухаммад Риза уехал за границу, потом почти неожиданно вернулся и велел арестовать своего премьер-министра, которого приговорили к смерти, а потом смягчили ему меру наказания до трех лет заключения. В 1954 г. кризис завершился созданием международного консорциума. Но это ничего не решило; возникли и другие проблемы, прежде всего демографический рост, вызвавший исход из села, который приобрел драматичный характер в 1970-е годы и выбросил огромные массы безземельных крестьян в города, где они образовали бедствующий пролетариат. В результате население Тегерана выросло с двух до двенадцати миллионов человек.

Однако шах сознавал тяжесть проблем и в 1963 г. издал первые декреты «Белой революции», сводившейся к двенадцати пунктам: аграрная реформа, перераспределение лесов и пастбищ, участие общества в капиталах государственных предприятий, создание Корпусов просвещения, здравоохранения, развития и реконструкции, национализация вод, реформа администрации и образования. Несмотря на колоссальный объем этой задачи и неслыханные трудности, которые должно было преодолеть государство, некоторые цели были достигнуты, но этого казалось (и было) недостаточно, а тем временем из-за постоянного роста стоимости жизни народ терял терпение, росло и недовольство «буржуазии базаров», студентов, интеллектуалов. В 1972 г. в Тегеране произошли столкновения. В правящих кругах стали опасаться хаоса. Некоторые заявляли, что спасти режим может только демократизация, но шах выступил против нее. Демократию не вводят экспромтом, к ней приучают медленно. Было заметно, насколько разделились мнения в обществе. Те, кто требовал перемен, никак не могли договориться насчет облика, который оно должно принять: одни вместе с партией Туде желали учреждения коммунизма, другие — провозглашения республики, третьи — исчезновения супермаркетов, которые разоряли мелких торговцев и превратились в символ, наконец, четвертые — возврата к традиционным исламским ценностям, но этим четвертым не придавали особого значения ни жители страны, ни иностранные наблюдатели. Шах считал, что сохранить порядок можно только силой. В 1975 г. он ужесточил ограничительные законы, усилил средства контроля, организовал знаменитую тайную полицию САВАК, которая печально прославится насилиями, жестокими репрессиями, арестами и пытками. В результате стало вспыхивать всё больше восстаний, забастовок, парализовавших страну. Это был конец.

ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Режим в конечном счете победили те, от кого этого ожидали меньше всего, — исламисты. Только они были едины; только они по-настоящему знали, чего хотят; только они посмели бросить вызов шаху (если до революции я дважды или трижды получил от него рукописное письмо для входа в одно святилище, теперь меня туда не пустили, сказав, что знать не знают шаха); только они представляли собой организованную силу со своей иерархией, основу которой составляли муллы (их насчитывалось десятки тысяч), а на вершине стояли аятоллы, державшиеся, впрочем, в стороне, к которым прислушивался народ. Правительство,

не сознавая этого, дало им более чем лидера — героя: аятоллу Хомейни, арестованного в 1963 г., а потом высланного. Оскорбительная статья против него в январе 1978 г. произвела эффект искры в пороховом погребе. 9 января в Куме произошла демонстрация, и полиция открыла стрельбу, убив около сотни человек. После этого демонстрации не прекращались. 8 сентября шах ввел военное положение. Из Франции, куда Хомейни прибыл 3 октября 1978 г., он писал пламенные воззвания. Ситуация стала настолько напряженной, что 16 января 1979 г. шах покинул Иран. 19 января демонстрация, в которой участвовали миллионы человек, потребовала создания исламской республики. 1 февраля в свою страну вернулся Хомейни, где народ его встретил с невероятным ликованием. Исламская республика была провозглашена 1 апреля и одобрена по итогам референдума. Весь мир был уже готов порадоваться счастливому исходу революции, совершённой без малейшего кровопролития. Вскоре ему пришлось разочароваться. В апреле было казнено множество прислужников старого режима. Происходили покушения, как в то время, так и позже, в июне и августе 1981 г. Почти повсюду вспыхнули волнения и даже сепаратистские движения; снова начались аресты за крамольные высказывания. 4 ноября захват американских заложников — пятидесяти двух сотрудников посольства — способствовал восстановлению национального единства, направив всю ненависть народа против Соединенных Штатов. А в августе 1980 г. началась долгая война между Ираком и Ираном, жертвами которой, говорят, стал миллион человек. Тем не менее после смерти Хомейни в 1989 г. в стране был глубокий траур, и в предместье Тегерана ему возвели гигантскую гробницу.

АФГАНИСТАН

Вспомним, что Ахмад-хан Дуррани (1747–1773) основал в Кандагаре свое царство, включавшее земли как Афганистана (Кандагар, Газни, Кабул), так и Индии (Кашмир и часть Пенджаба). Незадолго до этого Маратхская конфедерация попыталась объединить субконтинент, чтобы сдерживать натиск англичан, и создала угрозу для того немногочисленного, что еще оставалось от империи Великих Моголов. Ахмад поспешил на помощь последней, разгромил маратхов при Панипате в январе 1761 г. и обеспечил себе доминирующее положение в Северо-Западной Индии. Выгадают от этого в конечном счете англичане. Вскоре сикхи изгнали афганцев из Мултана (1818), а потом из Кашмира (1819). В царствовании Тимур-хана (1773–1793) значительных событий почти не было,

кроме переноса столицы в Кабул, где мавзолей Тимур-хана стал одним из немногих исторических памятников города. Не было таких событий и при Заман-шахе (1793–1799), и начались они, только когда афганцы стали ссориться между собой и общаться с русскими и английскими соседями, а те проявили к ним живой интерес. Против Замана восстал Махмуд-хан, занял в 1799 г. его место, но в 1803 г. был смещен одним из своих дядьев, Шуджа-шахом, который пообещал не пропускать французские войска, если они вдруг окажутся в Персии. В том же году Махмуд вернулся и изгнал Шуджу, укрывшегося после этого в Индии, но вскоре, в 1826 г., был свергнут в результате переворота, который возглавил глава клана Баракзаев, Дост Мухаммад (1826–1863).

Встревоженные связями, которые новый суверен установил с русскими, англичане решили устроить военную интервенцию под предлогом возвращения Шуджи на трон. В августе 1839 г. лорд Окленд занял Кабул. Весь Афганистан запылал. В столице население убило британского губернатора Бёрнса и его штаб, вынудив экспедиционный корпус спешно отступить по дороге на Индию. В ущельях, над которыми нависали высокие и зловещие горы, на него в 1841 г. напали афганские племена и перебили столько народу, что спаслось от гибели всего человек двадцать. В следующем году англичане послали карательный отряд, который разрушил Кабул и немедленно вернулся. Конечно, этот поход был гибельным, но какие бы сильные эмоции он ни вызывал, нельзя забывать, что тем не менее англичане извлекли из него некоторые выгоды. Они заперли Хайберские проходы, аннексировали Пешавар, зимнюю столицу афганцев, и обширные территории, населенные пуштунами. Афганцы никогда не признают этой аннексии, не согласятся, чтобы значительная часть их народа перешла под иностранное владычество, была «индианизирована», и после раздела Индии и рождения Пакистана это станет причиной постоянных трений между ними и новым суверенным государством. Однако тем временем установились сердечные отношения между Дост Мухаммадом и Ост-Индской компанией (Пешаварский договор 1855 г.), которая помогла афганцам, недавно, с 1850 г., наконец овладевшим Балхом, взять в 1863 г. Кундуз и Герат.

Продвижение русских в Центральной Азии в 1868–1875 гг. и отношения, которые с северными соседями установил Шер-Али-шах (1863–1879), так обеспокоили англичан, что те предприняли новую интервенцию в Афганистан. Она была не столь катастрофичной, как первая, но еще менее успешной. 21 ноября 1878 г. британцы прошли Хайберский проход, в январе 1879 г. взяли Кандагар. Шер-Али бежал

из Кабула и умер по пути в Балх. Его сын Мухаммад Якуб (1879) был вынужден подписать Гандамакский договор, установивший нечто вроде британского протектората над Афганистаном. 21 июля в Кабул прибыла дипломатическая миссия, а 3 сентября ее перебили. Вернулись английские войска, 7 октября оккупировали Кабул, арестовали суверена и посадили на его место Абд ар-Рахман-хана (1880–1901). Переговоры были долгими, но в конечном счете комиссия Мортимера-Дюранда в 1893 г. настояла на проведении границы по «линии Дюранда». Афганистану подарили узкую полоску Памира, Вахан, чтобы между Россией и Индией не было общей границы, и афганскому суверену назначался ежегодный пенсион как плата за полную изоляцию, в которой он соглашался замкнуться. Абд ар-Рахман-хан воспользовался долгим периодом мира после этого соглашения, чтобы объединить страну. Именно тогда он подчинил хазарейцев (1885–1892) и кафиров (1896). Понадобилась третья афганская война (1919) в начале царствования Амануллы-хана (1919–1929), чтобы Афганистан стал хозяином собственной дипломатии и мог обрести полную самостоятельность.

Несмотря на изоляцию страны, несмотря на отсутствие контактов с границей из-за того, что афганцы не переходили своих границ и не пропускали через них чужестранцев, несмотря на почти полное незнание современного мира, суверены превосходно сознавали, в какую невероятную отсталость впал Афганистан, и пытались как-нибудь поправить дело. Но население было глубоко консервативным, ксенофобским, хоть и гостеприимным, привязанным к своему образу жизни, воспринимало малейшие новшества как преступление против ислама и отторгало их, что усложняло проведение реформ и требовало от правителей величайшей осторожности. Монархи часто расплачивались высылкой или смертью за свои действия. Хабибулла (1901–1919) был убит. Аманулла (1919–1929) отрекся от престола. Надир-шах (1929–1933) был убит. Захир-шах (1933–1973) тоже будет свергнут, но по другим причинам, и это другая история. Править Афганистаном было делом небезопасным.

Что же такого ужасного совершили эти монархи? Хабибулла почти ничего не сделал. Он разрешил открыть средние школы, создать газету, проложить дорогу, соединившую Кабул с Индией. При Аманулле нововведений было, конечно, больше. Были отправлены посольства в большие зарубежные столицы (в 1922 г. — в Париж) и приняты иностранные посольства. Король писал Ленину (в 1919 г.), подписал договоры с Советами, Турцией, Персией. Археологам позволили вести раскопки в стране с тысячелетней историей (создание Альфредом Фуше

в 1922 г. знаменитой Французской археологической миссии в Афганистане, DAFA). Открыли французский лицей, потом другой — немецкий, потом третий — англо-индийский, и горсть молодых людей, в том числе наследный принц, в 1920 г. была отправлена учиться во Францию; через недолгое время сотня знатных девиц выехала в Стамбул. Наконец, прежде всего в столице, возникли маленькие колонии иностранцев, в частности, итальянцев и немцев, которые основали больницы. Мало того. Эмир с супругой ездил с визитом в Европу и по возвращении издал декреты, направленные на освобождение женщин. Это стало его концом. В 1928 г. власть захватил авантюрист Бачаи Сакао, но почти сразу же был схвачен и расстрелян. 16 ноября 1929 г. шахом объявил себя афганский посол в Париже Мухаммад НаDIR и в 1931 г. ввел конституцию. Он провозгласил равенство всех этносов, объявил ислам государственной религией и запретил продажу и употребление алкоголя — нельзя сказать, что мусульман это должно было шокировать. Королевство осталось исламским — настолько, что запрет на строительство церквей сохранялся и единственным местом отправления христианского культа была частная капелла в итальянском посольстве. Было подписано несколько договоров с Японией, СССР, Ираком (1930–1931).

Ему наследовал сын Захир-шах (1933–1973), который не мог поступить лучше. Он робко продолжил дело отца, открыв в 1939 г. медицинский факультет, в 1944 г. — факультет литературы и наук, где неизбежно преподавали иностранные специалисты, и как к таковым к ним относились плохо. Его изгнали «после сорока лет царствования, представлявшего собой мертвый штиль, во время которого Афганистан выродился, став международным прибежищем наркоторговцев», — так не без суровости говорит Майк Бэрри, один из лучших знатоков страны. Мертвый штиль? Однако всё находилось в движении. Изменения происходили каждый год. С 1967 г. сюда хлынули туристы, принося с собой валюту, но вместе с тем малопривлекательный образ Запада — роскошь, оскорбительную для бедности, крайнюю сексуальную свободу, распушенность... и хиппи, которые обнаружили здесь наркотический рай и оказались среди бедняков, но были слишком горды, чтобы нищенствовать, и не гнушались кражами в стране, где традиционной была безупречная честность. Шок был слишком резок и слишком силен. Он убьет Афганистан, доведя его до одной из величайших гуманитарных катастроф нашего времени.

ВЕЛИКАЯ КАТАСТРОФА АФГАНИСТАНА

Визит Н. С. Хрущева в 1955 г. радикально изменил ситуацию в Афганистане. Глава СССР пообещал помощь в массовом масштабе и предоставил ее. Начались большие стройки, в том числе строительство дороги, словно случайно соединившей Кабул с Севером через Гиндукуш по перевалу Саланг, в котором на высоте 3360 м был пробит тоннель, с большой торжественностью открытый А. Н. Косыгиным в 1964 г. В Кабуле мостили дороги, по которым циркулировали совсем новые муниципальные автобусы. Русские уже начали там и тут чувствовать себя как дома или почти как дома. Американцы до крайности встревожились, как в свое время англичане, но отреагировали не так быстро и решили в 1963 г. давать «доллар за рупию». Страна начала менять облик, стала большой стройкой с дорогами, мостами, аэропортами, плотинами, больницами, большими отелями, но процветало взяточничество. Торговля опиумом приобрела невероятные масштабы. В 1970 и 1971 гг. случились катастрофические неурожай. По разным оценкам в 1972 г. в самых пострадавших регионах четверть или треть, если не половина, населения умерла от голода.

17 июля 1973 г. в результате государственного переворота Захиршах был свергнут, и его сменил один из родственников, Мухаммад Дауд, которого называли «Красным принцем». Он провозгласил республику. Что бы ни говорили, только фигура короля и скрепляла страну воедино. Стало чувствоваться, что терпеливо собранный пазл рассыпается. Дауд в надежде восстановить его всё больше обращался к Советам и едва не поколебал десятилетнее (1963–1973) политическое равновесие между ними и Соединенными Штатами. Он был нужен только затем, чтобы ускорить приход коммунизма. В 1978 г. его сверг социалист Нур Мухаммад Тараки, который подписал договор о сотрудничестве между Афганистаном и СССР, дав последнему право на вооруженное вмешательство, если это потребуется для защиты первого. Убийство Тараки 14 сентября 1979 г. дало Москве возможность выполнить этот пункт договора. В декабре в страну вторглась Красная Армия. Было создано коммунистическое правительство, и десять лет афганцы с отчаянной энергией боролись против оккупантов. Наконец в январе 1989 г. оккупанты, увязшие здесь, убедившись, что сопротивление не сломить, вернулись домой. Это не решило никаких проблем. Те, кто столь героически вел партизанскую борьбу, не сложили оружия: четыре-пять лет они продолжали сражаться и против установившейся власти, и друг против друга, часто этнос против этноса, хоть и ссылаясь на

какую-нибудь идеологию, которая в основном служила предлогом. Наконец часть пуштунов, сделавших своим оперативным центром Кандагар и называвших себя студентами-богословами, *талибами*, часть которых, возможно, училась в медресе Пакистана, решила завоевать страну и, методично действуя, сумела взять под свою власть девять десятых ее территории, провозгласив целью очищение и повышение нравственности — идеал, который они в зависимости от обстоятельств умели отбрасывать или менять. 27 сентября 1996 г. они взяли Кабул. В интеллектуальном отношении они были движимы только грубым, жестоким, разрушительным фанатизмом (что и показали, взорвав великих Будд в Бамиане). В финансовом отношении у них почти не было других ресурсов, кроме опиума, производство которого не прекращало расти, порой настолько быстро, что с 1998 по 1999 г. удвоилось, достигнув 4600 т, то есть трех четвертей мирового производства.

Это верно, что, когда свергли Захир-шаха, Афганистан был бедным, отсталым, нищим, почти не имел дорог, у него не было железных дорог, промышленности, электричества, его население не знало гигиены и медицинского обслуживания — но у него была надежда. А сегодня? Он снова рухнул в бездну, и еще вопрос, способны ли международное вмешательство, оккупация иностранными военными силами (с октября 2001 г.) когда-либо вывести его оттуда. Я очень любил афганцев. Они всегда принимали меня по-человечески тепло. Их нынешнее состояние способно вызвать только слезы.

ТАДЖИКИСТАН

Советская интервенция 1979 г. в Афганистане внезапно разбудила таджиков, о которых довольно прочно забыли уже десятилетия и даже века тому назад; она дала им героев, таких, как Масуд, о которых неутомимо говорили масс-медиа. Конечно, все знали, что в Средней Азии еще есть какие-то представители этих иранцев, в свое время созидавших историю Ирана и принесших ему величайшую славу, но было признано, что страны, расположенные севернее Яксарта, Гиндукуша и Памира, образуют русский Туркестан. Когда, после того как в 1917–1918 гг. попытка создать великий Туркестан провалилась, Советы разделили его на пять республик — Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Киргизию и Таджикистан, — расчленив его, проведя искусственные границы, внутри которых якобы жили люди, говорящие на одном языке. Ираноязычное население должна была объединить всего одна из этих республик, самая маленькая, самая изолированная в своих горах — Таджикистан. Она по-

явилась на свет в октябре 1924 г. как составная часть Узбекской республики, а через пять лет, в октябре 1929 г., отделилась от нее. Ее население, довольно небольшое, тогда оценивали в 1–1,5 млн человек, 60% которых были таджиками, а 24% — узбеками. (В 1999 г. ее население оценили в 6104 тыс. человек.) Но очень значительное число таджиков жило и в Узбекистане. Их наличие признавали, но утверждали, что они составляют ничтожное меньшинство, около 5% всего населения. Это полная ложь, и, хотя за семьдесят пять лет их доля, вероятно, уменьшилась в результате обучения всех детей в школе на узбекском языке и узбекизации страны, она, конечно, и поныне намного выше 5%, даром что точно определить ее невозможно: поскольку нация вынуждена искать основы для единения и находить их в языке, то людей, которые говорят по-узбекски, по-прежнему принято считать узбеками. Даже если таджики преувеличивают, уверяя, что они составляют 78% населения Бухары и Самарканда, нельзя не отметить, что экономической и культурной динамикой оба эти города обязаны таджикам, тогда как Ташкент, столица республики, — узбекам. Итак, в трех вышеупомянутых странах численность таджиков составляет около 12 млн, в том числе четыре в Афганистане, четыре в Таджикистане и от четырех до пяти в Узбекистане, если считать разумной оценку доли таджиков как 20% от всего населения последнего (составляющего в целом 24 млн). Для справки добавим, что небольшие общины таджиков существуют в Синьцзяне, в обрывистой долине Ташкурмана, на пакистанской границе, где их, вероятно, ассимилируют китайцы и уйгуры.

Когда в результате советской оккупации Афганистана граница стала проницаемой, это помогло установлению связей между таджиками Таджикистана и частью таджиков Афганистана, живущих на северо-востоке страны, в непосредственном соседстве с Таджикистаном, а то и связей с остальными афганскими таджиками, сильно разбросанными по городам и по провинции Герат. Распад СССР и конфликты, которые предшествовали ему и возникли после него, укрепили эти связи и в то же время породили потоки беженцев, одни из которых спешили к своим очагам, а других изгоняли из них. Осознание таджикской идентичности, как и исламизм, сегодня бесспорно представляет собой один из факторов риска, угрожающих стабильности государств СНГ. В Самарканде столкновения между разными общинами происходили в 1987 г., в Фергане они случались не раз (в Андижане покушения и репрессии отмечены еще в 2005 г.), но, по счастью, благодаря сдержанности правителей и управляемых имели ограниченные масштабы, а вот Таджикистан погряз в гражданской войне. Еще в 1987 г. ее предвестниками

стали перестройка и гласность, а потом, в 1990 г., первые кровопролитные стычки в столице — Душанбе, разразилась же она в июне 1992 г., через несколько месяцев после провозглашения независимости страны 9 сентября 1991 г. Она продлилась целый год, и официально считалось, что борются некоммунисты и либералы, фактически меж собой воевали этносы, племена, деревни, исламисты и атеисты, сунниты и шииты. В результате этой войны погибло от тридцати до пятидесяти тысяч человек и шестьсот тысяч стали беженцами. Возврата спокойствия и провозглашения конституции в ноябре 1994 г. было недостаточно, чтобы уладить всё и гарантировать стабильность. Тяжелые последствия войны, анклавный характер государства, его географическая конфигурация, скудость ресурсов, соседство с Афганистаном, сепаратистские традиции, унаследованные от времен, когда княжества (бейлики, или *беклики*, как говорят в некоторых местах) только номинально зависели от Бухарского ханства, — всё это проблемы, и поныне затрудняющие развитие страны.

С другой стороны, можно ли сказать, что сделают, чем станут завтра таджики Узбекистана? Даже если кажется, что иранизм в Средней Азии агонизирует, он там еще не умер. Его прошлое было слишком великим, чтобы не найти в нем права выжить.

НА ПРОЩАНИЕ

По всей вероятности, я уже никогда не вернусь в Иран. Значит, я с ним таким образом прощаюсь. Но что любишь, того уже не покидаешь никогда, а хранишь в сердце и в памяти. Доказательством тому служит эта книга. Многие из последних впечатлений, оставшихся у меня от этой страны, были удручающими. Ну и что! Я не должен придавать им слишком много значения. Что бы я запомнил, увидев Иран в какой-то другой из трудных периодов его истории?

Женщина, когда-то бывавшая в высшем парижском обществе, принимает меня в своем доме, одетая так же, как одевалась у нас, и предлагает мне виски. Ничто не изменилось. Но вот они с мужем вывозят меня на прогулку, и теперь она — не более чем мешок тканей на заднем сиденье автомобиля. Девушку, которую на пляже Антибских островов я видел в бикини, в Тегеране я встречаю в черном *хиджабе*, из-под которого видны только кисти рук и безупречный овал лица, озаренного огромными глазами. Та и другая заявляют мне, смотря европейский канал телевидения: «Уж лучше так! Посмотрите, что вы сделали с женщинами! Бедра или грудь показывают не только затем, чтобы

хвалить косметические товары, но даже ради продажи холодильника или стиральной машины...» Искренни ли они? В этих фразах слышится заученный урок, та и другая признаются мне, что имеют возможность ежегодно ездить во Францию. Впрочем, надо признать, что наш мир не всегда выглядит привлекательно. Мы в составе группы из нескольких человек находимся в бывшем здании отеля «Шах Аббас» в Исфахане, где при старом режиме привилегия провести ночь была завидной. Всё поломано, повсюду грязь. Я говорю: «Здесь не прибирались неделю». — «Да нет, — отвечает мне одна знакомая, — с исламской революции». В нескольких сотнях метрах оттуда Площадь шаха, ставшая Площадью имама, и паркинг, где витрины окружающих магазинов закрыты ржавыми железными шторами. Фрески дворцов, когда-то заботливо отреставрированные, осыпаются либо срезаны бритвой и украдены. В Йезде выпотрошили Башни молчания, чтобы там могли упражняться мотоциклисты. Я договорился о встрече с одним чиновником на девять утра. В десять его не было. Я звоню ему. Мне отвечают, что он только что проснулся. Он пришел ко мне, небритым, через час; персы никогда не отличались пунктуальностью, и тем не менее!

Можно было бы прийти в отчаяние, но не нужно. Разве такой народ, как афганцы, может быть непоправимо обречен, если он двадцать лет жертвовал собой ради свободы? Разве может быть сломлен другой народ, персы, если он сохранил свою улыбку, свое гостеприимство, если его душа всё так же светла? «Приходите на завтрак к моим родителям» — говорит мне преподаватель лица. Я колеблюсь. Он добавляет: «Они живут за городом, в нескольких километрах, в доме времен Сасанидов». Я больше не сопротивляюсь. Глинобитный дом выглядит совсем как новый. «Его восстановили в прошлом году, после сильного дождя. Его то и дело восстанавливают полторы тысячи лет по одному плану». Он ведет меня смотреть *кяризы*, фруктовые сады, загоны для овец и угощает меня царским завтраком — это я понял только через два-три дня. Вот мой шофер, собирающийся в паломничество в Мекку, входит со мной в бистро, где на стенке прикреплена фотография Каабы. «Скоро вы там будете», — говорю я ему. И его лицо озаряется блаженством, которого я не забуду никогда. Вот я скромно присутствую на пятничной молитве в провинциальном городе. Крепкие парни меня прогоняют. В ярости я дожидаюсь конца службы, подхожу к имаму, жалуюсь, потом иду завтракать. Когда я сижу за столом, подходит человек и говорит: «Сейчас же иди!». Я ожидаю худшего. Он приводит меня к имаму, который извиняется передо мной, признает, что был неправ, без конца повторяя: «К счастью, те, кого я послал вас искать,

нашли вас». И я получаю право оставаться с ним до ночной молитвы, он приглашает меня участвовать во всех его делах.

Иран не умер. Он не может умереть. Его бесчисленные дети — доказательство его веры в жизнь. Он переживает кризис, но он привык к кризисам, и можно было бы даже сказать, что он находит в них средства для восстановления сил. И, кстати, имеет законные основания этим гордиться. Он дает современному миру, светскому или религиозному, единственный образец теократического государства. Он объединен. Им правят иранцы, что во втором тысячелетии нашей эры бывало с ним не так часто. Он бросил вызов великим державам. Он располагает самыми передовыми технологиями, в том числе ядерной. Он послужил примером для всех, кто призывает вернуться к *шариату*: в первые месяцы после исламской революции я заметил, какое влияние он оказал на Пакистан и Турцию. Пусть он и запрещает бахаизм, он может похвалиться терпимостью: маздеисты и иудеи представлены в парламенте одним депутатом, армяне (около ста пятидесяти тысяч?) — двумя, и им разрешается обучать своей религии, производить и потреблять вино. Он осознал свое родство с другими ираноязычными народами. «Мой отец тюрк, а мать иранка», — говорит мне одна женщина. И, поскольку я не совсем понимаю, уточняет: «Мой отец узбек, а мать — таджичка из Хивы».

Поскольку Иран находится в упадке, можно было бы счесть, что искусство и культура больше его не интересуют. Это было бы ошибкой. Современная литература явно зародилась при империи: в 1921 г. — проза, когда вышел сборник рассказов Джамаль-заде, в 1922 г. — поэзия, представленная Нимой Юшиджем (верлибр, идеология авангарда). В 1971 г. совсем молодой архитектор Хусейн Аманат построил самый, может быть, красивый монумент современного мусульманского мира — башню Шайаде (башню Азади) в Тегеране, современную по концепции и материалам и в то же время отдающую дань исламским традициям: ее ячейки напоминают *мукарны*, а триумфальная арка имеет форму *айвана*. Подобная прелюдия непременно предвещает большую симфонию.

Современную литературу Ирана на Западе знают плохо. Плохо знают и его ученых. Но невозможно игнорировать его кинематограф, ведь он уже приобрел солидную международную репутацию. Он показал и выдающиеся способности авторов, и определенную либерализацию режима — по крайней мере с середины 1990-х годов, возможно, с 1989 г., когда появился фильм «Брак благословенных» Мохсена Махмальбафа, позволивший заговорить о «постисламистских» временах (Фархад Хосрохавар). Разве на экране не появились женщины и мул-

лы? Надо бы назвать немало имен, хотя бы авторов тех фильмов, которые участвовали в Каннском фестивале (три в 2000 г., три в 2001 г.) и получили Золотую пальмовую ветвь («Вкус вишни» Аббаса Киаростами в 1997 г.). Упомянем (возможно, несправедливо забыв кого-то, что можно извинить только моей некомпетентностью) Хасана Ектапанаха («Джума», 2000), Тахмине Милани («Две женщины», 1998), Бахмана Гобади («Кандагар», 2001), Маджида Маджиди, Мохсена Махмальбафа, Эбрахима Хатамикию.

Если кино — это искусство, такое же, как архитектура и живопись, то благодаря ему мы восстанавливаем связь с Персеполем или тимуридским Возрождением — то есть с гением народа.

ХРОНОЛОГИЯ

- VII в. до н.э. — Вторжения киммерийцев и скифов на Ближний Восток.
- 722–714 до н.э. — Руса I, царь Урарту, терпит поражение от киммерийцев и ассирийцев.
- 721 до н.э. — Ассирийцы берут Самарю.
- около 700 до н.э. — Мидийские и персидские племена организуются.
- 673 до н.э. — Ассирийцы останавливают продвижение киммерийцев и скифов.
- 676 до н.э. — Киммерийцы появляются в Малой Азии.
- 673 до н.э. — Всеобщее восстание против Ассирии.
- 653 до н.э. — Ассирийцы и скифы одерживают победу над мидийцами.
- 644 (?) до н.э. — Гигес терпит поражение от киммерийцев.
- около 638 до н.э. — Скифы одерживают победу над киммерийцами.
- 625 (?) до н.э. — Мидийцы истребляют скифов.
- 612 до н.э. — Разрушение Ниневии вавилонянами и мидийцами. Конец Ассирийской империи.
- 604–562 до н.э. — Навуходоносор.
- 597 до н.э. — Первое взятие Иерусалима вавилонянами. Изгнание евреев.
- 587 до н.э. — Второе взятие Иерусалима вавилонянами.
- 585 до н.э. — Окончание войны между Мидией и Лидией.
- 561–547 до н.э. — Крез, царь Лидии.
- 550 до н.э. — Кир свергает власть мидийцев. Воцарение Ахеменидов.
- 546 до н.э. — Кир подчиняет Лидию.
- 540 до н.э. — Кир подчиняет саков.
- 539 до н.э. — Кир берет Вавилон.

- 530 до н.э. — Смерть Кира.
525 до н.э. — Камбис завоевывает Египет.
522–486 до н.э. — Царствование Дария. Узурпация мага Гауматы.
512 до н.э. — Поход Дария на скифов.
490 до н.э. — Марафонская битва. Начало греко-персидских войн.
486–465 до н.э. — Царствование Ксеркса.
480 до н.э. — Сражения при Фермопилах и Саламине.
479 до н.э. — Сражение при Платеях.
449 до н.э. — Каллиев мир между персами и греками.
423–404 до н.э. — Царствование Дария II.
401 до н.э. — Восстание Кира Младшего против Артаксеркса. Ксенофонт и отступление Десяти тысяч.
339 до н.э. — Филипп Македонский воюет со скифами.
338 до н.э. — Филипп Македонский уничтожает независимость греческих городов.
334 до н.э. — Высадка Александра в Малой Азии. Сражение при Гранике.
333 до н.э. — Сражение при Иссе.
332 до н.э. — Александр становится фараоном и божественным царем Египта.
331 до н.э. — Основание Александрии. Сражение при Гавгамелах (или Арбелах).
330 до н.э. — Пожар Персеполя.
325 до н.э. — Свадьбы в Сузах.
320 до н.э. — Воцарение Чандрагупты и династии Маурьев в Индии.
312–280 до н.э. — Селевк I.
301 до н.э. — Сражение при Ипсе («битва царей»)
около 250 до н.э. — Диодот I основывает Греко-Бактрийское царство.
225–190/189 до н.э. — Евтидем, греко-бактрийский царь.
223–187 до н.э. — Царствование Селевкида Антиоха III Великого.
214–196 до н.э. — Царствование Артабана, основателя династии Аршакидов.
212–205 до н.э. — Поход Селевкида Антиоха III в Восточный Иран.
190 до н.э. — Арташес основывает армянскую династию Арташесидов.
189 до н.э. — Антиох терпит поражение от римлян при Магнесии.
Апамейский мир.
175–164 до н.э. — Царствование Селевкида Антиоха IV.

- около 171–138 до н.э. — Митридат I, царь Парфии (Аршакид).
- около 170 до н.э. — Греко-бактрийский престол захватывает Евкратид.
Царство раскалывается надвое.
- 170 до н.э. — Хунну наносят поражение юэчжам и вынуждают их уйти.
- 168 до н.э. — Антиох IV в Египте. Он отступает перед римлянами.
- 167–166 до н.э. — Восстание Маккавеев.
- 163–150 до н.э. — Царствование Менандра в Индии.
- 141–140 до н.э. — Парфяне в Месопотамии.
- 140–130 до н.э. — Юэчжи в Согдиане.
- 138–126 до н.э. — Путешествие китайца Чжан Цяня и мнимое открытие Великого шелкового пути.
- около 135 до н.э. — Саки в Бактриане.
- 129–86 до н.э. — Митридат II.
- около 121–около 54 до н.э. — Царствование Тиграна II в Армении.
- 90–10 до н.э. — Саки в Индии.
- 70–60 до н.э. — Завоевание китайцами Таримского бассейна.
- 64 до н.э. — Римляне в Сирии.
- 63 до н.э. — Помпей берет Иерусалим.
- около 60 до н.э. — Юэчжи в Пенджабе.
- 53 до н.э. — Сражение при Каррах: поражение Красса.
- 40–37 до н.э. — Парфянская оккупация Иерусалима.
- 38–34 до н.э. — Поход Антония на парфян.
- 30 до н.э. — Египет становится римской провинцией.
- 19–49 н.э. — Царствование сака Гондофара.
- около 25 н.э. — Возникновение Кушанской империи.
- 53–58 — Тиридат I основывает династию армянских Аршакидов (Аршакуни).
- 66 — Нерон в Риме назначает Тиридата I царем Армении.
- 73–102 — Китаец Бань Чао отвоевывает Таримский бассейн.
- 78 (?) — Канишка (или 144–172).
- 116–117 — Траян берет Ктесифон.
- 166 — Мир между римлянами и парфянами.
- 175 — Война Траяна с сарматами.
- 218 — Поражение римлян от Артабана.
- 216–292 — Мани.
- 223 — Восстание Ардашира против парфян. Начало династии Сасанидов.

- 226 — Ардашир берет Ктесифон.
241–272 — Царствование Шапура I.
260 — Валериан терпит поражение от Сасанидов и попадает в плен.
283 — Римляне осаждают Ктесифон.
306–337 — Константин.
309–379 — Царствование Шапура II. Присоединение кушанских земель.
363 — Юлиан Отступник убит под Ктесифоном.
375 — Гунны нападают на аланов.
395 — Византий становится второй римской столицей.
406–407 — Аланы переходят Рейн.
421–438 — Царствование Бахрам Гура.
476 — Конец Западной Римской империи.
484 — Эфталиты убивают Пероза.
около 490–535 — Маздакитская революция.
около 531 — Убийство Маздака.
531–578 — Царствование Хосрова I.
552 — Основание империи тугю (тюрков).
564 — Тюркское посольство прибывает к Хосрову.
около 565 — Уничтожение государства эфталитов Сасанидами и тугю.
588–589 — Ормизд IV отражает натиск тюрков (тугю).
590–628 — Царствование Хосрова II.
613–614 — Поход Хосрова в Сирию и Палестину.
619 — Хосров в Египте и в Эфиопии.
622 — Хиджра. Зарождение ислама.
628 — Конец византийско-персидской войны. Смерть Хосрова.
636 — Сражение при Кадисии: в Иран вторгаются арабы.
642 — Сражение при Нехавенде.
647 — Китайцы истребляют знать Кучи.
651–652 — Арабы в Герате и в Бактрах.
657 — Сражение при Сиффине. Отпадение хариджитов.
661 — Убийство Али.
661–750 — Омейядский халифат.
680 — Кербела: смерть Хусейна, внука Пророка.
705–715 — Кутайба — наместник Хорасана.
750 — Революция Абу Муслима. Конец Омейядов. Возникновение халифата Аббасидов.

- 751 — Арабы наносят поражение китайцам на реке Талас.
753–757 — Восстания в Восточном Иране против арабов.
755 — Восстание Ань Лушаня в Китае.
758 — Основание Багдада.
786–809 — Царствование Харуна ар-Рашида.
818 — Смерть имама Ризы.
820–873 — Княжество Тахиридов.
836–892 — Самарра — столица Аббасидов.
около 860–902 — Владычество Саффаридов.
873–999 — Царство Саманидов.
902 — Саманиды одерживают победу над Саффаридами.
945 — Взятие Багдада Буидами.
961 — Восстание Алп-Тегина. Рождение династии Газневидов.
995 — Воссоединение Хорезма.
999 — Караханиды завоевывают Согдиану.
999–1030 — Махмуд Газневи.
около 1000 — Фирдоуси завершает «Шахнаме».
1001 — Начало мусульманских походов на Индию.
1028–1029 — Сельджуки в Хорасане.
1040 — Сельджуки наносят Газневидам поражение при Данданакане.
1055 — Сельджуки в Багдаде.
1059 — Взятие сельджуками Исфахана.
1071 — Манцикерт: поражение византийцев.
1090 — Исмаилиты («ассасины») обосновываются в Аламуте и создают государство в государстве.
1092 — Убийство Низам ал-мулка.
1096 — Появление крестоносцев на Ближнем Востоке.
1102–1130 — Арслан-хан — суверен государства Караханидов.
1141 — Катван: каракитаи наносят поражение Санджару.
1150 — Восстание Гуридов.
1171–1250 — Владычество в Египте курдского рода Айюбидов.
1191 — Казнь Сухраварди.
1194 — Конец династии Великих Сельджукидов.
1200–1230 — Хорезмшахи — властители Ирана.
1206 — Избрание Чингис-хана великим ханом.
1219 — Чингис-хан вторгается в Согдиану.

- 1230–1231 — Завоевание Ирана монголами.
- 1258 — Хулагу становится правителем Ирана. Основание государства ильханов.
- 1256 — Истребление исмаилитов.
- 1260 — Ильханы терпят поражение в Сирии при Айн-Джалуте.
- 1296–1304 — Царствование ильхана Газана. Исламизация монголов, живущих в Иране.
- 1336 — Конец государства ильханов.
- 1370 — Тамерлана избирают в Балхе Великим эмиром.
- 1381 — Тамерлан вторгается в Иран.
- 1402 — Ангорская битва. Османы терпят поражение от Тамерлана.
- 1414 — Основание афганской династии Сайидов в Дели.
- 1444 — Афганцы основывают в Индии династию Лоди.
- 1453 — Взятие Константинополя турками.
- 1467 — Ак-коюнлу одерживают победу над кара-коюнлу.
- 1469 — Ак-коюнлу Узун-Хасан побеждает и убивает Тимурида Абу Саида.
- 1498 — Васко да Гама огибает мыс Доброй Надежды.
- 1501 — Узбеки — властители Согдианы.
- 1502 — Шах Исмаил основывает династию Сефевидов.
- 1502–1515 — На побережье Индийского океана и Персидского залива обосновываются португальцы.
- 1510 — Шах Исмаил одерживает победу над узбеком Шейбаниханом.
- 1514 — Сефевиды терпят поражение при Чалдыране от османа Селима I.
- 1517 — Селим I завоевывает Египет.
- 1533–1534 — Война между османами и иранцами.
- 1540 — Афганец Шер-шах Сур становится императором Индии.
- 1576 — Смерть Тахмаспа вызывает вторжения в Иран со всех сторон.
- 1588–1629 — Царствование шаха Аббаса Великого.
- 1598 — Шах Аббас обосновывается в Исфахане и завязывает отношения с Англией.
- 1603–1604 — Победы шаха Аббаса над османами.
- 1622 — в Персидском заливе появляются англичане.
- 1624–1639 — Война между Сефевидами и османами; последние захватывают Багдад.

- 1707 — Афганистан провозглашает независимость.
- 1722 — Взятие афганцами Исфахана.
- 1736 — К власти в Иране приходит Надир-шах.
- 1739 — Взятие Дели Надир-шахом.
- 1747–1778 — Ахмад-хан Дуррани, основатель Афганистана.
- 1750–1779 — Карим-хан Зенд, регент Ирана, живущий в Ширазе.
- 1761 — Афганцы наносят поражение маратхам при Панипате.
- 1787 — Ага Мухаммад основывает в Иране династию Каджаров.
- 1797 — Убийство Ага Мухаммада.
- 1813 — Гюлистанский договор. Иран теряет Грузию, Мингрелию, Дагестан, Ширван.
- 1818–1819 — Афганцев изгоняют из Индии.
- 1828 — Туркманчайский договор. Иран теряет Армению.
- 1839 — Английская кампания в Афганистане.
- 1844 — Зарождение бабизма.
- 1863 — Провозглашение бахаизма.
- 1868–1873 — Русские оккупируют Хивинское и Бухарское ханства.
- 1878 — Вторая англо-афганская война.
- 1906 — Первая конституция Ирана.
- 1907 — Англичане и русские договариваются меж собой о зонах влияния в Иране.
- 1919 — Третья англо-афганская война.
- 1925 — Риза-шах основывает династию Пахлави.
- 1941 — Англичане и русские оккупируют Иран.
- 1953 — Мосаддык национализирует нефтяные месторождения.
- 1955 — Визит Н. С. Хрущева в Афганистан.
- 1963 — «Белая революция» в Иране.
- 1973 — Свержение Захир-шаха в Афганистане в результате государственного переворота.
- 1979 — Падение монархии в Иране. Советское вторжение в Афганистан.
- 1980 — Война между Ираном и Ираком.
- 1989 — Смерть имама Хомейни. Советы выводят войска из Афганистана.
- 1991 — Независимость Таджикистана.
- 1992 — Гражданская война в Таджикистане.

1996 — Талибы становятся хозяевами Кабула.

2001 — Интервенция в Афганистан. Оккупация страны американцами и их союзниками.

БИБЛИОГРАФИЯ

К иранскому миру в большей или меньшей мере имеют касательство почти все работы, посвященные мусульманской истории и цивилизации; кроме случаев, когда мы использовали их непосредственно, их мы здесь не приводим, равно как не даем обширной библиографии на языках, мало знакомых французам, — таких, как персидский, турецкий, русский и т.д. В отношении тюрков и монголов и их владычества в Иране позволим себе сослаться на более полную библиографию, которую мы приводим в «Истории тюрков» (*Roux, Jean-Paul. Histoire des Turcs: deux mille ans du Pacifique à la Méditerranée. Paris: Fayard, 2000*) и в «Истории Монгольской империи» (*Roux, Jean-Paul. Histoire de l'Empire mongol. Paris: Fayard, 1993*). См. также нашу «Центральную Азию» (*Roux, Jean-Paul. L'Asie centrale: histoire et civilisations. Paris: Fayard, 1997*).

Журналы

Из специализированных изданий упомянем как минимум «*Athar-e Iran: Annales du Service Archéologique de l'Iran*», 1936–1946 (больше не выходит); «*Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien (СЕМОТИ)*», публикующиеся в Париже с 1985 г. под общей редакцией Семиха Ванера (самое ценное издание в современную эпоху); «*Encyclopaedia Iranica*. Edited by Ehsan YarShater. London: Routledge & Kegan Paul (к 1997 г. вышло 7 томов); «*Iranian Studies*», Нью-Йорк; «*Journal of Mithraic Studies*», с 1975 г.; «*Mémoires de la DAFA*», Париж, с 1927 г. (вышло 33 т.); «*Studia Iranica*», Париж, с 1972 г.; «*Central Asiatic Journal*», Висбаден, с 1956 г.; «*Central Asian Survey*», с 1981 г.

Греко-римские, еврейские, армянские, сирийские, западноевропейские источники

Основные из упомянутых авторов классической античности: Аммиан Марцеллин; Аристотель, «Никомахова этика»; Арриан; Климент Александрийский; Корнелий Непот, «Фемистокл»; Ктесий, «Персика. Фрагменты»; Диодор Сицилийский; Эсхил, «Персы»; Иосиф Флавий, «Иудейская война»; Гекатей Милетский; Геродот, «История»; Гиппократ, «О воздухе, водах и местностях»; Гомер; Иордан; Платон; Плиний; Плутарх, «Параллельные жизнеописания»; Страбон; Фукидид, «История Пелопоннесской войны»; Ксенофонт, «Анабасис», «Киропедия», «Воспоминания о Сократе».

Я использовал почти все книги Ветхого Завета, в частности, Книгу Исаяи, Книгу Иеремии, Плач Иеремии, Книгу Неемии, Книгу Ездры, Книгу Даниила, Книгу Есфирь; Коран; некоторые маздеистские тексты.

Армянские и сирийские источники: Бар-Эбрей, Хетум, Киракос Кандзакеци.

Западные христианские источники: Жан де Жуанвиль, Иоанн де Плано Карпини, Марко Поло, Вильгельм де Рубрук.

Основные средневековые мусульманские источники: Аттар, ал-Бируни, ал-Джахиз, Джувейни, Джузджани, Фирдоуси, Ибн ал-Асир, Ибн ал-Мукаффа, Ибн Баттута, Ибн Халдун, ал-Масуди, Низам ал-мулк, Рашид-ад-дин, Сайфи.

Общие работы

Ackerman, Phyllis. The Character of Persian Music // *A Survey of Persian art, from prehistoric times to the present.* Ed. by Arthur Upham Pope. London: Oxford University press, 1938–1939. Vol. 3. 1939.

Afghanistan: une histoire millénaire. [Exposition], Barcelone, Centre culturel de la Fundacion «La Caixa», 2 octobre–30 décembre 2001, Paris, Musée national des arts asiatiques — Guimet, 28 février–27 mai 2002. Catalogue sous la dir. de Pierre Cambon. Paris: Réunion des musées nationaux, 2002.

L'Âme de l'Iran. Sous la dir. de René Grousset, Louis Massignon et Henri Massé. Paris: A. Michel, 1951.

L'Asie centrale: histoire et civilisation. Sous la dir. de Louis Hambis. Paris: Imprimerie nationale, 1977.

Auboyer, Jeannine. L'Afghanistan et son art. Paris: Éditions Cercle d'art, 1968.

Barry, Michael A. Afghanistan. Paris: Éditions du Seuil, 1974. [Collections Microcosme. Petite Planète; 47.]

Barthold, W. Turkestan down to the Mongol invasion. Transl. by T. Minovsky. 3rd ed. London: Luzac, 1968. [*Бартольд, В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898–1900.]

Bausani, Alessandro. Persia religiosa: da Zaratustra a Baha'u'llah. Milano: Il saggiatore, 1959.

Berthelot, René. La Pensée de l'Asie et l'astrobiologie. Paris: Payot, 1938. Переизд.: Paris: Payot, 1972.

Blanc, Jean Charles. L'Afghanistan et ses populations. Bruxelles: Éditions Complexe, 1976. [Pays et populations.]

Brockelmann, Karl. Histoire des peuples et des États islamiques, depuis les origines jusqu'à nos jours. Traduction française de M. Tazerout. Paris: Payot, 1949. [Немецкий оригинал: *Brockelmann, Karl.* Geschichte der islamischen Völker und Staaten. München, Berlin: Oldenbourg, 1939.]

Browne, Edward Granville. A literary history of Persia. Cambridge [Eng.]: The University Press, 1959–1964. 4 vol.

The Cambridge History of Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 1968–1991. 7 vol.

The Cambridge history of Islam. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 2 vol.

La civilisation iranienne: Perse, Afghanistan, Iran extérieur. Collaborateurs: A. Aymard et al. Paris: Payot, 1952. [Bibliothèque historique.]

Dictionnaire des mythologies et des religions des sociétés traditionnelles et du monde antique. Sous la dir. de Yves Bonnefoy. Paris: Flammarion, 1981. 2 vol.

Diehl, Charles; Marçais, Georges. Le Monde oriental de 395 à 1081 // *Histoire générale*, publiée sous la direction de Gustave Glotz. Histoire du moyen âge. T. 3. Paris: les Presses universitaires de France, 1936.

Dumézil, Georges. Naissance d'archanges. Jupiter, Mars, Quirinus, III. Essai sur la formation de la théorie zoroastrienne. Paris: Gallimard, 1945.

Dumézil, Georges. Romans de Scythie et d'alentour. Paris: Payot, 1978. [Русский перевод: *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты / сокр. пер. А. З. Алмазовой. М.: Наука, 1990.]

Dupree, Louis. Afghanistan. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1973.

Eliade, Mircea. Histoire des croyances et des idées religieuses. Paris: Payot, 1976. 3 vol. [Русский перевод: *Элиаде, М.* История веры и религиозных идей / пер. Н. Н. Кулаковой и др. М., 2008–2009. 3 т.]

Encyclopédie de l'Islam. Leiden: E. J. Brill; Paris: C. Klincksieck, 1913–1943. Nouv. éd.: Leiden: E. J. Brill; Paris: G. P. Maisonneuve et Larose, 1960–2009. 13 vol.

Ettinghausen, Richard; Porada, Edith. 7000 Years of Iranian Art. Washington, DC: National Gallery of Art, 1964.

Le Fait ethnique en Iran et en Afghanistan: colloque international du Centre national de la recherche scientifique, [Ivry-sur-Seine, 10 et 11 oct. 1985]. Sous la dir. de Jean-Pierre Digard. Paris: Éd. du CNRS, 1988.

Furon, Raymond. L'Iran, Perse et Afghanistan. Paris: Payot, 1951. [Bibliothèque géographique.]

Godard, André. L'Art de l'Iran. Paris: Arthaud, 1962.

Histoire des religions. Sous la direction d'Henri-Charles Puech. Paris: Gallimard, 1970–1976. 3 vol. [Encyclopédie de la Pléiade.]

History of civilizations of Central Asia. Paris: Unesco, 1992–

Iran: textes. Présentés par Gilbert Lazar. [Littérature d'étranges pays Iran.] Paris: Association Langues et civilisations, 1973 [Publications orientalistes de France; 2.]

Krader, Lawrence. Peoples of Central Asia. Bloomington: Indiana University, 1963. [Indiana University publications. Uralic and Altaic series; v. 26.]

Le Strange, Guy. The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur. 3rd impression. London: Frank Cass and C°, 1966.

Lukonin, V. G. Iran. II, Des Séleucides aux Sassanides. Traduit de l'anglais par P. Aellig et J. Marcadé. Paris; Genève; Munich: Ed. Nagel, 1967. [Archaeologia mundi; 6.]

Malleson, George Bruce. History of Afghanistan, from the earliest period to the outbreak of the war of 1878. London: W.H. Allen & Co., 1878.

Mazahéri, Aly. Les Trésors de l'Iran: Mèdes et Perses, trésors des mages, la Renaissance iranienne. Genève: Skira, 1970.

Miquel, André. La Géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XIe siècle. Paris; La Haye: Mouton; Paris: École pratique des hautes études, 1967–1970. 2 vol.

Monteil, Vincent-Mansour. Iran. Paris: Seuil, 1972. [Collections Microcosme. Petite planète.]

Mouradian, Claire. L'Arménie. Paris: Presses universitaires de France, 1996. [Que sais-je ?]

Mythologies de la Méditerranée au Gange: préhistoire, Égypte, Sumer, Babylone, Hittites, Sémites, Grèce, Rome, Perse, Inde. Sous la direction de Pierre Grimal. Paris: Larousse, 1963.

Oranski, I. M. Les Langues iraniennes. Traduit par Joyce Blau. Paris: C. Klincksieck, 1977. [Documents et ouvrages de référence — Institut d'études iraniennes.] [Русский оригинал: *Оранский И. М.* Иранские языки. М., 1963.]

Roux, Jean-Paul. Histoire des Turcs: deux mille ans du Pacifique à la Méditerranée. Paris: Fayard, 2000.

Roux, Jean-Paul. L'Asie centrale: histoire et civilisations. Paris: Fayard, 1997.

Roux, Jean-Paul. Montagnes sacrées, montagnes mythiques. Paris: Fayard, 1999.

Sourdel, Dominique; Sourdel-Thomine, Janine. La civilisation de l'Islam classique. Paris: Arthaud, 1968.

Stein, Aurel. Serindia: detailed report of explorations in Central Asia and westernmost China: carried out and described under the orders of H. M. Indian government. Oxford: Clarendon press, 1921.

Stierlin, Henri. Iran des bâtisseurs: 2500 ans d'architecture. Genève: Éditions Sigma, 1971. [Merveilles des bâtisseurs, 1.]

A Survey of Persian art from prehistoric times to the present. Ed. by Arthur Upham Pope. London, New York: Oxford University Press, 1938–1958. 7 vol. Перевзд.: Tokyo: Meiji-Shobo, 1964-2005.

Sykes, Percy Molesworth. A history of Persia. 3rd ed. London; New York: Macmillan, 1958.

Toynbee, Arnold. La Religion vue par un historien. Traduit de l'anglais par Marcelle Weill. Paris: Gallimard, 1964.

ДОИСЛАМСКИЙ ИРАН

Иранские источники

Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique par James Darmesteter. Paris: E. Leroux, 1892–1893. 2 vol. Перевздание: Paris: A. Maisonneuve, 1960.

Avesta: le Livre sacré du zoroastrisme. Trad. de C. de Harlez. 2e éd. revue et compléteé. Paris: Sand, 1996.

Monde et parole de Zarathoustra. Trad. et essai d'interprétation, Amir Mehdi Badi'. 2e éd. Paris: P. Geuthner, 1990.

Corpus inscriptionum iranicarum. Edited by an international committee. London: L. Humphries, 1982.

Humbach, Helmut. Die Gathas des Zarathustra. Heidelberg: Winter, 1959. 2 Bd. [Indogermanische Bibliothek: Reihe 1.]

Kellens, Jean; Pirart, Eric. Les textes vieil-avestiques. Wiesbaden: Reichert, 1988–1991. 3 vol.

Les inscriptions de la Perse achéménide. Trad. du vieux perse, de l'élamite, du babylonien et de l'araméen, présenté et annoté par Pierre Lecoq. Paris: Gallimard, 1997. [L'Aube des peuples.]

Исследования

Altheim, Franz. Alexandre et l'Asie: histoire d'un legs spirituel. Traduction de H. E. del Medico. Paris: Payot, 1954. [Bibliothèque historique.]

Amiet, Pierre. Suse: 6000 ans d'histoire. Paris: Éd. de la Réunion des musées nationaux, 1988. [Monographies des Musées de France.]

Amiet, Pierre. L'Âge des échanges inter-iraniens: 3500–1700 avant J.-C. Paris: Éd. de la Réunion des musées nationaux, 1986. [Notes et documents des Musées de France.]

Azarpay, Guitty. Sogdian painting: the pictorial epic in oriental art. Berkeley; Los Angeles; London: University of California press, 1981.

Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948 гг. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. 2 т. М.: изд-во АН СССР, 1952–1958.

Artamonov, M. I. Les trésors d'art des Scythes du Musée de l'Ermitage à Leningrad / traduit par Yvette Joye. Paris: Gründ, 1968. [Русский оригинал: Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л., 1966.]

Les arts de l'Asie centrale. Pierre Chuvin et al. Paris: Citadelles & Mazenod, 1999. [L'Art et les grandes civilisations.]

Les arts de l'Asie centrale: la collection Paul Pelliot du Musée national des arts asiatiques — Guimet. Sous la dir. de Jacques Giès. Paris: Réunion des musées nationaux, 1995.

Belenitsky, A. M. Asie centrale / traduit de l'anglais par Pierre A. Aellig et Jean Marcadé. Paris, Genève, Munich: Nagel, 1968. [Archaeologia mundi.]

Belenitski, A.M., et Marshak, B. I. L'art de Piandjikent à la lumière des dernières fouilles (1958–1968) // *Arts Asiatiques.* 23 (1971). P. 3–40.

Benveniste, Émile. Études sur quelques textes sogdiens chrétiens // *Journal Asiatique.* 243 (1955). P. 297–338; 247 (1959). P. 115–136.

Benveniste, Émile. Mithra aux vastes pâturages // *Journal Asiatique.* 248 (1960). P. 421–430.

Benveniste, Émile. Sur la terminologie iranienne du sacrifice // *Journal Asiatique.* 252 (1964). P. 45–58.

Benveniste, Émile. Les Mages dans l'ancien Iran. Paris: G.-P. Maisonneuve, 1938. [Publications de la Société des études iraniennes. No 15.]

Bianchi, Ugo. Il dualismo religioso: saggio storico ed etnologico. Roma: L'erma di Bretschneider, 1958.

Boyce, Mary. Zoroastrians: their religious beliefs and practices. London; Boston; Henley, 1979. [Русский перевод: *Бойс Мэри.* Зороастрийцы: верования и обычаи. 3-е изд. СПб., 1994.]

Du Breuil, Paul. Le Zoroastrisme. Paris: Presses universitaires de France, 1982. [Que sais-je ?]

Briant, Pierre. Histoire de l'empire perse: de Cyrus à Alexandre. Paris: Fayard, 1996.

Briant, Pierre. Darius: les Perses et l'Empire. Paris: Gallimard, 1992. [Découvertes Gallimard.]

Bussagli, Mario. La peinture de l'Asie Centrale / traduit de l'italien par Isabelle Robinet. Genève: Skira, 1963. [Les Trésors de l'Asie.] Переиздание: Genève: Skira; Paris: Flammarion, 1978.

Cabanes, Pierre. Le monde hellénistique: de la mort d'Alexandre à la paix d'Apamée, 323–188 // *Nouvelle histoire de l'Antiquité.* V. 4. Paris: Éd. du Seuil, 1995. [Points. Histoire.]

Campbell, Leroy A. Mithraic iconography and ideology. Leiden: E. J. Brill, 1968. [Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain.]

Carter, Dagny Olsen. The symbol of the beast: the animal-style art of Eurasia. New York: Ronald Press Co., 1957.

Cavaignac, Eugène. A propos du début de l'histoire des Mèdes // *Journal Asiatique.* 249 (1961). P. 153–161.

Chaumont, Marie Louise. Papak, roi de Staxr, et sa cour // *Journal Asiatique.* 247 (1959). P. 175–192.

Chaumont, Marie Louise. L'inscription de Kartir à la «Ka'bah de Zoroastre»: Texte, traduction, commentaire // *Journal Asiatique.* 248 (1960). P. 339–380.

Chaumont, Marie Louise. Recherches sur les institutions de l'Iran ancien et de l'Arménie // *Journal Asiatique.* 249 (1961). P. 297–320; 250 (1962). P. 11–22.

Chaumont, Marie Louise. Où les rois sassanides étaient-ils couronnés? // *Journal Asiatique.* 252 (1964). P. 59–76.

Chaumont, Marie Louise. Le culte de la déesse Anahita (Anahit) dans la religion des monarques d'Iran et d'Arménie au Ier siècle de notre ère // *Journal Asiatique.* 253 (1965). P. 167–181.

Chaumont, Marie Louise. L'ordre des préséances à la cour des Arsacides d'Arménie // *Journal Asiatique*. 254 (1966). P. 473–499.

Chaumont, Marie Louise. Les ostraca de Nisa. Nouvelle contribution à l'histoire des Arsacides // *Journal Asiatique*. 256 (1968). P. 11–35.

Chaumont, Marie Louise. Études d'histoire parthe I. Documents royaux à Nisa // *Syria*. 48 (1971). P. 143–164. — Études d'histoire parthe II. Capitales et résidences arsacides (IIIe-I^{ers}. av. J.-C.) // *Syria*. 50 (1973). P. 197–222.

Choisnel, Emmanuel. Les Parthes et la route de la soie. Paris; Budapest; Torino: l'Harmattan; Tachkent: IFEAC, 2004. [Collection Centre Asie.]

Christensen, Arthur. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague: Levin & Munksgaard, 1936. [Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études; 48.]

Christensen, Arthur. Le règne du roi Kawadh I et le communisme mazdakite. København: A. F. Høst og Son, 1925. [Historisk-filologiske meddelelser.]

Dalton, Ormonde Maddock. Treasure of the Oxus: with other examples of early oriental metal-work. 2^d ed. London: British Museum, 1926.

Decret, François. Mani et la tradition manichéenne. Paris: Éditions du Seuil, 1974. [Collections microcosme. Matres spirituels.]

Histoire des Arméniens = Hayoc' Patmut'iwn. Sous la direction de Gérard Dédéyan. Toulouse: Privat, 1982.

Duchesne-Guillemin, Jacques. Zoroastre: étude critique avec une traduction commentée des Gâthâ. Paris: G. P. Maisonneuve, 1948. [Les Dieux et les hommes. Vol. 2.]

Duchesne-Guillemin, Jacques. Ormazd et Ahriman: l'aventure dualiste dans l'antiquité. Paris: Presses universitaires de France, 1953. [Mythes et religions; 31.]

Duchesne-Guillemin, Jacques. La religion de l'Iran ancien. Paris: Presses universitaires de France, 1962. [Les anciennes religions orientales; 3.]

Duchesne-Guillemin, Jacques. L'Iran antique et Zoroāstre // *Histoire des religions*. Sous la direction d'Henri-Charles Puech. Paris: Gallimard, 1970–1976. Vol. 1. 1970. P. 625–694.

Duchesne-Guillemin, Jacques. L'église sassanide et le mazdéisme // *Histoire des religions*. Sous la direction d'Henri-Charles Puech. Paris: Gallimard, 1970–1976. Vol. 2. 1972. P. 3–32.

Dumézil, Georges. Naissance d'archanges. Jupiter, Mars, Quirinus, III. Essai sur la formation de la théorie zoroastrienne. Paris: Gallimard, 1945.

Dumézil, Georges. Les Dieux des Indo-européens. Paris: Presses universitaires de France, 1952. [Mythes et religions; 29.] [Русский перевод: Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.]

Dumézil, Georges. Romans de Scythie et d'alentour. Paris: Payot, 1978. [Русский перевод: Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / сокр. пер. А. З. Алмазовой. М.: Наука, 1990.]

Eliade, Mircea. Histoire des croyances et des idées religieuses. Paris: Payot, 1976. 3 vol. [Русский перевод: Элиаде М. История веры и религиозных идей / пер. Н. Н. Кулаковой и др. М., 2008–2009. 3 т.]

Faure, Paul. Alexandre. Paris: Fayard, 1985. [Русский перевод: Фор, Поль. Александр Македонский / пер. с фр. И. И. Маханькова. М., 2001.]

Field, Henry; Prostov, Eugene. Archaeological investigations in Central Asia, 1917–1937 // *Ars Islamica.* 5 (1938). P. 233–271.

Ghirshman, Roman. Perse: Proto-Iraniens, Mèdes, Achéménides. Paris: Gallimard, 1963. [L'Univers des formes, 5.]

Ghirshman, Roman. Iran: Parthes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962. [L'Univers des formes; 3.]

Ghirshman, Roman. L'Iran: des origines à l'Islam. Paris: A. Michel, 1976. [L'Évolution de l'humanité.]

Gignoux, Philippe. L'enfer et le paradis d'après les sources pehlevies // *Journal Asiatique.* 256 (1968). P. 219–245.

Gignoux, Philippe. L'inscription de Kartir à Sar Masshad // *Journal Asiatique.* 256 (1968). P. 387–418.

Gignoux, Philippe. Corps osseux et âme osseuse: essai sur le chamanisme dans l'Iran ancien // *Journal Asiatique.* 267 (1979). P. 41–80.

Gignoux, Philippe. L'apport scientifique des chrétiens syriaques à l'Iran sassanide // *Journal Asiatique.* 289 (2001). P. 217–236.

Gnoli, Gherardo. Zoroaster's time and homeland: a study on the origins of Mazdeism and related problems. Naples: Istituto universitario orientale, 1980. [Series minor / Istituto universitario orientale, Seminario di studi asiatici; 7.]

Gnoli, Gherardo. Zoroaster in history. New York: Bibliotheca Persica Press, 2000. [Biennial Yarshater lecture series; no. 2.]

Grakov, B. N. Die Skythen / übers. aus d. Russ. u. wissenschaftl. Red.: Alexander Hausler. Berlin: Deutscher Verlag d. Wiss., 1978. [Русский оригинал: Граков Б. Н. Скифы. Науч.-попул. очерк. М., 1971.]

Grignasci, Mario. Quelques spécimens de la littérature sassanide conservés dans les bibliothèques d'Istanbul // *Journal Asiatique.* 254 (1966). P. 1–142.

Grillot-Susini, Françoise; Herrenschmidt, Clarisse; Malbran-Labat, Florence. La version élamite de la trilingue de Behistun: une nouvelle lecture // *Journal Asiatique*. 281 (1993). P. 19–59.

Grillot-Susini, Françoise. Les textes de fondation du palais de Suse // *Journal Asiatique*. 278 (1990). P. 213–222.

Herrenschmidt, Clarisse. Le *xwetodas* ou mariage «incestueux» en Iran ancien // *Epouser au plus proche: inceste, prohibitions et stratégies matrimoniales autour de la Méditerranée*. Sous la dir. de Pierre Bonte. Paris: Ed. de l'École des hautes études en sciences sociales, 1994. [Civilisations et sociétés; 89.] P. 113–125.

Hicks, Jim. Les Perses / traduit de l'anglais par Noëlle Jaudeau. Amsterdam: Time-Life international, 1975. [Les Origines de l'homme.]

History of civilizations of Central Asia. Paris: Unesco, 1992–

Israël, Gérard. Cyrus le Grand: fondateur de l'Empire perse. Paris: Fayard, 1987.

Kellens, Jean. Le panthéon de l'Avesta ancien. Wiesbaden: Reichert, 1994.

Kellens, Jean. L'âme entre le cadavre et le paradis // *Journal Asiatique*. 283 (1995). P. 19–56.

Kellens, Jean. Interrogation // *Journal Asiatique*. 283 (1995).

Kellens, Jean. Commentaire sur les premiers chapitres du Yasna // *Journal Asiatique*. 284 (1996). P. 37–108.

Kellens, Jean. Considérations sur l'histoire de l'Avesta // *Journal Asiatique*. 286 (1998). P. 451–519.

Kellens, Jean. Zoroastre dans l'histoire ou dans le mythe? À propos du dernier livre de Gherardo Gnoli // *Journal Asiatique*. 289 (2001).

Kellens, Jean. L'idéologie religieuse des inscriptions achéménides // *Journal Asiatique*. 290 (2002). P. 417–464.

Keroran, Monique et al. Une statue de Darius découverte à Suse // *Journal Asiatique*. 260 (1972). P. 235–266.

Labat R. Kastariti. Phraorte et les débuts de l'histoire mède // *Journal Asiatique*. 249 (1961). P. 1–12.

La Vaissière, Étienne de. Histoire des marchands sogdiens. 2e éd. révisée et augmentée. Paris: Collège de France, Institut des hautes études chinoises, 2004. [Bibliothèque de l'Institut des hautes études chinoises; 32.]

Lazard, Gilbert. Un texte persan sur la légende de Gayomart // *Journal Asiatique*. 244 (1956). P. 201–216.

Les inscriptions de la Perse achéménide. Trad. du vieux perse, de l'élamite, du babylonien et de l'araméen, présenté et annoté par Pierre Lecoq. Paris: Gallimard, 1997. [L'Aube des peuples.]

Liu, Xu. Biography of An Lu-shan / translated and annotated by Howard Seymour Levy. Berkeley: University of California Press, 1960. [Chinese dynastic histories translations; 8.]

Lukonin, V. G. Kunst des alten Iran / Übertragung aus dem Russischen: Sabine Grebe. Leipzig: Seemann, 1986. [Seemann-Beiträge zur Kunstwissenschaft.] [Русский оригинал: Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977.]

Maillard, Monique. A propos de deux statuettes en terre rapportées par la mission Otani: Sarapis et Harpocrates en Asie Centrale // *Journal Asiatique.* 263 (1975). P. 223–230.

Maricq, André. La grande inscription de Kaniska et l'Étéo-Tokharien. L'ancienne langue de la Bactriane // *Journal Asiatique.* 246 (1958).

Menasce, Jean de. Notes iraniennes // *Journal Asiatique.* 237 (1949). P. 1–6.

Menasce, Jean de. Mythologie de la Perse // *Mythologies de la Méditerranée au Gange: préhistoire, Égypte, Sumer, Babylone, Hittites, Sémites, Grèce, Rome, Perse, Inde.* Sous la direction de Pierre Grimal. Paris: Larousse, 1963. P. 202–218.

Minns, Ellis Hovell. Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine. Cambridge: Cambridge University Press, 1913.

Mithraic studies: proceedings of the... International Congress of Mithraic studies. Manchester. 1971 (1975)

Molé, Marijan. Le problème zurvanite // *Journal Asiatique.* 247 (1959). P. 431–470.

Molé, Marijan. La structure du premier chapitre du Videvdāt // *Journal Asiatique.* 239 (1951). P. 283–298.

Molé, Marijan. Le partage du monde dans la tradition iranienne // *Journal Asiatique.* 240 (1952). P. 455–464.

Molé, Marijan. La naissance du Monde dans l'Iran préislamique // *Sources Orientales.* 1 (1959). P. 322.

Molé, Marijan. Le jugement des morts dans l'Iran préislamique // *Sources Orientales.* 4 (1961). P. 145–175.

Molé, Marijan. Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien: le problème zoroastrien et la tradition mazdéenne. Paris: Presses universitaires de France, 1963. [Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études. 69.]

Molé, Marijan. Daéna, le pont Cinvat et l'initiation dans le Mazdéisme // *Revue de l'histoire des religions.* 158 (1960). P. 155–185.

Mongait, A. L. Archaeology in the USSR / translated and adapted by M. W. Thompson. Harmondsworth: Penguin Books, 1961. [Русский оригинал: *Монгайт А. Л.* Археология в СССР. М., 1955.]

Monnot, Guy. Pour le dossier arabe du mazdéisme zurvanien // *Journal Asiatique.* 268 (1980). P. 233–257.

Nomades et sédentaires en Asie centrale: apports de l'archéologie et de l'ethnologie. Actes du 3e Colloque franco-soviétique sur l'archéologie de l'Asie centrale, Alma Ata, Kazakhstan, 17–26 octobre 1987. Textes réunis par H.-P. Francfort. Paris: éd. du Centre national de la recherche scientifique, 1990.

Nyberg, Henrik Samuel. Die Religionen des alten Iran / Deutsch von H. H. Schaeder. Leipzig: J.C. Hinrichs verlag, 1938. [Mitteilungen der Vorderasiatisch-egyptischen Gesellschaft; 43.]

L'or des Amazones: peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C.–IVe siècle apr. J.-C.: exposition, Paris, Musée Cernuschi... 16 mars – 15 juillet 2001. Catalogue sous la dir. de Véronique Schiltz / trad. du russe par Véronique Schiltz. Paris: Paris musées; Suilly-la-Tour: Findakly, 2001.

Oxus: tesori dell'Asia centrale. Catalogo della Mostra tenuta a Roma nel 1993–1994. Roma: De Luca, 1993.

Palou, Jean; Palou, Christiane. La Perse antique. Paris: Presses universitaires de France, 1962. [Que sais-je ?]

Pigoulevskaia, N. V. Les Villes de l'État iranien aux époques parthe et sassanide: contribution à l'histoire sociale de la Basse antiquité. Préface et traduction de Claude Cahen. Paris, La Haye: Mouton et Cie, 1963. [Русский оригинал: *Пигулевская Н. В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л., 1956.]

Pirart, Eric. Le nom des Perses // *Journal Asiatique.* 283 (1995). P. 57–68.

Pirart, Eric. Le sacrifice humain: Réflexions sur la philosophie religieuse indo-iranienne ancienne // *Journal Asiatique.* 284 (1996). P. 1–36.

Puech, Henri-Charles. Le Manichéisme, son fondateur, sa doctrine. Paris: Civilisations du Sud, 1949.

Puech, Henri-Charles. Le Manichéisme // *Histoire des religions.* Sous la direction d'Henri-Charles Puech. Paris: Gallimard, 1970–1976. Vol. 2. 1972. P. 523–545.

Rice, Tamara Talbot. Les Scythes / traduit de l'anglais par Maurice Vieuga. Paris: Arthaud, 1958. [Русский перевод: Райс Т. Т. Скифы: строители степных пирамид. М., 2009.]

Rolle, Renate. Die Welt der Skythen: Stutenmelker und Pferdeboegner, ein antikes Reitervolk in neuer Sicht. Luzern, Frankfurt/M.: Bucher, 1980.

Rostoutzeff, M. I. L'Art gréco-iranien // *Revue des arts asiatiques*. VII (1931–1932). P. 202–222.

La Route de la soie: les arts de l'Asie centrale ancienne dans les collections publiques françaises: exposition, Paris, Grand Palais, 10 février – 29 mars 1976. Paris: Éditions des Musées nationaux, 1976.

Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

Rudenko, S. I. Frozen tombs of Siberia: the Pazyryk burials of Iron Age horsemen / translated from the Russian and with a preface by M. W. Thompson. London: Dent, 1970. [Русский оригинал: Культура населения Горного Алтая в скифское время.]

Schiltz, Véronique. Les Scythes et les nomades des steppes: VIIIe siècle avant J.-C.–Ier siècle après J.-C. Paris: Gallimard, 1994. [L'univers des formes; 39.]

La Sérinde, terre d'échanges: art, religion, commerce du Ier au Xe siècle. Actes du colloque international, XIVes Rencontres de l'École du Louvre, Paris, 13–14–15 février 1996. Paris: la Documentation française, 2000. [Rencontres de l'École du Louvre.]

Sérinde, terre de Bouddha: dix siècles d'art sur la route de la soie. Exposition, Paris, Galeries nationales du Grand Palais, 24 octobre 1995 – 19 février 1996. Catalogue réd. par Jacques Giès,... et Monique Cohen. Paris: Réunion des musées nationaux, 1995.

La seta e la sua via: esposizione, Roma, Palazzo delle esposizioni, 23 gennaio – 10 aprile 1994. Ideazione e cura Maria Teresa Lucidi. Roma: Ed. de Luca, 1994.

Söderblom, Nathan. La vie future d'après le mazdéisme, à la lumière des croyances parallèles dans les autres religions: étude d'eschatologie comparée. Paris: E. Leroux, 1901. [Annales du Musée Guimet; 9.]

Staviskij, B. J. La Bactriane sous les Kushans: problèmes d'histoire et de culture / trad. du russe par P. Bernard, M. Burda, F. Grenet, P. Leriche. Éd. revue et augm. Paris: J. Maisonneuve, 1986. [Русский оригинал: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.]

Stronach, David. Description and Comment // Kervran, Monique et al. Une statue de Darius découverte à Suse // *Journal Asiatique*. 260 (1972). P. 241–247.

Tafazzoli, Ahmad. Notes pehlevies // *Journal Asiatique*. 258 (1970). P. 87–94; 260 (1972). P. 267–276.

Tajadod, Nahal. «Mani, le Bouddha de Lumière»: catéchisme manichéen chinois. Paris: les Éd. du Cerf, 1990. [Sources gnostiques et manichéennes; 3.]

Turcan, Robert. Mithra et le mithriacisme. Paris: les Belles lettres, 1993. [Histoire; 24.]

Vallat, François. L'inscription cunéiforme trilingue // Kervran, Monique et al. Une statue de Darius découverte à Suse // *Journal Asiatique*. 260 (1972). P. 247–251.

Varenne, Jean. Iran préislamique // *Dictionnaire des mythologies et des religions des sociétés traditionnelles et du monde antique*. Sous la dir. de Yves Bonnefoy. Paris: Flammarion, 1981. V. I. P. 574–586.

Varenne, Jean. Zarathustra et la tradition mazdéenne. Paris: Éditions du Seuil, 1966. [Matres spirituels. 35.]

Varenne, Jean. Zoroastre, le prophète de l'Iran. Paris: Éd. Dervy, 1996. [L'essence du sacré.]

Vermaseren, Maarten Jozef. Mithras, the secret god / translated from the Dutch by Therese and Vincent Megaw. London: Chatto & Windus, 1963.

Vermaseren, Maarten Jozef. Mithra, ce dieu mystérieux / trad. du néerlandais par Monique Léman et Louise Gilbert. Paris; Bruxelles: Ed. Sequoia, 1960. [Le livre Sequoia. Religions; 201.]

Verstandig, André. Histoire de l'empire Parthe, 250–227. Bruxelles: le Cri, 2001. [Histoire.]

Whitfield, Roderick. The art of central Asia: the Stein Collection in the British Museum. Tokyo: Kodansha, 1982–1985. –

Widengren, Geo. Die Religionen Irans. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1968. [Die Religionen der Menschheit. 14.] [Французский перевод: *Widengren, Geo.* Les Religions de l'Iran / traduit de l'allemand par Laurent Jospin. Paris: Payot, 1968.]

Yoyotte, Jean. Les inscriptions hiéroglyphiques: Darius et l'Égypte // Kervran, Monique et al. Une statue de Darius découverte à Suse // *Journal Asiatique*. 260 (1972). P. 253–266.

ИСЛАМСКИЙ ИРАН

Рассказы о путешествиях

Boyle, John A. The Journey of Het'um I, King of Little Armenia, to the Court of the Great Khan Möngke // *Central Asiatic Journal*. 9 (1964).

Chardin, Jean. Voyage de Paris à Ispahan. Paris: Maspero, 1983. [La Découverte; 64–65.]

González de Clavijo, Ruq. La Route de Samarkand au temps de Tamerlan. Relation du voyage de l'ambassade de Castille à la cour de Timour Beg: 1403–1406 / traduite et commentée par Lucien Kehren. Paris: Imprimerie nationale, 1990. [Voyages et découvertes.] [Русский перевод: *Клавихо, Руи Гонсалес де.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / пер. со староисп., предисл. и коммент. И. С. Мироновой. М.: Наука, 1990.]

Gobineau, Arthur de. Trois ans en Asie (de 1855 à 1858). Paris: L. Hachette, 1859. Переиздание: Paris: B. Grasset, 1923.

Loti, Pierre. Vers Ispahan... Saint-Cyr-sur-Loire: C. Pirot, 1988. [Autour de 1900; 7.]

Ricoldo da Montecroce. Pérégrination en Terre sainte et au Proche-Orient; Lettres sur la chute de Saint-Jean-d'Acre / trad. et éd. par René Kappler. Paris: H. Champion, 1997. [Textes et traductions des classiques français du Moyen âge; 4.]

Olearius, Adam. Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie, et Perse... / traduit de l'allemand par A. de Wicquefort, resident de Brandebourg. A Paris, chez Jean Du Puis, ru S. Jacques, à la Couronne d'or. 1666. [Русский перевод: *Олеарий, Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. А. М. Ловягина. СПб.: А. С. Суворин, 1906.]

Polo, Marco. Le devisement du monde. Édité, présenté, annoté par René Kappler. Paris: Imprimerie nationale, 2004. [Voyages et découvertes.] [Русский перевод: *Поло, Марко.* Книга о разнообразии мира / пер. И. Минаева. М.: 2005.]

Tavernier, Jean-Baptiste. Les six voyages de Turquie et de Perse. Paris: F. Maspero, 1981. [La découverte; 32.]

Переводы некоторых персидских текстов

Abdu'l Baha. Les leçons de Saint-Jean-d'Acre / traduites du persan par Hippolyte Dreyfus. Paris: Presses universitaires de France, 1970. [Русский

перевод: *Абдул-Баха*. Ответы на некоторые вопросы. СПб.: Изд. фонд бахаи «Единение», 1995.]

Attar, Farid al-Din. Le Mémorial des saints / traduit d'après le ougour par A. Pavet de Courteille. Paris: Éditions du Seuil, 1976. [Points. Sagesses; 6.] [Русский перевод: *Амтар, Фарид ад-дин*. Тазкират ал-аулия, или Рассказы о святых / пер. О. Васильевой. М., 2005.]

Attar, Farid al-Din. Le Livre de l'épreuve: Musbatnama / traduit du persan par Isabelle de Gastines. Paris: Fayard, 1981. [L'Espace intérieur; 24]

Attar, Farid al-Din. Le Langage des oiseaux / traduit du persan par Garcin de Tassy. Paris: Sindbad, 1982. [La Bibliothèque persane.] Первое издание: Paris: Impr. impériale, 1857. [Русский перевод: *Амтар, Фарид ад-дин*. Логика птиц / пер. с перс. Мостафа Борзуи. М., 2009.]

Attar, Farid al-Din. Le Livre divin [Elahi-Namek] / traduction française de Fuad Rouhani. Paris: A. Michel, 1961. [Spiritualités vivantes. Série Islam.]

Baha'Ullah. Le livre de la Certitude / trad. française du persan par Hippolyte Dreyfus. 3ème éd. Paris: Presses universitaires de France, 1965. [Русский перевод: *Бахаулла*. Китаб-и Икан / акад. перевод с персидского Ю. А. Иоаннесяна. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.]

Djami, Abd al-Rahman ibn Ahmad Nur al-Din. Youssouf et Zouleikha / trad. pour la première fois du persan en français par Auguste Brictoux. Paris: Paul Geuthner, 1927. [Les joyaux de l'Orient; 5.] [Русский перевод: Юсуф и Зулейха // *Джамии, Абдурахман*. Избранное. Из книги поэм / пер. с фарси В. Державина и С. Липкина. М.: Худож. лит., 1964.]

Djami, Abd al-Rahman ibn Ahmad Nur al-Din. Le Béharistan / traduit pour la première fois du persan en français par Henri Massé. Paris: P. Geuthner, 1925. [Les joyaux de l'Orient.] [Русский перевод: *Джамии, Абдурахман*. Весенний сад (Бахаристан) / пер. с таджик. (фарси) М. Занда. Душанбе: Ирфон, 1964.]

Juvayni, Ala al-Din Ata Malik ibn Muhammad. The history of the World-Conqueror / translated from the Persian text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1958. [Русский перевод: *Джувейни, Ала-ад-Дин Ата-Мелик*. Чингисхан: История завоевателя Мира / пер. с англ. Е. Е. Харитоновна. М.: Магистр-пресс, 2004.]

Firdawsi, Abu al-Qasim. Le Livre des Rois / publié, traduit et commenté par M. Jules Mohl et C. Barbier de Meynard. Paris: Impr. royale [puis nationale], 1838–1878. 7 vol. [Collection orientale.] [Русский перевод:

Фирдоуси, Абу-аль-Касим. Шах-наме: науч.-критич. текст. В 9 т. М.: Наука, 1991.]

Firdawsi, Abu al-Qasim. Le Livre des rois: Shâhnâmè / traduit du persan par Jules Mohl; extraits choisis et revus par Gilbert Lazard. Paris: Sindbad, 1979. [Bibliothèque persane; 7.]

Hafiz. L'amour, l'amant, l'aimé: cent ballades du «Divân» / choisies, traduites du persan et présentées par Vincent Mansour Monteil. Paris: Sindbad: UNESCO, 1989. [Collection Unesco d'oeuvres représentatives. Série persane.] [Русский перевод: Хафиз. Диван. М., 1998.]

Hafiz. Vingt poèmes de Hafiz / traduits du persan par Henri Massé. Alger, 1932.

Hudud al-'Alam. The regions of the world. A Persian geography, 372 A.H.—982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. London: Luzac & Co., 1937. [Частичный русский перевод: Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского. С введ. и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930.]

Khayyat, Omar. Les Quatrains / nouvelle traduction littérale, suivie de notes et de la concordance du texte persan en transcription par M. M. Fouladvan. Paris: Éd. G.-P. Maisonneuve, Besson et Chantemerle, 1960. [Русский перевод: Омар Хайям. Рубай / пер. с фарси В. Державина. М.: Худож. лит., 1972.]

Khayyat, Omar. Les Roubayates / traduit du persan par J.-B. Nicolas. Adaptation par J.-P. Vibert et Pierre Seghers. Paris: Seghers, 1974.

Khayyam, Omar. Les Quatrains / trad. par Vincent Monteil // *Revue des études islamiques*. 38 (1970).

Ibn al-Munawar, Muhammad. Les étapes mystiques du shaykh Abu Sa'id: mystères de la connaissance de l'Unique = Asrar al Tawhid fi Maqâmât e al shaykh Abu Said / traduction du persan et notes par Mohammad Achena. Paris: Desclée De Brouwer, 1974. [Collection Unesco d'oeuvres représentatives. Série persane.]

Anthologie persane: XIe—XIXe siècles / éd. par Henri Massé. Paris: Payot, 1950. [Bibliothèque historique.]

Tadhkirat al-muluk: a manual of Safavid administration. Persian text in facsimile / translated and explained by V. Minorsky. London: Luzac, 1943. [E. J. W. Gibb memorial series. New series; XVI.]

Nasafi, Abd al-Aziz ibn Muhammad al-. Le Livre de l'homme parfait / trad. du persan par Isabelle de Gastines. Paris: Fayard, 1984. [L'Espace intérieur; 30.]

Naser-e Hosrow. Le livre réunissant les deux sages / trad. du persan, introd. et notes par Isabelle de Gastines. Paris: Fayard, 1990. [L'Espace intérieur; 40.]

Nizam al-Mulk. Traité de gouvernement: composé pour le sultan Malik Chah / traduit du persan et annoté par Charles Schefer. Paris: Sindbad, 1985. [La bibliothèque persane; 11.] [Русский перевод: *Низам-ал-мульк*. Сиасет-намэ: Книга о правлении вазира XI столетия Низам-ал-мулька / Пер. Б. Н. Заходера. М.-Л., 1949.]

Nezami-e Gangavi. Le roman de Chosroès et Chirin / traduit du persan par Henri Massé. Paris: G.-P. Maisonneuve V et Larose, 1970. [Collection Unesco d'oeuvres représentatives. Série persane. Bibliothèque des oeuvres classiques persanes; 2.] [Русский перевод: Низами Гянджеви. Хосров и Ширин / Пер. К. Липскерова // *Низами Гянджеви*. Собр. соч. В 3 т. Баку, 1991. Т. 1.]

Nezami-e Gangavi. The story of Layla and Majnun / translated from the Persian and edited by Dr. R. Gelpke; English version in collaboration with E. Mattin & G. Hill. Oxford: Cassimer, 1966. [Русский перевод: Низами Гянджеви. Лейли и Меджнун / пер. Т. Стрешневой // *Низами Гянджеви*. Собр. соч. в 3 т. Баку, 1991. Т. 2.]

Nezami-e Gangavi. Makhzanol asrar = The treasury of mysteries / transl. for the first time from the persian, with an introductory essay on the life and times of Nezami by Gholam Hosein Darab. London: Arthur Probsthain, 1945. [Probsthain's oriental series; 27.] [Русский перевод: Низами Гянджеви. Сокровищница тайн / Пер. К. Липскерова // *Низами Гянджеви*. Собр. соч. В 3 т. Баку, 1991. Т. 1.]

Rashid al-Din Tabib, Fazil Allah. The successors of Genghis Khan / translated by John Andrew Boyle. New York; London: Columbia U.P., 1971. [Unesco. Collection of representative works. Persian heritage series.]

Rumi, Djalâl-ud-Din. Le Livre du dedans / traduit du persan par Eva de Vitray-Meyerovitch. Paris: Sindbad, 1976. [Bibliothèque persane. Collection Unesco d'œuvres représentatives. Série persane.]

Rumi, Djalâl-ud-Din. Odes mystiques / traduction du persan et notes par Eva de Vitray-Meyerovitch et Mohammad Mokri. Paris: Éd. Klincksieck, 1973. [Collection Unesco d'œuvres représentatives. Série persane.]

Rumi, Djalâl-ud-Din. The Mathnawi of Jalalu'ddin Rumi / edited from the oldest manuscripts available, with critical notes, translation, and commentary by Reynold A. Nicholson. London: Luzac, 1925–1940. 8 v. [E. J. W. Gibb memorial series. 4, pt. 1-8. New series.] [Русский перевод: *Руми, Джалалиддин*. Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле») / пер. с перс. О. Ф. Акимовкина и др. СПб., 2007–2010.]

Saadi. Le jardin des roses: Gulistan / trad. et préf. de Omar Ali Shah. Paris: Albin Michel, 1991. [Spiritualités vivantes; 92.] [Русский пере-

вод: *Saadi*. Гулистан / Критич. текст, перевод, предисл. и примеч. Р. М. Алиева. М., 1959.]

Saadi. Boustan ou le Verger: poème persan / traduit pour la première fois en français avec une introduction et des notes par A. C. Barbier de Meynard. Paris: E. Leroux, 1880. [Collection Ernest Leroux; 1.] [Русский перевод: *Саади*. Бустан. Лирика / Пер. с перс. В. Державина, А. Старостина. М., 1962.]

Anthologie de la poésie persane, XIe–XXe siècle. Textes choisis par Z. Safâ, traduits par Gilbert Lazard, Roger Lescot et Henri Massé. Paris: Gallimard, 1964. [Collection Unesco d'œuvres représentatives. Série persane.]

Suhrawardi, As-Sihab ad Din ya'qub b. Habas al-Maqtul. L'Archange empourpré: quinze traités et récits mystiques / trad. du persan et de l'arabe, présentés et annotés par Henry Corbin. Paris: Fayard, 1976. [Documents spirituels; 14.]

Zahir al-Samarqand, Muhammad ibn 'Ali al-. Le Livre des sept vizirs = Sendbâdnameh / traduit du persan par Dejan Bogdanovich. Paris: Sindbad, 1976. [Collection Unesco d'œuvres représentatives. Série persane. Bibliothèque persane.] [Русский перевод: *аз-Захири ас-Самарканди, Мухаммад*. Синдбад-наме / пер. с перс. М. Н. Османова. М.: Изд. вост. лит., 1960.]

Переводы некоторых неиранских текстов

Avicenne. Livre des directives et remarques / trad. avec introd. et notes par A.-M. Goichon. Beyrouth: Commission internationale pour la traduction des chefs d'œuvre; Paris: J. Vrin, 1951. [Collection d'œuvres arabes de l'UNESCO.] [Русский перевод: *Ибн-Сина*. Указания и наставления // *Ибн-Сина*. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980.]

Babur. Le livre de Babur: mémoires de Zahiruddin Muhammad Babur de 1494 à 1529 / trad. du turc tchaghatay par Jean-Louis Bacqué-Grammont. Paris: Publ. orientalistes de France, 1980. [D'étranges pays. Collection Unesco d'œuvres représentatives. Série Asie centrale.] [Русский перевод: *Бабур, Захиреддин Мухаммед*. Бабур-наме. Записки Бабура / пер. М. Салье. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1958.]

Biruni, Muhammad ibn Ahmad. The book of instruction in the elements of the art of astrology / the translation facing the text by R. Ramsay Wright. London: Luzac & co., 1934. [Русский перевод: *ал-Бируни, Абу-Рейхан-Мухаммед ибн-Ахмед*. Книга вразумления начаткам науки о звездах / пер. Б. А. Розенфельда и А. Ахмедова // *аль-Бируни, Абу-*

Рейхан-Мухаммед ибн-Ахмед. Избранные произведения. Ташкент: Фан, 1957–1986. 7 т. Т. 6. 1975.]

Histoire de Mar Jabalaha III, patriarche des Nestoriens (1281–1317) et du moine Rabban Sauma, ambassadeur du roi Argoun en Occident (1287). Trad. par Chabot, Jean-Baptiste // *Revue de l'Orient latin*. I (1894) et II (1895). [Русский перевод: История мар Ябалахи III и раббан Саумы // *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.]

Ghazali, Muhammad ibn Muhammad Abu Hamid al-. IhYa'Oulom Ed-din, ou Vivification des sciences de la foi / trad. par G. H. Bousquet. Paris: Maisonneuve, 1955. [Русский перевод: *Газали, Абу Хамид Мухаммед*. Возрождение религиозных наук. Ихйа' 'улум ад-дин) / пер. И. Р. Насырова, А. С. Ацаева. М.: Нуруль Иршад, 2007.]

Ghazali, Muhammad ibn Muhammad Abu Hamid al-. O jeune homme. Traduit par Toufic Sabbagh. Beyrouth, Impr. catholique, 1951. [Русский перевод: *Газали, Абу Хамид Мухаммед*. Письмо к ученику Аййуха-л-валад [знай, о возлюбленное дорогое дитя...]. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2008.]

Hayton, prince. La fleur des Histoires de la terre d'Orient / trad. par Christiane Deluz // *Croisades et pèlerinages: récits, chroniques et voyages en Terre sainte XIIe–XVIe siècle*. Éd. établie sous la dir. de Danielle Régnier-Bohler. Paris: R. Laffont, 1997. [Bouquins.] P. 803–880.

Ibn Battūtah, Muhammad ibn 'Abd Allah. Voyages d'Ibn Batoutah / texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti. Paris: Imprimerie Impériale, 1853–1859. 4 vol. [Collection d'ouvrages orientaux.] Переиздание: Paris: F. Maspero, 1982.

Ibn Khaldoun, 'Abd al-Rahman ibn Mohammad. Les Prolégomènes Historiques d'Ibn Khaldoun / traduits en français par William MacGuckin de Slane. Paris: Typographie de Firmin Didot, 1868. [Частичный русский перевод: Ибн-Халдун. Введение (фрагменты) // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. М., 1961.]

Mas'ūdi, 'Al ibn al-Husayn al-. Les prairies d'or / texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris: Impr. nationale, 1861–1917. 4 vol. [Collection d'ouvrages orientaux.] [Русский перевод: *Масуди, Абу-л Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн Али ал-*. Золотые копи и россыпи самоцветов: История Аббасидской династии (749–947 гг.) / пер. с араб. Д. В. Микульского. М., 2002.]

Исследования

Allen, Terry. A catalogue of the toponyms and monuments of Timurid Herat. Cambridge, Mass.: Aga Khan Program for Islamic Architecture at Harvard University and the Massachusetts Institute of Technology, 1981. [Studies in Islamic architecture; no. 1.]

Anquetil, Jacques. Routes de la soie: des déserts de l'Asie aux rives du monde occidental. Vingt-deux siècles d'histoire. Paris: J.-C. Lattès, 1992. [Route de la soie. Soie — Industrie et commerce — Histoire.]

Aubin, Jean. Études séfévides I. Sah Ismaï'l et les notables de l'Iraq persan // *Journal of the economic and social history of the Orient.* 2/1 (1959). P. 37–81.

Aubin, Jean. La fin de l'état Sarbadâr du Khorassan // *Journal Asiatique.* 262 (1974). P. 95–118.

Aubin, Jean. Le khanat de Djaghataï et le Khorassan (1334–1380) // *Turcica.* 8/2 (1976). P. 16–60.

Aubin, Jean. Comment Tamerlan prenait les villes // *Studia Islamica.* 19 (1963). P. 82–122.

Bacqué-Grammont, Jean-Louis. Études turco-safavides I: notes sur le blocus du commerce iranien par Selim Ier // *Turcica.* 6 (1975). P. 68–88.

Ballanfat, Paul. De l'aspiration à l'amour: L'éducation soufie chez 'Umar Suhrawardi et 'Izz al-din Kâshâni // *Journal Asiatique.* 285 (1997). P. 325–361.

Le Conflit Irak-Iran: 1979–1989. Sous la dir. de Paul Balta. Paris: la Documentation française, 1989. [Notes et études documentaires / la Documentation française.]

Barkechli, Mehdi. La musique traditionnelle de l'Iran: Les systèmes de la musique traditionnelle de l'Iran (Radif) / avec transcription en notation musicale occidentale par Moussa Ma'aroufi. Téhéran: Secrétariat d'état aux beaux-arts, 1963.

Barry, Mike. Faïences d'azur. Paris: Impr. nationale éd., 1995.

Bartol'd, V. V. Four studies on the history of Central Asia: Volume II, Ulugh-Beg / translated from the Russian by V. and T. Minorsky. Leiden: E. J. Brill, 1959. [Русский оригинал: *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. // *Бартольд, В. В.* Соч. В 9 т. М., 1963–1977. Т. 2, Ч. 2. 1964. С. 23–196.]

Bloch, Edgar. Les Inscriptions de Samarkand. Paris: E. Leroux, 1897.

Boissel, Jean. L'Iran moderne. Paris: Presses universitaires de France, 1975. [Que sais-je ?]

Bosworth, Clifford Edmund. The Ghaznavids: their empire in Afghanistan and Eastern Iran, 994–1040. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1963.

Bouvat, Lucien. Essai sur la civilisation Timouride. Paris: Imprimerie nationale, 1926.

Boyle, John Andrew. The Mongol world empire, 1206–1370. London: Variorum Reprints, 1977.

Brière, Claire; Blanchet, Pierre. Iran, la révolution au nom de Dieu. Paris: Éditions du Seuil, 1979. [L'Histoire immédiate.]

Briquel-Chatonnet, Françoise; Jullien, Christelle; Jullien, Florence; Moulin Paliard, Christine; Rashed, Marwan. Lettre du patriarche Timothée à Maranzekha, évêque de Ninive // *Journal Asiatique*. 288 (2000). P. 1–13.

Browne, Edward Granville. A literary history of Persia. London: T. Fisher Unwin. 4 vol. 1902–1930. Переиздание: Cambridge [England]: University Press, 1959–1964.

Bussagli, Mario. La peinture de l'Asie Centrale / traduit de l'italien par Isabelle Robinet. Genève: Skira, 1963. [Les Trésors de l'Asie.]

Cahen, Claude. L'Islam. 1, Des origines au début de l'empire ottoman. Paris: Bordas, 1970. [Histoire universelle. 14.]

Chabbi, Jacqueline. Réflexions sur le soufisme iranien primitif // *Journal Asiatique*. 266 (1978). P. 37–56.

Chaunu, Pierre. L'expansion européenne du XIIIe au XVe siècle. Paris: Presses universitaires de France, 1969. [Nouvelle Clío; 26.]

Corbin, Henry. En Islam iranien: aspects spirituels et philosophiques. Paris: Gallimard, 1971–1972. 4 vol. [Bibliothèque des idées.]

Corbin, Henry. Corps spirituel et terre céleste: de l'Iran mazdéen à l'Iran shiite. 2 éd., révisée. Paris: Buchet-Chastel, 1979. [Collection La Barque du soleil.]

Corbin, Henry. L'Iran et la philosophie. Paris: Fayard, 1990. [L'Espace intérieur; 39.]

Corbin, Henry. L'homme de lumière dans le soufisme iranien. Chambéry; Barberaz: Éd. Présence, 1971. [Le soleil dans le cœur; 4.]

Histoire des Arméniens = Hayoc' Patmut'iwn. Sous la direction de Gérard Dédéyan. Toulouse: Privat, 1982.

During, Jean. Musique et extase: l'audition mystique dans la tradition soufie. Paris: A. Michel, 1988. [Spiritualités vivantes.]

Efendiev, Oktaj. Le rôle des tribus de langue turque dans la création de l'État safavide // *Turcica*. 6 (1975). p. 24–33.

Elisséeff, Nikita. Thèmes et motifs des *Mille et une nuits*: essai de classification. Beyrouth: Institut français de Damas, 1949.

Ettinghausen, Richard. La Peinture arabe / traduit par Yves Rivière. Genève: Skira, 1962. [Les Trésors de l'Asie. 4.]

Fouchécour, Charles Henri de. La description de la nature dans la poésie lyrique persane du XIe siècle: inventaire et analyse des thèmes. Paris: C. Klincksieck, 1969. [Travaux de l'Institut d'études iraniennes de l'Université de Paris 3; 4.]

Narshakhi, Muhammad ibn Jafar. The history of Bukhara: translated from a Persian abridgment of the Arabic original by Narshakhi / translated into English with notes by Richard N. Frye. Cambridge, Mass: Medieval Academy of America, 1954. [Publications Mediaeval Academy of America; 61.]

Frye, Richard N. The Role of Abu Muslim in the «Abbasid Revolt» // *Muslim World.* 37 (1947). P. 28–38.

Gardin, Jean-Claude. Lashkari Bazar: une résidence royale ghaznévide. 2, Les Trouvailles: céramiques et monnaies de Lashkari Bazar et de Bust. Paris: C. Klincksieck, 1963. [Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan; 18.]

Gibb, Hamilton Alexander Rosskeen. The Arab conquests in Central Asia. London: The Royal Asiatic Society, 1923.

Golombek, Lisa; Wilber, Donald. The Timurid architecture of Iran and Turan. Princeton: Princeton University Press, 1988. 2 vol. [Princeton monographs in art and archaeology; 46.]

Gray, Basil. La Peinture persane / traduit de l'anglais par Yves Rivière. Genève: Skira, 1961. [Les Trésors de l'Asie; 2.]

Hackin, Joseph. Les Idoles du Kafiristan // *Artibus Asiae.* 4 (1926). P. 258–262.

Haider, Mansura. The sovereign in the Timurid state (XIVth–XVth centuries). // *Turcica.* 8/2 (1976). P. 61–84.

Hameed-ud-Din. Les Afghans à la conquête du pouvoir en Inde // *Journal Asiatique.* 250 (1962). P. 191–214.

Heyd, Wilhelm. Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age. Éd. française refondue et considérablement augm. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1959.

Halm, Heinz. Die Schia. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988.

Mohammad ibn Ahmad 'Al al-Nasawi, Chihab al Din. Histoire du sultan Djelal-ed-Din Mankobirti, prince du Kharezme / traduit de l'arabe par O. Houdas. Paris: E. Leroux, 1895. [Publications de l'École des langues

orientales vivantes. 3e série; 10.] [Русский перевод: *Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / пер. З. М. Буниятова. М.: Вост. лит., 1996.]

Hulsewe, Anthony Francois Paulus. China in central Asia: the early stage, 125 B.C.–A.D. 23. An annotated translation of chapters 61 and 96 of *The history of the former Han dynasty*. Leiden: Brill, 1979. [Sinica Leidensia; 14.]

Kehren, Lucien. Tamerlan: l'empire du seigneur de fer. Neuchâtel: Éd. de la Baconnière, 1978.

Kevorgian, Anne-Marie; Sicre, Jean-Pierre. Les Jardins du désir: sept siècles de peinture persane. Paris: Phébus, 1983.

Khansari, Mehdi; Moghtader, M. Reza; Yavari, Minouch. The Persian garden: echoes of paradise. Washington, DC: Mage Publishers, 1998.

Kissling, Hans Joachim. Sâh Ismaï'l Ier, la nouvelle route des Indes et les Ottomans // *Turcica*. 6 (1975). P. 89–102.

Kütükoglu, Bekir. Les relations entre l'empire ottoman et l'Iran dans la seconde moitié du XVIe siècle // *Turcica*. 6 (1975). P. 128–145.

Kwanten, Luc. Imperial nomads: a history of Central Asia, 500–1500. Leicester: Leicester University Press, 1979.

Lewis, Bernard. Les Assassins: terrorisme et politique dans l'Islam médiéval / traduit de l'anglais par Annick Pélissier. Bruxelles: Éd. Complexe, 1984. [Historiques; 3.]

Lewis, Bernard. Saladin and the Assassins // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 15 (1953). P. 239–245.

Lockhart, Laurence. Nadir Shah: a critical study based mainly upon contemporary sources. London: Luzac, 1938.

Mamedov, Azizaga. Le plus ancien manuscrit du divan de Shah Ismail Khatayi // *Turcica*. 6 (1975). P. 11–23.

Maricq, André; Wiet, Gaston. Le minaret de Djam: la découverte de la capitale des sultans ghorides (XIIe–XIIIe siècles). Paris: C. Klincksieck, 1959. [Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. 16.]

Massé, Henri. Croyances et coutumes persanes. Paris: G.-P. Maisonneuve, 1938. [Les littératures populaires de toutes les nations: nouvelle série; 4, 6.]

La civilisation iranienne: Perse, Afghanistan, Iran extérieur. Collaborateurs: A. Aymard et al. Paris: Payot, 1952. [Bibliothèque historique.]

Massignon, Louis. Le rôle du génie iranien dans la présentation de l'idée et dans la formation du vocabulaire technique arabe de la civilisation isla-

mique // *Massignon, Louis*. Opera minora. 1, Islam en général et culture islamique. Beyrut: Dar al-Maaref, 1963. P. 527–533.

Massignon, Louis. Salman Pak et les prémices spirituelles de l'Islam iranien // *Bulletin de la société des études iraniennes*. 7 (1934).

Massignon, Louis. Valeur culturelle internationale de la coopération des penseurs iraniens au Moyen Âge à l'essor de la civilisation arabe // *L'Âme de l'Iran*. Sous la dir. de René Grousset, Louis Massignon et Henri Massé. Paris: A. Michel, 1951. P. 75–99.

Melikian-Chirvani, Assadullah Souren. Le roman de Varqe et Golsah // *Arts asiatiques*. 22 (1970). Numéro spécial (p. 1–262).

Melikoff, Irène. Abu Muslim: le «Porte-hache» du Khorasan dans la tradition épique turco-iranienne. Paris: Adrien Maisonneuve, 1962.

Melikoff, Irène. Le Problème Kizil bach // *Turcica*. 6 (1975).

Minorsky, Vladimir. La Perse au XVe siècle entre la Turquie et Venise. Paris: E. Leroux, 1933. [Publications de la Société des études Iraniennes et de l'art persan; no. 8.]

Mokri, Mohammad. Recherches de kurdologie: contribution scientifique aux études iraniennes. Paris: Klincksieck, 1970. [Collection Langue et civilisation iraniennes: Textes et études religieux, linguistiques et ethnographiques; 3.]

Mouton, Jean-Michel. Saladin: le sultan chevalier. Paris: Gallimard, 2001. [Découvertes Gallimard: histoire; 409.]

Neamet Ullah. History of the Afghans / translated from the Persian by Bernhard Dorn. London, Santiago de Compostela: Susil Gupta, 1965. Переиздание: Karachi: Indus Publications, 1976.

Nikitine, Basile. Les Kurdes: étude sociologique et historique. Paris: Imprimerie nationale: Klincksieck, 1956.

Öztelli, Cahit. Les œuvres de Hatâyi // *Turcica*. 6 (1975). P. 7–10.

A Survey of Persian art from prehistoric times to the present. Ed. by Arthur Upham Pope. 7 vol. Tokyo: Meiji-Shobo, 1964–2005.

Rabino, Hyacinth-Louis. Les Provinces caspiennes de la Perse: le Guilhân. Paris: E. Leroux, 1917.

Richard, Jean. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen âge: XIIIe–XVe siècles. Rome: École française de Rome, 1977. [Collection de l'École française de Rome; 33.]

Richard, Yann. L'Islam chi'ite: croyances et idéologies. Paris: Fayard, 1991.

Roux, Jean-Paul. Tamerlan. Paris: Fayard, 1991. [Русский перевод: Ру, Жан-Поль. Тамерлан / пер. Е. А. Соколова. М.: Молодая гвардия, 2004. Жизнь замечательных людей.]

Roux, Jean-Paul. Babur: histoire des grands Moghols. Paris: Fayard, 1986.

Roux, Jean-Paul. La femme turque médiévale // *Erdem*. 13/5 (1989). P. 169–226; 18/6 (1990). P. 659–691, 693–724.

Roy, Olivier. La nouvelle Asie centrale ou La fabrication des nations. Paris: Éd. du Seuil, 1997.

Sachedina, Abdulaziz Abdulhussein. Islamic messianism: the idea of Mahdi in twelver Shi'ism. Albany: State University of New York Press, 1981.

Sachedina, Abdulaziz Abdulhussein. The just ruler (al-sultan al-adil) in Shi'ite Islam: the comprehensive authority of the jurist in Imamite jurisprudence. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998.

Sadighi, Gholam Hossein. Les Mouvements religieux iraniens au IIe et au IIIe siècle de l'hégire: thèse pour le doctorat d'Université. Paris: Les Presses modernes, 1938.

Sahebjam, Freidoune. L'Iran des Pahlavis. Paris: Berger-Levrault, 1966.

Sarwar, Ghulam. History of Shah Isma'il Safawi. Aligarh, India: Sarwar, 1939.

Le shi'isme imâmite: colloque de Strasbourg, 6–9 mai 1968. Paris: Presses universitaires de France, 1970. [Bibliothèque des centres d'études supérieures spécialisés. Travaux de centre d'études supérieures spécialisé d'histoire des religions de Strasbourg.]

Smith, John Masson (Jr.). The History of the Sarbadar dynasty 1336–1381 A.D. and its sources. The Hague; Paris: Mouton, 1970.

Spuler, Bertold. Iran in früh-islamischer Zeit: Politik, Kultur, Verwaltung und öffentliches Leben zwischen der Arabischen und der seldschukischen Eroberung 633 bis 1055. Wiesbaden: F. Steiner, 1952. [Akademie der Wissenschaften und der Litteratur, Veröffentlichungen der orientalischen Kommission; 2.]

Spuler, Bertold. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. 3. Auflage. Berlin: Akademie-Verlag, 1968.

Stchoukine, I. V. La Peinture iranienne sous les derniers Abbâsides et les Il-Khâns. Bruges: Impr. Sainte Catherine, 1936.

Trimingham, John Spencer. The Sufi orders in Islam. Oxford: Clarendon Press, 1971.

Wilber, Donald Newton. Contemporary Iran. Thames & Hudson, 1963. [History and its making series.]

Iranian ceramics. Catalogue of an exhibition selected by Charles K. Wilkinson. Shown in the galleries of Asia House. New York: Distributed by H.N. Abrams, 1963.

Woods, John E. The Aqqyunlu: clan, confederation, empire. A study in 15th/9th century Turko-Iranian politics. Minneapolis & Chicago: Bibliotheca Islamica, 1976. [Studies in Middle Eastern history; 3.]

ГЛОССАРИЙ

Авеста. Совокупность священных книг маздеистов.

Агнейский. Иранский язык Синьзьяна, возможно, некогда распространенный в местности Агни (Карашар), раньше называвшийся тохарским А.

Аджеми. Древняя форма слова, ставшего словом *фарси* — «персидский».

Айван. Большое сводчатое помещение, обычно с сомкнутым сводом, целиком открытое с одной стороны

Ападана. Гипостильный зал в ахеменидском Иране, служивший приемным залом.

Аргпат. Комендант крепости в древнем Иране, позже маршал империи.

Ашура. День большого траура и публичных проявлений скорби в память о смерти Хусейна в Кербеле (10 число месяца *мухаррам*, первого месяца в году).

Аятолла. «Знамение Бога». Духовное лицо высокого ранга, соответствующее муфтию в суннизме.

Барсом. Пучок связанных прутьев, который в древнем Иране символизировал растительную природу жертвоприношений.

Гаты. «Песни». Древнейшие маздеистские тексты, приписываемые Заратуштре.

Гулямы. «Белые рабы» по-персидски. Это слово эквивалентно арабскому «мамлюк», имеющему более широкое применение.

Гунбад. Мавзолей в форме башни, накрытой куполом (от армянского *кемпет*).

Дар ал-ислам. «Дом ислама». Часть мира, находящаяся под мусульманским владычеством.

Дар ал-харб. «Дом войны». Часть мира, не находящаяся под мусульманским владычеством.

- Дари.** Разновидность языка *фарси*, распространившаяся в Средней Азии. Это слово вышло из употребления и заменено словом «таджикский».
- Даэна (даяна).** Девушка, которая ведет душу умершего маздеиста в рай и представляет собой не что иное, как его душу или одну из его душ.
- Двунадесятники.** Шииты, признающие двенадцать имамов, последний из которых — скрытый, и они ждут, когда он вернется в качестве махди.
- Дехкане.** Знать, господа, особенно в древней Согдиане.
- Джами.** Мечеть, точнее — большая мечеть (иногда называется *масджид-и джума, джами-масджид* и т.д.).
- Джизья.** Налог; подушная подать, которой облагались иудеи и христиане и которую ввели еще в Медине.
- Джихад.** Священная война против неверных. Позже, под влиянием мистиков, это слово могло получать значение «усилие, направленное против самого себя» («Большой джихад»). Исламская республика устроила строительный джихад.
- Диван.** Стихотворный сборник. (Это слово может означать также «ведомство».)
- Дэвы.** Демоны в древнем Иране.
- Зенд.** Сборник комментариев к Авесте.
- Зимми.** Люди, которым мусульмане оказывают покровительство — иудеи, христиане, даже маздеисты, — и которые несут налоговые повинности.
- Икта.** Ненаследуемый лен у сельджуков.
- Имам.** «Предводитель». Тот, кто руководит общей молитвой в мечети. В шиизме — законный и непогрешимый глава общины, потомок Али и Фатимы. Ныне скрыт. Вернется в конце времен. В 1979 г. этот титул был дан аятолле Хомейни.
- Имамзаде.** «Сыны Имама». Священные места иранских шиитов.
- Исмаилиты.** Шииты, признающие семь имамов. Отличаются особым экстремизмом. Также называются семиричниками.
- Кади.** Судья, судящий по мусульманскому закону.
- Калам.** Мусульманская теология, по преимуществу наука и философия.
- Катиб.** Писец, в расширительном толковании — чиновник.

- Кибла.** Направление на Мекку, куда поворачивается каждый мусульманин для молитвы, обозначаемое в любом храме *михрабом*.
- Кучанский.** Иранский язык, на котором говорили в Куче, раньше называвшийся тохарским Б.
- Кушанский.** Восточный иранский язык, на котором говорили в Кушанской империи в I–V вв.
- Кхароштни.** Письмо, происходившее от греческого и применявшееся кушанами.
- Кяриз.** Подземный ирригационный канал.
- Маг.** При Сасанидах — жрец маздеистской религии.
- Магупат.** Глава магов, «магистр». (По-персидски — *мобед*.)
- Мазар.** Могила; мавзолей — в последнем смысле по преимуществу в Средней Азии.
- Мамлюки.** Белые рабы (мы бы скорее сказали «желтые», поскольку они были моголоидами). Набиравшиеся в основном среди кочевников Средней Азии, они служили наемниками в исламских странах и иногда достигали высших постов. Суверены мамлюкских династий в Египте и в Индии.
- Масджид.** Мечеть. Качественных оттенков это слово не имеет, но чаще всего означает квартальную мечеть.
- Мауля.** Неараб, обратившийся в ислам. Особенно широко этот термин использовался в первые годы хиджры.
- Махди.** «Ведомый верным путем, дорогой Аллаха», мессия. Тот, кто придет в конце времен, чтобы восстановить царствие справедливости и истины. У суннитов иногда отождествляется с Иисусом. У шиитов — всегда со скрытым имамом.
- Медресе** (в Магрибе — **медерса**). «Место, где учатся». Высшая школа, учебный и научный центр. Там можно преподавать любую науку, но прежде всего там преподают теологию, поэтому сегодня *медресе* представляется по преимуществу религиозным заведением.
- Минбар.** Кафедра для проповеди.
- Мирадж.** Ночное вознесение, путешествие Пророка на небо.
- Михраб.** Пустая ниша, указывающая направление на Мекку (кибла), куда поворачиваются для молитвы.
- Мобедан мобед.** Верховный глава поздней маздеистской церкви.
- Муджахид.** Тот, кто ведет священную войну (*джихад*).

- Мукарны.** «Сталактиты» или «пчелиные соты». Небольшие ячейки в несколько рядов, выполняющие функцию тропов или чисто декоративные.
- Мулла.** От арабского *мулла* — «учитель». В Иране это слово означает клирика, «священнослужителя» двенадцатиричного шиизма.
- Муфтий.** Толкователь закона, который дает юридические советы и издает постановления (*фетвы*).
- Новруз.** Новый год, весной. Большой праздник в древнем Иране, отмечается и в наши дни.
- Пахлави.** Термин, означающий «среднеперсидский»: язык времен Сасанидов.
- Пештак.** «Экран», поднимающийся выше прилегающих стен и обрамляющий вход.
- Пир.** «Учитель», глава братства; почти то же самое, что *шейх*.
- Пирей.** Алтарь огня у древних иранцев.
- Пушту.** Иранский язык Афганистана, говорят на нем и в Пакистане.
- Саошьянт.** Ожидаемый Спаситель в маздеизме.
- Семиричники.** Шииты, признающие только семь *имамов*, последний из которых — скрытый. Более всех удалены от мусульманской ортодоксии. Называются также исмаилитами.
- Согдийский.** Восточный иранский язык, на многие века превратившийся в Азии в «лингва-франка».
- Сунна.** Традиция, основанная на абсолютном почитании Корана и хадисов; по-французски «суннизм».
- Суфий.** Человек, практикующий суфизм, мусульманский мистик.
- Таджик.** Слово, которым обозначали сперва арабов, потом мусульман неарабского происхождения и, наконец, ираноязычных жителей восточных земель, даже живущих в городах Ирана.
- Тазия.** Выражение соболезнований в связи со смертью Хусейна и соответственно оплакивание мучеников, которое сопровождается проявлениями отчаяния, самобичеванием и показом «мистерий».
- Такийя.** Сокрытие, мысленная оговорка: практикующие ее утаивают нечто, чтобы избежать преследования.
- Тарикат.** «Путь», которым надо следовать. В более широком смысле — братство, которое следует этим путем.
- Тасаввуф.** Мусульманская мистика, суфизм.
- Улемы.** Ученые, просвещенные люди. Поскольку ученость характерна в основном для духовенства — исламские клирики.

- Умма.** Сообщество мусульман, не ограничиваемое государственными границами.
- Урду.** Язык, возникший в Индии на основе фарси и местных наречий.
- Фаласафа.** Название греческой философии в исламе.
- Фана.** Растворение человека в божестве.
- Фарси.** Язык местности Фарс, ставший персидским.
- Фетва.** Юридический совет. Постановление, принятое религиозными властями.
- Фидаи.** «Те, кто жертвует собой». Люди, жертвующие жизнью во имя веры, чтобы стать *шахидами*.
- Фикх.** Мусульманское право. Суннизм признает четыре несколько различающихся юридических школы.
- Хаджи.** Тот, кто совершил *хадж*, то есть паломничество в Мекку.
- Хадисы.** Предания о действиях и словах Пророка, передающиеся со времен его жизни. Вместе с Кораном образуют сунну.
- Халиф.** Преемник Мухаммада. Высший религиозный и политический глава исламского мира (по преимуществу суннитского).
- Хан.** Первоначально — верховный правитель у тюрков и монголов. По мере снижения значимости этого титула слово «хан» часто стало означать правителя, а потом руководителя невысокого ранга.
- Ханака.** Монастырь.
- Хаома.** «То, что дают». У маздеистов — священная жидкость, предмет подношения огню. Брага бессмертия, отправляющая душу в отпуск.
- Харадж.** Поземельный налог, выплачиваемый иудеями и христианами.
- Харам.** «Священное, запретное». Святое место. Молитвенный зал мечети.
- Хариджиты.** Первые «несогласные» в исламе. Сегодня они образуют небольшие общины, прежде всего в Магрибе.
- Хварно.** «Свет славы». Сияние, которое показывает силу Ахурамазды и пронизывает «арийского» суверена и Иран. Солнечный флюид, содержащийся в водах и исходящий от человеческой головы (нимб).
- Хиджра.** Переселение Мухаммеда в Медину. Отмечает начало мусульманского летоисчисления (622 г.).
- Хутба.** Пятничная проповедь в мечети, произносимая во имя признанной власти.

- Чахар-баг.** «Четыре сада». Принятая в Иране планировка сада в виде четырех секторов, разделенных каналами.
- Шариат.** Мусульманский закон, выраженный прежде всего через посредство Корана — вечного, несотворенного слова Бога.
- Шахада.** Мусульманский символ веры: «Нет бога, кроме Бога, и Мухаммед — посланник Бога».
- Шахид.** Свидетель. Мученик. Тот, кто жертвует собой ради Бога и ислама.
- Шейх.** «Старец». Глава монашеского братства.
- Шиа Али.** «Партия Али»; из этих слов мы сделали слово «шиизм».
- Шиизм.** Движение инакомыслящих в исламе, особо почитающее дочь Пророка Фатиму и ее супруга Али. Разделено на несколько ветвей, две главных из которых — семиричники и двенадцатиричники.
- Шуубия.** Движение, выразившее реакцию против арабизма и отстаивавшее традиционные ценности Ирана.
- Эрпат.** Чтец и толкователь священных маздеистских текстов. В более широком смысле — «жрец».
- Ягнобский.** Восточный иранский язык, в котором сохранилось много от согдийского.
- Яса.** Свод законов Чингисхана, во многом обязанный тюрко-монгольским традициям степных народов.
- Ясна.** Маздеистский гимн почитания.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абага (1234–1282), ильхан Ирана с 1265 г. 270
- Аббас I Великий (1571–1629), шах Ирана с 1588 г. 288, 308, 314, 315, 317, 318, 319
- Аббас II (1632–1667), шах Ирана с 1642 г. 319
- Аббас III, номинальный шах Ирана в 1732–1736 гг. 321
- Аббас ибн Абд ал-Мутталиб (566–662), дядя пророка Мухаммеда 199
- Аббасиды, род 199, 201, 202, 204, 206, 207, 209, 210, 217, 218, 234, 239, 240, 244, 269
- Абд Аллах Хатифи (ум. 1521), персидский поэт 308
- Абд ал-Валид, халиф в 692–705 гг. 198
- Абд ал-Малик ибн Нухр (944–961), эмир Трансоксании с 954 г. 225
- Абдаллах ибн ал-Мубарак из Мерва (ум. 797), среднеазиатский суфий 215
- Абдаллах ибн Тахир, наместник Хорасана в 828–844 гг. 221
- Абдишо (IX–X в.), епископ Мервский 226
- Абдул-Баха (1844–1921), лидер бахаитов 328, 334
- Абд ар-Рахман-хан (ок. 1864–1901), эмир Афганистана с 1880 г. 341
- Абд ар-Рахман ас-Суфи (903–986), иранский астроном и математик 259, 297
- Абу Абдаллах ал-Баттани (до 858–929), иранский астроном и математик 211
- Абу Абдаллах Муиззи (1048/1049–1127), персидский поэт 256
- Абу Бакр (572–634), халиф с 632 г. 196, 197
- Абу Бакр ар-Рази (865–ок. 925), иранский медик и философ 211
- Абу Закария Яхья ар-Рази (ум. 871), иранский суфий 215
- Абу Мансур ал-Низар (1045–1095), старший сын ал-Мустансира 252
- Абу Мансур ас-Саалиби (961–1037/1038), хорезмский писатель 227
- Абу Машар, Джафар (ок. 775–866), персидский математик и астроном 11, 211
- Абу Муслим (718/719–755), вождь восстания в Хорасане 199, 200, 201, 202, 203, 204
- Абу Мухаммад ал-Харири (1054–1122), арабский писатель 260
- Абу Наср Парса (ум. 1460), среднеазиатский суфий 300 –
- Абу Наср Мухаммад ал-Фараби (873–950), персидский философ 10, 132, 211, 220, 257
- Абу Нувас (ум. 813/815), арабский поэт 207
- Абу Саид (1305–1336), ильхан Ирана с 1316 г. 271, 282
- Абу Саид (967–1049), персидский поэт и суфий 233

- Абу Сеид (1424–1469), правитель государства Тимуридов с 1452 г. 290, 291, 292
- Абу Сулейман ад-Дарани (ум. 830), арабский суфийский богослов 215
- Абу Хашим из Куфы (ум. 758), один из основателей суфизма 214
- Абу-л Аббас ал-Фаргани (ум. после 861), среднеазиатский астроном 211
- Абу-л Хасан Али аш-Шазили (1196–1258), суфийский шейх 254
- Абу-л Хасан ан-Нури (ум. 907), иранский суфий 215
- Абу-л Хасан ибн Бутлан (ум. 1063), арабский медик 249
- Абу-л Хайджа Абдаллах, наместник Мосула с 905 г. 220
- Абу-л Хайр (1412–1468), хан узбеков с 1428 г. 291, 300
- Абу-л Фазл Балами (ум. 974), государственный деятель при Саманидах 230
- Абу-л Фазл Бейхаки, (ок. 995–1077), иранский историк 258
- Абу-л Фарадж ал-Исфахани (897–967), иранский поэт и филолог 260
- Август, Октавиан (63 до н. э. – 14 н. э.), римский политический деятель 140, 151
- Августин, Аврелий (354–430), св., богослов и философ 10, 12, 155
- Аверроэс (Ибн Рушд) (1126–1198), арабский философ 257
- Авиценна (Ибн Сина) (980–1037), персидский врач и философ 10, 11, 132, 211, 227, 232, 233, 257, 308
- Аврелиан, Луций Домиций (214–275), римский император с 270 г. 134
- Ага Мухаммад (1741–1797), шах Ирана с 1796 г. 321, 322, 325
- Ага-хан IV, Карим (р. 1936), имам исмаилитов 251
- Аглабиды, род 216
- Адриан, Публий Элий (76–138), римский император с 117 г. 141
- Адуд ад-даула (936–983), амир ал-умара с 976 г. 223, 234
- Аз, царь саков в 30–10 до н. э. 146
- Азармидухт, дочь Хосрова II, царица Ирана в 631–632 гг. 165
- Айбег, монгольский посол на Лионском соборе в 1248 г. 273
- Айюб, Наджм-ад-дин (ум. 1173), арабский полководец 244, 245
- Айюки (XI в.), персидский поэт 259
- Акбар I Великий (1542–1605), падишах Индии с 1556 г. 288, 314
- Ак-Сункур ал-Хаджиб (ум. 1094), правитель Халеба с 1084 г. 243
- Ала ад-дин ал-Кушчи (1403–1474), среднеазиатский математик и астроном 297
- Ала ад-дин Мухаммад II (1169–1220), хорезмшах с 1200 г. 247, 263, 264, 279
- Ала ад-дин Текеш, хорезмшах в 1174–1200 гг. 247
- Ала ад-дин Хусейн (Джахан-Суз) (ум. 1161), правитель из рода Гуридов 229
- Альванд, правитель государства ак-коюнлу в 1498–1504 гг. 304
- Александр Македонский (356–323 до н. э.), царь Македонии 9, 17, 20, 49, 51, 52, 80, 81, 83, 93, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 129, 130, 133, 146, 174, 175, 177, 196, 231, 232
- Алексей I Комнин (1056/1057–1118), император Византии с 1081 г. 241
- Али ибн Абу Талиб (600–661), халиф с 656 г., первый шиитский имам 197, 205, 210, 251, 252, 303, 305, 206, 323
- Али ибн Буйех (Бувайх) (891/892–949), основатель династии Буидов 222
- Али ибн Мухаммад (ум. 883), вождь восстания зинджей в Южном Ираке 204
- Алиатт, царь Лидии в 610–561 до н.э. 39, 48
- Алобэнь (Авраам) (VII в.), несторианский миссионер в Китае 190
- Алп-Арслан (1029–1072), султан государства Сельджукидов с 1063 г. 238, 240, 241
- Алп-Тегин (ум. 963), основатель государства Газневидов 227
- Алтунташ (ум. 1032), хорезмшах с 1017 г. 228, 247

- Альбуини, Джерардо, итальянский миссионер в Китае с 1311 г. 274
- Аманулла-хан (1892–1960), в 1919–1926 гг. эмир Афганистана, в 1926–1929 гг. король 341
- Аместрида (IV в. до н.э.), дочь и жена Артаксеркса II 84
- ал-Амин (787–813), халиф с 809 г. 205, 220
- Амир Хосров Дехлеви (1253–1325), индийско-персидский поэт и музыкант 281, 295
- Амитис (VI в. до н.э.), мидийская царевна, жена Навуходоносора II 46
- Аммиан Марцеллин (ок. 330–после 395), римский историк 135, 171, 172
- Амр ибн Лайс (ум. 902), правитель Систерана в 879–900 гг. 221
- Анахарсис (ок. 605–545 до н.э.), скифский философ 51, 52
- Андре де Лонжюмо (ум. ок. 1253), французский дипломат 272, 273
- Андрей Перузский, итальянский миссионер в Китае с 1311 г. 274
- Анна Бретонская (1477–1514), королева Франции в 1491–1498 гг. и с 1499 г. 288
- Анвери, Авхад ад-Дин (ум. около 1187), персидский поэт-панегирист 256
- Антигон I Одноглазый (384–301 до н.э.), диадох 121, 122
- Антиох I Сотер (323–261 до н.э.), царь государства Селевкидов с 280 до н.э. 126
- Антиох II Теос (286–246 до н.э.), царь государства Селевкидов с 261 до н.э. 126
- Антиох III Великий (241–187 до н.э.), царь государства Селевкидов с 223 до н.э. 127, 129, 137
- Антиох IV Епифан (ок. 215–164 до н.э.), царь государства Селевкидов с 175 до н.э. 128, 130
- Антиох XIII Дионис Каллиник, царь государства Селевкидов в 69–64 до н.э. 129
- Антиох I (86–34 до н.э.), правитель Комманы с 69 до н.э. 144
- Антипатр (397–319 до н.э.), македонский полководец 112, 121, 122, 125
- Антийон, Марк (83–30 до н.э.), римский полководец и политический деятель 140
- Ануш-Тегин (ум. 1097), правитель Хорезма с 1077 г. 227
- Ань Лушань (ок. 703–757), китайский полководец, мятежник 187, 188, 202
- Ань Сингуй (нач. VII в.), китаец на иранской службе 187
- Ань Тун (ум. 429), китаец на иранской службе 187
- Ань Шигао (II – начало III в.), буддийский наставник в Китае 189
- Ань Юань (ум. 435), китаец на иранской службе 187
- Апама (ум. ок. 300 до н.э.), жена Селевка I 124
- Аполлодот, царь Греко-Бактрийского царства в 180–160 до н.э. 130
- Араби, Мухаммад ибн (1165–1240), арабский суфийский богослов 215
- Арама, правитель Урарту в 859–844 гг. до н.э. 37
- Арахи (ум. 521 до н.э.), предводитель восстания в Вавилоне 85
- Аргун (1250/1255–1291), ильхан Ирана с 1284 г. 270, 274
- Аргун-ака, монгольский наместник Хорасана в 1243–1255 гг. 267
- Ардашир I (ок. 180–241), царь Ирана с 224 г. 152, 153, 163, 164, 166, 167, 171, 172
- Ардашир II, царь Ирана в 379–383 гг. 172, 173
- Ардис, царь Лидии в 645–624 до н.э. 48
- Ариарамна, правитель Персии в 640–560 до н.э. 50, 68
- Ариобарзан II, царь Понта в 363–337 до н.э. 125
- Аристей из Проконнеса (VII или VI в. до н.э.), древнегреческий путешественник и поэт 126

- Аристид (540–467 до н.э.), афинский государственный деятель 78
- Аристотель (384–322 до н.э.), древнегреческий философ 52, 59, 69, 123, 210
- Арриан, Луций Флавий (86–160), римский историк 116
- Арридей (Филипп III), царь Македонии в 323–317 до н.э. 121
- ал-Арсати, хорезмский математик 227
- Арслан Джазиб (XI в.), газневидский полководец 235
- Арслан Исраил (ум. 1032), сын Сельджука 229
- Арслан-хан, правитель государства Караканидов в 1102–1130 гг. 242
- Артабан I, царь Парфии в 214–196 до н.э. 129 137
- Артабан II, царь Парфии в 128–124 до н.э. 138
- Артабан III, царь Парфии в 12–44 гг. 136, 140
- Артабан V, царь Парфии в 213–227 гг. 141, 153
- Артабан (V в. до н.э.), командир гвардии Ксеркса I и его убийца 78
- Артакеркс I, царь Персии в 465–424 до н.э. 79, 83, 87
- Артакеркс II (ок. 445–359 до н.э.), царь Персии с 404 до н.э. 71, 79, 84, 87, 89, 99, 125
- Артакеркс III, царь Персии в 358–338 до н.э. 80, 84, 87, 118
- Арташес (Артаксий) I, царь Великой Армении в 189–159 до н.э. 127
- Арташесиды, род 128
- Аршак I (ум. ок. 217 до н.э.), основатель династии Аршакидов 137
- Аршакиды, род 13, 127, 129, 137, 138, 139, 140, 141, 146, 153, 162, 163, 166, 168, 171, 174
- Аршама, сын Ариарамны, правитель Персии до 522 до н.э. 50, 68
- Асад ибн Саман (IX в.), Саманид 223
- Асади из Туса (ум. 1071), персидский поэт 232
- Асархаддон, царь Ассирии в 680–669 до н.э. 35, 39, 45
- ас-Саффах (722–754), халиф с 750 г. 204
- Астиаг, царь Мидии в 585–550 до н.э. 44, 48, 50, 68, 69, 114
- Асцелин Кременский (XIII в.), папский посол к монголам 273
- Ататюрк, Мустафа Кемаль (1881–1938), президент Турции с 1923 г. 333, 334, 336
- Атосса (IV в. до н.э.), дочь и жена Артаксеркса I 84
- Атсыз, Ала ад-дин (1097/1105–1156), хорезмшах с 1127 г. 247
- Аттар, Фарид ад-дин (1142–1230), иранский мистик и поэт 233, 253, 254, 256
- Аттила (ум. 453), вождь гуннов 60, 143
- Аурангзеб (1618–1707), падишах Индии с 1658 г. 314
- Ахей Младший (ум. 213 до н.э.), полководец Антиоха III, мятежник 127
- Ахемениды, род 7, 13, 20, 42, 49, 50, 68, 73, 74, 80, 87, 89, 99, 107, 111, 112, 113, 116, 118, 119, 120, 124, 126, 133, 136, 144, 146, 149, 152, 161, 171, 173, 179, 234, 244, 308, 333
- Ахли Ширази (ок. 1460–1536), персидский поэт 308
- Ахмад ан-Нахаванди, астроном 211
- Ахмад-хан Дуррани (ум. 1773), шах государства Дуррани с 1747 г. 322, 323, 324, 339
- Ахмед ар-Рифаи (ум. 1183), иранский богослов 255
- Ахмед Джалаир, султан государства Джалаиридов в 1382–1410 гг. 281, 289, 290
- Ахмед ибн Асад, наместник Ферганы в 819–864 гг. 223
- Ахмед ибн Бувайх (ум. 967), амир ал-умара с 945 г. 222
- Ахмед ибн Исмаил, эмир Трансоксании в 907–914 гг. 225
- Ахмед Ясави (1103–1166), тюркский поэт и суфий 242, 299
- Ашина Хэлу, князь тугу в 653–657 гг. 61
- Ашраф-шах (1700–1732), шах Ирана с 1725 г. 320

- Ашшурбанипал, царь Ассирии в 669 – ок. 627 до н. э. 25, 36
- Ашшурназирпал II, царь Ассирии в 884–859 гг. до н. э. 34
- Афонс де Албукерки (1453–1515), португальский мореплаватель и полководец 304, 310, 311, 328
- Азий, Флавий (ум. 454), римский полководец и политический деятель 135
- Б**
- Баб (Саид Али Мухаммад) (1819/1820–1850), основатель бабизма 329, 330
- Бабек (789–838), вождь восстания в Азербайджане 203
- Бабур (1483–1530), падишах Индии с 1526 г. 227, 288, 289, 292, 293, 294, 295, 300, 301, 302, 313, 314
- Багарат (I в.), иудей, армянский государственный деятель 168
- Багой (ум. 336 до н. э.), персидский придворный, убийца Артаксеркса III 80
- Бадр ад-дин Лулу, правитель Мосула в 1222–1259 гг. 268
- Базрангиды, род 152
- Байбарс I (1223/1225–1277), мамлюкский султан Египта с 1260 г. 270
- Байджу, монгольский наместник Ирана в 1241–1256 гг. 268
- Байду, ильхан Ирана в 1295 гг.
- Байсонкур-мирза (1397–1433), государственный деятель государства Тимуридов 289, 296
- Балаш, царь Ирана в 484–488 гг. 158
- Бань Чао (32–102), китайский полководец 184
- Бань Юн (ум. 128), китайский полководец 185
- Баракзай, род 340
- Баргатен из Меца, телохранитель великого хана 272
- Барзани, Мустафа (1903–1979), курдский политический лидер 337
- Баркиярук ибн Малик-шах (1080–1104), султан государства Сельджукидов с 1094 г. 242, 245
- Бармакиды, род 204, 207, 208, 211
- Барсина (ок. 363–309 до н. э.), наложница Александра Македонского 121
- Бартольд Василий Владимирович (1869–1930), российский востоковед 264
- Бар-Эбрей, Григорий Иоанн (1226–1286), сирийский историк и богослов 276
- Баха ад-дин Накшбанд (1317–1389), основатель суфийского ордена Накшбандии 279
- Бахаулла (Мирза Хусейн Али Нури) (1817–1892), основатель бахаизма 328, 330
- Бахрам I, царь Ирана в 273–276 гг. 155
- Бахрам II, царь Ирана в 276–293 гг. 155, 157, 172
- Бахрам III, царь Ирана в 293 г. 157
- Бахрам V Гур, царь Ирана в 421–438 гг. 157, 162, 166, 169, 170, 232
- Бахрам VI 168
- Бахрам Чубин (ум. 591), он же Бахрам VI (590), иранский полководец, мятежник 161, 168, 169
- Бахрам-шах, правитель государства Газневидов в 1118–1152 гг. 229
- Бачаи Сакао, Хабибулла (1890–1929), узурпатор власти в Афганистане 342
- Башшар ибн Бурд (714–783), иранский арабоязычный поэт 213
- Баязид II (1447–1512), султан Османской империи с 1481 г. 309
- Баязид (Абу Язид ал-Бистами) (804–874), иранский суфий 215
- Беленицкий Александр Маркович (1904–1993), советский востоковед 178
- Берке (1209–1266), правитель Золотой орды с 1256 г. 269
- Бёрнс, Александр (1805–1841), английский дипломат и путешественник 340
- Бертло, Рене (1872–1960), французский философ 107
- Бесс (ум. 329 до н.э.), сатрап Бактрии 118
- Бехзад, Кемаль ад-дин (ок. 1450–1520), персидский художник 296, 308
- Бидпай (III–IV в.), индийский баснописец 213

- ал-Бируни, Абу Рейхан (973–1048), хорезмийский философ и математик 11, 14, 195, 200, 228, 232, 233, 238, 308
- Бих Афарид (Бихафарид) (ум. 749), вождь восстания в Нишапуре 201
- Бишр ибн ал-Харис (767–841), иранский суфий 215
- Бойл, Джон Эндрю (1916–1978), английский востоковед 268
- Бойс, Мэри (1920–2006), английская иранистка 99
- Болгай (XIII в.), советник при хане Мунке 277
- Бофети, Пьонно Перричоло (XIII–XIV в.), итальянский дипломат в Иране 273
- Брунеллески, Филиппо (1377–1466), итальянский архитектор 262
- Буало-Депрео, Никола (1636–1711), французский поэт 8
- Бузург Умид, Кийя, глава государства исмаилитов в 1124–1138 гг. 253
- Бунды, род 222, 224, 230, 244
- Бундос (III в.), манихейский мыслитель 158
- Бурани, дочь Хосрова II, царица Ирана в 630–631 гг. 164
- Бускарель (Бускарелло де Гизольфи) (XIII–XIV вв.), генуэзский дипломат на монгольской службе 274
- Бэрри, Майкл А. (р. 1948), американский востоковед 342
- В**
- Вагаршак, царь Армении в 149–128 до н.э. 137
- Валентин (VI в.), византийский дипломат 160
- Валериан I, римский император в 253–260 гг. 153, 172, 241
- Валид II, халиф в 705–715 гг. 198
- Васишка, правитель Кушанского царства в 126–131 гг. 148
- Васко да Гама (1460–1524), португальский путешественник 287, 310, 328
- Вассаф (ум. 1317), иранский историк 281
- Васудева, правитель Кушанского царства в 166–200 гг. 148
- Вологез I, царь Парфии в 51–78 гг. 136, 138, 140, 143
- Вологез III, царь Парфии в 148–191 гг. 138, 141
- Вологез IV, царь Парфии в 191–209 гг. 141
- Вонон I, царь Парфии в 8–12 гг. 136, 140
- Г**
- ал-Газали, Абу Хамид Мухаммад (Альгазель) (1058–1111), иранский суфийский мыслитель 253, 257
- Газан (Махмуд) (1271–1304), ильхан Ирана с 1295 г. 270, 271, 278, 279, 283
- Газневиды, род 228, 229, 230, 236, 239, 247, 250, 258
- Гайхату, ильхан Ирана в 1291–1295 гг. 270
- Гален (129/131–201/216), античный медик 210
- Галерий, римский император в 293–311 гг. 157
- Галлан, Антуан (ок. 1646–1715), французский востоковед и переводчик 213
- Ганнибал Барка (247–183 до н. э.), карфагенский полководец 127
- Гао Сяньчжи (ум. 756), китайский полководец 202
- Гао-цзун (628–683), китайский император с 650 г. 187
- Гарданн, Шарль Матье (1766–1818), французский военный и дипломат 325
- Гаумата (ум. 522 до н. э.), маг, узурпатор власти в Персии 73, 74, 94, 107
- Гаухар-шад (1379–1457), жена Шахруха 299
- Гёкальп, Алтан (1942–2010), турецкий антрополог 307
- Гекатей Милетский (ок. 550–490 до н.э.), древнегреческий историк 179
- Геракл (327–309 до н. э.), сын Александра Македонского 121
- Герард Кремонский (1114–1187), итальянский переводчик с арабского и греческого 211

- Геродот (484–425 до н.э.), древнегреческий историк 9, 24, 34, 37, 39, 42, 43, 44, 51, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 68, 71, 72, 73, 77, 82, 83, 84, 85, 86, 102, 107, 179
- Гигес, царь Лидии в 680–644 гг. до н.э. 37, 39, 48
- Гильом Буше (XIV в.), золотых дел мастер из Каракорума 272
- Гипподам из Милета (498–ок. 408 до н.э.), древнегреческий архитектор 126, 149
- Гиппократ (460–ок. 377 до н.э.), древнегреческий врач 56, 210
- Гиршман, Роман (1895–1979), французский археолог 88, 98
- Гистасп (VI в. до н.э.), отец Дария I 73, 74
- Гияс ад-дин (XV в.), персидский художник и дипломат 296, 308
- Гобادي, Бахман (р. 1969), иранский кинорежиссер 249
- Годар, Андре (1881–1965), французский археолог 316
- Гондофар Сотер, царь саков в 19–45 гг. н.э. 146
- Гонорий IV (ок. 1210–1287), римский папа с 1285 г. 274
- Гордиан III (225–244), римский император с 238 г. 153 172
- Гочихр (II–III вв.), правитель Стахра 153
- Григорий Просветитель (ок. 252–326), епископ Армении 143, 169
- Григорий Турский (538–593), франкский хронист 11
- Груссе, Рене (1885–1952), французский историк 183, 296
- Гульбадан-бегим (1522–1603), персидская мемуаристка 294
- Гупты, род 158, 183
- Гургани, Фахр ад-дин (ум. ок. 1055), персидский поэт 257
- Гурген (Георгий XI) (1651–1709), иранский наместник Кандагара с 1707 г. 319
- Гуриды, род 229, 250
- Гутенберг, Иоганн (1397/1400–1468), немецкий изобретатель 288
- Гуюк (1206–1248), великий хан монголов с 1246 г. 268, 273, 274, 277
- Гюго, Виктор (1802–1885), французский писатель 248
- Д
- Давид, монгольский посол на Кипре в 1248–1249 гг. 273
- Дакики, Абу Мансур Мухаммад (935–980), персидский поэт 230
- Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт и писатель 19, 103, 211, 231
- Дарий I Ахеменид (550–486 до н.э.), царь Персии с 522 до н.э. 11, 20, 51, 59, 67, 73, 74, 75, 76, 77, 83, 84, 87, 88, 89, 94, 175
- Дарий II Ахеменид, царь Персии в 423–404 до н.э. 79, 87
- Дарий III Кодоман (381–330 до н.э.), царь Персии с 336 до н.э. 80, 87, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 136
- Да-Фу (III в.), переводчик буддийских текстов в Китае 189
- Деваштич (ум. 722), царь Пенджикента, 178
- Дейок, царь Мидии в 722–675 до н.э. 43, 44, 48
- Деметрий I Полиоркет (336–283 до н.э.), царь Македонии в 294–288 до н.э. 122, 125, 127
- Деметрий I Сотер (ок. 187–150 до н.э.), царь государства Селевкидов с 162 до н.э. 128
- Деметрий II Никатор (161–125 до н.э.), царь государства Селевкидов в 145–140 и 129–126 до н.э. 129, 138
- Деметрий I, царь Греко-Бактрийского царства в 200–180 до н.э. 129, 130
- Демосфен (384–322 до н.э.), афинский оратор и политический деятель 112
- Денак, царица Ирана ок. 458 г. 164
- Джабир ибн Хайян, Абу Абдаллах (ок. 721–815), арабский алхимик 212
- Джалариды, род 281, 282

- Джамаль-заде, Мухаммад Али (1892–1997), персидский писатель 248
- Джами, Нуриддин Абдуррахман ибн Ахмад (1414–1492), персидский поэт и философ 295, 296, 308
- Джамшуд ал-Каши (1380–1429), среднеазиатский математик и астроном 297, 308
- Джафар ас-Садик (702/703–765), шестой шиитский имам 251, 279
- Джафар ибн Яхья (767–803), визирь багдадского халифа с 797 г. 211
- Джахангир (1569–1627), падишах Индии с 1605 г. 314
- Джахан-Суз см. Ала ад-дин Хусейн 229
- Джаханшах (1397–1467), правитель государства кара-коюнлу с 1439 г. 290, 291, 303
- ал-Джахиз, Абу Осман Амр ибн (775–868), арабский писатель и богослов 110, 204, 207
- Джебе (ок. 1181–ок. 1231), монгольский полководец 264
- Джибраил ибн Бахтишу (VIII в.), лейб-медик халифа 211
- Джилани, Абд ал-Кадир (1078–1166), иранский богослов 255, 256
- Джувеини, Ала ад-дин Ата Малик (1226–1283), иранский историк и государственный деятель 265, 266, 267, 281, 283
- Джувеини, Шамс ад-дин Мухаммад ибн Мухаммад (ум. 1284), иранский государственный деятель на монгольской службе 267
- ал-Джуджани, Минхадж ибн Сирадж (ок. 1193–после 1263), иранский историк 265
- Джунайд, шейх ордена Сафавийа в 1447–1460 гг. 303
- Джучи (ок. 1184–ок. 1227), старший сын Чингис-хана, правитель улуса с 1224 г. 291
- Диль, Шарль (1859–1944), французский византист 162
- Диодор Сицилийский (90–30 до н.э.), древнегреческий историк 66, 86, 133
- Диодот I, царь Греко-Бактрийского царства в 250–230 до н.э. 126, 129
- Диодот II, царь Греко-Бактрийского царства в 248–235 до н.э. 129
- Диоклетян, Гай Валерий Аврелий (245–313), римский император в 284–305 гг. 155
- Диоскорид, Педаний (ок. 40–ок. 90), римский медик и натуралист 210, 260
- Докуз-хатун (XIII в.), старшая жена Хулагу 276
- Дост Мухаммад (1793–1863), эмир Афганистана с 1826 г. 340
- Давид из Эшби, доминиканец, дипломат на иранской службе в 1260–1274 гг. 272
- Дюмезиль, Жорж (1898–1986), французский филолог и мифолог 8
- Дюшен-Гийёмен, Жак (р. 1910), бельгийский иранист 99
- Е**
- Евгений, св. (IV в.) 169
- Евдем Родосский (IV в. до н.э.), древнегреческий философ 99
- Евклид (IV–III в. до н.э.), древнегреческий математик 123, 210
- Евкратид, царь Греко-Бактрийского царства в 164–158 до н.э. 130
- Евтидем I, царь Греко-Бактрийского царства в 235–200 до н.э. 127, 129
- Езник Кохбацци (ок. 380–ок. 450), армянский христианский богослов 99, 106
- Ектапанах, Хасан (р. 1963), иранский кинорежиссер 349
- Елюй Чуцай (1189–1243), киданьский министр на монгольской службе 266
- Ж**
- Жан де Жуанвиль (1223–1317), французский мемуарист 272
- З**
- Заман-шах, шах государства Дуррани в 1793–1799 гг. 340
- Замасп, царь Ирана в 497–499 гг. 159

- Затспрам (IX в.), маздеистский теолог 91
Захир-шах, Мухаммад (1914–2007), король Афганистана в 1933–1973 гг. 341, 342, 343, 344
Земарх (VI в.), византийский дипломат 160
Зенги, Имад ад-дин (1087–1147), эмир Мосула с 1127 г. 243, 244
Зенды, род 322, 326
Зенобия (240–после 274), царица Пальмиры в 266–272 гг. 154
Зих, род 163
Зияд ибн Салих (ум. 751), арабский полководец 201, 202
Зияриды, род 222
Зун-Нун ал-Мисри (ум. 860), египетский суфийский богослов 214, 215
- И**
Ибн ал-Асир (1160–1233/1234), арабский историк 265, 268
Ибн Баттута (1304–1377), марокканский путешественник 61
Ибн Масавайх (вторая половина VIII в.), арабский медик 211
Ибрахим ибн Адхам (ум. 777), среднеазиатский суфий 215
Ибрахим ибн Инал (ум. 1060), сельджукский полководец 240
Ибрахим-паша, Паргали (1493/1494–1536), турецкий полководец и государственный деятель 312
Иван III (1440–1515), великий князь Московский с 1462 г. 288
Иданфирс (VI в. до н. э.), царь скифов 59
Идрисиды, род 216
Иль-Арслан, Таж ад-дин, хорезмшах в 1156–1172 гг. 247
Ильтутмыш, Шамс ад-дин (ум. 1236), султан Делийского султаната с 1211 292
Ильяс ибн Асад, наместник Герата в 819–856 г. 223
Иоанн де Плано Карпини (ок. 1182–1252), итальянский путешественник 273
Иоанн III, епископ Султании с 1398 г. 279
Иоанн VI, багдадский католикос несторианской церкви в 1000–1011 г. 226
Иоанн Златоуст (ок. 347–407), христианский богослов 168
Иоанн из Кора (Кори), архиепископ Султании в 1322–1332 гг. 274, 279
Иоанн из Монтекорвино (1246–ок. 1330), миссионер в Китае, архиепископ Пекинский 274
Иоанн Павел II (1920–2005), римский папа с 1978 г. 17
Иовиан, Флавий Клавдий (330/331–364), римский император с 363 г. 157
Иол (ум. 318 до н. э.), сын Антипатра, вичерпий 121
Иордан (VI в.), готский историк 60
Иосиф Флавий (37–100), еврейский историк 134
Ираклий (575–641), император Византии с 610 г. 161, 162, 169
Ирод I Великий (74/73 до н. э.–4 н. э.), царь Иудеи с 37 до н. э. 42, 140
Иса (1227–1308), монгольский дипломат сирийского происхождения в Китае 272
Иса ибн Муса (ум. 784), наместник Хорасана 204
Исмаил I Сефевид (1486–1524), шах Ирана с 1501 г. 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312
Исмаил II (1533–1577), шах Ирана с 1576 г. 307
Исмаил ибн Ахмед Самани (849–907), эмир Трансоксании с 892 г. 224
Исмаил ибн Джафар (ум. 760), старший сын Джафара ас-Садыка 251
Исмаил ибн Ясар (VIII в.), персидский поэт 207
Исократ (436–338 до н. э.), афинский оратор 111
Истеми (ум. 576), тюркский князь 160, 165
Исхак Тюрк (ум. 757), вождь восстания в Мавераннахре 203
Иустин Философ (ум. 165), святой, христианский богослов 101
Ихшидиды, род 220

- Ишояб I (ум. 596), католикос сирийской церкви 169
- Ишпакай (ум. 673 до н.э.), вождь скифов 41
- Йездигерд I, царь Ирана в 399–420 гг. 106, 157, 168, 170
- Йездигерд II, царь Ирана в 438–457 гг. 157, 168
- Йездигерд III, царь Ирана в 632–651 гг. 162, 196, 210, 303
- Йодок (VII в.), бретонский святой 237
- ## К
- Кавад I (449—531), царь Ирана в 488–497 гг. и с 499 г. 158, 159, 170
- Кавам ад-дин из Ширази (ум. 1438), иранский архитектор 299
- Кавурд Кара-Арслан, князь Кермана в 1041–1075 гг. 239
- Кадак (XIII в.), министр при хане Гуюке 277
- Каджары, род 7, 14, 322, 333
- Казган, эмир Чагатайского улуса в 1346–1357 гг. 283
- Кази-заде ар-Руми (1364–1437), среднеазиатский астроном 297, 300
- Калан (IV в. до н.э.), индийский джайн 119
- Камбис I (ок. 600–559 до н.э.), царь Персии с 580 до н.э. 50, 69
- Камбис II, царь Персии в 530–522 до н.э. 72, 73, 74, 84
- Камбон, Пьер (р. 1955), французский востоковед 148
- Кан Сэн-хуэй (III в.), китайский буддийский миссионер 151
- Кандавл, царь Лидии до 680 г. до н.э. 37
- Канишка I (нач. II в.), царь Кушана 138, 139, 147, 149, 151
- Канси (1654–1722), маньчжурский император Китая с 1662 г. 288
- Кар, Марк Аврелий (224–283), римский император с 282 г. 157
- Кара Юсуф (1357–1420), правитель государства кара-коюнлу с 1389 г. 289, 290
- Каракалла, Септимий Бассиан (188–217), римский император с 211 г. 141
- Караханиды, род 224, 227, 228, 239, 241, 242, 245, 246, 248, 250, 261
- Карим-хан Зенд (ок. 1705–1779), регент Ирана с 1750 г. 321, 322
- Карл Мартелл (686/688–741), майордом франков 194
- Кармат, Хамдан (кон. IX в.), вождь восстания карматов 220
- Картир (Кирдер) (III в.), магупат Ирана 155, 166, 167, 168, 170
- Кассандр (ок. 355–218 до н.э.), царь Македонии с 302 до н.э. 121, 122, 125
- Катран Тебризи (ум. 1072), персидский поэт 256
- ал-Кахир (950–934), халиф с 932 г. 220
- Каэн, Клод (1909–1991), французский востоковед 207
- Кебек, хан Чагатайского ханства в 1320–1326 гг. 283
- Келленс, Жан (р. 1944), бельгийский востоковед-иранист 92, 94
- Киаксар, царь Мидии в 625–585 (или 653–625) до н.э. 44, 45, 47, 48
- Киаростами, Аббас (р. 1940), иранский кинорежиссер 349
- ал-Кинди (ум. ок. 873), арабский философ и математик 212
- Кино, приемная мать Кира II 68
- Кир I, царь Парсушаша и Аншана в 640–600 до н.э. 68
- Кир II Великий (593–530 до н.э.), царь Персии с 559 до н.э. 9, 11, 50, 69, 70, 71, 72, 74, 77, 87, 89, 114, 123, 174
- Кир Младший (ум. 401 до н.э.), младший брат Артаксеркса II 79, 85
- Кириакос Гандзакеци (ок. 1200–1271), армянский историк 269, 276
- Китбуга (ум. 1260), монгольский полководец 269
- Клавдий, Тиберий (10–54), римский император с 41 г. 151
- Клеарх (ум. 401 до н.э.), спартанский полководец на службе Кира Младшего 79
- Клеарх из Сол (IV–III в. до н.э.), древнегреческий философ 126, 131

- Климент Александрийский (ок. 150—ок. 215), христианский богослов 98, 109
- Клиффорд Барни, Лаура (1879—1974), пропагандистка бахаизма 331
- Колумб, Христофор (1451—1506), испанский путешественник 287
- Коперник, Николай (1473—1543), польский астроном 288
- Корбен, Анри (1903—1978), фр. востоковед и философ 17, 95, 110, 254
- Корбулон, Гней Домиций (ок. 7—67), римский полководец 140
- Корнелий Непот (99—24 до н.э.), римский историк 86
- Косыгин, Алексей Николаевич (1904—1980), советский государственный деятель 343
- Красс, Марк Лициний (115—53 до н.э.), римский полководец и политический деятель 139, 163
- Кратер (ок. 370—321 до н.э.), македонский полководец 121
- Крез (595—546 до н.э.), царь Лидии с 561 до н.э. 37, 69, 70
- Крессвелл, Кэппел Арчибальд Кэмерон (1879—1974), английский историк 204
- Ксенофонт (444—356 до н.э.), древнегреческий историк и философ 70, 79, 80, 84, 86
- Ксеркс I (521/519—465 до н.э.), царь Персии с 486 до н.э. 42, 71, 77, 78, 83, 85, 86, 87
- Ксеркс II, царь Персии в 424 до н.э. 79
- Ктесий Книдский (вторая половина V—нач. IV в. до н.э.), древнегреческий историк 70, 73, 83
- Кубра, Наджм ад-Дин (1145—1220), хорезмийский суфийский мыслитель и поэт 255, 256
- Куджула Кадфиз, правитель Кушанского царства в 30—80 гг. 147
- Курджи, участник монгольского посольства в Европу в 1281 г. 274
- Куркуз (ум. 1243), монгольский наместник Хорасана 267
- Курты, род 282
- Кусам ибн Аббас (ум. 676/677), сподвижник пророка Мухаммеда 181, 199
- Кутайба ибн Муслим (ум. 715), арабский полководец и государственный деятель 199, 200, 202
- Кутб ад-Дин Мухаммад I, хорезмшах в 1077—1127 гг. 247
- Кучкунджи (1452—1530), бухарский хан с 1510 г. 312
- Кучлук, правитель каракитаев в 1213—1218 гг. 246

Л

- Лаг (IV в. до н.э.), отец Птолея I 121
- Лагиды, род 122, 127
- Лаошан, вождь хунну в 174—161 до н.э. 145
- Лакмиды, род 196, 210
- Ленин, Владимир Ильич (1870—1924), основатель Советского государства 341
- Леонардо да Винчи (1452—1519), итальянский художник и ученый 288
- Леонид I, царь Спарты в 491—480 до н.э. 78
- Лисимах (ок. 361—281 до н.э.), диадох, царь Фракии с 324 г. до н.э., царь Македонии с 285 г. до н.э. 121, 122, 125
- Лоди, род 292, 313
- Лоренцо Медичи (1449—1492), правитель Флоренции с 1469 г. 293
- Лоти, Пьер (1850—1903), фр. писатель 9, 318
- Луази, Альфред Фирмен (1857—1940), французский теолог и историк 107
- Лукулл, Луций Лициний (117—57/56 до н.э.), римский полководец и политический деятель 139
- Луций Вер (130—169), римский император с 161 г. 141
- Людовик IX Святой (1214—1270), король Франции с 1226 г. 273, 277
- Лютер, Мартин (1483—1546), немецкий религиозный деятель 288
- Ляо, китайская династия 245

- М**
- Маврикий, Флавий (539–602), император Византии с 582 г. 161
- Маджиди, Маджид (р. 1959), иранский кинорежиссер 249
- Мадий, царь скифов с 653 и ранее чем до 625 до н.э. 42
- Маздак (ум. 531), предводитель восстания в Иране и лидер маздакитов 158, 159, 165
- Маккавеи (II в. до н.э.), предводители восстания евреев против Антиоха IV 128
- Макрин, Марк Опеллий (164–218), римский император с 217 г. 141
- Максимилиан I (1459–1519), император Священной Римской империи с 1508 г. 288
- Малик-шах I (1055–1092), султан государства Сельджукидов с 1072 г. 241, 242, 243, 245
- ал-Мамун (786–833), халиф с 813 г. 203, 205, 208, 210, 220
- Мандана (ум. около 584 до н.э.), жена Камбиса I 50, 68
- Мани (Манес) (216–273/276), основатель манихейства 11, 99, 154, 155, 157, 158, 173, 190
- Маниах (VI в.), тюркский дипломат 160, 180
- Мансур (ум. 1393), шах государства Музаффаридов с 1387 г. 285
- Мансур I ибн Нух, эмир Трансоксании в 961–976 гг. 230
- ал-Мансур, халиф в 754–775 гг. 204
- Мансур ал-Халладж (858–922), иранский суфийский богослов 215, 216
- Мануил I (1218–1263), император Трапезундской империи с 1238 г. 268
- Манучехри, Абу-л-Наджм (ум. 1040/1041), персидский поэт 232
- Манушчихр (Мануш Читра) (IX в.), маздеистский теолог 91, 208
- Маодунь [Модэ], вождь хунну в 210–174 до н.э. 144, 145
- Мар Ябалаха III (1245–1317), патриарх несторианской церкви с 1281 г. 272, 278
- Мардавидж (ум. 935), персидский полководец 222
- Мардоний (ум. 479 до н.э.), персидский полководец 77, 78
- Мариньоли, Джованни, архиепископ Пекинский в 1342–1346 гг. 274
- Мария (VI–VII в.), византийская принцесса, супруга Хосрова II 162, 169
- Марк, монгольский посол на Кипре в 1248–1249 гг. 273
- Марк Аврелий (121–180), римский император с 161 г. 134, 141
- Марко Поло (1254–1324), итальянский путешественник 271, 273, 283, 286
- Маршак Борис Ильич (1933–2006), советский археолог 178
- Масуд ибн Махмуд Газневи (997–1040), правитель государства Газневидов с 1030 г. 229, 232
- ал-Масуди, Абу-л-Хасан (ок. 896–956), арабский историк и путешественник 163, 213
- Маттафия Хасмонеи (ум. 167 до н.э.), иудейский первосвященник 128
- Маурья, род 125, 126, 127, 130
- Мауэс, царь саков в 90–53 до н.э. 146
- ал-Махди (744–785), халиф с 785 г. 204, 207, 210, 213
- Махмальбаф, Мохсен (р. 1957), иранский кинорежиссер 249
- Махмуд (1699–1725), шах Ирана с 1722 г. 320, 340
- Махмуд II (1785–1839), султан Османской империи с 1808 г. 326
- Махмуд Газневи (971–1030), правитель государства Газневидов с 999 г. 227, 228, 229, 231, 232, 233, 236
- Махмуд ал-Кашгари (1029–1101), тюркский филолог 243
- Махмуд ибн Малик-шах (1088–1094), султан государства Сельджукидов с 1092 г. 245
- Махмуд-шах (1769–1829), шах государства Дуррани в 1801–1803 гг. и в 1809–1818 гг. 300
- Мегасфен (IV–III в. до н.э.), древнегреческий путешественник 126

- Мейер, Фриц (1912–1998), швейцарский исламовед 110
- Меликян-Ширвани, Асадулла Сурен (р. 1936), французский востоковед 259
- Мемнон Родосский (ок. 380–333 до н.э.), греческий флотоводец на персидской службе 115
- Менандр I, царь индо-греческого государства в 163–130 до н.э. 130, 131
- Мермады, род 37
- Мехмед II Завоеватель (1432–1481), султан Османской империи в 1444–1446 гг. и с 1451 г. 297
- Мидас, царь Фригии в 738–676 до н.э. 39
- Микеланджело Буонарроти (1475–1564), итальянский художник и скульптор 288
- Микель, Андре (р. 1929), французский историк-арабист 207
- Милани, Тахмине (р. 1960), иранский кинорежиссер 249
- Минорский Владимир Федорович (1877–1966), русский востоковед 306
- Мир Вайс (1673–1715), вождь племени гильзаев 319, 320
- Мираншах (1367–1408), сын Тамерлана, наместник Хорасана 285, 289, 290, 300
- Мирза Яхья Нури (1831–1912), лидер баббитов 330
- Мирхонд (1432–1498), иранский историк 128, 295
- Митридат I (ок. 195–138 до н.э.), царь Парфии с 171 до н.э. 129, 137, 138
- Митридат I, царь Понта в 302–266 до н.э. 125
- Митридат II Великий, царь Парфии в 128–88 до н.э. 130, 138, 139
- Митридат III, царь Парфии в 57–54 до н.э. 136
- Митридат VI Евпатор (134–63 до н.э.), царь Понта со 121 до н.э. 139, 139, 146
- Михр-Шапур (V в.), мобедан мобед 170
- Молон (ум. 220 до н.э.), сатрап Мидии, самозванный царь Вавилона 127
- Монтей, Венсан Мансур (1871–1949), французский востоковед 334
- Монтескье, Шарль-Луи де Секонда (1689–1755), фр. писатель и философ 9
- Мосаддык, Мохаммед (1882–1967), иранский политический деятель 337
- Мююн-чур, уйгурский каган в 747–759 гг. 188
- Муавия I (603–680), халиф с 661 г., основатель династии Омейядов 197
- Муза (ум. в 4 г.), царица Парфии, жена Фраата IV и мать Фраата V 140
- Музаффар ад-дин (1853–1906), шах Ирана с 1896 г. 331
- Музаффариды, род 282, 285
- Муизз ад-дин Пир Хусейн, правитель Герата в 1332–1370 гг. 256, 282
- ал-Муканна (ум. 783), вождь восстания в Мавераннахре в 776–783 гг. 203
- ал-Мукаффа, ибн (ок. 720–ок. 759), персидский писатель 163, 213, 260
- ал-Муктадир (895–932), халиф с 908 г. 218, 219
- ал-Муктафи (876–908), халиф с 902 г. 219
- Мунис (ум. 932), тюркский военачальник на арабской службе 219
- Мунке (1209–1259), великий хан монголов с 1251 г. 268, 269, 272, 275, 277
- ал-Мунтасир (836–862), халиф в 862 г. 206, 219
- Мурад, правитель государства ак-коюнлу в 1497–1508 гг. 304
- Мурад IV (1611–1640), султан Османской империи с 1623 г. 315
- Мурена, Луций Лициний (I в. до н.э.), римский полководец 139
- Муса ал-Казым (745–799), седьмой шиитский имам 303
- Муслим из Нишапура, Абу-л Хусейн (ок. 817–875), иранский теолог 212
- ал-Мустанн (831–866), аббасидский халиф с 862 г. 219
- ал-Мустансир (1029–1094), Фатимид, халиф с 1036 г. 252
- ал-Мустансим (1213–1258), халиф с 1242 г. 269

- ал-Мутаваккил (822–861), аббасидский халиф с 847 г. 206, 207, 219
- ал-Мутаид (861–908), халиф в 892–902 гг. 219, 220
- ал-Мутааз (848–869), халиф с 866 г. 219
- ал-Мутамид (845–892), халиф с 870 г. 206, 219
- ал-Мутанабби (905–965), арабский поэт 220
- ал-Мутасим (794–842), халиф с 833 г. 203, 205
- Мухаммад-Али-шах (1872–1909), шах Ирана с 1906 г. 331
- Мухаммад-шах (1810–1848), шах Ирана с 1834 г. 326, 327
- Мухаммад Дауд (1909–1978), президент Афганистана 343
- Мухаммад Джафар, шах Ирана в 1779–1787 гг. 322
- Мухаммад ал-Бухари (810–870), среднеазиатский теолог 110, 212
- Мухаммад ибн Малик-шах (1082–1118), султан государства Сельджукидов с 1105 г. 245
- Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (ум. ок. 847), среднеазиатский математик 11
- Мухаммад ибн Тахир, царь Хорасана в 862–863 гг. 221
- Мухаммад Риза Пахлави (1919–1980), шах Ирана в 1941–1979 гг. 17, 333, 334, 335, 337
- Мухаммад Якуб (1849–1923), эмир Афганистана в 1879 г. 340
- ал-Мухтади (832–870), халиф с 869 г. 219
- Мухташам из Кашана (ум. 1587/1588), персидский поэт 308
- ## Н
- Набонид (609–539 до н.э.), царь Вавилонии с 556 до н.э. 70
- Набопаласар, царь Вавилонии в 626–605 до н.э. 36
- Навои, Мир Алишер (1414–1492), хорасанский поэт и государственный деятель 295
- Навуходоносор II (630–562 до н.э.), царь Вавилонии с 605 г. до н.э. 36, 39, 46, 47, 70, 107
- Навуходоносор III, царь Вавилона в 522 г. до н.э. 85
- Надир-шах Афшар (1688–1747), шах Ирана с 1737 г. 322
- Надир-шах, Мухаммад (1883–1933), король Афганистана с 1929 г. 341, 342
- Наполеон I (1769–1821), император французов в 1804–1815 гг. 325
- Наполеон III (1808–1873), император французов в 1848–1870 гг. 327
- Нарсах (Нарсе), царь Ирана в 293–302 гг. 157
- ан-Насир, халиф в 1180–1225 гг. 245
- Насир ад-Дин Туси (1201–1274), иранский астроном и математик 281
- Насир Хосров (1004–около 1075), персидский мыслитель и поэт 256
- Наср ибн Ахмед, наместник Трансоксании в 875–892 гг. 223, 224, 225
- Наср II ибн Ахмед (905–943), эмир Трансоксании с 914 г. 225, 230
- Наср ибн Сейяр (VIII в.), наместник Хорасана и Трансоксании 200, 201, 203
- Насир ад-дин-шах (1831–1896), шах Ирана с 1847 г. 327, 330, 333
- Нахаванди, Ахмад ан- (VIII–IX в.), персидский астроном 211
- Нерон Клавдий Цезарь (37–68), римский император с 54 г. 141
- Низам ал-мулк (1018/1020–1092), персидский государственный деятель 165, 166, 240, 241, 250, 251, 252, 256, 257, 258, 261
- Низами Арузи (кон. XI–нач. XII в.), иранский поэт и писатель 253, 256
- Низами Гянджеви, Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ок. 1149–1205), иранский поэт 257, 281, 295, 296, 308, 319
- Никифор I (760–811), император Византии с 802 г. 58
- Николай Дамасский (I в. до н.э.), древнегреческий историк 37
- Нима Юшидж (1896–1960), персидский поэт 348

Ноуруз (ум. 1297), государственный деятель Ирана при ильханах 278
Нур ад-дин Махмуд (1116–1174), правитель Халеба с 1147 г. 244
Нух ибн Асад, наместник Самарканда в 819–842 гг.
Нух ибн Наср, эмир Трансоксании в 943–954 гг. 225, 228

О

Оджалан, Абдулла (р. 1949), курдский политический лидер 337
Одорик из Порденоне (ок. 1286–1331), итальянский путешественник 274
Окленд, Джордж Иден, граф (1784–1849), английский политический деятель 340
Олджайту, ильхан Ирана в 1304–1316 гг. 271, 274, 276, 279, 280
Олимпиада Эпирская (ок. 375–316 до н. э.), мать Александра Македонского 114, 121
Омар ибн ал-Хаттаб (581–644), халиф с 634 г. 196, 197, 198
Омар Шейх Мирза, правитель Ферганы и Андижана в 1456–1494 гг. 292
Омейяды, род 197, 199, 201, 204, 207, 208, 217
Ормизд I, царь Ирана в 272–273 гг. 155
Ормизд II, царь Ирана в 303–310 гг. 157, 172
Ормизд III 164
Ормизд IV Тюркзаде, царь Ирана в 578–590 гг. 160, 165, 168
Ород I, царь Парфии в 57–39 до н.э. 137, 139
Ород II, царь Парфии в 57–38 до н.э. 136
Ород III, царь Парфии в 4–7 гг. 136
Орфи Ширази, Джамал-ад-дин Мохаммед (1555–1591), персидский поэт 308
Осман ибн Аффан (574–656), халиф с 644 г.
Отто-Дорн, Катарина (1904–1999), американский искусствовед 234

П

Пакетта (XIII в.), девушка из Меца, жившая в Каракоруме 272
Пападопуло, Александр (1917–1996), французский искусствовед 234
Папак, правитель Стахра на рубеже II–III вв. 152, 163
Парисатида (V в. до н. э.), жена Дария II 79
Парисатида (IV в. до н. э.), дочь Артаксеркса III, жена Александра Македонского 84, 118
Парменион (ок. 400–330 до н. э.), македонский полководец 114, 115, 116
Партатуа, царь скифов с 673 и ранее чем до 654 до н.э. 41, 42
Пахлави, род 13, 333
Пеллио, Поль (1878–1945), французский востоковед 12, 66, 155
Пердикка (ок. 365–321 до н. э.), македонский полководец, диадох 121
Перегрино из Кастелло, итальянский миссионер в Китае с 1311 г. 274
Пероз I, царь Ирана в 457–484 гг. 158, 164, 172
Пероз (VII в.), персидский принц 196
Пир Мухаммад (ум. 1407), правитель государства Тимуридов с 1405 г. 290
Платон (428–348 до н. э.), древнегреческий философ 37, 84, 92, 123, 210, 211
Плиний Старший (23–79), римский писатель 83
Плутарх (45–127), древнегреческий историк и философ 37, 51, 70, 80, 83, 84, 85, 99, 100, 114, 121
Помпей Великий, Гней (106–48 до н.э.), римский полководец 128, 129, 139
Попилий Лена, Гай (II в. до н.э.), римский политический деятель 128
Поттинджер, Элдред (1811–1843), английский военный и дипломат 327
Птолемей I Сотер (367–283 до н.э.), диадох, правитель Египта 121, 122
Птолемей IV Филопатор, царь Египта в 221–204 до н.э. 127

- Пьетро делла Валле (1586–1652), итальянский путешественник 316
- Р**
- Раббан Саума (ок. 1220–1294), несторианский монах и монгольский дипломат 272, 273
- Рабино, Иасинт-Луи (1877–1950), фр. историк 16
- Рабия ал-Адавия (ум. 752/807), иранская суфийка и поэтесса 214
- Рази из Рея, 865–ок. 925 211
- Разия (1205–1240), султанша Делийского султаната с 1236 г. 292
- Размара, Хадж Али (1901–1951), иранский военный и политический деятель 337
- Раматея, мидийский вождь (VII в. до н.э.) 45
- Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский художник 288
- Рашид-ад-дин (1247–1318), иранский государственный деятель на монгольской службе 267, 276, 278, 281, 308
- Реза Аббаси (ок. 1565–1635), персидский художник-миниатюрист 308, 315
- Ренан, Эрнест Жозеф (1823–1892), французский писатель и историк 100
- Риза, Али-ар (756–818), восьмой шиитский имам 205
- Риза-шах Пахлави (1878–1944), шах Ирана в 1925–1941 гг. 333, 334
- Рикольдо де Монтекроче (ок. 1243–1320), итальянский миссионер 274
- Ришар, Жан Бартеlemi (р. 1921), французский историк 279
- Роксана (ок. 342–309 до н.э.), жена Александра Македонского 118, 121
- Роман IV Диоген (ум. 1072), император Византии в 1067–1071 гг. 240
- Рубрук, Гильом де (ок. 1220–ок. 1293), фламандский путешественник 61, 269, 272, 273, 275
- Рудаки, Абу Абдаллах (859–940), персидский поэт 230
- Руденко, Сергей Иванович (1885–1969), советский археолог 66
- Рузбихан Бакли (ум. 1203), иранский суфийский мыслитель и поэт 253, 255
- Рузвельт, Франклин Делано (1882–1945), президент США с 1933 г. 335
- Руи Гонсалес де Клавихо (ум. 1412), испанский дипломат и путешественник 284, 294
- Рукн ад-дин Хуршах, глава государства исмаилитов в 1255–1256 гг. 253
- Руми, Джалал-ад-дин (1207–1273), иранский суфий и поэт 215, 233, 272, 281
- Руса I, царь Урарту в 735–714 гг. до н.э. 37, 39
- Руса II, царь Урарту в 685–639 гг. до н.э. 39
- Руссо, Жан-Жак (1712–1778), фр. писатель и философ 9, 316
- Руссо, Жак (ум. 1753), дядя философа 9
- С**
- Саади (1213–1292), персидский поэт 231, 272, 281
- Сад ад-Даула (ум. 1291), министр финансов при ильхане с 1288 г. 267, 270
- Садият, царь Лидии в 624–610 до н.э. 48
- Саиби Тебризи (1601–1677), персидский поэт 308
- Сайиды, род 289, 292
- Сайф ад-даула, правитель Халеба в 944–967 гг. 220
- Сайфи, Мухаммад ибн Якуб (XIII в.), иранский историк 265
- Саладин (Салах ад-Дин Юсуф) (1138–1193), султан Египта с 1171 г. 243, 244, 253, 254
- Салман ал-Фариси (VI–VII в.), сподвижник пророка Мухаммеда 110
- Салманасар III, царь Ассирии в 859–824 гг. до н.э. 25, 34
- Саманиды, род 222, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 233, 234, 308
- Саман-худат (кон. VIII в.), основатель династии Саманидов 223
- Санай (ок. 1080–ок. 1131), иранский поэт и суфий 253
- Санатрук (I в.), царь Хатры 142

- Санджар ибн Малик-шах, Ахмад (1084/1086–1157), султан государства Сельджукидов в 1118–1153 гг. 245, 246, 247, 256, 261
- Санджары, род 323
- Саргон II, царь Ассирии в 722–705 гг. до н.э. 35, 37, 44
- Сасан (II в.), основатель династии Сасанидов 152
- Сасаниды, род 9, 11, 13, 17, 20, 90, 100, 106, 109, 114, 139, 141, 143, 148, 150, 151, 152, 153, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 166, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 180, 187, 194, 207, 210, 221, 223, 231, 237, 256, 257, 308, 333, 347
- Сафи ад-дин (1253–1334), основатель династии Сефевидов 280, 302
- Сафи I (1611–1642), шах Ирана с 1629 г. 315, 319
- Саффариды, род 208, 221, 222, 223, 224, 230, 234
- Себук-Тегин (942–999), правитель государства Газневидов с 977 г. 227
- Сеид Аджаль (1211–1279), монгольский наместник в Юньнани 272
- Селевк I Никатор (ок. 358–281 до н. э.), диадох, основатель государства Селевкидов 121, 122, 123, 124, 125, 126
- Селевк II Каллиник (265–225 до н. э.), царь государства Селевкидов с 246 до н. э. 127
- Селевкиды, род 20, 120, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 137, 142, 175
- Селим I Грозный (1465–1520), султан Османской империи с 1512 г. 307, 309, 310, 311
- Сельджук ибн Дукак (X в.), основатель рода Сельджукидов 229, 239
- Сельджукиды, род 229, 240, 241, 242, 243, 246, 247, 248, 250, 251, 259, 315
- Септимий Север, Луций (146–211), римский император с 193 г. 141
- Сергис, монгольский посол на Лионском соборе в 1248 г. 273
- Сефевиды, род 7, 14, 280, 288, 302, 303, 304, 306, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 319, 321
- Сивавайх (ум. ок. 800), иранский филолог 210
- Симон Сен-Кантенский (XIV в.), доминиканец, участник посольства к монголам 273
- Синан, Рашид ад-дин, «Старец Горы» (1132/1135–1192), глава сирийских исмаилитов 253
- Синахериб, царь Ассирии в 705–680 до н. э. 35
- Сисинний (ум. 292), глава манихейской общины 155
- Скилак из Карианды (VI в. до н. э.), греческий мореход на персидской службе 74, 83
- Смердис (Бардия) (ум. 525/522 до н. э.), младший брат Камбиса II 72, 73, 74
- Согдиан, царь Персии в 424–423 до н. э. 79
- Солон (640/635 – ок. 559 до н. э.), древнегреческий политический деятель 51, 69, 70
- Сорхактани (ум. 1252), жена хана Толуя 277
- Спитамен (370–328 до н. э.), согдийский полководец 118, 175
- Сталин, Иосиф Виссарионович (1878–1953), советский политический деятель 335
- Статира (ок. 346–323 до н. э.), жена Александра Македонского 118, 121
- Страбон (64/63 до н. э.–23/24 н. э.), древнегреческий историк и географ 53, 54, 102, 106, 130
- Субэдей (1176–1248), монгольский полководец 264
- Суварнадева, царь Кучи в 624–647 гг. 186
- Сулейман I, шах Ирана в 1667–1694 гг. 319
- Сулейман I Великолепный (1494–1566), султан Османской империи с 1520 г. 288, 312
- Сулейман ибн Кутулмыш, султан Рума в 1077–1086 гг. 241
- Сулла, Луций Корнелий (138–78 до н. э.), римский политический деятель 139

- Султан Ахмед-шах (1898–1930), шах Ирана в 1909–1930 гг. 332
- Султан Хусейн (1657–1726), шах Ирана в 1694–1722 гг. 307, 319
- Султан-Али, Низам ад-дин (1435/1436–1460/1461), персидский каллиграф 296
- Султан-Али, шейх ордена Сефевийа в 1488–1494 гг. 303
- Султан-Али-мирза, правитель Самарканда в 1498–1500 гг. 301
- Султан-Ахмед-мирза, правитель Самарканда в 1451–1491 гг. 300, 301
- Сунбад (ум. 755), вождь восстания в Северном Иране 203
- Сурена (ок. 84–ок. 52 до н. э.), парфянский полководец 139, 142
- Сурены, род 163
- Сухраварди, Шихабуддин Яхья (1153–1191), суфийский философ 110, 253, 254, 256
- Су-цзун (711–762), китайский император с 756 г. 187
- Сюаньцзан (602–664), китайский буддийский мыслитель 181, 186
- Т**
- ат-Табари, Абу Джафар (839–923), иранский историк и теолог 211, 230
- Тавернье, Жан-Батист (1605–1689), фр. путешественник 9, 316
- Таги-заде, Сейид Хасан (1878–1970), иранский государственный деятель и историк 163
- Тадж ал-мулк (ум. 1093), министр в сельджукском государстве 261
- Таис (IV в. до н. э.), афинская гетера 117
- Таки-ад-дин Омар, ал-Музаффар (ум. 1191), племянник и полководец Саладина 245
- Тамерлан (Тимур) (1336–1405), основатель государства Тимуридов в 1370 г. 176, 263, 266, 278, 283, 286, 289, 293, 294, 297, 298, 299, 310
- Тан, китайская династия 173, 185, 192, 202
- Тараки, Нур Мухаммад (1917–1979), афганский политический деятель 343
- Тармаширин, хан Чагатайского ханства в 1326–1333 гг. 283
- Тахир II ибн Абдаллах, царь Хорасана в 845–862 гг. 221
- Тахир ибн Хусейн (776–822), арабский полководец, наместник Хорасана 205, 220, 221
- Тахириды, род 221, 223, 224
- Тохмасп I (1514–1576), шах Ирана с 1524 г. 312, 313, 319
- Тохмасп II (ок. 1704–1740), номинальный шах Ирана в 1730–1731 гг. 321
- Тохшада, царь Бухары в 750–782 гг. 202
- Теисп, правитель Персии в 678–640 до н. э. 43, 68
- Текудер (Ахмед) (ок. 1247–1284), ильхан Ираи́а с 1282 г. 270, 278
- Телефан (V в. до н. э.), древнегреческий скульптор 83
- Термизи, Хаким (ум. 893), иранский суфий 215
- Тиглатпаласар III, царь Ассирии в 746–727 гг. до н. э. 26, 35
- Тигран II Великий (140–55 до н. э.), царь Великой Армении с 95 до н. э. 128, 139
- Тимократ Родосский (ум. 389 до н. э.), грек на дипломатической службе у персов 83
- Тимофей I, несторианский патриарх в 780–823 гг. 210
- Тимуриды, род 8, 266, 288, 289, 291, 292, 295, 296, 301, 302, 308
- Тимур-шах (1748–1793), шах государства Дуррани с 1773 г. 339
- Тиридат I, царь Великой Армении в 54–58 и 62–68 гг. 135, 140, 141,
- Тиридат II, узурпатор парфянского трона в 30–25 до н. э. 140
- Тиридат III Великий, царь Великой Армении в 285–330 гг. 167
- Тирмизи, Мухаммад ат- (824–892), среднеазиатский теолог и правовед 212
- Тит (III–IV в.), художник римского происхождения в Миране 192

- Тициан Вечеллио (1488/1490–1576), итальянский художник 288
- Тоглук-Тимур (ок. 1329–1362/1363), хан Моголистана с 1347 г. 283
- Тогрул II, сельджукидский султан Азербайджана в 1132–1134 гг. 258
- Тогрул III, султан государства Сельджукидов в 1177–1194 гг. 247
- Тогрул-бек (ок. 990–1063), основатель государства Сельджукидов, султан с 1055 г. 229, 239, 240, 257
- Тойнби, Арнольд Джозеф (1889–1975), английский историк и социолог 169
- Толстов, Сергей Павлович (1907–1976), советский историк и археолог 181, 182
- Тоумань, вождь хунну в 220–210 до н.э. 144
- Траян, Марк Ульпий Нерва (53–117), римский император с 98 г. 141
- Тромбер, Эрик (р. 1947), французский востоковед 180
- Туглаки, род 289, 292
- Тулуй (ок. 1193–1232), монгольский полководец, сын Чингисхана 265
- Тулуниды, род 217
- Турабек-хатун (XIII–XIV в.), жена Кутлуг-Тимура, наместника Ургенча 280
- Туракина (ум. 1246), жена Угедея, с 1241 г. регентша монгольского государства 267
- Туран-шах (ум. 1180), брат Саладина, наместник Йемена в 1174–1176 гг. 245
- Турхан-хатун (ум. 1094), жена Малик-шаха I 261
- Тутуш (ум. 1095), султан Сирии с 1074 г. 243
- У
- У (624–705), императрица Китая с 690 г. 189
- Увайс, султан государства Джалаиридов в 1358–1374 гг. 281, 282
- Угедей (1186–1241), великий хан монголов с 1229 г., сын Чингис-хана 264, 267, 268
- Узун-Хасан (1423–1478), правитель государства кара-коюнлу с 1453 г. 292, 303
- Улугбек, Мухаммед ибн Шахрух (1394–1449), правитель государства Тимуридов с 1440 г. 285, 289, 290, 294, 296, 297, 298, 299, 300
- Унсури, Абу-ль Касим (970/980–1039), персидский поэт 232
- Устад Сис, вождь восстания в Хорасане в 767 г. 203
- Ф
- Фа Сянь, китайский путешественник, странствовавший с 399 по 414 г. 189
- Файзи Дакани (1547–1595), индийский персоязычный поэт 308
- Фалес Милетский (640/624–548/545 до н.э.), древнегреческий философ 48
- Фарасман (IV в. до н.э.), царь Хорезма 119
- Фаррухи, Абу-л Хасан (ум. 1037/1038), персидский поэт 232, 256
- Фатима (ок. 606–632), дочь пророка Мухаммеда 17, 31, 252
- Фатима ал-Масума (ум. 816), сестра шиитского имама Резы 17, 205
- Фатимиды, род 216, 220, 242, 243, 244, 252, 253
- Фатх-Али-шах (1772–1833), шах Ирана с 1797 г. 325, 326
- Фемистокл (537–459 до н.э.), древнегреческий полководец 83
- Феодорит Кирский (386–457), византийский богослов 168
- Феодосий I Великий (346–395), римский император с 379 г. 155
- Филетер, царь Пергама в 282–263 до н.э. 125
- Филипп II (382–336 до н.э.), царь Македонии с 359 до н.э. 51, 80, 111, 112, 113, 114
- Филипп III, брат Александра Македонского 121
- Филипп V (238–179 до н.э.), царь Македонии с 221 до н.э. 127

- Филипп IV Красивый (1268–1314), король Франции с 1285 г. 272, 274
- Филипп Араб, Марк Юлий (ок. 204–249), римский император с 244 г. 153, 172
- Филиппид (ум. 490 до н.э.), марафонский гонец 76
- Филоксен из Эретрии (IV в. до н.э.), древнегреческий художник 115
- Фирдоуси, Абу-л Касим (935–1020/1026), персидский поэт 14, 19, 21, 166, 178, 193, 228, 230, 231, 232, 296, 302, 308
- Фитцджеральд, Эдвард (1809–1883), английский поэт и переводчик 9
- Фома Манказоль, епископ Самаркандский в 1329–1342 гг. 274
- Фра Анджелико (1400–1455), итальянский художник 296
- Фраат II, царь Парфии в 138/137–128 до н.э. 138, 146
- Фраат III, царь Парфии в 70–57 до н.э. 136
- Фраат IV, царь Парфии в 38–2 до н.э. 140
- Фраат V, царь Парфии во 2 до н.э.–4 н.э. 136
- Франкон Перузский, архиепископ Султани в 1318–1322 гг. 274, 279
- Франциск I (1494–1547), король Франции с 1515 г. 312
- Фраорт (Фравартиш), царь Мидии в 675–653 до н.э. 44, 45,
- Фраорт II (ум. 521 до н.э.), самозванный царь Мидии 84
- Фридрих III (1415–1493), император Священной Римской империи с 1452 г. 288
- ал-Фудейль ибн Ияд (ум. 803), хорасанский суфий 215
- Фукидид (V в. до н.э.), древнегреческий историк 77, 84
- Фустах, Абу-л (ум. 1194), иранский суфий 253
- Фуше, Альфред (1865–1952), французский востоковед 341
- Фушекур, Шарль-Анри де, французский востоковед 9
- Х
- Хабибулла (1872–1919), эмир Афганистана с 1901 г. 341
- Хагани Ширвани (1126–1199), персидский поэт 256
- Хаджа Кермани (1281–1352/1361), персидский поэт 281
- Хайдар, шейх ордена Сефевийа в 1460–1488 гг. 303
- Хайям, Омар (1048–1131), персидский поэт и философ 10, 256, 257
- Хаким Ираншах (XI–XII в.), персидский поэт 232
- Халиль-Султан (1384–1411), правитель государства Тимуридов в 1407–1409 гг. 289, 290, 294
- Халдун, Мухаммад ибн (1332–1406), арабский философ и историк 219
- Хамданды, род 220
- Ханзаде-бегим (1488–после 1530), жена Шейбани 301
- Хань, китайская династия 144, 185, 202
- Харис ал-Мухасиб (781–837), суфийский богослов 214
- Харис ибн Сурейдж, предводитель восстания против Омейядов в 734 г. 200
- Харун ар-Рашид (766–809), халиф с 786 г. 205, 207, 208, 211, 237
- Хасан ал-Басри (641–729), арабский богослов 214
- Хасан ибн Али (624–669), внук пророка Мухаммеда, второй шиитский имам 197
- Хасан ас-Саббах (сер. XI в.–1124), основатель государства исмаилитов 252, 253
- Хатамикия, Эбрахим (р. 1961), иранский кинорежиссер 249
- Хатим ал-Асам (ум. 832), афганский суфий 215
- Хафиз (ум. ок. 1390), персидский поэт и суфий 231, 293, 308
- Хафиз-и Абру, Хафизи (ум. 1430/1431), иранский историк 286
- Хвасак (III в.), сатрап Суз 144

- Хетум I (1213–1270), царь Киликийской Армении с 1226 г. 266
- Хидаш (ум. 738), агент Аббасидов 199
- Хизр-хан (ум. 1421), султан Делийского султаната с 1414 г. 289
- Хильджи, род 292
- Хишам ибн Абд ал-Малик (691–743), халиф с 723 г. 207, 225
- Хомейни, Рухолла (1900–1989), аятолла, вождь исламской революции в Иране 338, 339
- Хондемир, Гияс ад-дин (1475–1536), персидский историк 295
- Хосейн Аманат (р. 1942), иранский архитектор 248
- Хосров I Ануширван (501–578), царь Ирана с 531 г. 158, 159, 160, 164, 165, 170, 171, 232
- Хосров II Парвиз, царь Ирана в 590–628 гг. 161, 162, 164, 168, 169
- Хосрой, царь Парфии в 106–130 гг. 141
- Хосрохавар, Фархад (р. 1948), франко-иранский социолог 348
- Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), советский государственный деятель 343
- Хуан Персидский (Орудж-бек Баят) (XVI–XVII вв.), персидский дипломат 316
- Хубилай (1215–1294), великий хан монголов с 1260 г. 268, 272
- Хувишка, правитель Кушанского царства в 131–162 гг. 148
- Хулагу (1217–1265), основатель династии ильханов 267, 269, 270, 276
- Хумаюн (1508–1556), падишах Индии в 1530–1540 гг. и с 1556 г. 296, 313, 314, 318
- Хунайн ибн Исхак (ум. 873), арабский переводчик с греческого и сирийского 210
- Хусейн Байкара (1438–1506), правитель Хорасана с 1469 г. 289, 292, 294, 295, 301, 302
- Хусейн ибн Али (627–680), внук пророка Мухаммеда, третий шиитский имам 197, 199, 205, 206
- Ц**
- Цзин-цзин (Адам) (кон. VIII в.), христианский миссионер в Китае 190
- Цзинь, китайская династия 268
- Ч**
- Чаган, участник монгольского посольства в Европу в 1281 г. 274
- Чагатаиды, род 282
- Чагатай (1185–1242), сын Чингис-хана 264
- Чагры-бек (989–1060), сельджукский полководец 229, 239, 240
- Чайковский П. И. (1840–1893) 191
- Чангши, хан Чагатайского ханства в 1334–1338 гг. 283
- Чандрагупта, царь Индии в 322–298 до н.э. 125, 126
- Чандрапрабхи 193
- Чан-Чунь (1148–1227), китайский монах, путешественник 266, 267, 276
- Черчилль, Уинстон (1874–1965), английский государственный деятель 335
- Чжан Цянь (ум. 114 до н.э.), китайский путешественник 36, 145, 183
- Чингизиды, род 226, 270
- Чингисхан (Тэмуджин) (1155–1227), хан монголов с 1206 г. 58, 60, 176, 248, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 271, 275, 276, 281, 284, 289, 291
- Чинкай, монгольский министр с 1241 г. 267, 277
- Чобан (ум. 1327), фактический правитель Ирана при ильхане Абу Саиде 271
- Чормаган (ум. 1241), монгольский наместник Ирана 268

- Ш**
- Шад-Мулк (XIV–XV в.), жена Халиль-Султана 290, 294
- Шакик из Балха (ум. 810), иранский суфий 215
- Шапур (II–III вв.), правитель Стахра, сын Папака 106, 152, 168
- Шапур I, царь Ирана в 241–272 гг. 153, 154, 155, 166, 168, 172
- Шапур II, царь Ирана в 309–379 гг. 157, 169, 172
- Шарден, Жан (1643–1713), фр. путешественник 9, 308, 316, 317
- Шарик ибн Шейх ал-Махри (ум. 751), вождь восстания в Бухаре 201
- Шах-Будаг (ум. 1459/1460), сын Абу-л Хайра 300
- Шах-Джахан (1592–1666), падишах Индии с 1628 г. 288
- Шахрух (1377–1447), правитель государства Тимуридов с 1409 г. 289, 290, 296, 299
- Шейад Хамза (XIII в.), тюркский поэт и мистик 251
- Шейбани, Мухаммад (1451–1510), хан государства Шейбанидов с 1468 г. 288, 291, 300, 301, 302, 304, 310, 312
- Шер-Али-шах (1825–1879), эмир Афганистана с 1863 г. 340
- Шер-шах Сур (ок. 1486–1545), падишах Индии с 1540 г. 313
- Шибан (ум. 1266), основатель династии Шибанидов 291
- Ширин (ум. 628), жена Хосрова II 169, 232, 257
- Ширкух ибн Шадхи. Асад ад-Дин (ум. 1169), арабский полководец 243, 244
- Шпулер, Бертольд (1911–1990), немецкий востоковед 213
- Шуджа-шах (1785–1842), шах государства Дуррани в 1803–1809 гг. и с 1839 г. 340
- Э**
- Эзоп (VI в. до н.э.), древнегреческий баснописец 191
- Эразм Роттердамский, Дезидерий (1467–1536), голландский писатель и философ 11
- Эсхил (522–456 до н.э.), древнегреческий драматург 77, 78, 85, 86
- Ю**
- Юлиан Отступник (331/332–363), римский император с 361 г. 157
- Юнус (1415/1416–1487), хан Моголистана с 1468 г. 300
- Юстиниан I (483–565), император Византии с 527 г. 159, 170, 210
- Юсуф Хамадани (ум. 1140), суфийский богослов из Бухары 242
- Юханна бен Хайлан (ум. 910), учитель Фараби, клирик-несторианин 211
- Я**
- Язид I (645–683), халиф с 680 г. 197
- Якуб, правитель государства ак-коюнлу в 1478–1490 гг. 304
- Якуб ибн Лайс, правитель Систана в 863–879 гг. 221
- Ялавач, Масуд, монгольский наместник Трансоксании в 1254–1283 гг. 267
- Ялавач, Махмуд, монгольский наместник Трансоксании до 1254 г. 267
- Яхья ибн Асад, наместник Шаша в 819–855 гг. 223
- Яхья ибн Махмуд ал-Васити (XIII в.), арабский художник багдадской школы 260

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абаркух 260
Австрия 312
Агни 22
Агра 146
Аджанта 173, 183, 193
Аджина-тепе 182
Адриатическое море 268
Азербайджан 15, 23, 30, 119, 143, 203, 229, 256, 257, 289, 302, 303, 304, 309, 311, 314, 315, 321, 325, 335
Азербайджанские горы 33
Азов 134
Азовское море 54, 56, 61
Айн-Джалут 269
Ай-Ханум 126, 131, 182
Аквитания 273
Акра 269, 277, 330, 331
Аксу 184, 186
Аламут 252, 253, 269
Александреттский залив 115
Александрия 117, 122, 123, 128, 151
Алмалык 274
Алтай 24, 32, 41, 55, 62, 63, 119, 160, 174
Алтынтаг 29
Ал-Ахса 242
Ал-Бувайб 169
Амасия 125
Америка 33, 275, 287, 330
Амоль 286
Амударья, река, см. также Окс 28, 31, 49, 59, 130, 131, 174, 221, 228, 246, 302, 313
Анатолийское плоскогорье 115, 241
Анатолия 11, 26, 33, 37, 39, 42, 47, 48, 50, 51, 70, 113, 115, 119, 127, 136, 144, 241, 258, 259, 289, 303, 307, 309, 313, 336
Анбар 204
Англия 309, 315, 327, 329, 331
Андижан 292, 301, 345
Андроз 115
Ани 173, 240, 259, 268
Анкара 285
Анновка 64
Антибские острова 346
Антиохия 125, 127, 141, 153, 161, 243, 244
Аншан 25, 50, 68, 69
Апамея Сирийская 124, 126
Аравийское море 326
Аравия 109, 110, 213, 242
Арагон 288
Арало-Каспийская низменность 28
Аральское море 28, 127, 137, 181
Аралат 30, 37
Арахосия 118, 126, 130, 146
Арбелы (Гавгамелы) 117
Ардебиль 280, 302, 303
Ариана 15
Ария 86, 130, 189
Арктика 92
Армения 22, 33, 37, 47, 119, 127, 135, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 153, 157, 160, 161, 167, 169, 243, 259, 266, 268, 278, 303, 315, 321, 326
Аррапха (Киркук) 46

- Ассирия 25, 34, 35, 36, 39, 41, 45, 46, 52, 84
 Астана 183, 192
 Астарabad 286, 312, 322
 Астрахань 309
 Асуан 88
 Атлах 202
 Атика 77
 Афганистан 11, 12, 14, 15, 19, 23, 24, 29, 31, 126, 131, 139, 146, 148, 149, 150, 167, 170, 174, 177, 186, 227, 229, 230, 236, 246, 264, 282, 294, 305, 306, 321, 322, 323, 324, 325, 327, 329, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346
 Афины 51, 54, 64, 76, 78, 79, 83, 86, 112, 115, 125, 131
 Афон 76
 Афрасиаб 181, 191, 238, 266, 297
 Африка 21, 72, 74, 81, 87, 217, 218, 219, 287, 335
 Афшана 233
 Ахваз 196, 210
 Ахтамар 173, 218
 Ашхабад 131
 Ашшур 46
- Б**
- Багдад 143, 203, 204, 205, 206, 208, 210, 211, 216, 219, 221, 222, 223, 226, 228, 229, 239, 240, 255, 259, 260, 267, 269, 277, 282, 285, 289, 310, 312, 315, 330
 Баграм 148, 149, 151
 Бадахшан 256
 Бактрия 22, 24, 30, 33, 41, 50, 70, 83, 87, 118, 126, 127, 129, 130, 147, 148, 149, 150, 153, 158, 168, 170, 174, 175, 182, 185, 189, 202, 214, 221, 223, 340
 Бактры (Балх) 22, 29, 99, 118, 131, 181, 196, 215, 224, 227, 234, 256, 265, 266, 272, 281, 284, 300, 301, 313, 323, 340
 Баку 304, 320
 Балалык-тепе 177, 182
 Баласагун 227, 245
 Балканы 80, 111, 112, 268, 310
 Балх см. Бактры
 Балхаш, озеро 28, 31, 145
- Бам 298
 Бамиан 131, 150, 170, 266, 344
 Барка 72, 83
 Басра 198, 208, 214, 326
 Бахрейн 220, 242, 327
 Безеклик 183
 Бейрут 117
 Бейшехир, озеро 258
 Белуджистан 30, 70, 326
 Бендер-Аббас 314
 Беотия 79
 Берберия 194, 195
 Берельские курганы 66
 Берлин 65
 Бетпак-Дала 28, 145
 Бехистун 74, 84, 88, 89, 136, 144
 Библия 116
 Бистам 282
 Бишапур 171, 172
 Бойкопонура 134
 Большая Ближница 53, 56, 62, 63, 64
 Боспор Киммерийский 54
 Босфор 33, 75, 161
 Бретань 24
 Британия 135
 Буг, река 38, 51
 Бургундия 288
 Буст 236
 Бухара 11, 13, 14, 28, 119, 179, 181, 186, 189, 191, 201, 202, 223, 225, 226, 228, 230, 233, 235, 242, 246, 256, 261, 264, 265, 266, 267, 283, 291, 298, 300, 301, 314, 315, 345
 Бухарское ханство 181, 321, 327, 346
 Бушир 327
- В**
- Вавилон, Вавилония 35, 36, 42, 45, 46, 48, 63, 70, 71, 72, 77, 81, 83, 85, 99, 107, 117, 121, 124, 136, 137, 142, 161, 168, 204
 Ван, озеро 37, 240, 310, 312
 Варамин 266, 279, 280
 Варахша, см. тж. Бухара 181, 191
 Вахан 29, 341
 Вашингтон 110, 282, 297

- Великобритания, см. тж. Англия 332, 335, 337
- Венгрия 38, 135, 173, 168
- Венеция 287, 292
- Византий, см. тж. Константинополь 161
- Византия 157, 162, 170, 179, 180, 196, 207, 218, 248
- Виндхья 228
- Виноградный 134
- Волга, река 24, 27, 30, 33, 41
- Воронеж 27, 62
- Г**
- Гавгамелы, см. тж. Арбелы 117
- Газа 116, 122, 161
- Газаргах 299
- Газни (Газна) 14, 158, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 236, 247, 260, 300, 322, 323, 339
- Гайманова могила 65
- Галикарнас 56, 114
- Галис (Кызыл-Ирмак), река 48
- Галлия 101, 135
- Ганг, река 130, 151, 228, 292
- Гандхара 74, 87, 130, 146, 148, 149, 189
- Ганьсу 29, 31, 33, 41, 145, 147, 178, 183, 186, 189, 192, 265, 266
- Гедросия 126, 326
- Гекатомпил (Дамган) 137
- Генуя 273
- Герат 9, 130, 138, 158, 196, 221, 223, 229, 247, 249, 265, 266, 273, 282, 285, 286, 290, 291, 292, 294, 296, 299, 302, 306, 315, 323, 325, 326, 327, 340, 345
- Германия 40, 101, 211, 288, 335
- Гильменд, река 30, 146
- Гилян 16, 222, 253, 303, 320
- Гималаи 33
- Гиндар 140
- Гиндукуш 24, 29, 33, 118, 127, 147, 153, 227, 265, 323, 343, 344
- Гиркания 127, 136, 137
- Гиркано-Парфянская сатрапия 137
- Гоби 33
- Голландия 309
- Горган 320
- Гордион 83, 115
- Гранада 288
- Граник, река 114
- Греко-Бактрийское царство 120, 124, 126, 137, 149, 174
- Греция 9, 49, 53, 56, 75, 76, 78, 80, 85, 111, 115, 121, 124, 147, 166, 195
- Грузия 285, 314, 322, 326
- Гуджарат 130
- Гульдара 150
- Гундишапур 210, 211
- Гур 229, 267
- Гургандж, см. тж. Ургенч 226, 264, 266, 272
- Д**
- Дагестан 259, 326
- Дайлам 222
- Дакия 101, 134
- Дальверзин-тепе 182
- Дамаск 35, 99, 117, 161, 197, 204, 208, 269
- Дамган 117, 137, 172, 260, 261, 282, 291
- Данданакан 229, 238
- Дандан-Уйлык 179, 189
- Дарабгирд 153
- Дарданеллы (Геллеспонт) 77, 85, 114
- Дачи, курган 134
- Дворечье 35, 46
- Декан 314
- Дели 146, 285, 286, 289, 314, 321, 323
- Делийский султанат 284, 292
- Демавенд 30
- Деште-Кевир 30
- Деште-Лут 30
- Джюльфа 316, 318
- Джунгария 29, 33, 41, 145, 184, 191
- Дильберджин 150, 170
- Диярбакыр 13, 65, 259, 268, 311
- Днепр, река 27, 30, 38, 55, 61, 62
- Днестр, река 30
- Доброй Надежды мыс 33, 275, 286
- Дон, река 24, 27, 30, 40, 41, 54, 55, 56, 62, 133
- Донец, река 27, 41
- Дрангиана 118, 146
- Дуккан-и Дауд 49

Дунай 24, 27, 30, 38, 40, 75, 112, 134
 Дуньхуан 180, 189, 190, 192
 Дура-Европос (Калат) 137, 144
 Духтар-и Нуширван 170
 Душанбе 246

Е

Европа 10, 22, 23, 27, 40, 51, 56, 66, 75, 76,
 80, 101, 114, 122, 125, 126, 127, 135,
 146, 174, 191, 194, 213, 218, 233, 236,
 243, 246, 252, 254, 268, 271, 272, 277,
 283, 287, 288, 292, 293, 295, 297, 310,
 312, 315, 327, 328, 330, 337, 342
 Евфрат, река 7, 26, 46, 79, 135, 138, 139,
 154, 157, 196, 204, 240, 312
 Египет 21, 36, 42, 47, 72, 74, 77, 78, 79, 80,
 84, 85, 87, 88, 108, 112, 113, 116, 118,
 121, 122, 130, 154, 155, 161, 195, 196,
 201, 214, 217, 220, 237, 243, 244, 245,
 252, 259, 277, 281, 287, 289, 310, 311,
 330, 333
 Елизаветовское городище 55, 62, 64
 Енисей, река 31

З

Завар 261
 Загорс 30, 35, 36, 38, 39, 40, 124, 196, 312
 Зайендеруд, река 316, 318
 Зайтун (Цюаньчжоу) 273
 Зарандж 286
 Зенджан 237, 330
 Зеравшан, река 28, 31, 130
 Зивийе 42
 Золотая орда 268, 269, 278, 284, 285, 289,
 291
 Золотой курган 62

И

Иерусалим 35, 47, 71, 116, 128, 140, 161,
 168, 169, 208, 243, 244, 277
 Израиль 35, 47, 71, 107, 109, 128, 129, 142
 Или, река 31, 145, 186, 202
 Ильханов государство 14
 Инд, река 7, 26, 74, 80, 119, 122, 125,
 126, 130, 135, 153, 196, 216, 265, 267,
 292, 326

Индийский океан 126, 130, 309, 310
 Индия 10, 22, 23, 29, 33, 74, 81, 82, 87, 90,
 101, 118, 119, 120, 123, 124, 125, 130,
 131, 138, 147, 148, 149, 150, 151, 154,
 155, 158, 166, 173, 185, 186, 188, 189,
 192, 195, 208, 215, 218, 221, 228, 229,
 232, 237, 255, 265, 267, 268, 281, 287,
 288, 289, 292, 293, 294, 301, 308, 310,
 313, 321, 322, 325, 327, 339, 340, 341
 Индо-Гангская равнина 228
 Ионический союз 38
 Иония 38, 70, 75, 78, 79, 80, 85, 112, 115
 Иордан, река 60, 127
 Ипс 122, 126
 Ирак 11, 21, 22, 30, 117, 195, 196, 198, 201,
 203, 204, 208, 209, 212, 215, 217, 220,
 239, 258, 269, 282, 290, 304, 311, 312,
 315, 325, 336, 337, 339, 342
 Иран-Бастан 237
 Иранское нагорье 15, 23, 24, 30, 31, 33, 34,
 37, 51, 68, 69, 117, 129, 136, 137, 143,
 144, 146, 180, 239
 Иртыш, река 31, 41, 226
 Испания 21, 135, 196, 201, 214, 217, 234,
 246, 288
 Исс 112, 115
 Иссyk-Куль, озеро 28, 31, 65, 180, 186, 202
 Истахр, см. тж. Стахр 152, 163, 167, 196
 Исфahan 9, 153, 196, 200, 222, 228, 234,
 240, 261, 268, 279, 280, 282, 285, 286,
 291, 306, 308, 309, 315, 316, 318, 319,
 320, 321, 322, 332, 347
 Италия 75, 123
 Иудея 47
 Ифрикия, см. тж. Тунис 252

Й

Йезд 87, 280, 282, 285, 332, 347
 Йемен 220, 245

К

Кабул 74, 118, 146, 148, 149, 150, 158, 227,
 301, 322, 326, 339, 340, 341, 343, 344
 Кавказ 8, 13, 19, 22, 24, 27, 30, 38, 39, 42,
 62, 63, 80, 135, 159, 264, 273, 336
 Кадисия 162, 196

- Казань 289
Казахстан 11, 27, 28, 66, 344
Казвин 224, 260, 261, 290, 330, 332
Каир 239, 245, 256, 260, 269, 311
Кайфэн 188, 273
Какрак 170
Калайе-Духтар 171
Калат 137, 326
Калка, река 264
Кампыр-тепе 182
Кангавар 124
Кандагар 118, 126, 130, 146, 158, 228, 314,
319, 322, 323, 339, 340, 344
Каписа 118, 146, 147
Каппадокия 79, 161
Кара-Балгасун 22
Каракорум 29, 272
Каракумы 28
Кара-Меркит 62
Карашар 22, 176, 179, 181, 184, 186, 191,
192
Карры 139, 140, 142, 163
Карфаген 72, 161, 173
Каспийская низменность 27, 28
Каспийское море 24, 27, 30, 31, 33, 41, 80,
127, 137, 160, 198, 264, 303, 209, 314,
320, 321, 332, 335
Касри-Ширин 315
Кастилия 288
Каталаунские поля 135, 143
Катванская степь 246
Катхиявар 130
Кафиристан 323
Кашан 258, 308, 332
Кашгария 29, 184, 185, 186, 199, 227, 245,
267
Кашмир 322, 339
Каялык 246
Квинсей (Ханчжоу) 273
Келермес 42, 52, 62, 63, 64
Керак 170
Кербела 197, 206, 209, 312, 329
Керман 91, 153, 208, 221, 239, 282, 291,
322
Керманшах 37, 40, 48, 124, 320, 332
Керчь 62
Кёсе-даг 268
Кеш 186, 284, 299
Киев 27, 38, 64
Киликийские Ворота 115
Киликия 140
Кипр 273, 330
Киргизия 28, 344
Кирена 72,
Киренаика 72, 245
Китай 10, 25, 29, 32, 123, 125, 138, 144,
147, 148, 155, 173, 177, 178, 179, 180,
184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 192,
196, 202, 208, 226, 245, 263, 266, 267,
268, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277,
285, 287, 288
Кишессу 48
Кобяково 134
Кокча, река 131
Колофон 38
Константинополь 33, 160, 162, 169, 196,
241, 287, 289, 297, 309, 313, 332
Конья 12, 241, 272, 281
Кордова 257
Кордовский халифат 201
Корея 268
Костромская, станция 52, 62
Красное море 82, 310
Крым 39, 53, 55, 62, 133, 289
Ктесифон 129, 137, 141, 143, 146, 153, 154,
157, 162, 163, 169, 171, 172, 174, 196,
204
Кубадабад 258
Кубань 52, 54, 55, 62
Куль-Оба 53, 62, 63, 64, 65
Кум 17, 26, 205, 209, 252, 332, 339
Кумтура 192
Кунакса 79, 85
Кундуз 186, 227, 340
Курджипский курган 57
Курдистан 30, 33, 336, 337
Куфа 198, 204, 212, 214, 215, 234
Кух-и Хваджа 143, 144
Куча 22, 176, 177, 179, 183, 184, 185, 186,
191, 192
Кушанское царство 138, 148, 153, 181
Кызкапан 48, 49, 106
Кызыл 12, 191, 192
Кызылкум 28

Кят 14, 226, 232

Л

Ламасар 253

Лаодикея 127

Лахор 268

Лашкари-Базар 236, 261

Левант 310

Легница 268

Лесбос 76

Ливия 72, 83

Лидия 37, 39, 48, 69, 70, 79

Лион 273

Лиссабон 286

Лобнор 29, 178, 180, 182, 184, 185

Лондон 280, 282, 296, 325

Лоян 187, 188, 189

Луристан 30, 39, 40, 43, 48, 49, 66, 99, 321

М

Магнесия 127

Магриб 31, 196, 214

Мазандеран 129, 137, 282, 320, 331, 333

Мазари-Шариф 323

Македония 75, 80, 111, 112, 121, 122, 127

Малатья 240

Малая Азия 39, 78, 79, 80, 112, 114, 116,
121, 125, 126, 127, 140, 161, 240, 241,
243, 248, 270, 282, 303

Малва 130

Манна, царство 25, 37, 41, 42

Манцикерт (Малазгирт) 240, 243

Мараканда, см. тж. Самарканд 119

Марафон 76

Маргиана 24, 70, 126, 127, 189, 200, 248

Марокко 217

Масджид-и Сулейман 68, 81, 88

Маскат 310

Матхура 130, 146, 147, 150

Махан 200

Махосhevская, станица 62

Медина 109, 194

Мёзия 133

Мейхана 233

Мекка 220, 285, 317

Мелитополь 64

Мельгуновский курган 52, 62

Мемфис 72

Меотида, см. тж. Азовское море 56

Мераге 260, 269, 279, 281

Мерв 28, 33, 70, 126, 138, 143, 158, 181,
182, 189, 200, 201, 204, 211, 215, 221,
229, 246, 256, 261, 265, 302, 327

Мероэ-Непоти 72

Мерса-Матрух 116

Месопотамия 9, 26, 30, 33, 34, 35, 36, 44,
45, 46, 47, 70, 129, 137, 139, 141, 166,
188, 195, 196, 209, 243, 244, 259, 282,
310, 311, 312, 313, 315, 321, 326

Месопотамская равнина 30

Мехабад 335, 336

Мешхед 205, 209, 296, 299, 312, 313, 315

Мидия 30, 44, 45, 49, 50, 68, 69, 70, 127,
129, 135, 137, 140, 141, 161, 198, 222,
230, 254

Микал 78

Милан 288

Милет 38, 70, 76, 114, 115, 126

Мингрелия 326

Миран 178, 182, 189, 192

Монголия 8, 22, 24, 33, 41, 66, 120, 133,
144, 180, 185, 188, 226, 263, 265, 269,
272, 273

Московское государство 288

Мосул 13, 220, 258, 259, 268, 282

Муассак 173

Мултан 339

Муртук, река 183

Мусасир 43

Мюнхен 56

Н

Наджаф 196, 209, 312

Надьсентмиклош 173

Наин 234

Накш-и Рустам 20, 87, 172

Нанкин 151, 189

Наньшань 145

Натанз 280

Нахичевань 279, 304, 326

Неаполь Крымский 55

Нейриз 234

- Немрут-Даг 144
Нехавенд 127, 196
Никея (Изник) 241
Николаев 38
Нил, река 26, 72, 80, 82, 128, 161, 244
Нимфей 64
Ниневия 38, 39, 45, 46, 47, 84, 117
Ниса 131, 137, 182, 236
Нишапур 33, 200, 201, 203, 211, 212, 215,
221, 227, 229, 237, 238, 253, 256, 261,
265, 266
Ноин-Ула 60, 66
Нубия 87, 245
Нурабад 124
Нуристан 323
- О
- Окс, река, см. тж. Амударья 26, 28, 29, 31,
49, 83, 92, 118, 130, 131, 137, 138, 179,
182, 196, 199, 212, 228, 265, 266, 301,
302, 314
Оксфорд 213, 259
Ольвия 51
Ордос 144
Ормуз 311, 314
Ормузский пролив 126
Осетия 19
Османская империя 303, 309, 326, 336
Острая Томаковская Могила 62
Отрар 263, 264, 285
- П
- Павловский курган 56
Пазырык 24, 55, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 66,
174
Пакистан 19, 23, 148, 340, 344
Палермо 206
Палестина 127, 139, 155, 243
Пальмира 142, 144, 154
Памир 29, 341, 344
Панипат 339
Паннония 101
Парван 265
Париж 213, 260, 272, 273, 282, 296, 297,
341, 342
Парсумаш 25, 68, 50, 68
Парфиена 126, 137
Парфия 137, 138, 140
Пасаргады 72, 81, 87, 88, 99
Паталипутра 130
Пекин 263, 267, 268, 269, 272, 277
Пелопоннес 54, 76, 79
Пенджаб 119, 125, 146, 147, 289, 322, 329
Пенджикент 173, 177, 178, 182, 189, 191
Пенсильвания 258
Пергам 123, 125
Персеполь 9, 65, 69, 74, 81, 87, 88, 117,
124, 146, 152, 171, 175, 196, 333, 349
Персида 126, 127, 129, 137, 152
Персидский залив 7, 25, 30, 33, 74, 80, 135,
274, 309, 311, 314, 321, 327, 332
Пешавар 149, 153, 340
Платеи 78, 85
Плодородный полумесяц 33, 36, 41
Подгорцы 38
Покровск 38
Польша 268
Пондишери 151
Понтийские горы 80
Понтийское царство 125
Португалия 286, 309, 311
Приена 38
Прованс 12
Пуатье 194
Пумбедит 168
Пятибратние курганы (Пять братьев) 64
Пятигорск 38
- Р
- Рабат-и Малик 261
Рабат-и Шараф 261
Равалпинди 147
Радкан 240, 286
Рафия 127
Рей 33, 205, 228, 237, 239, 258, 266
Рейн, река 9, 135, 141, 173
Решт 31
Рим 9, 12, 101, 127, 128, 139, 140, 141, 155,
157, 159, 172, 173, 192, 273
Римская империя 9, 33, 127, 136, 138, 139,
153, 169, 288

- Россия, Русь 22, 42, 325, 268, 284, 326, 327, 341
 Ростов-на-Дону 134
- С**
- Савве 258
 Сагала (Сиялкот) 130
 Сакавенд 48
 Саламин 78, 83
 Саланг, перевал 343
 Саман 223
 Самара 27, 38
 Самария 35
 Самарканд 9, 10, 11, 13, 28, 119, 181, 186, 191, 199, 203, 211, 223, 225, 226, 228, 230, 233, 234, 237, 238, 246, 261, 264, 265, 266, 267, 274, 284, 290, 291, 293, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 345
 Самара 205, 206, 219, 234, 236
 Самос 78
 Сангбаст 235
 Санкт-Петербург 258, 260
 Санчи 150
 Саратов 27, 38, 41
 Сарды 37, 40, 69, 83
 Сари 286
 Сар-и Мешхед 172
 Сар-и Пул 301
 Сасарам 313
 Сафа 205
 Святая земля 35, 71, 244, 279
 Себзевар 282
 Селевкидов государство 120, 123, 137
 Селевкия 125, 129, 137, 154, 169
 Семибратние курганы (Семь братьев) 64
 Семнан 282, 291
 Сен-Дени 173
 Сен-Реми 12
 Сент-Омер 173
 Сериндия 12, 22, 24, 151, 154, 170
 Сиалк 26
 Сиань 33 173, 187, 190
 Сибирь 32, 59, 92
 Сива 116
 Сивас 240
 Сидон 84, 116
- Симферополь 55
 Синд 125, 146, 326
 Синджар 282
 Синьцзян 12, 22, 29, 31, 145, 227, 242, 345
 Сираф 208
 Сирия 21, 22, 31, 34, 35, 41, 44, 47, 51, 73, 113, 115, 117, 121, 127, 128, 129, 136, 138, 139, 140, 141, 161, 195, 204, 205, 217, 220, 235, 243, 244, 249, 252, 253, 257, 259, 269, 274, 277, 281, 287, 289, 310, 311, 336
 Систан (Сейстан) 30, 31, 70, 130, 138, 146, 189, 221, 222, 256, 285
 Сиффин 197
 Сицилия 218, 246
 Скифия 51
 Смирна (Измир) 38, 284
 Советский Сдюз, СССР 335, 342, 343, 345
 Согдиана 11, 12, 21, 25, 28, 31, 33, 41, 47, 70, 74, 87, 99, 113, 118, 119, 126, 130, 143, 145, 147, 151, 158, 160, 168, 170, 175, 176, 178, 179, 180, 181, 185, 186, 188, 190, 191, 192, 199, 200, 202, 211, 214, 215, 222, 223, 225, 227, 229, 230, 241, 242, 246, 248, 264, 266, 267, 279, 283, 289, 291, 301, 305, 321
 Содружество Независимых Государств, СНГ 325, 345
 Соединенные Штаты Америки, США 335, 337, 339, 343
 Сокотра 310
 Солоха 62, 64, 65
 Спарта 54, 76, 77, 78, 83, 112, 115
 Средиземное море 33, 38, 80, 112, 115, 116, 124, 125, 126, 136, 285, 287, 311
 Стамбул, см. тж. Константинополь 260, 293, 296, 312, 314, 336
 Стахр, см. тж. Истахр 152, 163, 167, 196
 Судан 87
 Сузиана 30, 76, 83, 153
 Сузы 9, 36, 73, 81, 83, 87, 88, 89, 99, 117, 118, 119, 121, 127, 144, 168, 172, 174, 237
 Султанья 274, 279, 285, 290
 Сурхкоталь 149

- Сырдарья, река 7, 31, 70, 119, 122, 146, 147, 153, 158, 180, 199, 200, 217, 228, 229, 246, 264, 291
- Сычуань 187
- Сэврэй 188
- Т**
- Табаристан 129, 137, 220
- Таджикистан 11, 19, 22, 23, 28, 148, 182, 344, 245
- Так-и Бустан 12, 170, 172
- Такла-Макан 29, 31
- Таксила 147
- Талас, река 194, 202, 224, 226, 272
- Танаис, город 54
- Танг-и Сарвак 144
- Тарент 75
- Тарим, река 24, 29, 31, 33, 145, 175, 176, 178, 179, 182, 183, 184, 185, 186, 190, 191, 202, 226, 227, 236, 242
- Тарс 79, 115
- Тасос 53
- Тахти-Сангин (Оксиана) 182
- Ташкент 153, 179, 186, 199, 202, 223, 224, 300, 345
- Ташкурган 345
- Тебриз 23, 269, 271, 273, 274, 279, 280, 282, 285, 289, 296, 304, 306, 310, 311, 312, 315, 320, 326, 330, 332
- Тегеран 33, 221, 237, 252, 266, 296, 319, 321, 322, 325, 326, 327, 330, 332, 335, 337, 338, 339, 346, 348
- Темир-гора 62
- Терек, река 38
- Термез 83, 177, 182, 212, 266
- Термессос 114
- Тигр, река 26, 46, 117, 125, 137, 202, 204
- Тикрит 244
- Тилля-Тепе 148
- Тим 235
- Тир 116
- Тифлис 279, 320, 322
- Токмак 186
- Толедо 234, 246
- Толстая Могила 64
- Тонкин 189
- Топрак-кала 181
- Тохаристан 221
- Трансоксания 21
- Трапезунд 33, 79, 268
- Триполитания 245
- Тумшук 191, 193
- Тунис 72, 195, 217, 252
- Туран 231, 302
- Турбет-и Шейх Джам 312
- Туркестан 11, 22, 27, 29, 31, 175, 182, 191, 192, 231, 242, 299, 300, 344
- Туркмения 28, 131, 137, 248, 325, 344
- Турфан 12, 33, 145, 179, 181, 183, 184, 185, 186, 190, 191, 192
- Турфанская впадина 29
- Турция 11, 13, 22, 37, 79, 241, 248, 259, 288, 303, 304, 308, 309, 310, 325, 333, 334, 336, 337, 341, 348
- Тус 205, 212, 231, 232, 240, 257, 286
- Тянь-Шань 24, 29, 184
- У**
- Уддияна 130
- Узбекистан 14, 21, 22, 28, 148, 235, 295, 301, 302, 344, 345, 346
- Украина 14, 22, 32, 42, 54
- Ульские курганы 62, 63, 64
- Урал 27, 30, 33, 41, 133, 134, 291
- Урарту 34, 35, 37, 39, 43, 47, 49, 52
- Ургенч 14, 226, 266, 267
- Урмия, озеро 25, 37, 41, 42, 43
- Ухайдир 204
- Ф**
- Фарс 19, 23, 68, 69, 91, 137, 152, 198, 208, 216, 220, 221, 222, 230, 248, 304, 321, 325, 327
- Фаселис 114
- Фаюм 154
- Фергана 179, 181, 184, 186, 200, 202, 223, 245, 292, 301, 345
- Ферганская долина 28
- Фермопильское ущелье 78
- Фермопилы 127
- Фессалия 79
- Фивы Греческие 112, 115, 131

- Фивы Египетские 36, 84
 Финикия 84
 Фирдоус 231
 Фирузабад 143, 171, 172
 Фокея 38
 Фрада (Фарах) 118
 Фракия 75, 83, 110, 121
 Франция 7, 13, 27, 173, 260, 271, 288, 339, 342, 347
 Фригия 39, 79, 83, 121, 122
 Фулади 170
 Фундукистан 150, 170, 177
- Х**
- Хадда 149, 150, 170
 Хайберский проход 119, 131, 147, 149, 150, 228, 340
 Хайфа 331
 Халев 117, 220, 243, 244, 254, 269, 311
 Халкидон 161, 162
 Хама 117
 Хамадан 26, 44, 48, 50, 124, 196, 203, 233, 239, 260, 267, 285, 320, 332
 Ханбалык, см. тж. Пекин 268
 Хангай 226
 Харгирд 299
 Харракан 260
 Харьков 27
 Хасанлу 42
 Хатра 142, 143
 Херонея 112
 Хеттское царство 36
 Хива 234, 348
 Хивинское ханство 321
 Хиос 53, 76, 115
 Хир, кантон 153
 Хира 159, 162, 196, 199, 210
 Ходжо 190
 Хомс 117
 Хорасан 24, 33, 126, 130, 137, 158, 196, 199, 200, 201, 203, 205, 211, 214, 215, 216, 221, 226, 227, 228, 229, 230, 234, 236, 237, 239, 240, 248, 258, 264, 265, 267, 270, 285, 291, 306, 312, 321, 322
 Хорасанские горы 30
 Хорезм 14, 25, 28, 33, 58, 92, 119, 175, 179, 181, 188, 190, 226, 228, 232, 247, 250, 263, 264, 285, 305, 321
 Хорсабад 36
 Хотан 170, 176, 179, 183, 186, 189, 191, 246, 267
 Хуанхэ, река 33
 Хузистан 30, 144, 171, 198
 Хэнань 189
- Ц**
- Цинциннати 39
- Ч**
- Чагатайское ханство 268, 274, 278, 283
 Чалдыран 306, 310, 311, 318
 Чалтырь 134
 Чанъань, см. тж. Сиань 187, 188, 190
 Частые Курганы 53, 62, 65
 Черное море 27, 30, 33, 38, 51, 75, 80
 Чертомлык 61, 62, 64, 65
 Чу, река 31, 145, 180, 186, 190, 202
- Ш**
- Шами 144
 Шаньси 12
 Шахр-и Гулгула 266
 Шахр-и Зохаг 266
 Шахрисабз, см. тж. Кеш 186, 203, 284, 299
 Шаш, см. тж. Ташкент 223
 Шеваки 150
 Шейх-Табарси 330
 Шиз (Тахт-и Сулейман) 143, 163
 Шираз 9, 208, 221, 222, 253, 281, 282, 285, 291, 293, 299, 321, 322, 329, 332
 Ширван 256, 322, 326
 Шорчук 192
 Шоторак 149, 150
- Э**
- Эгейское море 33, 80
 Эдесса 153, 210
 Экбатаны 44, 69, 81, 83, 84, 99, 174
 Элам 34, 36, 47, 129, 137
 Эллипи 37
 Эльбрус 27

Эльбурс 30, 33, 198

Эрбиль 117, 278

Эретрия 76, 115

Эрзинджан 268, 304

Эрзурум 240, 279, 312, 326

Эривань 320, 326

Эфес 12, 38

Эфиопия 72, 82, 87, 161

Эчмиадзин 173

Ю

Юань (Китайское ханство) 187

Юньнань 202, 272

Я

Яксарт, река, см. тж. Сырдарья 31, 70, 75,
80, 119, 133, 147, 229, 344

Япония 173, 342

Яркенд 184

Ясы 242, 299, 300

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.	7
Глава I. Иранцы и Иран	13
Раса?	15
Психология?	16
Язык.	18
Современный иранский мир	22
Историческая экспансия	23
Земли Ирана	27
Реки и ирригация	30
Великий Хорасанский путь	32
Глава II. Генезис седьмого века до нашей эры	34
Державы VII в. до н.э.	34
Киммерийские вторжения.	38
Скифские вторжения	40
Мидийцы	43
Основание Мидийской империи.	46
Глава III. Скифы.	51
Портреты	53
Амазонки	55
Нравы и обычаи	57
Религия	59
Погребение	60
Курганы	61
Искусство степей	63
Глава IV. Ахемениды.	68

Основание империи	69
Камбис	72
Дарий Великий	73
Персидские войны	75
Последние великие цари	78
Конфедерация народов	80
Военные силы	85
Искусство Ахеменидов	86
Религия	89
Глава V. Маздеизм	90
Тексты	91
Заратуштра	91
Сотворение	95
Дуализм	96
Монотеизм и политеизм	98
Зерванизм	98
Ардвисура Анахита	99
Митра	100
Эсхатология	101
Культ	104
Распространение влияния маздеизма	107
Глава VI. Александр Великий и греческая гегемония	111
Филипп Македонский	111
Великая война	113
Поход в Малую Азию	114
Завоевание Финикии и Египта	116
Наследник Ахеменидов	117
В Восточном Иране и в Индии	118
Наследие	120
Селевкиды	123
Селевк Никатор	124
Отступление и крах	126
Греко-Бактрийское царство	129
Глава VII. Возвращение кочевников	133
Сарматы и аланы	133
Парфяне	135

Войны парфян	138
Парфянская цивилизация	141
Хунну и юэчжи	144
Саки	146
Кушаны	147
Глава VIII. Сасаниды	152
Воцарение Сасанидов	152
Манихейство	154
Появление эфталитов	157
Маздакизм	158
Хосров I и появление тюрков	159
Самоубийственная война	161
Государство и общество	162
Религии в сасанидской империи	166
Сасанидское искусство	171
Распространение влияния Сасанидов	173
Глава IX. Восточный иранский мир	174
Неизвестные земли. Недооцененные земли	175
Счастливые народы	176
Воины	177
Богатые страны	179
Вездесущие согдийцы	180
Города	181
Китайское вторжение	183
Вторая китайская оккупация	185
Иранцы в Китае	186
Экспансия мировых религий	188
Искусство оазисов	190
Глава X. Иран под арабским владычеством	194
Арабское завоевание	196
Омейяды	197
Аббасидская революция	199
Мятежный Иран	201
Аббасиды	204
Организация империи	207
Шиизм	209

Научный подъем	210
Творения литературы	213
Суфизм	214
Глава XI. Пробуждение Ирана	217
Аббасидский халифат	217
Иранские княжества. Тахириды, Саффариды, Буиды	220
Саманиды	223
Газневиды и Гуриды	227
Возврат к персидскому языку	230
Два великих ученых XI века	232
Мистика и образование	233
Высокие искусства	234
Достижения ремесла	237
Глава XII. Иран под тюркским владычеством	239
Сельджукская оккупация	239
Караханиды	242
Сирия	243
Иранское царство в Египте: Саладин и Айюбиды	244
Конец Сельджукидов	245
Хорезмшахи	247
Иран под сельджукским владычеством	248
Триумф суннизма	250
Мистика	253
Творчество в сельджукскую эпоху	256
Глава XIII. Опустошительные вторжения	263
Чингис-хан	263
Завоевание Ирана	267
Ильханы	270
Беспрецедентное этническое смешение	271
Религиозная терпимость	275
Торжество ислама	278
Иран после ильханов	282
Чагатайское ханство	283
Тамерлан	284
Глава XIV. Тимуридское Возрождение	287
В направлении нового мира	287

Наследование в роду Тимуридов	289
Туркмены, узбеки, афганцы	290
Тимуридское Возрождение	293
Литература, науки и искусства	295
Победа узбеков	300
Рождение Сефевидов	302
Глава XV. От Сефевидов до Каджаров	305
Шиизм объединяет Иран	306
Сефевиды	308
Войны XVI века	309
Шах Аббас Великий	314
Исфахан	316
Афганское восстание и Надир-шах	319
Пришествие Каджаров и рождение Афганистана	321
Глава XVI. Упадок Нового времени	324
Каджары	325
Бабизм и бахаизм	329
Конец Каджаров	331
Риза-шах Пахлави	333
Курды	336
Мухаммад Риза-шах Пахлави	337
Исламская революция	338
Афганистан	339
Великая катастрофа Афганистана	343
Таджикистан	344
На прощание	346
Хронология	350
Библиография	358
Журналы	358
Греко-римские, еврейские, армянские, сирийские, западноевропейские источники	359
Общие работы	359
Доисламский Иран	362
Иранские источники	362
Исследования	363

Исламский Иран	372
Рассказы о путешествиях	372
Переводы некоторых персидских текстов	372
Переводы некоторых иранских текстов	376
Исследования	378
Глоссарий	385
Именной указатель	391
Географический указатель	413

Жан-Поль Ру

**ИСТОРИЯ ИРАНА И ИРАНЦЕВ
ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ**

Научное издание

Директор издательства: *Чубарь В. В.*

Главный редактор: *Трофимов В. Ю.*

Верстка: *Гуляев В. В.*

Подготовка указателей: *Чебыкина М. В.*

Подписано в печать 11.10.2014. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 27. Гарнитура «Antiqua». Бумага офсетная №1.
Тираж 3000 экз. (2-ой завод 1001–1500.)
Заказ № 6131.

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,
тел. (812) 602-08-24, <http://www.eurasiabooks.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
т/ф. 8(496)726-54-10.

Наука об Иране не заняла место, какое бы ей полагалось, и иранский мир мы знаем поверхностно. Как будто на него накинута большая покрывало, сквозь которое просвечивают лишь отдельные огни: Сузы, Персеполь, Самарканд, Герат, Исфахан, Шираз, миниатюры, стихи... Все эти светочи должны были бы сверкать, им бы полагалось быть такими же яркими, как несравненная синева иранского неба, как обширные пустыни Ирана из золотого песка, как его обнаженные горы, как его теология света, как своды его храмов, облицованные лазурными изразцами, как его исфаханские розы, как его поэты с их «неподражаемой простотой». Для нас он расплывается в разнородном скоплении исламских стран, хоть и там проявляет сильную индивидуальность.

Вместе с тем, история Ирана тесно связана со всемирной историей. Знать ее необходимо любому историку, любому образованному человеку. Как можно читать и понимать Библию, не зная о Вавилонском пленении и об освободительном указе Кира, «помазанника Яхве», по словам Второ-Исайи? Как можно изучать историю Греции, игнорируя персидские войны; или Геродота, рожденного иранским подданным; или Александра и его завоевание мира? Кого оставит равнодушным приход магов, иранских царей-жрецов, к колыбели Христа? Кто посмел бы забыть, сколь фундаментальное значение для Римской империи имела долгая борьба с парфянами и Сасанидами? Как бы мы воспринимали индийцев, если бы не знали, что индийский ислам, как минимум отчасти, возник под влиянием иранского? А разве куртуазная любовь нашего прекрасного средневековья зародилась не в стране катаров, до которой докатились отзвуки того, что происходило в долинах Месопотамии? Подобные вопросы можно множить до бесконечности.

ISBN 978-5-91852-106-9

9 785918 521069